



Англо-американская
Фантастика

4

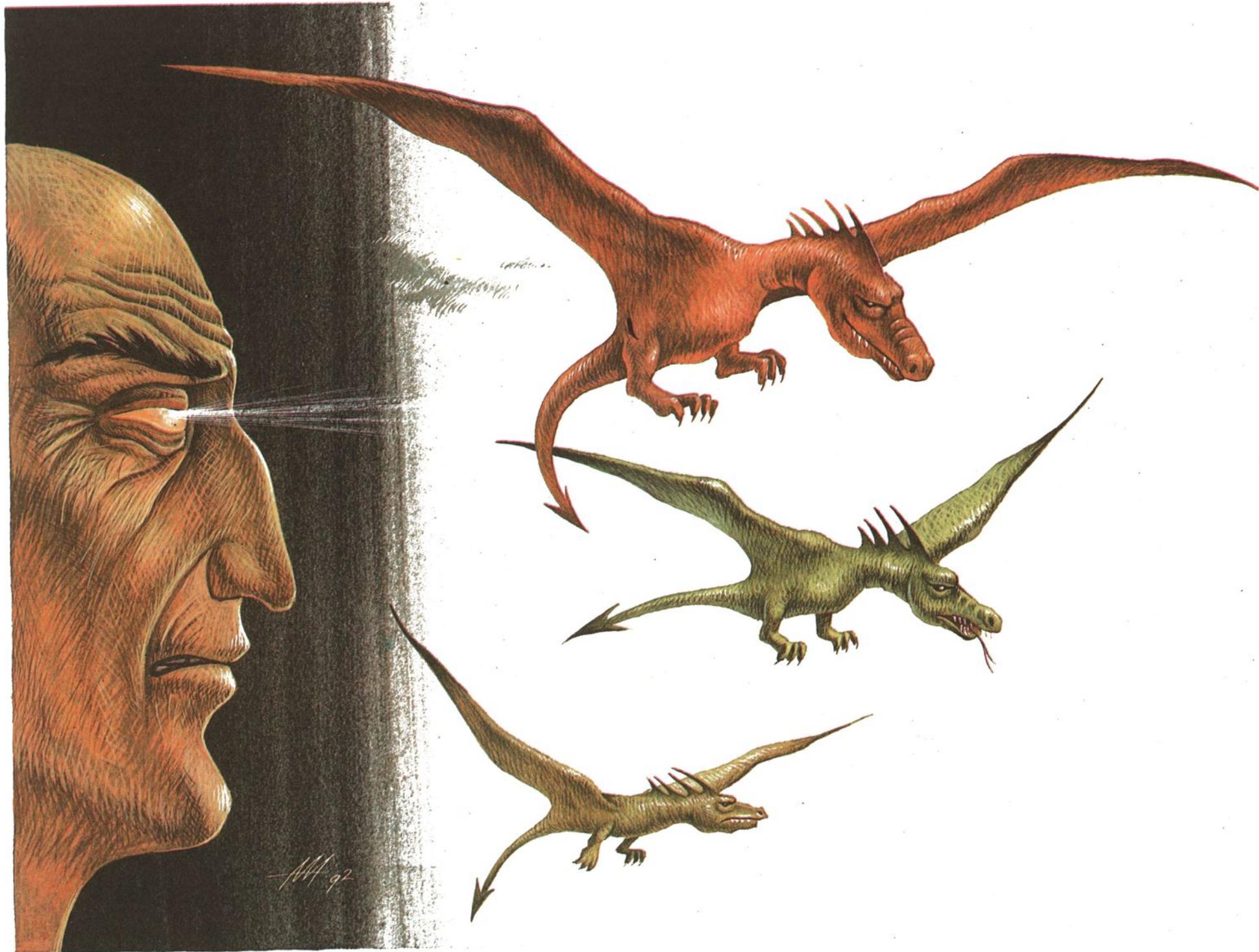
Англо-американская
Фантастика



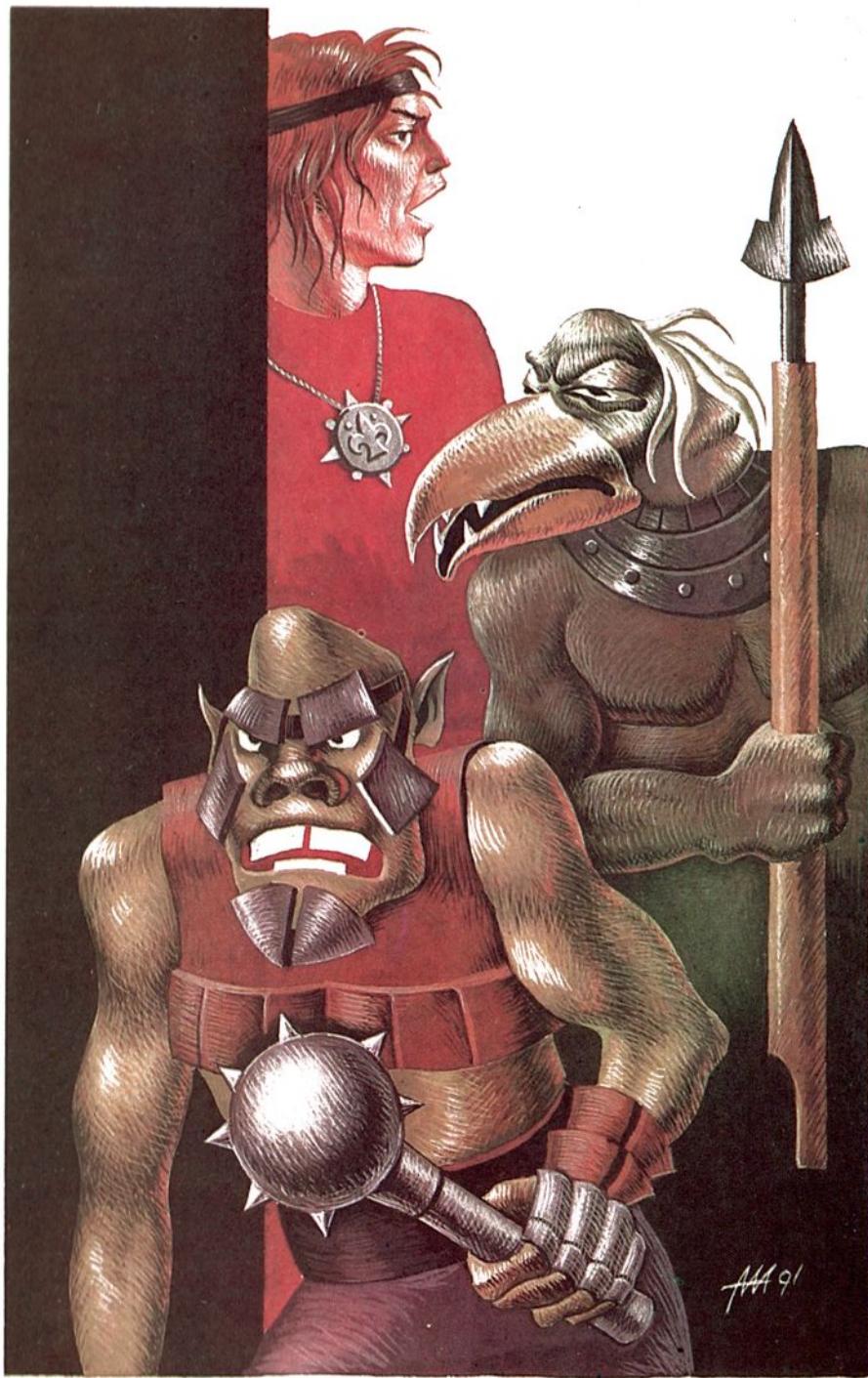


АНГЛО-
АМЕРИКАНСКАЯ
ТАСТИКА









AA 91

**Англо –
Американская
Фантастика**
том 4



«ЗМЕЙ ГОРЫНЫЧ»

МОСКВА

1993

**ББК 84.7 США
А 72**

Все права на перевод и оформление принадлежат
фирме «Змей Горыныч».

Перепечатка разрешена только с письменного
разрешения фирмы «Змей Горыныч».

**Англо-американская фантастика. Том 4.
Пер. с англ. М.: «Змей Горыныч», 1992.—494 с.
ISBN 5-85912-022-2**

А — 4703040100—022
М796(03)—92 Без объявл.

ББК 84.7 США

ISBN 5-85912-022-2

© «Змей Горыныч», 1992

ЭДМОН
ГАМИЛЬТОН

ВОЗРОЖДЕНИЕ
НА ЗЕМЛЮ



АИ 91

Перевод с англ. *Олега Артамонова*

Литературная обработка *Татьяны Карасевой*

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ЗВЕЗДНЫЕ КОРОЛЕВСТВА

Глава I

Медсестра-секретарь открыла ему дверь.

— Можете войти, мистер Гордон...

— Спасибо.

Когда дверь закрылась за ним, человек, сидящий за столом, встал и направился к нему, приветливо улыбаясь. Он был высокий, моложавый, и от него веяло доброжелательностью.

— Мистер Гордон? Я — доктор Кеог.

Гордон пожал ему руку и сел в свободное кресло, а доктор Кеог вернулся на свое место за столом. Гордон, чувствуя себя неловко, избегал его взгляда.

— Вы в первый раз консультируетесь у психоаналитика? — поинтересовался Кеог.

— Прежде в этом не было нужды.

— Рано или поздно почти у всех возникают проблемы, — мягко сказал Кеог. — И не стоит стесняться этого. Главное — отдавать себе отчет в том, что проблема налицо. Тогда и только тогда можно попытаться как-то справиться с ней. — Он улыбнулся. — Вот видите, вы уже сделали очень важный шаг. Остальное по сравнению с этим — не так сложно. Посмотрим...

Он заглянул в карту Гордона.

— Так... Вы работаете в страховании.

— Да.

— Положение, которого вы достигли, доказывает, что ваше усердие замечено и оценено.

— Я много работал последние годы, — голос Гордона почему-то дрогнул.

— Вы любите свою работу?

— Не так чтобы очень.

Кеог помолчал, просматривая карту.

Гордон боролся с неодолимым желанием удрать, но знал, что потом все равно вынужден будет вернуться. Так больше не могло продолжаться: нужно все выяснить раз и навсегда.

— Я вижу, вы не женаты? — Кеог оторвал взгляд от карты.

— Это одна из причин, по которой я пришел к вам. Была одна девушка... — Он умолк на полуфразе, потом заговорил с суровой решительностью: — Я хотел бы знать, не страдаю ли я галлюцинациями.

— Галлюцинациями? Какого рода?

— Да нет, — Гордон словно спорил сам с собой, — в те блаженные, безумные минуты для меня это никакие не галлюцинации, а сама реальность, нечто даже более истинное, сущее, чем все остальное, заполняющее мою жизнь... вернее, мое убогое существование, серые, постылые будни. Но вот сейчас... я вновь охвачен сомнениями и не могу разобрать: где явь, где сны... Грань между ними стирается, и я... — Он в каком-то удивлении огляделся вокруг. — Вот здесь, на Земле, в вашем кабинете, и только это и является настоящим, невыдуманным, не примерещившимся. А все другое — химеры, миражи, зыбкая дымка сновидений... да-да, конечно же, галлюцинации!.. — Его взгляд, устремленный на доктора Кеога, таил мучительное недоумение, напряженность и боль. — Но буду с вами до конца откровенен. Мне бы не хотелось расставаться с этими видениями... ну, пусть галлюцинациями. Они мне дороже реальности, той обыденности, которая меня теперь окружает. Я сказал: «теперь»? Простите — оговорился. А может быть... О, нет, этого не может быть! Хотя... О, мой бог! Я...

Гордон встал и сделал несколько шагов по комнате. Понурый, сгорбленный, но со сжатыми кулаками, он походил на человека, который вот-вот бросится с вершины скалы... И Кеог знал, что это не притянутая аналогия. Так все и было.

— Мне казалось, что я был на звездах. Не сейчас, а в будущем, через двести тысяч лет... Я должен вам все сейчас рассказать, а потом надевайте на меня смирительную рубашку. Я действительно верил, что смог преодолеть время, оказавшись в теле другого человека, сохранив свое собственное «я», разум, натуру и привычки Джона Гордона, человека двадцатого века... В течение некоторого времени я пребывал в облике Зарт Арна, принца Средне-Галактической Империи. Я посетил звезды...

Его голос затух. Он стоял теперь у окна и глядел на дождь и небо, нависшее мрачной громадой, будто испачканное копотью.

— Я слышал трепетные и родниково-чистые звуки рассветной музыки Хрустальных гор, разливавшейся мелодичным перезвоном над Трооном. Я сидел за банкетными столами с Королями Звезд в Звездном Зале. И, наконец, я командовал флотом Империи, сражавшимся с Лигой Темных Миров. Я видел звездные корабли, бесследно исчезающие на окраинах Скоплений Геркулеса...

Гордон даже не поинтересовался, как Кеог реагирует на его слова. Начав говорить, он хотел высказаться до конца. Его голос был полон уверенности, гордости и грусти.

— Я уничтожил Туманность Ориона, пересек Пылевые Туманности, где плененные Солнца едва просвечивали сквозь дымное марево. Я убивал людей, доктор, и в последней битве я... — Он покачал головой и внезапно отпрянул от окна, обратив лицо к Кеогу. — Впрочем, детали несущественны. Но вся Вселенная, новый язык, люди, одежда, здания — во всех подробностях... Смог бы я вообразить все это?

Снова он посмотрел на Кеога, и в его взгляде читалось отчаяние.

— Вы были счастливы среди звезд? — участливо спросил врач.

Лицо Гордона, честное и открытое, пересекли морщины, вырвавшие всю глубину душевных мук.

— В общем — да. Но я все время боялся... События, их ход... — Он сделал отчаянный жест. — Я играл чужую роль и был постоянно в опасности. Но... мне кажется, я был счастлив.

Кеог понимающе кивнул:

— Вы упомянули об одной девушке...

— Ее звали Лианна. Она была принцессой королевства Фомальгаут, невестой Зарт Арна... Так требовалось из политических соображений. Понимаете? Что-то вроде фиктивной помолвки. Впрочем, Зарт Арн имел морганатическую жену Мерн, милую, маленькую женщину. Но я, Гордон, в облике Зарт Арна, влюбился в Лианну.

— Она вас тоже любила?

— Может быть. Но меня или Зарт Арна? Трудно сказать. Концом всего, всех моих надежд стал час, когда я вынужден был ее покинуть, чтобы вернуться сюда, в этот мир, в наше время, и потерял всякую надежду вновь ее увидеть. Правда, однажды ночью мне приснилось, что она говорит со мной телепатически сквозь время. Она мне сказала, будто Зарт Арн нашел способ перенести меня туда, к ним.

Он снова замолчал, нерешительно взглянув на Кеога:

— Не подумайте, что я совсем спятил. Однако только надежда вернуться туда когда-нибудь помогает мне терпеть мое невыносимо-монотонное существование. И я жду, но пока ничего не произошло. Время идет, и я уже не знаю, было ли это на самом деле.

Он снова сел в кресло, чувствуя себя усталым и опустошенным.

— Я никогда и никому не рассказывал об этом. Но я не могу продолжать жить между двух миров и двух эпох. Если этот мир будущего был галлюцинацией, а этот является реальностью, тогда необходимо, чтобы вы меня в этом убедили.

Теперь уже Кеог встал из-за стола и начал вышагивать по комнате. Он повернулся один или два раза, чтобы посмотреть на Гордона, как будто прикидывая, с чего начать. Потом, решившись, ободряюще произнес:

— Хорошо, хорошо. Посмотрим, за что мы сможем зацепиться. — Он взглянул на записи, которые делал с самого начала беседы с Гордоном: — Итак, вы говорите, что ваш разум пересек время, вселившись в тело другого человека?

— Именно так. Зарт Арн был не только принцем, но также и ученым. Он — автор этого метода, и обмен был осуществлен в его лаборатории.

— Хорошо. А что стало с вашим собственным телом в отсутствие вашего разума?

Гордон поднял на него глаза:

— Я же рассказал вам об обмене. Это и было целью всей операции. Зарт Арн хотел исследовать прошлое, что он уже проделывал и раньше. Только в моем случае появились осложнения.

— Этот... Зарт Арн был, таким образом, в вашем теле?

— Да.

— Он выполнял вашу работу в вашей должности, в вашем учреждении?..

— Нет, не совсем так. Когда я вернулся со Звезд и явился на службу, мой патрон сказал, что рад видеть меня выздоровевшим. Без сомнения, Зарт Арн избегал появления на работе, чтобы не совершить какой-нибудь промах и симулировал амнезию. У меня же не было возможности отлынивать от своих обязанностей, пре-небрегать своим долгом. Если бы я забыл об ответственности, которую взял на себя, перевоплотившись в принца Зарт Арна, то чувствовал бы себя предателем. Ведь речь шла о судьбе могущественной звездной Империи, а не о каких-то жалких страховых операциях и полисах.

— Ну, что я могу сказать, мистер Гордон. Ваши рассуждения логичны. Итак, не существует никакого реального доказательства, физического, так сказать, что этот обмен был осуществлен на самом деле?

— Нет, — сказал Гордон. — Никакого. И как можно это доказать? И странно, что вы находите логику в моем бреде...

Доктор Кеог снисходительно улыбнулся:

— Какой же это бред? Не отчаивайтесь, мистер Гордон, я надеюсь, что мне удастся подобрать нужный ключик к вашему подсознанию и раскрыть его тайны. Конечно, предстоит тщательно проанализировать и переосмыслить все сказанное вами. У вас чудесный дар, мистер Гордон. Мало людей наделено подобным воображением. Оно уникально. Вы ни разу не впали в противоречие. — Он продолжил более серьезно: — Я понимаю, что вам понадобилась немалая решимость, чтобы прийти ко мне. Я думаю, мы поладим, мистер Гордон, так как я чувствую, что подсознательно вы отдаете себе отчет в том, что все эти видения Звездных королевств, Туманностей и прекрасных принцесс являются лишь фантомами, болезненными попытками вашего разума уйти от повседневной рутины этой действительности, постылой и монотонной, как вы правильно сказали. Предупреждаю, могут быть тягостные для вас моменты, но я вас заверяю, что беспокоиться не о чем. То, что у вас не было видений такого рода уже давно, — прекрасный симптом. Если это возможно, я хотел бы вас видеть у себя... ну, два раза в неделю...

— Нет проблем.

— Прекрасно. Мисс Финлей запишет дни посещений. А вот номер моего личного телефона. — Он протянул Гордону свою

визитную карточку. — Если это когда-нибудь повторится, звоните мне тотчас же, в любое время!

Он горячо пожал руку Гордону.

Несколько минут спустя Джон уже оказался на улице под мелким и частым дождем. Он был полон отчаяния. Утешало только то, что Кеог поверил ему и разговор с ним вселял надежду: общими усилиями им удастся расставить все точки над «и». Это было совершенно необходимо для Гордона, как целительная операция, только... без анестезии.

После ухода Гордона Кеог, пока все было свежо в памяти, продиктовал на магнитофон все, о чем ему поведал пациент. Этот случай казался ему уникальным и достойным специального исследования.

Два раза в неделю Гордон приходил к доктору Кеогу, отвечал на его вопросы, описывал в деталях свои видения и под умелым, чутким руководством врача начал относиться к ним более трезво. Мало-помалу он и сам начал разбираться в побудительных причинах и тайных пружинах, которые управляли его сознанием. Скучная работа, в которой он не мог сполна себя выразить, а также подспудная мечта о славе и могуществе и неприятие этого холодного и жестокого мира каким-то хитроумным способом обкрадывами, унижали Гордона, и тому хотелось покарать своего палача, подавлявшую его обыденность. И недаром Кеога так удивлял, если не сказать — поражал самозабвенный рассказ Гордона о Разрушителе пространства, оружии непостижимой мощности, которым воспользовался Гордон в Великой битве против Лиги Темных Миров.

— Вы аннигилировали часть пространства? — Кеог покачал головой. — Широко же вы замахнулись! В космических, так сказать, масштабах. К счастью, вы самоутверждаетесь с таким размахом всего лишь в ваших видениях.

Постоянное присутствие Лианны в видениях объяснить было легче всего. Она являлась воплощением недостижимой мечты, и, вообразив ее и их отношения, он таким образом как бы освобождался от необходимости добиваться любви девушек, которые были рядом. Кеог предположил, что Джон скорее всего боится женщин. Гордон же считал, что они его просто утомляют, но так как доктор Кеог хотел проникнуть в его подсознание глубже, он принял это предположение, не прекословя.

В общем доктор Кеог убежденно считал, что рассказы пациента — всего лишь плод болезненно-воспаленного воображения. Гордон и сам склонен был с ним согласиться под его же нажимом и влиянием. Но в минуты каких-то вспышек сознания он вдруг обостренно понимал, безотчетно чувствовал, а то и не сомневался, что рассказывает врачу о том, что было — было! — в действительности:

так при блеске молний все вокруг мгновенно высвечивается и приобретает особую резкую отчетливость.

Ведь то, что уже стало казаться ему волшебным, пьяняще сказочным сном, не зловещим, но пугающим полной неправдоподобностью и невероятностью, все чаще властно вторгалось в его земные, будничные сны, как самая непререкаемая реальность. И в сонме знакомых голосов он явственно различал незабвенный, неповторимый голос принцессы Лианны, так неожиданно покинувшей его.

Да, Лианны с ним давно уже не было. Ее срочно вернули на Фомальгаут, осуществив это уже испытанным путем обмена тел, поскольку ее кузен Нарат Тейн стал претендовать на престол Фомальгаута; зрели смуты и заговоры.

Но все это открылось Гордону позднее. А долгое время он не знал, что и думать...

Внезапное исчезновение Лианны ошеломило его. Он расценил это как малодушное бегство, измену, забыв о том, что сам недавно предпочел вернуться на Землю прошлого, решившись на вечную разлуку с возлюбленной. Так или иначе, но он старался вычеркнуть, стереть, изгнать из памяти и сознания легкомысленную и неверную обольстительницу с Фомальгаута. И ему это удалось. Он вернулся в обычную жизненную колею, предался служебным обязанностям — уже на новой ступеньке карьеры, окунулся в презренную повседневность, такую тягостную и низменную после всего, что он пережил в другом времени и в других мирах...

Однако размеренное течение жизни снова круто переменилось, взбурлив новыми фантасмагориями. Лианна, чей голос опять зазвучал в его снах, звала его к себе, убеждала, что это возможно, и она уже обо всем договорилась с Зарт Арном, который совершил еще одно великое открытие и способен перенести землянина двадцатого века в Империю далекого будущего, перенести целиком, с его сознанием, его «я» и его физическим обликом.

Картины, рисовавшиеся Гордону, поражали своей ослепительностью и фантастичностью. Такого не могло быть! И все-таки это было — с ним и при его участии.

Вот тогда-то он, совершенно запутавшийся и изрядно перетрусивший, после изматывающих раздумий и колебаний, не видя иного выхода, заставил себя обратиться к известному врачу-психоаналитику Кеогу, которого рекомендовал ему как блестящего специалиста один из солидных клиентов компании.

По мере общения с доктором и успешного, как тому казалось, лечения и по прошествии определенного времени аномальные, так тревожившие Гордона видения стали терять свою яркость, рельефность, убедительность и остроту. И, наконец, рассеялись, как прозрачно-легкий туман, оставив после себя, словно отсиявший

фейерверк, размытый дым смутных воспоминаний и неясных, загадочных ощущений. Гордон все острее осознавал: заведомо нереальное просто не могло быть реальным, и его жизнь, войдя в привычную колею, сделалась спокойной и обыденной, такой же, как у всех окружающих. Он больше ничем не отличался от них и не выделялся в общей массе — разве что своими профессио-нальными способностями.

Кеог все более воодушевлялся. Ему пришелся по душе Гордон, который был редким образцом в смысле желания и готовности сотрудничать. Доктор собрал блестящий, выигрышный материал, рассчитывая воспользоваться им в статьях и на конференциях, и ожидал сенсации...

Наконец одним прекрасным майским днем, когда солнце ласково сияло среди небольших облаков, Кеог сказал Гордону:

— Вы добились значительных успехов, и я с вами очень доволен. Попробуйте полетать теперь на собственных крыльях, без моей регулярной поддержки. Приходите ко мне через две недели.

В тот же вечер Гордон закатил себе королевский обед, потом пошел на спектакль в самом счастливом расположении духа. Возвращаясь к себе, он избегал смотреть на бесчисленные звезды, рассыпанные в ночном небе.

Он лег спать.

Ночью, в два часа сорок три минуты, у доктора Кеога зазвонил телефон. Он снял трубку. То, что он услышал, заставило его вмиг проснуться.

— Гордон! Что случилось?

В голосе Гордона слышался страх:

— Это снова началось! Зарт Арн! Он только что говорил со мной. Он сказал... Все готово, чтобы перенести меня туда! Лианна ждет меня... Доктор... Доктор!..

— Гордон! — закричал Кеог. — Подождите! Только без паники! Я сейчас буду!

Он примчался к Гордону через пятнадцать минут. Дверь квартиры была заперта, пришлось разбудить привратника, который и открыл ему. В квартире все было в полном порядке, но Гордон отсутствовал. Телефонная трубка лежала на столе, как будто ее бросили посреди разговора совсем недавно. Кеог автоматически опустил ее на рычаг.

Минуту он постоял, погруженный в свои мысли. Да, то, что произошло, не оставляло никакого места сомнениям. Гордон не смог перенести утраты своих блистательных видений, своей мечты, волшебного мира, созданного взбудораженной, болезненно необузданной фантазией. И он бежал от врача, бежал от тягостной реальности. Он вернется, конечно, но все придется начинать сначала.

Кеог вздохнул, покачал головой и вышел.

Глава II

Хотя сознание Гордона прояснилось, он никак не мог взять в толк, что с ним, и побывал ли он в крутом переплете или долго-долго спал сном младенца?.. Беспорядочные обрывки воспоминаний все не могли слиться в единое целое, мысли путались, и он лишь смутно догадывался, что с ним приключилось что-то необычное, из ряда вон выходящее...

Все же из глубин сознания выплыло что-то неотчетливое, бессвязное: он истошно кричал, поддавшись страху и панике... Кричал — и спрашивал себя: почему же Кеог не приходит ему на помощь? Потом откуда-то издалека до него донеслись голоса, чужие и чем-то знакомые... Холодная, как родниковая вода, жидкость скользнула по горлу и опалила желудок ледяным пламенем. Он открыл глаза. Из ослепительной, как снег, белизны выступили стены, окна, мебель. Какие-то светлые пятна маячили перед ним.

Лица.

Два лица. Одно — мужское, напряженное и озабоченное. Другое — вроде бы его собственное. Только Гордон был шатеном с квадратным подбородком и голубыми глазами, а этот — горбоносым, с темными глазами, так что как бы и не похож на него. И однако...

— Гордон! Гордон! — звал его кто-то.

Появилась рука с полным стаканом. Гордон автоматически осушил его. И снова внутри — ледяное пламя приятного на вкус и, видимо, тонизирующего напитка. Туман в сознании постепенно рассеялся. Джон смотрел на хмурое, обеспокоенное лицо, смуглое, с резкими чертами, темными серьезными глазами... У него помимо воли вырвалось: «Зарт Арн!» Могучие руки сжали его плечи.

— Слава богу! Я начал уже опасаться... Нет, не пытайся встать. Не двигайся. Ты долго был в состоянии шока... впрочем, в этом нет ничего удивительного: ведь все атомы твоего тела и мозга должны были пронзить толщу времени. Но все позади. Наконец-то успех, полный и несомненный, после стольких лет работы! — Зарт Арн дружески улыбнулся: — Ты думал, что я о тебе забыл?

— Мне казалось... — начал Гордон. — Кеог! — позвал он, закрывая глаза, — Кеог, помогите мне! Я вновь схожу с ума, опять эти видения... Да нет, чистейшая реальность, в которую я верил всегда и вопреки всему! Реальность...

Он с трудом приподнялся на локтях. Затем беглым взглядом окинул лабораторию, в которой находился и которую сразу узнал: она не изменилась, хотя появилась новая аппаратура неимоверной сложности. В центре помещения виднелся предмет, напоминающий стеклянный саркофаг, подвешенный вертикально между двумя энергетическими решетками, которые Гордону ничего не напоминали — во всяком случае ничего из виденного им и известного ему. Толстые

кабели змеились по полу, присоединенные, вероятно, к источнику энергии где-нибудь снаружи.

Он находился в большой восьмиугольной комнате с высокими окнами, через которые врывался поток солнечного света, нестерпимо яркого, как в горных высотах. Сквозь них Гордон увидел величественные вершины Гималаев. Стало быть, он на старушке Земле. Обнаженным телом он чувствовал прочность и мягкость обивки специального стола, на котором полулежал, и свежесть сквозняка, овеивающего его спину. Джон протянул руку и схватил ладонь Зарт Арна, горячую и твердую.

— Где Лианна? — был его первый вопрос.

— Она ждет. — Зарт Арн указал жестом на смежную комнату. — Она хотела остаться в лаборатории, но мы решили, что лучше ей подождать там, пока ты окончательно не очнешься.

У Гордона заколотилось сердце. Реальность или видение, ясность мысли или безумие, какая в конце концов разница? Он жив, и Лианна ждет его. Гордон рывком встал и весело рассмеялся, увидев, как оба ученых бросились к нему, чтобы поддержать.

— Как долго мне пришлось ждать! — пожаловался он Зарт Арну. — Порой меня охватывало смятение и чувство безнадежности; в мыслях царил хаос, я не знал, чему верить: своему мозгу, сердцу или доводам убогой допотопной логики, которыми меня щедро пичкали. Я дошел до того, что принимал реальное за химеры, видения, сны... Но теперь все в порядке. Я не бьюсь над решением пустых, докучных вопросов, а воспринимаю жизнь такой, какая она есть. Как насчет еще одного стакана этого адова огня, да и одежды, а?

Зарт Арн посмотрел на коллегу:

— Что вы думаете насчет этого, Лекс Вэл?.. Гордон, познакомься с сыном Вель Квена. После гибели отца он занял его место в науке. Без него я никогда бы не смог справиться с труднейшими проблемами, которые едва не доконали нас всех и не свели с ума, когда я возвратился в Империю.

— Без ложной скромности, нам пришлось поднапрячься, — заметил Лекс Вэл. Он горячо пожал руку Гордона. — А ответ на вашу просьбу: нет! Отдохните еще немного, потом поговорим.

Гордон вновь прилег, вздохнув с сожалением. Зарт Арн сказал ему:

— Ты скоро увидишь, какую встречу подготовил тебе Троон. Мой брат Джал — один из немногих свидетелей тех исторических событий, и он помнит все, что ты сделал для меня, нет, для Империи. Мы никогда не сможем в должной степени отблагодарить тебя, но не думай, что мы беспамятны.

И Гордону припомнился день, когда Джал Арн, только что принявший всю полноту власти после гибели отца, сам едва избежал покушения на его жизнь, вынудив Гордона нести на слабых плечах тяжкую ношу защиты Империи. Благодаря

сумасшедшей и неожиданной удаче Гордон успешно выпутался из этой драматической ситуации.

Улыбка тронула его губы.

— Спасибо, — сказал он и вновь погрузился в сон.

Когда Гордон проснулся, свет был менее ярок, и тени удлинились. Он чувствовал себя свежим и отдохнувшим. Зарт Арна не было, но Лекс Вэл быстро осмотрел его и указал на одежду, висевшую на спинке кресла. Гордон встал и оделся. Ноги все еще дрожали, но сил заметно прибавилось. Он надел костюм из знакомой шелковистой ткани: безрукавку, брюки бронзового отлива и накидку из шелка. Взглянул на себя в зеркало, чтобы поправить накидку. В этом наряде, вполне естественным для Зарт Арна, Гордон выглядел непривычно, нелепо, как будто собрался на костюмированный бал.

И тут с мощью грома обрушилась на него пугающая мысль: ведь Лианна влюбилась в него, когда он был в обличье Зарт Арна, отправившегося в прошлое, и только потом она узнала, что ее любимый — человек, прибывший из двадцатого века. Она видела Гордона и тогда, когда он стал самим собой, но так недолго... Сумеет ли она сохранить любовь к нему такому, как он есть? Или сочтет его слишком обыденным, ординарным, недостойным ее совершенной красоты?..

Гордон повернулся к Лекс Вэлу:

— Мне кажется, я нуждаюсь еще в одном стакане этого стимулятора.

Лекс Вэл, зорко, оценивающе глянув на него, принес то, что он недавно тщетно просил. Гордон допивал бокал, когда вошел Зарт Арн и направился к ним.

— Что произошло?

— Я не знаю, — замялся Лекс Вэл. — Все, кажется, шло хорошо, и вдруг... Он словно увял.

Зарт Арн дружески улыбнулся:

— Я догадываюсь. Дело в Лианне, не так ли?

Гордон утвердительно кивнул:

— Пойми... Она принцесса, а кто я такой?

Зарт Арн плутовато подмигнул:

— Но вы ведь старые знакомые, а?

— Так-то оно так. Но она воспринимала меня как принца.

— И в Нью-Йорке?

— Ну, как Гордона она знает меня слишком мало, чтобы считать добрым знакомым.

— Что правда, то правда, — согласился Зарт Арн. — Пробыла она с тобой недолго, нам пришлось забрать ее. — Он вздохнул. — Государственные дела... О небо! И что только не господствует над человеком: долг, совесть, ответственность, честь, положение, сан...

Лишь сам он себе не хозяин. Ты ведь знаешь, чего стоило мне отстоять свое призвание ученого.

Он положил руку на плечо Гордона.

— Может, сей понадобится некоторое время, чтобы, так сказать, притереться к тебе, как к Гордону, но будь терпелив и не сомневайся в ее чувствах. Уже вернувшись к нам, она очень долго оставалась вдали от Фомальгаута. И хотя часто, очень часто требовалось ее вмешательство в дела королевства, она предпочитала томиться здесь в ожидании дня, когда мы наконец-то сделаем попытку перенести тебя в наше время. — Он неодобрительно покачал головой: — Она буквально игнорировала панические послания с Фомальгаута. И уж вовсе не слушала меня. Теперь, когда ты здесь, я надеюсь, тебе удастся повлиять на нее. Скажи ей, Гордон, что она должна вернуться на Фомальгаут, и как можно быстрее.

— Дела так плохи?

— Всегда худо, когда правитель отсутствует вместо того, чтобы исполнять свои высокие обязанности. Я не знаю, насколько плохо все обстоит, она ничего не пожелала мне объяснить. Но послания с Фомальгаута сначала поступали с грифом «срочно», а теперь уже — «сверхсрочно». Ты поговоришь с ней об этом?

— Конечно, — пообещал Гордон.

В глубине души он был счастлив: эти новые заботы помогут забыть на некоторое время о том, что мучило его самого.

— Прекрасно, — сказал Зарт Арн, взяв его под руку. — Смелей, мой друг, и не забывай, что она уже встречалась с Гордоном и не питает напрасных иллюзий...

— Спасибо, Зарт, — благодарно улыбнулся Гордон. — Большое спасибо.

Зарт Арн проводил его до дверей. Страхи Гордона развеялись.

Она ждала в соседней комнате, маленькой, выходящей на запад. Заснеженные пики гор в лучах солнца, казалось, были облиты жидким золотом, а ущелья погружены в пурпурную тень. Зарт Арн не пошел дальше двери, оставив их одних. Долгое время в комнате было тихо. Лианна стояла у окна и, когда повернулась, чтобы взглянуть на него, Гордона словно пригвоздили к месту. Он был слишком взволнован, чтобы двигаться или говорить, и не мог оторвать глаз от Лианны, по-прежнему неотразимо прекрасной, изящной, с золотистыми, с легким пепельным оттенком волосами и серыми глазами.

Гордон все исводил с нее восхищенного, ликующего взора.

— Лианна! Боже мой, это вы!..

Она нерешительно приблизилась к нему и тронула рукой его плечо — ласково, робко и осторожно, словно опасаясь, что он рассыплется от ее прикосновения.

— Джон Гордон?!. — В ее голосе звучали и утверждение, и вопрос, и какая-то неуверенность. Но в следующую же минуту она устремила на Гордона испытующий, прямой взгляд: — Мы ведь не должны ничего таить друг от друга, верно?..

— Вы хотите поделиться со мной чем-то сокровенным?

— Не совсем так. — Она прошлась перед ним взад-вперед своей грациозной поступью. — Просто я считаю долгом совести сказать вам со всей откровенностью, что я слишком привыкла к вам в облике Зарт Арна и не успела привыкнуть к тому Джону Гордону, с которым встречалась на Земле, в Нью-Йорке. Вы для меня словно бы двоитесь. — Заметив, как он помрачнел, она сделала рукой жест, призывающий к вниманию и терпению. — Не обижайтесь, выслушайте меня до конца. Когда вы были Зарт Арном, меня привлекла вовсе не ваша, то есть Зарт Арна, внешность. Я ценила проявленные вами ум, проницательность и сообразительность, отвагу, решительность и самоотверженность. А все это вместе было Джоном Гордоном!.. О, я далека от мысли хоть как-то умалить заслуги и достоинства истинного Зарт Арна, он по-своему замечательный человек, и я глубоко его уважаю, но мое сердце принадлежит не ему.

Она метнула на Гордона быстрый, выразительный взгляд, а он наморщил лоб, обдумывая ее слова.

— Ладно. Откровенность за откровенность. Я-то вообще просто не мог привыкнуть к Рут Аллен, потому что вместо нее, или как бы сквозь нее, видел все время вас, и только вас. И безгранична моя любовь именно к вам — к принцессе Лианне, к самой прекрасной из всех девушек всех Звездных Миров!

Лианна ничего не сказала, но на Гордона смотрели ее любящие глаза. Наконец она произнесла беспечно и вместе с тем многозначительно:

— А так ли уж важно, как выглядит человек? Предположим, я полюбила красавца, а он попал в беду: движимый благородным порывом, бросился в огонь и обжег лицо. Что же, я после этого перестану его любить, как бы ни был он изуродован?

Гордон добродушно усмехнулся:

— Спасибо за комплимент. Неужели ж я так уродлив в ваших глазах?

— Что вы! — как-то растерянно воскликнула Лианна. — Совсем наоборот! Вы внешне более чем привлекательны, я это сразу отметила, как только появилась в вашей нью-йоркской квартире и впервые вас увидела... А теперь я узнала и еще одну вашу добродетель: верность и преданность. Хотя... Скажите честно, вы согласились на рискованный эксперимент, предложенный вам мною и Зарт Арном, ради меня или ради новых захватывающих приключений?

— Ради вас я готов и на большее! — вырвалось у Гордона. — На все готов, на любые жертвы, клянусь жизнью! И как же я счастлив, что вижу вас, говорю с вами.

— Ну, что же, Джон, будем знакомы.

Она протянула Гордону изящную руку, и он бережно и нежно пожал ее:

— Будем знакомы, Лианна!

— Джон Гордон!.. Как странно это звучит!

— А для меня нет ничего роднее имени: Лианна!

Легкий церемонный поклон призван был скрыть ее чуть лукавую улыбку:

— Вы, наверно, еще не знаете, мой друг, что маленькая Мерн теперь официально считается невестой Зарт Арна. Такие высокие особы имеют право на небольшие прихоти. Или скажем так: надобность в дипломатическом браке отпала. И я отныне свободна, как птица! — Она с вызовом взглянула на Гордона. — Хотя... фактически-то я была помолвлена с вами.

Лицо Гордона просияло, и он шутливо пригрозил:

— И я не собираюсь нарушать данного мною вам слова.

А сам угрюмо подумал, что ему теперь придется заново завоевывать расположение и любовь принцессы Лианны; ведь само монаршье положение уже отделяло ее, владельчицу Фомальгаута, от него, служащего страховой компании.

Лишь оправившись от всего, что на него так нежданно свалилось, Гордон серьезно спросил у Лианны:

— Я слышал, у вас затруднения?

— Да, на Фомальгауте неспокойно, — просто сказала она, — и мне надо там быть. Признайтесь, ведь Зарт Арн хочет, чтобы вы сказали: не пора ли мне на Фомальгаут, не так ли?

Гордон покраснел.

— Да.

— Я так и сделаю, завтра же, но при одном условии.

Он вопросительно взглянул на нее. Она подошла к нему, и лучи уходящего дня четко очертили ее лицо, словно высеченное из белого мрамора.

— Вы отправитесь со мной.

Увидев, что по его лицу пробежала тень, она мягко коснулась его руки.

— Я задела вашу гордость, — сказала она тихо, — но это не повеление, а убедительнейшая просьба. А может быть, просто мой каприз.

— Конечно, Лианна.

— Тогда я вас жду. Немного вашего времени и внимания — вот все, чем я готова довольствоваться.

— Хорошо, — он наклонил голову. — Я приду.

«Я приду, — снова упрямо подумал он, — и если нужно, чтобы я вновь тебя завоевал, хорошо, я это сделаю. Заставлю тебя забыть, что когда-то я не был Джоном Гордоном... Нет, я — это я, и ты нужна мне».

Глава III

Королевский звездный крейсер, на носу которого сверкало символическим знаком Белое Солнце Фомальгаута, взмыл над самым большим городом Земли будущего. Это был город, полный простора и света, такой прекрасный, что захватывало дух.

Звездный корабль оставил Землю далеко позади, пересекая огромные, глубокие и безбрежные пространства — моря, простирающиеся между островами звездных скоплений.

Золотая искра Солнца и старая, вся в зелени, планета, откуда человеческая раса начала завоевание Вселенной, растворились в черноте космоса. Густая россыпь звезд вновь засверкала перед взором Гордона во всем великолепии. Ничего удивительного, подумал он, что я стал задыхаться в тесных рамках горизонтов двадцатого века после созерцания этой невероятной, неслыханной красоты!..

В бескрайнем пространстве Галактики созвездия галактических королевств: Лиры и Лебедя, Кассиопеи и Полярной отливали малиновым, золотым, голубым или фиолетовым цветами, били в глаза неимоверной чистотой изумрудов и бриллиантов... В Скоплении Геркулеса мерцали бесчисленные звезды — обители множества Баронств. А там, куда крейсер направлял свой полет, держа курс на Фомальгаут, играло искристыми лучами созвездие Ориона. Далеко к северу чернело пятно Облака, в центре которого пряталась Талларна, мирная, укрошенная с помощью Гордона.

Когда корабль огибал опасное скопление звездного хлама, Гордон распознал Магеллановы Облака, состоящие из еще не обследованных звезд. Он знал, что когда-то агрессоры из дальних миров попытались захватить молодую Империю и были уничтожены предком Зарт Арна, великим Бренн Биром, который первым применил против них грозное оружие — Разрушитель Пространства.

Гордон, улыбаясь, вновь вспомнил Кеога и его психоанализ, самодовольные рассуждения о «мании разрушения». Как жаль, что доктора не было сейчас рядом. Он все разложил бы по полочкам. Но каким образом Кеог объяснил бы присутствие на крейсере Коркханна, фомальгаутского министра по связям с негуманоидными расами?

Первая встреча с Коркханном накануне их отлета с Земли произвела на Гордона неизгладимое впечатление. Да, в Звездных королевствах встречались и расы негуманоидов; Гордон даже видел некоторых, мельком или издали, но только теперь он впервые вплотную столкнулся с одним из них.

Коркханн был уроженцем Крена — звездной системы, расположенной на самой окраине королевства Фомальгаут. Оттуда, утверждал Коркханн, легко было обозревать Границы Внешнего Космоса, варварские миры, непрочно привязанные к условным зыбким рубежам галактической Цивилизации.

— Как вы, безусловно, помните, — просвещал Гордона Зарт Арн — владыки Границ Внешнего Космоса считаются союзниками Империи, но они так же дики, как и независимы и, по-видимому, клятва верности вовсе не обязывает их открывать свои границы кораблям Империи; во всяком случае они отказываются это делать. Мой брат часто спрашивает себя, не лучше ли было иметь их своими откровенными врагами, чем ненадежными союзниками.

— Дойдет очередь и до них, — сказал тогда Коркханн. — В данный момент меня занимают более важные проблемы.

И он направил тяжелый взгляд своих желтых глаз на Лианну, которая протянула руку и снисходительно погладила его блестящие перья.

— Я подвергла вас тяжелому испытанию, — сказала она. Позже она объяснила Гордону: «Коркханн сопровождал меня сюда и не прекращал контакты с Фомальгаутом через стерео-коммуникатор. Не так-то легко заниматься государственными делами, находясь вдали от самого государства».

Гордону запомнились желтые глаза Коркханна, его клюв, заменяющий нос, и свистящий голос.

— Я счастлив, что вы прибыли к нам здоровым и невредимым, Джон Гордон, и в тот момент, пока ее высочество еще владеет своим королевством.

Лианна пропустила эти слова мимо ушей, и Гордон догадался, что между ними нет должного взаимопонимания: между гордой, властной принцессой и этим странным существом высотой в полтора метра, держащимся неестественно прямо и имеющим вместо одежды лишь блестящее оперение. Оно довольно бойко говорило на языке, который основывался на английском и был главным языком Империи, и сопровождало свои слова выразительными жестами когтистых пальцев, венчавших крылья, неспособные к полету.

Сейчас они отдыхали втроем в небольшом, но по-королевски роскошном салоне космического корабля. Гордон с нетерпением ожидал, когда Лианна и Коркханн закончат затянувшуюся шахматную партию. Он надеялся, что после игры Коркханн уйдет к себе в отсек, а пока делал вид, будто увлечен стереофильмом, взятым из видеотеки корабля. Краем глаза он наблюдал за Лианной, любуясь ее лицом с белой кожей и точеными чертами. Он смотрел на нее с любовью и восхищением, но как только переводил взгляд на Коркханна, с трудом подавлял в себе инстинктивное отвращение, с которым не переставал бороться с момента знакомства.

Внезапно он позвал:

— Коркханн!

Продолговатая голова повернулась к нему; в свете ламп блеснули перья.

— Да?

— Коркханн, вы как-то заявили мне, что рады моему возвращению, и я прибыл вовремя, пока Лианна еще владеет своим королевством. Что вы хотели этим сказать?

Лианна с живостью вступила в беседу:

— Зачем снова заводить этот разговор? Коркханн — верный друг и опытный министр, но он слишком... опаслив, что ли.

— Ваше Высочество, — вежливо перебил ее Коркханн. — Наши отношения никогда не омрачала даже малая толика лжи. Неуместно и сейчас лукавить, закрывая глаза на очевидные факты. Вас не менее, чем меня, волнуют намерения Нарат Тейна. Но по известным причинам вы стараетесь забыть об этом и, дабы успокоить себя, решительно, но бездоказательно отрицаете, что есть весомые основания для тревоги.

«А ведь Коркханн вещает в точности, как Кеог», — подумал Гордон и подготовился к взрыву эмоций.

Лианна сжала губы, и глаза ее вспыхнули. Она встала, величественная и царственная — Гордон уже видел ее однажды в таком состоянии. Но Коркханн остался сидеть, как ни в чем не бывало, и хладнокровно выдержал ее пылающий негодованием взгляд. Вдруг она резко повернулась к нему спиной и сказала в пространство:

— Вы меня рассердили; ладно, пусть все, что вы говорите, — чистая правда. Но соблаговолите тогда все объяснить ему. Пусть судит сам.

— Расскажите мне прежде всего, кто такой Нарат Тейн, — попросил Гордон.

— Кузен Лианны, — готовно ответил Коркханн, — и наиболее вероятный наследник короны Фомальгаута.

— Но мне казалось, что Лианна...

— Она законная и бесспорная правительница, но по закону положен и наследник. Что вы знаете о королевстве Фомальгаут, Джон Гордон?

— Для подробного ознакомления у меня просто не было времени...

Коркханн встал.

— Хорошо. Я помогу вам восполнить этот пробел.

Он коснулся кнопки на одной из стен. Свет погас, и на большом экране проявилась стереокарта королевства Фомальгаут, крошечные солнца, затерянные во мраке бездонного пространства, среди которых выделялась размерами и яркостью белая звезда, давшая имя всему региону.

— В Галактике обитает множество негуманоидных рас, — тоном лектора заговорил Коркханн. — Многие из них достаточно цивилизованы, иные еще не вышли из первобытного состояния и находятся в начале пути к цивилизации. А иным не суждено сделать и этих первых шагов. В прошлом из-за этого возникали серьезные конфликты по вине как одной, так и другой стороны. Вы меня находите отталкивающим...

Гордон вздрогнул, и кровь бросилась ему в лицо. Чувствуя на себе внимательный, испытующий взгляд Лианны, он воскликнул с чрезмерной поспешностью:

— Как вам могло прийти такое в голову?

— Извините меня, — сказал Коркханн. — Вы отменно вежливы, и я в свою очередь не хотел оскорбить вас, тем более что ваша реакция, как я заметил, была чисто инстинктивной, неосознанной.

— Коркханн — телепат, — объяснила Лианна. — Впрочем, многие из негуманоидов обладают этим свойством. И если Коркханн прав, то было бы желательно, Джон Гордон, чтобы вы научились подавлять эту инстинктивную реакцию.

— Видите ли, — продолжал Коркханн, — более половины миров нашего королевства населены негуманоидными расами.

Быстрыми жестами когтистых пальцев он указывал на звезды, окруженные солнцем планет.

— С другой стороны, у нас хватает и необитаемых миров, колонизированных представителями вашей расы — здесь, и вот там, там... — Его пальцы летали из конца в конец карты. — Для большинства планет характерна в данное время немалая плотность населения, которое превышает приблизительно в два раза негуманоидные популяции. Дальше. Принцесса правит с помощью Совета, состоящего из двух палат: в одной — представительство пропорционально количеству планет, в другой — числу жителей.

Гордон начал понимать, куда клонит Коркханн.

— Таким образом, в каждой палате доминирует какая-то определенная группа?

— Вот именно. И потому, как правило, мнение правителя является главенствующим. А из этого следует, что в королевстве Фомальгаут пристрастия правителя имеют решающее значение.

— Никогда еще у меня не было серьезных затруднений, — добавила Лианна. — Но два года назад развернулась кампания, цель которой — доказать негуманоидам, что люди — это их заклятые враги и, в частности, что я их ненавижу и строю против них ужасные козни. Во всем этом нет ни капли правды, но у негуманоидов, как и у нас, всегда находятся охотники поверить в такого рода вымыслы и распространить их.

— Понемногу, — энергично подхватил Коркханн, — стали все четче вырисовываться планы наших противников. Солидная группа негуманоидов начала добиваться суверенитета, отделения от королевства и в качестве первого шага хочет заменить на троне Лианну принцем, которому симпатизирует, поскольку он всячески ей поклоняется.

— Нарат Тейном?

— Именно. И сейчас я отвечу на ваш немой вопрос, Джон. Нет, Лианна, это вопрос вполне правомерный. — Своими желтыми сверкающими глазами он посмотрел прямо в лицо Гордону: — Вас

интересует, почему я не на стороне своей расы? Ответ прост: потому что в данном случае Лианна и ее сторонники правы. К бунтарям, поддерживающим Нарат Тейна, с юридической стороны вроде и не придерешься. Но думают они лишь о власти. И я чувствую, что за всем этим стоят какие-то злые силы, суть которых я еще не определил, но которых интуитивно страшусь. — Он передернул плечами, отчего заколебались его блестящие перья. — И помимо того, Нарат Тейн...

Он замолчал, так как раздался решительный стук в дверь.

— Войдите! — разрешила Лианна.

Один из младших офицеров шагнул в салон и встал по стойке смироно.

— Ваше Высочество! Капитан Горн Горва со всем почтением просит вас незамедлительно пожаловать в командный отсек. — Потом, повернувшись к Коркханну: — Вас также, господин министр, пожалуйста.

У Гордона появилось предчувствие неминуемой опасности... Лишь чрезвычайная ситуация могла бы объяснить просьбу капитана Горн Горва.

Лианна согласно кивнула:

— Конечно. Пойдемте с нами, Гордон.

Молодой офицер, откозыряв, пошел впереди них по ярко освещенному коридору, затем указал на крутую лестницу, ведущую в командный отсек корабля, который многие называли по-старому капитанский мостик.

Здесь находился щит управления с компьютерами, панелями сигнализации, контроля скорости и массы, приборами, фиксирующими пройденные и оставшиеся расстояния, а также атомноэнергетический генератор, создающий вибрацию, ощущимую и сильную, как биение собственного сердца. На огромном блоке экранов можно было увидеть в оптическом и радарном отображении пространство перед кораблем с широтой охвата в 180 градусов.

Когда Гордон оказался в этом отсеке, его поразила царившая там тишина, лишь попискивала и пощелкивала хитроумная электроника.

Внимание техников, напряженно-сосредоточенных и, казалось, затаивших дыхание, разделялось между аппаратурой, за которой они должны были неусыпно следить, и группой людей, теснившимся перед экранами: в нее входили капитан, его первый помощник, несколько офицеров высокого ранга и специалисты по радарам. Горн Горва, высокий, седовласый, богатырского сложения, с пронзительным взглядом, обернулся, чтобы поприветствовать вошедших.

— Извините за беспокойство, которое я причинил вам, Ваше Высочество, но это вызвано крайней необходимостью.

Гордон, совершеннейший профан в технике, не заметил на радарном экране ничего, кроме нескольких блестящих точек и линий, лишенных для него смысла, а потому повернулся к телестереоэкранам. Королевский крейсер приближался к зоне, забитой различным космическим хламом. Вначале перед взором Гордона предстало нечто, напоминающее темное облако, которое заслоняло собой звезды. Понемногу он стал различать отдельные его части, мерцавшие отраженным светом далеких солнц, громады обломков размежеванных от небольшого дома до малой планеты, медленно плывших в гигантском облаке звездной пыли, которое простиравшееся на один или два парсека в космической пустоте. Пока крейсер стараниями команды держался на солидной дистанции от зоны. Больше смотреть было не на что, и Гордон уже спрашивал себя, что же породило у капитана такую тревогу. Он прислушался к объяснениям, которые Горн Горва давал Лианне:

— Обычные радары регистрируют лишь импульсы, характерные для зон с космическими обломками. Но особо чувствительные детекторы радиоактивности обнаружили несколько источников мощной энергии, совершенно не типичных для таких зон. — И заключил с суровым видом: — Боюсь, за этими обломками прячутся корабли.

— Засада? — спросила Лианна совершенно бесстрастно, а у Гордона сердце начало бешено колотиться. — Но я не вижу возможности организовать ее, капитан. Ведь вы выбрали маршрут, наилучший с точки зрения безопасности, варьируя новыми координатами и поддерживая связь «рваными» интервалами. Как могли нам устроить засаду, если никто не мог знать заранее, по какому отрезку пути мы проследуем в то или иное время?

Горн Горва помрачнел.

— А если мы имеем дело с предательством? Хотя эта гипотеза кажется мне маловероятной. Возможно, они пользуются услугами телепатов. — Его голос стал жестче: — Мне кажется, у Нарат Тейна есть такие.

Он повернулся к Коркханну:

— Господин министр, тут ваша помощь была бы неоценима.

— Вы хотите знать, действительно ли там спрятались корабли? Как вы только что заметили, в окружении Нарат Тейна есть и телепаты, но не из представителей моей расы... Ну хорошо, я сделаю все, что смогу.

Он отступил чуть в сторону и замер в неподвижности, его желтые глаза словно угасли в таинственной глубине глазных впадин. Воцарившаяся тишина нарушили лишь дрожь и ворчание генераторов. Иногда на экранах детекторов радиоактивности мелькали яркие точки; у Гордона пересохло в горле, ладони сделались влажными.

Наконец Коркханн заговорил:

— Да, там корабли Нарат Тейна.

— Что еще? — насторожилась Лианна. — Что вы еще уловили?

— Присутствие разума человеческого и негуманоидного. Мешанину мыслей существ, готовящихся к битве. — Движения его когтистых пальцев выражали отчаяние: — Я не смог прочесть их отчетливо, но думаю, Ваше Высочество, нет, я уверен, что их цель — не захватить нас в плен, а уничтожить.

Глава IV

Вывод Коркханна сопроводили возгласы недоумения и гнева. Горн Горва повелительным жестом призвал всех к молчанию.

— Тихо! Не будем расходовать дорогое время на эмоции.

Он внимательно взгляделся в экраны. Тело его напряглось. Гордон тайком наблюдал за Лианной. Какие бы чувства ни обуревали ее, она не позволяла им проявляться даже в малой мере и представляла собой образец самообладания. Гордона же начал охватывать настоящий страх.

— А если попросить помощи у Фомальгаута?

— Он пока слишком далеко. Наши корабли не смогут прибыть вовремя, а те «неизвестные», что затаились в облаке, атакуют нас без промедления, если перехватят подобную просьбу, а они ее без сомнения перехватят.

Горн Горва расправился, горькие морщины пересекали его лицо.

— Мне думается, для нас единственный шанс спастись — это немедленное бегство. С вашего позволения, Ваше Высочество...

— Нет! — отрезала Лианна.

Гордон и капитан взглянули на нее удивленно. Она невесело улыбнулась:

— Не надо щадить меня, Горн Горва. Я знаю так же хорошо, как и вы, что мы можем оторваться от их кораблей, но не от разрушительных ракет. В тот же момент, как мы увеличим скорость, вслед густой стаей устремятся ракеты.

Горн Горва изо всех сил старался убедить ее в необходимости бегства, как единственного выхода из положения, в эффективности противоракетных систем на крейсере, но Лианна, не слушая его, направилась к офицерам по связи.

— Я хотела бы поговорить с главным штабом на Фомальгауте. По обычному каналу.

— Ваше Высочество! — вскинулся капитан. — Они перехватят...

— Это как раз то, чего я добиваюсь, — оборвала его Лианна.

Гордона поразило выражение ее глаз. Он хотел заговорить, но Коркханн со взъерошенными от волнения перьями опередил его:

— Ваш план дерзок, Ваше Высочество, а за это подчас приходится дорого платить. И я умоляю вас хорошенько все обдумать, прежде чем принять окончательное решение.

— Я все понимаю. Но я скажу, что собираюсь нанести визит кузену Нарат Тейну, чтобы обсудить важные проблемы. И выполню сказанное.

В тишине, которая наступила, раздалось лишь приглушенное восклицание Гордона:

— Что?

Лианна продолжила, как ни в чем не бывало:

— Результат предвижу следующий: на Фомальгауте узнают, что я направляюсь к Мараллу и, если со мной что-то случится в пути, в этом обвинят моего кузена. И тогда общественное мнение будет против него, а это похоронит все его надежды стать наследником престола на Фомальгауте. Те, кто ждет нас в засаде, получат, таким образом, мат. Нарат Тейн не решится на убийство при обстоятельствах, разрушающих его планы.

— Все это прекрасно, — в тоне Гордона слышалось сомнение, — но что произойдет, когда мы туда прибудем? Вы ведь знаете, что Нарат Тейн мечтает избавиться от вас... И вы по своей воле отдаете себя в его руки. — Он приблизился к ней, не обращая внимания на осуждающий ропот присутствующих. — Нет, плану капитана нечего противопоставить. Хоть это и слабый шанс улизнуть от них, но он есть. Значит...

В глазах Лианны стыл холод. Тень улыбки мелькнула на ее губах, когда она обратилась к Гордону:

— Благодарю за заботу обо мне, Джон Гордон, но я все взвесила, и мое решение неколебимо. — Она обернулась к связистам: — Фомальгаут, пожалуйста.

Офицер по связи неуверенно посмотрел на Горн Горва, который с жестом бессилия повелел:

— Делайте все, что прикажет Ее Высочество.

Ни капитан, ни другие члены экипажа, казалось, не замечали ни самого Гордона, ни изменений его лица: вначале багровое, оно внезапно побледнело. Бессознательно он рванулся вперед, но Коркханн схватил его за руку, сжимая ее достаточно сильно острыми когтями. Гордон весь напрягся, но заставил себя успокоиться хотя бы внешне. В то время как Лианна вела переговоры с Фомальгаутом, он обвел взглядом экраны. Никаких изменений. Темная масса космической свалки медленно проплывала вдали, холодная, безжизненная, пустынная, существующая по своим законам... На мгновение ему показалось, что Коркханну лишь померещились корабли-убийцы.

— Лучше взгляните сюда. — Коркханн показал на экран детекторов радиоактивности, исчерченный убегающими всплесками. — Каждый всплеск — это ядерные установки одного корабля. И так как это нагромождение обломков движется, ничто не может быть неподвижным в космических просторах, корабли равномерно движутся вместе с ним. Эти детекторы куда зорче радаров.

— Коркханн, — тихо заметил Гордон, — вы знаете, что я ощущаю неловкость, находясь рядом с вами?

— Уверяю, вы ко мне привыкнете. Ни на миг не забывайте, что я ваш друг.

Лианна, передав на Фомальгаут экстренное сообщение, обменялась несколькими словами с капитаном, затем покинула отсек в сопровождении Коркханна и Гордона. Спустившись в нижний отсек, она обратилась к Коркханну с извинительной улыбкой:

— Не сердитесь, но мне надо поговорить с Гордоном!

Коркханн церемонно поклонился и удалился на своих длинных и тонких ногах. Лианна в раздражении с силой толкнула дверь салона. Когда створки сомкнулись за ними, она устремила на Гордона холодный взгляд:

— Вы ни в коем случае и ни при каких обстоятельствах не должны оспаривать и подвергать сомнению мои приказы публично. Запомните это раз и навсегда.

Гордон пристально посмотрел на нее.

— Вы намерены командовать даже в спальне?

Лианна смущилась.

— Вам все это трудно понять, вы из другого времени, представитель другой культуры...

— Конечно. Но выслушайте и меня. Да, у вас свои порядки, традиции и законы, а вы сами в отличие от меня, простого смертного, — коронованная особа. Да, я сын своего времени. И, возможно, как раз потому я никогда не откажусь от своего права говорить то, что думаю.

Она хотела, было, возразить, но он повысил голос:

— Более того, когда я говорю вам что-то как друг, как человек, который любит вас всей душой и печется только о вашем благополучии и вашей безопасности, вы не вправе унижать меня публично. Я этого не позволю!

Его тон и взгляд были такими же упрямыми и возмущенными, как до этого у Лианны.

— И я подумываю, Лианна, а не лучше ли вам не связываться со мной, неотесанным мужланом, ничего не смыслящим в дипломатическом протоколе.

— Постарайтесь все же понять меня! Государственные обязанности для меня превыше всего, даже собственных чувств и личного счастья! У меня Королевство...

— Понимаю. Я тоже когда-то отвечал за судьбу Империи. Помните?

Он повернулся и вышел, не удержавшись от улыбки, спрашивая себя, говорили ли когда-нибудь с Лианной в таком тоне? Вряд ли.

В своем отсеке он вытянулся на постели, напряженно размышляя о возможных последствиях дерзкого замысла Лианны. Прибудут ли они к Мараллу целыми и невредимыми? Как их там встретят? Что сулит им ближайшее будущее?

Каждую минуту он с ужасом ожидал взрыва ракеты, которая могла угодить в корабль и разнести его на куски. Но пролетало время, а крейсер все пронзал пучину космоса. Тогда он принялся думать о Лианне, о том, что их может ждать...

Когда он наконец уснул, то в его сны вторглись печаль и тревога. И все время он терял Лианну. То она исчезала в кошмарном мраке, заселенном странными созданиями, то удалялась от него в тронном зале, все быстрее скользя по мраморному полу и окатывая его холодным взглядом, будто докучного незнакомца...

Крейсер благополучно миновал скопление обломков, слегка подправил курс и продолжал свой путь, никем не побеспокоенный и не задетый.

На следующий «день», употребляя отсчет, принятый на корабле, Коркханн обнаружил Гордона в каютах-компаниях, где тот завтракал в грустном одиночестве, терпеливо дождавшись, когда Горн Горва и его офицеры закончат утреннюю трапезу. Лианне же приносили завтрак в ее салон.

— Пока все идет по плану, — сообщил Коркханн.

— А почему бы и нет? — отозвался Гордон. — Жертва сама спешит в капкан. Зачем же убивать ее по дороге?

— Но для Нарат Тейна, без сомнения, будет довольно трудно отделаться от нас и на своей планете таким образом, чтобы избежать впоследствии тяжких обвинений и общественного негодования.

— Вы сказали: «трудно». И действительно в это верите?

Коркханн покачал головой:

— Нет. Я знаю Нарат Тейна и его подданных. Расправа с незваными гостями на самом деле не составит для них особых проблем.

Они помолчали, после чего Гордон попросил:

— А вы не могли бы мне все объяснить более конкретно?

Они прошли в командный отсек, где Коркханн включил стереосистему, на которой маленькие Солнца королевства Фомальгаут сверкали яркими искрами в космической тьме.

— Вдоль юго-западной границы королевства простирается обширная территория с необитаемыми мирами, но там имеются и солнечные системы, где жизнь возможна, как, например, на Крене, моей родной планете. Все обитатели заселенных, но разобщенных миров — негуманоиды. — Он указал пальцем-когтем на одну из звезд, выделявшуюся на темном фоне своим красновато-желтым цветом: — Это Маралл, и на Тейне, планете этой системы, находится резиденция принца Нарата.

Гордон усмехнулся:

— Странное место облюбовал наследник трона.

— До недавнего времени он был лишь шестым среди претендентов. Родился же он на Тейне, и страсть к интригам у него в крови. Его отда после очередного заговора отправили в ссылку за несколько лет до рождения Лианны.

— А почему у негуманоидов он более популярен, чем Лианна?

— Он провел среди них всю свою жизнь. Он думает, как они, склонен поступать, как они, и, вероятно, он им даже ближе, чем я. Негуманоиды разнолики, Гордон, как разнообразны эволюционные процессы в звездных системах, откуда они вышли. Иные необычны и внешне безобразны до такой степени, что общения с ними избегают не только люди, но и другие негуманоиды. Нарат же одинаково благоволит ко всем. Это странный человек и, по-моему, не слишком уравновешенный, с непредсказуемыми поступками и реакциями. — Всторопщеные перья Коркханна выдали его волнение. — Лучше бы Лианна послушалась вас, и к черту протокол! Но она отчаянно смела и не пугается в ситуациях, в каких обычных людей охватывает страх. В этом она похожа на своего отца, не отступавшего перед опасностями. Ее кузен пробудил в ней гнев, и она полна решимости положить конец его наглости и вероломству.

Гордон покачал головой:

— Боюсь, она терпела его слишком долго.

— Так или иначе, но теперь уже поздно поворачивать назад, — резюмировал Коркханн.

Пока красноватая звезда все увеличивалась на экранах, мерцающая точка превращалась в ослепительный диск. Лианна избегала любой возможности остаться с Гордоном с глазу на глаз. Лишь изредка он ловил ее отстраненный и, казалось, сосредоточенный на чем-то взгляд. Во всем остальном ее отношение к нему оставалось корректным, благожелательным и внешне даже теплым. Но он понимал, какая пропасть их разделяет. И не спешил ее преодолеть.

Крейсер — после плавного торможения — произвел посадку на Тейне, второй из пяти планет системы Маралл.

Тейн.

Владения Нарата. Его мир.

Пыль осела, удушающая жара спала. Лианна, Горн Горва и Коркханн образовали полукруг перед телескопическими видеоискателями, которые обшаривали ближайшие окрестности. В нескольких шагах от этой троицы маялся Гордон, пытаясь собраться с мыслями и взять себя в руки.

— Они получили наше послание? — спросила Лианна.

— Без сомнения, Ваше Высочество. Они подтвердили прием.

— Верю вам, капитан. Но... не кажется ли подозрительным...

Даже Гордон многое находил странным. Космодром, где они совершили посадку, представлял собой не слишком-то обширную и плохо оборудованную площадку, которой, судя по всему, редко пользовались. Виднелись несколько пустующих, наглухо закрытых строений, обветшавшие ангары, а за всем этим — унылый пейзаж: опаленная земля с редкими жалкими деревьями цвета спелой пшеницы.

ницы и причудливых форм. Падавший на землю золотистый свет в тени переходил в оранжевый. Ветерок, которого прибывшие пока не ощущали, колебал макушки деревьев. Только это шевеление и оживляло пейзаж, угнетавший своей недвижностью, пустынностью и безлюдьем.

Принцессу и ее спутников никто не встречал.

Выражение лица Лианны было напряженным, но тон — бодрый и неунывающий:

— Так как мой кузен не удостоил своих гостей приличествующими почестями, нам ничего не остается, как самим нанести ему визит. Капитан, распорядитесь приготовить вездеход и охрану. И немедля.

Пока отдавались необходимые распоряжения, Лианна, обернувшись к Гордону, небрежно обронила:

— Поскольку это официальный визит, вам вовсе не обязательно следовать за мной.

— Мне не хотелось бы пропустить это зрелище, Ваше Высочество, — проговорил Гордон, с нажимом произнося титул Лианны.

Она слегка покраснела, согласно кивнув, и направилась к выходу, сопровождаемая Гордоном. Коркханн молча посмотрел на него, но ничем не выдал своего неодобрения.

Открылся наружный люк. Лианна в окружении скромной свиты и охраны вышла из корабля. Знаменосец, развернув знамя Белого Солнца Фомальгаута, прошел впереди всех к ожидавшему их вездеходу и укрепил королевский штандарт на его капоте. Лианна и ее спутники сели в вездеход — элегантную машину обтекаемой формы, с незаметной глазу броней и начиненную тщательно замаскированным оружием. Была до зубов вооружена и охрана. Но, несмотря на все это, Гордон чувствовал себя неуверенно. Было что-то чуждое, настораживающее и в качающихся великанах-деревьях, и в мирных прогалинах между ними, залитых, словно медом, желто-золотистым светом, и в самом воздухе, жарком, как дыхание зверя, раздирающего добычу, и в диковатых запахах, приносимых ветром. Гордон не доверял этому миру. Даже небо казалось ему отталкивающим — не небо, а какой-то мертвый свод, с отблеском почти осязаемого металла, наводившим на мысль о готовой захлопнуться крышке коварной западни.

Вездеход свернул на неблагоустроенную неровную дорогу; правда, благодаря воздушной подушке под ним многочисленные рытвины и ухабы не замечались пассажирами. Все быстрей сменялись пейзажи: после плоской равнины замелькали холмы, поросшие редким лесом, вскоре они уступили место невысоким голым скалам. Тени становились все гуще, словно день клонился к вечеру.

Неожиданно послышался громкий тревожный вскрик — его издал не то водитель, не то кто-то из стражи. И прежде чем Гордон заметил то, что послужило причиной тревоги, все оружие оказалось в состоянии боевой готовности.

Коркханн показал ему на тропинку, ведущую в лес.

— Присмотритесь. Вон там, между деревьями.

Действительно, на лесной затененной поляне копошилось что-то бесформенное или, наоборот, сплетение множества уродливых форм. Машину полнила давящая тишина; слышался лишь свист воздушных струй, поддерживавших вездеход.

Внезапно снаружи раздался пронзительный звук, проникавший в самую душу, бьющий по нервам, как электрический разряд. И в тот же миг с поляны к дороге устремилась с угрожающим гомоном озверелая орда...

Глава V

Совсем рядом с Гордоном послышался повелительный голос Лианны:

— Не стрелять!

Коркханн толкнул в бок Гордона, попытавшегося протестовать.

— Помалкивайте.

Колышущаяся масса каких-то существ взяла машину в кольцо. Их очертания и формы были плохо различимы из-за теней от ветвей деревьев, высившихся по бокам дороги. Воздух дрожал от нечеловеческих выкриков, улюлюканья, гама, в которых Гордон, как ему казалось, уловил ноты и триумфа, и угрозы. Он силился проникнуть взором сквозь оранжевый сумрак и с трудом различил большие существа на четырех ногах, передвигавшиеся кошачьими прыжками; чудилось, они несли на себе всадников. Но нет. Теперь он видел их совершенно отчетливо. Короткая шерсть цвета темной меди, округлые черные поблескивающие пятки. Он вздрогнул от омерзения, но не потому, что они выглядели безобразными — нет, он был даже восхищен их экзотическим видом — а потому, что они были ни на что не похожи. Четвероногие существа и то, что он принял за всадников, были одним целым, чем-то вроде кентавров. И если бы они попытались держаться вертикально, то голова, торс и передние лапы напоминали бы почти человеческие формы и конечности, только более крупные и нескладные. Огромные, полные разума глаза светились, как у кошек. Мощные туловища, гибкие, будто тростник, большие рты, растянутые в упосином хохоте, — все выражало торжествующую силу, радость скачки и напор атаки...

— Геррны, — прошептал Коркханн. — Рasa, которая преобладает на этой планете.

Геррны между тем окружили вездеход, вынудив его остановиться. Гордон покосился на застывший чеканный профиль Лианны, глядевшей прямо перед собой. Напряжение становилось непереносимым, и Гордону представилась пороховая бочка — хватило бы одной искры, чтобы произошло исправляемое.

— Можете ли вы пошарить у них в мозгах и прочесть их намерения? — спросил он Коркханна.

— Нет. Они такие же телепаты, как я, и даже более. Они в состоянии изолировать свой мозг от внешних влияний. Ведь я даже не учаял их близкого присутствия... И подозреваю, что они защищают еще чьи-то мысли... А, вот оно в чем дело!

И тут Гордону представилась возможность убедиться, что если он и ошибся насчет «всадников», то не полностью. На одном из геррнов по-хозяйски восседал молодой мужчина, чуть старше Лианны, стройный и мускулистый, с красивым лицом, в облегающем костюме из золотистого материала. Его волосы, выгоревшие под солнцем, в беспорядке падали на плечи, у бедра отливали серебром охотничий рог. Глаза, два сапфира, показались Гордону более странными, даже безумными, чем у геррна — крупного, темной масти, с которым седок как бы слился в единое целое и который вынес его прямо к вездеходу. Широко улыбаясь, «всадник» поднял и раздвинул руки в гостеприимном жесте.

— Добро пожаловать! — воскликнул он. — Рад видеть вас на Тейне, кузина Лианна!

Она приветствовала его снисходительным кивком. Напряжение сразу же уменьшилось. Люди перевели дыхание, вытерли мокрые от пота лица.

Нарат Тейн поднес серебряный рог к губам, и пронзительный, кристальной чистоты звук вновь прорезал вечернюю тишину.

Геррны хлынули на дорогу, увлекая вездеход за собой. Ими привычно предводительствовал Нарат Тейн.

Два часа спустя Тейн-Холл сверкал множеством огней и оглашался нестройным гулом голосов и ритмичной музыкой.

Воздвигнутый на пологом склоне речной долины, дворец представлял собой длинное приземистое здание из камня и дерева, с огромными окнами, распахнутыми в ночь. Обширные лужайки с высокой травой и дикими цветами занимали весь склон вплоть до берега реки, где под кронами ветвистых деревьев расположилось селение местных аборигенов. Ночное небо озаряли отраженные от скопления звездных обломков лучи, которые можно было принять за предрассветные. При их мерцании смутно вырисовывались диковинные существа, резвившиеся на тропинках, суетившиеся возле хижин или сидевшие у окон.

В таких необычных условиях шесть стражников, охраняющих вездеход, в котором офицер по связи через определенные промежутки времени передавал донесения в королевский штаб на Фомальгауте, чувствовали себя не в своей тарелке.

А во дворце бесчисленные свечи в люстрах, висевших под куполом банкетного зала, источали яркий свет; в гигантских каминах вовсю пыпал огонь; воздух был напоен запахами изысканных яств, вин и горьковатого дыма.

За единственным столом сидели Лианна, Нарат Тейн, Гордон и Коркхани, свободно и с достоинством откинувшись на спинку кресла. Большинство гостей, заполнивших зал, предпочло разместиться на огромном ковре, покрывающем пол, и на раскинутых повсюду подушках. В центре зала три волосатых, скрюченных создания увлеченно играли на диковинных музыкальных инструментах, неподалеку еще двое безостановочно и со своеобразной грацией вращались один вокруг другого, их ярко-красная кожа маслянисто блестела в свете люстр. Удлиненные лица с фосфоресцирующими глазами походили на маски с нанесенным на них красным лаком. Ритм танца все убыстрялся, плясуны крутились и подпрыгивали, будто в трансе; все плыло перед глазами Гордона. А тут еще ужасающая духота и звериный запах, исходивший от множества тел, — все это было невозможно вынести. Нарат Тейн наклонился к Лианне, сказал ей что-то, но Гордон смог услышать только ее ответ:

— Я прибыла сюда, чтобы достичь соглашения с вами, и не покину Тейн, пока не достигну его. Все остальное не имеет значения.

Нарат Тейн нагнулся голову с насмешливо-притворной покорностью. В этот вечер он, словно напоказ, вырядился в крикливые зеленые одежды, перетянув непокорные волосы тонким золотым обручем.

Танцоры меж тем достигли апогея в своем неистовстве, после чего замерли в полной тишине. Нарат Тейн встал, держа в руках два штофа с вином. Он что-то прокричал на диалекте, с характерными свистящими звуками. Красные существа церемонно поклонились и проскользнули к столу, чтобы взять в качестве поощрения сосуды с вином. Со всех сторон неслись аплодисменты, выкрики, восторженные восклицания.

Гордон воспользовался шумом, чтобы спросить у Коркханна:

— Где сейчас корабли Нарата и его воины?

— На другой стороне планеты имеется космопорт. Между Марраллом и другими мирами процветает оживленная торговля. Это сделало Нарата Тейна богатым и весьма могущественным. И он...

Внезапно все в зале замолчали. Все слышнее становился далекий рокот межзвездного корабля, приближавшегося к Тейну. Гордон увидел, как напряглась Лианна, да и его собственные нервы, казалось, вот-вот лопнут, как туго натянутые струны.

— Хе! — с ухмылкой воскликнул Нарат. — Кажется, еще гости. Вот так всегда: то пусто, то густо!

Он продолжал на местном гортанном наречии, часто прерывая себя смехом и ударами кулака по столу. Геррин-богатырь, удостоенный чести носить Нарата на себе, прыгнул от двери в центр зала. Его представили Гордону: «Наш любимец Ссерк». Он оказался вождем местного племени геррнов и правой рукой Нарат Тейна. «Кентавр» медленно прошелся по кругу, совершая принятый здесь ритуал: воздевая руки-лапы и потрясая зажатыми в них кинжалами.

Окружившие Ссерка геррны подбадривали его громкими гортанными возгласами с соблюдением четкого ритма. Нарат Тейн уселся в кресло, расслабился, самодовольно посматривая на Лианну.

— Как я вам говорил, — шепнул Коркханн Гордону, — у него наверняка немало союзников и сторонников.

Гордон с досадой процедил:

— Вы действительно ничего не можете прочесть в его мозгу?

— Геррны его защищают. Я только угадываю, что он очень доволен, но это и так видно. И боюсь, что мы...

Прозвучал истошный крик, и еще один геррн, молодой, мускулистый, пестрой масти, выскоцил в круг и начал нетерпеливо бить копытами, вызывающе уставившись на Ссерка глазами янтарного оттенка и высоко подняв два кинжала. Геррны затихли. Даже слуги, в большинстве молодые самки, покрытые еще светлым пушком, прекратили сновать туда-сюда и широко раскрыли глаза в ожидании многообещающего зрелица. Ссерк рванулся к молодому геррну, молниями сверкнули скрестившиеся кинжалы. Молодой успешно отбил нападение. Мгновенно Ссерк расправился, последовали быстрые атакующие выпады противников. Молодой геррн извернулся, уходя из-под удара, затем тоже встал на дыбы и ринулся на Ссерка. Тот ловко отражал удары, и поединок, острый и динамичный, продолжался.

Только Нарат Тейн не следил за соперниками. Гордон видел, что он ждет чего-то... или кого-то; донельзя возбужденный, он не мог утаить торжества. Лианна оставалась гордой и спокойной, словно находилась в своем дворце на Фомальгауте, и Гордон спрашивал себя: так ли уж безмятежна она на самом деле или в глубине души испытывает такой же страх, как и он, только искусно прячет его под непроницаемой маской хладнокровия.

А схватка все длилась. Мелькали проворные лапы с отточенными кинжалами, извивались гибкие и мощные торсы, глаза горели жаждой битвы, которая, похоже, и впрямь велась не на жизнь, а на смерть. Появилась и кровь, вначале никем не замеченная, но затем брызнувшая на близких зрителей. К стыду своему, Гордон поймал себя на том, что получает удовольствие от жестокого поединка; стремительно меняющиеся позы и ловкие движения неутомимых бойцов завораживали его, он даже невольно начал выкриками подхлестывать их.

Но вот пестрый геррн с отчаянным воплем швырнул свои кинжалы на ковер и стрелой умчался с арены сражения, весь в кровоточащих ранах... Ссерк же орал что есть мочи, торжествуя победу, и геррны, тесно обступив его и восхищенно гомоня, протягивали ему чаши с вином и лоскуты ткани, чтобы перевязать раны, которых у него хватало. А Гордон, когда возбуждение углеглось, почувствовал приступ тошноты и потянулся за бокалом со спасительным вином, но в это время Коркханн тронул его за локоть и кивнул на дверь: «Поглядите-ка, кто пожаловал».

В проеме двери стоял высокий могучий человек в одежде из черной кожи, со сверкающим драгоценными камнями знаком молний. На голове красовался стальной шлем с щегольским пером. За его плечами колыхался пепельно-серый плащ. Кто прятался там?

Гордон уловил мгновенную реакцию Лианны, напрягшейся до предела. Нарат Тейн вскочил с кресла и жестом потребовал тишины. Затем громко и торжественно провозгласил:

— Добро пожаловать, Син Кривер, граф Границ Внешнего Космоса!

Высокий гость уверенно шагнул в зал. Геррны почтительно расступались перед ним. И взгляду Гордона предстал спутник графа, целиком скрытый под одеждой, напоминающей то ли балахон, то ли плащ с капюшоном, отливающий металлическим блеском. Фигура незнакомца, хоть и неразличимая под просторной, бесформенной одеждой, почему-то воспринималась Гордоном как удивительно тщедушная, хамелеоноподобная... Передвигался он скользящими, как у рептилий, движениями и произвел на Гордона отталкивающим видом самое неблагоприятное впечатление.

Граф Син Кривер, сняв шлем, учтиво поцеловал руку Лианны:

— Какое счастливое совпадение, Ваше Высочество!.. Счастливое — для меня по крайней мере. И надеюсь, вы не в претензии на случай, который в одно и то же время свел нас во дворце вашего кузена.

— Случая невозможно избежать, он нам неподвластен, — с наивозможной любезностью ответила Лианна. — И глупо как сестовать на него, так и быть ему благодарным. — Она искоса бросила быстрый взгляд на незнакомца: — Ваш компаньон? Или друг?

— Ни то, ни другое, — улыбнулся Син Кривер. — Скажем, он занимает при мне такое же положение, как при вас министр Коркханн. Представляет же он обитателей самых отдаленных миров, но тем не менее наших союзников.

Спутник графа произвел плавные телодвижения, долженствующие изобразить почтительный поклон, издал резкий, свистящий звук, отдавшийся в сознании каждого болезненным оглушительным эхом, и поспешно ретировался в пустующий угол зала.

Син Кривер, словно оправдывая его, сказал:

— Будьте к нему снисходительны. Вам, наверно, любопытно, почему он прячет лицо и старается держаться в тени? О, исключительно из-за крайней щепетильности и застенчивости. У них там все такие: учтивые скромники. Зато ума им не занимать!..

Он коротко приветствовал Гордона и присоединился ко всем еще оживленному застолью. Гордон заметил, что Коркханн после появления графа и его спутника стал более озабоченным и взволнованным: его когти, сжимавшие кубок с вином, нервно подрагивали...

Жара и шум все усиливались. Музыканты вновь расселись в середине зала. Невероятные создания с перепончатыми, будто изодранными крыльями примостились возле лестницы и огласили зал

гортанными повизгиваниями, что, судя по всему, означало у них пение. Однако геррны заметно присмирили, и у них поубавилось буйства, еще недавно такого неукротимого. Как будто какая-то тень нависла над ними. Казалось, Ссерку и его соплеменникам уже не в радость ни песни и танцы, ни вино. Они потихоньку рассеивались по дворцу и его окрестностям... И Гордону подумалось, что это присутствие таинственного незнакомца создало в зале осаждаемо тягостную, гнетущую атмосферу. Всем было как-то зябко и неуютно, и Гордона тоже пронизывало холодом и бил озноб. Ко всему прочему, он не мог избавиться от ощущения, что этот серый дьявол, от которого так и веяло чем-то зловещим, не прекращает изучать его, каким-то образом проникая даже в душу и мысли. То же, наверно, чувствовали и другие. Вскоре вокруг пришельца образовалась все ширившаяся пустота. Он остался в полном одиночестве, что, судя по всему, нисколько его не смущало.

Один задиристый геррн попытался энергично атаковать другого, и пролилась кровь, но это уже не вызвало прежнего ажиотажа, если не считать жидких хлопков и редких поощрительных выкриков.

Лианна поднялась, обронила ледяным тоном:

— Забавляйтесь на здоровье, кузен. Не буду вам мешать. Поговорим завтра, в более подходящей обстановке.

Обрадовавшись возможности уйти вместе с принцессой, Гордон встал раньше, чем она кончила говорить. Увы! Нарат Тейн настоял на том, чтобы проводить Лианну, и Гордон, так же, как и Коркханн, вынужден был плесться за венценосными особами. Они поднялись по лестнице, проследовали по широкому коридору, куда доносились лишь отзвуки празднества.

— Мне очень жаль, кузина, что мои друзья пришли к вам не по вкусу. Я прожил среди них столько лет, что забыл...

— Причем тут вкус? Ваши друзья-негуманоиды меня и не удивили, и не обидели. А вот ваши и Син Кривера намерения и планы, о которых легко догадаться, меня сильно ранят и глубоко оскорбляют.

— Кузина!..

— Вы глупец! То, что вы замыслили, вам просто не по плечу. Это тот случай, когда возможности не соответствуют цели. И я бы посоветовала вам довольствоваться властью над вашей планетой с ее просторами и лесами и над дорогими вашему сердцу геррнами.

Лицо Нарата перекосилось, в глазах зажегся недобрый огонь. Но манера поведения не изменилась, оставшись величественной и учтивой, какая и приличествует властителю.

— Корона, казалось бы, должна прибавлять мудрости тем, кому незаслуженно досталась. Но она, видно, всего лишь ничтожный символ власти, и я не собираюсь дискутировать с вами, кузина. Оставайтесь при ваших заблуждениях.

Его высокомерные слова подтолкнули Лианну на соответствующий отпор:

— Какое презрение к короне! Но ведь из-за нее вы готовы меня убить. И не возражайте, это ни для кого не тайна.

Нарат Тейн и не возражал, а лишь изумленно посмотрел на Лианну. Он не пытался опровергнуть ее утверждения, да она и не оставила ему для этого времени. Указывая на весьма грозных, внушительного вида стражей перед дверями отведенных ей апартаментов, она жестко проговорила:

— Я далека от того, чтобы угрожать вам, но посоветовала бы объяснить Син Криверу, что я нахожусь под охраной верных людей, которых нельзя ни подкупить, ни накачать наркотиками, ни удалить с их поста угрозами. Их, правда, можно убить, но тогда придется убить и оставшуюся команду на корабле, с которыми они поддерживают постоянный контакт. Корабль же держит связь с Фомальгаутом, и если она прервется, то армада боевых кораблей тотчас устремится сюда. Син Кривер и вы, конечно, можете вступить с ними в сражение, но оно неизбежно закончится вашим тотальным крахом.

— Да что вы, кузина! Не бойтесь, ваша жизнь вне опасности, — заверил ее Нарат Тейн, в голосе которого появились дрожь и хрипотца.

— Я и не боюсь ничего, — отрезала Лианна. — Спокойной ночи, кузен. Хотя у вас достаточно оснований для беспокойства и страха.

Она вошла в комнату, и стража закрыла за ней двери. Нарат Тейн окинул безразличным взглядом Гордона и Коркханна и удалился в гордом молчании. Коркханн взял Гордона за локоть, и они направились к своим покоям. Гордону не терпелось поговорить, но Коркханн повелительным жестом остановил его. Казалось, он прислушивался к чему-то. Гордон, понимая всю сложность обстановки, даже не пытался протестовать, когда Коркханн повлек его в конец коридора, заставляя все прибавлять шаг, пока они не достигли темного и тихого места, где начиналась винтовая лестница одного из запасных выходов. Коркханн подтолкнул его туда и решительно сказал:

— Уверяю, никто сейчас за нами не следит. И нужно как можно скорее добраться до корабля и предупредить Горн Горва...

Гордон колебался; сердце его сжималось от недобрых предчувствий.

— Но почему вы думаете...

— Нет, нет! Я нисколько не сомневаюсь, что они не собираются убить Лианну.

В его темных блестящих глазах можно было прочесть отчаяние и ужас:

— Но то, что они намерены сделать... гораздо хуже!

Глава VI

Гордон инстинктивно отступил на шаг.

— В любом случае надо удалить ее отсюда!

— Нет. Она под бдительным надзором. Геррны-шпионы затаились во всех соседних комнатах. У нас нет ни малейшего шанса вывести ее из дворца.

— Но стражи...

— Послушайте меня, Гордон. Здесь есть некая сила, против которой охрана беспомощна. Странное существо в сером плаще, которое сопровождало графа... Я попробовал исследовать его разум, но вмиг был отброшен, словно мощным ударом, и оглушен. У геррнов же в этом отношении явное преимущество передо мной, и некоторым удалось пробить его защиту по крайней мере частично. Я это знаю. Они были так потрясены, что забыли о защите собственных мыслей. Вы заметили, как поспешно Ссерк и остальные покинули зал? Они донельзя испуганы, а ведь геррны не робкого десятка! Это раса отважных и храбрых.

Близкий к панике, он говорил так быстро, что Гордон с трудом понимал его.

— Я уловил момент, когда Ссерк долго смотрел на Лианну, оставив незащищенным свое сознание. И принцесса рисовалась ему куклой, лишенной всякой энергии и соображения; он испытывал к ней даже сострадание, смешанное с ужасом и, как ни странно, сожалел, что она прилетела сюда.

Гордон почувствовал, как его обхватили и сдавливают щупальца страха.

— Значит, этот, в плаще, обладает небывалой силой?

— Я еще не сталкивался ни с чем подобным. Не знаю, что собой представляет графский «министр» и откуда он взялся, но неведомая мощь его разума более опасна, чем все наше оружие.

Он уже спускался по лестнице.

— Пока они вынуждены соблюдать секретность. И если Горн Горва предупредит Фомальгаут, Нарат Тейн и его приспешники не осмелятся на открытые враждебные действия.

Без сомнения, мысленно согласился Гордон, но Горн Горва может также отрядить в помочь принцессе спецгруппу, достаточно многочисленную, дабы странный незнакомец не мог полностью блокировать разум и волю всех сразу. На крейсере имеется вертолет, и подмога могла бы подоспеть через полчаса, может, даже быстрее.

Он поспешил за Коркханном. Спустившись, они через маленькую, почти незаметную дверь вышли в ночь, в плотный мрак, в тишину, колеблемую звуками далекой оргии. Обогнув здание, подойдя к углу ярко освещенного фасада, они осторожно огляделись вокруг.

Возбужденные гости все еще сновали возле дворца. Однако их число заметно уменьшилось. Вездеход принцессы находился на прежнем месте, и шесть стражей охраняли его. Внутри виднелись силуэты водителя и офицера связи.

Гордон бросился к вездеходу. Коркханну еле удалось удержать его.

— Слишком поздно... Их сознание...

Гордону показалось, что у входа во дворец мелькнул и исчез серый плащ. В машине связист, наклонившись к микрофону, что-то говорил.

— Видите, — с укором сказал Гордон, — все в порядке. Ведь главное — это контакт с кораблем.

Высвободившись из цепких когтей Коркханна, он побежал к машине, но не успел сделать и нескольких шагов, как один из стражников заметил его и угрожающе поднял оружие. Гордон четко видел лица и других стражей, чем-то его удивившие и насторожившие. Он круто повернулся и вскоре укрылся за углом здания. Стражи опустили оружие и заняли свои места, глядя холодными, остекленевшими глазами на существа, которые шумно резвились меж деревьев и на лужайках.

— В следующий раз, надеюсь, вы соблаговолите слушаться меня, — проворчал Коркханн.

— Но радист...

— Да, он продолжает поддерживать связь. Но вам известно, что он именно передает? То-то... Опасный незнакомец играючи справился с нашими подчиненными, для него это сущий пустяк.

Они двинулись назад, вдоль стены, погруженной в темноту. Коркханн в отчаяньи сжимал и разжимал когти.

— Мы больше не можем с ними общаться, они вышли из повиновения. И однако надо действовать, причем не теряя времени.

Гордон поднял глаза к одному из окон, за которым, по его предположению, находилась Лианна. Как знать, со страхом думал он, может, как раз в этот момент чертов незнакомец уже приближается к охранникам Лианны, чтобы овладеть и их сознанием, в то время как геррны-шпионы, попрятавшиеся в соседних комнатах, подкарауливают свою жертву.

— К геррнам! — крикнул Коркханн.

И Гордон бросился бежать следом через лужайку к огромным деревьям, под которыми теснились хижины с куполообразными крышами — поселение геррнов. И еще раз он по достоинству оценил телепатический дар своего спутника, благодаря которому им не понадобилось тратить время на объяснения. Подбежав к деревьям, чьи очертания зыбко, текуче подрагивали в рассеянном свете здешней зари, Гордон и Коркханн услышали необычные, но вместе с тем уже знакомые звуки, которые свидетельствовали о повседневном течении жизни поселения геррнов. Лишь небольшая

группа аборигенов, скрываясь в густо-оранжевой тени деревьев, неслышными шагами приблизилась и окружила их. Гордон различил их головы, формой напоминающие дыни, и устрашающие выставленные вперед кошачьи глаза, отражавшие блеск звезд, но с удивлением почувствовал, что совсем не боится их — сейчас ему было просто не до страха — и спокойно, как можно дружелюбней, обратился к геррнам:

— Мой разум открыт для вас, и я знаю, что вы поймете меня, даже если вам не знаком язык, на котором я говорю. Так выслушайте: нам необходимо увидеть Ссерка.

Геррны встрепенулись, один из них выступил вперед и ответил Гордону грубо и вскако:

— Да, я способен прочитать ваши мысли и знаю, чего вы хотите, но ничем не могу вам помочь. Возвращайтесь во дворец.

— Нет, — не уступал Гордон. — Вы ведь преданы Нарат Тейну. И поможете нам — не ради нашего блага, не ради принцессы, а ради вашего повелителя. Ведь и ему грозит опасность. Вы, пусть лишь слегка, коснулись разума незнакомца в сером...

Геррин, бурча что-то под нос, отвернулся с недовольным видом и отдал самому молодому какое-то распоряжение. Вскоре тот снова появился, а следом за ним — Ссерк. Коркханн так и накинулся на него, призвав на помощь все свое телепатическое воздействие:

— Син Кривер и Серый. Кто фактически верховодит?

— Серый, — невольно выпалил Ссерк. — Граф несознанно потакает ему, подчиняется его воле.

— И если Нарат Тейн станет королем Фомальгаута, кто будет править в действительности?

Глаза Ссерка вспыхнули в свете звезд, но он упрямо покачал головой:

— Нет, я вам не помощник.

— Ссерк, — настойчиво продолжал Гордон, — сколько времени граф и Серый с сообщниками позволят царствовать Нарат Тейну? Не секрет, что принц предполагает привлечь к управлению Фомальгаутом негуманоидов, в том числе геррнов. Но те, другие, ради чего они стремятся заполучить власть?

— Я не в силах заглянуть так далеко, — проговорил Ссерк совсем тихо. — Но точно, не ради нас.

— И не ради Нарат Тейна. Он нужен тайным силам, как законный наследник, чтобы заменить неугодную им принцессу... Но подумайте, чем для него все кончится? Вы это знаете, Ссерк!

Он видел, что Ссерк дрожит от страха и волнения, и не замедлил воспользоваться ситуацией.

— Если вы преданы ему, спасите его. — И добавил: — Вы ведь знаете, что он, простите, не всегда бывает в своем уме.

— Да, но он нас любит и благоволит к нам. — Ссерк свирепо оскалился и поднял тяжелую лапу, словно готовясь опустить ее

на Гордона. — Он — наш покровитель. И мы не дадим его в обиду.

— Вот и берегайте его здесь, на Тейне, подвластном ему и вам. Иначе он погиб.

На этот раз Ссерк промолчал. Ветер шевелил вёрхушки деревьев, шелестела листва, тревожно, предупреждающе... Геррны возбужденно переговаривались, не зная, что предпринять. Гордон ждал, сохраняя спокойствие и уже решив для себя, что если геррны откажут в помощи, он сам прибегнет к крайним мерам и попытается любым способом и средствами ликвидировать Серого...

Ссерк угадал его мысли.

— У вас не будет времени, чтобы пустить в ход оружие. Он опередит любой ваш шаг. — Ссерк задумался. — Ну хорошо. Ради него... мы окажем вам содействие.

У Гордона подогнулись колени, так он переволновался и обес силел.

— Тогда бежим! Необходимо поспеть во дворец до того, как... Но геррны преградили ему дорогу.

— Нет, только не вы, — сказал Ссерк. — Вы останетесь здесь, а мы защитим ваш разум, что и не прекращали делать с тех пор, как вы прибыли на Тейн.

Гордон порывался протестовать, но Ссерк схватил и тряхнул его, как разгневанный отец ослушника-сына.

— Наши следят за ней. С их помощью ей, может быть, удастся выбраться из дворца, вам же это не по силам. Если вы вернетесь туда, то лишь сами попадетесь в ловушку и нас подведете. И тогда нам всем несдобровать.

— Он прав, Джон. Пусть поступают так, как считают нужным, — посоветовал Коркханн.

Четыре геррна во главе с Ссерком направились во дворец. Гордон с горечью, тревогой и сознанием собственного бессилия смотрел, как они удалялись. Оставшиеся геррны столпились вокруг него и Коркханна.

— Они стараются создать вокруг нас защитный экран. Вы можете помочь им, думая о чем-нибудь постороннем и отвлекшись от своих переживаний, — заметил Коркханн.

— Будто это имеет хоть какое-то значение! — горько усмехнулся Гордон.

Однако он последовал совету Коркханна, насколько это было в его силах. Минуты протекали с мучительной медлительностью.

Внезапно из дворца донеслись крики и сигнал тревоги. Гордон вскочил, почувствовав мгновенную резкую реакцию геррнов. Спустя мгновение огромными прыжками примчался Ссерк. Что-то неразличимое в темноте билось в его руках.

— Держите, — выпалил Ссерк, бросая Лианну в объятия Гордона. — Она ничего не понимает. Объясните ей все, и покороче.

Теперь Лианна яростно сопротивлялась уже Гордону:

— Так это все ваши затеи, Джон? Они ворвались через потайную дверь, вытащили меня из постели...

Нервная, извивающаяся, в одной лишь тонкой ночной рубашке, она вырывалась из рук Гордона с силой, которую придали ей негодование и волнение.

— Да как вы смеете?!

Он ладонью шлепнул ее по щеке, чтобы привести в чувство.

— Да образумьтесь же! И слушайте меня внимательно. Казнить беднягу Джона Гордона за непокорство и оскорбительное поведение всегда успеется. И я смиленно подставлю грудь под пулю или положу голову под топор, не знаю, слава богу, как это у вас делается. Но сейчас вы должны выполнять все, что я скажу. От этого зависят ваша безопасность и сохранность вашего разума...

И тут его, как он сам определил, шарахнуло. Это было как оглушительный, сокрушающий удар грома и вспышка молнии, опалившая мозг, парализовавшая его и погрузившая судорожно трепещущее сознание в бездонную пустоту.

Лицо Лианны, растерянное выражение которого удивило Гордона, вдруг бесследно растаяло, кто-то, возможно, Коркханн, захлебнулся сдавленным криком, в рядах геррнов раздавались глухие стоны, и все звуки поглотила черная бездна, в которую он падал. Но вскоре Гордон почувствовал, что таинственные силы, перед которыми его разум оказался податливым и беспомощным, вступили друг с другом в жесточайшую схватку, и когда наступил ее исход, черная туча, застилавшая его взор и мысль, вмиг развеялась, он услышал зов Ссерка:

— В путь! Да побыстрее!

Лапы геррнов тянули, направляли Гордона, их разум руководил его действиями. Он бессознательно помог усадить Лианну на спину Ссерка и сам непонятно каким образом очутился верхом на крупе молодого мускулистого геррна. Все поселение было охвачено паникой. Обезумевшие от страха самки с детьями в лапах суетливо скакали, не зная куда податься. На выручку спешили геррны, до этого занимавшиеся Гордоном. Сам Ссерк несся, как ветер, меж деревьями в сопровождении наиболее сильных соплеменников. Гордон с трудом удерживался на своем скакуне-кентавре, мчавшемся по извилистым тропинкам через луга, лесные чащи, ложбины... В какой-то момент он приметил Коркханна, ловко оседлавшего Ссерка, и белевшую перед ним в предрассветном сумраке ночную сорочку Лианны.

Утренняя заря уже расцвечивала небо первыми лучами — ярко-розовыми, прозрачно-зелеными, как морская волна, и молочно-белыми. Зрелице было потрясающее прекрасным и величественным.

За спиной Гордона слышались приглушенные тревожные голоса. Его опять обуял необъяснимый страх. Все внутри съежилось и похолодело в ожидании нового ошеломляющего удара. Ему пред-

ставилось, что Серый преследует их, невидимый и стремительный, в развеивающемся плаще.

Но на этот раз удар миновал Гордона, он был нацелен на Лианну, и та согнулась, как сломанная тростинка, и упала бы, но геррны вовремя подхватили ее. Следующий телепатический разряд пришелся в Гордона, но тот перенес его уже легче: падение в черную бездну прекратилось на удивление быстро.

— Слава богу, возможности Серого и его банды ограничены, — хриплый голос Коркханна звучал совсем рядом. — Расстояние гасит удары.

— Но учтите, — охладил его Ссерк, — наша способность защищать ваш разум, постоянно находясь под мощным напором превосходящих мозговых сил противника, тоже с каждым часом уменьшается. Серый и те, кто с ним, вот-вот сведут ее на нет. Так что живо — в отрыв от злодеев!

И он, прибавив скорость, устремился вперед фантастически гигантскими прыжками. Остальные геррны изо всех сил старались не отставать от вожака. Гордону, однако, казалось, что они продвигаются слишком медленно, хотя и успели уже перевалить множество холмов, позолоченных зарей и вздымающихся к небу, которое переливалось всеми оттенками перламутра...

Вдруг он, насторожившись, предупреждающе воскликнул:

— Слышите?!

Далекий приглушенный звук, похожий на свист ветра между кронами деревьев, все усиливался, становился пронзительней...

— Да, — кивнул Ссерк, — это вездеход-амфибия Серого. Он все ближе.

Геррны бежали во весь дух, но свистящий звук неотвратимо приближался. Гордон не нуждался в телепатическом даре, чтобы почувствовать, как овладевает геррнами всепоглощающий страх перед грядущими ударами. Все сильней и проворней отталкиваясь от земли мощными конечностями, они последними усилиями вынеслись на окружную вершину высокого холма, с которого открывался примыкающий к кромке леса космодром и поблескивающие громады двух крейсеров: одного — с эмблемой Белого Солнца Фомальгаута, другого — со знаком молний. Входные люки у обоих были открыты и ярко освещены.

Гордон соскользнул со своего «скакуна» на землю и принял от Коркханна бесчувственное тело Лианны. Ссерк, задыхаясь после бешеной скачки, прерывисто выдохнул:

— Серый нагоняет нас.

Назойливый свист в этот момент прекратился. Видимо, вездеход остановился где-то поблизости возле космодрома. Гордон чувствовал, что волосы шевелятся у него на голове. Опять этот Страх!.. Но он нашел в себе силы поблагодарить геррнов:

— Мы очень вам признательны. Принцесса никогда этого не забудет.

Крепко прижав к себе Лианну, он припустил к королевскому крейсеру, слыша позади сипенье Ссерка:

— Что сделано, то сделано, и быть по сему!..

Ему вторил молящий возглас Коркханна:

— О, не оставляйте нас именно сейчас, иначе все ваши усилия пойдут насмарку. Я не смогу защитить их разум в одиночку! Мои способности слабее ваших!

Гордон бежал во всю прыть по неровному покрытию космодрома, видя перед собой лишь раскрытый люк корабля, все его мысли и чувства сосредоточились лишь на одном: вовремя попасть внутрь крейсера...

Рядом с собой он слышал быструю поступь Коркханна. В какой-то момент он вообразил, что Серый отстал и что больше нечего опасаться. Но тут бесшумный согрясающий удар вновь вверг Гордона в небытие, ноги у него подкосились, и он выпустил Лианну из рук, чисто инстинктивно постаравшись загородить ее своим телом. Она застонала. Ослепленный, терзаемый неведомой силой, он, как в морской пучине, баражтался во мраке, окутавшем его сознание. Однако исходивший из люка свет становился все ярче, и вот уже сделался ослепительным. Гордон, вынырнув из ледяной тьмы, сковывавшей все его существо, различал голоса, лица офицеров королевского космического флота. Он увидел Лианну на руках Горн Горва, затем чьи-то сильные руки подняли и его. Вдалеке звучал резкий, разрывающий воздух, свист как при урагане. Двое офицеров внесли потерявшего сознание Коркханна.

Горн Горва коротко приказал:

— Приготовиться к старту!

Проваливаясь в темноту, Гордон все же услышал, как со скрежетом закрылся входной люк, прозвенели сигналы тревоги. Очнулся он в салоне. Лианна прижалась к нему, смертельно бледная, с расширенными глазами, дрожащая, как перепуганный ребенок. Гордон все продолжал обнимать ее и тогда, когда крейсер уже пронзил атмосферу, и оранжевый диск под ними начал быстро уменьшаться. Между тем и Коркханн пришел в себя. Его взгляд был еще блуждающим, но голос полным гордости:

— Минуту, целую минуту я сдерживал его один!

— Коркханн, кто... что... кто такой Серый? — спросил Гордон.

— Боюсь, воскрес поверженный демон. Я думаю...

Он свесил голову на грудь, не в силах продолжать. Гордон погрузился в свои мысли. «Да, — с иронией подумал он, — я с восторгом и щемящей печалью вспоминал в своей нью-йоркской квартире красоту этого далекого безбрежного мира, начисто забыв об опасностях и кошмарах, подстерегающих здесь на каждом шагу. А, ладно. Будь что будет! Все равно это лучше, чем прошлая гнусная жизнь, пленником которой я был».

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

В ПРОСТОРАХ БЕСКОНЕЧНОСТИ

Глава I

Снаружи, в свете плывущих по ночному небу лун, прежние властители Фомальгаута, изваянныес из камня, словно грезили о безвозвратно ушедшем, о былой власти и былом великолепии... Вдоль всего пути, ведущего из сверкающего огнями города в королевский дворец, по обеим сторонам тянулись их статуи выше человеческого роста. Более сотни представителей одиннадцати правивших династий — этого вполне хватало, чтобы наполнить благоговейным страхом и почтенным уважением сердца путников, проходящих по этой дороге. В лунные ночи дорога выглядела пустынной и тихой, и при мерцании лун каменные лица, казалось, улыбались, хмурились, принимали задумчивое выражение...

А в обширном и сумрачном тронном зале, созерцая через огромное, от пола до свода, окно величественные статуи, Гордон чувствовал себя маленьким и ничтожным, этакой мошкой, залетевшей в небоскреб. С высоты стен, теряющихся во мраке, с написанных маслом портретов другие владыки, не менее достойные и гордые, глядели на него, казалось, с нескрываемым презрением.

«Человек Земли, человек двадцатого века, отстоящего от здешней эпохи на две сороки тысячи лет, что делаешь ты здесь, вне своего времени и пространства?» — робко спрашивал себя Гордон.

И в самом деле, чем он здесь занят? Зачем он здесь?

Внезапно он почувствовал себя невероятно чуждым всему, что его окружало. Горло перехватило от ощущения, что он проваливается в немыслимо глубокую бездну парсеков и тысячелетий. Уже не впервые ему приходилось бороться с этим ощущением — и в сотнях тысяч лет от мира, где он жил до этого, уже дважды пересек он эту безбрежность времени, но сам не изменился, во всем оставался Джоном Гордоном, нью-йоркцем двадцатого века.

Почему, почему он так отчаянно рисковал, когда мельчайшие частицы его тела и мозга пересекали бездну времени, чтобы вновь соединиться в далеком будущем? Он-то верил, что все это из-за женщины, в которую влюбился, пребывая в облике Зарт Арна. Но теперь он для нее лишь чужак, пришелец, и она казалась — нет, была! — недоступной. Зачем же тогда он здесь?.. Зачем?.. Его била дрожь, бросало из жара в холод, как в лихорадке. Внезапно он услышал свистящий голос:

— Как странно, Гордон! Вам неведом страх в моменты опасности, а сейчас вы дрожите...

В густых сумерках, разбавленных голубоватым светом лун, Коркханна можно было принять за человека, если бы не шорох перьев, не лицо с крючковатым клювом, круглыми, желтыми глазами, мудрыми и спокойными.

— Я ведь просил вас не читать мои мысли.

— Клянусь вам, я и не думал копаться в вашем забитом всякой чушью мозгу, — виновато сказал Коркханн. — Но я не могу запретить себе ощущать ваш эмоциональный настрой. — После паузы он добавил: — Я пришел, чтобы проводить вас на заседание Совета... Меня послала Лианна.

Гордон почувствовал, как гнев и обида вновь закипают в нем.

— Что нужно от меня Совету и Лианне? Вы ведь знаете, я совершенно не разбираюсь в происходящем, я вконец запутался. Я — примитив, реликт, не забывайте этого.

— В какой-то мере — да, это точно, но и вы не забывайте, что Лианна не только женщина, но и принцесса, и что отношения между вами для нее не менее мучительны, чем для вас. Она в смятении, что для коронованной особы непривычно и недозволительно.

— Черт возьми! — взорвался Гордон. — Не хватало мне еще, как любовнику в отставке, выслушивать слова утешения от... от...

— От птичьего мутанта, этакого гигантского воробья. — Коркханн со свойственной ему четкостью определил то, что Гордон не решался высказать вслух. — Я думаю, что это один из пернатых, распространенных на вашей Земле. Неважно. Вы меня нисколько не обидели. Я привык воспринимать все с должной трезвостью и естественностью.

— Честное слово, я не хотел вас обидеть, — горячо заверил его Гордон. — Можете не сомневаться в моем глубоком уважении к вам...

И он был искренен. Он все еще не совсем свыкся с негуманоидом из окружения Лианны, и общение с ним представляло для Гордона определенные затруднения, но вместе с Коркханном ему довелось пережить трудные, чреватые опасностями моменты, и без его самоотверженной помощи он вряд ли выбрался бы из почти безнадежных ситуаций.

— Хорошо, я готов. Идемте.

Они покинули тронный зал. По дороге в широких коридорах дворца им не встретилось ни души, так как было уже довольно поздно. Но в этой мертвой тишине, в полном безлюдье Гордон каким-то шестым чувством угадывал неясную опасность. И это ни в коей мере не являлось плодом его воображения, поскольку опасность, как ему казалось, таилась далеко отсюда у незнакомых, малоисследованных границ Галактики. И тот факт, что Совет собрался в столь поздний час, чуть ли не сразу после их возвращения на Фомальгаут, свидетельствовал о серьезности и масштабности предошущаемой им опасности.

В небольшой, обшитой панелями комнате, где заседал Совет, в который входил лишь один негуманоид — Коркханн, к Гордону повернулись четыре лица, выражавшие широкую гамму чувств — от брезгливой неприязни до откровенной враждебности.

Лианна, занявшая место во главе стола, сдержанно приветствовала вошедших и представила Гордона членам Совета. Самый молодой из них, подняв густые брови, резко проговорил:

— Есть ли насущная необходимость в его присутствии?.. Да, для нас не секрет, что вы благоволите к этому чужаку, явившемуся невесть откуда, но, Ваше Высочество, я не вижу причин...

— Простите, но я не напрашивался к вам, — прервал его Гордон.

Изучающий взгляд серых, таких дорогих глаз на миг остановился на нем, и принцесса сказала непрекаемым тоном:

— Да, Абро, есть такая необходимость. Садитесь, Джон Гордон.

Он сел за стол, все еще возбужденный, и услышал неодобрительный шепот Коркханна:

— Друг мой, не надо проявлять такую агрессивность.

Замечание так похожего на огромную птицу существа с желтыми, полными мягкости и мудрости глазами заставило Гордона улыбнуться, и он чуть расслабился.

Демонстративно игнорируя присутствие Гордона, что уже было оскорбительным, Абро начал речь в несколько небрежной, высокомерной манере:

— Общая ситуация представляется мне такой: дерзнув использовать силу против законной правительницы Фомальгаута, Нарат Тейн разоблачил себя как наш заклятый, опасный враг. И, по моему мнению, необходимо его проучить, нанести по нему и его гернам сокрушительный удар, послав на Тейн армаду тяжелых крейсеров.

В глубине души Гордон был полностью с ним согласен, мысленно оправдывая и защищая лишь гернов; ему живо представилось их полное зловещих приключений пребывание на Тейне, когда им едва удалось избежать неминуемой гибели и чудом ускользнуть от преследования таинственных сил. Но Лианна медленно, царственно покачала головой в ореоле золотистых волос:

— Ошибаетесь, Абро, мой кузен Нарат Тейн не так уж опасен. Он уже давно плетет против меня козни и заговоры, но на что он способен со своей умственной ущербностью и своими варварами?.. Истинную опасность представляют его нынешние союзники — графы Границ Внешнего Космоса и еще кое-кто, куда могущественней и страшней...

— Тогда ударим по графикам, — безапелляционно заявил Абро.

Гордону начинал нравиться этот фомальгаутец — прямой, решительный, бескомпромиссно суровый, и он простил Абро открытое недоброжелательство, с каким тот встретил его. В конце концов

оно было объяснимо. Но тут вмешался Коркханн. Его свистящий голос чуть дрожал от напряжения:

— Принцесса права: за Нарат Тейном и графами скрываются какие-то неизвестные силы, от которых и исходит главная угроза, и она тем страшней, чем непонятней и таинственней. Представитель этих сил встретился нам на Тейне, и из-за него мы чуть не погибли — так велико его почти мистическое могущество. Но мы так и не узнали, кто это или что это, он так и остался для нас грозной загадкой...

Гордон вспомнил существа в сером из свиты Син Кривера, атаковавшее их разум с такой разрушительной мощью, какая ему доселе не встречалась.

Лианна, видимо, тоже вспомнила о Сером, так она вдруг побледнела.

— Ударив по графикам, мы и выясним, кто стоит за ними, — вставил другой советник. — Я разделяю мнение Абро.

— Мне кажется, вы забываете, — осадила его Лианна, — что графы пока союзники Империи.

— Положим, как союзники мы более верны и надежны, — с гордостью добавил Абро.

Лианна наклонила голову:

— Согласна. Однако мы не можем атаковать Границы Внешнего Космоса, предварительно не обсудив наши планы с Трооном.

Гордон видел, что их это покоробило. Как и большинство обитателей небольших звездных королевств, они страдали не-померно раздутым самомнением, и одна мысль о зависимости от кого-то их уже возмущала. Но Империя — это Империя, ей нет равных в Галактике, в ее подчинении — невообразимое число звездных миров, группирующихся вокруг гигантского Канопуса.

Не обращая внимания на недовольный ропот членов Совета, Лианна объявила:

— Я решила послать в Троон Коркханна в сопровождении Джона Гордона.

Сердце бешено заколотилось в груди Гордона. Троон! Он снова увидит Троон! И принцесса так доверяет ему!

Абро горячо запротестовал, и Астус Нор, старейший член Совета, встал, окинул Гордона долгим, меряющим взглядом, затем обратился к Лианне:

— Ваше Высочество, не нам судить, не ошибаетесь ли вы в выборе фаворитов, но когда они начинают совать свой нос в государственные дела, мы обязаны решительно сказать, и мы говорим: нет!

Лианна тоже поднялась, устремив на почтенного старца испепеляющий взор, но тот не отвел глаз.

Коркханн, чтобы снять наступившую напряженность, даже не дал принцессе заговорить, но сделал это с таким тактом и тонкостью, что никому в голову не пришло бы обвинить его в неслыханной дерзости.

— С вашего разрешения, Ваше Высочество, я хотел бы ответить присутствующим.

Он обежал пронзительным взглядом хмурые, враждебные лица советников.

— Вы, кажется, не раз убеждались, что я обладаю некоторыми неординарными способностями и редко ошибаюсь в оценках ситуаций и прогнозах.

— Ближе к делу, Коркханн, — проворчал Астус Нор.

— К нему и переходжу. — Коркханн положил когтистую руку на плечо Гордона. — Я хотел бы ознакомить вас с неоспоримыми фактами. Не существует никого — я это подчеркиваю — никого во всей Галактике, кто имел бы на Совет Империи такое влияние, как этот, по вашим словам, чужак, называющий себя Джоном Гордоном.

Гордон посмотрел на него с удивлением.

— Значит, вы все-таки порылись у меня в мозгах, — с укором пробормотал он. — Если только она сама вам не рассказала...

Коркханн, словно не слыша его, спокойно озирал лица, на которых враждебность уступила место чрезвычайному изумлению.

— Но почему... каким образом? — вырвалось у Абро.

Коркханн пожал плечами, зашуршали перья.

— Я доложил вам о непреложном факте, больше мне нечего добавить.

Советники уже с интересом, хотя все еще недоверчиво, посмотрели на Гордона. Старый Астус Нор буркнулся:

— Ну, если это говорит Коркханн, значит, так оно и есть. Хотя... — Он запнулся и закончил более твердо: — Хорошо, пусть Гордон летит с ним.

— Странное дело, — тихо, с обидчивым недоумением произнес Гордон, — но почему-то никто не спросил моего мнения, не поинтересовался, а пожелаю ли я составить ему компанию и совершить путешествие на Троон.

Ему надоело быть послушным, безропотным исполнителем чужой воли, не имеющим даже права голоса, и он выложил бы все, что думает по этому поводу, уж излил бы душу, если бы Лианна не опередила его, возгласив властным, не терпящим возражений, тоном:

— Совет окончен, господа.

Советники вышли, не произнеся больше ни слова. Когда они удалились на почтительное расстояние, Лианна подошла к Джону.

— Что на вас нашло? Вы ведь горите желанием снова попасть на Троон!

— Вы так думаете?

— Не лгите. Я видела, как вы просияли, когда я заявила, что пошлю вас с Коркханном. — В ее взгляде читался немой укор. — В тот момент, — продолжила она, — когда на Тейне смерть витала рядом с нами, мне показалось, что мы, как и прежде, дороги друг другу... да, как когда-то. Но теперь я вижу, что заблуждалась, и не так уж много значу для вас.

— И это вы говорите человеку, который рисковал жизнью, чтобы вновь оказаться возле вас?!

— А действительно ли из-за этого вы рисковали жизнью, Джон Гордон? Обо мне ли вы мечтали в своем Нью-Йорке?.. Или о необыкновенных приключениях, о космических кораблях, о небывалых просторах, о новых грандиозных битвах?.. В общем, о чудесной звездной сказке?..

В утверждении Лианны содержалось зерно правды, и гнев Гордона утих, тень вины мелькнула в его глазах, заставив Лианну горько, разочарованно улыбнуться.

— Так я и думала. — Она отвернулась от Гордона. — Отправляйтесь на Троон, и пусть дьявол повстречается на вашем пути!

Уж не обладала ли она провидческим даром?..

Глава II

Во время полета к Канопусу Гордон проводил свободное время в командном отсеке корабля-разведчика. Сквозь иллюминаторы он наблюдал, как надвигаются и остаются позади созвездия сказочной красоты и размеров. После стольких бестолковых лет, проведенных на крошечной Земле, он все не мог досыта насладиться волшебным зреющим.

Гигантские звезды в Скоплении Геркулеса, где заносчивые бароны воображали себя равными звездным королям, медленно растворились во тьме Космоса. Обогнув слабо мерцающую массу небесных тел, принадлежащих королевству Лебедя, они вышли в космический сектор, где когда-то разыгралось решающее сражение между космическими флотами Империи, ее союзников и Лиги Темных Миров.

Гордон смотрел и вспоминал. Далеко-далеко к югу угадывалось темное пятно, откуда армада кораблей Лиги начала свою атаку. Он вспомнил Талларну и Шорр Кана, вождя Лиги, который, признав себя побежденным, трагически погиб от рук своих подданных; Гордон видел это своими глазами на телестереоэкране могучей «Этны», несшей Разрушитель.

— Вы слишком много думаете о прошлом и совершенно недостаточно о настоящем, — заметил Коркханн, лукаво косясь на него.

Гордон добродушно улыбнулся:

— Если бы вы знали меня получше и подольше, вы бы этому не удивлялись. Конечно, для многих я был авантюристом, шел на

неимоверный риск в этом сражении, но так или иначе я был там, а это не забывается.

— Да, неограниченная власть опьяняет. Тогда вы держали в руках всю Вселенную и сейчас, наверно, сожалеете, что не обладаете прежним могуществом и не господствуете над судьбами сотен Звездных государств?..

— Нет, — возмутился Гордон, дивясь тому, что вопрос Коркханна совпал с обвинениями Лианны. — Меня подгонял страх. Я действовал, как в тумане...

— Вы в этом уверены, Джон?

И не дожидаясь, пока он найдется, что ответить, Коркханн ушел.

Гордон с трудом успокоился. Перед его глазами один за другим появлялись из космической бездны и исчезали грандиозные миры Средне-Галактической Империи.

Ослепительное пламя с голубоватым оттенком, источаемое ядром Канопуса, затмевало сияние других солнц. Вскоре Гордон увидел планеты, окружающие это яркое светило. Он не мог оторвать взгляда от одной из них, закрытой облаками...

Троон. Он вспомнил, как попал на него впервые, ослепленный и оглушенный несказанностью будущего, вынужденно играя роль, к которой был совершенно не подготовлен, чувствуя себя жалкой марионеткой, пешкой в руках могущественных политиков, о чьих мыслях, планах и целях он не имел ни малейшего представления, как и вообще о смысле и правилах этой непостижимой для него, космических масштабов, игры...

Значил ли он теперь больше, чем тогда, обладал хоть какой-то независимостью и самостоятельностью?.. Не принудили ли его лестить на Троон лишь затем, чтобы помочь Коркханну еще больше укрепить там свои позиции и усилить влияние на Джала Арна, полновластного сюзерена Империи?..

Наверно. Даже наверняка. И все же это ведь не только политические расчеты Фомальгаута, но еще и личное пожелание Лианны, отважившейся на борьбу против загадочной угрозы со стороны дальних пограничных миров.

Огромная серо-зеленая планета, к которой неуклонно приближался корабль, вырисовывалась все четче и рельефней — со своими обширными материками, морями, серебрящимися под белыми, как раскаленный металл, лучами солнца, с необозримым океаном, занимавшим остальное пространство, и незабвенными Хрустальными горами, которыми он с таким жадным нетерпением предвкушал любоваться снова — этим слепящим, феерическим величием широко развернутого веера из отграниченных природой, отшлифованных до зеркального блеска кварцевых стрел и копий.

Но, оставив в стороне эту хрустальную феерию, музыку которой Гордон уловил внутренним слухом, корабль уже совершал предпосадочные маневры над стройными стеклянными башнями столицы

Империи, самого большого города на планете, носящего то же гордое имя.

Гордона удивили активность и напряженный ритм жизни центрального космопорта Империи. Следуя безошибочным указаниям электронного мозга, космические гиганты с созвездий Денеба, Альдебарана и других солнц безукоризненным строем, соблюдая размеренную очередность, в сопровождении менее крупных кораблей опускались на посадочные площадки. Корабль Гордона и его спутников, выполнивший официальную миссию, был вне очереди принят в военном порту, где грозные крейсеры Империи терпеливо дожидались своей поры.

Менее чем через час после посадки посланцы Фомальгаута прибыли в Королевский дворец — сердце Империи.

Их встретил Зарт Арн. Его радушная улыбка погасла, едва он пожал руку Гордона:

— Мне хотелось бы увидеться с тобой в Трооне при других обстоятельствах, менее тяжких, чем ныне.

Повернувшись к Коркханну, он добавил:

— Мой брат знает о цели вашего визита. Вы не первые, кто приносит на Троон известие об опасности, размеры которой неразумно ни преувеличивать, ни приуменьшать.

— Другие, значит, тоже обеспокоены? — уточняюще спросил Коркханн.

— Да, но об этом позднее. И к черту дипломатию и протокол. Пошли, выпьем саквы, Джон.

Чудо-эскалатор вынес их в просторный зал со стенами из витражей, где чередовались изображения космических кораблекрушений, что придавало залу вид одновременно и величественный и зловещий.

О, Гордон не забыл эту мрачную пышность, а также смежный зал, залитый ярким светом. Движущиеся ковры доставили их на верхние этажи. Все, кто им встречался, низко склонялись перед Зарт Арном. Гордону показалось, что они весьма удивлены, видя, как дружески непринужденно принц разговаривает с незнакомцем.

— Не правда ли, странное ощущение — идти вот так, рядом, — заметил Гордон, — словно мы никогда и не обменивались телами...

— Странное? Для меня — нет, — улыбнулся Зарт Арн. — Не забывай, что я уже не однажды пересекал время в чужих обличьях, хотя все это теперь уже в прошлом. Но я хорошо тебя понимаю.

Разговор они продолжали уже в апартаментах Зарт Арна, комнатах с высокими сводами и строгой белизной, которую скрашивали лишь цветные шелковые портьеры на окнах. Полки с кассетами мыслезаписей находились на прежних местах. Гордон приветливо поздоровался с Мерн, все такой же миловидной и миниатюрной, и вышел на широкий, как терраса, тянувшийся вдоль всего фасада балкон, чтобы обозреть панораму города.

Казалось, за время его отсутствия ничего здесь не изменилось. Канопус закатно озарял разноцветные купола домов-башен, неповторимо прекрасных в отсветах зеленої глади далекого океана и всепобеждающего блеска Хрустальных гор.

Голос Зарт Арна вывел Гордона из полу забытья:

— Ну что, никаких перемен? — Он протягивал гостю высокий бокал с темной жидкостью. — А помнишь вкус саквы?

— Смутно, — бормотнул Гордон, почему-то вдруг смешавшись.

Зарт Арн, все подмечавший, перешел в наступление:

— Лианна, как я понимаю?.. О ней твои смятенные мысли?.. Я пока не хотел донимать тебя расспросами. Но скажи на милость, что там у вас произошло? Запутались в своих отношениях, по-вздорили? В общем — разрыв?

— Нет, мы не рассорились всерьез. Но я чувствовал, как она отдалась от меня — принцесса все-таки! А она догадалась, что я согласился перенестись сюда не только из-за нее, а и из-за всего этого. — Он обвел рукой сверкавший стеклом и огнями город, невообразимо прекрасные горы вдали, с их призрачным сиянием, космические корабли, плавно и величаво опускающиеся на Троон и взмывающие к небу.

Их разговор прервало появление высокого статного мужчины в черном, с отличительным знаком кометы на груди. Пристально глядя на Гордона, мужчина направился к нему. Гордон без труда узнал в нем Джала Арна, старшего брата Зарт Арна и повелителя Средне-Галактической Империи.

— Как странно, — сказал тот без всяких предисловий. — Вы меня, конечно, хорошо знаете, а я впервые вижу вас в истинном обличье. — Они пожали друг другу руки. — Зарт мне рассказывал, что именно таким жестом вы когда-то приветствовали друг друга. Добро пожаловать в Троон. Я счастлив оказать вам самый теплый присм.

Он произнес это без пафоса, но пожатие было крепким.

— Но, увы, вы одарили нас не только своим, поверьте, весьма приятным, визитом, но и многотрудными проблемами. Впрочем, в этом вы не одиноки. Некоторые из наших наиболее верных союзников уже прислали своих эмиссаров; они тоже встревожены, а иные готовы впасть в панику.

Он подошел к балюстраде, задумчиво поглядел на город, на небо, уже сумеречное, с двумя лунами, одной — густо-золотистого цвета, другой — холодно-серебристой.

— Слухи в Галактике распространяются быстро, — вступил в разговор Зарт Арн. — Точно никто ничего не знает, но будто бы от Границ Внешнего Космоса надвигается на нас неведомая смертоносная опасность. Конкретности никакой, однако высокопоставленные лица в различных королевствах обеспокоены этими слухами, в то время как другие считают их необоснованными.

— То, что мы видели на Тейне, отнюдь не плод нашего воображения, — хмуро сказал Гордон. — Коркханн поведает вам о наших злоключениях.

— Он это уже сделал. Я имел с ним беседу сразу по вашему прибытию. И... то, что он рассказал, мне очень не по душе. — Он покачал головой с пасмурным видом. — Сегодня вечером необходимо принять какое-то решение, обязательно неоспоримое и устраивающее все государства Галактики. И мы должны будем его принять, хотя у нас явная нехватка фактических данных. — Он замолчал и направился к двери. Выходя с балкона, обратился к Гордону: — Вы были на моем месте несколько недель, Джон, и я вас уверяю, что с той поры мои обязанности не стали ни на йоту легче и отраднее.

После ухода брата Зарт Арн повернулся к Гордону:

— Сейчас я отведу тебя в ваши с Коркханном покой. Я позаботился, чтобы они — для удобства общения — были как можно ближе к моим, так как нам еще есть о чем поговорить.

Он оставил Гордона у дверей апартаментов. Когда Гордон вошел туда, его поразила роскошь временного обиталища. По сравнению с ним кабинет Зарт Арна казался спартански-скромным. Как большинство ученых, тот предпочитал до аскетизма строгую обстановку.

Из-за спинки кресла, пододвинутого к балконной двери, торчали встопорщенные перья. В кресле удобно расположился Коркханн, рассматривая видимую часть города, теперь уже щедро иллюминированного, и звездное небо, пересекаемое время от времени огнями взлетающих и садящихся кораблей.

Гордон подошел к нему сбоку.

— Меня начинает все серьезней беспокоить то, что я узнал, Коркханн. Я...

Не договорив, он испуганно вскрикнул:

— Коркханн!..

Пернатый негуманоид, к которому Гордон испытывал уже не только терпимость, но и горячую симпатию, поразил его какой-то закаменелостью тела и лица со смешным клювом. Его желтые глаза потускнели и, лишенные всякого выражения, походили на холодные округлые янтаринки. Гордон потряс его, чувствуя под пальцами удивительную хрупкость покрытого перьями тела.

— Коркханн, что случилось?! Очнитесь же!..

Наконец проблеск сознания, смешанный с выражением боли, появился в глазах фомальгаутского министра... Пожалуй, лишь жестокие пытки могли бы послужить причиной и такой боли, и бесчувствия. Гордон продолжал звать и теребить Коркханна. Мысль и страдание вновь мелькнули во взгляде пернатого существа, свидетельствуя о неимоверной борьбе, которая в нем происходила, затем он согнулся вдвое, и крупная дрожь сотрясла его хрупкое тело. Раздалось невнятное бормотанье.

— Что случилось? — в отчаянии повторил Гордон.

Прошла еще минута, прежде чем Коркханн смог поднять на него глаза, полные растерянности и муки:

— Однажды мы это уже испытали, вы и я. Но сейчас все гораздо хуже и страшнее. Помните создание в сером, которое на Тейне пыталось сковать и разрушить наш разум?..

Гордон почувствовал, как кровь стынет в жилах. Ему ли забыть это загадочное существо, спутника и советника Син Кривера, таинственного и обладающего необъяснимым могуществом, Серого, которого страшились даже геррны?..

— Да, — прошептал Коркханн. — Один из них здесь, во дворце.

Глава III

Императорский дворец взрывал ночь изобилием огней. Сквозь сотни окон вырывался яркий свет, слышались музыка и голоса, сливавшиеся в сплошной гомон. Правители Империи давали грандиозный прием в честь пожаловавших в Троон именитых особ. Пестрая толпа гостей, прибывших отовсюду, даже из тех миров, где перья, чешуя или шерсть заменяли одежду, шумно развлекалась в огромных залах. Многие жадно набросились на деликатесы и изысканные напитки. Разнообразнейшие глаза на гуманоидных, но не человеческих лицах: узкие и круглые, как блюда, без ресниц и как у стрекоз возбужденно блестели в свете тысяч ламп. Причудливые фигуры слонялись в саду меж громадными клумбами с фосфоресцирующими цветами.

Как бы напоминая о том, что на Трооне не только веселятся, одновременно стартовали два десятка добротно вооруженных крейсеров, заглушая ревом двигателей гул голосов и звуки музыки. Легкие мобильные разведчики и корабли-призраки взлетели еще раньше. Весь этот космический флот держал курс на свои базы в районе Плеяд.

Гордону на этом пышном празднестве удалось увидеть не слишком много. Вместе с Зарт Арном он принял участие в церемониале, связанном с торжественным выходом Джала Арна, после чего они втроем, венценосные братья и самый дорогой для них гость, поднялись в рабочий кабинет императора.

Гордон видел, что привлекает всеобщее любопытное внимание. Многие, вероятно, задавались вопросом, почему какой-то ничем не примечательный незнакомец без какого-либо звания и ранга удостоен чести повсюду появляться рядом с императором. Но этому не стоило придавать значения, у Гордона хватало других забот.

— Мне нужно было побывать с Коркханном, — пояснил он. — Он еще не совсем оправился от шока.

— Министр под охраной императорской гвардии, — успокоил его Джал Арн. — Но, надеюсь, он присоединится к нам, чтобы участвовать в совещании, как, впрочем, и еще одна высокопостав-

ленная особа, флотоводец, которого вы, Гордон, без сомнения, должны хорошо помнить. Да вот и он!

И в этот момент в кабинет чеканным шагом вошел высокий широкоплечий офицер с аккуратно подстриженными черными волосами и лицом, отливающим медью загара. Сразу узнав его, Гордон так и вскочил с места:

— Хелл Беррел!

Офицер пялился на него с нескрываемым недоумением:

— Простите, но разве мы уже встречались? Что-то не припомню...

Гордон упал в свое кресло. Ну, ясное дело, Хелл-то не узнал его. Не мог узнать. Ведь даже для своих лучших друзей он — незнакомец... Нет, они и прежде его видели, но в ином облике. И он вновь с горечью подумал о двусмысленности своего положения и ситуации, в какой очутился, возникнув в этом мире и в этой эпохе собственной, так сказать, персоной...

— Капитан Беррел, — подсказал Джал Арн, — вспомните-ка, как облачники решились на наглую агрессию... На меня тогда было совершено покушение, что вынудило моего брата, Зарт Арна, временно занять мой трон и возглавить Империю в критический для нее момент...

— Мне ли забыть об этом, Ваше Величество! — Меднокрасное лицо Беррела просветлело. — Во главе с принцем Зарт Арном мы наголову разбили флотилию Лиги Темных Миров в битве у Денеба!

— Когда Шорр Кан бросил против нас свою армаду, — продолжал Джал Арн, — он распространил по всей Галактике послание, фрагмент из которого мне хотелось бы продемонстрировать...

Зарт Арн нажал кнопку, и на стене высветился телестереоэкран с изображением черноволосого гиганта с пронзительным взглядом черных глаз. Его властный, самоуверенный, насмешливый голос как бы завершал портрет человека могучего и циничного, без моральных тормозов и без предрассудков.

— Шорр Кан... — прошептал Гордон.

Джал Арн призвал всех к вниманию:

— Послушайте!

И Гордону вновь пришлось пережить тот ужасный момент, когда Шорр Кан с обычной ухмылкой, но убеждающе твердо проговорил: «Зарт Арн подменен, на его месте — самозванец. Звездные короли и бароны, не жертвуйте собой во имя ложной цели! Судьба Империи на волоске, и если вы не одумаетесь, то погибнете вместе с ней!»

Телестереоэкран погас. Хелл Беррел с удивлением поглядел на Джала Арна:

— Я все это хорошо помню, Ваше Величество. Обвинения зарвавшегося диктатора были настолько смехотворны, что никто не принял их всерьез.

— Нет, капитан, они вовсе не были беспочвенными, — с на jakiom произнес Джал Арн.

Хелл Беррел уставился на него в полном недоумении. Не зная, что сказать, он повернулся к Зарт Арну. Тот улыбнулся:

— Да, Шорр Кан сказал тогда правду. Мало кто знает об этом, но в последние годы мне удалось изобрести, опробовать и реализовать способ обмена разумами с людьми других миров и других эпох. Один из этих людей — Джон Гордон, присутствующий здесь. Не случайно же он узнал вас — ведь вы тогда тесно и успешно сотрудничали. И это именно он, правда, принял на время мой физический облик, обеспечил блестательную победу Империи над Лигой Темных Миров. А Шорр Кан совершенно случайно раскрыл нашу тайну, интуитивно докопался до истины.

Он нажал на другую кнопку, прежде чем продолжить:

— Вы должны помнить, что после разгрома космической флотилии Лиги облачники признали свое поражение и попросили о перемирии. Сейчас я вам напомню финал тогдашних событий.

И на телестереоэкране появилась сцена, неизгладимо запечатлевшаяся в памяти Гордона. Группа людей, одежда и волосы которых были в большом беспорядке, теснилась в тронном зале дворца Шорр Кана. Один из них выступил вперед и проговорил хриплым голосом: «Мы согласны на ваши условия, принц Зарт Арн. Мы капитулируем и тотчас же разоружим наши корабли. Тиария Шорр Кана свергнута, сам он при смерти, вы сейчас убедитесь в этом».

Экран воспроизвел другой зал дворца — поменьше и помрачнее. Шорр Кан, окруженный воинами с направленным на него оружием, сидел в кресле, вялый, с белым как мел лицом, на левом виске темнела запекшаяся кровь, на боку сквозь дыру с обожженными краями виднелась широкая, еще сочащаяся кровью рана. Вдруг искра жизни вспыхнула в затуманенных глазах Шорр Кана, и он через силу усмехнулся: «Ты выиграл, лжепринц. — Он обращался к Гордону. — Вот уж никогда не поверил бы, что ты осмелишься применить Разрушитель... Ты, верно, и сам не догадывался, как рисковал... Мог и сам оказаться уничтоженным вместе с Империей. Но храбрецам сопутствует удача. Как говорится, дуракам счастье... — Он задыхался, голос его слабел. — И мне жаль, что я не родился в то, твое время, а может, я все-таки остаток твоего мира, а? Для нынешней-то эпохи я, как видно, не гожусь...» — Он безжизненно уронил голову на грудь и сполз на пол; кто-то из окружения наклонился над ним и сумрачно констатировал: «Он мертв. И для всех было бы лучше, если бы он вообще не появлялся на свет!..»

Экран погас.

Некоторое время в кабинете царило молчание; каждый по-своему переживал увиденное. Хелл Беррел медленно, с недоверием и удивлением покачал головой:

— Да... Я помню. Ведь мы же видели все это, находясь на борту «Этны». И недоумевали: почему он назвал Зарт Арна «лжеп-

ринцем» и так говорил с ним. Я-то тогда ничего не понял, думал, он бредит.

Он пристально посмотрел на Гордона:

— Так, значит, это вы были рядом со мной во время битвы? Это вы.. вы победили Шорр Кана?!

— Да, это так, — ответил за Гордона Зарт Арн.

Гордон, облегченно вздохнув, протянул руку:

— Привет, Хелл!

Антаресец все продолжал изучающе разглядывать его. Внезапно он схватил руку Гордона и принял горячо трясти ее, давая выход своему восторгу. Эту сцену прервало появление Коркханна, поспешно ответившего на немой вопрос Джала Арна:

— Все в порядке, Ваше Величество, я снова в форме.

Гордон засомневался в этом, поскольку уловил в желтых глазах тень страха, который раньше он никогда в них не замечал.

— Дворец обыскан сверху донизу, но не удалось обнаружить ни малейшего следа этой мистической личности, — сообщил Джал Арн. — Расскажите подробней, что же все-таки стряслось?

Голос Коркханна был едва слышен:

— Не могу добавить ничего существенного. То же самое непереносимое телепатическое воздействие, удар, взрыв в сознании, как и на Тейне, только еще сильней. Я мог сопротивляться лишь какие-то секунды. И пребывал в беспомощном, бессознательном состоянии вплоть до момента, когда крики Гордона и встряска вывели меня из комы. Но... мне кажется, что пока я был без сознания, мой мозг тщательно обыскали, досконально изучив все накопленное моим разумом. По сравнению с такой мощной телепатией моя — это детская забава.

Император подался к нему:

— Скажите, Коркханн, когда эта сила овладела вами, не почувствовали ли вы некий холод в мозгу?

Коркханн бросил на него удивленный взгляд:

— Как вы догадались об этом, Ваше Величество?

Джал Арн не ответил, но многозначительно переглянулся с братом. В это время возникший в дверях дворецкий объявил о прибытии приглашенных высоких чинов с других планет, которых тут же принял Джал Арн в рамках официального протокола. Гордон не удивлялся, слыша знакомые имена и узнавая входивших.

Три звездных короля явились на это заседание — молодой Сат Самарс Полярной, старый король-регент с Кассиопеи и чернокожий хитрец с Цефеи. К ним присоединились главы правительства двух других королевств и могущественный барон Скопления Геркулеса, Джон Оллен. Его владения, простиравшиеся вплоть до Границ Внешнего Космоса, были куда обширней, чем некоторые королевства. Выражение его высохшего, аскетичного лица было мрачным и говорило о глубокой озабоченности барона.

Гордон уже достаточно свободно ориентировался в галактографии и отметил для себя, что все государства, представленные на этом собрании, соседствовали с Границами Внешнего Космоса.

— Нам всем известны слухи, по которым некоторые графы Границ готовят необъявленную агрессию, — с ходу начал Джал Арн. — Опасность, размеры которой пока трудно представить, грозит нам всем, но больше всего — королевству Фомальгаут. Вот почему министр принцессы Лианны Коркханн, а также мой и ее друг Джон Гордон срочно прибыли на Троон.

Джал Арн особо выделил слово «друг», и участники заседания, которые поначалу игнорировали присутствие Гордона, стали внимательно, с острым любопытством разглядывать вполне ординарного незнакомца.

— Коркханн, расскажите им, что произошло на Тейне.

Коркханн поведал собранию о попытке Нарата Тейна захватить в плен Лианну при поддержке не только Син Кривера, влиятельнейшего из графов Границ Внешнего Космоса, но и странного существа, лица и тела которого никому так и не привелось увидеть, обладавшего небывалой телепатической мощью.

Когда он закончил рассказ, в зале повисло тягостное молчание. Затем Сат Самар проговорил испуганно:

— Мы пока и слыхом не слыхали о таинственном незнакомце, но графы с недавних пор стали вести себя с поразительной наглостью и повсюду угрожающе твердят о силе, которая, если им верить, способна нас всех раздавить.

Мрачный властитель Цефеи ничего к этому не добавил, но старый король-регент с Кассиопеи подтвердил:

— Что-то непонятное происходит близ наших владений у Границ Внешнего Космоса. Никогда прежде графы не были столь дерзки и хвастливы.

Коркханн посмотрел на барона и спокойно спросил:

— Вы больше ничего не хотите сообщить, Джон Оллен? Мне кажется, вы от нас что-то скрываете...

Худое изможденное лицо барона вспыхнуло от гнева.

— Я запрещаю вам копаться у меня в мозгу, чертов телепат!

— А как мне это было сделать, — с сарказмом ответил ему Коркханн, — если вы, лишь переступив порог этого кабинета, изо всех сил стараетесь закрыть от всех свой разум?

— Я не хотел навлекать на себя лишние неприятности, — огрызнулся барон. — Мои владения расположены ближе всех к Границам и поэтому наиболее доступны и уязвимы.

Голос Джала Арна прозвучал резко и повелительно:

— Вы считаетесь союзником Империи. Если вам угрожает опасность, мы готовы немедленно оказать вам помощь. Но и вы связаны определенными обязательствами. Так что если у вас есть что сказать, говорите.

На лице Джона Оллена отразились колебание и нерешительность, затем, словно махнув на все рукой, он сказал:

— Я действительно не знаю ничего особенного... Но... возле Границ, неподалеку от моих владений, находится одна планета, Аар, которая, как мне кажется, стала сейчас средоточием таинственных явлений...

— Каких именно, какого рода?

— Однажды мы заметили, что один торговый корабль возвращается с Границ по странной траектории. Озадаченный этим маршрутом, командир одного из моих крейсеров дал команду сблизиться с ним. Когда его разведгруппа прошла на корабль, вызвавший подозрения, то увидела, что все люди там ведут себя как пьяные или помешанные. В бортовом видеожурнале зафиксирован Аар, их последняя и длительная остановка. В другой раз мы поймали сигналы бедствия с корабля, который пролетал вблизи Аара, но связь внезапно прервалась, и больше об этом корабле никто ничего не слышал. В порт назначения он так и не прибыл.

— Это все?

Лицо Джона Оллена, казалось, усохло еще больше.

— Граф Син Кривер как-то навестил меня и в приватной беседе упомянул о проводящихся на Ааре серьезных научных изысканиях, что делает Аар и прилегающие к нему пространства опасными для контактов, и посоветовал, чтобы мои корабли избегали этого района. И хотя я говорю «посоветовал», на самом деле это звучало... как строгое указание.

— Ну что ж, — задумчиво проговорил Джал Арн, — кажется, Аар имеет прямое отношение ко всей этой чертовщине, о которой мы наслышаны.

— Мы могли бы послать туда эскадру, чтобы разобраться, в чем дело и во что это может вылиться, — предложил Зарт Арн.

— А если она ничего не обнаружит и не выяснит? — с испугом воскликнул Джон Оллен. — Кому тогда отвечать перед графами за это вторжение, как не мне? Войдите и в мое положение!

— Мы вас понимаем, — успокоил его Джал Арн. И видя, что брат не согласен с ним, добавил: — Нет, Зарт. Барон прав. Если там ничего не выявится, своей необоснованной и безрезультатной вылазкой мы только взбесим графов, а это может обернуться опасными стычками и пограничными конфликтами. Мне думается, лучше послать сперва корабль-разведчик с небольшим экипажем и скрытно, тайно обо всем разузнать. Капитан Беррел, вы возглавите этот рейд.

Гордон попросил слова, впервые с начала этого заседания:

— Я должен лететь с Хеллом. Почему? Обосновываю: за исключением Коркханна, который не создан для такого рода экспедиций, только мне довелось общаться с одним из этих дьявольских существ. Я уже испытал на себе его штучки и, как видите, уцелел.

Может, я обладаю каким-то иммунитетом в силу своей несхожести со всеми?..

— Для чего это я не создан? — иронически осведомился Коркханн, и перья его возмущенно вздыбились.

— Простите, я не так выразился. Суть в том, что никто, кроме вас, не способен быть мудрым советником принцессы Лианны, и нельзя допустить, чтобы она вас потеряла. — Гордон всячески старался улестить рассерженного министра.

— И все же это слишком большой риск, — пробормотал Джон Оллен. — И оправданный ли?.. Я прошу вас лишь об одном... чтобы меня не впутывали в это дело.

— Ваше беспокойство за судьбу моих подданных глубоко меня трогает, — заметил Джал Арн ледяным тоном.

Барон, словно и не уловив сарказма в словах императора, поднялся:

— Я немедленно возвращаюсь к себе, не желая быть замешанным во все эти события. Ваше Величество, господа... Разрешите откланяться.

Как только за ним закрылась дверь, Сат Самар не сдержался:

— Черт бы его побрал! Хотя такие выходки с его стороны никого уже не удивляют. Еще в дни битвы против Лиги Темных Миров, в то время как другие бароны показывали примеры мужества и отваги, этот колебался до самого последнего момента, когда поражение Шорр Кана стало уже неминуемым.

Джал Арн солидаризировался с ним:

— Да, он чудовищно эгоистичен и осторожен, но из-за стратегического положения его владений он необходим нам как союзник, и мы пока вынуждены снисходить к его изъянам.

Когда звездные короли и другие участники совещания разошлись, Джал Арн посмотрел на Гордона с нескрываемой печалью в глазах:

— Мне бы не хотелось, мой друг, отпускать вас туда. Разве вы возвратились к нам для того, чтобы снова рисковать своей жизнью?

Гордон поймал на себе внимательный взгляд Коркханна и догадался, о чем тот думает. Он вспомнил горькие минуты прощания с Лианной и ее упреки... Неужели же все считают, что он вернулся в этот грандиозный, сверкающий мир не из-за нее, а лишь ради новых, захватывающих приключений? Впрочем, сам-то он так ли уж уверен в обратном?

— Вы недавно сами сказали, — ответил он Джалу, — что королевство Фомальгаут наиболее беззащитно и уязвимо. А все, что угрожает Лианне, касается и меня. Ее безопасность для меня на первом месте.

Он не надеялся, что император безоговорочно ему поверит, но знал совершенно точно, что уж Коркханн-то не поверит ни за что на свете.

Три дня спустя корабль-разведчик дождался их в троонском космопорту. Это был корабль-призрак, лишенный опознавательных знаков. Экипаж во время операции не носил формы, как и капитан Хелл Беррел.

Накануне отлета Гордона Зарт Арн, которого сопровождала Мерн, тепло напутствовал друга:

— Надеюсь, что тебе удастся раздобыть необходимые сведения, Джон... В случае же твоей задержки Имперский военный флот ровно через тридцать дней нагрянет на Аар.

Гордон встревожился:

— Но это спровоцирует войну с графами Границ, твой брат как раз об этом и говорил.

— Есть нечто пострашнее пограничных конфликтов, — мрачно заявил Зарт Арн. — Ты ведь изучал нашу историю? Помнишь Брэнн Бира?

— А как же! Далеский предок королей Империи, родоначальник династии, вышвырнувший прочь пришельцев из Магеллановых Облаков.

— Да, разрушив при этом часть нашей Галактики. Эти сведения хранятся в тайных дворцовых архивах. Так вот, некоторые детали в твоем описании Серого заставили нас с братом дотошней ознакомиться с некоторыми архивными документами...

У Гордона промелькнула ужасная догадка, которая была тотчас подтверждена Зарт Арном:

— Брэнн Бир, описывая пришельцев, упоминал о невероятной телепатической мощи, перед которой беззащитны все, будь то люди или негуманоиды. С ними можно справиться, лишь уничтожив пространство и выбросив их из данного измерения. И теперь... спустя тысячелетия, наши давние грозные противники объявились вновь!

Глава IV

На галактических картах государства Границ Внешнего Космоса занимали обширную область с неопределенными очертаниями, располагаясь между западными и южными Звездными королевствами, на самом краю Галактики.

В двадцать втором веке были сделаны великие открытия, приведшие к созданию космических кораблей, способных развить сверхсветовую скорость при сохранении условий, позволяющих безболезненно переносить чудовищные перегрузки и длительное состояние невесомости. Так вот, когда стали возможны регулярные и массовые межзвездные путешествия, люди с готовностью покинули перенаселенную Землю и устремились покорять основные системы Галактики. Занимались они этим энергично и не теряя времени, и спустя тысячелетия на далеких звездах

зародились, оформились и окрепли независимые королевства. Но вместе с тем нашлись среди завоевателей Космоса и отчаянные авантюристы, самозабвенно и единолично воцарявшиеся на отдельных звездах и планетах и не считавшиеся ни с кем и ни с чем, кроме собственной корысти или просто прихотей.

К таким своеольным, самовластным владыкам принадлежали и графы Границ Внешнего Космоса, сложившиеся в расу наглых, заносчивых, самонадеянных и жестоких правителей. Аппетиты их все возрастали, и в своих притязаниях они не знали удержану, не желали признавать права соседних королевств — в общем, плевать хотели на все и на всех и только с Империей заключили и неохотно подписали чисто номинальное соглашение, и то лишь потому, что оно гарантировало им собственные спокойствие и безопасность, защищая от нападения соседей.

Уже давно Границы пользовались дурной славой как центр и источник всевозможных интриг, служили убежищем проходимцам, поставленным вне закона, и непрестанно множили в Галактике поднадоевшие всем конфликты и трения. И так как каждый из звездных властителей не позволял сопернику трогать Границы, подобное положение многие века оставалось без существенных изменений, к выгоде в первую очередь самих графов.

Как можно быстрее, размышляя Гордон в минуты досуга, надо бы эти звездные джунгли хорошенько, раз и навсегда, прочистить, решительно избавив их от всякого гнилья, с корнем вырвав сорняки и трухлявые пни, наведя там порядок. Тогда негде было бы затаиться той опасности, которая угрожает сейчас всей Галактике и из-за чего могут пострадать Империя и, упаси бог, Фомальгаут.

Следуя окольными путями, разведчик-призрак уже глубоко проник в глубь Границ. По галактическим стандартам его скорость была средней. Он не нес никакого оборонительного оружия. Но для выполнения возложенной на него миссии у него были эффективнейшие средства и возможности: он мог становиться невидимым, «затемняться», и каждый флот стремился иметь в своем составе такие корабли.

— Скоро можно будет «исчезнуть», — сообщил Хелл Беррел. — А вообще, доложу я вам, продвигаться вперед в этом хаосе Вселенной весьма затруднительно. Да еще стараясь не натолкнуться на графские дозоры...

«Хаос... — усмехнулся про себя Гордон. — Боже, и это волшебство он осмеливается называть хаосом!.. Вот уж кощунство!..»

Мириады звезд и планет сверкали вокруг многоцветной россыпью драгоценных камней: рубинов, изумрудов, алмазов... Экран радара добросовестно фиксировал скопления космических глыб, обломков различных форм и размеров, то тут, то там пересекавшие орбиты планет. Позади выделялось созвездие Геркулеса, отдаленно напоминавшее порханье ночных бабочек, слетевшихся на свет лампы, а за ним, дальше, все еще было заметно слабое свечение Канопуса.

При виде покинутого звездного мира у Гордона сжалось сердце, и он мысленно поклялся во что бы то ни стало вернуться туда живым и с ценной информацией, которая спасет Империю.

Воображение унесло его в космическую безбрежность, к краю Галактики, в черные неизведанные глубины, где настораживающие мерцали Магеллановы Облака. Он вздохнул:

— Как это далеко, Хелл!.. Слишком далеко. Бесконечно далеко! Зарт Арн, похоже, ошибся. Не могли магелланийцы добраться до Границ. А если даже каким-то чудом и оказались там, то зачем им тайком просачиваться через разрозненные щели, они хлынули бы неудержимым потоком!

— Так ведь когда-то они именно это и попробовали сделать и обожглись; были полностью истреблены, когда Бренн Бир впервые применил Разрушитель.

— Полностью? — скептически переспросил Гордон.

— Так во всяком случае считалось. Или кому-то удобно было обманывать себя и других. О таких ли заблуждениях нам известно!.. Но так или иначе, а магелланийцы наверняка научились осторожности и осмотрительности — урок-то получили суровейший! И на этот раз попытаются придумать что-то другое, всячески избегая риска и уповая на то, что теперь-то уж они застигнут нас врасплох, а не нарвутся на какую-либо новую неожиданность. Нет, я убежден, у них все продумано и выверено. Но я согласен, в их повторное появление в Галактике верится с трудом, тем более что давнее их нашествие было бог знает когда!.. И они выжидали столько времени, так долго и терпеливо готовились к новому штурму? Нет, фантастика какая-то.

— Для меня — сама реальность, — заметил Гордон. — Я, так сказать, очевидец и жертва. Один из первых объектов нападения, возможно, пробы сил.

Корабль-разведчик петлял уже во владениях графов Границ, ловко минуя многочисленные обломки, несущиеся в пустоте подобно камнепадам, огибая громады потухших звезд, все удаляясь и удаляясь от границ обитаемых миров. И наконец наступил долгожданный и пугающий момент, когда Беррел показал пальцем на оранжевое пятнышко, возникшее на экране радара:

— Вот. Это Аар.

Гордон вопросительно взглянул на капитана:

— И что дальше?

— А дальше мы станем невидимками, — хмуро пообещал антаресец. — Правда, это здорово осложнит нам оставшийся путь.

После того как он отдал соответствующий приказ, грянул сигнал тревоги, и в энергетических отсеках корабля на полную мощность заработали генераторы затемнения, делавшие корабль невидимым для сторонних наблюдателей и радаров. Одновременно с этим утратили прозрачность иллюминаторы и погасли, почернев, экраны.

Гордону уже доводилось летать на кораблях такого типа, когда мощные генераторы словно отжимали лучи «чужих» радаров, заставляя их обтекать корабль, который становился этаким энергетическим коконом. И Гордон уже ничему не удивлялся, но довольно скоро он, тоже уже не впервые, убедился, что превращение их разведчика в невидимку — это палка о двух концах. Да, корабль теперь на какое-то время потерялся для всех, от кого ему и следовало прятаться. Но зато и сам ослеп: из него уже нельзя было наблюдать за тем, что происходит снаружи, и он продвигался как бы на ощупь, медленно, опасливо и осторожно, ориентируясь лишь с помощью суперчувствительного радара. Гордону даже пришла на ум ассоциация: будто это подводная лодка двадцатого века, потеряв управление, наугад прокладывает себе путь в пучинах океана. Появилось ощущение слепоты и беспомощности, безответный страх перед возможностью столкнуться с любым блуждающим космическим телом. И все накапливалось какое-то истерическое желание поскорей увидеть солнце, разливающийся повсюду свет. Испытание неизвестностью длилось нескончаемо долго. Напряженность сковала лицо Беррела, пока он вел корабль к цели.

Наконец корабль замер.

— Мы должны сейчас находиться над планетой, — хрипло и без особой уверенности сказал Беррел. — Правда, я могу это только предположить. И остается надеяться, что нас не засечет возможный противник.

Гордон пожал плечами.

— Джон Оллен сказал, что это необитаемый мир.

— Легко быть оптимистом, если ни за что не отвечаешь, — язвительно проворчал антаресец. — Впрочем, ждать да гадать бесполезно. Снимаем затемнение.

Рокот генераторов смолк, и яркий красноватый свет хлынул в отсек. Все ринулись к иллюминаторам.

— А оптимисты вроде правы, — заметил капитан. — Обладай мы даже точнейшей ориентацией, и то не могли бы выбрать лучшего места.

Корабль с включенной системой торможения завис над густой листвой обширного леса. Впрочем, растения, несмотря на их гигантские размеры, Гордон лишь с натяжкой назвал бы деревьями. Упругие стебли вздымали к небу золотистые кроны. Этот золотистый покров простирался во все стороны на многие километры.

— На посадку, быстро! — скомандовал Беррел. — Пока нас не обнаружили.

Корабль бесшумно и плавно опустился на поляну среди золотистых стеблей, покрытую мелким кустарником с черными плодами.

Внезапно Гордон, который с жадностью разглядывал растительность сквозь иллюминатор, воскликнул:

— Глядите!

Одним прыжком капитан оказался рядом.

— Что там?

— Что-то едва заметное прошмыгнуло в кустарниках. И вмиг исчезло.

— Странно. Судя по имеющимся данным, это мертвая планета. Когда-то была предпринята попытка обосноваться тут. Но переселенцы скоро взбунтовались, утверждая, что жить здесь опасно. Как, по-вашему, существо, которое вы увидели, представляет опасность?

— Не знаю, оно очень уж маленькое.

— Было бы хорошо рассмотреть его получше и выяснить его повадки, прежде чем начать блужданья в этом лесу.

Обернувшись к одному из офицеров, Хелл приказал:

— Варрен, вы будете сопровождать меня. Приготовьте полное вооружение.

Гордон поднял голову:

— С Варреном пойду я. Один из нас двоих должен быть на корабле, чтобы выполнить задание, если с другим что случится... И разумней остаться тому, кто умеет управлять кораблем.

Гордон и Варрен спустились по трапу вниз. Тишина... Лишь густая золотистая листва тихо шелестела под дуновением легкого ветерка.

— Где вы видели ту тварь? — спросил Варрен.

— Где-то здесь... Я точно не знаю... Черт, может, это был просто падающий сухой лист.

Внезапно он остановился, устремив вверх настороженный взгляд. Над ним в развилке дерева виднелся странный деревянный ящик с дверцей.

— То, что я видел, направлялось в эту сторону. Смотрите.

Варрен пристально вглядился в крону дерева и тихонько выругался.

— Я постараюсь залезть туда. По-моему, ничего страшного. Если что... прикройте меня, Варрен.

Лезть было невысоко, но Гордон вымотался, пока оказался на уровне ящика. Упираясь ногами в одну из веток, он осторожно толкнул дверцу. Раздался сухой треск, будто что-то лопнуло, сломалось внутри. Какая-то сила противодействовала ему. Потом сопротивление прекратилось, и дверца распахнулась. Гордон заглянул внутрь. Вначале он ничего не увидел, но когда глаза привыкли к розовому полумраку, он различил детали.

Те, кто изо всех сил препятствовали ему, когда он старался открыть дверцу, испуганно прижимались к дальней стенке. Их рост не превышал тридцати сантиметров, но форма тела, внешний облик были как у людей.

Некоторое время пораженный, лишившийся дара речи Гордон изучающе рассматривал эти неведомые существа, без сомнения, мужчину и женщину, совершенно обнаженных, с полупрозрачными, будто из пластика, телами. Молчание нарушил мужчина, что-то

произнеся высоким тонким голосом. К сожалению, этот язык был Гордону совершенно не знаком.

Он поспешно соскользнул вниз.

— Варрен, влезайте. Взгляните-ка, что там такое. Быть может, вы поймете их речь.

— Их... что? — спросил Варрен недоверчиво и испуганно, начиная сомневаться в здравом уме своего спутника.

Все же, ни о чем больше не спрашивая, он полез на дерево; когда же спустился, вид у него был ошеломленный, лицо бледное, глаза блуждали.

— Я с ними говорил.

И он поведал Гордону то, во что сам еще не мог поверить до конца.

— Да, я с ними говорил. И отлично понял их речь. Несколько тысяч лет тому назад их далекие предки были частью моего народа.

Гордон с сомнением поглядел на него:

— Эти создания? Но...

— Колонисты. Вспомните, что капитан рассказывал о них. Часть, по их настоянию, была эвакуирована отсюда. Но не все. Некоторые уже стали жертвами еще неведомой тогда опасности... Под влиянием какого-то компонента, составляющего воздух или воду этой планеты, размеры человеческого тела начали уменьшаться. Через это прошли многие генерации, и вот перед нами результат, возможно, еще не конечный...

Он сокрушенно покачал головой.

— Бедняги... Как я понял из их беспорядочного рассказа и обрывков легенд, о которых они упомянули, их полупрозрачность — это следствие еще одной мутации и призвана защитить их от других обитателей планеты.

— Других?..

Гордон вздрогнул. Планета внушала ему уже не изумление, а страх.

— Мне также кажется, они ужасно боятся чего-то, что находится дальше, на востоке, — продолжил Варрен. — Правда, они не могут объяснить даже приблизительно, что же их так пугает.

Когда они доложили обо всем Беррелу, капитана заинтересовало больше всего именно это: страхи мутантов.

— Данные радарной разведки говорят о наличии металлических скоплений в нескольких сотнях километров к востоку. Вероятно, это то, что мы ищем.

Подумав, он решительно заявил:

— Пешком нам туда не добраться. Как только стемнеет, поднимем корабль и будем красться над самыми кронами деревьев. Разведчику это по силам. Быть может, нас не обнаружат.

Спустилась непроглядно-темная ночь. Планета оказалась без луны и других спутников. Корабль-призрак почти касался макушек деревьев в бесшумном полете, сопровождаемом шелестом листьев,

тускло блестевших в скучном свете редких звезд. Капитан не отходил от пульта управления, а Гордон не отрывал взгляда от переднего обзорного экрана.

Вдруг он увидел вдали слабый металлический отблеск... Он хотел указать на него капитану, но Беррел опередил:

— Я вижу. Мы спускаемся.

Гордон ожидал такой же медленной и осторожной, как недавняя, посадки, но корабль продолжал скользить вперед: должно быть, Хелл выискивал для посадки площадку поудобнее.

На обзорном экране металлический отблеск все приближался, и вскоре Гордон уже различил здания небольшого городка, сооруженные из какого-то металла. Он видел купола, стены, улицы, окна без лучика света. По густой растительности, в которой пряталось большинство зданий, можно было судить о том, что лес уже давно и неуклонно наступает на город. Вне всякого сомнения, это был центр колонистов, которым не удалось избежать роковой участи.

Вне города он заметил несколько замаскированных источников света. Гордон попытался определить расстояние до них по приборам. Скорее всего это было все, что осталось от древнего космодрома: большое плоское пространство с твердым покрытием, которое начинающийся лес еще не смог взломать.

С трудом ему удалось различить смутные формы нескольких ракет, небольших звездолетов, едва превышающих размерами корабль-призрак. Но форма одного из кораблей показалась ему незнакомой. Он обернулся к Хеллу, чтобы обратить его внимание на этот корабль, и увидел, что капитан вместо того, чтобы начать спуск, продолжает направлять корабль дальше, вперед.

— Какого черта! Что вы делаете?! — вскричал Гордон. — Мы рискуем сесть точно у них под носом!

Антаресец не отвечал. Гордон попытался схватить его за руку, но был отброшен с такой мощью, что упал и покатился по полу. Однако он успел заметить выражение лица капитана: остекленелый взгляд лишен осмысленности, лицо сведено судорогой, словно Беррел тщетно и отчаянно, изо всей силы, сопротивлялся чему-то непостижимому и неожиданно могучему, превысившему его психические возможности... Гордон в каком-то озарении все понял. Собрав все силы, он рывком вскочил на ноги и вновь бросился на антаресца, но тот словно прирос к полу перед пультом, продолжая механически, но энергично и молниеносно нажимать на кнопки и манипулировать регуляторами скоростей и курса. И прежде чем Гордону все-таки удалось оттащить его, он успел привести систему управления в полную негодность.

Корабль сорвался в пике. Гордон пошатнулся, ударился головой о выступ металлической переборки и потерял сознание.

Глава V

Все еще погруженный в полную темноту, Гордон услышал голос словно с того света: «Так вот как он выглядит. Вот это да!» Кому принадлежал этот знакомый голос, Гордон не мог вспомнить. Тогда с чего он взял, что голос принадлежал кому-то, кто давным-давно умер? Джон и этого не знал, но почему-то не сомневался, что человек, произнесший странные слова, наверняка мертв. Он попробовал открыть глаза, чтобы увидеть призрак, разговаривающий после смерти. Но предпринятое Гордоном усилие вызвало острую, обжигающую боль и повергло его в еще больший мрак. Когда же наконец он окончательно очнулся, то подсознательно ощутил, что с того момента, как провалился в обмороочную тьму, прошло много времени. Голова гудела и трещала, как никогда в жизни. На этот раз ему удалось разлепить веки, и он оглянулся. В маленькой комнате и стены, и пол, и потолок, и массивная дверь — все было из металла. Через зарешеченное оконце с трудом пробивался слабый красноватый свет. Посередине комнаты на полу — неподвижное тело Хелла Беррела. Казалось, он мертв.

Гордон через силу поднялся, стараясь держаться прямо и устойчиво. — только бы не упасть. С огромным напряжением сделав несколько нетвердых шагов, он опустился на колени возле капитана. На лице антаресца Гордон заметил лишь единственную ссадину на подбородке, однако, судя по всему, тот находился в глубокой коме. Лицо потеряло бронзовый отлив, твердость скалы и скульптурную четкость, черты его сделались размытыми, дряблыми, безжизненными. Глаза накрепко закрыты, от уголка рта тянется белая ниточка слюны. Гордон изо всех сил начал трясти его за плечи, громко зовя по имени. Но Беррел не только не откликнулся, он на глазах неузнаваемо преобразился, его, еще секунду назад такое вялое тело, упруго выгнулось, напряглось, как у пантеры перед хищным прыжком. Словно взбесившись, он отбивался руками и ногами, отбросив Гордона далеко от себя. Раскрывшиеся глаза яростно горели, как у дикого зверя, попавшего в ловушку. Правда, мало-помалу этот звериный блеск потух, тело обмякло... Беррел удивленно посмотрел на Гордона, вновь оказавшегося рядом с ним.

— Что это со мной?..

— Вас оглушили, — объяснил Гордон, — но не каким-либо твердым, увесистым предметом, а этакой телепатической дубинкой. Когда мы уже приближались к металлическому городу, кто-то вторгся в ваше сознание и безраздельно овладел им, заставив вас целиком подчиняться его указаниям.

— К какому еще городу? — Хелл Беррел недоумевающе разглядывал полутемную комнату. — Ничего не понимаю. Мы как будто в тюрьме.

— Да, мы находимся в старом городе колонистов, а в каждом городе, как правило, имеется тюрьма, — терпеливо втолковывал Гордон.

Он все еще страдал от головной боли, но еще больше от уязвленного самолюбия: ведь он потерпел чуть не первое в жизни крупное поражение.

— Хелл, в прошлый раз, когда я пребывал в теле Зарт Арна, вы все видели во мне героя, не так ли?

Беррел не скрывал удивления:

— Это верно. Но...

— И вот мне снова представилась возможность выказать себя героем. — В голосе Гордона звучала горечь. — Я хотел доказать, что и сам по себе, в своем обличье, я чего-то стою. И до сих пор мне это вроде удавалось. А теперь?.. Троон, Лианна... вряд ли будут гордиться мною.

— Но во главе этой операции — я, — оборвал его Беррел. — И это из-за меня мы попали в крутой переплет.

Выпрямившись, он подошел к окошку. Лоб его собрался в складки, с хмурым видом он вновь повернулся к Гордону:

— Вы что-то говорили о телепатии. Но тогда на корабле должен был затаиться хотя бы один из этих чертовых магелланийцев!

— Никто другой не смог бы согнуть вас в бараний рог. Но мы по существу ничего не знаем об их возможностях. Нас провели, как малых детей. Они только и дожидались нашего прибытия.

— Варрен, Кано, Ранн, вы здесь? — завопил вдруг Хелл изо всей мочи.

Никто не ответил.

— Значит, здесь никого больше нет, — пробормотал Беррел. — В этой треклятой мышеловке лишь мы с вами. Так что же нам делать?

— Ждать, — просто ответил Гордон.

Они ждали долго, потом дверь распахнулась, и порог переступил молодой мужчина с надменным выражением лица и знаком молний на черной одежде.

— Эмблема Син Кривера! — воскликнул Гордон. — Так вот оно что!

— Граф Син Кривер готов вас принять, — сказал вошедший. — Вы пойдете сами или предпочитаете, чтобы вас волокли силой?

Кивком головы он показал на двух сопровождавших его воинов, вооруженных парализаторами — стеклянными стержнями наподобие булав, шарообразные утолщения которых могли истонгать молнии, поражающие свои жертвы и приводящие их в состояние полного паралича. Гордон знал об этом страшном оружии.

— Сами, сами, — торопливо проговорил он. — С меня вполне хватает головной боли...

Под конвоем графских воинов он и Беррел вышли под палящее красное солнце на улицу, некогда, по-видимому, просторную, но

давно уже превратившуюся в узкую тропу, густо заросшую по обеим сторонам развесистыми деревьями. Кое-где сквозь листву поблескивали металлические фасады домов. А на площади, когда-то тоже обширной, красовалась почти скрытая деревьями статуя космонавта в скафандре, без сомнения, одного из Звездных Капитанов, приведших сюда несчастных переселенцев. «Оглянись-ка вокруг, капитан, — мысленно обратился к нему Гордон, — ну как, радостно у тебя на душе? Торжествуешь успех? Гляди, гляди, все созданное тобой и поверившими тебе колонистами давно уже мертвое, рассыпается в прах, а их потомки, словно пугливые крошечные зверьки, прячутся в густой листве леса и ни на что толковое уже не способны — достойные сожаления жертвы роковой, непредвиденной мутации!.. Нет, гордый капитан, лучше уж радуйся тому, что ты из металла и не можешь осознать все это!»

Разведчиков ввели в здание, вокруг которого деревья были вырублены. В сумрачном зале сидел, удобно устроившись в кресле и держа в руке бокал с каким-то напитком, граф Син Кривер, во всем чёрном, с неизменным знаком молний на груди. Он снисходительно и с иронией посмотрел на Гордона:

— Вы нам доставили немало хлопот на Тейнё, но в этот раз, похоже, основательно влипли, а?

Он опустошил свой бокал и беззлобно посоветовал:

— Никогда не доверяйте негодиям вроде Джона Оллена.

И тут Гордона осенило:

— Ну конечно! Вот почему вы нас поджидали. Джон Оллен — ваш прихвостень.

Это было единственное разумное объяснение всего, что случилось. Барон — предатель, и именно он помог попасть на Троон шпиону-супертелепату.

— Где мои люди? — хмуро спросил Хелл Беррел.

Син Кривер беспечно улыбнулся:

— Нам не нужны ни ваши люди, ни ваш корабль; стало быть, они уничтожены, как, впрочем, будете уничтожены и вы, когда надобность в вас отпадет.

Хелл Беррел сжал кулаки. Казалось, он сейчас бросится на Син Кривера, но вооруженные парализаторами бдительные стражники не дали ему сделать и шага.

— Мы вас допросим попозже, — продолжил Син Кривер. — Вы здесь только потому, что один старый друг Джона Гордона непременно хочет встретиться с ним. Берт, скажите ему, что дорогие гости уже прибыли.

Молодой мужчина с надменным лицом, приходивший за ними в темницу, послушно наклонил голову и торопливо удалился.

Гордон напряженно ждал... И, как всегда в таких случаях, время тянулось для него томительно медленно. Когда же он услышал приближающиеся шаги, то от страшной догадки волосы у него встали дыбом. Но Гордон, однако, ошибся в своих предположениях.

В зале появился вовсе не тот, кого он страшился, не таинственный незнакомец в сером плаще, а высокий, широкоплечий, чуть грузный мужчина средних лет, с твердыми чертами худощавого лица и пронзительным взглядом черных глаз. Он остановился перед пленниками, с улыбкой разглядывая их.

— Боже мой! — воскликнул пораженный Беррел. — Это же Шорр Кан — собственной персоной!

На Гордона словно столбняк нашел; он еле слышно прошептал:

— Но этого не может быть. Мы же видели с вами, как умирал Шорр Кан. Не воскрес же он!

Мужчина, так похожий на Шорр Кана, расхохотался от души.

— В наше-то время, с нашими талантами и средствами инсценировать чью-то гибель — раз плюнуть! Да, друзья мои, то, что вы видели на своем телестереоэкране, — примитивная инсценировка. И, смею сказать, я все это неплохо подстроил, если иметь в виду ограниченное время, имевшееся в моем распоряжении. Вы позволили обвести себя вокруг пальца, Джон Гордон! Как видите, я жив и здоров, чего и вам желаю. И вас я опознал еще в камере.

Гордон вспомнил голос, который послышался ему в непроглядной тьме беспамятства.

Подойдя поближе, Шорр Кан перешел на дружеский, даже задушевный тон:

— По вашей милости, дорогой Джон, я оказался в безвыходном положении. Проклятый Разрушитель разнес мой флот в клочья. Вы вправе были ждать от Лиги Темных Миров полной и безоговорочной капитуляции. Мои подданные, пронюхав об этом, взбунтовались и вышли на улицы, требуя моего свержения и суда надо мной. И, поверьте, мне просто ничего не оставалось, как разыграть комедию: гибель от рук приближенных, якобы уже не повиновавшихся мне. — Он удовлетворенно, торжествующе ухмыльнулся. — И вы все попались на эту удочку, ха-ха!

Все говорило за то, что Шорр Кан сейчас во вражеском стане, и опять — противник Гордона. Но любопытство пересилило, и он все допытывался:

— Но как же так?.. Я хорошо помню ваше лицо: бескровное и белее мела.

Шорр Кан заливался хохотом:

— Не знаю, был ли я мудрым правителем, но вот что во мне погиб великий актер, это точно!

— Ну а зияющая кровавая рана?

— Что, впечатлила? Выходит, гример, который меня обслуживал, мастер высокого класса! Да, ловко я вас провел!..

— И довольны?..

— Что ж, это спасло меня от настоящей верной гибели, а возможно и казни. Такой исход меня никак не устраивал. Что хорошего, когда тебя публично лишают драгоценной жизни? Бр-р... Нет, я предпочел: пусть без прежней власти и роскоши, но вполне

сносное существование. И долгое время мне удавалось скрывать свое истинное лицо. А потом меня пригрел добрейший Син Кривер, — и Шорр Кан отвесил графу низкий поклон.

Гордон отказывался верить глазам, но нельзя было не признать того непреложного факта, что Шорр Кан жив, стоял перед ним, целый и невредимый, и торжествующе гоготал ему в лицо. Все же Гордон не сдавался:

— Но ведь в руинах дворца нашли ваше тело!

Шорр Кан пожал плечами:

— То есть чье-то тело, с такой же фигурой, как у меня. И его вообще, по всей вероятности, было довольно трудно опознать, так как прежде чем скрыться, мы предали все огню.

И Гордон примирился с очевидностью: перед ним действительно стоял Шорр Кан, бывший владыка Лиги Темных Миров, едва не погубивший Звездные королевства.

— И с тех пор вы прячетесь здесь, на Границах Внешнего Космоса? — с возмущением вскричал он.

— Вернее сказать, я гошу у моих влиятельных друзей, среди которых самый близкий и добрый — граф Син Кривер. Когда мне доложили, что Джон Гордон, которого я знал когда-то, вновь объявился среди нас, то поспешил его приветствовать. Просто счел это своим долгом.

Все такой же наглый, саркастичный и циничный, с неприязнью определил Гордон.

— Ну хорошо, — процедил он. — Вам удалось спасти свою шкуру... Конечно, невелика честь для бывшего властителя Лиги Темных Миров состоять в нахлебниках у какого-нибудь Син Кривера. Но, как вы сами признались, это лучше, чем смерть.

Шорр Кан вновь оглушительно захохотал:

— Вы слышите, Син? И после всего этого вас еще удивляет, почему я восхищаюсь этим малым? Он в ловушке, ему хана, а он хорохорится и не упускает случая уязвить меня и вас и посеять раздор между нами!

— Нет, поглядите-ка на него, Хелл, — не остался в долгу Гордон. — Неплохо держится, а? Неукротимый диктатор, повелитель Лиги Темных Миров, самонадеянно вознамерившийся покорить Империю... И вот вынужден скрываться на Границах и заниматься мелкими интригами вкупе с подручными захудалых графов, каждый из которых обладает лишь какой-нибудь паршивой планеткой... А все туда же... Гонора и доныне хоть отбавляй.

— Хватит! — Бледное лицо Син Кривера перекосилось от гнева. Шорр Кан усмехнулся. Граф подошел к Гордону и взглянул ему в глаза:

— Ладно. Вы повидались и мило побеседовали со своим давним противником, и довольно. Берт, отведите их обратно и свяжите покрепче. Сегодня вечером уважаемый Суссюор придет покопаться

в их мозгах, чтобы вытянуть из них все, что может быть нам полезным, после чего только и останется выбросить их на свалку.

— Так-так, Суссюр, — повторил Гордон. — Это, без сомнения, один из ваших подлых, неистребимых, как любая нечисть, союзников-магелланийцев? Этих серых, мерзких тварей, возомнивших о себе бог весть что?

Син Кривер с холодной усмешкой взирал на обреченных пленников.

— Думая о том, что вам вскорости предстоит, я невольно испытываю к вам нечто вроде жалости. Но хватит! — Он повернулся к ним спиной и обратился к Берту: — В камеру их! И не спускать с них глаз до прибытия Суссюра. Он пожалует к нам, как только зайдет солнце.

— Ну что ж, друзья мои, — весело добавил Шорр Кан, — уверен, что вы погибнете смертью героев. Я всегда говорил: умирать надо храбро, по-мужски, если уж нет никакого шанса избежать смерти. Но, — он многозначительно и как-то странно посмотрел на Гордона, — мне кажется, ты везучий.

В ответ раздались приглушенные проклятья Беррела. Вскоре Берт вновь водворил пленников в камеру, скрутив им руки и ноги и поставив за дверью надежную охрану. Беррел все продолжал изрыгать наиболее впечатляющие из всех известных ему ругательств, призвав на помощь и фантазию.

— Слыхали? Великий актер! Жалкий, гнусный лицедей, космический подонок, разбойник и бандит!.. Виданое ли дело!.. Вся Галактика давно уже считает его мертвцем и радуется, а он вдруг высекивает, как черт из табакерки, и еще смеется нам в лицо! Нет, каков мерзавец!..

— Это все — прошлое, и не стоит даром тратить на него порох, — рассудительно заметил Гордон. — Меня куда больше занимает и волнует то, что ожидает нас сегодня вечером, когда этот Суссюр, с которым я, кажется, знаком, нанесет нам визит, не предвещающий ничего хорошего.

— Что же нам грозит?

— Нечто вроде вивисекции мозга, только без скальпеля. У Суссюра на вооружении более действенный инструмент: уникальная способность телепатически внедряться в чужое сознание и извлекать из его тайников все необходимые ему сведения, а в данном случае — информацию, которой нам вовсе ни к чему с кем-либо делиться. Сами же после этой операции мы будем представлять из себя двух жалких безвольных марионеток, полностью выпотрошенных и лишенных памяти и прежней сообразительности. Вот что нас ждет и о чем даже думать страшно...

Гордон опустил голову. Беррел вздрогнул и побледнел, но спустя мгновение вновь разразился бранью, с трудом сдерживая клокочавшую в нем ненависть:

— Супертелепаты!.. Кудесники!.. Подлые воры, вот они кто! Бандюги, заряжающиеся на чужое добро! Не удивительно, что Брэнн Бир высыпал их когда-то из Галактики.

Глубоко вздохнув, он замолчал, так как больше нечего уже было сказать. Гордон, опираясь спиной о стену, ценой несмоверных усилий поднялся на ноги и допрыгал до зарешеченного окошка. Стальная проволока, которой связал их Берт, впивалась в запястья, причиняя жгучую боль, но Гордону, побывавшему и не в таких переделках, ничего не стоило ее пересилить.

За стенами тюрьмы медленно угасал день. Красноватые лучи солнца проникали в камеру, наполняя ее предзакатным светом. Гордон видел, как вечерний ветерок лениво теребит золотистую листву деревьев. Это напомнило ему картины осенней поры на родной Земле. До слуха доносились глухие шаги стражников, ходивших взад и вперед перед стальной дверью и изредка заглядывавших в глазок. Кроме них да багряно-золотистых листьев в этом мертвом городе, казалось, ничего не двигалось. И Гордон задумался: что же здесь произошло века назад и совсем недавно?.. Вне всякого сомнения, эта заброшенная планета играла свою роль в заговоре графов и магелланцев против Империи, Фомальгаута и даже Тейна. Вряд ли это центр, где плетутся и из которого тянутся все нити заговора, иначе предатель граф Оллен просто скрыл бы факт существования планеты, якобы избранной телепатами из Магелланова Облака в качестве своеобразного трамплина, стартового рубежа... Ну, а если он недооценивает значение планеты и того, что творится на ней, и в опасности не только он и Беррел, но и космический флот Империи? Ведь Зарт Арн обещал: если от них в течение определенного времени не поступит никаких известий, то он пошлет на выручку флот. Ну и кашу же заварили они с Беррелом, не проявив необходимых осторожности и предусмотрительности. Что и говорить, Лианна могла бы гордиться им!

Он подумал о Лианне и их печальном прощании. И чтобы отвлечься от горьких мыслей, стал сосредоточенно следить за игрой листьев и пятен света на улице. Медленно шло время. И золото тускнело. Выйдя из оцепенения, Гордон понял, что уже наступил вечер: город окутали сумерки... По мере того как тьма сгущалась, стражи перед дверью все более нервничали и, казалось, со страхом ждали появления Суссюра, чтобы тут же унести ноги. Гордон насторожился, услышав за дверью легкий шум. Дверь стала медленно открываться...

Глава VI.

Гордон почувствовал, как мурашки побежали по телу. Звук тихих шагов оборвался, дверь распахнулась, и Гордон увидел прямо перед собой никого иного, как... Шорр Кана.

— Слушайте и молчите, — заговорщически прошептал тот. — Прежде чем вновь взойдет солнце, вы будете мертвы и даже хуже, чем мертвые, если я не выведу вас отсюда. А шанс есть. Стражу я частично подкупил, частично запугал...

— И зачем вам это? — прошептал Гордон.

— Конечно же, им движет неодолимая любовь к нам, — с сарказмом заметил Беррел. — У него такое нежное, ранимое сердце, что он не сможет безучастно наблюдать наши страдания.

— О небо! — тихо воскликнул Шорр Кан. — Лучше иметь умного противника, чем дурака-друга! Слушайте, у нас в запасе всего несколько минут. Этот проклятый х'харн вот-вот заявится.

— Х'харн?

— Да, те, кого вы называете магелланийцами, сами себя величают х'харнами. Суссюор — один из них, и когда он придет — вам крышка. Если, конечно, он успеет вас застать.

Гордон понимал, что Шорр Кан прав, однако выразил сомнение:

— Если это создание обладает такими мощными телепатическими возможностями, оно должно знать, что вы у нас.

В голосе Шорр Кана прозвучало презрение:

— Не преувеличивайте способности х'харнов. Не такие уж они всесведущие и всезнающие. А в некотором роде даже глупы. Да, они многое могут, но лишь тогда, когда концентрируют все свое внимание на одном объекте. Более того, дальность их телепатического действия не слишком велика, и на определенном расстоянии эффективность этих действий резко ослабевает.

Гордон заметил это еще на Тейне, но тогда он не придал этой особенности должного значения. Шорр Кан бросил взгляд на стражу, которая уже топтаясь на улице, заметно волнуясь. Затем едва слышно продолжил:

— Нужно действовать быстро, не теряя даром ни секунды. И все же выслушайте меня. Я обосновался здесь, имею в виду Границы, вскоре после разгрома Лиги. И постепенно стал пользоваться все большим влияние: все же я не какая-нибудь шавка, а как-никак крупный государственный деятель с большим политическим опытом. И у меня были далеко идущие цели и планы: сначала посеять рознь между графами, поднять одних против других, и, пока они будут поглощены драками и междоусобицами, захватить власть на Границах Внешнего Космоса. Лихо? Эти надутые индюки и опомниться не успели бы. Все у меня было точно рассчитано. Все учтено, кроме одного фактора, разрушившего все мои замыслы. Его-то я уж никак не мог взять в расчет: можно ли предугадать неожиданность? От Магеллановых Облаков до Границ добрались х'харны и вступили в тесный контакт с Син Кривером и некоторыми другими тую соображающими графами. Они слепо доверились пришельцам и еще ликовали: как же, новые могучие союзники! Им и доныне невдомек, куда метят х'харны. А те, оправившись от сокрушительного поражения в далеком прошлом, снова собрались

с силами, на это, правда, понадобились века, и теперь намерены взять реванш за свой позорный провал и завоевать галактические миры, используя для этого все доступные им средства...

— Какие же именно? — вскинулся Гордон.

— О, этого никто не знает — ни я, ни даже Син Кривер. Но я подозреваю, нет, уверен, что х'харны готовят в Магеллановых Облаках что-то такое, чему наша Галактика не сможет противостоять. Но что это конкретно, понятия не имею. Пока сделаны лишь первые шаги. Суссюр и несколько других х'харнов — это лишь агенты с ограниченной задачей: найти сторонников и заключить с ними договор, который расчистил бы дорогу захватчикам. Х'харны пообещали графам, что поделят с ними Галактику в награду за их помощь. И эти кретины им верят!

— А вы нет?

— Послушайте, Гордон, вы же сражались против меня! И, по-вашему, я — полный идиот?! Х'харны настолько негуманоиды, что им приходится усердно скрывать свои тела, если только это тела, под просторными покровами даже от союзников. О, они охотно воспользуются помощью графов и уничтожат их, как только нужда в этой помощи отпадет, без раздумий и сожаления расправятся с ними, отсекут, как лишний нарост. Как вы думаете, велика ли цена заверениям и посланиям этих выродков?

— Я разделяю вашу точку зрения, — кивнул Гордон.

Шорр Кан приглушенно рассмеялся:

— Я рад, что мы с вами мыслим одинаково. Только я должен тщательно маскировать свои мысли. Если у этого проклятого Суссюра появится хоть тень сомнения, и он прозондирует мой мозг, я пропал. Моя двойная игра и так затянулась. Пора смыться отсюда, но одному мне не управиться с кораблем. Втроем — другое дело. Вот почему я сделал ставку на ваше доверие, помощь и сотрудничество.

Его шепот стал проникновенней и настойчивее:

— Дайте слово, что вы будете со мной повсюду, куда бы мне ни вздумалось направиться и что бы я ни предпринял, и я тотчас освобожу вас.

— Дать слово Шорр Кану? Блестящая идея!..

— Погодите, Хелл, — прервал Гордон. — Предположим, Шорр Кан задумал сыграть с нами злую шутку по выходе отсюда, но и тогда наше положение все равно будет не хуже, чем в том случае, если за нас возьмется Суссюр. Дайте ему слово по моему примеру.

— Ладно, согласен, — сдался антаресец скрепя сердце. — Даю вам слово — следовать за вами и подчиняться вам.

Шорр Кан проворно вынул из-за пазухи тускло блеснувший металлический предмет. Это был довольно большой лазерный пистолет.

— Этой штуковиной я разрежу вашу проволоку, словно ножом масло. Гордон, как можно шире раздвиньте руки, чтобы мне их ненароком не задеть.

Разрезав проволоку и на ногах, Шорр Кан шепнул:

— Готово, так что если хотите...

Шорр Кан внезапно замолчал, и Гордон по шороху его одежды понял, что он удаляется. И стоило Гордону выглянуть в окошко, сердце у него упало.

Перед входом в темницу вырисовывался силуэт существа, ростом меньше человеческого и закутанного в серый плащ. Силуэт прокольцнул в темницу; легкие шаги послышались в коридоре, вот кто-то уже заскребся в дверь, и серая тень почти бесшумно ворвалась в камеру и направилась к Гордону. Тот бессознательно весь напрягся, сжался... И услышал сдавленный вскрик Беррела, до сих пор еще и в глаза не видевшего х'арнов. Существо в сером, словно в нерешительности, стояло посередине темницы, лишь его свободное одеяние чуть колыхалось. Но вот вошедший сдвинулся с места, приближаясь к Гордону, и тот замер, с ужасом ожидая невыносимого, как пытка, прикосновения чужого могущественного разума.

Тотчас же еще одна тень мелькнула в густом сумраке камеры, и х'арн, издав испуганный свистящий возглас, рухнул на пол. Гордон сразу угадал во второй тени Шорр Кана, который направленным лучом лазерного пистолета пытался добить уже распростертное на полу существо в сером плаще, по всей видимости, грозного Суссюра... Охваченный страхом, подавленный окружавшей его кромешной тьмой и полной неизвестностью, Гордон резким рывком развел свободные от пут запястья. Х'арн под лазерным обстрелом, который обрушивал на него Шорр Кан, медленно отполз к двери. Облачник, задыхаясь, взывал:

— Да помогите же мне, черт побери, покончить с этой гадиной!

Поскольку у Гордона не было никакого оружия, он схватил табурет, судя по тяжести, тоже из стали, и ринулся к поверженному врагу и с маxу опустил на него угловатую сталь. В тот же миг в мозгу у него вспыхнула обжигающая боль: то ли сознательно, то ли по инерции, но х'арн использовал свои гибельные способности. Гордона шатнуло, и он вынужден был присесть. Впрочем, молнией пронзив его разум, боль столь же быстро ослабла, а потом и совсем отпустила. Он поднялся на подгибающихся, трясущихся ногах и заметил в дверном проеме фигуры двух стражников, не решавшихся войти.

— Господин Суссюр? — окликнул один из них осевшим голосом.

Во тьме что-то сверкнуло, и стражники грохнулись у порога на пол.

— Не мешкайте, освобождайте Беррела! — хрюплю прокричал Шорр Кан, протягивая Гордону лазерный пистолет.

Перерезая проволоку, не дававшую шевельнуться капитану, Гордон, глаза которого стали уже привыкать к темноте, увидел, как облачник нагнулся над лежащей на полу бесформенной массой, издали похожей на серую лужу, и сорвал с х'арна его плащ.

Гордону не удалось из-за темноты разглядеть, что же под ним скрывалось, но он услышал возглас отвращения, вырвавшийся у Шорр Кана. Наконец избавился от пут и Беррел, и Шорр Кан, побежав к недавним узникам, поторопил:

— Скорее, скорее! Нам нельзя терять ни секунды... Стражники обезврежены, все помехи устраниены. Быстро к кораблю!

И повлек их за собой...

Небольшой космопорт, расположенный на окраине города, был погружен в темь. Шорр Кан подвел своих спутников к замершему поодаль от других кораблю малых размеров и непривычных очертаний.

— В этой штуковине прилетели сюда четверо х'харнов, — объяснял Шорр Кан, пытаясь открыть входной люк. — Троє отправились на Тейн и другие планеты. Корабль же остался в распоряжении Суссюра. Насколько я понял, скорость у него повыше, чем у наших кораблей. Если удастся взлететь, нас никому не догнать.

Люк наконец-то открылся. Попав в отсек управления, Хелл Беррел жестами и восклицаниями выразил свое восхищение. Шорр Кан вывел его из столбняка:

— За работу, черт возьми, и вытащите нас отсюда как можно быстрее! Вы же профессионал!

— Я никогда не видел ничего подобного, — развел руками капитан. — Пульт управления совершенно необычный и незнакомый. Предназначение некоторых приборов мне непонятно. Я...

— Но с большинством-то вы имели дело? — рявкнул Шорр Кан.

— Да, но...

— Тогда взлетайте!

Беррел занял место перед пультом управления и начал манипулировать различными рычажками и кнопками. Вероятно, он все-таки сумел правильно сориентироваться, и действия его были единственно верными, поскольку корабль, оторвавшись от взлетной площадки, спустя мгновения вырвался в открытый космос.

— Куда держать курс? — спросил антаресец.

Шорр Кан, который заранее постарался вызнать как можно больше, дал ему необходимые координаты, которые Хелл Беррел попытался соотнести с известной ему системой ориентации в космосе.

— Я делаю все, что вы мне говорите, — прошипел он, — и не в ответе, будь я проклят, если нас занесет в какую-нибудь черную дыру.

Гордон до рези в глазах всматривался в редкие звезды, появлявшиеся на обзорных экранах. Нервное напряжение последних часов понемногу спадало.

— Мне кажется, мы мчимся к окраине Галактики, — с опаской заметил он, и Шорр Кан кивком подтвердил его предположение.

— Когда же мы собираемся повернуть?

— А мы не будем поворачивать, — Шорр Кан сохранял абсолютное спокойствие. — Капитан, продолжайте двигаться все прямо, прямо...

— Что?! — Хелл Беррел резко повернулся в его сторону. — Впереди внегалактическое пространство, там пустота!

— Ты забыл о Магеллановых Облаках, мой друг! О мире х'харнов, — напомнил Шорр Кан.

— Но чего ради мы направляемся именно туда?

— Боюсь, мои намерения удивят вас, — осклабился Шорр Кан. — Но не забывайте, что вы дали мне слово. Выслушайте же меня. Сложившиеся обстоятельства таковы: там, на Границах, х'харны готовят галактическим мирам какую-то пакость. Мы же... попробуем навести кое-какие справки в их владениях, чтобы узнать, какую именно пакость. И возвратимся с этими данными на Троон, дабы звездные короли смогли хорошенько врезать этим ползучим гадам. И потом... Как раз такое задание вы и взялись выполнить, не так ли?

— Но вы, почему вы решились чуть ли не на самопожертвование ради спасения Звездных королевств? — все допытывался Гордон.

— Я же говорил вам, что не мог больше находиться среди предателей-графов, не рискуя выдать себя; ведь стоило тому же Суссюру слегка покопаться в моей башке, и мне каюк. С другой стороны, я не могу вернуться в королевства, где меня ждет суровая кара, с пустыми руками, не искупив своей вины. Если же я преподнесу Империи достоверную информацию о том, что эти твари готовят, мое прошлое будет забыто. Больше того, для большинства я стану героем, а победителей, как известно, не судят. Готов даже поспорить, что через год-другой меня с помпой водворят на трон одной из планет, а то и одного из миров.

Беррела передернуло от его неприкрытоого цинизма и тщеславия.

— И мы предоставим ему возможность злоупотребить нашим честным словом, чтобы он смог достичь всего этого? — спросил он у Гордона.

— Да, Хелл, — Гордон тщательно взвешивал слова. — И дело не столько в наших обязательствах, сколько в том, что он в принципе прав. Ведь он вовремя напомнил нам о цели нашей разведки.

Капитан замысловато выругался.

— Вы спятали, Гордон, — но... я с вами. Я прожил уже достаточно долго и могу позволить себе свернуть шею, выполняя труднейшее из заданий в веселенькой компании явного сумасшедшего и еще более явного негодяя и авантюриста — величайшего из мерзавцев во всей Галактике!

Шорр Кан, хохотнув, дружески потрепал его по плечу:

— Не в бровь, а в глаз! И ничто в Галактике не устоит перед союзом трех явных гениев, учитывая, что ты, Беррел, величайший из капитанов космических кораблей и знатоков всех новейших технических тонкостей! За тобой мы как за каменной стеной! Разве не так, Джон Гордон?..

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

СУДЬБА ЗВЕЗД

Глава I

Корабль, управляемый Хеллом Беррелом, с невероятной скоростью мчался к Границам Внешнего Космоса Галактики, стремительно минуя миры, удачно избежавшие контроля со стороны какого-либо Звездного королевства, пламенеющие солнца и остывшие звезды, окруженные планетами и спутниками.

Далеко позади остались красное солнце и планета Аар, на которой Гордон и Беррел едва не лишились не только свободы, но и жизни.

Недоверчиво покачав головой, Гордон подумал: бред, кошмар, галлюцинация... Если бы не Шорр Кан, мы были бы уже жалкими тряпичными куклами без искорки сознания...

До сих пор он все еще не мог опомниться от удивления: как это Шорр Кан, казалось бы, давно и бесповоротно погибший, вдруг объявился вновь целый и невредимый!.. Более того, когда-то выступив заклятым врагом звездных королей, а с ними и самого Гордона, теперь он спас посланцев Империи от верной гибели и помог им бежать.

Невозможно. Непостижимо! Неправдоподобно.

И однако же все обстояло именно так; и Шорр Кан находился рядом с ним в корабле х'харнов, разрезавшем необъятные пространства Галактики в неимоверной дали от Троона, и мощными ладонями растирал усталое лицо, привядшие черты которого наглядно свидетельствовали, что все пережитое не прошло даром даже для такой сильной натуры. Впрочем, чесму тут особенно удивляться, оборвал себя Гордон, его «воскрешение» не более чудесно и фантасмагорично, чем мое возвращение в этот мир будущего, на Троон, и встреча с Лианной, которую я справедливо считал навсегда для себя потерянной... Голос Беррела вывел его из глубокой задумчивости. Тот сердито отчитывал Шорр Кана:

— Каким образом, по-вашему, я смогу взять курс на Магеллановы Облака, если не способен разобрать ни одной закорючки на этом дьявольском пульте?

— Взять курс — куда? — переспросил Гордон. — Вы о чем это?

Хелл взглянул на него со снисходительным недоумением:

— На Магеллановы Облака!.. Туда, откуда изволили пожаловать эти треклятые х'харны! Разве мы не договорились отправиться в разведку к х'харнам?

— На этом крошечном корабле в разведку за пределы Галактики? Да вы в своем уме, Хелл? — воскликнул Гордон.

Шорр Кан, как и Гордон, с удивлением отреагировал на обращенные к нему слова Беррела:

— Магеллановы Облака? Признаюсь, более нелепой идеи ты не мог бы высказать!

— Но вы же сами предложили мне это! — взорвался капитан. — Дескать, мы должны лететь к Магеллановым Облакам и разузнать поподробнее, что там х'харны замышляют против Империи! И Гордон не возражал!

Шорр Кан внезапно напрягся, как человек, только что испытавший шоковое потрясение.

— Но это абсурд! Хотя, помнится, я действительно предлагал нечто подобное... Спятил, что ли?..

Как всегда в критические минуты, его лицо затвердело.

— А растолкуй-ка, Хелл, почему ты выбрал для бегства именно этот корабль, корабль х'харнов?

— Это вы его выбрали, Шорр, — ответил за друга Гордон.

— А! Точно... — пробормотал Шорр Кан. — Это так, да... Но как ты заставил его взлететь?

Хелл Беррел выглядел донельзя удивленным.

— И, правда, я... Я действовал почти наугад.

— Наугад? — с издевкой рассмеялся Шорр Кан. — Брось. Ты уверенно и четко управлял кораблем совершенно неизвестной тебе конструкции.

Он взглянул на Гордона и понизил голос:

— И я нахожу только одно объяснение тому, что с нами происходит. Мы все находимся под направляющим влиянием одного из х'харнов.

При этих словах Гордона окатила холодная волна ужаса.

— Но... вы же сами говорили, что они не могут эффективно использовать свою телепатическую силу на большом расстоянии!

— Вот именно! — процедил Шорр Кан и медленно перевел взгляд на массивную металлическую дверь в задней части командного отсека.

— Разве мы все здесь осмотрели? Да нам и в голову не пришло обследовать корабль!..

Внезапное озарение повергло Гордона в такое состояние ошеломления и страха, какое правомерней было бы определить как всепоглощающий ужас.

— Вы думаете, на борту притаился один из х'харнов?

— Да, мне так кажется, — прошептал Шорр Кан. — Я вам говорил о небольшой группке х'харнов, заявившихся на Аар, но бог знает, сколько этих чудищ на самом деле распоязлось по Галактике. Я-то был уверен, что на Ааре остался лишь один из них, тот, кого мы прибили... Но теперь припоминаю, что Син Кривер говорил о х'харнах на Ааре во множественном числе...

Гордон и Беррел переглянулись. Они еще не забыли того леденящего, сковавшего их тела и сознание страха, который испытали при приближении Суссюра.

— Господи! — вырвалось у Гордона.

Не зная, что делать, он в полной растерянности повернулся к Шорру. Но было уже поздно.

— Если кто-то из х'харнов сейчас на корабле, необходимо не мешкая найти и уничтожить его, — проговорил Шорр Кан, доставая парализатор.

Не раздумывая, Гордон бросился на него и повалил на пол, пытаясь вырвать грозное оружие. Шорр Кан сопротивлялся, как попавший в западню тигр. Его лицо превратилось в неподвижную маску с остекленевшим взглядом, накрепко сжатым ртом и застывшими чертами.

— Помогите мне, Хелл!

Тот был уже рядом.

— Значит, он все-таки предатель? Я же все время твердил, что нельзя ему доверять...

— Да нет, взгляните на его лицо... Он во власти х'харна. Заберите у него парализатор!

Хелл Беррел с неимоверным трудом, один за другим, разогнул пальцы, судорожно вцепившиеся в рукоять оружия. Как только оно оказалось в руках антаресца, Шорр Кан расслабленно повалился на пол, безразличный ко всему и неподвижный. Затем с видом человека, очнувшегося от обморока, открыл глаза и пробормотал:

— Что случилось? Я почувствовал...

Но Гордон его уже не слушал. Он вырвал парализатор из рук изумленного Беррела, судорожно отсоединил от него источник питания и протянул разряженное оружие Беррелу.

— Держите! Теперь никто из нас не сможет воспользоваться парализатором, если х'харн возьмет под контроль наши...

Он так и не закончил фразу. В голове у него что-то взорвалось, и началось падение в черную бездну, уже знакомое ему, пережитое однажды. Против этого не существовало никакой защиты. Это было — как смерть. Да, он просто... умер.

Так же внезапно Гордон пришел в себя. То же с ним было и на Тейне, воздействие Серого оказалось кратковременным и отнюдь не убийственным. Только потом Гордон сообразил, что, видимо, для Серого он не такая уж легкая добыча — ведь его разум все же резко отличается от разума тех, кто сумел извлечь его из недр времени и взять к себе, в будущее, и с кем Серый привык иметь дело.

Очнувшись, Гордон увидел, что по-прежнему находится возле пульта управления, только руки его с удушающей силой сжимают горло Шорр Кана, в то время, как Беррел старается оторвать их от облачника и оттащить Гордона в сторону.

— Оставьте его! — в каком-то беспамятстве кричал капитан. — Прочь! Или я вынужден буду расправиться с вами!

Гордон с трудом разжал и распрымил занемевшие пальцы. Шорр Кан, хватая широко раскрытым ртом воздух, ползком отодвинулся от него.

— Ничего, все в порядке, все будет хорошо, — бормотал Гордон.

Собравшись с силами, он начал приподниматься, обводя отсек блуждающим взором, но Беррел с такой силой хватил его коленом в солнечное сплетение, что Гордон, удариившись головой о стальную переборку, безжизненно растянулся на полу...

Х'харн, все же неспособный справиться сразу с тремя, решил сменить объект своего воздействия, целиком переключившись на антаресца. Теперь уже у Беррела лицо окаменело и напоминало африканскую маску, из тех, какие Гордон видывал в музеях: ничего не выражавший пустой взгляд, глубоко врезанные, задеревеневшие морщины, судорожно сведенные губы — все твердо, неподвижное, как застывшая лава... Оставив в покое беспомощного Гордона, Беррел рванулся к Шорр Кану с очевидным намерением пришибить его на месте. Тому, однако, удалось увернуться, и, видимо, он решил во что бы то ни стало продержаться до того момента, когда к Гордону вернутся силы и сознание, и он сможет прийти на выручку жертве Беррела, на которую тому указал невидимый х'харн. И когда Гордон вновь пришел в себя и присоединился к Шорр Кану, вдвоем они совладали с обезумевшим капитаном, навалившись на него и прижав к полу. Неожиданно его тело обмякло, он приподнял голову и с ужасом спросил:

— Теперь это был я?

Гордон молча кивнул. Хелл Беррел сел и обхватил голову руками.

— Какого черта он просто не уничтожит нас?

— Этого он не может себе позволить, — ответил Шорр Кан. — По крайней мере с применением телепатических зарядов. Нет, разрушить всем нам, по очереди, разум — это в его силах. Но я не думаю, чтобы его привлекала перспектива пересекать пространство Галактики в компании трех слюнявых идиотов.

Его напряженный взгляд остановился на двери, ведущей в задний отсек корабля.

— Нет. Нам нипочем не схватиться с ним лицом к лицу.

Гордон посмотрел на центральный экран. С головокружительной скоростью они неслись, пересекая наиболее опасные участки пространства Границ, загроможденные слепящими Солнцами, мертвymi звездами, астероидами и осколками. Шорр Кан, конечно, прав, и все же...

Повинуясь какому-то наитию, не дав себе ни секунды на раздумья, Гордон бросился к пульту управления и принялся как попало нажимать на различные кнопки, судорожно, и тоже вслепую, переключать тумблеры, вдрызг разбалтывая управление кораблем, приводя все в состояние хаоса.

И корабль словно сошел с ума. Его маневры сделались беспорядочными и бессмысленными, с лихорадочными дерганьими, дрожью, движение в пространстве — нерегулируемым и слепым... В любой момент его могло вдребезги расшибить о какую-либо из проносящихся мимо глыб.

Беррел и Шорр Кан перекатывались в отсеке от стены к стене, не успевая за что-нибудь ухватиться и разражаясь замысловатой бранью. Они пока ничего не понимали и, ошарашенные действиями Гордона, проклинали его на чем свет стоит.

Но и х'харна, прятавшегося в заднем отсеке, ошеломила и озадачила вдруг начавшаяся тряска. Во всяком случае он ничего пока не предпринимал, чтобы вмешаться в происходящее и воспрепятствовать намерениям и поступкам Гордона.

Зато Беррел дал волю своим чувствам; безуспешно пытаясь приблизиться к Гордону, он в бешенстве вопил:

— Вы что, с ума сошли? Или задумали всех нас погубить? Уберите руки с пульта управления! Вы же во всем этом ни черта не смыслите!

— Это и к лучшему, — спокойно парировал Гордон, — весь смысл моих действий как раз в их бессмысленности. Только так мы можем напугать х'харна, загнать его в угол. Идите ко мне... А Шорр Кан пусть отползет подальше. Нам надо рассредоточиться; не сумеет же этот ублюдок держать в повиновении одновременно три разума!..

Беррел, когда ему все же удалось подойти к Гордону, глянул на экран переднего обзора, и взору его предстала бешеная тряска звезд и ближних Солнц.

— Но это же самоубийство! Сейчас мы во что-нибудь врежемся...

Но до Шорр Кана уже дошел замысел Гордона.

— Он прав, Хелл. Да, риск натолкнуться на что-либо велик, и все же это наш единственный шанс.

Гордон подтолкнул Беррела к пульту.

— Разладьте тут все ко всем чертям!

Слишком пораженный, чтобы смекнуть, к чему это может привести, Беррел повиновался. А вскоре уже все трое наперебой нажимали на различные кнопки и клавиши.

Безумие продолжалось. Корабль тряслось, болтало, швыряло из стороны в сторону... Беглецы были надежно защищены внутри корабля от слишком быстрых, внезапно меняющихся ускорений и торможений, но постоянное головокружение, казалось, скоро их доконает.

— Эй, ты, там! — прорычал Гордон. — Ты хоть можешь взять в толк, что тебя ждет? Если корабль разобьется, то ты подожнешь

вместе с нами. И посмей только коснуться хоть одного из нас, я тебе обеспечу роскошное кораблекрушение!

Он приготовился к леденящему взрыву в свое сознании, но ощутил лишь, как в мозг ему проникает и шевелится там телепатическое щупальце — холодное, противно, почему-то подрагивавшее.

— Прекратите! Прекратите!.. — молил из своего убежища порядком перетрусивший х'харн.

Глава II

Гордон не отрывал глаз от обзорного экрана. Корабль с ужающей быстротой приближался к бесформенной туманности, состоящей из космической пыли и обломков различной величины. Он убрал руки с пульта управления.

— Пока ничего не трогайте, — попросил он своих спутников, — но будьте готовы начать все сначала.

Тревожные мысли х'харна обволокли сознание Гордона, который понимал, что х'харн их глазами видит все, что происходит снаружи.

— Меняйте направление, иначе мы пропали.

— В какую же сторону вести корабль? — огрызнулся Гордон. — К Магеллановым Облакам, куда вы так тщились нас отправить?

— Мне необходимо туда вернуться. Телепатическим путем, — объяснил х'харн. — Но, думаю, мы сможем договориться.

— Каким образом и на каких условиях?

— Скажем, вы могли бы ссадить меня на любой планете недалеко отсюда и двигаться дальше куда вам угодно.

Гордон вопросительно посмотрел на своих друзей.

— Я понял, чего он хочет, — отозвался Шорр Кан. — Ты тоже, Хелл? Предложение вроде бы дельное; это какой-никакой, а выход. Только что это нам дает? А вдруг ему опять вздумается позабавиться с нами? Пораспоряжаться нашим разумом?..

— Нет! — живо отреагировал х'харн.

Гордон колебался, в голову не приходило ничего более подходящего. Ситуация сложилась исключительная: втроем они заперты в корабле с риском вновь подпасть под мощное телепатическое воздействие х'харна, перед которым они бессильны, но который в свою очередь мог осуществлять контроль лишь над одним из трех, в крайнем случае над двумя. Шаткое равновесие... И неизвестно, чья возьмет?..

В мозгу у него родилась шальная идея, но он подавил ее и нерешительно взглянул на друзей: а не рискнуть ли все-таки?..

«Вот и отлично!» — поспешил одобрить х'харн. Чересчур поспешно, с каким-то нетерпеливым торжеством. — «Я сейчас внушу вашему капитану, куда надо взять курс». Гордон мысленно рассмеялся: «Ах, вон ты что задумал, поганец?! Опять, значит, подчинишь его

сознание своему, чтобы вертеть им, как хочешь?.. Нет, так не пойдет». — «А что же ты предлагаешь?» — «А вот что. Ты сейчас телепатически дашь Беррелу нужные указания, проинструктируешь его относительно дальнейшего управления кораблем, оставляя в полном, ясном сознании, так, чтобы он мог вслух для нас с Шорр Каном повторить каждую твою команду. И как только мы заподозрим неладное, ну, к примеру, нам покажется, будто Беррел не сознает, что говорит и делает, мы тут же, не долго думая, снова все разладим, а там будь что будет — пусть катастрофа; только тогда и ты разделишь нашу судьбу».

Х'харн долго не отвечал, но его телепатическое щупальце в мозгу Гордона заметно похолодело.

Беррел меж тем так и впился глазами в экран переднего обзора. Корабль находился уже в опасной близости от туманности, насыщенной различными твердыми телами, столкновение с которыми грозило если и не полной катастрофой, то серьезной аварией. С нарастающей тревогой он представлял себе трагический исход, который вот-вот должен наступить... И, перехватив его мысль, х'харн, как и надеялся Гордон, поторопился согласиться со своим «собеседником».

— Хорошо, будь по-вашему. Но ваш товарищ должен немедленно приступить к корректировке полета.

Хелл Беррел по знаку Гордона занял место пилота между ним и Шорр Каном, дабы тем было удобно наблюдать за малейшими изменениями в его жестах и выражении лица.

— Он говорит, что вот это — переключатель боковых двигателей, — докладывал Беррел, берясь за миниатюрный никелированный рычажок. — Так. Теперь перевожу его на семь делений влево, это пятьдесят градусов.

Гигантские отростки туманности исчезли из поля зрения.

— Теперь меняю направление корабля. Следите за экраном, — вновь проговорил Беррел, касаясь другого рычажка.

На экране мелькали туманности, скопления звезд — кладбища давно потухших светил. Корабль все с той же сумасшедшей скоростью, немыслимой и недостижимой в пределах их Галактики, мчал сквозь эти космические джунгли, как метафорически определил их Гордон, неизвестно куда. Атмосфера на корабле становилась все более напряженной; нервы у Гордона и его друзей были натянуты, как струны: вот-вот оборвутся, лопнут... Гордон подозревал, что х'харн лукавил с ним, а сам исподволь готовил им ловушку, и капкан захлопнется, как только корабль опустится на необитаемую планету, о которой говорил х'харн. Но он приказал себе не забивать голову досужими догадками, а все внимание сосредоточить на Берреле, следя за его словами и движениями. Пока, видимо, все шло как надо; на обзорном экране возник и стал медленно расти желтый диск незнакомого светила. Вскоре можно было уже различить планету, вращавшиеся вокруг него; к

одной из них и приближался корабль. «Та самая?» — спросил Гордон у х'харна, и тот немедленно подтвердил: — «Да, именно се я имел в виду». — Он продолжал отдавать четкие распоряжения, которые Беррел громко повторял вслух:

— Уточнение курса... Контроль торможения...

Гордон не спускал с него глаз. Если х'харн вознамерится изменить ситуацию в свою пользу, то это может случиться с минуты на минуту. Антаресец сохранял пока нормальное выражение лица, однако Гордон помнил, как еще недавно оно неизвестно менялось буквально в мгновение ока. И не дай бог... Но он оборвал себя: «Не ломай над этим голову, не отвлекайся... Близок решающий момент».

Планета заполнила собой уже весь экран, и на серо-зеленой ее поверхности Гордон между скученостями облаков разглядел сверкающую водную гладь.

— Торможение... Еще два деления влево — для достижения орбитальной скорости... — повторил Беррел инструкцию х'харна.

Еще несколько маневров, и корабль начал вертикальный спуск.

Они пронзили пористые облака, и на экране четко обозначились приближающиеся зеленые массивы леса, широкая долина, пересекаемая серебряной лентой извилистой реки, несколько озер... Гордон уловил сдавленное дыхание Шорр Кана и понял, что тот тоже волнуется. «Соберись с мыслями. Думай о Шорр Кане, — приказывал он себе, — можно ли доверять ему?..»

— Еще на полделения влево, — произнес Беррел, выполняя очередную команду. — Стоп!

До поверхности планеты оставалось не более километра, когда Гордон изо всех сил, какие придает человеку отчаяние и сознание, что это его последний шанс на спасение, ударил Беррела, продолжавшего тупо нажимать на кнопки спуска. Нанеся сокрушительный удар, Гордон оторвал руки Беррела от пульта управления. Корабль устремился вниз, со свистом разрезая воздух. Беррел кричал что-то исступленно и неразборчиво. Но корабль уже ткнулся носом в твердую почву, вся передняя часть корпуса смялась и дала трещины; Гордона подбросило к потолку. Вокруг сжимались в гармошку, рвались, как бумага, металлические переборки и перекрытия.

Первым, на что Гордон обратил внимание, когда наконец опомнился, была звенящая тишина... Шорр Кан медленно выбрался из-под обломков, вытирая кровь с рассеченного лба. Беррел лежал неподвижно, упервшись головой в пульт управления. Охваченный тревогой, Гордон перевернул его на спину, попытался нашупать пульс.

— Мертв? — вырвалось у Шорр Кана.

Гордон пальцами приподнял веко Беррела.

— Нет, всего лишь потерял сознание. Не думаю, что он так уж плох.

Шорр Кан промокнул рану на лбу платком, который тотчас окрасился в алый цвет.

— Нам еще повезло. Мы могли вообще отдать концы. — Глаза его загорелись негодованием. — Ка^{ко}го черта, Гордон, тебе взбрело в голову... — И внезапно смолк.

Гордону мало встречалось таких сметливых и сообразительных, как Шорр Кан. Сейчас его взгляд был устремлен на дверь заднего отсека, стена которого ребристо сморщилась, когда корабль врезался в поверхность планеты. Потом он посмотрел на Гордона уже с восхищением:

— Вовремя ты это... А как сам, все еще в телепатическом контакте с этим мерзавцем?

Гордон прислушался к себе, до предела напрягая мозг, всеми силами пытаясь обнаружить хоть какие-то признаки вторжения х'харна в его сознание. И удовлетворенно констатировал:

— Нет, ни малейшего следа телепатической агрессии. Х'харна будто и нет на корабле. Допускаю, что он погиб. Вынести такой удар не всякому под силу... А х'харны хоть и неотразимы как телепаты, но физически...

— Слабаки! — с презрением закончил за него Шорр Кан. — И все же надо убедиться в этом самим, тщательно осмотрев корабль, верно?

Гордон, все еще оглушенный недавним ударом, потряс головой, словно стараясь привести мысли в порядок.

— Живой, он никогда не выпустил бы нас из-под контроля. Это уж абсолютно точно. Видимо, мне удалось его опередить.

Шорр Кан скомкал окровавленный платок и покачал головой, что заставило его скривиться от боли.

— Пожалуй, вы правы. Син Кривер кое-что порассказал мне о дьявольских возможностях х'харнов, да мне и самому довелось понаблюдать за тем исчадием ада, с которым мы столкнулись на Ааре, будь он проклят. И смею вас заверить, если бы наш телепат успел, он просто-напросто спалил бы нам мозги. Такие ни перед чем не останавливаются и, пока они живы, от них нечего ждать, кроме бед.

Хэлл Беррел находился в беспамятстве так долго, что Гордон начал уже беспокоиться за него. Но мало-помалу и он пришел в сознание, и силы его восстановились настолько, что он смог сесть. Некоторое время он опасливо и недоверчиво озирался, но, убедившись, что больше не получает команд, которым не в силах противиться, воспрял духом и в немом почтении воззрился на Гордона.

— Вы гений, Джон! Сам я на такое никогда бы не отважился!

— Вы — космонавт-профессионал, — возразил Гордон, — и потому вам не стоило бы труда представить, чем все это могло кончиться. Я же действовал в общем-то вслепую и импульсивно. Но хватит разговоров! — Он указал на отсек со стенами, собравшимися в крупные угловатые складки и добавил: — Давайте-ка поднатужьтесь и помогите мне разыскать этого негодяя, который пытался поставить нас на колени...

Несмотря на боль во всем теле, Беррел, поднимаясь на ноги, освобожденно смеялся. Пришлось потратить немало времени и энергии, чтобы разгрести груды покореженного металла и разбитых приборов, прежде чем они обшарили все отсеки, оказавшиеся пустыми, и, перейдя в носовую часть корабля, через дыру в обшивке спрыгнули один за другим на покрытую мягкой травой почву, под жаркие лучи желтого солнца.

Гордон с восторгом оглядывался вокруг. То, что открылось его взору, удивительно напоминало ландшафты родной Земли. Они находились на опушке обширного, но негустого леса. Сквозь редкие деревья хорошо просматривались отдаленные пологие холмы, которые накатывались друг на друга зелеными волнами. Голубое небо, желто-золотистый солнечный свет, свежий воздух, напоенный пьянящими ароматами растений, — все создавало впечатление, что он, Гордон, вновь на Земле, хотя и растения, и деревья, и густая трава уж никак не походили на земные...

Мысли Беррела текли в более прозаическом русле. Он с горечью смотрел на то, что осталось от корабля, примчавшего их сюда.

Подойдя к Гордону, он сумрачно заметил:

— Да, этой чудо-птице больше уже не летать. Впрочем, если бы даже корабль был в идеальном состоянии, я не управился бы с ним без помощи какого-нибудь х'арна, вроде того, что навязался нам в надзиратели.

Гордон хмуро усмехнулся:

— Но корабль не только неуправляем, он покалечен, разбит. И нам ничего не остается, как примириться с тем, что мы на какой-то неведомой необитаемой планете, втроем, без корабля и каких-либо средств передвижения, кроме своих двоих...

«Да, — грустно подумал он, — мы потерпели кораблекрушение, и нас выбросило на необитаемый остров».

В разговор вступил помалкивавший до этого Шорр Кан, рана которого наконец перестала кровоточить.

— А планета действительно необитаема?.. Да, помню, об этом нам говорил х'арн, но можем ли мы положиться на его заверения? Лживее этих существ я еще никого не встречал. За мгновение до нашей, простите, посадки я через иллюминатор приметил вдали что-то отдаленно напоминающее город. Или мне это промнилось...

— Хм... — по лицу Гордона пробежала тень. — Радоваться-то, вроде, и впрямь нечему. Ведь х'арн сам выбрал эту планету. И если город не привиделся Шорр Кану, то он обитаем, и мы имеем

все основания предположить, что это — один из тех миров, которые заселены негуманоидными расами, боготворящими графов, как геррны Нарат Тейна.

— Это как раз то, чего я боюсь, — поддакнул Шорр Кан. — Надо бы пойти осмотреться, провести рекогносцировку при соблюдении максимальной осторожности. Мне кажется, идти следует туда, — он рукой указал на лес.

Медленно пробираясь по лесным тропкам, прячась за редкими деревьями, они вышли на равнину с пологими холмами. В лесу они слышали крики птиц, иногда примечали небольших, в бурой шерсти животных. Листья деревьев шелестели под легким ветерком.

Несмотря на эти мирные, так знакомые по Земле звуки и царящий здесь покой, что-то разлитое вокруг тревожило Гордона. Он вытащил крохотный в виде маленького шарика источник питания и протянул его Беррелу.

— Зарядите оружие. Боюсь, оно нам может понадобиться.

— Чего я не понимаю, — приводя в боевую готовность парализатор, капитан недоуменно пожал плечами, — так это тайную цель нашего х'харна. Почему он так упорно понуждал нас лететь с ним к Магеллановым Облакам? Чего он добивался? Зачем ему понадобилась именно эта планета, и что ему было нужно от нас?

— От нас с вами ровно ничего. Это Гордон был ему нужен, — предположил Шорр Кан.

— Что ж, вполне вероятно, — согласился Гордон. — Мы привлекли его внимание, убив другого х'харна и пытаясь улизнуть с Аара. Незаметно для нас он мог прозондировать наш разум.

— Пусть так, Джон, — сдался Беррел, — он основательно покопался в вашем сознании... Что же он мог найти там такого уж интересного для себя?

— Расскажи ему, Гордон, — ухмыльнулся Шорр Кан.

— В Трооне, особенно в последнее время, вы много слышали относительно меня и моего прошлого. Сам император счел возможным раскрыть вам, что я... вернее, мое сознание, пребывало в теле Зарт Арна во время великой битвы Звездных королевств против Лиги.

— Да-да. И это вы возглавляли флот, когда был применен...

Не закончив фразу, он так и застыл с открытым ртом и выпученными глазами.

— Именно, — продолжил за него Гордон. — Это я, а не Зарт Арн, привел в действие самое секретное и уникальное оружие Империи — Разрушитель.

— Вот-вот, — добавил Шорр Кан, — тот самый Разрушитель, который тысячи лет тому назад разнес в клочья флот х'харнов при их первой попытке захватить нашу Галактику.

В глазах Беррела вспыхнула догадка:

— Ну да, конечно! Х'харны все отдали бы за то, чтобы им попался в лапы человек, знакомый с принципами применения этого

Разрушителя, посвященный в тайну, которую так тщательно оберегает императорская семья. Да, теперь я понимаю, но...

— А не закончить ли нам на этом интереснейшую беседу или возобновить ее попозже? — предложил Шорр Кан. — Сейчас же наша главная задача: разведка!

И в наступившей тишине, нарушающей лишь шорохом шагов, они продолжили путь по равнине. Скоро вдали, на расстоянии в несколько километров от них, появился какие-то темные мелькающие точки. Гордон поначалу принял их за стаю дико-винных животных, бегущих и подпрыгивающих. Способ их передвижения показался ему необычным и несколько насторожил. Все же троица неустанно продвигалась вперед, к северу, как предполагал Гордон. По мере их приближения к прыгающим точкам можно было рассмотреть животных уже более подробно, и то, что увидели путники, решительно им не понравилось. Создания, направлявшиеся им навстречу, вовсе не прыгали, но вместе с тем не шли и не летели, а совершили нечто среднее между ходьбой и полетом. Это были огромные птицы с длинными крепкими, как у страусов, ногами, с крыльями, подвергшимися редукции, и почти человеческими головами. И если бы не их величина и не серо-коричневый цвет, Гордон сравнил бы их с сородичами Коркханна. Сходство дополнялось тем, чтоrudimentы крыльев уже сформировались в руки с хорошо развитыми кистями, на которых поблескивали мощные когти. Гордону также показалось, что люди-птицы сжимают в руках предметы, весьма напоминающие оружие.

Глава III

Ласково светило желтое солнце, мирный ветерок шевелил листву деревьев в оставшемся позади лесу, колыхалась высокая шелковистая трава — все это рождало ощущение летней идиллии, и Гордону с трудом верилось, что он сейчас в немыслимой дали от Земли, в чужом и, по-видимому, враждебном мире. Этот мир как раз и не воспринимался им как единственная реальность, и особенно нереальными выглядели существа с полутичьим, получеловеческим обликом.

— Это — каллы, — сказал Шорр Кан. — Когда я видел Нарат Тейна, прибывшего на Аар для встречи с Син Кривером, то приметил в его свите множество представителей негуманоидных рас... в том числе и двух вот таких же «пташек». Потом узнал, что они называют себя каллами.

Присев, трое мужчин настороженно и брезгливо следили за передвижениями нелепых созданий, которые быстро и целеустремленно, не глядя по сторонам, продвигались вперед, опять-таки по предположению Гордона, к северу.

Шорр Кан, сложив руку козырьком над глазами, чтобы защитить их от солнца, внимательно осмотрел раскинувшуюся перед ними равнину.

— Глядите, вон там, вдалеке, — негромко подсказал он.

Почти у горизонта другая, едва заметная из-за дальности расстояния группа аборигенов тоже держала путь на север.

— То, что все они направляются в одну сторону, наводит на мысль, что я, и правда, видел город, — заявил Шорр Кан. — А где город, там и космопорт.

Его взгляд сделался задумчивым:

— Мне кажется, скоро тут могут появиться корабли мятежных графов. И каллы готовятся их встретить. Без сомнения, Нарат Тейн вновь принялся собирать своих приверженцев.

У Гордона защемило сердце.

— С какой стати он начал их собирать?

— А вы не догадываетесь, что он явно что-то затеял? И в последнее время мы наблюдаем, как накапливаются силы для решительного штурма, который так долго, тщательно и втайне от всех готовили графы Границ и орды Нарат Тейна.

— Что же они собираются штурмовать? — вскинулся Гордон.

Шорр Кан небрежно повел плечами.

— Разве непонятно?

Гордон вскочил на ноги, схватил Шорра Кана за плечи и сильно тряхнул его.

— Так они намерены штурмовать Фомальгаут? И вы это знали и ничего мне не говорили?

Лицо Шорра Кана оставалось невозмутимым, как и голос, хотя ему трудно было говорить.

— Будь благоразумен, Джон. С тех пор как нам удалось бежать с Аара, была ли у нас хоть одна минута, чтобы спокойно побеседовать?

Он не отвел глаза под пронизывающим взглядом Гордона, и тот бессильно разжал руки. Но отчаяние и чувство вины все не отпускали Гордона. Он не должен был покидать Фомальгаут и принцессу Лианну! Начиная с того момента, когда они угодили в ловушку на Тейне и с таким трудом вырвались из нее, Джон все отчетливей осознавал, насколько велика опасность, грозящая Лианне, и все-таки оставил ее!.. Ему вспомнились их последние встречи, отравленные горечью отчуждения и непонимания, ранящие — но такие ли уж несправедливые? — упреки принцессы, не скрывавшей печали и обвинявшей его в том, будто он перенесся через бездну времени не из-за любви к ней, а из-за азартной тяги к опасным, головокружительным приключениям, словно их на Земле не хватало?! Эти обвинения возмутили его, и он с легким сердцем и превеликой охотой отправился на Троон, по существу бросив любимую на произвол судьбы!.. А ведь она была во многом права... В самом деле, мог бы он на Земле попасть в такой крутой

переплет, как вот сейчас, на этой неизвестной планете, куда они сверзились на корабле х'харнов?..

Он требовательно и взволнованно, глухим и дрогнувшим голосом продолжал допытываться у Шорр Кана:

— И как скоро они предпримут наступление?..

Он заметил, что Беррел пытается привлечь его внимание, что-то говоря и размахивая руками, но даже не повернул к нему головы, с напряжением ожидая ответа от Шорр Кана. Тот, однако, лишь нахмурил лоб:

— Думаю, как только соединятся их разрозненные силы. Что же касается точного срока... Син Кривер не посвящал меня во все подробности их плана. Лишь одно мне доподлинно известно: звездный космический патруль графов будет сопровождать соединение тяжелых транспортов, предназначенных для перевозки бесчисленных орд негуманоидов.

Гордон сжал кулаки.

— Какая же роль отводится х'харнам во всех этих замыслах и приготовлениях? Вы мне говорили, что в графские владения пока прибыло всего лишь несколько этих тварей. Выходит, они тут сбоку припека?..

Шорр Кан покачал головой.

— Чего не знаю, того не знаю. Син Кривер не очень-то распространялся о своих отношениях с х'харнами. Естественно, он сказал мне лишь то, что считал возможным сказать... И, без сомнения, все это на две трети — ложь. — После короткой паузы он продолжил, очень серьезно и озабоченно: — Если вас интересует мое собственное предположение, то оно состоит в том, что х'харны намерены использовать Син Кривера и его союзников, чтобы застристи жар чужими руками, преследуя при этом какие-то свои тайные цели, о которых я не имею ни малейшего понятия, но которые тем не менее ужасно меня страшат.

Он поглядел на своих товарищей с улыбкой, таящей немалую долю снисхождения и сожаления.

— Все это и привело меня к бесповоротному решению — бежать с Аара вместе с вами. Я ведь уже убедился, что эти демоны способны в два счета досконально ознакомиться с нашими мыслями и намерениями, да так, что сами объекты их исследования ничего и не заметят. И не существует никакой защиты от этого их беззастенчивого проникновения в чужой мозг. Так что, если бы я вовремя не обраzuзмился, они могли бы в любой момент незаметно для меня выяснить с достаточной достоверностью, что у меня имеются свои планы, далеко не во всем совпадающие с планами Син Кривера.

— А вам доводилось когда-нибудь действовать честно, без обиженяков? — в голосе Беррела звучали презрение и сарказм.

— Да, и довольно часто. Но вообще-то я не обманывал кого-либо просто так, из подлости натуры, но стремился из всего извлекать выгоду.

Хелл Беррел только сплюнул с гримасой отвращения.

Шорр Кан, не обративший на это внимания, после долгого раздумья сказал:

— Быть может, у нас осталась единственная возможность спастись...

Гордон и Хелл Беррел затаили дыхание. Шорр целиком погрузился в свои мысли. Они терпеливо ждали. Внезапно решившись, Шорр Кан повернулся к Гордону:

— Допустим, нам все удастся, и мы благополучно прибудем на Фомальгаут. Я знаю принцессу Лианну. Она без раздумий велит вздернуть меня на виселицу.

— Я прослежу за тем, чтобы этого не случилось, — заверил Гордон.

Прозвучало это, конечно, слишком самоуверенно, и Шорр Кан усмехнулся:

— Ты можешь это твердо гарантировать? Как и то, что если не она, то кто-нибудь другой в Империи не поступит со мной подобным образом — безжалостно и несправедливо?

В их положении просто бессмысленно было лгать и хитрить, и Гордон в смущении отвел взгляд.

— Твоя неуверенность не очень-то обнадеживает, — как-то скис Шорр Кан. — И все-таки...

Он пристально, изучающе посмотрел на Джона Гордона, и тот понял, что Шорр Кан в последний раз взвешивает все «за» и «против». Наконец он решился:

— Другого выхода просто нет. Даешь мне слово чести сделать все от тебя зависящее, чтобы уберечь меня от расправы?

— Клянусь, — торжественно проговорил Гордон, — что если вам удастся каким-то путем выручить нас и доставить на Фомальгаут, я сделаю для вас все, что в моих силах!

Шорр Кан на минуту задумался:

— Хорошо, я согласен. Если бы у меня не было случая убедиться в том, как неукоснительно следишь ты нелепому обычью держать свое слово, я бы еще сомневался. Но, зная это, я тебе доверяю.

Беррел возмущенно прокашлялся и хотел что-то сказать, однако Гордон его опередил:

— Итак, что нам делать?

В глазах Шорра Кана мелькнул лукавый огонек.

— Есть лишь единственный способ выбраться отсюда: в одном из кораблей мятежных графов, которые вскоре наверняка явятся к каллам за подкреплением. И мне кажется, я придумал трюк, который поможет нам всех провести.

Он понизил голос:

— Послушайте. Я помог вам сбежать с Аара, и мы вместе прикончили Суссюра. Но ведь никому, кроме нас самих, не известно, что и как произошло на самом деле. Налицо лишь тот факт, что

х'харн убит, а двое пленников, ты и Беррел, исчезли, так же, как и я.

— К чему вы об этом напоминаете? — с раздражением спросил Хелл Беррел, — чтобы мы рассыпались в благодарностях?

— А вот к чему, — с досадой отмахнулся Шорр Кан от непонятливого капитана. — Допустим, графы, прибыв на эту планету, застанут здесь одного из приближенных Син Кривера, то есть вашего покорного слугу. Неужели же я не сумею заморочить им головы и уверить, что я — невинная жертва шпионов Империи, которые расправились с беднягой Суссюром и совершили побег, прихватив меня в качестве заложника?

— И, думаете, они попадутся на эту удочку? — усомнился Гордон. — Да они прежде всего поинтересуются, как вам удалось освободиться и где сейчас похитившие вас беглецы?

— Вот-вот, в этом-то и весь трюк! — возбужденно и не без самодовольства воскликнул Шорр Кан. — Видите ли, я приведу вас к графам как своих пленников, с направленным на вас парализатором, с руками, связанными за спиной. И поведаю занимательнейшую историю о том, как вы силой запихнули меня в корабль х'харнов и держали там, а мне удалось разладить управление кораблем, в результате чего мы, проплутав в космосе, грохнулись на эту планету, и тут уж я захватил вас, воспользовавшись находившимся на корабле парализатором.

Он обвел своих спутников торжествующим взглядом.

— Ну как, недурно? Может ли у графов возникнуть хоть тень сомнения, если вы будете стоять перед ними под прицелом моего парализатора? Гениальный план, не правда ли?

Тут Беррел, изрыгнув проклятье, бросился на Шорр Кана с очевидным намерением не оставить от него мокрого места.

— Хелл, стойте! — предупреждающе закричал Гордон.

Беррел повернулся к нему искаженное бешенством лицо.

— Вы еще удерживаете меня? Или не слышали, что тут плел этот прохвост? Вы что, вообразили, что проклятый облачник способен измениться к лучшему? Черта с два! Перед нами все тот же мерзавец, который чуть не погубил Империю!..

Шорр Кан мог похвастаться весьма плотным телосложением, но Беррел тряс его с таким остервенением, что голова у того моталась, как у тряпичной куклы. Сам капитан задыхался, торопясь излить свою ярость:

— О да, его план превосходен! Он нас швырнет графам, как цыплят со связанными лапками. И спасет свою шкуру за счет наших жизней!

— Да погодите же хоть минуту! — урезонивал его Гордон, тщетно пытаясь оторвать от Шорр Кана. — Оставьте его в покое и сами успокойтесь. Как ни относиться к Шорр Кану и его хитроумному плану, но только он предоставляет нам хоть какой-то

шанс на спасение и бегство. Так что возьмите себя в руки, и обсудим все спокойно и трезво.

Наконец ему удалось разжать вцепившиеся в плечи Шорр Кана руки антаресца, и тот с большой неохотой отпустил своего противника, холодно и презрительно проговорив напоследок:

— Это как раз та двойная игра, которую вы так обожаете, Шорр, не так ли?

— А что? — тот добродушно ослабился. — Признаюсь, я подумывал и о таком варианте.

Гордон пытался прочесть в глазах Шорр Кана истинные его чувства и намерения:

— Но перерепили?

— Да, Гордон. Во мне всегда преобладал здравый смысл.

— Всегда ли? — улыбнулся Гордон.

Шорр Кан смешался:

— Хм... Ну, если не считать одного случая...

— Рокового для вас, так?

— Но и многому научившего!

И бывший диктатор вновь заговорил медленно и терпеливо, как будто увещевал несмышленышей:

— Я уже говорил, но для вас приходится все повторять. Я мог бы остаться с графами и водить их за нос долгое время, которого мне хватило бы на все про все. Но вот обмануть хоть одного из х'арнов — это мне не по плечу. И достаточно было лишь одной моей перехваченной мысли, чтобы со мной покончили. Вот почему я и решил связать судьбу с Фомальгаутом. Это же элементарная логика!

— Имея дело с вами, мой друг, ничего нельзя считать элементарным, — язвительно заметил Гордон. — Поэтому-то Беррел никак не может вам довериться. Да и я порой думаю: а не плутуете ли вы с нами?.. Мы-то ведь не в состоянии залезть к вам в мозг и вызнать, что вы там задумали на самом деле.

— Тогда поищем другие мотивы. — Лицо Шорр Кана расплылось в улыбке. — Примем во внимание, например, дружбу. Ты мне с самого начала был симпатичен, Джон, ей-богу! А это чего-нибудь да стоит.

— Черт возьми! — не выдержал Беррел. — Нет, это все-таки самый ловкий и наглый проходимец во всей Галактике! Человек, затеявший межзвездную войну, домогается нашего доверия, потому что вы ему якобы симпатичны! Позвольте мне сго убить, Гордон!

— Нет, я все-таки куда терпеливей вас! — попенял ему Гордон. — Один момент, Хелл!

Он прошелся в раздумье взад-вперед, пытаясь основательней разобраться в плане Шорр Кана и, хотя Гордона одолевали серьезные сомнения в его искренности, он наконец убежденно заговорил:

— Все сводится к следующему. Мы пока, возможно надолго, совершенно беспомощны. Единственные корабли, которые смогут скоро здесь оказаться — это корабли мятежных графов. И единственный выход из создавшегося, поистине безнадежного, положения — это то, что предлагает Шорр Кан. Подчеркиваю: единственный. Иного просто нет. Итак, Хелл, надо решаться. Верните ему парализатор.

Лицо Беррела выражало сомнение и упрямство.

— Что ж, если у вас есть другие идеи — выкладывайте. — Гордон уже начал сердиться.

Какое-то время Беррел стоял, низко наклонив голову, как разъяренный бык, затем, выругавшись, протянул парализатор Шорр Кану.

Схватив оружие, Шорр Кан тут же направил его на друзей.

— Ну что, попались? Теперь вы действительно у меня в руках! Хелл совершенно прав. Я выдам вас графам, чтобы наказать за порядочность и доверчивость.

Хелл пришел в неистовую ярость. Он бросился на Шорр Кана, силясь вырвать у него парализатор и при этом рыча и ругаясь последними словами. Шорр Кан ловко увернулся и залился неудержимым хохотом. Он согнулся вдвое и даже был вынужден сесть на траву, чтобы не упасть от накатившего на него приступа смеха.

— Извините, — едва смог он выговорить. — Никак не мог удержаться... Страх как люблю пошутить!..

Он выпрямился и, вытирая слезы, уже серьезно и веско сказал:

— Я навсегда — ваш верный союзник и друг.

Говоря это, он приятельски похлопал Беррела по спине. Гордон, взглянув на лицо капитана, ставшее сине-багровым от гнева и возмущения, не мог удержаться от улыбки.

— А теперь — в путь! — воскликнул Шорр Кан. — Но нужно связать вам руки, прежде чем мы наткнемся на пернатых воинов или еще на кого-нибудь. Мы ведь и не представляем, какие нас могут ждать сюрпризы.

Они зашагали по равнине в ту же сторону, что и отряды каллов: впереди Гордон и Беррел со связанными руками, за ними — Шорр Кан, державший наготове парализатор. Солнце быстро садилось за горизонт, желто-золотой свет заката уступал место сгущающимся сумеркам. Еще не совсем стемнело, когда они услышали раскаты далекого грома, сопровождаемые вспышками зарниц. В безоблачном вечернем небе мелькнули силуэты трех кораблей, совершающих посадку на краю равнины, по которой они продвигались.

Двумя часами позже, уже в полной темноте, они были поражены развернувшейся перед ними картиной, рядом с которой померкла бы самая впечатляющая сцена в аду.

Глава IV

Красный колеблющийся свет факелов заливал узкие улочки города, состоявшего из беспорядочного нагромождения хибар, тянувшихся вдоль мутной речушки; на ее глади играли отблески пламени. Обитатели трущоб, далекие от цивилизации, видимо, не нуждались ни в чем, кроме какого-никакого жилья и места сбощиц. Впрочем, в эту ночь город не мог вместить всех прибывших, и они тысячами теснились на улочках и базарной площади. Стены старых хибар, казалось, не выдержат напора столь плотной толпы и вот-вот рухнут. В колыхавшихся отсветах бесчисленных факелов вырисовывались, поблескивая, голенастые длинные ноги, когтистые руки-крылья, птичьи глазки на человечьих лицах с гладкой желтоватой кожей. Специфически-острый, нестерпимый запах множества разгоряченных тел вызывал тошноту.

Вся эта переполнившая город масса аборигенов произвела на Гордона жуткое впечатление: будто это орды демонов вырвались из преисподней. Но от него не укрылось, что толпа медленно, неуклонно продвигалась к трем огромным космическим кораблям, видневшимся чуть поодаль от городка... В двух из них Гордон безошибочно угадал тяжелые транспорты; третий, поменьше и компактней, явно принадлежал к скоростным крейсерам.

На корабли уже падал свет факелов, и их металлические обшивки посверкивали в ночи, как речные волны под звездами...

— С транспортами все ясно, — безапелляционно заявил Шорр Кан, — они предназначены для переброски воинских подкреплений на Фомальгаут. А вот на крейсере, вероятно, прибыл какой-нибудь чванливый граф, облеченный особыми полномочиями и руководящий операцией с перевозкой каллов. Этот крейсер представляет для нас большой интерес.

— Не возьму в толк, как весь этот сброд, — не слушая его, презрительно фыркнул Беррел, — сможет противостоять несокрушимой мощи Звездных королевств.

— То, что вы сейчас видите, — осадил его Шорр Кан, — лишь ничтожная часть воинства, которое могут поставить планеты, расположенные во владениях графов и подчиненные им. Уверяю, негуманоидные расы дружно откликнутся на призыв Нарат Тейна.

Гордон имел все основания верить ему, поскольку хорошо помнил то обожание и восторженный энтузиазм, с какими геррны относились к сумасшедшему кузену Лианне.

— Когда крупные соединения графов, — добавил Шорр Кан, — вступят в сражение с флотом Фомальгаута, транспортные корабли высадят на планету хорошо вооруженные банды приспешников Нарат Тейна, которые предпримут ожесточенный штурм столицы.

Воображение Гордона живо нарисовало кошмарную картину, и он вновь почувствовал себя предателем по отношению к Лианне.

— Но у Фомальгаута могучий союзник — Империя, — высокомерно возразил Беррел, — и последнее слово — за ней.

— Отрешишь от иллюзий, Хелл. — Шорр Кану все время приходилось охлаждать капитана. — Нападение на Фомальгаут будет внезапным и явится для всех полной неожиданностью. И когда весть о нем дойдет до Троона, и имперский флот прибудет наконец на помочь принцессе, Нарат Тейн уже займет ее трон, и попробуйте тогда выкурить его оттуда.

С этим мнением трудно было не согласиться, и спутники Шорр Кана подавленно молчали, пока Гордон не бросил раздраженно:

— Мы будем тут разводить дебаты и строить прогнозы или перейдем наконец от слов к делу?..

Шорр Кан окинул его одобрительным взглядом и, внимательно посмотрев перед собой и вокруг, задумчиво проговорил:

— Значит, так. Если я доставлю вас обоих графам как своих пленников, то надеюсь, это убедит их в том, что я все еще союзник и доверенное лицо Син Кривера. Но может возникнуть другая проблема, — он обвел рукой толпу каллов, которая нескончаемым потоком лилась по направлению к кораблям. — С этим-то скопищем воинственных дикарей как нам быть? Они так возбуждены и наэлектризованы, что разорвут нас в клочья, прежде чем мы доберемся до вожделенной цели — вон того симпатичного крейсера...

— На этот раз мне ничего возразить, — понурился Беррел. — Вид у них весьма агрессивный, словно они и впрямь жаждут крови.

— То-то и оно. Так что разумней всего подождать более благоприятного момента, когда толпа схлынет. Так. Руки у вас связаны... Учтите: действуем по обстановке и как можно оперативней. Но командую всем я, а вы меня беспрекословно слушаетесь.

Беррел поморщился как от сильной зубной боли. Сам тон Шорр Кана вызывал в нем протест.

Гордон со связанными руками за спиной чувствовал себя совершенно беззащитным перед варварской армией каллов и утешал себя лишь тем, что в случае стычки вряд ли справился бы с противником голыми руками, пусть даже и свободными.

Что касается Беррела, то он постоянно упрямился, взбрыкивал и огрызался и на последние указания Шорр Кана ответил тем, что демонстративно уселся на обочине дороги, по которой они подошли к городу, вызвав раздражительную реплику Гордона:

— Ничего лучше не могли придумать?

— Я не собираюсь быть пешкой в руках у паршивого облачника.

— Вижу, вы собираетесь просидеть тут до скончания века.

— Ну, наш-то век обещает быть куда как коротким, — буркнул Беррел и кивнул на катившиеся огненные волны воинов-страусов.

И все же им всем пришлось сделать привал, потому что каллы все бежали-летели в сторону космодрома, размахивая своими факелами, разбрызгивающими капли искр, оглашая ночь воинственными криками и угрозами.

Небо усеяли сверкающие звезды, обозначая Границы Внешнего Космоса.

Путники, злой волей случая оказавшиеся на этой планете, на окраине первобытного города, тут забитого беснующимися человеко-птицами, в терпеливом, томительном ожидании сидели на мягкой, нагретой солнцем траве, источающей такой знакомый Гордону запах, что он тоскливо вздохнул. Ему вдруг вспомнилось, как однажды он навестил своего друга в Огайо, они ночью расположились на поляне с прогретой солнцем чуть привядшей травой, которая пахла точно так же, как эта... Огайо... Планета каллов... Как это несоизмеримо друг с другом, несхоже, далеко друг от друга во времени и пространстве!.. Гордон чувствовал себя потерянным, словно навек заблудившимся... И вновь и вновь спрашивал себя: зачем он здесь, так немыслимо далеко от привычных условий, в чуждых незнакомых пространствах, которых ему никогда не постигнуть и в которых не обжиться?! Нежный и чуть горьковатый запах травы вызвал в нем мучительное желание вернуться на тысячулетия назад, в родной мир, обжитой, уютный, обыкновенный; мир, где звери не разговаривали на получеловечьем языке и не формировали воинских подразделений; мир, в котором не существовало х'арнов с их супертелепатией и где звезды были такими недосягаемо далекими; мир, не таивший в себе ни ослепляющего блеска, ни кошмаров, леденящих разум и сердце...

Затем земное воспоминание было вытеснено другим, более щемящим. Лианна и ее тоскующий оскорбленный взгляд при их прощании. Это из-за нее он осмелился явиться в своем обличье в этот чужой ему мир — мир будущего. И стоило пойти на любой риск, чтобы завоевать ее, потому что ничто в его прежней жизни на Земле не могло сравниться с нею.

Он окончательно пришел в себя. И сейчас самым главным для него было одно: выжить и вовремя предупредить Фомальгаут о грозящей ему чудовищной опасности. Да, только бы успеть!..

Внезапно Шорр Кан вскочил, указывая на что-то в городе:
— Смотрите!

Хелл и Гордон тоже поспешно поднялись. Два гуманоида... да, два человеческих существа появились в их поле зрения чуть в стороне от толпы каллов. Они прогуливались неподалеку от корабля и озирали местность.

— У одного из них знак молний, — заметил Шорр Кан. — Это вассал или приближенный Син Кривера. Воспользуемся слухаем. Вперед!

Он подтолкнул Джона и Беррела, торопя их и подгоняя, и те, спотыкаясь, начали спускаться по травянистому склону. Сам Шорр Кан бежал сзади, выставив перед собой парализатор.

— Быстрее, пока они снова не ушли на корабль!

Они ускорили шаг. Гордон увидел, что оба мужчины, у одного из которых выделялся на мундире знак молний, повернулись, со-

бинаясь скрыться в толпе, направлявшейся к кораблям. Шорр Кан закричал, пытаясь привлечь их внимание. Те оглянулись, но в то же время беглецы были замечены и каллами.

Стало тихо-тихо...

— Вперед! — снова выкрикнул Шорр Кан.

И они что есть духу припустили к двум любителям прогуляться, настороженно мнувшимся в некотором отдалении от толпы воинов-аборигенов. Но и каллы не мешкали и кинулись наперевес троице, подскакивая-взлетая на бегу, помогая себе остатками крыльев и издавая скрежещуще-пронзительные вопли, видимо, боевой клич, призванный подбодрить их самих и напугать противника...

Шорр Кану пришлось пустить в ход парализатор. Несколько каллов, скорчившись, повалились на траву; остальные замедлили свой прыгающий бег, и ничего хорошего это не сулило. Но Гордон, Беррел и старавшийся не отставать от них Шорр Кан приблизились к двум графским офицерам уже настолько, что могли различить их черты: у того, что постарше, невысокого и коренастого, в чине капитана, с темной обветренной кожей, вид был неприступный и суровый; лицо его напарника, более молодого и долговязого, выражало крайнее удивление...

Гордон и Беррел прибавили шагу. Шорр Кан осуществлял одновременно три задачи: неотступно следовал за своими «пленниками», бежавшими, несмотря на связанные руки, весьма резво; сохранял при этом внушительность и командную стать и не спускал глаз с каллов, многие из которых устрашающе наскакивали на чужаков.

— Уймите это стадо! — крикнул он офицерам повелительным, непрекаемым тоном. — Я из окружения Син Кривера, а эти двое — моя добыча! Я их взял в плен, черт побери!

После минутной растерянности капитан громко провизжал что-то на грубом свистящем языке каллов, остановив их, и стал о чем-то совещаться со своим напарником.

Троица подбежала к ним уже вплотную, и Шорр Кан спросил с некоторым высокомерием:

— Кто такие? Имена, звание?

— Я — граф Обд Долл, — в его взгляде мелькнуло изумление. — А вы, вы... Шорр Кан?! Тот, что исчез с Аара вместе с двумя пленниками?..

— Вот с этими самыми, — небрежно бросил Шорр Кан. — И против собственной воли, уверяю вас. Эти имперские лазутчики захватили меня в качестве заложника. К счастью, когда наш корабль потерпел аварию, как раз на этой планете, неподалеку отсюда, мне удалось поменяться с ними ролями.

— Почему же вы не прикончили их на месте, чтобы не возиться с ними?

— Син Криверу они нужны живые, чтобы выудить у них важные сведения. Кстати, где он сейчас?

— На Тейне, — сдержанно сообщил Обд Долл.

— Ну конечно, это же место сбора всех сил. Доставьте нас туда немедленно. Уверяю, и Нарат Тейн, и Син Кривер будут вам очень признательны...

— Но у меня другое задание. Я должен... — и он начал перечислять по пальцам, для чего именно прибыл на эту планету.

Граф Обд Долл, видимо, был педантичен, разговорчив, но уж никак не сообразителен. Выдвинув вперед подбородок, чтобы придать себе более вешительный и волевой вид, он медленно проговорил:

— Как видите, миссия у меня чрезвычайно важная. Да и как вы докажете, что...

Лицо Шорр Кана окаменело, и он угрожающе зашипел:

— Я не собираюсь ничего доказывать. Но предупреждаю: от сведений, которые Нарат Тейн и Син Кривер предполагают выбрать из этих шпионов, зависит, может быть, судьба всей кампании. И они ждут нас. Разумно ли испытывать их терпение?

Кажется, ему удалось убедить Обд Долла.

— В таком случае... вероятно... конечно... Но можно ли мне связаться с Син Кривером?

Пока все идет как надо, с удовлетворением думал Гордон. Но не опоздаем ли мы? И действительно каллы, оправившись от недолгой ошеломленности, сомкнули ряды и грозно надвигались на всех пятерых, не очень-то разбираясь в происходящем. Шорр Кан сделал уже все, что мог, и дальнейший ход событий был ему неподвластен. Однако Обд Долл не позволил ситуации выйти из-под его контроля. Он повернулся к каллам и вновь прокричал им что-то. Очевидно, они обладали все-таки затачками послушания, так как отступили на несколько шагов.

— Надо побыстрее попасть на корабль, — торопливо произнес Обд Долл. — Эти каллы... Понимаете, все-таки еще дикие племена... Они не вносят доверия.

Гордон вдруг понял, что капитан сам трясется за свою шкуру. Эта орда человеко-птиц, и вправду дикая и необузданная, способна в своей ослепленности растерзать всякого, кто попадется на пути. Конечно, Нарат Тейну удалось бы без особого труда умерить их пыл и подчинить своей воле, но граф и его молодой спутник вряд ли справятся с разъяренными дикарями, вооруженными копьями и примитивными ружьями. К тому же молодой офицер смотрел на подступающих каллов с нескрываемым отвращением, и один его вид подталкивал их к атаке... Тем более что в глаза бросались не только его брезгливость и презрение, но и владевший им страх.

Граф, его спутник и Шорр Кан со своими «пленниками» с превеликим трудом пробились сквозь толпу каллов и оторвались от преследователей, прыгающих, визжащих и уже неукротимых в своей агрессивности.

Пятеро гуманоидов торопливо, почти бегом, направлялись к крейсеру, но расстояние между ними и совсем осатаневшими каллами неумолимо сокращалось. Пронзительные вопли преследователей становились все более угрожающими, глаза их разгорались все яростней, в них читалось неодолимое желание разодрать в клочья бегущие от них во всю прыть бескрылые трусливые созданья... Гордон всем своим существом ощущал, что еще немного, и каллов уже невозможно будет не то что укротить, но даже задержать хоть на мгновенье: это была толпа, вышедшая из повиновения и готовая на все. Страх обуял его.

Молодой офицер в полной панике выхватил из кармана мундира какой-то округлый предмет и дрожащим голосом обратился к Обд Доллу:

— Разрешите, я применю паралитический газ?..

— Ни в коем случае! — отрезал граф. — Идиот, какой прохвостить из строя лишь сотню-другую варваров? Остальных это приведет в еще большую ярость. И тогда нам — конец. Глядите, мы почти у цели!..

Они, спотыкаясь, из последних сил сделали еще несколько шагов. Шуршание, производимое прыжками, скрежетание клювов и когтей слышались уже совсем близко. Обд Долл не прекращал выкрикивать что-то — приказы или угрозы — как знать?! Возможно, он пытался напомнить каллам об их обязательствах по отношению к Нарат Тейну. Во всяком случае на какое-то время каллы вроде образумились, передние ряды замерли и даже попятались, и преследуемые благополучно добрались до крейсера.

Тяжелый входной люк плотно замкнулся за их спинами, и Обд Долл вытер трясущейся рукой лоб в холодной испарине.

— Их не так-то легко держать в повиновении, — сказал он. — В присутствии Нарат Тейна они смиренные, но без него становятся неуправляемыми.

— Вы правильно действовали, — похвалил его Шорр Кан. — А теперь доложите Син Криверу, что я дрожу от нетерпения передать ему в руки ценнейшую добычу.

Тон его был настолько властным, не терпящим возражений, что капитан и не подумал с ним спорить и лишь кивнул на «пленников»:

— А что делать с ними? Ведь корабль не тюрьма.

Шорр Кан безразлично махнул рукой:

— А, оставим их в шлюзовой камере. Если им вздумается удрать, пусть прыгают в космос! — Он расхохотался, вызвав смех и у графа с молодым офицером.

Лишь Гордону и Беррелу было не до смеха. Они с молчаливым упреком смотрели на Шорр Кана, но тот уже повернулся к ним спиной, приняв вид чрезвычайно занятого человека, которому нет никакого дела до каких-то там пленников, к тому же крепко связанных. Беррел с трудом сдерживал рвущиеся наружу проклятья.

Люди Обд Долла без церемоний затолкали их в шлюзовую камеру. Герметическая дверь замкнулась, и друзья оказались в крошечном, донельзя тесном помещении.

Беррел окинул мрачным взглядом тяжелые двери.

— На этот раз мы здорово влипли. Если они решат избавиться от нас, им достаточно нажать кнопку.

Гордон покачал головой.

— Они этого не сделают. Вы же слышали, как Шорр Кан сказал им, что мы нужны Син Криверу живыми.

— Да, конечно. Но нужны ли мы живыми Шорр Кану? Ведь мы единственные, кто знает, как в действительности происходил побег с Аара и какова роль облачника. Естественно, если он искренен с нами, то это не имеет никакого значения, а если он ведет двойную игру? Тогда вряд ли ему понравится перспектива попасться в лапы Син Кривера, которому мы обо всем расскажем. И, сознавая такую угрозу, он без колебаний вышвырнет нас в открытый космос, да на нас же все и свалит: мол, мы преданные слуги Империи и предпочли гибель бесчестию. — Беррел помолчал, скептическая улыбка скользнула по его губам. — Вы что, Джон, продолжаете безоглядно верить Шорр Кану?.. Наивный идеалист!

Гордон подумал, прежде чем ответить:

— Да, верю. Но не из-за идеализма или природной доверчивости. Я просто прикинул: что для него в данный момент и в данной обстановке более выгодно? Ведь вы же не откажете ему в pragmatizme?

Беррел испытующе взглянул на Гордона, будто пытаясь проникнуть в его мысли, затем сел на металлический пол, оперевшись спиной о металлическую стену.

— Хотел бы я разделить вашу уверенность!

Гордон не стал переубеждать его, но сам он был теперь уверен лишь в себе.

Глава V

Мощные генераторы крейсера мерно гудели, корабль стремительно пересекал просторы Границ. Уже множество раз раздвигалась дверь, и пленникам передавали скучную еду и питье. Но никто и не думал их проводывать; Шорр Кан как в воду канул. Гордон начинал проникаться скептицизмом Беррела. При малейшем шуме он с тревогой устремлял взгляд на люк: не открывают ли его, чтобы их поглотил Космос? Однако до сих пор открывалась лишь внутренняя дверь.

До сих пор...

Тревога и чувство вины, давно уже охватившие Гордона, усиливались, и он все чаще клал себя за необдуманный шаг, когда, поддавшись порыву, оставил Лианну на произвол судьбы.

За неимением более близкого друга он изливал свою душу Беррелу, но тот только вскипал:

— Понимаю, понимаю вас, Джон, и принимаю ваши переживания близко к сердцу. Но я уже сыр по горло вашим запоздалым раскаянием!.. Что сделано, то сделано, и ничего уже не исправишь, и довольно причитать и терзать себя и других! Бессмысленное занятие. Подумайте лучше, как нам выбраться из ловушки, в которую нас заманил Шорр Кан. Вы все еще безгранично ему верите?

От этой отповеди Гордону кровь бросилась в лицо, но он сдержался и вместо того, чтобы вспылить, повинно опустил голову, дыша тяжело и прерывисто, согнувшись в три погибели из-за тесноты этого своеобразного места заключения.

Из состояния мрачной задумчивости его вывел необычный запах, чуть горьковатый и острый, источаемый, видимо, системой газообмена. Гордон выпрямился, насколько мог, и глубоко вдохнул воздух. Это было последнее, что он запомнил, прежде чем без сознания грохнуться на пол. Он даже не ощутил удара, хотя приложился затылком к металлическому полу камеры. В себя он стал приходить, когда кто-то с силой затряс его за плечи, и, как сквозь сон, он услышал:

— Джон!.. Да очнись же!..

От легкого покалывания в носу он чихнул, и это привело его в чувство. Он открыл глаза и с удивлением увидел склонившегося над ним... Шорр Кана. Тот держал перед его носом небольшой баллон, из которого со свистом вырывалась струя кислорода.

— Да, это кислород, — подтвердил Шорр Кан. — Надо быстрее прочистить вам мозги. Мне нужна ваша помощь. Ну как, очухался?

Сознание Гордона, все еще чувствовавшего себя оглушенным, постепенно прояснялось.

— А что было до этого? Какой-то странный газ... Это из-за него я впал в беспамятство?

— Да, да, это нервно-паралитический газ; мне удалось в суматохе похитить несколько баллонов с ним, и я подбавил его в систему газообмена. Извините, но какая-то толика досталась и вам.

Гордон встал на ноги, пошатываясь и держась за Шорр Кана, чтобы не упасть.

— А граф?.. Офицеры?.. Экипаж?..

— Все плашмя валяются. Я же заранее надел скафандр и снял его только что, когда воздух очистился от газа. Как сейчас, лучше?

Гордон оттолкнул баллон с кислородом.

— Все в порядке.

— Ну и отлично. Экипаж на время выведен из строя, но действие газа скоро ослабнет. Ты мне нужен, чтобы как можно быстрее нейтрализовать их всех, а Хелл тем временем займется управлением. Пока что действует автоматика, но в пространствах Границ оставлять корабль без присмотра капитана рискованно.

Он подошел к Беррелу, еще неподвижному, и направил на него шипящую струю кислорода; потом, повернувшись к Гордону, добродушно усмехнулся:

— Разве я не обещал вскорости освободить вас?

— И вы сдержали слово, поздравляю! — Гордон качнул головой, что тотчас же отозвалось сильной болью в затылке. И она усилилась, когда он не смог сдержать смех, наблюдая за поистине трагикомической сценой.

Хелл Беррел, открыв глаза, автоматически протянул руки вперед и сомкнул их на горле бывшего диктатора. Но он был слишком слаб, и Шорр Кану ничего не стоило защититься. Легко отбросив руки Беррела, он весело восхликал:

— Вот теперь я вижу, что вы оба в полном порядке!

Гордон помог подняться неугомонному антаресцу и объяснил, что произошло.

— На корабле включена автоматика, вам нужно идти в отсек управления, поторопитесь.

Капитан Хелл Беррел, забыв обо всем на свете, с тревогой восхликал:

— Автоматический полет?! Здесь, на Границах Внешнего Космоса?!

Отстранив Гордона, он устремился к лестнице, ведущей в коридор, и, все еще шатаясь, поспешил к пульте управления.

Шорр Кан принес большой моток капронового шнуря, и они с Гордоном крепко-накрепко связали всех членов экипажа. Последним в этой очереди оказался Обд Долл, беспечно раскинувшийся на кушетке в своем уютном отсеке. Скрутив графа, Шорр Кан задумчиво сказал:

— Пожалуй, стоит его разбудить. Он, без сомнения, знает все детали плана нападения на Фомальгаут, а ведь это нас очень интересует, не так ли?

— А если он откажется отвечать?

Шорр Кан зловеще ухмыльнулся:

— Постараюсь переубедить его. Ступай в отсек управления. Ты неисправимый романтик и будешь мне только мешать.

Гордон заколебался. Как это отвратительно: пытка... Но при мысли о Лианне и о том, что с ней может случиться, все в нем заледенело. Круто повернувшись, он молча покинул отсек. Когда он присоединился к Беррелу, тот сказал, не отрывая глаз от пульта управления:

— Я выбрал самый короткий путь к Фомальгауту, но, увы, нам придется пройти в опасной близости от Тейна.

Гордон взглянул на обзорный экран. Крейсер огибал огромное облако космической пыли, настолько насыщенное радиацией, что оно искрилось, как фосфоресцирующее море лунной ночью... Гордону казалось, что корабль еле движется, и он с трудом сдерживал истерпение, впившись глазами в экран и стараясь не думать о

том, что творилось в этот момент в отсеке Обд Долла. Но когда в отсеке управления появился Шорр Кан, Гордон выжидающе уставился на него. При виде бледного как полотно Гордона Шорр Кан разразился хохотом:

— Боже, если бы ты сейчас мог себя видеть!.. Смех, да и только! Но не переживай так из-за этой трусливой свиньи. Пара минут животного страха — вот и все, что выпало ему на долю.

— Вы хотите сказать... что у него развязался язык, стоило вам ему пригрозить? — Губы Гордона искривились в скептической усмешке.

— Вот именно! — громыхнул Шорр Кан. — До чего же полезно иметь репутацию безжалостного зверя! Да, я ограничился лишь угрозой, но граф был уверен, что я не премину осуществить ее, и немедленно выложил все, что знал. Все, до последней точки. Скоро мы получим возможность проверить, достоверна ли эта информация, но мне кажется, этот трус не врал.

— Когда же флот Нарата покинет Тейн?.. — взволнованно спросил Гордон.

— У Обд Долла нет на этот счет точных данных. Но, по его словам, это зависит от прибытия последних отрядов негуманоидов, которые устремились на Тейн из всех закоулков Границ.

Перед мысленным взором Гордона возникла вся эта пестрая мешанина рас и племен, еще не тронутых цивилизацией: сплошь заросших шерстью, птицевидных, чешуйчатых, как рептилии... И стоило Нарат Тейну позвать их, как они, беспрекословно преданные своему вождю и благодетелю, тут же явились и готовы исполнить любое его повеление. Нарат, без сомнения, сумасшедший, но обладает удивительным даром подчинять себе этих чудищ и безгранично властвовать над ними.

— От Обд Долла я узнал, что почти все уже собрались, — сообщил Шорр Кан. — Думаю, нападение не за горами.

— А х'харны? — вмешался Беррел. — Какова их роль?

Шорр с сожалением покачал головой:

— Это остается тайной. Обд Долл по этому поводу не мог сказать ничего определенного. Полагаю, он и сам в неведении, как и большинство графов. У х'харнов нет флота в этой части Галактики. Они лишь направили сюда несколько эмиссаров или агентов. Граф поклялся, что только Син Криверу и двум-трем его приближенным известна истинная роль х'харнов в развертывающихся событиях.

— Хэлл, — спросил Гордон, — можем мы напрямую связаться с Фомальгаутом?

Беррел проследовал в рубку связи и вскоре вернулся.

— В принципе да, но только по стереолучу; я, к сожалению, не смог настроиться на канал телестерео.

— Вы хотите предупредить Фомальгаут о готовящейся агрессии? — живо поинтересовался Шорр Кан.

— Конечно! Фактор времени сейчас самый главный, а мы вряд ли успеем прибыть туда вовремя, если вообще когда-нибудь прибудем...

— Минутку, минутку! — жестом остановил его Шорр Кан. — Надо бы все обмозговать. Любую нашу передачу Тейну легко перехватить, и навстречу нам тотчас ринутся сторожевые корабли...

Гордон нетерпеливо прервал его:

— Да, это более чем рискованно. И все же мы обязаны, чего бы это нам ни стоило, предупредить Фомальгаут!..

Шорр Кан досадливо поморщился.

— Какой ты суетливый, Джон! Да дай же мне закончить, хотя бы из уважения к моему возрасту и опыту. Добро бы еще, если Нарат Тейн и графы, перехватив наше предупреждение, решат только с нами и расправиться. Но они наверняка поторопятся с нападением на Фомальгаут, дабы не оставить ему времени для организации обороны. Во всяком случае я бы на их месте поступил именно так.

Доводы Шорр Кана прозвучали так убедительно, что Гордона охватили сомнения. Но его поддержал Беррел:

— Джон прав, наш долг — предупредить принцессу Лианну, не то их застигнут врасплох. А насчет реакции графов... Не знаю, не знаю. Все-таки они, слава богу, менее наглы и коварны, чем вы.

— Благодарю за комплимент, весьма тронут, — шутовски поклонился Шорр Кан. — Ну хорошо, воспользуемся стереолучом — на погоню врагу; и какие же будут последствия хотя бы для нас?

— Риск есть риск!

— Э нет, совать в пистлю голову — это уже не риск, а самоубийство.

Лицо Беррела вдруг просияло.

— Погодите, у меня идея!

Он нажал клавишу, и обзорный экран заполнила стереокарта той части Границ, где они сейчас находились.

— Что ж, давайте поглядим, — покладисто сказал Шорр Кан. — Итак... вот мы, а вот Тейн.

И когда Шорр Кан точно указал их местопребывание, Гордону при всей его неопытности стало совершенно ясно, что у них нет ни малейшего шанса избежать встречи с флотом Нарат Тейна в том случае, если противник перехватит передачу и примет соответствующие меры.

Тяжело вздохнув, он угрюмо резюмировал:

— На этот раз приходится согласиться с Шорр Каном: мы в ловушке!

Но Беррел продолжал торжествующе улыбаться.

— А вот и нет! Посмотрите на карту внимательней, — он ткнул пальцем в светящееся скопление точек ярко-красного цвета — цвета опасности. Скопление это располагалось как раз на полдороге

между их местоположением и Фомальгаутом, и его границы простирались почти до Тейна. — Разве вы не видите, что мы можем значительно сократить наш путь?

Шорр Кан пристально взглянул на него и как-то недоверчиво хохотнул:

— Ринуться через Скопление Расколовшихся Звезд?.. Что ж, малыш, я должен пересмотреть свое мнение о тебе.

И лишь Гордон откровенно недоумевал:

— Что такое Расколовшиеся Звезды?

Хэлл окинул Гордона снисходительным взглядом и принял терпеливо объяснять:

— А вы задавались когда-нибудь вопросом, почему Граница Внешнего Космоса так захламлены всякой всячиной — осколками, обломками, тучами пыли и так далее?

Нет, таким вопросом Гордон не задавался, и Беррел продолжал:

— Наши ученые, проведя тщательные исследования и сопоставив факты, выяснили и доказали, что когда-то, давным-давно, здесь столкнулись два крупнейших звездных скопления. Разреженные их участки почти не пострадали. Но каждое из них включало в себя ядро с высочайшей плотностью, и вот эти ядра и столкнулись, так сказать, лоб в лоб. Последствия оказались ужасающими. Что там термоядерные взрывы — детская забава по сравнению с этой космической катастрофой. Звезды колотились одна о другую, разбиваясь вдребезги, налетали друг на друга, все более измельчаясь, что и привело в итоге к появлению этого скопления разнообразных обломков и частиц, а также неимоверного количества пыли. Все это и забило, засорило обширные космические пространства, особенно близ Границ. Вот потому никто и не рискует соваться в эти космические, образно говоря, джунгли, а если попросту, то звездные свалки, где опасность подстерегает на каждом шагу. Правда, двум научным кораблям удалось пересечь то Скопление, к которому мы приближаемся. Это и вселяет в меня надежду, пусть даже хрупкую... Что, если не огибать это крошево, а очертя голову ринуться напрямик?.. Шанс, конечно, крохотный... но единственный из реальных!.. Может, все же удастся благополучно прорваться?..

Гордон задумался:

— Что ж, можно попытаться. Но я надеюсь не на случайную удачу, а на ваши опыт и мастерство, дорогой капитан.

— А у меня, простите, есть право голоса? — встрял Шорр Кан.

Гордон и Беррел одновременно отрезали: «Нет!» — и тог только повел плечом с независимым видом.

— Когда будете передавать сообщение на Фомальгаут, — обратился Гордон к Беррелу, — скажите им все без утайки, все, что известно нам о заговоре и агрессивных намерениях Нарат Тейна и графов, но ни слова о Шорр Кане! Иначе они заподозрят неладное и не поверят нам — ведь само имя Шорр Кана для них жупел!

— Поскольку вы почетный гость императорского двора, — поделился своими соображениями Беррел, — я передам сообщение от вашего имени. Не возражаете? Не можете ли вспомнить что-либо, что могло бы послужить паролем, кодовым или ключевым словом, которое убедит их, что сообщение исходит именно от вас и ни от кого другого?..

— Погодите, дайте подумать, — Гордон наморщил лоб. — Да, вот! Скажите им, что на связи с ними тот, кто приводил в сознание Коркханна, их министра по контактам с негуманоидами. Уж он-то сразу смекнет, что к чему и от кого исходит информация.

Крейсер меж тем неуклонно приближался к Скоплению Расколовшихся Звезд. И только у самой его границы Беррел связался с Фомальгаутом и передал подробнейшее сообщение, после чего они без промедления нырнули в Скопление, как в омут головой.

Глава VI

Весь космос вокруг был словно охвачен пожаром. Раскаленные частицы материи, результат давнишних столкновений и взрывов, плотно заполнили все пространство, образовав как бы огненную исполинскую сферу, загроможденную искрящимся, пылающим космическим хламом, обломками и кусками самых разнообразных форм: конусов, дисков, спиралей, лент, кубков и треугольников... Вокруг этих звездных останков как бы по инерции вращались темные глыбы и пылевые облака — все, что сохранилось от планет, когда-то окружавших расколовшиеся звезды и распавшихся вместе с ними.

Электронные вычислители, которые суммировали показания радаров и посыпали соответствующие команды в капитанский отсек, выбирая оптимальный курс корабля, работали в сумасшедшем, словно бы лихорадочном ритме. Беррел, приникнув к пульту управления, напряженно вглядывался в мигающие, с дрожащими стрелками приборы, вслушивался в какофонию стуков, попискиваний и потрескиваний и лишь изредка протягивал руку для корректировки очередного маневра. И каждое его движение отличалось быстротой, твердостью и точностью.

Все же на Гордона и Шорр Кана, не отрывавших глаз от обзорных экранов, то и дело накатывали волны страха: казалось, корабль вот-вот врежется в одно из космических тел, кружившихся в дьявольском хороводе.

— Мне довелось однажды пересекать Туманность Ориона, — припомнил Гордон, — но то была безобидная прогулка в сравнении с этим адом!.. Хэлл, вы вправду считаете, что есть хоть крупица надежды на благополучный исход нашего безрассудного предприятия?

— Пожалуй, — без особой убежденности ответил Беррел. — Конечно, если мы не напоремся на чересчур уж плотную груду обломков, когда бессильны и радар, и электроника. Но есть отличная возможность повысить вероятность удачи до ста процентов!..

— Правда? Каким же образом?

— Оставив меня в покое! — в гневе проревел Беррел. — Мне куда удобнее работать без ваших паникерских вопросов и комментариев!

— Он прав, — согласился Шорр Кан. — Мы не в состоянии ничем ему помочь — только мешаем и сбиваем с толку. Хотя постойте! — Его словно осенило, и он удовлетворенно мотнул головой. — И мы еще на что-то годимся. Подожди, я сейчас вернусь.

Он вышел из командного отсека. Гордон устроился в одном из кресел, предназначенных для высших офицеров, осуществлявших контроль над действиями менее опытных звездолетчиков, и вперил взгляд в экран радара, растерянно наблюдая за полной сумятицей сигналов. Утешало лишь то, что вроде бы не было и намека на сигнал, который фиксировал бы присутствие в обозримом пространстве преследующего их корабля. Беррел объяснил, что скорее всего противник, убедившись, что они ворвались в опасную зону, не отважился их преследовать, тем более что безумцам-смельчакам можно было с большой долей уверенности предсказать неминуемую гибель.

— В общем на нас махнули рукой — и слава богу! — подытожил капитан. — А наше «секретное» послание на Фомальгаут или не успели перехватить, или не удосужились принять меры по нашей ликвидации; мы же, по их мнению, «самоликвидировались».

Гордон уставился на обзорный экран, перед которым застыл в напряженной позе Хэлл Беррел. На экране мельтешили огненные вспышки, во всех направлениях стремглав проносились каменные монолиты, глыбы и осколки самых различных размеров и форм. Не в силах долго выдерживать это устрашающее зрелище, Гордон отвернулся от экрана и устало прикрыл глаза. До сих пор он полагал, что неплохо знает Галактику и уже повидал все, что можно, но сейчас убедился, что доселе не проникал в самые жуткие ее уголки...

Шорр Кан вернулся, победительно ухмыляясь и держа в руках бокалы и какой-то сосуд с напитком.

— Видите ли, друзья, мне пришло в голову, что должно же быть у Обд Долла потайное хранилище с чем-нибудь горячительным. Графы не упускают случая промочить горло. Держи-ка бокал.

Удивленно глядя на Шорр Кана, Гордон все же взял протянутый ему бокал, при этом кивнув на экран:

— Пить? Сейчас? Здесь? В любой момент малосимпатичный осколочек может...

Шорр Кан плюхнулся на стул рядом с ним.

— Вот именно! Это ли не достойный повод выпить за наше здоровье и благополучие?

Гордон невольно улыбнулся. Он был напуган до такой степени, что стал уже невосприимчив к страху, как бы приобрел иммунитет против него. Страх убил в нем страх. Парадокс, конечно, но то, что предлагал сейчас Шорр Кан, внезапно показалось ему вполне приемлемым и даже разумным. Беррел требовал от них одного: сохранять спокойствие и не мешать ему вести корабль в неведомое. Что ж, временное опьянение как нельзя лучше помогло бы ему с Шорр Каном обрести хладнокровие и бесстрашие. И он залпом осушил свой бокал. Напиток молочного цвета, нежный и приятный на вкус, обжигал нутро, как адское пламя.

— Это лучшее вино из тех, что есть в Галактике. Давай, я сице налью, — у Шорр Кана заплетался язык.

— Я что-то припоминаю, — поддержал разговор Гордон, — когда мы с Лианной были вашими пленниками на Талларне... боже, как это было давно!.. Вы тогда сказали, что хотели бы предложить нам выпить чего-нибудь, но не можете, так как это разрушило бы легенду о строгом образе жизни патриота-аскета Шорр Кана.

Шорр Кан широко улыбнулся.

— К сожалению, этот аскетизм не помог мне выйти победителем из схватки с Империей. И с тобой, Джон.

В его взгляде, устремленном на Гордона, промелькнуло восхищениe.

— Почти вся Галактика была в моих руках, и вот явился нахал-самозванец и спутал мне все карты!

Гордон, не слушая его, с беспокойством взглянул на экран. В это время отсек заполнил звук такого высокого тембра, что заныли зубы. Мелькание огня и вспышек на экране стало еще интенсивнее. Темный силуэт Беррела частично закрывал от них эту феерию форм и красок. Он как бы олицетворял собой борьбу человека и Вселенной.

Новый приступ страха напал на Гордона, и он поспешно отвернулся и вновь наполнил свой бокал.

— Человек из неимоверно далекого прошлого, — продолжал размышлять Шорр Кан, — разум, порожденный детством человечества, обретает новую жизнь в теле Зарт Арна и превращает в ничто все, что я создавал и готовил долгие годы...

Он опустошил свой бокал и опять предался воспоминаниям:

— И что за жалкая участь была мне уготована?.. Повелитель Лиги Темных Миров кинулsся искать укрытия и пристанища у графов Границ; затем удрал и оттуда, а теперь, боясь гнева бездarnостей с манией величия, вынужден прятаться среди Скопления Раскололшихся Звезд в компании капитана Империи — гордого, вспыльчивого, прямолинейного до тупости и, ты уж извини меня, Гордон... одного сумасшедшего землянина, выходца из прошлого,

который едва ли осознает, кто он такой и для чего здесь и который смешается вскоре, как и остальные, с космической пылью. Какой плачевный финал для всемогущего Шорр Кана!

— Выше голову, дружище! — улыбнулся Гордон. — Как сказал один из писателей моей эпохи, «короли созданы для славы, а не для долгой жизни».

— А! И то верно, — кисло усмехнулся Шорр Кан. — Выпьем же за того, кто это написал! Скажи, Джон, а на что похоже это далекое прошлое, откуда ты к нам так неосмотрительно пожаловал? Я уже однажды спрашивал об этом, но ты солгал, и я уже тогда не поверил ни единому твоему слову.

— По правде говоря, мои воспоминания становятся все менее отчетливыми.

После доброго глотка Гордон продолжил:

— В моей жизни, той, дальней, нью-йоркской, был некий Кеог, врач-психоаналитик. Так вот, он тщился меня убедить, будто грядущее, в котором я якобы побывал, — это всего лишь сон, наваждение, сладкий плод самовнушения... Мол, мне ненавистна обыденность моего земного существования, и вот, дабы избавиться от постылой повседневности, бежать от нее в фантастический мир, я и придумал Звездные королевства и Звездные войны, хотя на самом деле те космические просторы, куда меня зашвырнуло на столь долгое время, и мои невероятные, немыслимые приключения — это самая что ни на есть живая реальность, а мое пребывание на Земле далекого прошлого — кошмарный сон, все более затуманивающийся в моей памяти. Хотя, конечно, в те времена, когда никто еще не покидал Землю, чтоб пуститься в межзвездные путешествия, мои рассказы об Империи, Трооне и грандиозной битве с Лигой Темных Миров и не могли восприниматься иначе, как безумные. Особенно — врачом...

Гордон, не прерывая рассказа, бросил взгляд на экран переднего обзора, и сердце у него сжалось. Три огненных сгустка, два овальных и один в форме вращающегося колеса, объятого языками пламени, с угрожающей быстрой вырастали, словно распухали перед кораблем. Беррел стоял, мрачно наклонив голову, в смиренном ожидании неизбежного близкого конца. Гордон поспешил вновь наполнить свой бокал, надеясь, что еще успеет осушить его.

Он в который уж раз подумал о Лианне. Странно, но в эти роковые минуты, когда непрерывно усиливалось и обострялось ощущение скорой неминуемой гибели и из-за этого все утрачивало смысл и значение, лишь мысль о Лианне оставалась для него по-настоящему важной. Он сознавал: если даже ему и удастся уцелеть, что представлялось весьма сомнительным, Лианна для него все равно потеряна. Но, думая о ней, жертвуя ради нее жизнью, он чувствовал себя счастливым. Ослепительное сверкание звезд, мечущиеся огненные блики, сумасшедший калейдоскоп кра-

сок и вспышек — это волшебное зрелище потрясало Гордона и помимо воли приковывало его взгляд, одновременно вселяя в душу леденящий ужас...

— Я уж давно размышляю о тебе, Джон Гордон, — услышал он голос Шорр Кана, — и о твоей роли в событиях, которые начали бурно разворачиваться после твоего появления в нашем времени, в наших мирах... Ты словно песчинка, попавшая в отлаженный механизм и сбившая его с ритма. Пойми меня правильно. На кого-то находящегося в ином времени произвольно падает чей-то выбор, этого явно случайного субъекта забрасывают в будущее, где ему совершенно нечего делать, и он во все вносит сумятицу, нарушает сложившееся равновесие, выводит из строя чужой и непонятный ему механизм. Улавливаешь мою мысль, приятель? Стоило тебе появиться в сегодняшней Галактике, как все здесь пошло кувырком, перевернулось вверх дном.

— Не преувеличивайте! — осадил его Гордон. — Моя роль не так уж глобальна. Просто я, оказавшись в чужом обличье и пользуясь, по сути дела, чужим авторитетом и возможностями, развеял в прах амбициозные замыслы некоего Шорр Кана — только и всего.

— Возможно, возможно... — бормотнул Шорр Кан с учтивым жестом. — Отдаю должное твоему здравому смыслу и скромности.

Он потянулся за вином, но замер, глядя на что-то через плечо Гордона. Тот поднял голову, и на него тоже нашел столбняк — так ошеломило его то, что он увидел на экране, светящемся за почти заслонившей его фигурой антаресца. На корабль, казалось, низвергалась звездная Ниагара. Но что было самым удивительным, он взмывал вверх строго вертикально по отношению к сгусткам пламени и раскаленным обломкам, если только это не было оптической иллюзией, обманом зрения... Корабль всё продолжал вертикальный стремительный подъем среди пляски огня, сквозь гущу осколков, оставшихся от бывших Солнц и планет, и вдруг нестерпимый блеск, искрометное зарево, залившее экран, погасли, и они опять очутились в бездонной и непроглядной, но такой привычной и успокоительной черноте чистого, свободного от всякой засоренности космоса.

Хэлл Беррел, перейдя с ручного управления на автоматическое, повернулся к спутникам. Впервые с момента погружения корабля в пламенеющую бездну Скопления Раскололющихся Звезд они увидели его лицо — багровое от напряжения, со следами неимоверной усталости, но озаренное победительной улыбкой. Глаза лучились счастьем, в хриплом голосе звучало торжество:

— Получилось! Я провел корабль через этот ад!

Однако, когда он увидел Гордона и Шорр Кана, беспечно чокающихся полными бокалами, его энтузиазм заметно поутих.

— Проклятье! Пока я выбивался из сил, вы не могли придумать ничего лучше, как надраться!

— Но, но, легче на поворотах! — Шорр Кан протестующе помахал перед собой ладонью. — Ты ведь сам просил нас не мешать. И мы не мешали, да? Но надо же нам было чем-то заняться!.. И мы решили расслабиться.

— Достойнее занятия вы не нашли? — Беррел, казалось, готов был взорваться, но вдруг разразился громовым хохотом и воскликнул, вытирая слезы: — Ну уж теперь-то ничто в этом мире не сможет меня удивить! — Он взялся за сосуд с вином. — Подмените меня, Шорр Кан! Я перевел управление на автоматику. И думается, заслужил право на отдых и на пару глотков.

И Тейн, и Границы остались позади, а перед ними призывно засверкал далекий Фомальгаут. Беррел, отхлебнув вина, удалился и появился в командном отсеке через несколько часов, зевая и потягиваясь.

— Ох, отдохнул на славу! — И при виде изрядно хмельных Шорр Кана и Гордона, опять не удержался от смеха: — Ну, чудеса!.. Пересечь Скопление Расколовшихся Звезд в компании двух пьячуг! Да мне ни в жизнь никто не поверит!

Спустя некоторое время Беррел перехватил передачу, которая предназначалась им и пришла из Хатхира, главной планеты королевства Фомальгаут. Антаресец быстро ее расшифровал.

— Весь космический флот Фомальгаута приведен в состояние полной боевой готовности. Нам велено совершить посадку на Хатхире.

— Для меня нет весточки? — с деланным безразличием осведомился Гордон.

Беррел отрицательно покачал головой; Гордон огорченно вздохнул. На обзорном экране уже стали появляться корабли, строясь в боевые порядки.

— Превосходный флот! — похвалил Беррел. — Это показала битва при Денебе. Но он не очень-то велик, и графам — на один глоток.

Фомальгаут увеличивался на глазах. Вот и слепяще белый овал центрального светила. Беррел провел корабль над многочисленными башнями Хатхира к шестиугольному зданию королевского дворца, за которым находился небольшой космопорт, где они и произвели посадку. Было немного странно и непривычно дышать чистым свежим воздухом и глядеть на солнце без защитного фильтра. Их ждала небольшая группа офицеров. Отсалютовав вновь прибывшим, офицеры препроводили их во дворец. Каменные скульптуры королей Фомальгаута смотрели на них с высоты каменных пьедесталов, но на этот раз Гордон не испытывал никакого трепета. Ему так и хотелось сказать им: «Я знаю, чего я стою, поэтому идите к дьяволу!»

Шорр Кан шагал решительно и уверенно, снисходительно и чуть скептически улыбаясь, как будто ему принадлежало все вокруг, и он находил дворец, к которому они направлялись, хоть и не

лишенным благородной красоты, но излишне скромным для такого владыки, как он.

В сердце Гордона все-таки тлел слабый уголек надежды, но он догадался об этом, лишь окончательно утратив ее, а это случилось, как только они вошли в небольшой зал, где их ожидали Лианна и Коркханн.

Принцесса показалась ему по-прежнему прекрасной, но он оцепенел в недобром предчувствии, встретив ее ледяной взгляд. Правда, этот взгляд миновал его и уперся во что-то за его спиной. Серое холодное пламя вспыхнуло в ее глазах, лицо с мраморной кожей стало бледным, как полотно.

— Шорр Кан! Как вы смели?!

Шорр Кан склонился в почтительном поклоне и проникновенно произнес:

— Ваше Высочество!.. Поверьте, я искренне рад вас видеть. Конечно, наши отношения омрачены, — он помялся, — некоторыми досадными недоразумениями. Но все это уже в таком далеком прошлом, что пора бы и забыть о наших... гм... былых разногласиях. Что было — быльем поросло.

Лианна не верила своим ушам и глазам, а Гордон невольно залюбовался Шорром Каном. Какая выдержка, какое чувство собственного достоинства, какое хладнокровие!.. Послать против Империи армады боевых кораблей, ввергнуть всю Галактику в пучину ужаснейшей из войн, и теперь говорить об этом так, словно речь шла о каких-то пустяках, «недоразумениях» — да, это надо уметь!.. И зрелище стоило того, чтобы принять сторону бывшего владыки Лиги Темных Миров и незамедлительно вмешаться:

— Смею добавить, Ваше Высочество, что уважаемый Шорр Кан, который не был убит, как мы предполагали, а бежал и укрылся во владениях графов Границ Внешнего Космоса, потом же бесстрашно, решительно порвал с коварными и заносчивыми графами и однажды спас меня и капитана Беррела — он это, думаю, охотно подтвердит — от верной и бесславной гибели. Более того, он поделился с нами своими опасениями и предположениями, готовно рассказал обо всем, что сам успел вызнать, и это позволило нам своевременно предупредить Фомальгаут о надвигающейся угрозе, о готовящемся нападении Нарат Тейна и графов. Мы многим ему обязаны, вплоть до жизней, и я твердо обещал нашему спасителю, а может, и спасителю Фомальгаута, что его жизнь будет в полной безопасности.

Лианна окинула Гордона царственно-безразличным взором и холодно проговорила:

— Что ж, если дело обстоит так, тогда добро пожаловать на Фомальгаут, Шорр Кан.

У Шорра Кана сверкнули глаза, он снова поклонился, с явным облегчением:

— Спасибо за радушие, Ваше Высочество, вы добры и велико-душны, как и положено такой знатной особе... Впрочем, когда-то вы имели возможность оценить и мое гостеприимство на Талларне...

Это неуместное нагловатое замечание, как и весь напыщенный вид Шорр Кана, вызвали у Беррела приступ кашля и негодующий взгляд исподлобья, а у Гордона — улыбку.

Лианна, стараясь не смотреть на него, обратилась к Беррелу:

— Капитан, у нас только что состоялся очередной сеанс связи с Трооном. Император Джайл Арн уже направил к нам первое соединение имперского флота.

— Боюсь, им не успеть, Ваше Высочество, — с сомнением отозвался Беррел, — Нарат Тейн, его союзники и приспешники наверняка постараются упредить помочь Империи. Ведь они же не могут не догадываться, что их планы раскрыты... И у них один выход: нанести удар как можно быстрее, до подхода военных сил Империи.

Все это время Коркханн хранил молчание, не сводя с Гордона пронизывающего взгляда желтых глаз, потом внезапно шагнул вперед и дотронулся когтями до его руки.

— А магелланийцы?

— Х'харны? — удивился Гордон.

— Они так себя называют? Этого я не знал...

И Коркханн заговорил с оживлением и горячностью, которые Гордон и не подозревал в нем:

— Послушайте, Джон Гордон. Перед моим отбытием из Троона император разрешил мне познакомиться с архивами, касающимися эпохи Брэйн Бира, когда магелланийцы впервые вторглись в нашу Галактику. И вот что я вам скажу. Никоим образом нельзя допустить их новой агрессии. То, что я прочел...

Он помолчал, чтобы несколько унять свой пыл и продолжил уже более твердо и бесстрастно:

— Вам известно, что я — телепат... Не бог весть какой, конечно, но... Я чувствую Тень, нависшую над Галактикой, черную, веющую холодом Тень, которая с каждым часом все более сгущается...

Гордон покачал головой.

— Нам встретились только два х'харна. Одного из них мы даже не видели, хотя он и надзирал за нами, затаившись в укромном месте, и даже пытался завладеть нашим сознанием... Другого убил Шорр Кан, когда освобождал нас. Ну еще — Серый. Скорее всего во всей Галактике их не так уж много.

— Другие придут, — потерянно прошептал Коркханн. — Другие придут.

Лианна остановила его.

— Подождали бы со своими пророчествами. Сейчас нам вполне хватает забот с Нарат Тейном, Син Кривером и их дикими ордами. Коркханн, проводите наших гостей в предназначенные им апартаменты...

Она намеренно подчеркнула: «гостей», но Шорр Кан сделал вид, будто ничего не заметил:

— Спасибо за радушный прием, ваше Высочество. Я всегда мечтал посетить Фомальгаут, который заслуженно славится как одно из самых блестящих малых королевств Империи. До свидания, Ваше Высочество!

Он сопроводил свои слова величественным жестом и важно удалился вместе с Беррелом и Коркханном.

Как только они ушли, Лианна повернулась к Гордону. Ее лицо хранило все ту же маску ледяной невозмутимости и царственности. Подойдя вплотную к нему, она внезапно нанесла своей изящной ладонью звонкую пощечину. После этого лицо ее преобразилось, как у капризного ребенка, и она положила голову на плечо Гордону.

— Не рассчитывайте больше, что вам удастся от меня улизнуть, Джон Гордон. Если когда-нибудь...

Он почувствовал ее слезы на своей щеке. Задыхаясь от счастья, Гордон сжал ее в объятьях, и в голове его торжествующе билась мысль: не Зарт Арн, а... я, Джон Гордон!

Нарат Тейн и его сообщники могли теперь прилететь, пусть даже х'харны нагрянут... все было никчемным перед тем, ради чего он и пересек тысячелетия.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

КОШМАР ИЗ МАГЕЛЛАНОВЫХ ОБЛАКОВ

Глава I

Гордону приснился Нью-Йорк конца двадцатого века. Он шел по знакомой улице с брускатой мостовой и казался себе заблудившимся, случайно занесенным в чуждый ему неведомый гнусный мир, и ему страх как хотелось назад, в далекое будущее, в великие Звездные королевства... Он чувствовал себя таким несчастным на этой прозаичной улице, среди подавляющей обыденности каменных громад, населенных его жалкими земляками-современниками, прямых, как линейки, улиц под серым низким небом, без всякой надежды когда-нибудь снова увидеть то будущее и те миры, которые привели его в восторг и покорили раз и навсегда.

— Лианна! — прошептал он умоляюще и призывающе.

Потом шепот перешел в крик боли и отчаянья:

— Лианна!!!

И этот собственный крик разбудил Гордона. Он открыл глаза: знакомая уютная комната, в открытом окне — заходящее солнце Фомальгаута. Опять он путался: где сон, где явь?.. Хотелось думать, что явь — это Лианна, которая сидела рядом и глядела на него, и ее волосы золотились в закатном отсвете... Он приподнялся, затравленно и недоверчиво озираясь, недавние тоска и боль еще жили в нем...

— Вы кричали во сне, — сказала она с участием. — Наверно, опять вам привиделся ваш мир?..

Он молча наклонил голову.

— Я так и подумала, наблюдая за вами. Капитан Беррел рассказал мне кое о чем, и я знаю, почему вас мучают кошмары...

Она помолчала, еще не в силах преодолеть сковывавшие их неловкость и смущение. Он верил теперь, что она любит его — именно его, Джона Гордона! — но все же они знали друг друга так мало, считай, совсем не знали... И между ними так мало общего: избалованной принцессой, правящей Фомальгаутом, и пристельцем из прошлого, скромным страховым агентом, успевшим многое пережить в этом мире совсем недавно.

— Когда вашего сознания касается х'харн, — произнес он через силу, — там остается незаживающий рубец...

Он порывисто вскочил на ноги, шагнул к окну, высматривая что-то в темнеющем небе.

— Еще нет данных, что флот Нарат Тейна покинул пределы Границ?

Лианна отрицательно качнула головой. Правительница Фомальгаута не могла позволить себе выказать не то что страх, даже тень страха, намек на волнение. Она сохраняла внешне полнейшую невозмутимость. Напряжение последних дней отразилось лишь на выражении ее глаз — сосредоточенном, пасмурном, да точеное лицо было бледнее обычного...

— Нет, нам пока ничего конкретного неизвестно, — добавила она, проявляя непривычную для нее словоохотливость, — но Абро полагает, что если они все-таки дерзнут нас атаковать, то это может произойти со дня на день, если не с минуты на минуту...

— Мне все кажется, — задумчиво произнес Гордон, — что я что-то упустил из виду, забыл о чем-то очень важном...

Взгляд Лианны стал еще более тяжелым и хмурым:

— Вы забыли о великом противостоянии: Империя — Лига Темных Миров. — В ее голосе звучали презрение и язвительность. — Я о Шорр Кане. Ведь против него, завязавшего когда-то схватку с Империей, выступали и Фомальгаут, да и вы сами. А теперь он ваш друг?!

Гордон принял терпеливо и досадливо объяснять:

— Не друг. Но и не враг. Шорр Кан — прагматик, себялюбец и конформист. Для него на первом плане лишь собственное благо, польза и выгода, а при сложившихся обстоятельствах ему наиболее

выгодно быть на нашей стороне. Он, конечно, постарается использовать нас в своих целях, как достаточно опытный политикан, мы же попробуем перехитрить его, сделать пешкой в нашей игре... Но я не об этом... Скажите, где я мог бы произвести галактографические расчеты, воспользовавшись определенными картами и сведениями?

— Наша королевская картографическая видеотека напрямую связана со всеми экранами министерства обороны.

— Вы не проведете меня туда? И прикажите, пожалуйста, вызвать Хелла и Шорр Кана.

Картографическая видеотека располагалась на нижнем этаже дворца. Ее стены были заняты телестереоэкранами разных размеров. Дежурный офицер отдал честь Лианне. Спустя некоторое время появились Беррел и Шорр Кан. Последний церемонно поклонился Лианне, пожелал Ее Высочеству приятного вечера. От ее улыбки веяло холодом и пренебрежением.

— Прежде всего вам следует знать, Шорр Кан, что если бы это зависело от меня, то вы были бы повешены спустя пять минут после появления здесь. И я надеюсь, что ваши поступки в будущем складят это мое первое впечатление и сведут на нет мой первый порыв.

Шорр Кан с улыбкой обратился к Гордону:

— Видишь, насколько женщины эмоциональны. Стоит вам однажды обидеть их, и они возненавидят вас навсегда. Нет, в большой игре могут участвовать только мужчины.

— Прекратите все время твердить о какой-то игре! — вскинулся Гордон. — То, что затеяли графы, отнюдь не игра, а народу Империи тем более не до игр. Но уж если все-таки и считать такие действия игрой, не забывайте, что во времена Брэнн Бира она едва не уничтожила всю Галактику.

— Я помню. Но х'харнов еще нет в Галактике, в достаточном числе во всяком случае.

— Вы в этом уверены? — усмехнулся Гордон.

Насторожившись, Шорр Кан уже серьезней спросил:

— Что вы имеете в виду?

Гордон повернулся к Беррелу:

— Хелл, вы управляли кораблем, когда мы покинули Аар, и то мерзкое создание, что пряталось на борту, заставило вас направить корабль в сторону Магеллановых Облаков. Так?

— Не стоило бы напоминать об этом, — сердито ответил Беррел. — У меня все прошедшее достаточно четко отпечаталось в памяти.

— Хорошо. А вы не помните, с какой скоростью мы летели? Не была ли она предельной?

Беррел удивленно посмотрел на Джона:

— Вы же знаете, все, что я тогда делал, мне внушал х'харн, и я...

— Да? Продолжайте.

— Дайте подумать... Мне кажется, стрелка достигла последнего деления, то есть я включил все двигатели... — Лицо Беррела посветлело, и он облегченно вздохнул: — Да, мы двигались с максимальной скоростью.

— И какова, по-вашему, была эта скорость?

Когда Беррел после небольшой паузы назвал цифру, у дежурного офицера вытянулось лицо, а Лианна издала изумленный возглас:

— Но это невозможно!

— Как ни жаль, Ваше Высочество, но это так. Корабль х'харнов значительно быстроходней наших...

Беррел сокрушенно вздохнул:

— Я бы многое отдал за то, чтобы один из их кораблей оказался в нашем распоряжении, и мы могли бы досконально изучить его... Если нам когда-нибудь придется, не дай бог, ввязаться в сражение с ними...

Гордон прервал его, почтительно попросив Лианну:

— Ваше Высочество, а нельзя ли ознакомиться с картой той части Границ, где находится Аар?

Лианна сделала знак офицеру, и тот включил один из наиболее крупных телестереоэкранов, на котором замелькали огненные круги и точки. Картина эта для неискушенного глаза представляла собой хаос небесных тел, в котором просто невозможно разобраться и сориентироваться. И Гордон обреченно признался:

— Мне это ни о чем не говорит, Хелл, я тут полный профан. Поэтому уточните, насколько это возможно: какое расстояние мы покрыли с того момента, как покинули Аар, и до того, когда обнаружили на корабле х'харна и по его повелению сменили курс?

Шорр Кан, видимо, уже догадавшийся, куда он клонит, властно бросил Беррелу:

— Ответь ему, капитан! Джон на верном пути.

И Гордон в какой уж раз поразился гибкости и проницательности его ума, умению все схватывать на лету.

Некоторое время Беррел внимательно смотрел на светящийся экран, шевеля губами, как ученик, решающий на доске сложную задачу, наконец сказал:

— Я, конечно, могу назвать лишь приблизительную цифру...

— Этого достаточно, — прервал его Гордон. — И если мы примем ее за среднюю величину, то сколько бы нам понадобилось времени, при наивысшей скорости корабля, чтобы достичь Магеллановых Облаков?..

Беррел смотрел на него с изумлением:

— Так вот вы о чем! — Он поспешил к компьютеру и вскоре вернулся с готовым ответом: — От четырех до пяти месяцев, по галактическим стандартам.

Гордон и Шорр Кан понимающие переглянулись. Лианна спросила с чисто королевской нетерпеливостью:

— Что все это значит? О чем столь живая дискуссия?

— На то, чтобы долететь до Магеллановых Облаков и вернуться в Галактику с флотом, у х'харнов должно уйти не меньше чем восемь-девять месяцев. Это много, очень много. Мы знаем, что именно х'харны в каких-то своих целях провоцируют графов на штурм Фомальгаута. Но какими бы ни были их планы, не думаю, чтобы они предусматривали столь большой срок. Особенно...

— Особенно, — закончил за него Шорр Кан, — если учесть, что вмешательство самих х'харнов произойдет, что было бы логично и закономерно, лишь тогда, когда вся Галактика уже будет втянута в разрушительную войну, равно изнурительную для противостоящих сил... — Он окинул окружающих жестким взглядом. — Х'харнами вложено уже слишком много в подготовку этой войны, и вряд ли они откажутся снять урожай, взращенный по их наущению и под их руководством.

В зале повисла гнетущая тишина, и когда заговорил Гордон, каждое его слово отдавалось гулким эхом.

— Не думаю, чтобы наш х'харн так уж хотел, чтобы мы добрались до Магеллановых Облаков. Мне сдается, он преследовал другую цель: доставить нас куда ближе, а именно: до флота х'харнов, который до поры до времени прячется где-то на окраинах нашей Галактики.

В еще более напряженной тишине громом прозвучал возглас Беррела:

— Но как же так! Радары Империи давно бы их обнаружили!.. Ведь все межгалактическое пространство со времен Бренн Бира взято под постоянный контроль!..

— Так-то оно так, — нахмурился Гордон, — но вы-то уж на себе испытали...

И опять вмешался Шорр Кан:

— Верно, уж кому, как не тебе, судить о могуществе х'харнов? Ты-то в нем еще как убедился! И я уверен, уж им-то известно, что все свободное космическое пространство под наблюдением и контролем Империи. И для них было первоочередной задачей обеспечить себя надежной противорадарной защитой. Чего они наверняка и добились.

— Да, но можно ли тогда быть уверенным, что они уже не у нас в Галактике?

Голос Беррела дрогнул, и Гордон продолжил за него:

— Готовые решительно и эффективно поддержать графов в их агрессии!

— О боже! — в ужасе воскликнул Беррел и живо повернулся к дежурному офицеру. — Вызывайте Троон! Необходимо немедленно предупредить обо всем Империю!

Офицер повернулся к Лианне, которая невозмутимо подтвердила:

— Делайте то, что вам говорят.

Беррел поспешил исправить свою оплошность:

— Извините, Ваше Высочество. Я, кажется, превысил полномочия. Но когда я подумал об этих...

— Я понимаю, — успокоила его Лианна. — Действуйте и распоряжайтесь, как считаете нужным. Вы ведь здесь самый сведущий. Поэтому помогите моему офицеру связаться с Трооном.

Благодаря своему рангу и популярности, завоеванной еще в период войны с облачниками, Беррелу удалось в кратчайший срок установить связь со столицей Империи. Один из телестереоэкранов вспыхнул, и на нем появилось изображение Зарт Арна.

— Боже, капитан Беррел... Гордон, друг мой!.. Значит, все в порядке? А то мы уж начали волноваться, — внезапно он умолк, заметив в глубине помещения Шорр Кана; на его лице отразились изумление и гнев. — Что это значит?.. Какое-то недоразумение? Или розыгрыш дурного толка?..

— Ни то, ни другое, — ответил сам Шорр Кан. — Слава всему вышнему, слухи о моей гибели оказались сильно преувеличеными... — Он спокойно выдержал тяжелый, негодящий взгляд Зарт Арна. — Да-да, негодяй-диктатор воскрес из мертвых, причем воскрес преображенными. Я проявил здравомыслие и теперь на вашей стороне. Джон и Хелл могут подтвердить это и посвятить вас в подробности моего воскрешения. Вы удовлетворены?

Зарт Арн, казалось, лишился дара речи. Гордон воспользовался этим, чтобы высказать свое мнение:

— Зарт, дружище, постарайся понять и не забывать об этом в дальнейшем. Мы с Хеллом живы, и Галактика еще существует лишь благодаря своевременному вмешательству Шорр Кана. Если бы не он, нам никогда не удалось бы ни прознать о грозящей Фомальгауту опасности, ни предупредить о ней и принцессу, и тебя. Надеюсь, ты запомнишь это.

Зарт Арн, смертельно бледный, стиснул зубы, с трудом сдерживаясь. Потом, глубоко вздохнув, обратился к Лианне:

— Ваше Высочество, советую вам немедленно повесить этого мерзавца!

— Я к вашим услугам, — ухмыльнулся Шорр Кан, проявляя необычайное хладнокровие, — но тогда придется казнить и Джона Гордона, который дал слово защищать меня, не жалея сил и жизни...

Беррел выступил вперед.

— Ваше Высочество, извините за дерзость, но сейчас не время сводить счеты с Шорр Каном. Х'харны, быть может, уже на пороге Галактики!

Зарт Арн тут же забыл о своем гневе.

— Вы что-то выяснили там, на Границах?

Капитан детально доложил о минувших и предположительно о предстоящих событиях. По мере его рассказа Зарт Арн все более мрачнел, и когда Беррел закончил доклад, он, казалось, постарел на десяток лет.

— Х'харны... Нам ничего неизвестно об их существовании. Откуда они взялись? И так ли уж велика угроза? — Он взглянул на Гордона. — Ты разделяешь мнение Беррела?

— Да, — твердо ответил тот.

Шорр Кан вновь взял слово:

— Я тоже, что бы там обо мне ни думали. Зарт Ари, вы знаете, я не трус и не дурак. Так вот, я считаю, что нападение на Фомальгаут — это лишь отвлекающий маневр, сигнал для тотального наступления х'харнов на всю Галактику.

И опять — тягостное молчание, которое спустя минуту нарушил Зарт Арин:

— Я, конечно, немедленно уведомлю обо всем брата: лишь он вправе принять окончательное решение. Но сам я полагаю, сознавая всю огромность риска и всю меру ответственности, что возможна единственная предупредительная мера: послать весь — подчеркиваю, весь! — имперский флот на окраины Галактики. Тогда мы или убедимся, что х'харнов там нет и в помине, или любой ценой постараемся перехватить их, не допустив нового вторжения в нашу Галактику. Постараюсь убедить в этом брата, как и в необходимости моего участия в глобальной операции.

Гордон почувствовал, как по спине пробежал холод.

— Ты готов применить Разрушитель?

Он припомнил страшный день, когда вынужден был высвободить всю чудовищную, непредсказуемую мощь этого сверхоружия, ему вспомнилось, как дрогнуло пространство вокруг них, как срывались со своих орбит звезды и планеты, как исчезала сама материя...

Лицо Зарт Арина напряглось.

— А что делать? Так надо. — Он обратил опечаленный взгляд на Лианну: — Думаю, вы понимаете, что все это означает для вас?

Она с царственным величием наклонила голову.

— Понимаю, вам понадобятся все ваши корабли, до единого, включая и те, что вы уже отправили нам на помощь. Вы вынуждены вернуть их, ведь так? Что ж, сейчас основной враг — это х'харны. Ничего, мы будем обороняться своими силами. — Она улыбнулась. — Впрочем, капитан Беррел и Гордон установили, что ваша помощь все равно не подоспела бы вовремя.

Совсем уже помрачневшее лицо Зарт Арина исчезло с экрана. Все уже собирались выйти из зала, когда зажегся другой экран, и возникший на нем коренастый мужчина с густыми бровями без излишних церемоний отрапортовал:

— Ваше Высочество, флот Нарат Тейна и графов покинул Границы и на полной скорости направляется к нам. Причем он куда мощнее, чем мы предполагали.

Гордон узнал в говорящем министра обороны Абро, с которым ему доводилось встречаться. Само его сообщение обрушилось на всех, как удар грома.

Гордон чувствовал, что самообладание ему изменяет. Графы для предстоящей грандиозной битвы приводят в действие все свои силы. И если даже все-таки Фомальгаут каким-то чудом возьмет верх, то как быть с х'харнами, могущественными, загадочными и, казалось бы, неуязвимыми?..

— Противник превосходит нас количественно в соотношении три к двум, — продолжал меж тем Абро. — С учетом этого генерал Энгл предусмотрел отступление нашего флота, чтобы прикрыть непосредственно Фомальгаут до прибытия подкрепления.

— План безупречен, — согласилась Лианна, — но передайте генералу, чтобы он не рассчитывал на помощь Троона. Подкрепления не будет.

— Но, Ваше Высочество... — Абро был ошеломлен. — Я же был там, когда...

— Не будем устраивать дискуссию по телесвязи, — властно перебила его Лианна. — Я собираю Совет. Увидимся там, Абро. И все обсудим.

Связь оборвалась, и Лианна с непроницаемым лицом отвернулась от экрана. Однако Гордон уловил в ее взгляде тень смятения, и ему так захотелось обнять и утешить ее... Она устало улыбнулась ему:

— Мне нужно идти, Джон. Встретимся и поговорим позднее...

После ее ухода Беррел подошел к пульте телесвязи и включил экран, отображающий сектор Границ и прилегающего к ним пространства.

— Я очень обеспокоен, Джон, — озабоченно буркнул Шорр Кан. — Если Империя откажется Фомальгауту в помощи, то наверняка возмутятся другие королевства...

— Вы так добры и проявляете о нас такую трогательную заботу, — сухо отозвался Гордон. — Спасибо вам.

Шорр Кан искренно удивился:

— О вас?.. А я, черт подери, не в счет? С тех пор как связался с вами, устраивая ваши побеги, я по уши погряз в делах и передрягах Империи!.. — Он задумался. — Учтите, главную опасность представляют транспортные, следующие за графской флотилией. И если бы командующий флотом Фомальгаута, генерал Энгл, — так, кажется? — был хитрее и сметливее, он организовал бы засаду при их посадке и встретил бы их во всеоружии!..

Гордон одобрительно взглянул на него:

— Заманчивая идея! И, по-моему, дальняя.

— Я и сам это знаю, — раздраженно проворчал Шорр Кан. — Но разве эти олухи послушают меня, хотя я разбираюсь в военной стратегии лучше, чем все они, вместе взятые!.. Вот если бы ты предложил им это — от своего имени, конечно...

— Ладно, попробую, — пообещал Гордон, — хотя не уверен, что они со мной посчитаются. Советники принцессы горячей симпатии ко мне отнюдь не испытывают.

— Но последнее слово все же за самой принцессой, — заметил Шорр Кан.

— Я же сказал: попытаюсь.

Но прошло немало времени, пока закончился Совет. Гордон поджидал перед дверью, ведущей в зал заседаний. Выходя из зала вместе с небольшой группой хмурых советников с озабоченными лицами, Лианна заметила Гордона и решительно подошла к нему.

— Стоило ли вам ждать меня так долго? — попеняла она вроде бы недовольно, но дрогнувший голос выдавал ее радость.

— Мне хотелось бы знать, на чем вы порешили. Если, конечно, вы можете посвятить меня в это.

По лицу Абро пробежала тень недовольства, но Лианна не обратила на это внимания.

— Именно благодаря вам, Джон, мы загодя предупреждены о готовящейся агрессии. Так что вы имеете полное право знать, что главные силы имперского флота уже устремились к окраинам нашей Галактики, где, по вашим же предположениям, укрываются х'харны. Корабли оснащены всеми средствами, позволяющими своевременно обнаружить и нейтрализовать флот х'харнов. Они прихватили с собой и лучших телепатов Империи.

Гордон не удержался от скептического комментария:

— Позвольте усомниться в эффективности этой меры. Х'харны и сами супертелепаты, способные оградить свое сознание от любого вмешательства извне, включая пути ваших самых способнейших телепатов!

Внимательно посмотрев на него, Лианна продолжила:

— Мы решили обратиться за помощью к нескольким малым королевствам. Но от них до нас так далеко, что вряд ли можно всерьез принимать во внимание их поддержку, даже если они согласятся помочь... Бароны Скопления Геркулеса нам уже ответили... Они рассматривают этот вопрос.

— Не из-за избытка любви к нам, — внес ясность Абро. — Они просто опасаются, как бы графы не стали слишком могущественными. Во всяком случае, если бароны и пошлют помочь, она наверняка запоздает.

— Мне тут пришла в голову одна мысль, — сказал Гордон колеблющимся тоном, — но не знаю, вправе ли я соваться не в свое дело...

Лианна, подумав, решительно произнесла:

— Вы рисковали своей жизнью ради нас. Говорите.

Гордон изложил им предложение Шорр Кана. К его удивлению, Абро подхватил эту идею:

— Превосходный тактический ход!.. Если только все наши корабли не ввязнутся в сражение с графскими. Я переговорю с генералом Энглом.

Когда сопровождающие Лианну советники несколько поотстали, она спросила Гордона с натянутой улыбкой:

— Это ведь идея Шорр Кана, не так ли?

— Я не сомневался, что вы догадаетесь.

Позднее они сидели, отдохная, на высоком балконе дворца, в жарком сумраке, напоенном тяжелым запахом цветов. Но город, простиравшийся внизу, уже не был спокоен и безмятежен, как раньше... Мелькали огни, то угасая, то вспыхивая, во всех кварталах упорядоченно передвигались войска. Везде, даже в дворцовом саду, устанавливались и замаскировывались батареи атомных пушек и ракетные системы. Вдали, на военных космодромах, медленно и настороженно поворачивались радары, готовясь к защите планеты от наглой агрессии...

Гордон окинул внимательным взглядом темное, в редких звездах небо. Где-то в этой безбрежной тьме, далеко-далеко, мчатся на встречу друг другу два мощных космических флота, и исход этой встречи предопределит на долгие годы вперед судьбу Фомальгаута, а может, и других королевств!..

Он унесся мыслями еще дальше — к пределам Галактики, где колossalный имперский флот рыскал в поисках х'харнов, которые, вполне возможно, прятались в каком-то космическом закоулке... Разыщут ли их? И придется ли снова пустить в ход Разрушитель, чтобы раз и навсегда покончить с угрозой нашествия? С почти пророческой убежденностью Гордон предполагал, что на этот раз Империи может и не повезти. Недаром же х'харны так самоуверены. Наверняка они обладают оружием и нападения, и защиты такой неслыханной мощности, какая никому и не снилась... И наверняка они уже позабыли о той роковой роли, которую когда-то сыграл для них Разрушитель...

Лианна, должно быть, тоже думала о х'харнах, так как после долгого молчания заговорила именно о них:

— Как считаете, Джон, если Нарат Тейн осуществит свой план нападения, эти твари будут при нем?

— Я абсолютно в этом уверен.

— Но почему?

— Не страдая самомнением, я все же полагаю, что они продолжают охотиться за мной.

— Но почему, почему?

— Х'харны знают, что однажды, пребывая в обличье Зарт Арна, я уже использовал Разрушитель. И они думают, что я знаю о Разрушителе все, хотя на самом деле это далеко не так. Я только механически следовал инструкциям Джала Арна. Но они-то об этом не подозревают и потому пойдут на все, чтобы заполучить меня и вытянуть из моего мозга столь необходимые им сведения, которыми я, к их сожалению, не располагаю. Это, однако, не избавляет меня от постоянной опасности быть захваченным и подвергнуться телепатической пытке.

Он почувствовал, как вздрогнула Лианна, представив себе, видимо, небывалую силу телепатического воздействия х'харнов, о

котором знала не понаслышке, а испытала на себе, когда они посетили Тейн.

— Да, трое из живущих ныне знают секрет Разрушителя. Я — один из них. Вот почему в свое время облачники похитили меня и отправили на Талларну, помните? — Он встал, продолжая глядеть на город, хоть и затаившийся, но все же глухо бурлящий в предчувствии надвигающейся угрозы. — И Лига атаковала Империю, как только они выяснили, что на самом деле я никакой не Зарт Арн и потому не сумею управиться с Разрушителем. А вот х'харны, самые грозные из наших врагов, продолжают заблуждаться на мой счет, все еще полагая, что я, стоит им овладеть моим сознанием, открою секрет единственного оружия, мешающего им завоевать Галактику. И они, повторяю, не остановятся ни перед чем, чтобы схватить меня. — Он обескураженно покачал головой: — Какое фатальное стечние обстоятельств!.. Я стал каким-то проклятием для вашего мира...

— Нет! Нет! — Лианна взяла его за руки. — Но даже если и так, это вина Зарт Арна, а не ваша. — После секундного молчания она добавила с нежностью в голосе: — Я счастлива, что вы пришли в наш мир, Джон. Очень счастлива. — Потом она слегка отодвинулась от него. — Мне нужно показаться защитникам нашего королевства. Нет, не следуйте за мной. Я должна появиться перед ними одна.

После ее ухода Гордон долго рассматривал звездное небо, раскинувшееся над городом. Если Нарат Тейну все же удастся удовлетворить свои притязания на трон Фомальгаута, то одно из славнейших Звездных королевств падет, и они с Лианной найдут здесь свою смерть. Но победа и воцарение безумца с планеты Тейн обернется трагедией не только для них, но и для всей Галактики колоссальной космической катастрофой. Ведь вместе с Нарат Тейном явятся х'харны. Когда-то, давным-давно, Разрушитель отбросил их далеко от Галактики. Они укрылись и обосновались в Магеллановых Облаках и в течение многих веков обдумывали, лелеяли, разрабатывали план нового, уже победного вторжения в Галактику, которое и начали осуществлять, опираясь на своих ставленников, послушных марионеток в их руках — сумасшедшего кузена Лианны и его союзников-графов, и вот сейчас готовятся нанести решающий, сокрушительный удар.

Минули тысячелетия, и близок День Страшного суда, конца Вселенной.

Глава II

Где-то между Фомальгаутом и Границами Внешнего Космоса развернулась грандиозная битва двух космических флотов... Черные пространства Галактики озарялись слепящими вспышками атомных

залпов, и тогда вырисовывалась фантастическая картина: как акулы в глубинах океана, стремительно скользили то в одном, то в другом направлении тени тяжелых крейсеров, выслеживающих, преследующих, стремящихся уничтожить друг друга... А на флангах сражавшихся армад ждали своего часа корабли-призраки. Время от времени то один, то другой из них обретал видимость и обрушивал на противника смертоносный огонь, чтобы тут же вновь растаять во тьме...

На огромном телестереоэкране, перед которым сидел в центральном зале королевского дворца Гордон, эта чудовищная битва представлялась неразборчивой сумятицей светящихся точек, миганием и переплетением лучей, всплесками каких-то разрядов. Гордон мало что в этом понимал, но постепенно даже для него становилось все очевиднее, что главные силы графского флота медленно, но неуклонно оттесняли корабли Фомальгаута к востоку, в сторону от центрального светила и планеты, которую те тщились защитить...

С губ Абро то и дело срывались приглушенные проклятья.

— Энгл — умелый командир, но ему не хватает кораблей. Три против двух! И этот перевес все увеличивается. Они хотят расчистить дорогу на Фомальгаут вон там!

И его толстый палец указал на угол экрана, где появилась новая россыпь огоньков, неотвратимо приближающихся к Фомальгауту.

Это были транспортные корабли. Там сумасшедший Нарат Тейн в окружении орд негуманоидов, набранных им на десятках планет, уже предвкушал свой триумф.

Ощущение бессилия и невозможности хоть чем-то помочь сражающимся фомальгаутцам было для Гордона хуже пытки. Лианна также испытывала подобные чувства, но ей удавалось не выдавать их, и ее бледное лицо сохраняло обычные невозмутимость и величественность.

— От баронов по-прежнему нет вестей? — осведомилась она с презрительной интонацией.

Ей ответил Коркханн, сопровождая свои слова шуршанием перьев:

— Ни словечка, Ваше Высочество. Скорее всего лишь нам суждено отражать агрессию.

— Если бы только Энгл смог высвободить несколько крейсеров, — горько посетовал Абро. — Он смог бы тогда помешать их высадке.

Гордон отметил про себя, что Энгл не пожелал прислушаться к мудрому совету Шорр Кана.

— К сожалению, ни от него, ни от нас уже ничего не зависит, — произнесла Лианна, кивком указывая на экран. — Да, сражение приобрело невиданный размах и вступило в решающую фазу. Нам нужно готовиться к худшему и защищаться на нашей планете.

Притихшие, угрюмые, они вышли из зала, где наблюдали за битвой, и лишь тут к ним присоединился Шорр Кан, до этого даже не пытавшийся попасть в экранный зал. Он знал, что ему этого все равно не позволят. Беррел бросил на него неприязненный взгляд, словно обдал холодной водой. Гордон пристановился, и Шорр Кан нерешительно обратился к нему:

— Судя по кислому выражению ваших лиц, флот Фомальгаута терпит поражение?

— Да, его оттеснили на восток, скоро транспорты Нарат Тейна приступят к высадке десанта, и тут будет ад кромешный.

— Как ни жаль, но вы правы. Черт подери, я мозги себе вывихнул, придумывая, как избежать этого ада, и вот результат!

— Результат плачевный, — согласился Гордон. — Наше предложение попросту проигнорировали. И теперь, заканчивая, как и все мы, свой жизненный путь, вы, я думаю, предпочтете умереть достойно и гордо, сражаясь до последней капли крови?

В словах Гордона звучала горькая ирония, и Шорр Кан постарался попасть ему в тон, небрежно махнув рукой:

— А что мне еще остается, как не геройская гибель? Тем более не привыкать... Правда, сейчас я не вижу ни малейшего шанса уцелеть. А, черт со мной! Что мне, в конце концов, терять?..

Время летело, и Гордон чувствовал вокруг какую-то лихорадочную активность, переходящую в суету, которая все усиливалась, смысл и причину которой он долго не мог уловить. Офицеры и чиновники носились, как угорелые, дворец походил на развороженный муравейник. Лианне было не до Гордона. Он не знал, ни что ему делать, ни куда идти, и чувствовал себя неприкаянным, никому не нужным, лишним, как последняя спица в колеснице.

— И тем не менее, — слышал он за спиной знакомый скрипучий голос, — мне думается, что вы-то в этой драме как раз главный персонаж!

Гордон повернулся и встретил устремленный на него мудрый, проницательный взгляд желтых глаз Коркханна.

— Принцесса ввела меня в курс дела, — продолжил тот. — И я хочу вас спросить: вы безусловно уверены, что х'карны не смогут извлечь из вас никаких сведений относительно Разрушителя? Подумайте как следует, это крайне важно.

— Я думал, что объяснил все достаточно четко и внятно. Что ж, если надо, разжую все еще раз. Так вот. Мне известен внешний вид конуса Разрушителя. Меня научили, как надо укреплять его на корабле и как уравновесить шесть измерителей направления, чтобы высвободить его чудовищную энергию. Вот и все! Повторяю: я ничего не смыслю ни в источнике, ни в существе и механизме этой силы. Для меня это, как и для других, тайна за семью печатями.

— Что ж, я верю вам, Джон, и постараюсь успокоить принцессу. Вы ведь знаете, как обстоят дела?

— Хуже некуда, да?..

На город опустилась ночь, душная, тревожная. По небу стремительно проносились облака, отбрасывая летучие тени. В дворцовом парке, как и во всем городе, царило необычное оживление, близкое к панике. Люди и машины двигались взад-вперед по аллеям под хмурыми взорами каменных статуй королей Фомальгаута. Ракетные установки и батареи атомных орудий уродовали незыблемую красоту парка.

К ним подошел вынырнувший из темноты Шорр Кан, и Гордон поинтересовался, где сейчас Беррел.

— Он на связи с Трооном. Вы его порядком напугали своим прогнозом насчет высадки десанта.

— Да, мы все здесь изрядно напуганы, — заявил Гордон. — Стоит только подумать об этих бешеных ордах...

— Все, но только не он! — возразил Коркханн, с интересом рассматривая Шорра Кана. — Ему не страшны ни бог, ни дьявол, ни люди, ни нелюди! Извините за мое непрошеное вторжение в ваше «я»...

Шорр Кан раздраженно прервал его, ворчливо обратившись к Гордону:

— Я-то думал, что военный талант полководца, едва не завоевавшего Галактику, пригодится Фомальгауту в сложившихся трагических обстоятельствах. Черта с два! Абро и слушать меня не хочет. Да и на твоё мнение им наплевать. Но поскольку я уж связал свою судьбу с твоей, Джон, то хочу заверить, что уж от тебя-то не отойду ни на шаг! Друзей в беде я не бросаю... как некоторые.

— Только, будьте добры, не наступайте на мою тень, — попросил Гордон. — Мне это действует на нервы, а они и так расшатаны.

Шорр Кан добродушно улыбнулся:

— Я рад, что ты не унываешь. Потерять чувство юмора — значит все потерять!

Бу-ух-бум!

За оглушительным залпом последовал пронзительный свист, рвущий барабанные перепонки. Промежутки между залпами все сокращались. В небе над городом заскользили яркие звездочки, быстро уменьшаясь в размерах.

— Ракеты, — констатировал Шорр Кан, улучив минуту затишья. — Ну, если корабли противника уже в пределах досягаемости наших ракет, считай, дело швах. Скоро тут станет ох как жарко!

Небо густо исчертили огненные следы от взлетавших ракет. Внезапно тишину взорвал испуганно-восторженный вопль, исторгнутый тысячами глоток. Шорр Кан протянул руку вверх, указывая на раскаленный добела предмет, похожий на комету и полый, наискосок падавший на Хатхир. Его неестественная белизна становилась все нестерпимей, и наконец он с громовым грохотом распался на множество пылающих обломков.

— По крайней мере один из транспортов сбит, — вновь резюмировал Шорр Кан.

Обломки с трескучим шумом рухнули в стороне от города, сотрясши землю и воздух. Вызванный этим порыв ветра был настолько сильным и резким, что Гордон и его спутники едва удержались на ногах.

— Не так уж и далеко, — недовольно буркнул Шорр Кан. — Могли бы позаботиться о том, чтобы падать подальше от нас. Эгоисты!

— Смотрите! — воскликнул Гордон. — Еще один!

Второй корабль, скользнув по кривой, подобно комете, грохнулся о землю куда дальше от города, чем первый. Звук взрыва был едва слышен.

— Уже лучше, — сказал Шорр Кан с удовлетворением. — Надеюсь, что и дальше так будет. Стоит лишь одному шмякнуться на город...

Он не закончил фразу; и так все было понятно. Меж тем из города прихлынула новая волна криков.

— Что там такое? — забеспокоился Гордон.

— Слушайте, слушайте, — у Коркханна засияли его желтые глаза. — Они ликуют.

Шум все приближался, и вскоре толпа затопила длинную аллею со статуями королей. В гуще этой толпы медленно двигался автомобиль, в котором восседала Лианна. Толпа надрывалась в восторженных криках, принцесса приветствовала своих подданных с таким царственным спокойствием, будто перед ней проходила мирная демонстрация или праздничное шествие. Когда-то Гордону, весьма уязвленному ее королевским положением, претил придворный церемониал и этикет, который надлежало соблюдать. Теперь же он смотрел на нее как бы со стороны, и его сердце залила волна гордости, когда он увидел Лианну, поднимающуюся по ступеням дворца величавой и в то же время грациозной поступью. Она в последний раз поприветствовала толпу дружелюбным взмахом руки, как бы говоря: мертвые или живые — мы вместе, так как все мы — это Фомальгаут.

По ее знаку Гордон последовал за ней во дворец, стены которого сотрясала мелкая дрожь от беспрерывных залпов ракетных установок. Лианна, Гордон и Коркханн прошли в зал обзора. Шорр Кан на этот раз прошествовал за ними с таким надменным видом, что стража у дверей не осмелилась его остановить.

Королевство находилось на краю гибели, и внешняя дисциплина стала менее суровой. Абро отделился от группы офицеров, которые сгрудились у телестереоэкранов, и подошел к Лианне.

— Из полученных мною донесений следует, что по крайней мере двадцати четырем транспортам Нарат Тейна удалось опуститься на Хатхир. Мы уничтожили большую их часть, но вместо

разгромленных садятся все новые и новые, в то время как многие наши батареи и ракетные установки уже выведены из строя.

— Что ж, будем защищать город до последнего, — хладнокровно отвтила Лианна. — Больше нам ничего не остается. Рассчитывать мы можем лишь на самих себя, на свои силы, свой энтузиазм, свою отвагу.

Гордон по достоинству оценил ее мужественное здравомыслие. Он прожил достаточно, чтобы без страха и сожаления встретить смерть. Посмотрев в глаза Лианне, он подумал, что даже зная все заранее, все равно выбрал бы этот путь, эту участь.

Глава III

Линии обороны Хатхира падали одна за другой, не в силах оказать действенного сопротивления врагу, превосходящего фомальгаутцев как числом, так и яростной беспощадностью атак. Город поглощала долгая ночь, грозившая стать последней для тысяч защитников столицы. В течение этой ночи и последующих суток вражеские транспорты упорно и непрерывно наваливались на Хатхир. Большую их часть ракеты превращали в раскаленные обломки, низвергающиеся из черной небесной бездны. Но корабли агрессоров мало-помалу выводили из строя ракетные установки, и по мере того как число их уменьшалось, все больше транспортов целыми и невредимыми достигали обреченной планеты. Из них сразу же выплескивались мощные потоки негуманоидов, набранных на диких планетах Границ Внешнего Космоса. Геррны с планеты Тейн бросались в бой с воплями радости и упоения. Каллы, длинноногие птицы-люди, оглашали воздух свистящими воинственными криками, раздиравшими слух. Великаны-торры с планет, удаленных от Границ, покрытые густой шерстью, угрожающе размахивали всеми своими, по четыре у каждого, конечностями. Андаксы, человеко-собаки, сверкали во тьме белоснежными клыками и глазами с алчным блеском. И многие другие нецивилизованные подданные Нарата Тейна и графов, неописуемо причудливых форм и мастей, орали, визжали, пищали, свистели, бежали, прыгали, катились, извивались, скользили по мостовым, захватывая один квартал за другим. Графы снабдили их современным оружием, и стальные волны пуль перекатывались по улицам Хатхира. Нападавших встречали залпы атомных батарей, и неисчислимое множество разодраных в клочья тел громоздилось на перекрестках и поперек улиц несодолимыми баррикадами, но все новые и новые орды варваров, сметая на своем пути все препятствия, неудержимо продвигались вперед, к центру города. Многие из них, опьяненные битвой и первыми боевыми успехами, отбрасывали в сторону оружие и пускали в ход когти, зубы, шипы и клювы.

Их было слишком много — без конца и края.

Тут и там в разных концах города зажглись пожары, и эти погребальные костры озаряли последнюю ночь планеты колеблющимся зловеще-багровым светом.

Гордон, Лианна, Коркханн и Шорр Кан наблюдали за жестокой битвой, разместившись на широком балконе, выходившем на главную аллею дворцового парка.

— Сколько же их! Тьма-тьмущая! — с брезгливой гримассой прошептала Лианна. — Кузен годами добивался дружбы и преданности негуманоидов, и вот результат. Орды рабов, готовых исполнить любой его приказ.

— Не понимаю, — сказал Гордон, ни к кому конкретно не обращаясь и с ужасом глядя на заваленную трупами площадь перед дворцом, — каким образом явный безумец мог добиться от них такого слепого повиновения?.. И не сосчитать, сколько их уже полегло в сегодняшнем сражении, но они, кажется, счастливы отдать свои жизни за Нарат Тейна. Почему?

— Попробую объяснить, — взгляд желтых глаз Коркханна стал сосредоточенным. — У Нарата лишь внешний облик человеческий. Но как-то мне случилось прондировать его сознание. Так вот, его мозг атавистичен, он на том уровне развития, когда человеческое мышление мало чем отличалось от животного. Оттого-то негуманоиды, эти полулюди-полуживотные, прекрасно его понимают и так к нему привязаны — ведь он мыслит и чувствует так же, как и они.

Коркханну не удалось закончить свой рассказ; на балкон вбежал запыхавшийся офицер и отвесил Лианне глубокий, быстрый поклон:

— Ваше Высочество, министр Абро просил передать, чтобы вы покинули дворец, прежде чем он будет полностью окружен. Он просто умоляет вас об этом.

Лианна отрицательно покачала головой:

— Поблагодарите министра за заботу обо мне и скажите ему, что я не уйду отсюда, пока мои солдаты сражаются и гибнут.

Гордон хотел вмешаться, но по непреклонному выражению ее лица понял, что это бесполезно.

Шорр Кан же, которому плевать было на всякие тонкости и церемонии, решительно поддержал офицера:

— Ваше Высочество! Когда сражение закончится, вам уже не выйти отсюда. Разумней сделать это сейчас.

— Я так и думала, что вы предложите мне позорно бежать, — холодно ответила Лианна, — как вы сами в свое время бежали с Талларны, бросив на произвол судьбы армию.

Шорр Кан самодовольно усмехнулся:

— Но зато я жив до сих пор. Правда, теперь, вероятно, это уже недолго. И, честно признаюсь, меня мало радует перспектива героической смерти, которая всех нас ожидает.

Лианна больше не обращала на него внимания. Ее пылающий холодной отвагой взор был устремлен на остатки парка и дымящиеся

развалины города, где ее народ все еще самоотверженно сражался за каждую пядь городской территории.

Внезапно она повернулась к Коркханну:

— Передайте Абро срочное сообщение баронам. Пусть он объяснет, что если они немедленно не отправят нам на помощь свои крейсеры, Фомальгаут наверняка падет.

Министр поклонился и быстрым шагом удалился.

И в этот момент небольшой патрульный корабль с эмблемой Фомальгаута на носовой части вынырнул из пламени и дыма сражения и опустился неподалеку от места, где находилась принцесса Лианна.

— Нет! — в гневе вскричала Лианна. — Я сказала же, что никуда отсюда не уйду! Пусть им прикажут...

— Погодите! — воскликнул Шорр Кан. — Это не наши!

И Гордон, ощущая в сердце холодок отчаяния, увидел на мундирах воинов, высывавших из корабля, знаки молний. Оборотни приготовились накинуться на принцессу и тех, кто ее окружал, но они в отличие от Шорра Кана и Гордона не были вооружены, целиком полагаясь, видимо, на свое численное превосходство.

Шорр Кан, упав на колено, скосил длинной очередью первый ряд нападавших. Гордон, еще не приоровившийся к ручному оружию, чуть замешкался, но вскоре уже поддержал Шорра Кана, прицельно стреляя и видя, как выпущенные им пули взрываются в телах неприятельских воинов, обращая их в прах. Однако уцелевшие не ослабляли своего натиска, и Гордон догадался, что им приказано взять живыми принцессу и ее приближенных. К графскому десанту прибавлялись все новые подкрепления, выпрыгивавшие из корабельного люка. Постепенно им удалось взять в плотное кольцо людей на балконе, обреченных на неизбежный плен. Десантники уже приблизились к этой группе почти вплотную, так что Гордон и Шорр Кан не осмеливались продолжать стрельбу, опасаясь гибельных разрывов собственных пуль. Гордон, схватив оружие за ствол, принял орудовать им как дубинкой, крича Лианне, чтобы она немедленно, пока еще не поздно, ушла с балкона и укрылась в каком-нибудь из дворцовых покоев, а он и Шорр Кан будут ее прикрывать.

Шорр Кан в это время пытался истощными криками привлечь внимание дворцовой охраны и вдруг исчез в гуще навалившихся на него десантников. Гордону, впрочем, и самому приходилось изо всех сил отбиваться от этой саранчи со знаками молний; в него упирались, били по нему чьи-то локти, колени, кулаки. Новое подкрепление появилось уже с оружием и не постыдно было воспользоваться им, поскольку теперь не было риска ранить или убить принцессу. Гордон, корчась под градом ударов и тычков, не смог увидеть, успела ли скрыться Лианна, но заметил стражников, сбегавшихся на крики Шорра Кана и шум схватки. Последний вооруженный отряд десантников не задержался со стрельбой, и

вскоре весь пол балкона усеяли останки стражников. В наступившей мертвой тишине Гордону почудилось, что все вокруг дурманяще закружилось... Последним его воспоминанием была боль от удара по голове каким-то металлическим предметом.

Когда к нему вернулось сознание, он все так же лежал на балконе. Ощупав голову, убедился, что раны вроде бы нет, но боль была нестерпимой... Возле него стоял Шорр Кан с окровавленным лицом. Их окружали десантники, готовые на все, судя по выражению злобных лиц. Гордон, пытаясь приподняться, хрипло прошептал:

— Лианна!..

Шорр Кан кивнул на балконную дверь, которая вела во дворец с его путаницей покоев.

— Она там. И не волнуйся: даже не ранена. Но дворец в их руках. Корабль с десантом был лишь первым из целой армады с эмблемой Фомальгаута. Маскировка, обман, типичные для графов хитрость и коварство.

Один из десантников молча ударили Шорр Кана по лицу, на котором и без того не осталось живого места. Тот, даже не пробуя сопротивляться, покорно притих. До Гордона дошли наконец трагизм и безвыходность ситуации, в которой он оказался. Он услышал отдаленный, глухой гул, похожий на рокот морского прибоя... С трудом поднявшись на ноги, он заглянул через балюстраду и все понял.

Город пал. Атомная перестрелка, еще недавно такая ожесточенная, прекратилась, но повсюду к небу вздымались языки чадного пламени, охватившего почти все здания. В окрестностях дворца было полным-полно негуманоидов. Геррны, каллы, орды других пернатых и лохматых уродливых существ с оголтелостью дикарей-триумфаторов громили, рушили все вокруг, вопя на все голоса и ругаясь на тысяче неведомых языков.

Но самый большой шум производила толпа гернов, которые медленно продвигались по аллее со статуями королей, проявляя свою радость победными криками, свистом, рычанием. И они не сводили глаз с мужчины, который возглавлял это беспорядочное шествие, сидя на спине огромного геррна.

Это был Нарат Тейн. С горделиво вскинутой головой он направлялся во дворец, чтобы занять там трон властителя Фомальгаута.

Глава IV

В тронном зале, дверь из которого вела на балкон, царила тишина.

Гордон и Шорр Кан стояли в окружении бдительных стражей, державших наготове оружие. На мундирах новых хозяев, запол-

нивших зал, выделялись знаки молний. Все почтительно теснились перед Нарат Тейном, который сидел в кресле, надменно подняв голову. На его губах блуждала то ли удовлетворенная, то ли мечтательная улыбка — ведь в будущем его ждет еще больший триумф, еще большие почести и власть. Поза его, с неестественно прямой спиной и приподнятыми плечами, выражала и самоуверенность, и какую-то излишнюю надутость, словно ему не верилось в свершившееся... Темные волосы небрежно спадали на плечи, покрытые роскошной тканью, переливающейся всеми цветами радуги. Он выглядел и держался как истинный повелитель... и вместе с тем как настоящий сумасшедший! Лианна, сидевшая поодаль, смотрела перед собой пустыми глазами, и взор ее оживлялся лишь тогда, когда останавливался на Гордоне.

Нарат Тейн обвел своих знатных пленников победительным, не сулящим ничего доброго взглядом и пробормотал:

— Ничего, ждать еще недолго... Скоро прибудут Син Кривер и остальные.

Гордон знал, кто подразумевался под «остальными», и почувствовал, как кровь леденеет в жилах. Через распахнутую балконную дверь в зал ворвался порыв ветра, принеся с собой запах гары и нестройный гам. Потом Гордон услышал затихающий гул двигателей патрульного корабля, совершившего посадку недалеко от дворца, и вскоре в зал вступил Син Кривер. Походка его была уверененной, лицо сияло. Его жесткий самонадеянный взгляд, обежав присутствующих, задержался на Шорре Кане.

— Прекрасно!.. Ты тут, негодяй! Больше всего я боялся, что тебя прикончат раньше времени. У меня с тобой свои счеты.

Шорр Кан не замедлил с насмешливым ответом:

— Я гляжу, вы по-прежнему любите позировать перед зрителями!.. Что мне больше всего претило, когда я имел несчастье находиться в вашем обществе, так это ваша постоянная рисовка и напыщенные тирады.

Син Кривер угрожающе наступился, но смолчал. Нарат Тейн, поднявшись, шагнул ему навстречу.

— Добро пожаловать, брат мой. Мы счастливы видеть вас в добром здравии. А где наши друзья?

— О, они со мной и, думаю, не заставят себя ждать. — Граф повернулся к Лианне и с удовлетворением отметил: — Вы превосходно выглядите, Ваше Высочество! И это — при понесенных вами утратах. Как же, потеряны и королевство, и ваш непобедимый флот!..

И в это время в зал, неслышно ступая, вошли три фигуры, закутанные в серые плащи с капюшонами. Гордон вздрогнул: х'арны. В то же время его удивило, как по-разному реагировали на их появление присутствующие. Шорр Кан не скрывал отвращения. Лианна слегка побледнела. Казалось, даже Син Криверу было не по себе, не говоря уж об остальных. Некоторые, впрочем, ровным

счетом ничего не понимали, и на их лицах было написано тупое недоумение. Лицо Нарат Тейн глядел на вошедших все с той же мечтательной полубезумной отстраненностью.

— Вы прибыли вовремя, братья, и я рад, что вы будете присутствовать при моей коронации.

Один из х'харнов еле слышно шепнул:

— Благодарю, Нарат, но у нас на ближайшее время имеется более срочное дело. — И он направился кихляющей ползучей походкой к Гордону и остановился перед ним. — Так. Мы давно следим за этим человеком. Он обладает важнейшими сведениями, которыми как можно скорее должен поделиться и с нами.

Нарат Тейн упрямо и высокомерно покачал головой:

— Но моему народу не терпится увидеть меня вступившим на престол! Необходимо, чтобы кузина Лианна при всех уступила мне трон. Народ не успокоится, пока меня официально не провозгласят королем Фомальгаута! — Он улыбнулся Лианне: — Надеюсь, кузина, вы не станете противиться общепринятыму церемониалу?..

— С этим можно и обождать, Нарат, — снисходительно заметил Син Кривер. — Веврил прав, их сейчас заботит другое. И поскольку они оказали нам неоценимую помощь, теперь наша очередь им помочь, не так ли?

С недовольной миной Нарат Тейн вновь вальяжно расположился в своем кресле.

Х'харн, которого граф назвал Веврилом, все так же молча сиял в Гордона, пряча от него свое лицо, скрытое глубоко надвинутым капюшоном. Больше всего на свете Гордону хотелось сейчас исчезнуть, надежно укрыться где-нибудь, и он еле справился с этим несодолимым желанием, к тому же и неосуществимым.

— Некоторое время тому назад, — признался Веврил, — я тайно побывал на Трооне, прибыв туда на корабле нашего доброго союзника Джона Оллена. Воспользовавшись случаем, я прозондировал тогда мозг Коркханна.

Гордон хорошо помнил об этом. Но с тех пор как он пришел в себя, он впервые с тревогой подумал о судьбе министра. Что с ним стало? Убит? Скорее всего, как, вероятно, и Хелл Беррел, которого тоже нигде не было видно.

— И я уразумел, — слышался меж тем пришептывающий голос, — что некий Джон Гордон в прошлом обменялся обличьем с Зарт Арном. И в тот период, когда он исполнял роль принца, ему довелось применить Разрушитель Пространства.

Вот и все, обреченно подумал Гордон, ему уже не уйти от фатальной неизбежности. Этот проклятый Разрушитель, которого все так страшатся и секрет которого якобы известен ему, Джону Гордону, опять дамокловым мечом навис над его судьбой. И на этот раз ему грозит неминуемая гибель, если не что-нибудь похуже.

Веврил, вплотную приблизившись к Гордону, прошипел не угрожая, а просто констатируя факт:

— А теперь я покопаюсь в мозгу этого человека, чтобы вырвать наконец-то тайну Разрушителя.

Гордон, охваченный паникой, все же попытался повернуть голову и взглянуть на Лианну, чтобы успокоить ее и напомнить: он не выдаст тайны, которой не обладает!.. Но у него на это уже не оставалось времени... Его мозг разорвал громовой удар невообразимой мощи. То, что он испытывал когда-то на Тейне и на корабле с затаившимся там х'харном, выглядело теперь слабой вспышкой спички, не сравнимой с ослепляющим блеском молнии, поразившей его сознание. Он погрузился в небытие.

И все-таки, по всей видимости, его чуждый этому миру и времени разум оказался более неподатливым, чем полагали х'харны, более невосприимчивым к их телепатическому воздействию. Во всяком случае он не разрушился, и Гордон через какое-то время пришел в себя. Он лежал на полу и, приоткрыв глаза, увидел искаженное страданием лицо Лианны. Нарат Тейн явно нервничал, словно чувствуя себя виноватым перед х'харнами. А те вместе с Син Кривером, скучившись в стороне, оживленно обсуждали что-то. Голос Веврила звучал все пронзительней, и Гордон, не ожидавший от х'харнов такого проявления эмоций, только удивился этому, уже ничего больше не боясь. Он прислушался к спору. Син Кривер увершающее говорил:

— Но, возможно, он действительно ничего существенного просто не знает?

— Этого не может быть! — кипятился Веврил. — Вы же не будете отрицать, что в сражении с Лигой Темных Миров он использовал Разрушитель? Значит, был посвящен владыками Империи в тайну его устройства! И сейчас для нас нет ничего важнее, чем вытянуть из него эту тайну! Потому что весь имперский флот, возглавляемый принцем Зарт Арном, разыскивает нас на окраинах Галактики! Вот что я вычитал в его мыслях! Кроме того, они прихватили с собой Разрушитель. Вдумайтесь в это!

Новость ошеломила Син Кривера.

— Но вы же утверждали, что ваш флот нельзя обнаружить!

— В принципе нельзя, — согласился Веврил, — но они предупреждены и знают, что и где искать. И у них, если учитывать изобретательский гений Зарт Арна, наверняка есть системы обнаружения, о каких мы и не подозреваем. И когда мы нападем на Империю и другие королевства, это не будет неожиданностью, если нам вообще не перекроют пути! И Троон, уж будьте уверены, решится еще раз на такую крайнюю меру, как применение Разрушителя, даже рискуя оттолкнуть от себя некоторых союзников! Теперь вам понятно, почему именно сейчас важно, как никогда, получить сведения о принципах устройства и действия этого оружия, о его максимальной мощи и пределах дальности?

Развить эту мысль ему помешал Нарат Тейн. Встав с капризной гримасой, он громко и повелительно проговорил:

— Довольно. Свои проблемы вы можете решить и позднее. А мой народ с нетерпением ждет момента коронации. Что может быть важнее этого?

Веврил, не говоря ни слова, повернулся к нему упрятанную в капюшон голову, и Нарат Тейн, смертельно побледнев, смиленно опустился в кресло. После этого Веврил продолжил:

— Видите ли, еще не все потеряно. Я допускаю, что опытный телепат укрыл секрет оружия так глубоко в его сознании, что он пользовался им, не отдавая себе отчета в своих действиях. Но есть способ проверить это!

Гордон заметил, что при этих словах два других х'арна мелко задрожали, как бы выражая этим радостное оживление и одобрение. И на него, он сам не понимал почему, нахлынула леденящая волна такого ужаса, какого ему еще не довелось пережить.

— Слияние! — пояснил Веврил. — Полное слияние. Такое тесное, при котором ничто не сможет остаться скрытым.

И он отдал приказ охранникам: «На колени его!» Те заломили руки Гордона за спину и вынудили его опуститься на колени. По их напряженному дыханию Гордон догадался, что, хотя они и союзники х'арнов, им эта процедура не по душе.

А Веврил, для которого оставался единственный выход, решительно скинул с себя серое одеяние и предстал перед всеми во всей своей отвратительной наготе. Он оказался существом и впрямь рептилиообразным. Маленькое тело со скользкой, влажно поблескивавшей кожей зеленоватого оттенка; конечности, казалось, лишенные костей, изгибались самым невероятным образом, извивались, как черви; мышцы напоминали липкис комки желатина, то раздувавшиеся, то опадавшие; а лицо...

Несмотря на все свое желание и неимоверное усилие, Гордон не мог закрыть глаза и все не сводил взгляда с того, что заменяло х'арну лицо, чего-то расплывчатого и неопределенного, но с крохотным безгубым ртом, шевелящимся с неуловимым жеманством, двумя небольшими, почти незаметными дыхательными отверстиями и двумя круглыми, без ресниц, во все лицо, глазами...

И это омерзительное существо безжалостно надвигалось на Гордона, словно хотело всосаться в него губительным поцелуем, и немигающие глаза х'арна не отрывались от его глаз и все приближались, приближались, пока их лица не соприкоснулись.

Х'арн, видимо, тут же принялся за дело. Гордон бился в конвульсиях, тщетно сопротивляясь чему-то превышающему его разумение, страшному своей неотвратимостью, необычностью и неосознанностью. Он услышал изданный Лианной крик ужаса.

Разум Веврила как бы впитывал в себя все, без остатка гордонское «я», одновременно отдавая ему свое «я», тоже целиком. Гордону вспомнилось слово «слияние», произнесенное недавно этим

чудовищем. Глаза х'харна становились все огромней, заполняя собой поле зрения; они сияли и разгорались все ярче и ярче, пока не превратились в слепящес, бесскрайнее и бездонное море огня, которое и поглотило Гордона.

Глава V

Он оставался Джоном Гордоном со старой Земли, где жил давным-давно. Но вместе с тем ощущал себя и Веврилом с далекого Амамбара.

Он помнил все этапы и подробности своей жизни, как на покинутой им Земле, так и в этом мире будущего, мире Звездных королевств. Но ему также живо помнились и детали жизни Веврила, каждый шаг и поступок этого сына одного из народов, населявших Амамбаран — гигантское звездное скопление, которое обитатели Галактики называли Малым Магеллановым Облаком.

Ту часть его «я», которая оставалась Гордоном, глушала и ставила в тупик эта двойственность сознания; но Веврил, другая часть этого «я», ничему не удивлялся.

Воспоминания свободно наплывали одно на другое, сменяясь в строгой последовательности... В гуще звездного скопления Амамбаран пряталась скромная планета-мать, где началась долгая эволюция х'харнов. Сперва они не были ни могущественными, ни алчно-агрессивными, а просто — одними из многих, далеко не самыми сильными, умными и изобретательными. Представители соседних рас и народов даже презирали их за слабость и глупость и считали никчемными. Но где теперь эти расы и народы? Погибли, исчезли. Рассеяны, развеяны, уничтожены. И кем?.. Никчемными х'харнами. О, как сладостны чувство превосходства и сознание отмщения!..

Возышение же х'харнов началось с того, что они волей судьбы и случая открыли в себе телепатический дар, способность к мощному, неотразимому мозговому излучению... Они не сразу оценили возможности, которые вели к всемогуществу, и поначалу использовали их для охоты на птиц и зверей... Лишь осознав всю силу своего дара и те перспективы, какие он перед ними распахивал, они принялись развивать его, упорно и методично тренируясь, соединяя браками те особи, у которых уникальные способности проявлялись с особой эффективностью, и путем управляемой селекции создали расу непобедимых телепатов. Правда, все это они сохраняли в глубочайшей тайне до той поры, пока уверенно не почувствовали себя всемогущими.

И когда наконец настал этот великий день, х'харны, дотоле всеми презираемые, воспряли духом и предприняли неотразимые мозговые атаки против тех, кто относился к ним с нескрываемым пренебрежением и измывался над ними, и худо тогда пришлось

их недругам, ненавистным тупицам и зазнайкам — х'харны бес-
пощадно расправились с ними, подавляя их волю, сводя с ума,
превращая в безмозглое стадо, стирая в порошок. О, какая это
была отрада — видеть своих врагов безумными, беснующимися,
терзающими самих себя и друг друга по своему мысленному по-
вслению!.. Какой незабываемый триумф! Золотая легенда народа,
ставшего из жалкого могущественным!..

Нет, победители уничтожили не всех. Многих они сделали своими
рабами, конечно же, наиболее талантливых, знающих: конструкто-
ров, ученых, которые и помогли х'харнам, выполняя их телепати-
ческие указания, создать и построить сверхскоростные космолеты и
изобрести сверхсовременное оружие. Благодаря этому х'харны смог-
ли завоевать другие миры. Так было положено начало победной
эпохе, длившейся до тех пор, пока не были захвачены и покорены
все обитаемые планеты Амамбара.

Но в невообразимых пучинах космоса простирались колоссальные
звездные пространства, в сравнении с которыми Амамбаран был
всего лишь крохотным островком. Бесчисленное население этих
пространств до поры до времени и не подозревало о существовании
х'харнов. Ненасытные, тщеславные, х'харны начали готовиться к
новым грандиозным завоеваниям, построив с помощью рабов мо-
гучую, оснащенную совершеннейшим оружием армаду боевых кос-
мических кораблей.

И однажды эта «славная» армада направилась к Галактике,
народы которой должны были подчиниться новым хозяевам. Это
было непродуманное решение, роковой шаг, постыдная страница
в истории х'харнов. Обитатели Галактики отважились оказать со-
противление великим неуязвимым х'харнам. И разразилась небы-
валая катастрофа. Флот некой Средне-Галактической Империи
пустил в ход оружие, которое разрушало пространство и время и
начисто сокрушило слывшую непобедимой армаду х'харнов — этих,
как считал Гордон, зарвавшихся космических конкистадоров.

Случилось это давным-давно, в незапамятные времена... Но
х'харны не забыли о своем сокрушительном поражении и о тех,
кто нанес его и низвергнул х'харнов в пучину позора. Более того,
они были не из тех, кто способен забывать и прощать. Наглецы
из Средне-Галактической Империи, осмелившись поднять на них
руку, заслуживали жестокой мести и сурового изощренного нака-
зания!.. И х'харны приступили к осуществлению грандиозного плана
отмщения, мобилизовав все свои силы и ресурсы, лучшие умы и
дарования ради воскрешения былого могущества и его существенного
приумножения. Оставалось дожидаться нового звездного часа. И
он вот-вот должен был наступить.

Все, казалось, было сделано во имя его приближения, во
имя нового, и на этот раз полного и окончательного торжества
х'харнов! Их флот, равного которому не было во всей Вселен-
ной, скрытно достиг окраин Галактики и затаился там, сде-

лавшись невидимым. Все-все было тщательно продумано и подготовлено!.. И теперь эти отшлифованные до последних деталей планы могли пойти прахом из-за какого-то ничтожного, невесть откуда явившегося чужака, который сумел выскользнуть из рук всех своих противников и успел подать сигнал тревоги. И вот этот ужасный Разрушитель снова в космосе, поблизости от флота х'харнов, и им грозит полное уничтожение!.. Выход один: как можно скорее разобраться в природе монстра и механизме действия Разрушителя, дабы срочно нейтрализовать его!.. И все бы удалось, если бы... «я» Гордона ощутило, как изумлялось и гневалось «я» Веврила, и на этом слияние прекратилось, контакт разумов разорвался. Гордон вновь был только самим собой, а на него разъяренно пялился пучеглазый х'харн.

— Значит, это правда! — возмущенно прошипел Веврил, обращаясь к двум другим х'харнам. — Эта козявка использовала Разрушителя, действительно ничего не смысля в его устройстве и принципах его действия! Невероятно!.. Но это так, и я зря тратил время и силы на бесполкового человечишку! Да еще такого неподатливого!..

Несмотря на сильное головокружение — следствие слияния, Гордон вспомнил слова Шорр Кана о чрезвычайной глупости х'харнов при всех их неимоверных телепатических способностях. И теперь, после тесного общения с разумом одного из них, считавшегося, наверно, наиболее мудрым, он убедился в правоте прозорливого облачника... Раса, вознамерившаяся покорить Галактику, на поверхку была интеллектуально отсталой и во всем, что не касалось телепатии, заурядной и недалекой. Лишь обладание телепатической мощью, перед которой их противники оказывались беззащитными, позволяло ей господствовать над более развитыми народами. Х'харны прежде внушали Гордону страх и отвращение, но теперь он испытывал лишь лютую ненависть к этим мерзким пиявкам, противным скользким лягушкам, уродливым рептилиям, наделенным необычным даром и возомнившим о себе бог весть что. Он отчетливо понимал, почему в свое время Бренн Бир не остановился перед риском разрушения определенной части пространства — лишь бы покончить раз и навсегда с обнаглевшим, самовлюбленным племенем мерзких выродков.

Когда Гордон окончательно пришел в себя, графские стражники поставили его на ноги. Веврил уже успел облачиться в серый балахон, избавив окружающих от созерцания своей непотребной, вызывающей брезгливость обнаженной плоти. Гордону мнилось, будто его тело, душа и мозг осквернены мысленным контактом с безнравственным чудищем, одержимым манией величия.

Между тем Веврил, указав стражникам на Гордона, властно приказал:

— Этого человека надо немедленно устраниТЬ. Он знает, где спрятан наш флот.

Повинуясь знаку Син Кривера, стражники навели на Гордона атомные ружья. И в этот момент Лианна рывком поднялась и, повернувшись лицом к Нарат Тейну, вскричала:

— Нет! Если он будет убит, я откажусь от церемонии передачи престола!

Син Кривер издевательски захохотал:

— Не смешите нас, принцесса! От вас уже ничего не зависит, так или иначе, а Нарата провозгласят королем Фомальгаута!

Но улыбку с лица Нарата Тейна как ветром сдуло. Он мановением руки остановил стражников и капризно обратился к Син Криверу:

— Нет, я хочу, чтобы все было как положено. Необходимо, чтобы кузина добровольно уступила мне трон перед всем народом. Я долго ждал этого момента. Она должна сама передать мне власть, не то я прослыжу самозванцем.

Его красивое лицо побагровело от возбуждения, глаза метали молнии. Син Кривер повернулся к Веврилу.

— Как видите, эта церемония очень важна для нашего брата Нарата. Придется оставить в живых вашего подопечного.

Гордон не сомневался, что граф мысленно добавил: «...до конца церемонии. А там видно будет».

Веврил не возражал.

— Ладно, будь по-вашему. Но мы должны отправить срочное сообщение нашему флоту.

Он подошел к двум другим х'харнам, и Гордону не стоило труда догадаться о содержании сообщения: мол, имперский флот разыскивает корабли х'харнов, столица Империи осталась без прикрытия, сейчас самый удобный момент внезапно напасть на нее и захватить в заложники императора. Х'харны, выслушав, поклонились ему и неслышной походкой удалились.

Нарат Тейн, взяв за руку Лианну, повел ее так учтиво, будто собирался открыть с ней бал.

— Пойдемте на балкон, кузина. Мой народ ждет.

Лианна с безучастным лицом направилась вместе с Наратом на огромный балкон. Остальные последовали за ними. Лишь Гордон и Шорр Кан остались под бдительной охраной четырех стражников.

На балконе Син Кривер хотел встать рядом с Нарат Тейном, но услышал гневный шепот:

— Это мой триумф. Назад!

Язвительная усмешка проскользнула по губам графа, но он благородно отступил и присоединился к Веврилу и стражникам в глубине балкона.

Нарат Тейн подвел Лианну к балюстраде, и палящее солнце осветило их фигуры. Когда Нарат Тейн приветственно поднял руку, в ответ грянул гром восторженных возгласов. От балконных дверей Гордон, оттесненный стражниками, мог углядеть лишь малую часть необозримой толпы негуманоидов, затопившей площадь перед дворцом. Даже в парке на статуях королей гроздьями висели существа с когтистыми крыльями, издавая пронзительные крики.

Он попытался представить, о чем думала Лианна, глядя на эту обезумевшую толпу, на парк, в котором не было ни одного ее подданного... Где они, жители Хатхира?.. Или мертвые, или укрылись в потайных местах. Бедняги...

Нарат Тейн вновь взмахнул рукой, вызвав еще один взрыв оваций и приветствий. Его распирало от самодовольства и гордости. Свершились его заветные чаяния, он достиг вершины желаемого, всего, чего жаждал и на что притязал. Достиг благодаря фанатичной привязанности и безграничной преданности всех этих ликующих, беснующихся существ, на которых он взирал со смешанным чувством радости, гордости и любви.

Но вот шум стал понемногу стихать, и Нарат Тейн шепнул:
— Слово за вами, кузина!

Лианна, напряженно прямая, как натянутая струна, обращаясь к присмиревшей толпе, произнесла каким-то деревянным голосом, который Гордон едва узнал:

— Я, Лианна, царствующая принцесса Фомальгаута, сим торжественно объявляю, что уступаю трон...

И тут произошло нечто непредвиденное, немыслимое, пока-завшееся Гордону даже сверхъестественным. Речь Лианны была прервана свистом пули. Гордон с изумлением увидел, как валятся на пол Син Кривер и стражники в обугленной, дымящейся одежде, что всегда бывало с теми, в кого попадали атомные пульки. Гордон резко обернулся, и его вспыхнувший радостью взгляд, обежав пустой зал, натолкнулся на фигуры Хелла Беррела и Коркханна. Они продолжали стрелять и уже уложили всех, кто был неподалеку от Нарат Тейна. Лишь Веврил, предупрежденный своей телепатической интуицией, успел в последний момент отскочить в сторону. Нарат Тейн, которому испортили все удовольствие от торжественной и такой вожделенной церемонии, обернулся; лицо его было перекошенным и багровым от гнева.

— Что такое?!

Коркханн, ни секунды не колеблясь, прицелился в новоявленного «короля», и даже тени сострадания и сожаления не мелькнуло в его желтых глазах. Атомная пулька вонзилась Тейну в грудь. Он весь покернел, пошатнулся, как бы отказываясь смириться и с разрывавшей его смертью, и с полным крахом всех своих замыслов и надежд. Каким-то последним

усилием, уже неуверенно, но все так же величественно и горделиво он повернулся обгоревшим лицом к толпе, которая не могла видеть происходящего на балконе, медленно повалился на балюстраду, переломившись надвое, да так и остался висеть, безжизненно и недвижно. Хотя толпа все еще ничего не понимала, но шум прекратился, и воцарилась мертвая тишина.

Коркханн с фанатичным, стеклянным блеском в глазах уже направлял свое ружье на Веврила, когда Гордон крикнул:

— Нет! Пока он здесь, он опасен!.. — и перелетев над дымящимися трупами графских приближенных и стражников, схватил х'харна. Тот оказался необычайно тщедушным и легким. Гордон высоко поднял его, и прежде чем тот опомнился, с силой швырнул вниз, в притихшую, настороженную толпу, которая, не разобравшись в чем дело насмерть его затоптала. За те секунды, пока падало дряблое тело, Гордон все же успел ощутить телепатический удар, но настолько слабый, словно никому конкретно не предназначенный, что сознание его осталось по существу не задетым, и Гордон с облегчением и чуть снисходительно улыбнулся. Вот и подтвердился слух о том, что х'харны отчаянно страшились смерти. Что ж, с самонадеянным Веврилом покончено. Да и вообще одержана решительная победа над врагом!..

Коркханн, так и не выстрелив, опустил ружье, вместе с Гордоном и Беррелом подошел к балюстраде. Внизу все еще стояла напряженная тишина. Подданные в полной растерянности пялились на труп своего повелителя. Голова его покачивалась, длинные волосы развевались под ветром.

Гордон и его друзья понимали: тишина чревата взрывом. И в этот критический момент, когда все вокруг выжидательно замерло и само время, казалось, остановилось, Шорр Кан проявил ту быстроту реакции и спасительную сообразительность, которыми в глубине души всегда восхищался Гордон. Бывший диктатор, чуть перегнувшись через балюстраду и театрально вскинув руки, крикнул в толпу:

— Графы расправились с Нарат Тейном, позавидовав его славе! Отмщение!!!

Геррны, андаксы, каллы и все остальные задрали головы, вслушиваясь в слова Шорр Кана, и только теперь до них дошло, что Нарат Тейн мертв; Нарат, которому они безгранично верили и которого боготворили, за которым, откликнувшись на его призыв, пошли слепо и без раздумий, не жалея жизней. И из тысячи глоток исторгся могучий, оглушительный вопль, полный боли и ярости:

— Смерть графам и их приспешникам!!! Отомстим за Нарата!

Это был всесокрушительный всплеск слепой, неудержимой ненависти, и он обрушился мощным валом прежде всего на

воинов и офицеров со знаками молний на мундирах. Разгневанные негуманоиды со звериным рыком набросились на недавних союзников...

Этот страшный, отчаянный вопль несся над парком, волнами накатывал на город...

Гордон схватил Лианну за руку и увлек за собой, Шорр Кан бросил ему ружье погибшего стражника. Сам он сиял от радости:

— Вы видели? Они не слишком-то догадливы, эти негуманоиды, я не имею в виду вас, Коркханн. Они сразу попались на крючок!

В глубине зала в одной из стен Коркханн открыл потайную дверь, ведущую в сумрачную галерею. Все быстро проскользнули туда. Лианна, только сейчас осознав, что чудом избавилась от позора и смертельной опасности, разрыдалась, но Гордону некогда было ее утешать. Он торопливо сказал Коркханну:

— Необходимо срочно отправить очень важное сообщение.

Коркханн еще не вполне пришел в себя.

— Сообщение — кому?.. баронам? Но от них до сих пор ни слуху ни духу. Вот уж кто верен себе!

— Нет, Зарт Арну. Я знаю, где скрывается армада х'харнов. Надо его предупредить.

Глава VI

По узкому извилистому проходу Коркханн вывел их к широкому коридору.

— Центр связи находится вон за той дверью.

По дороге они никого не встретили, но до них доносился глухой шум. Орды негуманоидов захватили дворец с недвусмысленным намерением перебить всех графских прислужников.

— Нас они тоже прикончат, если найдут. Так что не мешкайте, — поторопил Беррел.

Спустя несколько секунд они уже находились в Центре связи королевского дворца. Там один из графских офицеров пытался, пока безуспешно, связаться с флотом захватчиков. Сзади него стояли двое х'харнов, с которыми совсем недавно разговаривал Веврил. Офицер при виде вошедших поднял руки. Х'харны не успели даже обернуться, как были уничтожены. Гордон направил атомное ружье на дрожащего от страха офицера связи.

— Вы уже передали сообщение Веврила х'харнам?

По лицу офицера градом катился пот. С ужасом глядя на то, что осталось от х'харнов, он едва смог выговорить заплетающимся языком:

— Я как раз и старался это сделать. Но связь прервана. Я пытался ее наладить, но мне требовалось время. Х'харны грозили меня убить, сжечь мой мозг, если я не потороплюсь... но я все равно не смог...

Вот и еще пример ограниченности х'харнов, подумал Гордон, они используют живые существа, как роботов, и если те не повинуются, немедленно расправляются с ними, себе же во вред.

— Беррел, — позвал он, — вы уже устанавливали контакт с Империей. Попробуйте связаться с имперской флотилией.

Беррел тотчас принялся за дело. Между тем шум, доносившийся с верхнего этажа дворца, становился все явственней. Шорр Кан закрыл двери на все запоры.

— Они вот-вот будут здесь, — сказал он. — Хелту надо спешить.

Пока Беррел пытался связаться с Зарт Арном, Гордон не отрывал взгляда от дверей. Телестереосвязь не работала, но вскоре удалось наладить радиосвязь и связаться с флотилией по стереофону, и в динамиках послышались голоса офицеров флота, а затем и самого Зарт Арна. Гордон тут же сообщил ему, где прячется флот х'харнов: «На дальней окраине Галактики, известной под названием «Шпора Вела». Кстати, у х'харнов новая система антирадарной защиты».

В своем донесении он постарался не упустить ни малейшей подробности из тех, что стали ему известны во время слияния с Веврилом. Обсудив кое-какие детали обрушившихся на них событий, Гордон заключил:

— Это все, что я могу сейчас доложить. Не знаю, достаточно ли этого, чтобы обнаружить их...

— Не так уж мало, — успокоил его Зарт Арн. — И можешь быть уверен, я сделаю все, что в моих силах!

На этом контакт оборвался. Наступила тишина. Лианна и все присутствующие молчали. Все дальнейшее зависело уже не от них.

Гордон подошел к принцессе и взял ее за руки. В коридоре послышались шум, цоканье копыт, топот ног, клацанье зубов и скрежет когтей по обшивке стен.

— Мне кажется, — усмехнулся Шорр Кан, — приближается неотвратимый час нашей героической гибели. Ладно. По крайней мере Син Кривер получил свое. Я мог бы простить ему подлость и коварство, но — боже мой! — каким же он был занудой! Удавиться можно!

Внезапно во дворец проник новый звук, такой низкий, что заставил вибрировать дворцовые стены. Постепенно он затих.

Глаза Шорр Кана сверкнули.

— Это тяжелый крейсер! Черт меня побери, если я ошибаюсь!

Над дворцом, сотрясая его, пророкотал второй корабль, затем третий.

На стене вспыхнул один из телестереоэкранов, и появилось изображение военного с суровыми чертами лица и пронизывающим взглядом. На его фуражке поблескивала эмблема Скопления Геркулеса. Барон Зу Ризаль, заметив принцессу, обратился непосредственно к ней:

— Ваше Высочество, рад видеть вас целой и невредимой!

Шорр Кан демонстративно повернулся спиной к экрану, что нисколько не удивило Гордона. А Коркханн явственно заметил, не заботясь о том, слышит ли его барон:

— Удивительная все-таки способность: до последней минуты занимать выжидательную позицию и являться, чтобы делить лавры победы...

Барон, как ни в чем не бывало, продолжал:

— Мы разгромили графскую флотилию близ Остринаса, и наши корабли, как и остатки флота Фомальгаута, пролетают сейчас над столицей. Нам видно, что город наводнен ордами Нарат Тейна... Должны ли мы их уничтожить?

— Нет, подождите, — осадила его Лианна. — Нарат и Син Кривер мертвы, и я думаю...

Коркханн выступил вперед и сказал ей что-то на ухо. Она согласно кивнула и закончила свою мысль:

— Так вот, я думаю, все эти орды в ближайшее же время сдадутся и отправятся на свои планеты. Коркханн попытается объяснить им, что в противном случае они будут уничтожены.

— Как вам угодно, — сдержанно ответил барон. — Мы будем патрулировать над городом в ожидании ваших дальнейших распоряжений.

Изображение на экране исчезло.

Царившую во дворце тишину нарушил лишь отдаленный гул пролетавших тяжелых кораблей. Едва появился первый корабль, как орды негуманоидов покинули дворец, опасаясь оказаться в ловушке. Да и парк вроде опустел, судя по распространившемуся безмолвию.

Коркханн попросил Беррела:

— Передайте всем оставшимся в живых капитанам транспортов графского флота, чтобы те готовились к переброске войск Нарат Тейна назад к Границам Внешнего Космоса.

Уже выходя из зала, Коркханн обернулся.

— Да, Ваше Высочество, еще одно известие. Печальное. Абро погиб, защищая дворец.

Хоть Гордон и недолюбливал погибшего, но сейчас разделил с Лианной чувство сожаления.

Беррелу удалось восстановить телесвязь с имперским флотом; лицо его выражало огорчение и озабоченность:

— Пока ничего нового. И, боюсь, это может продлиться довольно долго.

Может, даже слишком долго, мысленно согласился с ним Гордон. Ведь х'харны — могучий противник, нельзя их недооценивать. Как бы они не воспользовались тем, что их корабли невидимы, и не нанесли упреждающий удар по крейсеру, на котором находятся Зарт Арн и Разрушитель. И тогда...

Он постарался отогнать от себя эту страшную мысль. Дай бог, этого не случится — ведь и Зарт Арн начеку. И недаром Веврил так опасался каких-то новинок в оснащении имперского флота...

Томительно-медленно тянулось время. Мощные крейсеры барражировали над городом, обеспечивая его безопасность. Лианна, Гордон и Беррел терпеливо ждали развития событий, ничего другого им не оставалось. Но от Гордона не укрылось, что Шорр Кан потихоньку покинул зал.

В это время на окраинах Галактики развернулось нечто непредставимое. Имперский флот под командованием Зарт Арна незаметно приблизился к Шпоре Вела, и принц первыми же пучками прозрачных лучей невиданной энергетической моли Разрушителя, целясь, казалось бы, в полную пустоту, смел, уничтожил не только армаду х'харнов со всеми источниками, которые придавали ей невидимость, не позволив улепетнуть ни одному вражескому кораблю, но и деформировал саму совокупность пространства и времени. Всё впереди и вокруг ломалось, рушилось, судорожно корчилось; звезды беспорядочно метались, теряя планеты, которые срывались со своих орбит и уносились за пределы Галактики или просто пропадали, таяли в непроницаемой, агонизирующей черноте. По счастью, дело не зашло слишком далеко. Космическая катастрофа носила и на этот раз все-таки ограниченный характер.

Но обо всем этом Гордон узнал позднее. Пока же они ждали известий от Зарт Арна, и Гордон вздохнул с облегчением, услышав наконец голос принца и увидев его усталое лицо на одном из экранов дальней телесвязи.

— Все конечно. Мы возвращаемся на Троон. От военной моли х'харнов не осталось и следа. Не удалось спастись и удрать ни одному из кораблей-призраков.

Зарт Арна слушали с напряженным вниманием, боясь пропустить хоть слово. Сами слушатели словно утратили дар речи, и лишь Гордон тихо воскликнул с глубоким удовлетворением:

— Слава богу! Им крышка!

Он не испытывал ни малейшего сострадания к поверженным х'харнам; слишком много узнал во время слияния с Веврилом, о чем вспоминал с душевным трепетом и неодолимым омерзением.

— Больше они, надеюсь, не посмеют сунуться в Галактику, — снова заговорил Зарт Арн. — И все же мы не успокоимся, пока не положим конец их господству во всех обитаемых мирах, захваченных ими. Для этого мы собираем силы всех Звездных королевств. Причем постараемся обойтись без крайних мер. Джон!

— Да, я слушаю!

— Когда-то ты говорил, что был потрясен действием Разрушителя. Но хоть я тогда знал природу скрытых в Разрушителе сил и принцип их высвобождения, но сам-то практически не применял его, и мне трудно было представить... в общем, я надеюсь, что никому и никогда больше не придется им воспользоваться.

Когда разговор с принцем закончился, все молча переглянулись, слишком опустошенные, слишком вымотанные всем пережитым, чтобы что-то чувствовать да еще обмениваться впечатлениями. Облегчение, безудержная радость, сознание триумфа добра и справедливости, идеалов, каким был предан народ Фомальгаута, благодарность тем, кто сыграл в деле победы решающую роль, — все это придет позднее, пока же всех переполняло чувство: мы живы, и живет надежда на мирное процветание Фомальгаута.

Они вышли из зала с Лианной во главе и, оставив позади опустевшие коридоры дворца, вновь оказались на балконе, выходящем в парк. Нестерпимый блеск солнечных лучей обжег им глаза. Приближался вечер, и заходящее солнце освещало безрадостную картину недавней битвы: разоренный парк, сгоревшие дома вдоль улиц, по которым поспешили откатывались орды негуманоидов, направляясь к равнине, где их поджидали транспортные средства.

Глядя на превращенный в руины город, в котором то здесь, то там еще тянулись к небу колеблющиеся спирали дыма, Лианна крепко сжала руку Гордона и горячо прошептала:

— Вот увидите, город возродится к новой жизни!.. Люди вернутся к родным очагам, и мы общими усилиями отстроим его! Все наши жертвы и разрушения не такая уж дорогая плата за победу над х'харнами, правда?

За ее спиной кто-то деликатно кашлянул, давая знать о своем присутствии. Конечно же, это вернулся Шорр Кан! Не обращая внимания на недовольную мину, которую скорчил Беррел, он проговорил, как всегда, чуть насмешливо:

— Ваше Высочество, я счастлив, что события приняли такой благоприятный для всех нас оборот. Признайтесь, ведь и я внес скромный вклад в общее дело победы...

— Согласна, ваша находчивость во время гибели Нарата выручила нас всех, — скрепя сердце признала Лианна.

— Надеюсь, не был излишним и мой прогноз насчет планов Нарата и графов? — щурясь, добавил Шорр Кан. — И то, что я не раз вызволял из беды Джона и Хелла, тоже ведь не пустяк?..

— Никто и не оспаривает ваших заслуг! — начала уже раздражаться Лианна. — Только с чего это вы так набиваете себе цену? Вам что-нибудь нужно от меня?

Шорр Кан с улыбкой посмотрел на нее и доверительно произнес:

— Вы угадали, я хотел бы попросить вас об одной милости, не такой уж большой. Видите ли, я питаю недоверие к баронам, они совершенно лишены чувства юмора в отличие от вас или Джона. И если я попадусь им в руки, а они сейчас чувствуют себя хозяевами положения, то, боюсь, они не станут со мной церемониться и, того гляди, накинут веревку на шею. А она у меня нежная... У меня есть основания опасаться и Джала Арна. Как знать, может, он еще продолжает думать, будто я причастен к убийству его отца, хотя я тут ни при чем! Все это на совести Чена Корбуло, этого интригана и тупицы! Но окажись я во власти Джала Арна, мне было бы трудно все это объяснить и убедить его в моей полной невиновности!..

Лианна глядела на него с холодной ironией.

— Да, вы в сложном положении, и я прекрасно вас понимаю. Так какой же милости ждете вы от меня?..

— Небольшой, повторяю, небольшой. Вам она ничего не стоит.

— Ближе к делу, Шорр Кан!

— Сейчас, Ваше Высочество!.. Джон и Хелл должны помнить, как я управился с Обд Доллом и его командой на корабле, который доставил нас сюда...

— Я слышала об этом. И насколько мне известно, Обд Долл и его люди сейчас в дворцовой тюрьме.

— К счастью для этих узников, иначе взбесившиеся твари добрались бы до них... Но крейсер Обд Долла по-прежнему находится на одной из площадок королевского космопорта. Я успел убедиться, что он в приличном состоянии и в любую минуту может взлететь...

— Не понимаю, куда вы клоните.

— Я переговорил с Обд Доллом и его подчиненными. Всех их тошнит от той заварушки, какую затеяли Син Кривер и его шайка, по вине которых они и угодили за решетку. И единственное, чего они жаждут всей душой, это вернуться к себе и начать новую спокойную жизнь без интриг и заговоров, мирную, вольную и счастливую.

— И, как я понимаю, — вмешался Гордон, — под вашим мудрым руководством?..

— А почему бы и нет?.. — миролюбиво отозвался Шорр Кан. — Эти люди далеки от подозрений относительно меня и вовсе не считают, будто это я упрятал их в темницу. Более того, они обо мне весьма высокого мнения. Да-да, не улыбайтесь, я для них как раз тот вождь, правитель, какой им нужен, чтобы навести порядок в их мире. Они верят мне, готовы носить меня на руках и не сомневаются, что нам удастся повести за собой и весь народ...

У Лианны вырвался невольный смешок, но она овладела собой.

— Продолжайте, продолжайте. Я вас слушаю.

— Так вот, та милость, о которой я прошу, заключается в малом: дать мне возможность благополучно отбыть вместе с Обд Доллом и его людьми на их корабле, настоятельно попросив баронов, — не называя моего имени, конечно, — беспрепятственно пропустить нас и не чинить помех в дороге.

— Чтобы вы снова начали мутить воду, теперь уже на Границах Внешнего Космоса? — не сдержалась Лианна.

— Клянусь, Ваше Высочество, — потупив взор, торжественно произнес Шорр Кан, — с этим покончено раз и навсегда. Я теперь старый и мудрый, наученный горьким опытом. И мне ничего не нужно, кроме какого-нибудь захудалого владения, где я смог бы спокойно скоротать свои дни.

— О боже! — воскликнул Гордон. — Перестаньте, не то мы все зарыдаем от умиления!

— Мне думается, — сухо сказала Лианна, — что в ближайшем будущем вы наверняка окажетесь во главе какого-нибудь заговора на Границах и что всю оставшуюся жизнь я буду раскаиваться в поступке, который собираюсь совершить. Но я — королевского рода, и не в моих правилах быть должностной. И если уж я на что решилась, я это сделаю. Забирайте из тюрьмы своих новых приближенных — и счастливого вам пути!

Шорр Кан, благодарно поклонившись, почтительно поцеловал ей руку. Уже покидая балкон, он заметил, как хмурится Беррел, и подошел к нему.

— Знаю-знаю, мой дорогой друг, как тяжелы минуты расставания, — Шорр Кан горячо потряс ему руку. — Но крепитесь! И сдержите слезы, они приличествуют лишь женщинам. Конечно же, Ее Высочество не в счет!

Щелкнув каблуками сапог, он отвесил общий поклон и удалился с удовлетворенным и независимым видом.

Повернувшись к Лианне, Гордон с удивлением увидел на ее губах легкую усмешку.

— Только сейчас я поняла, Джон, что притягивало вас в этом дьяволе... В жизни так редко встречается совершенство — не важно, в какой сфере и какого рода... Шорр Кан как раз и является собой

пример совершенства: это законченный и первостатейный плут, наисовершеннейший каналъя!

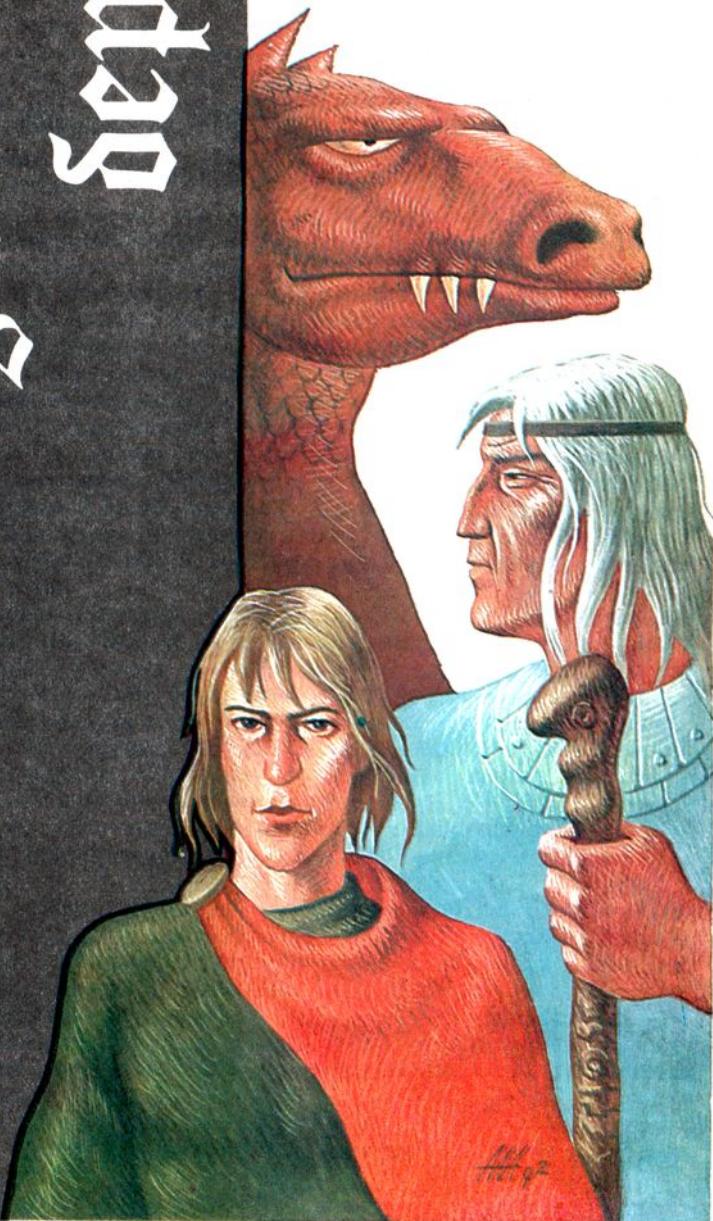
Некоторое время спустя один из небольших космических крейсеров стартовал с взлетной площадки столичного космопорта, свечой взмыв в небо.

Наступил вечер, и белое солнце Фомальгаута скрылось за горизонтом.

Лианна и Гордон в сгущающихся сумерках стояли на дворцовом балконе, любуясь умиротворяющим зрелищем заката... Они рады были наконец-то остаться наедине. Им было о чем поговорить.

Сәмбүлүң ғанелкүү Шеңең

УРСУЛА
ЛЕ ГУИН



Перевод с англ. Елены Солодуховой

Редактор Ирина Гончарова

1. ПОД РЯБИНОЙ

Сквозь молодые листья рябин и вязов светило мартовское солнце. Струя воды из фонтана рвала вверх и падала, то сверкая на солнце, то исчезая в тени. Четыре высокие каменные стены окружали внутренний двор. За ними находились комнаты и залы, переходы, коридоры, башни и, наконец, мощные внешние стены Большого Дома на Роуке. Эти стены, сложенные из камня, выдержали бы любое нападение или стихийное бедствие, ибо были укреплены волшебными словами. Роук — Остров Мудрецов. Здесь обучаются искусству волшебства. А Большой Дом — школа волшебников, центр изучения колдовских наук. Сердце Дома — этот маленький внутренний двор, скрытый высокими стенами. Здесь, в окружении деревьев играет фонтан. А сверху льет дождь, светит солнце или звезды.

Ближе всех к фонтану росла большая рябина. Ее мощные корни поднимали мраморные плиты, которыми был выложен двор. Кое-где плиты растрескались, и трещины поросли ярко-зеленым мхом. Зеленые прожилки тянулись к лужайке перед фонтаном. На одной из мраморных плит сидел мальчик. Взгляд его следил за падающей струей в центре фонтана. Это был уже почти юноша, стройный и богато одетый. Его тонкое лицо казалось отлитым из золотистой бронзы; такими спокойными и благородными были его черты.

Позади него под деревьями на другом конце маленькой лужайки стоял человек. А, может быть, это была лишь игра дрожащих теней и теплого света. Трудно сказать. Нет, все-таки это был человек, мужчина в белой одежде. Он стоял неподвижно. Мальчик наблюдал за фонтаном, а человек наблюдал за мальчиком. Вокруг было совсем тихо: ни звука, ни движения, кроме шелеста листьев и журчания воды.

Человек шагнул вперед. Ветер пошевелил молодые листья рябины. Мальчик вскочил на ноги. Он повернулся к мужчине, и его гибкая фигурка согнулась в поклоне.

Перед ним стоял сам Верховный Маг. Это был крепкий коренастый человек в белом плаще с капюшоном, опущенным на плечи. Держался он очень прямо. На темном лице с красноватым отливом белели старые шрамы. Орлиный нос и грозный взгляд придавали ему суровость. Но голос звучал ласково.

— Приятно сидеть здесь у фонтана, — сказал человек, как будто предупреждая извинения мальчика. — Ты приехал издалека. Ты устал. Садись.

Встав на колени на белый мраморный бортик бассейна, он подставил руку под сверкающие капли, падавшие из верхней чаши фонтана. Вода струилась между его пальцев. Мальчик снова сел на плиту. Они немного помолчали.

— Ты сын правителя Энлада, — сказал Верховный Маг, — и наследник княжества Морред, самого древнего и прекрасного княжества на всем Архипелаге. Я видел сады Энлада весной и золотые крыши Берилы... Как тебя зовут?

— Аррен.

— Это на вашем диалекте. А что означает твое имя на общем языке Архипелага?

— Меч, — ответил мальчик.

Верховный Маг кивнул. Они снова замолчали, а потом мальчик сказал вежливо, но без робости:

— Я думал, Верховный Маг знает все языки.

Мужчина покачал головой, глядя на фонтан.

— И все имена...

— Все имена? Только Сегой, сказавший Первое Слово и поднявший острова из морских глубин, знал все имена.

Он посмотрел на Аррена своими ясными грозными глазами.

— Будь уверен, если бы мне понадобилось узнать твое настоящее имя, я бы его узнал. Но в этом нет необходимости. Я буду называть тебя Аррен. А я Ястреб. Расскажи мне, как ты доехал.

— Я плыл очень долго.

— Что, не было попутного ветра?

— Был попутный ветер, только я привез плохие новости, господин Ястреб.

— Тогда расскажи мне об этом, — серьезно сказал Верховный Маг.

Так всегда говорят взрослые, когда уступают просьбе ребенка.

Пока Аррен говорил, мужчина смотрел на занавес хрустальных капель, падавших из верхней чаши в нижнюю. Казалось, слушая мальчика, он слышит гораздо больше, чем тот говорит.

— Вы знаете, господин Ястреб, мой отец, правитель Энлада, сам волшебник. Он происходит из рода Морреда. В юности он провел один год здесь, на Роуке. Он довольно сильный волшебник и хорошо знает колдовские науки. Но он редко пользуется своими знаниями, потому что в основном занят вопросами управления, делами городов и торговлей. Наши корабли ходят на запад, даже в далекую Западную провинцию. Они торгуют сапфирами, бычьими шкурами и оловом. В начале этой зимы один капитан вернулся в Берилу из плавания. Он рассказывал в городе историю, которая дошла до моего отца. Отец послал за тем человеком, чтобы услышать все от него самого.

Мальчик говорил быстро и уверенно. Его воспитанием занимались образованные люди, хорошо знавшие придворный этикет. И в нем не было застенчивости, свойственной ранней юности.

— Так вот, капитан рассказал, что на острове Нарведуэн, в пятистах милях к западу от Энлада, волшебные силы больше не действуют. Заклинания бессильны, сказал он, а волшебные слова забыты. Тогда отец спросил его, не уехали ли с острова все колдуны и колдуньи. Капитан ответил: «Нет, остались люди, которые раньше были колдунами. Но они больше не произносят заклинаний. Не могут даже починить кастрюлю или найти потерянную иголку». Отец спросил, как к этому относятся жители Нарведуэна, не проявляют ли они недовольства. И капитан ответил: «Нет, похоже, им все равно». Он рассказал, что среди жителей много больных. Осенью был неурожай. А им все равно. Я присутствовал при этом разговоре. Еще он сказал, что там даже здоровые похожи на больных. Как будто им сообщили, что через год они умрут, а они не верят и считают, что будут жить вечно. Они ходят и ничего вокруг не замечают. Потом с острова приехали другие торговцы. Они тоже рассказали, что Нарведуэн обеднел и волшебное искусство утрачено. Но все это были лишь байки о жизни окраин, а им не

всегда можно верить. Однако отец задумался. А затем случилось вот что. На Новый год мы отмечаем у себя на Энладе Праздник Ягнят. Жены пастухов приходят в город и приводят с собой первенцев стада. Отец назначил волшебника Рута произносить на празднике заклинания для увеличения поголовья. Но Рут вернулся в наш замок расстроенный. Он положил посох и сказал: «О мой господин, я не могу произнести заклинания». Отец стал расспрашивать его, в чем дело. Но волшебник только говорил: «Я забыл слова и правила». Тогда отец сам пошел на рыночную площадь и произнес заклинания, завершая празднество. Но вечером, вернувшись в замок, он выглядел печальным и усталым. И сказал мне: «Я произнес слова заклинаний, но не уверен, что они что-нибудь значат». И в самом деле, весной пришла беда. Овцы умирали при родах, многие ягнята родились мертвыми, а некоторые... с уродствами.

Плавная и быстрая речь мальчика прервалась. На последнем слове он вздрогнул и сглотнул.

— Я видел нескольких таких ягнят.

Он немного помолчал.

— Отец считает, что это несчастье и история Нарведуэна связаны между собой. Значит, в наших краях действуют какие-то злые силы. Поэтому он просит совета Мудрецов.

— Он послал тебя сюда, следовательно, дело не терпит отлагательства. Ведь ты его единственный сын. А путь с Энлада на Роук не близок. Что еще ты хочешь сообщить?

— Еще старухи в горах рассказывают странные вещи.

— Что же говорят старухи?

— Что все гадалки читают в дыму и на воде дурные предзнаменования. А приворотное зелье не действует. Хотя, конечно, эти люди не владеют настоящим волшебством.

— Гадание и приворотное зелье действительно чепуха, но старух стоит послушать. Ну что же, Магистры Роука обсудят все, что ты поведал. Но я не знаю, Аррен, какой совет они смогут дать твоему отцу. Ведь не только с Энлада приходят подобные вести.

Путешествие Аррена на Роук с севера через Хавнор и Внутреннее море было первым в его жизни. В эти несколько недель он впервые увидел чужие берега. Только сейчас Аррен осознал, как велик Архипелаг, как различны природа и люди его островов. Он понял, что за прекрасными горами Энлада простирается огромный мир, где живут множество людей. И никак не мог привыкнуть к этому.

— А откуда еще?

В его голосе звучала нотка недовольства. Он надеялся немедленно привезти на Энлад ответ Мудрецов.

— Из Южной провинции. А недавно — из Уотхорта, на юге Архипелага. Правда, это всего лишь слухи. Мне трудно сказать наверняка. Этот край давно уже знаменит своими разбойниками и пиратами. Как говорят у нас, услышать торговца с юга значит услышать лжеца. Однако факты совпадают: источники волшебства пересохли.

— Но здесь, на Роуке...

— Здесь на Роуке ничего подобного нет. Здесь мы защищены и от шторма, и от перемен, и от сил зла. Может быть, даже

слишком хорошо защищены. Итак, принц, что вы будете делать теперь?

— Вернусь на Энлад, как только смогу дать отцу более или менее ясный ответ, что это за силы зла и как с ними бороться.

Верховный Маг снова посмотрел на него. На этот раз, несмотря на свое воспитание, Аррен отвел взгляд. Он и сам не мог объяснить, почему. Ведь в темных глазах Мага не было угрозы. Они выражали спокойствие, сочувствие, справедливость.

Перед его отцом преклонялся весь Энлад, и он был сыном своего отца. Так на него еще не смотрел никто. Как будто он не был Арреном, принцем Энлада, сыном правителя Энлада, а просто мальчиком по имени Аррен. Ему не хотелось думать, что он боится встретиться глазами с Верховным Магом. Но тем не менее, дело обстояло именно так. Мальчику казалось, что взгляд Мага раздвигает границы окружающего мира. И теперь не только Энлад перестал для него быть центром мира, но и он сам стал просто маленьким человеком в огромных просторах Архипелага, над которым нависла тьма.

С минуту Аррен сидел, дергая пучки мха из трещин в мраморных плитах. Затем он произнес высоким хрипловатым голосом:

— Я сделаю так, как вы мне прикажете.

За последние два года его голос понизился.

— Ты должен слушаться не моих приказаний, а своего отца.

Маг по-прежнему смотрел на Арена. Мальчик поднял глаза — и забыл о себе. Лишь теперь он по-настоящему увидел великого Волшебника Архипелага, того, кто запечатал Черный Колодец Фундаура, привез из Могил Атуана Кольцо Эрреста-Акбе, возвел стену в Неппе, защитившую город от штормов. Он был и морским волшебником, отлично знавшим все моря от Астоуэла до Селидора. А также единственным из оставшихся в живых повелителей Драконов. И вот он стоит на коленях возле фонтана, невысокий стающий человек с тихим голосом и глазами, глубокими, как вечер.

Аррен быстро встал и почтительно опустился на колени.

— Господин Верховный Маг, — сказал он прерывающимся голосом, — разрешите мне служить Вам!

Вся его самоуверенность исчезла. На щеках выступил румянец, голос дрожал.

На пояссе Аррена висел меч в новеньких кожаных ножнах, расшитых рубинами и золотом. Но сам меч был обычным, с потертой рукояткой из посеребренной бронзы. Он поспешно вытащил меч и протянул его рукояткой вперед Верховному Магу, как вассал своему сеньору.

Но Верховный Маг не коснулся рукоятки меча. Он посмотрел на меч, потом перевел взгляд на Аррена.

— Это твой меч, а не мой, — сказал он. — И ты не слуга никому.

— Но отец сказал, что мне можно остаться на Роукс, пока я не выясню, в чем причина зла. А, может быть, мне и самому удастся немного освоить колдовские науки... Я ничего не умею и не знаю, есть ли у меня способности. Но среди моих предков были маги. Если я смогу быть чем-нибудь полезен вам...

— Прежде чем твои предки стали магами, они были королями, — сказал Верховный Маг.

Он встал, подошел к Аррену бесшумной энергичной походкой, взял его за руку и поднял на ноги.

— Благодарю тебя за твое предложение, хотя сейчас я не приму его. Может быть, позднее, после совета Магистров. Щедрое предложение нельзя беззаботно отклонять. Равно как нельзя отбросить в сторону меч потомка Морреда!.. А теперь иди. Паренек, который привел тебя сюда, покажет, где ты можешь поесть, умыться и отдохнуть. Иди.

И он легонько подтолкнул Арrena в спину. Такой вольности никто себе не позволял. И молодой принц ни от кого бы этого не потерпел. Но прикосновение руки мага было похоже на посвящение в рыцари.

Аррен был подвижным мальчиком. Он с удовольствием играл в различные игры, по праву гордился своими успехами в сложных науках и трудных состязаниях, хорошо усвоил нелегкие правила этикета. Но ни одному занятию он не отдавался полностью. Все давалось мальчику без особого труда. Свои обязанности он выполнял играющи. Но сейчас в его душе проснулись ранее неведомые силы. И пробудила их не игра и не мечта, а грозящая опасность и мужественное лицо со шрамами, мудрый, тихий голос, рука, небрежно лежащая на черном тисовом посохе, где серебром выгравирована Потерянная Руна Королей.

Так люди делают первый шаг по дороге, ведущей из детства: не оборачиваясь, не заглядывая вперед и не раздумывая.

Забыв о придворных манерах, он, не попрощавшись, послушно поспешил к двери, спотыкаясь от смущения. Лицо его сияло. А Верховный Маг смотрел ему вслед.

Некоторое время Гед стоял у фонтана под рябиной. Потом он поднял голову к ясному небу.

— Хороший посланец с плохими новостями, — сказал он вполголоса, как бы обращаясь к фонтану.

Но фонтан продолжал свой собственный серебристый разговор. Верховный Маг послушал журчание воды, а затем направился к другой двери, которую Аррен не заметил. Ее вообще трудно было заметить, даже с близкого расстояния.

— Магистр Привратник, — позвал он.

Появился маленький человечек. О его возрасте судить было сложно. Его следовало бы считать старым, но это определение ему не подходило. Когда он улыбался, на щеках собирались длинные морщины. Его высокое лицо цвета слоновой кости светилось добродой.

— Что случилось, Гед? — спросил он.

Кроме них здесь никого не было, и Привратник без опаски произнес настоящее имя Верховного Мага. Он был одним из восьми, кто знал это имя. Оно было известно также Магистру Географии Роука, Оджиону Молчаливому, волшебнику из Рэ Альби, который много лет назад на Горе Гонт сам нарек Геда так. Знала его и Белая Госпожа Гонта, Тенар, служительница Кольца, деревенский волшебник с острова Иффиши по имени Ветч; жена плотника, которую звали Ярроу, мать троих дочерей, тоже жившая на Иффише. Эта женщина совсем не умела колдовать, зато хорошо разбиралась в других делах. И, наконец, на противоположном конце Архипелага,

на крайнем западе, это имя было известно двум драконам: Орму Эмбару и Калессину.

— Нам надо посовещаться сегодня вечером, — сказал Верховный Маг. — Я зайду к Магистру Правил и пошлю к Курремкармеруку, чтобы он отложил на один вечер свои списки и дал ученикам немного отдохнуть. Пусть придет к нам в любом виде, если не сможет сделать этого лично. Ты скажешь остальным?

— Да, — сказал Привратник, по-доброму улыбнувшись, и исчез.

Верховный Маг тоже исчез. А фонтан по-прежнему вел свой бесконечный разговор, искрясь в лучах весеннего солнца.

К западу от Большого Дома Роука, а иногда вовсе не к западу, а к югу, можно было увидеть Вечную Рощу. Для нее нет места на карте, и тот, кто не знает, как туда пройти, ни за что не найдет дорогу. Но увидеть ее могут даже новички, горожане и фермеры. Она всегда находится на некотором расстоянии. Обычный человек приблизиться к ней не может. В Роще растут высокие деревья. Их листья всегда, даже ранней весной, отливают золотом. Новички, горожане и фермеры считают, что Роща таинственным образом перемещается. Но они ошибаются: Роща стоит на месте. Корни ее деревьев — это корни всего живого. А все остальное вокруг движется.

Гед шел через поле в сторону Рощи. Был полдень. Солнце припекало, поэтому он снял свой белый плащ. На буром склоне холма работал крестьянин. Он заметил Геда и поднял руку в знак приветствия. Гед приветствовал его таким же образом. В воздух взлетели маленькие птички и весело запели. У дороги и по краям пашен росли ярко-красные цветы. Высоко в небе широким полукругом летела большая птица. Гед посмотрел вверх и снова поднял руку. Птица стремительно ринулась вниз. Перья затрепетали на ветру. Гед подставил запястье, и она опустилась, прочно ухватив его руку желтыми когтями. Это был не ястреб-перепелятник, а крупный сокол Роука с белыми и коричневыми полосами. Кормился он рыбой. Сокол иксоша взглянул на Верховного Мага круглым зеленым глазом, а потом защелкал клювом и посмотрел на Геда в упор.

— Бесстрашный, — сказал человек на древнем Языке Созидания, — бесстрашный.

Огромный сокол замахал крыльями, крепко держась за руку мощными когтями и глядя человеку в глаза.

— Лети, брат, лети, бесстрашный.

Вдалеке на склоне холма крестьянин бросил работу и наблюдал за ними. Однажды, прошлой осенью, он видел, как Верховный Маг посадил на запястье дикого сокола и в следующее мгновение исчез, а в небо взмыли две птицы.

Но на этот раз они расстались вполне обычно: птица устремилась в небо, а человек пошел дальше через вспаханное поле.

Он приблизился к тропинке в Вечную Рощу. Она всегда вела прямо, независимо от изменений во времени и пространстве. Вскоре он оказался в тени деревьев.

Необычные стволы некоторых из них походили на древние башни, потемневшие от времени, а корни были подобны подножиям гор. Глядя на них, осознаваешь, что роща действительно неподвижна. Но деревья не были бессмертны. Самые древние из них теряли

листья, кое-где чернели мертвые ветки. Среди великанов росли молодые красавцы с пышными кронами, совсем маленькие деревца и тонкие побеги, высотой с ребенка.

Почва под ногами была мягкой. Перегнившие листья, нападавшие за долгие годы, устилали землю толстым ковром. В роще росли папоротники и другие лесные растения, но деревья были все одного вида. У них не было названия на хардийском языке Архипелага. Под сенью крон пахло свежестью и сырой землей. Воздух был чист, как вода в прозрачном источнике.

Гед встретился с Магистром Правил на поляне, возникшей несколько лет назад после падения огромного дерева. Этот Магистр жил в роще и почти никогда ее не покидал. Он родился за пределами Архипелага. После возвращения кольца Эррета-Акбе варварские племена Каргада прекратили свои набеги на Архипелаг и стали вести мирную торговлю с Внутренними Островами. Нельзя сказать, чтобы они были дружелюбно настроены. По большей части они держались отчужденно. Но время от времени какой-нибудь молодой воин или сын купца приезжал на запад в поисках приключений или знаний. Многих привлекало изучение колдовских наук. Одним из таких людей и был Магистр Правил. Десять лет назад дождливым утром этот молодой дикарь с Караго-Ат, вооруженный мечом, в шлеме с красными перьями прибыл на Роук и важно заявил Привратнику на ломаном хардийском языке:

— Я присехать учиться!

И вот Магистр Правил Роука теперь стоял перед Гедом под деревьями, освещенный золотисто-зеленым светом: высокий белокожий человек с длинными желтыми, как масло, волосами и странными зелеными глазами.

Возможно, он тоже знал имя Геда, но никогда не произносил его. Они молча приветствовали друг друга.

— Куда ты смотришь? — спросил Верховный Маг, и Магистр ответил:

— На паука.

На поляне между двумя высокими травинками паук сплел паутину. Ажурный круг висел на тончайших нитях, серебрившихся на солнце. Паук сидел в центре: черный шарик, не больше глазного зрачка.

— Паучиха тоже следует правилам, — произнес Гед, разглядывая искусно сплетенную паутину.

— Что такое зло? — спросил Магистр.

Круглая паутина с черным зрачком в центре напоминала глаз, пристально наблюдающий за ними.

— Это паутина, которую плетем мы, люди, — ответил Гед.

В этой роще не пели птицы. Было совсем тихо. Жарко светило полуденное солнце. Они стояли в центре рощи, окруженные деревьями и тенями.

— Пришли известия из Нарведуэна: то же самое.

— Юг и юго-запад. Север и северо-запад, — задумчиво произнес Магистр Правил, не сводя глаз с круга паутины.

— Мы соберемся здесь сегодня вечером. Это лучшее место для совещания.

— Мне нечего будет посоветовать.

Теперь Магистр правил смотрел на Геда холодными зелеными глазами.

— Я боюсь, — сказал он. — В корнях деревьев затаился страх.

— Да, — сказал Гед. — Я думаю, нам надо вернуться к истокам. Слишком долго мы грелись на солнышке, слишком долго радовались покою, который принесло с собой соединенное кольцо. Мы занимались пустяками, ловили рыбку на мелководье. Сегодня нам придется заглянуть в глубину.

И он оставил Магистра в Роще. Тот по-прежнему стоял на освещенной солнцем поляне, глядя на паука.

На опушке, там, где тень огромных деревьев ложилась на землю, Гед сел, прислонившись спиной к могучему корню и положив посох на колени. Он прикрыл глаза, как будто собирался отдохнуть, и отправил свой дух над холмами и полями Роука на север, на омываемый бурным морем мыс, туда, где стоит Одинокая Башня.

— Курремкармеррук, — сказал дух, и Магистр Географии, высокий худой старик, поднял глаза от книги.

Это была толстая книга с названиями корней, трав, листьев, семян и лепестков. Он читал ее своим ученикам. Седая голова учителя была покрыта темным капюшоном.

— Я здесь, господин Верховный Маг, — спокойно произнес он.

Учитель слушал сообщение духа, а ученики, сидевшие за партами, переглядывались.

— Я приду, — сказал Курремкармеррук и снова склонил голову над книгой:

— Лепесток цветка дикого чеснока называется ислебера, а чашелистик — партонат, есть названия у стебля, листьев и у корня...

Верховный Маг Гед, который давним-давно уже выучил название всех частей дикого чеснока, отозвал своего духа и сел поудобнее. Его глаза по-прежнему были закрыты. Под шелест прогретых солнцем листьев он постепенно погрузился в сон.

2. МАГИСТРЫ РОУКА

В школе на Роуке учатся мальчики, имеющие задатки волшебников. Их направляют сюда со всех островов Архипелага для постижения высших колдовских наук. Здесь они совершенствуются в искусстве волшебства, изучают истинные названия предметов, руны, приобретают практические навыки, учат заклинания, узнают, чего нельзя делать и почему. И затем, после продолжительной практики, если их руки, ум и душа отвечают высоким требованиям учителей, им присваивают звание волшебника и вручают волшебный посох. Только из школы на Роуке выходят настоящие волшебники. На каждом острове обязательно есть колдун или колдунья, а волшебство необходимо людям, как воздух, поэтому Школа Волшебников пользуется большим почетом. Девять магистров, учителей Школы, считаются равными великим королям Архипелага. Их возглавляет Верховный Маг, который не подчиняется никому, кроме Короля Всех Островов, и только в том случае, если он, по велению своего сердца, присягает королю на верность. Но даже король не может заставить мага такого ранга служить обществу против его воли. Однако и в те века, когда королей на Архипелаге не было, Верховные Маги хранили верность интересам народа и служили

общим целям. На Роуке все было так же, как и много сотен лет назад. Казалось, это место защищено от любых бед. В широких холодных коридорах Большого Дома и в гулких дворах всегда звучал веселый смех мальчиков.

Аррена в его прогулке по школе сопровождал крепкий паренек в плаще, застегнутом на серебряную пряжку. Это означало, что он уже не новичок, а настоящий чародей, который надеется за служить посох. Его звали Вызов.

— Это потому, — объяснял он, — что у моих родителей было шесть дочерей, а седьмой ребенок, как сказал мой отец, — это вызов судьбы.

Он был приятным собеседником, сообразительным и находчивым. В другое время Аррен посмеялся бы его шуткам, но сегодня мысли его были далеко. Он слушал не слишком внимательно. Естественно, это задевало Вызова, и он решил подшутить над рассеянностью гостя. Сначала он рассказывал Аррену всякие небылицы о Школе, потом стал откровенно врать. Но что бы он ни говорил, Аррен неизменно отвечал: «Да, да» или «Понятно». И Вызов решил, что этот принц идиот.

— Разумеется, пищу здесь не готовят, — сказал он, когда они проходили мимо огромной кухни, где сверкали медные котлы, звенели ножи, пропитанный луком воздух разъедал глаза. — Это так, для виду. Мы приходим в трапезную, и там каждый может наколдовать себе любые блюда, все, что захочет. И посуду мыть не надо.

— Понятно, — вежливо ответил Аррен.

— Конечно, новички часто худеют, пока не научатся как следует говорить заклинания. У нас есть один мальчик из Хавнора. Так вот, он все время пытается получить жареных цыплят. Но у него кроме просиной каши ничего не выходит. Правда, вчера ему удалось наколдовать и сущеную треску впридачу.

Вызов уже устал, пытаясь вызвать удивление гостя. Тогда он решил отказаться от своей затеи и замолчал.

— Откуда... с какого острова Верховный Маг? — спросил Аррен, не обращая внимания на великолепную галерею, по которой они шли, на резные стены и сводчатый потолок с изображением Дерева с Тысячей Листьев.

— С Гонта, — ответил Вызов. — Он пас деревенских коз.

Услышав эту обычную и всем известную вещь, мальчик с Энлада обернулся и недоверчиво посмотрел на Вызова.

— Пас деревенских коз?

— Как и большинство гонтийцев, если они только не пираты и не колдуны. Я же не говорю, что он по-прежнему пасет коз!

— Но как же смог козопас стать Верховным Магом?

— Так же, как им мог бы стать принц! Приехал на Роук, превзошел всех Магистров, выкрад Колыцо из Атуана, побывал на Острове Драконов, стал величайшим волшебником после Эррета-Акбе — вот как он стал Верховным Магом!

Мальчики вышли из галереи через северную дверь. Над вспаханными склонами, над крышами Туила и над заливом светило теплосе полуденное солнце. Они остановились и продолжили разговор.

— Конечно, все это было давно. С тех пор, как его выбрали Верховным Магом, он мало что сделал. Обычная история. Они

просто сидят на Роуке и, по-видимому, наблюдают за Равновесием. Да и стар он уже.

— Стар? А сколько же ему лет?

— Ну, сорок—сорок пять.

— А ты его видел?

— Конечно, видел, — раздраженно ответил Вызов.

Этот принц-дурак еще и задается.

— Часто?

— Нет. Он редко появляется на людях. Но когда я приехал на Роук, то сразу встретился с ним у фонтана.

— Я разговаривал с ним сегодня, — сказал Аррен.

В голосе его звучало глубокое уважение.

Вызов взглянул на него и рассказал о своей встрече с Верховным Магом.

— Это было три года тому назад. Я тогда так испугался, что боялся даже смотреть в его сторону. Конечно, тогда я был еще маленький. Но в тени не так-то легко разглядеть человека. Лучше всего я запомнил его голос и еще шум воды.

Немного погодя он добавил:

— У него гонтийский акцент.

— Если бы я мог говорить с драконами на их языке, — сказал Аррен, — мне было бы наплевать, какой у меня акцент.

Вызов кивнул в знак согласия и спросил:

— Вы приехали сюда, чтобы поступить в школу, принц?

— Нет. Я привез известие Верховному Магу от моего отца.

— Энлад — это кажется, одно из королевских владений?

— Энлад, Илиен и Уэй. Хавнор и Эа тоже когда-то были королевскими владениями, но на этих островах не осталось живых потомков королей. На Илиене сейчас живут потомки Гемаля Морского и Махариона. На Уэе — потомки Акамбара и рода Шилиет. В самом древнем владении, Энладе, — потомки Морреда, его сына Шерриада и рода Энлад.

Аррен задумчиво перечислял имена древних родов, как ученый, который может говорить о своем предмете, думая при этом о посторонних вещах.

— Как вы думаете, будет ли в Хавноре король?

— Никогда об этом не думал.

— Я родом из Арка. Там люди много об этом говорят. Мы теперь часть владения Илиен. Ну, знаешь, с тех пор, как был заключен мир. Сколько уже прошло лет с тех пор, как Кольцо с Королевской Руной вернулось в Башню Королей в Хавноре? Семнадцать или восемнадцать? Тогда жизнь как будто наладилась, а теперь дела обстоят еще хуже, чем раньше. Настало время, чтобы на трон Архипелага сел король, чтобы он владел Знаком Мира. Люди устали от войн и набегов. Купцы обирают народ, принцы заставляют платить непосильную дань. Порядка нет. Роук указывает путь, но править он не может. За Равновесием следят здесь, но власть должна находиться в руках короля.

Вызов говорил увлеченно, отбросив шутки в сторону. Наконец ему удалось завладеть вниманием Аррена.

— Энлад — богатый и мирный остров, — медленно произнес Вызов. — Он никогда не участвовал в этих раздорах. Но приходят

тревожные вести с других островов. На троне Хавнора уже восемьсот лет нет короля, с тех пор как умер Махарион. Примут ли теперь короля на островах?

— Примут, если он принесет островам мир и могущество и если его признают Роук и Хавнор.

— И ведь еще должно сбыться пророчество, да? Махарион сказал, что следующий король должен быть магом. Магистр Заклинаний родом с Хавнора и его очень волнует этот вопрос. Он уже три года вбивает нам в голову эти слова. Махарион сказал: «Мой трон унаследует тот, кто живым пройдет через темные земли и достигнет дальних берегов дня».

— То есть маг.

— Да. Ведь только волшебник или маг может ходить среди мертвых по темным землям и возвращаться назад. Говорят, у темных земель только одна граница, а с другой стороны они бесконечны. Тогда что такое «дальние берега дня»? Как бы то ни было, таково предсказание Последнего Короля. Настанет день, когда родится тот, кому суждено его выполнить. Его признает Роук. Новый король соберет вокруг себя флоты, армии и народы. В Башне Королей в Хавноре снова воцарится королевская власть. Я бы приветствовал такую власть. Я бы служил настоящему королю всем сердцем и употребил бы на это всю свою волшебную силу, — сказал Вызов, а потом засмеялся и пожал плечами, чтобы Аррен не заподозрил его в излишней чувствительности.

Но Аррен смотрел на него вполне доброжелательно и думал: «Он будет так же преклоняться перед королем, как я преклоняюсь перед Верховным Магом», — а вслух он произнес:

— Королю понадобятся такие люди, как ты.

Они стояли рядом. Каждый думал о своем и в то же время чувствовал присутствие товарища. Сзади в Большом Доме мелодично пробил гонг.

— Так! — сказал Вызов. — Сегодня на ужин чечевица и луковый суп.

— Мне казалось, ты говорил, что на кухне не готовят, — задумчиво произнес Аррен, следя за ним.

— Бывает, по ошибке...

Однако скитный ужин был приготовлен без помощи колдовства. После еды они гуляли по полям в мягким синем свете сумерек.

— Вот Холм Роук, — сказал Вызов.

Мальчики пошли вверх по склону холма с окружной вершиной. Они ступали по мокрой от росы траве. А снизу, с заболоченного берега Туйлбериа, доносился хор маленьких лягушек, радующихся первому теплу и убывающим звездным ночам.

Эта земля была окутана тайной. Вызов тихо произнес:

— Этот холм первым поднялся из моря в те времена, когда было сказано первое слово.

— И он последним погрузится в бездну, когда все вокруг исчезнет, — добавил Аррен.

— Так что место вполне безопасное, — сказал Вызов, переходя на шутливый тон, но тут же вскрикнул голосом, полным благоговейного страха: — Смотри! Роща!

К югу от Холма виднелось огромное светящееся пятно, как будто там восходила луна. Но луны не было. Тонкий месяц уже садился за вершиной холма. Пятно трепетало, как листья на ветру.

— Что это?

— Роща светится. Наверное, там собирались Магистры. Говорят, пять лет тому назад, когда выбирали Верховного Мага, она тоже светилась лунным светом. Но зачем же они собирались сейчас? Может быть, они обсуждают вести, которые ты привез?

— Может быть, — согласился Аррен.

Вызов не на шутку развелновался. Ему не терпелось вернуться в Большой Дом и поскорее узнать, что говорят о пророчестве Магистров. Аррен пошел за ним, но все время оглядывался назад, на это странное свечение, пока оно не скрылось за склоном холма. Теперь дорогу им освещал лишь свет весенних звезд и молодой месяц на западном небосклоне.

Аррен лежал с открытыми глазами в темной каменной келье, служившей ему спальней. Всю свою жизнь он спал в кровати, под мягкими мехами. Даже на двадцативесельной галере, которая привезла его с Энлада, для молодого принца был приготовлен более удобныйnochleg, чем здесь: соломенный тюфяк на каменном полу и потертое войлочное одеяло. Но он ничего этого не замечал.

«Я в центре земли, — думал Аррен. — Магистры совещаются в священной роще. Что же они все-таки сделают? Постараются волшеством восстановить волшество? Может быть, правда, волшество на земле умирает? Интересно, угрожает ли эта опасность Роуку? Я останусь здесь. Не поеду домой. Лучше буду подметать его комнату, чем останусь принцем на Энладе. Разрешит ли он мне стать учеником? А, может быть, теперь здесь не будут учить колдовским наукам, не будут изучать истинные названия вещей? Мой отец обладает даром волшебства, а я — нет. Видимо, волшебство на самом деле умирает. И все же я бы хотел остаться рядом с ним, даже если волшебная сила покинет его. Даже если я никогда его не увижу. Даже если он больше никогда не заговорит со мной».

Воображение рисовало ему новые картины. Он видел перед собой Верховного Мага. Они опять стояли во дворе под рябиной. Но небо было темным, с рябины облестели листья, фонтан молчал. И тогда Аррен сказал:

— Мой господин, буря приближается, но я буду рядом, я буду служить вам.

И Верховный Маг улынулся ему... Но здесь воображение подвело Аррена: он никогда не видел улыбки на темном лице своего кумира.

Утром он проснулся и почувствовал, что еще вчера был ребенком, а сегодня он уже взрослый. Аррен был готов ко всему... Однако вскоре выяснилось, что это не совсем так. Новости застали его врасплох. В дверях стоял ученик Школы Волшебников.

— Верховный Маг хочет видеть вас, принц Аррен, — сказал он.

Ученик помедлил минуту и убежал, прежде чем Аррен успел собраться с мыслями, чтобы ему ответить.

Он спустился из башни по винтовой лестнице и пошел по каменным коридорам к внутреннему двору. Он толком не знал,

куда идти. В одном из коридоров Аррена поджидал стариk. Он улыбался, отчего по его щекам пролегли глубокие морщины. Это был тот самый человек, который вчера встретил Аррена у дверей Большого Дома, когда тот приехал из порта. Тогда стариk потребовал, чтобы Аррен назвал свое настоящее имя, и только потом пропустил его.

— Иди сюда, отрок — позвал Магистр Привратник, не обращавший внимания на титулы. Ему было все равно, кто перед ним: крестьянин или принц.

В комнатах и коридорах этой части здания было пусто и тихо. Их не оживляли звонкие мальчишеские голоса. От каменных стен веяло стариной. Аррен чувствовал силу заклинаний, скреплявших камни. На стенах были вырезаны Руны. Некоторые из них были выложены серебром. Отец научил Аррена хардийским Рунам, но этих он не знал. Иногда ему казалось, что он почти понимает их значение, как будто когда-то он был знаком с ними и теперь их припоминает.

На этот раз Магистр Привратник привел Аррена в длинную комнату с низким потолком. В камине пыпал огонь, отражаясь в блестящем дубовом полу. Сквозь стрельчатые окна в другом конце комнаты проникал серый утренний свет. Перед камином стояла группа мужчин. Когда Аррен вошел, все обернулись к нему. Но он видел только Верховного Мага. Мальчик поклонился и замер в ожидании.

— Это Магистры Роука, Аррен, — объяснил Верховный Маг. — Семь из девяти. Магистр Правил не выходит из своей рощи, а Географ в башне, в тридцати милях отсюда. Они знают, что привело тебя сюда. Господа Магистры, это потомок Морреда.

Эти слова не вызвали у Аррена прилива гордости, скорее страх. Он гордился своим происхождением, но считал себя всего лишь наследным принцем из рода Энлад. Морред, от которого происходил этот род, умер две тысячи лет назад. Его подвиги жили в старинных легендах. Они были далеки от настоящей жизни. У мальчика было такое чувство, будто Верховный Маг назвал его потомком мифа, наследником сновидений.

Аррен не осмеливался поднять глаза. Он стоял и смотрел на подбитый железом посох Верховного Мага. Кровь стучала у него в висках.

— Пойдемте, позавтракаем вместе, — сказал Верховный Маг и пригласил всех к столу, накрытому возле окон.

Там было молоко, кислос пиво, хлеб, свежее масло и сыр. Аррен завтракал в обществе величайших волшебников...

Всю свою жизнь он провел среди знатных людей, землевладельцев, богатых купцов. Они часто приходили во дворец его отца в Бериле. Эти люди владели большими богатствами. Они много покупали и много продавали. Они сытно и вкусно ели, пили вино, громко разговаривали. Они много спорили, льстили своему господину, как правило, что-то искали для себя. Несмотря на свой юный возраст, Аррен неплохо разбирался в людях и их слабостях. Но никогда раньше ему не приходилось бывать в таком обществе. За завтраком магистры говорили мало. Их лица были спокойны, и если они чего-то искали, то не для себя. И они обладали огромной властью. Аррен понимал это.

Ястреб, Верховный Маг, сидел во главе стола и прислушивался к разговору. Он молчал, и к нему никто не обращался. Аррену тоже не задавали вопросов, и у него было время освоиться. Слева от него сидел Привратник, а справа — седой человек с добрыми глазами.

— Мы земляки, принц Аррен, — наконец сказал он. — Я родился в восточном Энладе, недалеко от леса Аол.

— Я охотился в том лесу, — ответил Аррен.

Они поговорили о лесах и городах Острова Мифов. Воспоминания о доме согревали Аррена.

После завтрака магистры снова собирались у камина. Некоторые из них сидели, некоторые стояли. Все немного помолчали.

— Вчера вечером мы собирались на совет, — сказал Верховный Маг, — но так ничего и не решили. Теперь, утром, мне хотелось бы услышать, остались ли вы при своем мнении или отказываетесь от него.

— То, что мы ничего не решили, — сказал Магистр Травник, крепкий темнокожий человек со спокойным взглядом, — уже кое о чем говорит. В Роще устанавливают правила, а мы не достигли ничего, кроме разногласий.

— Только потому, что нам не ясно, что произошло, — сказал седой маг с Энлада, Магистр Заклинаний. — У нас мало сведений. Слухи из Уотхорта, вести с Энлада. Странные вести. Надо все хорошоенько обдумать. Но не стоит ударяться в панику из-за таких пустяков. Несколько колдунов забыли заклинания. Это еще не значит, что нашей волшебной силе что-то угрожает.

— И я так считаю, — сказал худой человек с живыми глазами. Разве волшебные силы покинули нас? Разве не растут в Роще деревья и не раскрываются свежие листья? Разве бури не повинуются одному нашему слову? Зачем же нам бояться за искусство волшебства, самое древнее из искусств?

— Ни один человек, — сказал Магистр по Вызованию Духов, высокий молодой человек с низким голосом и темным благородным лицом, — ни один человек, никакая сила не может помешать волшебству и остановить волшебные слова. Это слова Созидания. И тот, кто может их остановить, может разрушить весь мир.

— Да, и тот, кто на это способен, не будет сидеть в Уотхорте или Нарведуэне, — сказал Магистр Превращений. — Он придет сюда, к воротам Роука. Конец света начнется здесь! Но пока до этого еще далеко.

— Что-то здесь не так, — произнес другой Магистр, и все посмотрели в его сторону.

Он сидел у огня, широкий, как дубовый сундук. Его низкий голос звучал убедительно, подобно звуку большого колокола. Это был Магистр Заклинаний.

— Где король, который должен сидеть в Хавноре? Роук — не сердце Архипелага. Центр Архипелага — башня с мечом Эррета-Акбес, в которой стоит трон Шерриада, Акамбара и Махариона. Уже восемьсот лет, как опустело сердце Архипелага. У нас есть корона, но нет короля, чтобы носить ее! У нас есть Потерянная Руна, Королевская Руна, Руна Мира. Она вернулась к нам. Но есть ли у нас мир? Пусть на троне будет король, тогда у нас будет мир. И даже в

дальных провинциях будет процветать волшебное искусство. Везде будет порядок, а каждому делу — свой черед.

— Да, — согласился Магистр Фокусник, неприметный маленький человек с быстрой походкой и ясными проницательными глазами. — Я согласен с вами, Магистр Заклинаний. Неудивительно, что в волшебстве непорядок, если у нас непорядок во всем остальном. Если разбрелось все стадо, останется ли наша черная овца в загоне?

Привратник засмеялся, но промолчал.

— Значит, все вы считаете, — сказал Верховный Маг, — что ничего особенного не происходит. Все зло от того, что нашими островами никто не правит или правит плохо. Вы думаете, от этого увядают сила волшебства и способности человека? В этом я согласен с вами. Почти прекратилась мирная торговля с югом. Нам приходится верить слухам. Да и то у нас фактически только одно известие, из Нарведуэна. Если бы наши корабли, как в старину, ходили взад-вперед между островами, если бы торговля связывала острова Архипелага, мы бы знали, как обстоят дела в самых отдаленных уголках. Тогда мы могли бы действовать. И я считаю, что мы должны действовать! Господа Магистры, если Правитель Энлада говорит нам, что он произнес слова заклинания, но сам не понимал своих слов, если Магистр Правил предупреждает, что в корнях волшебных деревьев затаился страх, разве это не дает нам оснований для беспокойства? Ведь когда начинается буря, мы видим сначала лишь маленькое облачко на горизонте.

— У тебя чутье на силы тьмы, Ястреб, — сказал Привратник. — Ты всегда этим отличался. Так скажи же, в чем дело.

— Не знаю. Сила волшебства слабеет. Тускнеет солнце. Нам не хватает решимости. Мне кажется, господа Магистры, что мы смертельно ранены. Мы сидим здесь и разговариваем, а кровь медленно вытекает из наших жил...

— И ты хочешь этому помешать.

— Да, хочу, — ответил Верховный Маг.

— Ну что ж, — сказал Привратник, — могут ли совы не отпустить ястреба в полет?

— Но куда же вы пойдете? — спросил Магистр Превращений, и Магистр Заклинаний ответил ему:

— Искать короля, чтобы привести его на трон!

Верховный Маг внимательно посмотрел на Магистра Заклинаний и коротко ответил:

— Я пойду туда, где появилось зло.

— На юг или на запад, — сказал Магистр Ветер.

— А если надо, то на север и на восток, — добавил Привратник.

— Но вы нужны здесь, господин Верховный Маг, — возразил Магистр Превращений. — Чем искать наугад среди чужих и злых людей или в незнакомых морях, не разумнее ли вам остаться здесь, где волшебство не потеряло силы? Тогда при помощи своего волшебного дара, может быть, вам удастся выяснить, где кроется зло.

— Мое искусство не поможет мне, — ответил Верховный Маг.

В его голосе было что-то такое, что заставило всех посмотреть на него. Он говорил уверенно, но в глазах застыла боль.

— Я хранитель Роука. И я покидаю его с тяжелым сердцем. Мне бы хотелось, чтобы ваше решение совпадало с моим. Но сейчас

надеяться на это не приходится. Мое решение твердо: я должен ехать.

— Мы все подчиняемся вашему решению, — сказал Магистр по Вызованию Духов.

— Я поеду один. Вы — Совет Мудрецов Роука. Он должен остаться целостным. Но все-таки я возьму с собой одного человека, если он, конечно, согласится.

При этих словах он посмотрел на Арренса.

— Ты предлагал мне свою службу. Вчера вечером Магистр Правил, сказал: «Никто не приезжает на Роук случайно. И не случайно привез эти вести потомок Морреда». За весь вечер он не добавил к этому ни слова. Потому я спрашиваю тебя, Аррен: ты поедешь со мной?

— Да, господин Верховный Маг, — ответил Аррен.

В горле у него пересохло от волнения.

— Принц, ваш отец не отпустил бы вас в такое опасное путешествие, — резко сказал Магистр Превращений и продолжал, обращаясь к Верховному Магу: — Принц слишком молод и не обучен искусству колдовства.

— У меня хватит возраста и знаний на нас обоих, — сухо ответил Ястреб. — Аррен, как относится к этому твой отец?

— Он бы разрешил мне поехать.

— Почему вы так думаете? — спросил Магистр по Вызованию Духов.

Аррен не знал, куда его зовут, когда надо ехать и зачем. Он был окончательно сбит с толку. Его смущало присутствие великих магов. Если бы у него было время подумать, он бы ничего не смог ответить. Но у него не было времени.

— Когда отец провожал меня в путь, он сказал: «Я чувствую, для мира наступило темное, опасное время. Поэтому я посылаю тебя, а не другого гонца. Ты сможешь решить, надо ли нам просить помощи у Острова Мудрецов или же мы сами должны предложить Роуку помочь Энлада». Поэтому я здесь. И я готов вам служить.

При этих словах Верховный Маг улыбнулся. И хотя это длилось лишь мгновение, Аррен успел заметить, что улыбка у него добрая.

— Видите? — обратился Ястреб к семерым Магистрам. — Может ли опыт или колдовство что-либо добавить к этим словам?

Аррен ощущал на себе их одобрительные взгляды, хотя чувствовалось, что Магистры удивлены. Магистр по Вызованию Духов сказал:

— Я не понимаю вас, господин Верховный Маг. Ясно, что вы хотите уехать. Вы уже пять лет безвыездно находитесь на Роуке. Но раньше вы всегда уезжали один. Почему же теперь вы берете попутчика?

— Раньше мне не требовалась помощь, — ответил Ястреб. В голосе его слышалась то ли ирония, то ли угроза. — И к тому же сейчас я нашел себе надежного попутчика.

Продолжать этот разговор было небезопасно. Поэтому Магистр по Вызованию Духов больше не задавал ему вопросов. Он замолчал и нахмурился.

Но Магистр Травник, похожий на мудрого и степенного быка, поднялся с места. Его внушительная фигура возвышалась над сидящими.

— Поеzdjайте, господин Ястреб, — сказал он. — И возьмите с собой мальчика. Мы верим вам.

Один за другим остальные Маги дали свое согласие, постепенно разошлись. Из семи Магистров в комнате остался только Магистр по Вызованию Духов.

— Ястреб, — сказал он, — я не собираюсь подвергать сомнению ваше решение. Но должен кое-что вам сказать: если вы правы, если равновесие нарушено, если нам угрожают силы зла, то путешествие в Уотхорт, в Западную провинцию, даже на край земли не принесет успеха. Ехать придется гораздо дальше. И можете ли вы взять туда попутчика? Честно ли это по отношению к нему?

Они стояли в стороне от Аррена. И Магистр говорил, понизив голос. Но Верховный Маг ответил громко и отчетливо:

— Да, честно.

— Вы чего-то не договариваете, — сказал Магистр.

— Если бы я знал, то сказал бы больше. Но я ничего не знаю, хотя о многом догадываюсь.

— Позвольте мне поехать с вами.

— Ты должен охранять ворота.

— Это делает Привратник...

— Я имею в виду не только ворота Роука. Оставайся здесь. Следи за восходом солнца. Смотри, достаточно ли он ярок. Прoverяй, кто заходит за каменную стену. Наблюдай, куда повернуты их головы. Что-то нарушилось, Торион, сломалось. Появилась рана. Я должен ее найти. Если я не вернусь, может быть, это удастся тебе. Но сейчас подожди. Подожди меня, прошу.

Он говорил на Древнем Языке, языке Созидания. На этом языке произносят настоящие заклинания. От него зависит действие волшебных сил. Но о делах на Древнем Языке говорят редко, разве что драконы. Больше Магистр по Вызованию Духов не возражал. Молча поклонившись Верховному Магу и Аррену, он вышел.

В камине потрескивал огонь. Снаружи не доносилось ни звука. На окна давил бесформенный густой туман.

Верховный Маг взглядался в пламя камина. Казалось, он забыл об Аррене. Мальчик стоял чуть поодаль и не знал, уйти ему или подождать, пока его отпустят. Решимость покинула его. Он снова почувствовал себя маленьким и несчастным человеком в темном, бесконечном и чужом мире.

— Сначала мы отправимся в город Хорт, — сказал Ястреб, повернувшись спиной к огню. — Туда приходят вести со всей Южной провинции. И, может быть, нам удастся напастить на след. Твой корабль еще стоит в гавани. Поговори с капитаном. Пусть он обо всем расскажет твоему отцу. Мы должны отчалить как можно скорее. Завтра на рассвете приходи к ступенькам пристани.

— Господин Ястреб, чего... — голос его прервался. — Что вы ищете?

— Не знаю, Аррен.

— Но тогда...

— Тогда — как же я буду искать? Этого я тоже не знаю. Может быть, то, что я ищу, само меня найдет.

Он усмехнулся. При сером утреннем свете лицо его казалось отлитым из металла.

— Господин Верховный Маг, — сказал Аррен.

Теперь его голос звучал твердо.

— Это правда, что я из рода Морреда, хотя он жил очень давно. И если я смогу служить вам, это будет величайшей честью для меня и самым важным событием моей жизни. Это мое самое заветное желание. Но я боюсь не оправдать ваших надежд.

— Возможно, — ответил Верховный Маг.

— Я умею драться на коротких мечах и на шпагах. Могу управлять парусной лодкой. Мне знакомы придворные и народные танцы. Я могу быть посредником между враждующими государствами. Умею бороться, хотя из лука стреляю неважно. Говорят, я неплохо играю в мяч. Пью, играю на арфе и лютне. Вот и все. Других талантов у меня нет. Чем я могу быть вам полезен? Магистр по Вызованию Духов прав...

— А, ты заметил, да? Он ревнует. Настаивает на правах старого друга.

— Но он гораздо способнее меня, господин Верховный Маг.

— Значит, ты хочешь, чтобы со мной поехал он, а не ты?

— Нет! Но я боюсь...

— Боишься чего?

Глаза мальчика наполнились слезами.

— Я боюсь подвести вас, — сказал он.

Верховный Маг снова повернулся к огню.

— Садись, Аррен, — сказал он, и мальчик подошел к каменному сидению у очага. — Я не считаю тебя ни искусственным волшебником, ни опытным воином. Не знаю, что ты собой представляешь, но рад слышать, что ты умеешь управлять лодкой... Кем ты станешь, никто не знает. Но одно мне известно: ты потомок Морреда и Шерриада.

Аррен молчал.

— Это правда, господин Ястреб, — сказал он наконец. — Но... Верховный Маг ничего не ответил, и Аррен закончил фразу:

— Но я не Морред. Я — это всего лишь я.

— Ты не гордишься своим происхождением?

— Горжусь. Я принц. Это меня ко многому обязывает. Я должен быть достоин своего положения...

Верховный Маг кивнул.

— Именно это я и хотел сказать. Без прошлого нет будущего. Человек не делает свою судьбу: он или принимает, или отказывается от нее. Если у рябины короткие корни, то и крона не вырастет.

Аррен удивленно посмотрел на Ястреба: его настоящее имя, Лебаннен, означало «рябина». Но Верховный Маг не назвал этого имени.

— Твои корни глубоки, — продолжал он. — У тебя есть сила, но тебе нужен простор, чтобы ты мог вырасти. Итак, вместо безопасного путешествия домой, на Энлад, я предлагаю тебе опасное путешествие неизвестно куда. Ты не обязан ехать. Выбирай сам. Но я предлагаю тебе выбор. Я устал от покоя, защиты прочных стен и надежной крыши.

Он неожиданно замолчал, глядя в огонь пронзительными глазами. Аррен заметил беспокойство Верховного Мага. Это напугало мальчика. Но страх обостряет чувства. Сердце бешено забилось у него в груди, и он ответил:

— Господин Ястреб, я решил ехать с вами.

Аррен вышел из Большого Дома. Его переполняло удивление. Он говорил себе, что счастлив, но это слово не передавало его состояния. Он твердил себе, что Верховный Маг назвал его сильным, человеком судьбы. Такой похвалой можно было гордиться, но гордости он не чувствовал. Почему же? Самый знаменитый волшебник в мире сказал ему: «Завтра мы отправимся на край света». Он согласился. Разве он не должен чувствовать гордость? Гордости не было, только удивление.

По крутым и извилистым улицам Туила он пришел в порт, разыскал капитана корабля и сказал ему:

— Завтра я уезжаю с Верховным Магом в Уотхорт и в Южную провинцию. Передай моему отцу, что я вернусь домой в Берилу, как только освобожусь.

Лицо капитана помрачнело. Он понимал, как Правитель Энлада может принять такое известие.

— Принц, напишите это своей рукой, — попросил он.

Аррен вынужден был признать справедливость его слов. Ему хотелось сделать все дела как можно скорее. Поэтому он поспешил в лавку и купил там чернильный камень, кисточку и кусок мягкой бумаги, толстой, как фетр. Потом он вернулся в порт, пристроился в уголке и стал писать родителям. Когда мальчик представил себе, как это письмо держит в руках его мать и читает его, у него сжалось сердце. Она всегда была веселой и терпеливой. Но Аррен знал, что главная причина ее радости — он сам. Она с нетерпением ждет его возвращения. Ничто не могло утешить ее во время долгой разлуки с сыном. Письмо получилось короткое и сухое. Он подписал его руной-мечом, запечатал кусочком смолы, которой смолили лодки, и отдал капитану, а потом вдруг крикнул:

— Подожди!

Аррен боялся, что корабль вот-вот отчалит. Он побежал по вымощенным булыжником улицам назад в лавку. Он не сразу нашел ее. Казалось, улицы Туила постоянно меняются. Повороты каждый раз были другими. Наконец Аррен попал на нужную улицу и ворвался в лавку, отбросив в стороны глиняные бусы, украшившие вход. Еще когда он покупал чернила и бумагу, он заметил на подносе с застежками и брошками серебряную брошь в виде дикой розы. Его мать тоже звали Роза.

— Я куплю это, — сказал он важно и торопливо.

— Работа древних мастеров острова О. Я вижу, вы знаток старинного искусства, — сказал лавочник, глядя на рукоятку меча Аррена, оставив без внимания богато украшенные ножны. — Это стоит четыре кусочка слоновой кости.

Аррен, не торгуясь, заплатил, несмотря на довольно высокую цену. У него в кошельке было много кусочков слоновой кости, которыми на Внутренних островах пользуются, как деньгами. Ему было приятно сделать подарок матери, и лавка тоже понравилась. Он степенно вышел на улицу, положив руку на рукоятку меча.

Отец подарил ему этот меч накануне его отъезда с Энлада. Аррен серьезно отнесся к подарку, гордился им, и носил меч, не снимая, даже на корабле. Ему нравилось чувствовать тяжесть у пояса. Это был меч Шерриада, сына Морреда и Эльфарран. Если не считать меча Эррета-Акбе, установленного на шпиле Башни Королей в Хавноре, это был самый древний меч на свете. Он никогда не лежал в хранилище или в сокровищнице, его все время носили. Но он не сточился за долгие века, сила его не ослабла. Ведь его ковали с помощью великого древнего заклинания. Легенда гласила, что этот меч никогда не вынимали из ножен. Его можно было обнажить только для защиты жизни. Он не мог служить ради простого кровопролития, мести или наживы. И именно он дал имя величайшему сокровищу семьи — Аррену. Аррендик — так звали его в детстве — означает «маленький меч».

Он ни разу не пользовался мечом, его отец и дед тоже. В Энладе давно уже царил мир.

А теперь, на улице чужого города на Острове Волшебников, рукоятка меча показалась ему незнакомой на ощупь. Она была неудобной и холодной. Аррен вернулся на пристань, отдал брошь капитану, попросив передать ее матери, и пожелал ему благополучного возвращения домой. Затем Аррен повернулся к городу и натянул плащ на свое древнее смертоносное оружие. Сейчас ему не хотелось важничать. «Что я делаю?» — спросил он себя, медленно шагая вверх по узким переулкам, ведущим к огромному, похожему на крепость, зданию Большого Дома, возвышающемуся над городом. «Почему я не еду домой? Почему я готов искать неизвестно чего с чужим человеком?»

У него не было ответа на эти вопросы.

3. ГОРОД ХОРТ

Аррен встал задолго до рассвета. Он надел на себя то, что ему дали накануне. Это была одежда моряка, поношенная, но чистая: просторная морская куртка и теплая шерстяная шапка. Он быстро прошел по молчаливым залам Большого Дома и вышел через восточную дверь, вырезанную из рога и зуба дракона. Привратник выпустил его и, улыбаясь, объяснил дорогу. Тропинка привела Арrena к школьной пристани, расположенной к югу от порта Туила. Он едва различал дорогу. Деревья, крыши домов, холмы казались в темноте неясными громадами. Предрассветный воздух был совершенно неподвижным и очень холодным. Все вокруг замерло. Только на востоке над темным морем светлела тонкая полоска: это лучи невидимого солнца освещали горизонт.

Аррен подошел к ступенькам пристани. Там никого не было. Он остановился в темноте и стал ждать.

Темные эллинги нависли над черной водой. Неожиданно оттуда послышался гулкий звук: кто-то постучал три раза. У Аррена мурашки пробежали по коже. На воду бесшумно легла длинная тень от лодки. Она тихо скользила к причалу. Аррен быстро спустился по ступенькам на пристань и прыгнул в лодку.

— Возьми румпель, — сказал Верховный Маг.

Его крепкая фигура неясно вырисовывалась на носу.

— Держи его, пока я поставлю парус.

Лодка плавно заскользила по гладкой поверхности. Парус, бслеющий в предрассветной мгле, напоминал огромное крыло.

— Дует западный ветер. Он поможет нам выйти из залива, и нам не придется грести. Я не сомневаюсь, что это прощальный подарок Магистра Ветра. Следи за лодкой, парень! Управлять ею очень просто. Ну вот. Западный ветер и ясный рассвет в день весеннего равноденствия.

— Это лодка «Гляди в оба»?

Аррен знал о знаменитой лодке Верховного Мага из песен и сказаний.

— Да, — ответил Ястреб, разбирая веревки.

Встерь усилился. Лодка рванулась и повернула. Аррен, стиснув зубы, старался удерживать прежний курс.

— Она легка в управлении, но немного капризна, господин Ястреб.

Верховный Маг засмеялся. Он стоял на коленях на банке, повернувшись лицом к Аррену.

— Пусть делает по-своему. Она мудрая лодка. Послушай, Аррен, теперь я не господин, а ты не принц. Я торговец по имени Ястреб, а ты мой племянник. Тебя зовут Аррен. Ты изучаешь морское дело. Мы идем с Энлада. Из какого города? Из большого. А то вдруг встретим земляка.

— Может быть, из Темира, на южном побережье? Они торгуют со всеми провинциями.

Верховный Маг кивнул.

— Но, — нерешительно произнес Аррен, — ваше произношение немного отличается от энладского.

— Знаю. У меня гонтийский акцент, — ответил его спутник и засмеялся, подняв глаза к светлеющему небу. — Но думаю, что смогу научиться у тебя всему необходимому. Значит, мы прибыли из Темира на лодке «Дельфин». И запомни, я не господин, не маг, а — кто?

— Ястреб, господин.

Аррен спохватился, но поздно.

— Тебе надо привыкнуть, племянник, — сказал Верховный Маг. — Ты всю жизнь был принцем. А я много кем успел побывать. И, пожалуй, меньше всего мне довелось быть Верховным Магом... Итак, мы идем на юг. Мы ищем эммел, голубой камень. Я знаю, он очень высоко ценится на Энладе. Из него вырезают талисманы, обергающие от насморка, вывиха, прострела и неудачных шуток.

Аррен засмеялся. Лодка поднялась на волне. Он поднял голову и вдруг увидел золотое сияние: над горизонтом показался край солнца.

Ястреб стоял, держась рукой за мачту. Маленькая лодка качалась и подпрыгивала на волнах. Повернувшись лицом к золотому светилу, восходящему над морем в день весеннего равноденствия, Маг произнес заклинание. Аррен не знал Древнего Языка, языка волшебников и драконов, но он услышал в словах заклинания прославление солнца и радость. В них ощущался ритм, как при чередовании прилива и отлива или дня и ночи, которые вечно сменяют друг друга. Чайки кричали на ветру. Справа и слева скользили берега залива Туйл. Длинные волны, пронизанные солнечными лучами, вынесли лодку во Внутреннее Море.

От Роука до Хорта недалеко, но путешественники провели в море три ночи. Верховный Маг торопился отправиться в путь, но не особенно старался ускорить ход событий. Как только они отошли от заговоренного острова Роук, где всегда была хорошая погода, подул встречный ветер. Однако Ястреб не стал менять его направление, как это мог бы сделать любой заклинатель погоды. Вместо этого он часами учил Аррена управлять лодкой при встречном ветре. На вторую ночь пошел дождь, холодный мартовский дождь, но маг не стал говорить заклинания от непогоды. В следующую ночь, когда они входили в гавань Хорта, стояла спокойная холодная погода. Над морем навис туман. Аррен подумал, что за то короткое время, пока он знаком с Верховным Магом, тот ни разу не воспользовался волшеством, чтобы изменить погоду.

Но зато Ястреб был отличным моряком. За три дня путешествия Аррен узнал больше, чем за десять лет плавания на лодках. Профессия мага и ремесло моряка не так уж сильно различаются: и тот, и другой имеют дело с силами неба и моря. Они заставляют ветер служить себе и способны преодолеть огромные расстояния. Верховный Маг или морской торговец, — не так уж велика разница.

Ястреб был немногословен, но добродушен и приветлив. Неловкость Аррена нисколько не раздражала его. Аррен подумал, что лучшего попутчика нельзя и пожелать. Но порой он погружался в свои мысли и часами молчал, а когда говорил, его голос звучал хрипло, а глаза смотрели сквозь Аррена. Но от этого мальчик не стал относиться к нему хуже, скорее, более почтительно. Наверное, Ястреб почувствовал это, потому что вдруг заговорил о себе.

— Как бы мне хотелось никого завтра не видеть, — сказал он. — Я только притворялся, что свободен... что в мире все в порядке, что я не Верховный Маг и даже не колдун, что я Ястреб из Темира, без обязанностей и привилегий, который никому ничего не должен...

Он немного помолчал, а затем добавил:

— Если перед тобой трудный выбор, Аррен, старайся сделать его правильно. Когда я был очень молод, мне пришлось выбирать между созерцанием и действием. Я клюнул на последнее, как форель на муху. Но каждый поступок, который ты совершаешь, каждое твоё действие привязывают тебя к себе и к своим последствиям и заставляют тебя действовать снова и снова. И тогда ты очень редко оказываешься в пространстве и времени, подобным этому, между одним действием и другим, когда ты можешь остановиться и просто жить или думать, кто же ты на самом деле такой.

«Как может такой человек, — подумал Аррен, — сомневаться в том, кто он такой?» Мальчик привык считать, что такие сомнения — удел молодых, тех, кто еще ничего не достиг.

Лодка покачивалась на волнах, окутанная холодным туманом.

— Поэтому я люблю море, — послышался из темноты голос Ястреба.

Аррен понял его. Но его собственные мысли были о другом: вот уже три дня и три ночи он не переставал думать о цели их путешествия. И, поскольку его спутник не торопился с ответом, он, наконец, спросил:

— Вы думаете, мы найдем в Хорте то, что ищем?

Ястреб неопределенно покачал головой.

— Может быть, это какая-нибудь болезнь, наподобие чумы, которая переходит с острова на остров и поражает посевы, стада и человеческие души? — продолжал допытываться Аррен.

— Чума — это движение самого Великого Равновесия. Тут совсем другое. Здесь чувствуется губительное влияние сил зла. Может быть, когда-нибудь равновесие восстановится. Мы не теряем надежды. Но пока что мы теряем искусство волшебства, забываем Язык Созидания. Природа гармонична. Только одно существо на земле может нарушить равновесие.

— Человек? — предположил Аррен.

— Мы, люди.

— Но как?

— Неумной жадностью к жизни.

— К жизни? Но что же плохого в желании жить?

— Нет, ничего. Но мы стремимся получить власть над жизнью: бесконечное богатство, полную безопасность, бессмертие. Постепенно это стремление превращается в жадность. И если к этой жадности прибавляется знание, тогда вступает в силу зло. Равновесие в мире нарушается, и зло перевешивает.

Поразмыслив немного, Аррен спросил:

— Значит, вы думаете, нам надо искать человека?

— Да, человека, мага. Я уверен в этом.

— Но я считал, что великое искусство волшебства зависит от Равновесия, и потому не может быть использовано для служения злу. Так меня учили отец и учителя.

— Это спорный вопрос, — уклончиво ответил Ястреб. — Доводы магов бесконечны... На каждом острове Архипелага есть ведьмы, наводящие порчу, колдуны, которые пользуются колдовством ради наживы. Но это еще не все. Повелитель Огня, который хотел вернуть на землю тьму и погасить солнце, был великим Магом. Даже Эррету-Акбе с трудом удалось победить его. Еще одним таким Магом был Враг Морреда. Когда он приходил, целые города вставали перед ним на колени. За него сражались огромные армии. Заклинание, которое он произнес против Морреда, было таким сильным, что продолжало действовать даже после его смерти. И тогда остров Солеа поглотило море. Все живое на нем погибло. Огромная сила и знания этих людей служили злу и питались злом. Okажется ли волшебство, служащее добру, сильнее? Мы не знаем. Но будем надеяться.

Нельзя все время жить одними надеждами. Это порождает неуверенность. Аррену захотелось поговорить о чем-нибудь более осозаемом. Он немного помолчал и сказал:

— Мне кажется, я понимаю, почему вы говорите, что все зло от людей. Даже акулы не повинны в том зле, которое творят. Они убивают потому, что не могут иначе.

— Поэтому мы сильнее всех. На свете есть только одна сила, которая может противостоять злому человеку. Это другой человек. В этом и позор, и слава человечества. Только наша душа, способная творить зло, может справиться со злом.

— А драконы? — спросил Аррен. — Разве они не приносят зла? Они повинны в этом?

— Драконы! Драконы алчны, ненасытны, вероломны. Они не знают ни жалости, ни сожаления. Но служат ли они злу? Кто я

такой, чтобы судить драконов?.. Они мудрее людей. Мы, люди. видим сны, колдаем, совершаем хорошие и плохие поступки. Драконы не видят снов. Они сами сновидения. Они не колдуют: это их природа, их суть. Они просто существуют.

— В Серилюне, — сказал Аррен, — хранится шкура дракона Бара Ота, которого убил триста лет назад Кеор, принц Энлада. С того дня ни один дракон не прилетал на Энлад. Я видел шкуру Бара Ота. Она тяжелая, как будто сделана из железа. Говорят, она такая огромная, что, если ее развернуть, то она покроет всю рыночную площадь Серилюна. Зубы у него длиной с мою руку. А ведь Бар От был молодым драконом, он еще не совсем вырос.

— Ты хочешь увидеть драконов, — сказал Ястреб.

— Да.

— Кровь у них холодная и ядовитая. Им нельзя смотреть в глаза. Род драконов старше, чем человеческий...

Он немного помолчал, а потом продолжал:

— В своей жизни я совершил поступки, о которых потом сожалел. А кое о чем просто забыл. Но однажды я видел, как в закатном небе над западными островами вихрем кружатся драконы. Никогда не забуду эту картину. Это воспоминание успокаивает меня.

Некоторое время оба хранили молчание. Тишину нарушил только шелест волн, бившихся о борт лодки. Наступила ночь, и они заснули.

Сквозь утренний туман лодка вошла в порт Хорта. Сотни кораблей стояли у причала или отчаливали. Среди них были рыбакские шхуны, траулеры, торговые суда, две двадцативесельные галеры. Рядом на берегу ремонтировали огромную шестидесятивесельную галеру. Несколько длинных и стройных парусников с высокими треугольными парусами, чтобы ловить верхние воздушные потоки, готовились к отплытию в жаркую Южную провинцию.

— Это военный корабль? — спросил Аррен, когда они проходили мимо одной из двадцативесельных галер.

— Судя по цепям в трюме, это корабль работорговцев. В Южной провинции торгают людьми.

Аррен подумал минуту, потом подошел к ящику и вынул оттуда меч. В день отъезда с Роука он тщательно завернул его и убрал в ящик. Теперь он достал меч и стоял в нерешительности, раздумывая, взять его с собой или оставить в лодке.

— Этот меч не подходит для морского торговца, — сказал он. — Ножны слишком хрупкие.

Он держал меч обеими руками. С ножен свешивался пояс. Ястреб, возвившийся с румпелем, поднял глаза на мальчика.

— Неси меч, если хочешь.

— Я подумал, так будет правильно.

— Хороший меч, — произнес его попутчик, внимательно выбирая дорогу между кораблей, заполнивших гавань. — Это не тот меч, что не хочет выходить из ножен?

Аррен кивнул:

— Так рассказывают. И все же он убивал. Он убивал людей. Он посмотрел на тонкую потертую рукоятку.

— Но не я дрался этим мечом. Поэтому я чувствую себя дураком. Он гораздо старше меня... Лучше я возьму нож, — закончил Аррен и снова положил его на самое дно ящика.

Лицо его было задумчивым и недовольным. Ястреб промолчал.

— Теперь берись за весла, Аррен, — сказал он немного погодя. — Мы причалим у этой пристани, вон там, у ступеньек.

Город Хорт, один из семи Великих Портов Архипелага, раскинулся на крытых склонах трех холмов. Волны с шумом разбивались о прибрежные скалы. Глиняные домики с темно-красными керамическими крышами были выкрашены в оранжевый, желтый, красный, белый цвет. Вдоль улиц росли деревья, покрытые красными цветами. Между крышами домов были натянуты яркие полосатые навесы, защищавшие маленькие рыночные площади от падающих лучей солнца. От залитого светом порта темными щелями тянулись улицы, наполненные тенями, шумом и людьми.

Путешественники привязали лодку у причала. Ястреб нагнулся, как будто для того, чтобы проверить узел, и тихо сказал:

— Аррен, в Хорте есть люди, которые меня хорошо знают. Поэтому я вынужден изменить свою внешность. Посмотри на меня, чтобы ты смог меня узнать.

Когда Ястреб выпрямился, шрамы на его щеке исчезли. Волосы совсем поседели. На лице красовался толстый курносый нос. Вместо тисового посоха в руке была палочка из слоновой кости.

— Узнаешь ли меня? — спросил он Аррена, широко улыбнувшись. Он говорил с энладским акцентом. — Что, дядю своего не узнаешь?

Аррену приходилось видеть, как придворные волшебники в Бериле изменяют свою внешность, разыгрывая сцены из «Подвига Морреда». Он понимал, что это всего лишь оптический обман. Поэтому он легко справился с удивлением и сказал:

— Узнаю, дядя Ястреб!

Но пока маг торговался с портовым сторожем об оплате места у причала и охране лодки, Аррен не переставал смотреть на него. И чем дольше он смотрел, тем больше это превращение тревожило его. Слишком разительной была перемена. Этот человек вообще не был похож на Верховного Мага, учителя и наставника... Сторож запротестовал довольно много. Ястреб, ворча, согласился, и, когда они с Арреном уходили с пристани, все еще ворчал.

— Это испытание для моего терпения. Платить толстопузому ворюге за то, что он будет сторожить мою лодку. От самого малюсенького заклинания было бы вдвое больше толку! Ну что же, за превращения приходится платить... Да и говорить правильно я разучился, а племянник?

Они шли по многоголубым, зловонным, пестрым улицам с крошечными лавочками по обе стороны. Лавочники стояли в дверях среди гор товаров, громко расхваливая свои горшки, чулки, шляпы, лопаты, булавки, кошельки, кастрюли, корзины, ножи, веревки, замки, белье и еще много всякой всячины.

— Это ярмарка?

— А? — переспросил курносый человек, наклонив голову.

— Это, ярмарка, дядя?

— Ярмарка? Нет, нет. Здесь торгуют круглый год. Нет, я не хочу пирогов с рыбой, хозяйка. Я уже завтракал!

А Аррен пытался отделаться от человека с маленькими медными кувшинами, который шел за ним по пятам и скулил:

— Вы только попробуйте, красивый молодой господин. Они вас не подведут. Они пахнут, как розы Нумими. Вы приворожите всех женщин. Попробуйте, молодой господин, повелитель морей...

Ястреб немедленно встал между Арреном и торговцем.

— Что это за зелье?

— Это не зелье!

Человек вздрогнул и отскочил в сторону.

— Я не торгу зельем, повелитель морей! Это просто сироп для освежения дыхания после употребления хазии — это просто сироп, великий господин!

Он упал на камни мостовой. Кувшины зазвенели на подносе. Некоторые из них наклонились, и через край закапала вязкая розовато-красная жидкость.

Ястреб молча отвернулся, и они с Арреном зашагали прочь.

Вскоре толпа поредела, лавки стали беднее. Это были просто убогие лачуги, где можно было купить горсть гнутых гвоздей, поломанную ступку или старый чесальный гребень. Но даже эта бедность не была так отвратительна, как богатая часть улицы. Там Аррен задыхался от товаров, выставленных на продажу, от громких криков, призывающих покупать, покупать, покупать... Потрясла его и встреча с жалким торговцем. Он вспомнил прохладные чистые улицы своего родного города. Ни один человек в Бериле не стал бы ползать в ногах у незнакомца.

— Отвратительные люди! — произнес он.

— Сюда, племянник, — позвал его спутник.

Они свернули в персулок между высокими глухими стенами домов. Переулок поднимался вверх, под арку, украшенную выгоревшими потрепанными флагами, а потом снова выходил на залитую солнцем рыночную площадь. Это была уже другая площадь с множеством лавок и прилавков, вокруг которых толпились люди и роились мухи.

По краям площади без движения лежали и сидели несколько мужчин и женщин. Их губы, отливавшие синевой, как кровоподтеки, были облеплены мухами, свисавшими, будто кисти черной смородины.

— Как много, — быстро и тихо произнес Ястреб.

Похоже, это зрелище потрясло и его. Но когда Аррен снова посмотрел на Ястреба, беззаботное и веселое лицо торговца ровным счетом ничего не выражало.

— Что с этими людьми?

— Хазия. Она утешает и успокаивает. Освобождает душу от тела. И душа бродит на свободе. Но когда она возвращается, снова нужна хазия... И это желание растет. Их жизнь коротка, потому что хазия — яд. Сначала их бьет дрожь, потом наступает паралич и наконец смерть.

Аррен посмотрел на женщину, которая сидела на земле, прислонившись спиной к каменной стене. Она подняла руку, пытаясь согнать мух с лица. Но ее рука описала круг в воздухе, беспомощно и бессмысленно дергаясь, как будто женщина совершенно забыла о ней. Движение было похоже на заклинание.

Ястреб тоже взглянул на нее. Его лицо по-прежнему ничего не выражало.

— Пошли! — сказал он.

Они пересекли площадь и приблизились к прилавку под цветным навесом.

Полосы солнечного света, окрашенные в зеленый, оранжевый, лимонный, вишневый, голубой цвета, ложились на ткани и шали, на плетеные пояса, выставленные для продажи. Разноцветные лучи играли в крошечных зеркалах, украшавших высокую шляпу с перьями на голове торгующей женщины. Толстуха зычным голосом нахваливала свой товар:

— Шелк, сатин, полотно, меха, сукно, шерсть, гонтийские платки, кисся из Саула,шелка из Лорбанери! Эй, северяне, снимайте свои туалеты! Не видите разве, солнце светит! Купите подарок для девушки из далекого Хавнора! Посмотри, какой шелк! Он прозрачный и тонкий, как крыльшки стрекозы!

Торговка проворно развернула рулон прозрачного шелка, розового с серебряной нитью.

— Нет, хозяйка, мы не женаты на королевах, — сказал Ястреб.

— Так во что же вы одеваете женщин? В мешковину? Парусину? Скряги! Не хотите купить немногого шелка для несчастной женщины, замерзающей в вечных снегах! Ну тогда вот, гонтийский платок! Согреет ее холодным зимним вечером.

И она бросила на прилавок большой желто-коричневый квадрат, сотканный из шелковистой шерсти коз северо-восточных островов. Мнимый торговец протянул руку, потрогал платок и улыбнулся.

— А, так ты гонтиец? — спросила женщина резко. Шляпа качнулась, и тысячи цветных солнечных зайчиков запрыгали по навесу и развернутому рулону. А странник ответил:

— Это андрадская работа. Видишь? Здесь на ширине пальца умещается только четыре ткани основы. На Гонте делают шесть. Но ты лучше расскажи, почему перестала колдовать и торгуешь всякой ерундой? Я был здесь несколько лет назад и видел, как ты вытягивала у людей из ушей огонь. А потом превращала пламя в птиц и колокольчики. Это занятие было получше, чем твое нынешнее ремесло.

— То было вообще не ремесло, — возразила торговка. Ее глаза, черные, как агаты, настороженно сверкнули из-под качающихся перьев и блестящих зеркал.

— Здорово у тебя получилось вытягивать огонь из ушей, — огорченно сказал простодушный Ястреб. — Я думал показать этот фокус своему племяннику.

— Послушайте, вы, — сказала женщина уже не так громко, навалившись на прилавок толстыми коричневыми руками и тяжелой грудью, — мы больше не показываем таких фокусов. Людям они не нужны. Люди понимают, что их дурачат. Вот эти зеркала... Я вижу, ты помнишь мои зеркала.

Она тряхнула головой, и вокруг закружился хоровод ярких разноцветных точек.

— Так вот, ты можешь заморочить человеческую голову при помощи сверкающих зеркал, при помощи слов и хитрых фокусов. И он поверит, что видит то, чего нет. Как огонь и золотые колокольчики или те великолепные костюмы из золотой ткани и бриллиантов размером с абрикос, в которые я наряжала моряков. И они рас-

хаживали важно, как короли... Но все это фокусы, обман. Людей не обманешь. Они как цыплята, завороженные змессей или пальцем, который держат у них перед носом. Люди как цыплята. Но в конце концов они понимают, что их надули, обвели вокруг пальца. И тогда их охватывает ярость. Им больше не нравятся такие развлечения. Поэтому я и занялась торговлей. Может быть, не все шелка настоящие. Может быть, гонтийская шерсть вовсе не гонтийская. Но платки можно носить, их можно носить! Они настоящие, это не миражи, вроде костюмов из золотой ткани.

— Так, так, — сказал Ястреб, — значит, в городе Хорте больше не осталось никого, кто бы умел вытягивать огонь из ушей и колдовать?

При его последних словах женщина нахмурилась. Она выпрямилась и стала аккуратно складывать платок.

— Те, кому нужен обман, жуют хазию, — произнесла она. — Поговори с ними, если хочешь! — И она кивнула в сторону неподвижных тел, лежавших вокруг площади.

— Но ведь были же здесь колдуны. Они помогали морякам, заговаривали для них ветер, отводили опасность от корабля и груза. Что, они все стали торговцами?

Внезапно женщину охватила ярость и она заорала:

— Есть здесь колдун, если он уж так вам нужен. Настоящий волшебник с посохом, и все такое. Вон там, видите? Он плавал с самим Эгером, делал ветер и разыскивал богатые галеры. Так он говорил, во всяком случае. В конце концов капитан Эгер наградил его по заслугам: отрубил ему правую руку. Смотрите, вон он сидит. Рот полон хазии, а в животе пусто. Воздух и обман! Воздух и обман! Вот и все колдовство!

— Ладно, ладно, хозяйка, — сказал Ястреб примирительным тоном. — Я ведь только спросил.

Она повернулась к ним своей широкой спиной. Зеркала свернули, и опять понесся хоровод цветных зайчиков. Ястреб неторопливо зашагал прочь, Аррен побрел за ним.

Ястреб шел медленно, но не бессильно. Они подошли к человеку, на которого указала торговка. Тот тоже сидел, прислонившись к стене. Глаза смотрели в никуда. Темное лицо с бородой, по-видимому, раньше было очень красивым. Сморщеный обрубок руки беспомощно лежал на раскаленных солнцем камнях мостовой. Жалкое зрелище.

Позади у прилавков началась какая-то суета. Но Аррен не мог оторвать глаз от человека. Отвратительная фигура притягивала его.

— Он правда был волшебником? — спросил мальчик очень тихо.

— Видимо, это человек по имени Заяц. Он работал заклинателем ногоды у пирата Эгера. Это были знаменитые грабители... Отойди, Аррен!

Человек, бежавший со всех ног со стороны лавок, чуть не сбил с ног обоих. Потом мимо проковылял другой, согбаясь под тяжестью огромного лотка, нагруженного тесьмой, шнуром и кружевом. С треском рухнул навес. Полотна быстро срывали и отбрасывали в сторону. По всей рыночной площади толкались и дрались кучки людей. Отовсюду раздавались крики и визг. Зычный голос женщины с зеркалами на шляпе перекрывал весь этот шум. Аррен увидел, как

она размахивает палкой перед группой мужчин, будто отражая мечом атаку воинов. Непонятно было, то ли это ссора, которая разрослась и охватила всю площадь, то ли нападение шайки воров, то ли драка между двумя враждующими группировками торговцев. Люди бежали, держа в руках охапки товаров: с награбленной ли добычей, или со своим собственным добром, которое они пытались спасти. Сначала дрались кулаками, потом в ход пошли ножи. Стоял невообразимый шум и грохот.

— Сюда, — позвал Аррен, указывая в сторону переулка, и направился прочь.

Было ясно, что пора уносить ноги. Но его спутник удержал его за руку. Аррен обернулся и увидел, что человек по имени Заяц пытается встать на ноги. Наконец ему это удалось. Минуту он стоял на месте, пошатываясь, а затем, не оборачиваясь, побрел по краю площади. Он касался стен своей единственной рукой, как будто искал опоры.

— Не теряй его из виду, — сказал Ястреб, и они направились следом.

Ястреб с Арреном беспрепятственно прошли по площади, и человек, которого они преследовали, тоже. Через минуту они уже спустились по узкой и кривой улочке. Шум и крики остались позади.

Мансарды домов почти касались друг друга у них над головой, заслоняя солнечный свет. Камни, влажные от воды и нечистот, скользили под ногами. Заяц шел быстрым шагом, по-прежнему держась рукой за стены, как слепой. Им приходилось идти за ним по пятам, чтобы не потерять его из виду на повороте. Азарт погони увлек Арrena. Все его чувства обострились, как бывало во время охоты на оленя в лесах Энлада. Он отчетливо видел лица прохожих, вдыхал сладковатый запах грязных городских улиц: запах мусора, ладана, падали и цветов. Когда они пересекали широкую многолюдную улицу, послышался бой барабана. Перед ними мелькнула вереница обнаженных мужчин и женщин, прикованных друг к другу цепью за руку и за пояс. Спутанные волосы пленников закрывали лица. Они тут же исчезли. Следом за Зайцем Ястреб и Аррен спустились по ступенькам и вышли на небольшую площадь. Она была пуста, лишь несколько кумушек болтали у фонтана.

Тут Ястреб поравнялся с Зайцем и положил ему руку на плечо. Заяц съежился и отскочил, как ошпаренный, к двери одного из домов. В проеме он замер, дрожа и глядя на них невидящими глазами загнанного животного.

— Тебя зовут Заяц? — тихо спросил Ястреб своим собственным хрипловатым голосом.

Человек ничего не ответил. Возможно, он не слышал вопроса.

— Мне бы хотелось кое о чем тебя спросить.

Снова молчание.

— Я заплачу тебе.

— Слоновой костью или золотом? — послышался голос.

— Золотом.

— Сколько?

— Волшебник знает, сколько стоит заклинание.

Заяц вздрогнул. Лицо его на минуту ожило, но тут же снова стало тупым и бессмысленным.

— Все пропало, — произнес он, — все пропало.

Заяц согнулся от сильного приступа кашля и сплюнул черной слюной. Когда приступ отступил, он выпрямился. Его била дрожь. Он совершенно обессилел и, казалось, забыл, о чем они говорили.

Аррен снова поймал себя на мысли, что не может оторвать от него глаз. Заяц застыл между двумя гигантскими фигурами атлантов, стоявшими по обе стороны от входа. Шеи статуй согнулись под тяжестью фронтона. Их мускулистые тела только частично выдавались из стены. Казалось, они пытались вырваться из камня, стремятся к жизни, но им это удалось только наполовину. Дверь, которую они охраняли, прогнила у петель. Когда-то роскошный дворец теперь пришел в упадок. Суровые рельефные лица атлантов потрескались и поросли лишайником. Рядом с этими могучими фигурами человек по имени Заяц выглядел еще слабее и беспомощнее. Глаза его чернели, как окна пустого дома. Он поднял свою искалеченную руку, протянул ее к Ястребу и заныл:

— Подайте несчастному калеке, господин...

Ястреб застонал, как от боли или от стыда. На мгновение под маской продавца мелькнуло его настоящее лицо. Он снова положил руку Зайцу на плечо и тихо произнес несколько слов на языке волшебников, которого Аррен не понимал.

Но Заяц все понял. Он схватил Ястреба своей единственной рукой и, заикаясь, проговорил:

— Ты еще можешь говорить... говорить... Пойдем со мной, пойдем...

Маг взглянул на Аррена и кивнул.

По крутым улочкам они спустились в долину между тремя холмами Хорта. Чем дальше они шли, тем уже, темнее и пустыннее становились улочки. Небо виднелось голубой полоской между нависшими крышами. Стены домов по обе стороны отсырели. Между холмами бежал ручей, зловонный, как сточная канава. Вдоль берегов теснились дома. В дверь одного из них зашел Заяц и, как погасшая свеча, растворился в темноте. Ястреб и Аррен вошли следом.

Темная лестница скрипела и прогибалась у них под ногами. Заяц открыл дверь на верхнем этаже, и они увидели пустую комнату. В углу валялся соломенный тюфяк. Единственное окно, незастекленное и закрытое ставнями, пропускало слабый сероватый свет.

Заяц повернулся к Ястребу и снова схватил его за руку. Губы его беззвучно задвигались. Наконец он с трудом выговорил:

— Дракон... Дракон...

Ястреб пристально посмотрел на него и промолчал.

— Не могу говорить, — сказал Заяц.

Он отпустил руку Ястреба, скрючившись, упал на пол и зарыдал.

Маг опустился возле него на колени и тихо заговорил на Древнем Языке. Аррен стоял у закрытой двери, держась за рукоятку ножа. Серый свет и пыльная комната, две фигуры на коленях, тихий голос мага, говорящего на языке Драконов, — все это походило на сон, который не имел ничего общего с жизнью и с течением времени.

Заяц медленно встал и отряхнул колени здоровой рукой, а покалеченную спрятал за спину. Он огляделся, посмотрел на Аррена. Теперь его взгляд стал более осмысленным. Потом он отвернулся и сел на тюфяк. Аррен остался стоять на страже, а Ястреб, скрестив

ноги, сел на голый пол с простотой человека, не избалованного удобствами.

— Расскажи мне, как ты утратил волшебные способности и забыл волшебный язык, — сказал он.

Заяц ответил не сразу. Он начал нервно постукивать искалеченной рукой по ноге и наконец отрывисто сказал, выдавливая из себя слова:

— Они отрубили мне руку. Я не могу больше плести заклинаний. Они отрубили мне руку. Кровь вся вытекла...

— Но это случилось после того, как ты потерял волшебную силу, Заяц. Иначе они не смогли бы этого сделать.

— Волшебную силу...

— Силу управлять ветрами, волнами и людьми. Ты называл их настоящими именами и они повиновались тебе.

— Да. Я помню, что жил, — произнес человек хриплым шепотом. — Я знал слова и имена...

— А что, теперь ты умер?

— Нет. Жив. Жив. Только когда-то я был драконом... Я не умер. Иногда я сплю. Сон очень похож на смерть. Это всем известно. В снах появляются мертвые. Это тоже всем известно. Они приходят к тебе, как живые, разговаривают с тобой. Они переходят из смерти в сон. Есть такая дорога. Если пройти по ней достаточно далеко, ты можешь найти и дорогу назад. Ты найдешь ее, если знаешь, где искать. И если ты согласен платить.

— А какова цена? — Голос Ястреба плыл в полутьме, как тень падающего листа.

— Жизнь, что же еще?

Заяц раскачивался взад-вперед на своем тюфяке. Глаза его горели коварным зловещим огнем.

— Видишь ли, — сказал он, — они отрубили мне руку. Они могут отрубить мне голову. Но это не имеет значения. Я всегда найду дорогу назад. Я знаю, где искать. Только сильные люди могут туда пойти.

— Ты имеешь в виду волшебников?

— Да, — Заяц заколебался.

Он несколько раз пытался произнести это слово, но так и не смог.

— Сильные люди, — повторил он. — И они должны... и они должны отдать свою силу. Должны заплатить.

При этих словах он угрюмо замолчал, как будто слово «заплатить» напомнило ему, что он бесплатно рассказывает то, что мог бы продать. Больше от него нельзя было добиться ни звука, ни даже намека на «дорогу назад», хотя его бессвязные слова показались Ястребу важными. Так ничего больше и не услышав, маг встал.

— Половина ответа, — это не ответ, — сказал он. — То же касается и платежа.

Неожиданно, как у фокусника, у него в руках оказался кусочек золота. Он бросил его на тюфяк перед Зайцем.

Заяц поднял его, внимательно осмотрел, а затем резким движением поднял голову, переводя глаза с Ястреба на Аррена.

— Подожди, — пробормотал он.

Заяц не успевал следить за ходом событий и теперь тщетно пытался вспомнить, что хотел сказать.

— Сегодня, — вымолвил он наконец. — Подожди. Сегодня. У меня есть хазия.

— Мне она не нужна.

— Показать тебе... показать тебе дорогу? Сегодня ночью. Я тебя отведу. Я покажу тебе. Ты дойдешь, потому что ты... ты... — он замолчал, не находя слов.

Тогда Ястреб сказал:

— Я волшебник.

— Да! Поэтому мы сможем... туда пойти. На дорогу. Когда я засну. Во сне. Понимаешь? Я отведу тебя. Ты пойдешь со мной на... на дорогу?

Ястреб задумался.

— Может быть, — наконец ответил он. — Если мы решим идти с тобой, то придем сюда, когда стемнеет.

Ястреб повернулся к Аррену, который тут же открыл дверь. Ему не терпелось уйти отсюда.

После комнаты Зайца сырья темная улица казалась райским уголком. Они отправились в верхний город кратчайшим путем: по кругой каменной лестнице между увитыми плющом стенами домов. Аррен тяжело дышал, как морской лев:

— Уф! Вы сюда вернетесь?

— Да, вернусь, если мне удастся найти более надежный источник, который подтвердит то, что он сказал. Он вполне способен заманить нас в засаду.

— Но разве вы не защищены от воров и прочих преступников?

— Защищен? — спросил Ястреб. — Что ты имеешь в виду? Ты что думаешь, я хожу, опутанный заклинаниями, как старуха, которая боится ревматизма? У меня на это нет времени. Я прячу свое лицо, чтобы скрыть цель нашего путешествия. Только и всего. Мы можем помочь друг другу справиться с врагами. Но избежать опасностей во время путешествия нам не удастся.

— Конечно, нет, — сказал Аррен натянуто. Его гордость была уязвлена. — Я и не стремлюсь уйти от опасности.

— Ну вот и хорошо, — сказал маг твердо, но в его голосе послышалась веселая нотка, и это умерило гнев Арена.

Он и сам удивился этой вспышке ярости. Он никогда не предполагал, что будет разговаривать с Верховным Магом таким тоном. Хотя, с другой стороны, этот Верховный Маг не был Верховным Магом. Этот Ястреб, с курносым носом, толстыми, плохо выбритыми щеками, разговаривал то одним голосом, то другим. Это был чужой голос. И он не внушал Аррену доверия.

— Есть ли смысл в том, что он сказал? — спросил Аррен.

Ему не особенно хотелось возвращаться в темную комнату над вонючей речкой.

— Что за вздор он болтал про то, что он жив и мертв, что он вернется с отрубленной головой?

— Не знаю. Я хотел поговорить с волшебником, который потерял волшебную силу. Он говорит, что не потерял ее, а отдал, продал. За что? Жизнь за жизнь, сказал он. Силу за силу. Нет, я не понимаю его. Но послушать его стоит.

Разумные доводы и твердый голос Ястреба устыдили Аррена еще больше. Он чувствовал себя капризным и нетерпеливым ребенком. Заяц возбудил в нем любопытство. Но теперь оно сменилось отвращением. Ему было противно, как будто он проглотил кусок тухлого мяса. Мальчик решил помолчать, пока не успокоится. В следующую секунду он поскользнулся на стесанной скользкой ступени и ободрал руки о камни, пытаясь удержаться за стену.

— Будь он проклят, этот мерзкий город! — вскричал он в ярости.

— Я думаю, твое проклятие излишне. Он и так проклят, — сухо заметил маг.

Действительно, в городе Хорте творилось что-то непонятное. В самом воздухе чувствовалось дыхание порока. Можно было на самом деле подумать, что над городом тяготеет проклятие. Причем это не было вызвано присутствием каких-то особых черт, а скорее отсутствием, ослаблением всех черт, свойственных обычному городу. Эта зараза быстро поражала душу любого приезжего. Даже тепло полуденного солнца казалось нездоровым. Было слишком жарко для марта. Улицы и площади кишили людьми. Кругом кипела жизнь. Но не чувствовалось ни достатка, ни порядка. Товары были плохие, а цены — высокие. И торговцам и покупателям находиться на рынке было небезопасно. Повсюду сновали воры. Нередко на улицах появлялись целые шайки бандитов. Женщин почти не было. Как правило, они собирались в кучки. В городе не было ни власти, ни закона. Поговорив с жителями, Ястреб и Аррен вскоре узнали, что в Хорте действительно нет ни ратуши, ни мэра. Некоторые из тех, кто раньше правил городом, умерли, другие отошли от дел, третьих убили. Сейчас в разных частях города правили разные вожди. В порту хозяинчили стражники, не забывая набивать себе карманы. В городе не стало центра. Кипучая деятельность людей стала бессмысленной сущей. У ремесленников не было желания хорошо работать. Даже воры грабили только потому, что больше ни на что не годились. Шум и буйство красок огромного портового города составляли чисто внешнее впечатление. Но стоило приглядеться, и вы тут же замечали неподвижные тела любителей хазии. Все вокруг казалось ненастоящим, даже лица, звуки и запахи. Аррен и Ястреб ходили по улицам, разговаривали с людьми. И порой в течение этого длинного теплого дня им казалось, что предметы и здания вокруг расплываются, краски бледнеют. Полосатые навесы, грязные камни мостовой, цветные стены домов — все растворялось в воздухе. И оставался прозрачный город, пустой и мрачный, под лучами подернутого дымкой солнца.

Ближе к вечеру, поднявшись на самый высокий в городе холм, они остановились передохнуть. Только теперь их покинуло зловещее ощущение призрачного города.

— Это несчастливый город, — сказал Ястреб несколько часов назад. А сейчас, после долгого и бесцельного хождения по улицам и бесплодных разговоров с незнакомыми людьми, он выглядел усталым и угрюмым. Видимо, у него уже не было сил удерживать свое превращение. Сквозь черты мнимого купца проглядывало его собственное лицо, темное, с резкими чертами. Аррену никак не удавалось смягчить с себя утреннюю раздражительность. Они сели на траву в

тенистой роще, где росли деревья с темными листьями. На ветвях распускались огромные бутоны. Отсюда город не было видно, только черепичные крыши уступами спускались к морю. Внизу широко раскинулся залив, голубой простор, освещенный мягкими, слабыми лучами весеннего солнца. Морская гладь сливалась с небом. Здесь не было ни четких линий, ни границ. Они смотрели в необъятное голубое пространство. Величие окружающего мира входило в душу. Аррен повеселел. Радость жизни вернулась к нему.

Рядом пробегал ручей. Чистый поток струился между промытыми камнями. Наверное, он начинался от какого-нибудь источника в чудесном саду на горе. Аррен напился прохладной воды и даже окунул голову в ручей. Затем он встал и произнес несколько строк из «Подвига Морреда»:

Благословенны фонтаны Шелиста,
серебряная арфа из водяных струй,
но я вечно благодарен этому ручью, утолившему мою жажду!

Ястреб засмеялся, и Аррен тоже засмеялся. Он встрихнул головой, как собака, и в последних золотистых лучах солнца сверкнул сноп брызг.

Путникам пришлось покинуть рощу и снова спуститься в город. Они поужинали у прилавка, где торговали жирными пирогами с рыбой. Ночь наступила сразу. Темнота быстро поглотила узкие улицы.

— Нам пора, друг мой, — сказал Ястреб.

— На лодку? — спросил Аррен, хотя прекрасно понимал, что пойдут они не к лодке, а в дом над рекой, в пустую, жуткую комнату.

Заяц ждал их на пороге. Он зажег масляную лампу и посвистил им на темной лестнице. Крошечное пламя дрожало в его руке и отбрасывало на стены огромные пляшущие тени.

Заяц принес для гостей еще одну охапку соломы. Но Аррен сел на голом полу у двери. Чтобы охранять дверь, ему следовало бы сесть снаружи. Но мысль о темной лестнице была невыносима, да к тому же за Зайцем надо было следить. Внимание Ястреба и, возможно, его силы будут направлены на то, что ему будет говорить или показывать Заяц. Поэтому Аррен должен быть готов к любым неожиданностям.

Сейчас Заяц держался прямо и почти не дрожал. Он умылся и почистил зубы. И говорил он достаточно разумно, хотя и возбужденно. При свете лампы его глаза казались такими темными, что были похожи на глаза животного, без белков. Он спорил с Ястребом, настойчиво убеждая его поесть хазии.

— Я хочу взять тебя с собой, с собой. Мы должны идти одной дорогой. Скоро я уже пойду, даже если ты не будешь готов. Тебе надо поесть хазии, чтобы ты мог за мной идти.

— Думаю, что смогу идти за тобой и без хазии.

Заяц покачал головой. Его красивое, изборожденное морщинами лицо раскраснелось. Он часто поглядывал на Аррена, как бы приглашая и его с собой, хотя обращался только к Ястребу.

— Послушай, есть два вида людей, правда? Мы и все остальные... Драконы и все остальные. Люди без силы живут только наполовину. Они не в счет. Они не понимают своих снов. Они боятся темноты.

Но мы, повелители людей, мы не боимся идти в темноту. У нас есть сила.

— Есть, пока мы помним названия вещей.

— Но названия не имеют там никакого значения... вот в чем дело, вот в чем дело! Неважно, что ты делаешь, что ты знаешь. Заклинания бесполезны. Все это надо забыть. Все это не нужно. Хазия помогает забыть. Ты забываешь названия, забываешь, как выглядят предметы. Ты идешь прямо к сущему. Я уже очень скоро уйду. Если ты хочешь узнать, куда, делай то, что я говорю. Он тоже так говорит. Чтобы быть повелителем жизни, ты должен быть повелителем людей. Ты должен открыть тайну. Я бы мог сказать тебе ее название, но что такое название? Название — это обман. Только вечность — правда. Драконам нельзя туда ходить. Драконы умирают. Они все умирают. Я съел столько хазии сегодня, что ты меня не догонишь. Куда тебе до меня. Если я сбьюсь с дороги, ты меня поведешь. Тайну помнишь? Помнишь? Смерти нет. Смерти нет... нет! Не будет потной постели. Не будет гниющего гроба. Никогда, никогда. Кровь высыхает, как вода в реке, и исчезает. Страха нет. Смерти нет. Нет имен, нет слов, нет страха. Помоги мне, если я сбьюсь с дороги, помоги мне, господин...

Он продолжал свою бессвязную речь, похожую на заклинание. Но это не было заклинание, а всего лишь разрозненные, бессмысленные фразы. Аррен внимательно слушал, пытаясь понять. Если бы он только мог понять! Ястребу надо сделать так, как он просит. Надо принять наркотик, чтобы выяснить, о чем говорит Заяц. Что это за тайна, о которой он не может или не хочет рассказать. Они же за этим пришли. Но, может быть, маг уже понял... Аррен перевел взгляд с возбужденного лица Зайца на другое лицо. Он увидел твердый профиль, как будто высеченный из гранита. Куда подевался курносый нос, веселый взгляд? Ястреб-купец исчез. От него осталось одно воспоминание. Перед Арреном сидел волшебник, Верховный Маг.

Заяц начал что-то бормотать нараспев. Он сидел на полу, скрестив ноги, и раскачивался. Лицо Зайца осунулось, губы отвисли. Ястреб сидел, повернувшись к Зайцу лицом, и молчал. Их лица освещал свет масляной лампы. Ястреб взял Зайца за руку. Но Аррен не помнил, как он протягивал руку. В ходе событий образовались пробелы, как бы бреши в существовании. Наверняка прошло уже несколько часов. По-видимому, было около полуночи. Если Аррен заснет, то сможет ли он тоже последовать за Зайцем в его сон? Найдет ли он тайную дорогу? Может быть. Сейчас все казалось возможным. Но он должен охранять дверь. Они с Ястребом почти не говорили об этом, но оба понимали, что Заяц вполне мог устроить засаду. Он раньше был пиратом, знался с грабителями. Аррен понимал, что должен стоять на страже, потому что пока дух мага будет путешествовать, его тело будет беззащитно. А он, дурак, оставил свой меч в лодке. Какой прок от ножа, если дверь внезапно откроется? Нет, этого не может произойти. Он слушает внимательно. Он бы услышал шум. Заяц замолчал. В доме наступила полная тишина. Никто не смог бы бесшумно подняться по этой скрипучей лестнице. Если он услышит шум, он предупредит Ястреба, он закричит. Тогда транс прекратится, Ястреб обернется и защитит себя и Аррена кара-

ющей молнией волшебного гнева... Когда Аррен сел у двери, Ястреб взглянул на него. И взгляд его выражал одобрение и доверие. Он стоит на страже. Если он будет стоять на страже, им ничего не угрожает. Но как же трудно следить за этими двумя лицами, за слабым светом лампы на полу. Оба сидели неподвижно и молча, с открытыми глазами. Но их глаза не видели ни лампы, ни грязной комнаты, не видели окружающего мира. Они видели какой-то другой мир, мир сна или смерти... Надо наблюдать за ними и не пытаться идти следом...

А там, в несбыточном мраке, стояла высокая фигура.

— Пойдем, — позвал Повелитель Теней. В руке его сиял крошечный огонек, размером не больше жемчужины. Он протягивал его Аррену, предлагая ему жизнь. Аррен медленно встал и шагнул навстречу.

4. ВОЛШЕБНЫЙ ОГОНЬ

Во рту у него страшно пересохло. На губах он чувствовал вкус пыли. Не поднимая головы, Аррен наблюдал игру теней. Среди них были большие тени. Они двигались, наклонялись, вырастали и уменьшались. Были и маленькие. Они носились по стенам и потолку, передразнивая большие.

На полу он вдруг увидел две фигуры.

У Аррена заболел затылок. Наконец, он осознал, что происходит. Заяц, согнувшись, сидел в углу, уронив голову на колени. Ястреб лежал на спине, раскинув руки. Над ним склонился человек. А другой торопливосыпал в мешок золотые монеты. Третий наблюдал за происходящим. В одной руке у него была лампа, а в другой — нож. Нож Аррена.

Может быть, они разговаривали между собой. Но он не слышал. Он слышал только свой собственный внутренний голос, настойчиво и решительно говоривший ему, что надо делать. И Аррен тут же послушался его. Он прополз немного вперед, резко выбросил левую руку, схватил мешок с деньгами, вскочил на ноги и с диким криком бросился к лестнице. Он ринулся вниз, в непроглядную тьму, не чувствуя ступенек под ногами. Ему казалось, он летит. Он выбежал из дома и что было сил помчался в темноту.

Черные силуэты домов заслоняли звезды. Вдали слабо поблескивала река. Аррен не видел, куда ведут улицы, но различал перекрестья. Тогда он сворачивал, стараясь запутать следы. Они гнались за ним по пятам. Он слышал их совсем близко. Их сапоги были не подкованы, поэтому тяжелое дыхание преследователей было громче, чем топот ног. Если бы у Аррена было время, он бы посмеялся. Теперь он понял, какая разница между охотником и добычей. На этот раз добычей был он сам. Аррен бросился вправо, пригнувшись, пробежал по мосту с высоким парапетом в надежде обмануть преследователей, потом проскользнул в переулок, свернул за угол и вернулся назад, к реке. Некоторое время он бежал вдоль реки, пока не увидел следующий мост. Его башмаки громко стучали по каменной мостовой. Это был единственный звук во всем спящем городе. Он остановился у опоры моста, чтобы расшнуровать башмаки, но шнурки были завязаны на узел. От погони уйти не удалось. На другом берегу мигнул фонарь, и опять послышался негромкий звук

бегущих ног. Спрятаться негде. Единственная надежда на то, что удастся убежать. Бежать, вперед, вперед, увести их подальше от пыльной комнаты, подальше... Они сорвали с него куртку, забрали кинжал. Теперь он остался в одной рубашке.

Аррену было жарко, голова кружилась. С каждым шагом отдавалась боль в затылке. Он бежал, бежал дальше... Мешок мешал ему. Мальчик резко швырнул его на землю. Одна золотая монета выпала и с чистым звоном ударила о камни.

— Заберите свои деньги! — крикнул он хриплым срывающимся голосом.

Аррен побежал дальше. Неожиданно улица кончилась. Свернуть было некуда. Впереди глухая стена заслоняла звездное небо. Тупик. Не останавливаясь, он повернулся и побежал навстречу преследователям. Свет качающегося фонаря слепил его. С диким криком Аррен бросился на врагов.

Перед его глазами раскачивалась лампа, слабое пятно света в подвижной серой мгле. Он долго наблюдал за ней. Свет делался все слабее. Наконец пробежала тень, и свет исчез совсем. Ему было немного жаль, что свет погас, а, может быть, просто жаль себя, ибо он знал, что сейчас должен проснуться.

Погасшая лампа по-прежнему болталась на мачте. Лучи восходящего солнца освещали море, со всех сторон окружавшее корабль. Бил барабан. Тяжело и ритмично скрипели весла. Корабль трещал и пел на все лады. Человек на носу что-то крикнул матросу. Люди в трюме, скованные с Арреном одной цепью, молчали. У каждого из них был железный пояс и кандалы на руках, соединенные короткой и тяжелой цепью. Железный пояс тоже был прикован к палубе, так что человек мог лежать или сидеть, но не мог стоять. Из-за страшной тесноты в маленьком грузовом трюме лечь было невозможно. Аррен был прижат к борту. Если он высоко поднимал голову, его глаза оказывались на одном уровне с палубой.

Из событий прошлой ночи, кроме погони и тупика, он почти ничего не помнил. Он дрался, потом его сбили с ног, скрутили руки и куда-то потащили. Рядом кто-то говорил странным шепотом. Аррен смутно припоминал какое-то помещение, похожее на кузницу, красное пламя горна, рвущееся вверх... Больше он ничего не помнил. Однако он понимал, что находится на невольничьем судне и его продадут в рабство.

Ему было все равно. Его мучила жажда. Все тело ныло. Голова раскалывалась. Солнечные лучи иглами кололи глаза. Около полудня пленникам дали по четверти булки и воды из кожаной фляги. Человек с тяжелым, грубым лицом по очереди подносил ее к губам каждого пленника. Его шею охватывала кожаная лента с золотыми заклепками, похожая на собачий ошейник. Когда Аррен услышал его голос, он узнал этот тихий свистящий шепот.

Вода и пища на некоторое время облегчили его физические страдания. К Аррену вернулась способность ясно мыслить. Он посмотрел на лица своих товарищей по несчастью, троих в своем ряду и четверых в следующем. Некоторые сидели, опустив головы на согнутые колени. Один лежал, скрючившись. Наркотики или болезнь. Рядом с Арреном сидел парень лет двадцати с широким плоским лицом.

— Куда нас везут? — спросил Аррен.

Парень взглянул на него. Их лица оказались совсем рядом. Он усмехнулся и пожал плечами. Аррен решил, что он не знает. Но парень дернул руками, пытаясь объяснить, и открыл рот, показывая черный обрубок вместо языка.

— В Шаул, — сказал человек сзади.

— Или в Амрун на рынок, — добавил другой.

Тогда человек в ошейнике, который, как казалось, находился сразу везде, нагнулся и прошипел:

— Молчать, если не хотите стать приманкой для акул.

Аррен попытался представить себе эти места: Шаул, рынок в Амруне. Там продают рабов. Их выстраивают перед покупателями, как быков или баранов на рынке в Бериле. И он будет стоять там, закованный в цепи. Кто-нибудь купит его и отведет к себе домой. Ему прикажут что-нибудь сделать, а он не станет. Или же выполнит приказание, а потом попытается убежать. Так или иначе, его убьют. Дело не в том, что его душа не принимала саму мысль о рабстве. Аррену было слишком плохо и страшно, чтобы думать об этом. Просто он знал, что не может выполнять приказания. Он знал, что через одну-две недели он умрет или его убьют. Мальчик смирился с этим, но будущее все равно пугало его. Аррен попытался заставить себя не думать о завтрашнем дне. Он посмотрел вниз, на грязное черное дно трюма. Солнце обжигало его обнаженные плечи. Во рту снова пересохло. От жажды сдавило горло.

Солнце село. Наступила ночь, ясная и холодная. На небе появились яркие звезды. Медленно бил барабан, задавая ритм гребцам. Стоял полный штиль. Теперь Аррен больше всего страдал от холода. Согнутые ноги человека, сидящего сзади, немного грели ему спину, а слева согревал немой, который сидел, согнувшись, и что-то монотонно тянул себе под нос. Гребцы сменялись, снова забил барабан. Аррен с нетерпением ждал наступления темноты. Но заснуть он не мог. Все тело ломило. Сидеть было очень неудобно. Его мучили жажда, холод и боль. Он стал смотреть на звезды. С каждым взмахом весел звезды прыгали по небу. Потом они возвращались на место, замирали, снова прыгали, становились на места, останавливались...

Человек в ошейнике и еще один стояли возле мачты, где качался маленький фонарь. Против света их головы и плечи казались черными силуэтами.

— Туман, ты — свиное рыло, — произнес отвратительный глухой голос человека в ошейнике. — Откуда здесь туман, в Южных Проливах в это время года? Проклятое невезенье!

Бил барабан. Звезды прыгали вперед и назад, потом замирали. Вдруг немой, сидевший рядом с Арреном, вздрогнул, поднял голову и дико закричал. Это был кошмарный звериный вопль.

— Тихо! — проревел второй человек около мачты.

Немой снова вздрогнул и замолчал, причмокивая губами.

Незаметно звезды растворились в тумане.

Мачта задрожала и исчезла. Аррену показалось, что ему на плечи набросили холодное серое одеяло. Барабан замолчал в непрерывности, потом забил снова, но уже медленно.

— Густой, как простокваша, — произнес хриплый голос над головой Аррена. — Гребите! Быстрее! Здесь нет мелей на двадцать миль вокруг!

Из тумана показалась мозолистая нога, покрытая шрамами, замерла на мгновение у лица Аррена и со следующим шагом исчезла.

В тумане не чувствовалось движения корабля вперед, только покачивание и толчки. Глухо бил барабан. Сырой и холодный туман каплями оседал на волосах Аррена. От холода у него стучали зубы. Вода попадала в глаза. Он пытался ловить капли языком и вдыхал сырой воздух, надеясь хоть немного утолить жажду. Холодная цепь колотила его по ноге, обжигая, как огнем. Барабан бил, бил и вдруг замолчал.

Наступила тишина.

— Где барабан! В чем дело? — донесся хриплый свистящий голос с носа корабля.

Ответа не последовало.

Корабль легко покачивался на спокойных волнах. За бортом ничего не было видно. Раздался страшный скрежет. В мертвой тишине и зловещей темноте он показался особенно громким.

— Мы сели на мель, — прошептал один из пленников.

Его голос поглотила тишина.

Туман засвятился, как будто рядом вспыхнул огонь. Аррен четко видел головы прикованных к нему людей. На их волосах светились крошечные капельки воды. Корабль снова качнулся. Аррен приподнялся, насколько позволяли цепи, и, вытянув шею, попытался разглядеть, что происходит на носу. Сияние освещало палубу, будто холодная луна сквозь тонкое облако. Гребцы замерли, как деревянные. Команда собралась в центре палубы. Глаза горели неестественным блеском. У левого борта отдельно от всех стоял человек. Его лицо и руки излучали сияние. Посох горел, как расплавленное серебро.

У ног светящейся фигуры что-то темнело.

Аррен хотел крикнуть, но не смог. В величественном сиянии света Верховный Маг подошел к нему и опустился на колени. Аррен почувствовал прикосновение его руки, услышал знакомый голос. Оковы упали с него. В трюме загремели цепи, однако никто не двигался. Аррен попытался встать, но не смог. Его охватило оцепенение. Маг крепко держал мальчика за руку. Он помог Аррену выбраться из трюма. В изнеможении Аррен опустился на палубу.

Верховный Маг отошел в сторону. На неподвижные лица гребцов легли отблески света. Он остановился около человека, скрючившегося у левого борта.

— Я не наказываю, — произнес ясный твердый голос, холодный, как волшебный огонь в тумане. — Но ради справедливости, Эгер, кое-что я возьму на себя. Пусть у тебя не будет голоса, пока ты не найдешь слово, которое стоит сказать.

Маг вернулся к Аррену и помог ему подняться на ноги.

— Пойдем, парень, — сказал он.

С его помощью Аррен доковылял до борта и, перевалившись через перила, спустился в лодку, которая покачивалась у борта. Это была «Гляди в оба». В тумане ее парус казался крылом огромной бабочки.

В полной тишине свет погас. Лодка развернулась и бесшумно заскользила прочь от судна. В одно мгновение галера, фонарь на мачте и неподвижные гребцы исчезли. Аррену показалось, что на

корабле кричат, но звук был далекий и скоро растаял в тумане. Вскоре туман поредел, распался на отдельные клочья. Ветер уносил их в темноту. В небе снова появились звезды. Бесшумно, как гигантская ночная бабочка, «Гляди в оба» понеслась по волнам.

Ястреб укрыл Аррена одеялами, дал ему воды. Он сел, положив руку на плечо Аррена. Неожиданно мальчик расплакался. Ястреб ничего не сказал. Но в прикосновении его руки чувствовалась и доброта, и твердость. Постепенно Аррен пришел в себя. Тепло и мягкое покачивание лодки успокоили его.

Мальчик посмотрел на своего спутника. Неземное сияние больше не освещало его темное лицо. На фоне звездного неба оно почти не было видно.

Лодка, управляемая колдовством, мчалась вперед. Волны за бортом шептались, как бы удивляясь ее скорости.

— Кто был этот человек в ошейнике?

— Лежи спокойно. Пират Эгер. Он носит ошейник, чтобы спрятать ужасный шрам. Когда-то ему чуть не перерезали горло. Поже, он сменил ремесло пирата на торговлю рабами. Но на этот раз он промахнулся.

В ровном голосе Мага прозвучала довольная нотка.

— Как вы нашли меня?

— Немного колдовства, немного подкупа... Я потерял много времени. Мне не хотелось, чтобы узнали, что Верховный Маг и хранитель Роука шатается по трущобам Хорта. Жаль, что мне не удалось сохранить свой облик. Пришлось разыскивать сначала одного человека, потом другого. Наконец, я узнал, что это невольничье судно отчалило до рассвета. Тогда я по-настоящему рассердился. Сел в «Гляди в оба», наполнил ветром ее паруса в полный штиль и намертво приkleил весла всех кораблей в гавани... на некоторое время... Как они это объяснят, если колдовство — воздух и обман, их проблема. Но я очень спешил, я был зол, поэтому не сразу нашел корабль Эгера. Он пошел на юго-восток, чтобы обойти отмели, я обогнал его. В этот день все шло из рук вон плохо. В Хорте нет удачи... В конце концов, я произнес заклинание, которое помогло мне найти тебя. Так я оказался на корабле. А теперь тебе лучше поспать.

— Я не хочу спать. Мне уже гораздо лучше.

Озnob сменился легким жаром. Аррену, правда, было хорошо. Его охватила приятная истома. Но мысль легко перескакивала с одного предмета на другой.

— Вы скоро проснулись? Что случилось с Зайцем?

— Я проснулся на рассвете. Хорошо, что у меня голова крепкая. За ухом у меня шишка и глубокий порез. Когда я уходил, Заяц еще не очнулся от хазии.

— Не получился из меня часовой.

— Но ты же не заснул.

— Нет, — Аррен заколебался. — Это... Я...

— Ты обогнал меня. Я тебя видел, — непонятно сказал Ястреб. — Они незаметно прокрались в дом, стукнули нас по голове, как телят на бойне, забрали золото, хорошую одежду, раба, которого можно хорошо продать. Они за тобой охотились, друг мой. На рынке в Амрунсе за тебя бы выручили крупную сумму. На такие деньги можно даже купить ферму.

— Они меня не очень сильно ударили. Я очнулся. Но я заставил их побегать. А еще я успел разбросать их деньги по всей улице, прежде чем они загнали меня в угол.

Глаза Аррена блеснули.

— Ты очнулся, когда они еще были там... и побежал? Почему?

— Чтобы увести их от вас.

Удивление Ястреба задело гордость Аррена. Он горячо заговорил:

— Я думал, они гонятся за вами. Думал, они могут убить вас.

Я схватил их мешок, чтобы они побежали за мной. Я закричал и выбежал из дома. Они погнались за мной.

— Еще бы!

Больше Ястреб ничего не сказал, даже не похвалил Аррена. Он просто сидел и думал. Через некоторое время он спросил:

— А тебе не приходило в голову, что я уже умер?

— Нет.

— Сначала убить, а потом ограбить, так ведь гораздо проще.

— Об этом я не подумал. Я думал только о том, чтобы увести их от вас.

— Зачем?

— Вы смогли бы защитить нас, и мы бы оба выбрались из этой передряги, если бы, конечно, успели проснуться. Или вы хотя бы спаслись сами. Я стоял на страже, но ничего у меня не вышло. Я хотел исправить свою ошибку, ведь это я вас охранял. Ваша жизнь бесцenna. А я должен вас охранять, делать все, что потребуется. Вы нас поведете. Только вы можете дойти до цели, победить зло.

— Я? — переспросил маг. — До вчерашнего вечера я и сам так думал. Я считал, у меня есть последователь. Но мне самому пришлось идти за тобой, мой мальчик.

Его ровный голос звучал немного насмешливо. Аррен не знал, что ответить. Он был совершенно сбит с толку и чувствовал себя виноватым, потому что заснул на часах. Попытка увести грабителей от Ястреба не могла загладить его вину. Теперь выходило, что это глупость, а то, что маг погрузился в транс в самый неподходящий момент, удивительно умный поступок.

— Простите меня, господин Верховный Маг, — наконец сказал мальчик.

Губы его дрожали. Он с трудом сдерживал слезы.

— Простите меня, я подвел вас. А вы спасли мне жизнь...

— А, может быть, ты мне, — серьезно произнес маг. — Кто знает? Они бы могли перерезать мне горло. Но не будем больше об этом, Аррен. Я рад, что мы снова вместе.

Он подошел к ящику и стал возиться с маленькой угольной печкой. Аррен лежал на спине и смотрел на звезды. Он немного успокоился. К нему вернулась способность трезво рассуждать. И тогда он понял, что Ястреб не будет его судить за то, что он сделал, и за то, чего не сделал. Все поступки Ястреб воспринимал, как свершившийся факт.

— Я не наказываю, — сказал он тогда Эгеру ледяным голосом. Но он и не награждал. Однако Ястреб немедленно пришел на помощь Аррену. Он проплыл на лодке огромное расстояние, призвал на помочь волшебство. Наверняка он бы сделал это снова в случае необходимости. Аррен мог на него положиться. Этот человек был

достоин его любви и доверия. И сам он тоже доверял Аррену. Раз Аррен поступил так, значит, это правильно.

Ястреб подошел к мальчику и протянул ему дымящуюся чашку с горячим вином.

— Может быть, после этого тебе захочется спать. Осторожно, не обожги язык.

— Откуда вино? Я не видел на лодке бурдюка...

— На этой лодке находится больше, чем кажется, — сказал Ястреб, усаживаясь рядом.

Аррен услышал, как маг тихонько смеется в темноте.

Он приподнялся, чтобы выпить вино. Оно оказалось отличным, придало Аррену сил и подняло настроение. Он спросил:

— Куда мы направляемся?

— На запад.

— Куда вы ходили с Зайцем?

— В темноту. Я не терял его из виду, но он сбился с пути. Он бродил у наружных границ, в бесконечных пустынях бреда и кошмара. В этих жутких местах его душа пищала, словно птица в сетях. Он плохой проводник. Заяц все время сбивался с пути. Хотя он и был волшебником, но никогда не видел дороги перед собой. Он видел лишь самого себя.

Аррен не все понял из того, что говорил маг. Но сейчас он и не стремился к этому. Он уже немного попробовал той «темноты», о которой говорили волшебники. Ему не хотелось об этом вспоминать. Это не имело к нему никакого отношения. Он даже не хотел засыпать, чтобы не увидеть во сне темную фигуру, тень, которая протягивала жемчужину и шептала: «Сюда!»

— Господин Верховный Маг, — сказал он, резко переводя разговор на другую тему, — почему...

— Спи! — сказал Ястреб, начиная сердиться.

— Я не могу спать, господин Верховный Маг. Я не понимаю, почему вы не освободили остальных рабов.

— Освободил. Я снял оковы со всех.

— Но люди Эгера были вооружены. Если бы вы надели оковы на них...

— Да, если бы я на них надел оковы? Их было всего шесть человек. Грэбцы были рабами в кандалах, как и ты. Возможно, Эгер и его люди уже мертвые. Или их самих заковали в цепи и продадут в рабство. Но я оставил им возможность защищаться или торговаться за свою жизнь. Я не работоторговец.

— Но ведь вы знаете, это плохие люди...

— Значит, мне надо было встретиться с ними раньше? Чтобы их поступки управляли мною? Я не буду за них решать и не разрешу им решать за меня!

Аррен помолчал, обдумывая слова мага. Немного погодя Ястреб тихо сказал:

— Видишь ли, Аррен, поступок — это не камень, который можно поднять и бросить, попасть или промахнуться, и дело с концом. Так думают некоторые молодые люди. Когда поднимают камень, земля становится легче, а рука поднимающего — тяжелее. Когда камень бросают, изменяется путь движения звезд. И в том месте, где он попадает в цель или падает на землю, изменяется вселенная. От

каждого отдельного поступка зависит равновесие в целом. Всё, что делают ветры и моря, силы воды, земли и света, все, что делают животные и растения, все это хорошо и правильно. Они не нарушают Равновесие. Все, начиная от урагана и крика гигантского кита и кончая падением сухого листа и полетом комара — все делается с соблюдением равновесия в целом. Но мы, те, кто имеет власть над миром и над себе подобными, мы еще должны научиться тому, что лист, кит и ветер умеют делать от природы. Мы должны научиться хранить равновесие. Мы наделены разумом и не должны поступать, как невежды. У нас есть выбор, и мы не можем пренебречь своей ответственностью. Кто я такой, чтобы наказывать или награждать, чтобы играть судьбами людей, даже если я способен сделать это?

— Но тогда, — сказал мальчик, нахмутив брови, — равновесие можно поддерживать бездействием? Однако человек должен действовать, даже если не знает всех последствий своих поступков. Только так он сможет чего-то добиться.

— Не беспокойся. Людям гораздо легче действовать, чем откаться от действий. Мы делаем добро, и зло... Но если бы у нас снова был король, и он, как в старину, спросил бы совета у мага, и я был бы этим магом, то я сказал бы ему:

— Мой господин, не делайте ничего только потому, что вы считаете это правильным, достойным или благородным. Не делайте того, что вам кажется хорошим. Делайте только то, что вы должны делать, только то, без чего нельзя обойтись.

В голосе Ястреба было что-то такое, что заставило Аррена повернуть голову и посмотреть на него. Мальчику показалось, что вокруг лица мага снова появилось сияние. Аррен посмотрел на его орлиный нос, изуродованную шрамами щеку, темные выразительные глаза и подумал с любовью и одновременно со страхом: «Он выше меня».

Однако вскоре Аррен понял, что лицо мага освещает не волшебный огонь, не холодное величие колдовского сияния, а обычный рассвет. Начинался новый день. И эта сила была более могущественной, чем сила волшебства. А годы пощадили Ястреба не больше, чем любого другого человека. По мере того, как становилось светлее, все яснее проступали на его утомленном лице следы времени. Он зевнул...

Так, раздумывая и не переставая удивляться, Аррен наконец заснул. Ястреб сидел рядом, наблюдая восход солнца. Так обычно осматривают больного ребенка или драгоценный камень, когда ищут в нем изъян.

5. МОРСКИЕ СНЫ

Ближе к полуночи Ястреб остановил волшебный ветер. Теперь обычный бриз плавно нес лодку на юго-запад. Далеко справа промелькнули горы южного Уотхорта. Постепенно они стали синими, маленькими и слились с морскими волнами.

Аррен проснулся. Море нежилось под жаркими лучами полуденного солнца: бесконечная водная гладь, залитая бесконечным светом. Ястреб сидел на корме в набедренной повязке и тюбане из папусины. Он тихонько напевал, отбивая ладонями по банке, как по барабану, легкий монотонный ритм. Песня эта не была ни заклинанием, ни балладой о подвигах героев или королей. Это была

простая мелодия с незатейливыми словами. Такую песню мог бы петь мальчик, пасущий коз долгими летними днями на высоких пастбищах Гонта.

Из моря выпрыгнула рыба и далеко пролетела по воздуху на негнувшихся блестящих плавниках, похожих на крылья стрекозы.

— Мы в Южной провинции, — сказал Ястреб, когда песня кончилась. — Странное место. Говорят, рыбы здесь летают, а дельфины поют. Вода теплая, можно поплавать. С акулами у меня прекрасные отношения. Смой с себя прикосновение рук работниковцев.

У Аррена болел каждый мускул. Всякая мысль о движении была ему неприятна. Кроме того, плавал он неважно. Море вокруг Энлада неспокойно. Там больше борешься с волнами, чем плаваешь, поэтому быстро устаешь. А это голубое море сначала показалось мальчику холодным, но потом ему очень понравилось плавать. Боль как рукой сняло. Он плескался возле лодки, как молодой морской змей, поднимая фонтаны брызг. Ястреб присоединился к нему и уверенно поплыл рядом. «Гляди в оба» послушно ждала их, сверкая белыми парусами. Из моря снова выскочила рыба, Аррен погнался за ней. Она нырнула, потом снова выпрыгнула и поплыла в воздухе, догоняя Аррена.

Мальчик весело играл с водой и светом и загорал до тех пор, пока край солнца не коснулся моря. Ястреб, темнокожий и коренастый, плыл рядом с лодкой, направляя ее. В его движениях не было ничего лишнего. Такая сдержанность свойственна зрелому возрасту. Он соорудил над лодкой навес из парусины и с удовольствием наблюдал за плавающим мальчиком и летающей рыбой.

— Куда мы направляемся? — спросил Аррен, сыто поужинав соленым мясом и сухим хлебом. Сгущались сумерки, и его снова клонило в сон.

— В Лорбанери, — ответил Ястреб.

Это мелодичное, ничего не значащее для него название было последним словом, которое услышал Аррен в тот вечер. Оно вплелось в его сны. Вот он идет по кучам мягких светлых лоскутков и ниток, розовых, золотых и голубых. Это доставляло ему непонятное удовольствие. А кто-то рядом сказал:

— Это шелковые поля Лорбанери. Здесь никогда не темнеет.

А к концу ночи, когда на весеннем небе появились звезды осени, ему приснилось, что он находится в разрушенном доме. Все было покрыто сухой пылью. В углах висели рваные клочья пыльной паутины. Ноги Аррена были опутаны паутиной. Паутина залепляла ему рот и нос, мешала дышать. Но самым ужасным было то, что эта комната с обвалившимся высоким потолком была тем самым залом, где он завтракал с Магистрами в Большом Доме на Роуке.

Аррен проснулся встревоженный. Сердце тяжело билось. Ноги неудобно упирались в банку. Он сел, пытаясь отряхнуть с себя тяжелый сон. Небо на востоке еще не просветлело, но тьма уже рассеивалась. Мачта скрипела. Над головой неясно вырисовывался парус, по-прежнему туго натянутый северо-восточным ветром. На корме крепко спал его спутник. Аррен снова лег и продремал до восхода солнца.

В этот день море было голубее и спокойнее, чем можно себе представить. Вода такая чистая и теплая, что казалось, будто ты

не плывешь, а скользишь или паришь в воздухе. Ощущение странное, как во сне.

Около полудня Аррен спросил:

— Волшебники придают большое значение снам?

Ястреб ловил рыбу, внимательно следя за леской. Он ответил не сразу:

— А что?

— Я хотел спросить, сны говорят правду?

— Конечно.

— Они правильно предсказывают будущее?

Но в этот момент рыба клюнула. И через десять минут, когда маг вытащил из моря их обед, великолепного серебристо-голубого окуня, вопрос был полностью забыт.

Днем, когда они отдыхали под навесом, защищавшим их от палящих лучей южного солнца, Аррен спросил:

— Что мы ищем в Лорбанери?

— То, что ищем, — ответил Ястреб.

Аррен помолчал немного, а потом сказал:

— У нас на Энладе есть история о мальчике, учителем которого был камень.

— Да?.. И почему же научился этот мальчик?

— Не задавать вопросов.

Ястреб неопределенно хмыкнул, как бы подавляя смех, и сел.

— Очень хорошо! — сказал он. — Хотя я предпочитаю помолчать, если точно не знаю, что сказать. Почему нет больше волшебства в Хорте, Нарведуэнсе, а, может быть, и во всех провинциях? Ведь мы это должны выяснить, не так ли?

— Да.

— Ты знаешь старую мудрость, которая гласит: «Правила измениются в провинциях»? Она хорошо знакома морякам. Но на самом деле это волшебное правило. Оно означает, что сила волшебства зависит от места. Заклинание, которое прекрасно действует на Роуке, может оказаться пустым звуком на Иффише. Язык Созидания помнят не везде. Где-то знают одно слово, где-то другое. А сами заклинания сплетаются с землей и водой в том месте, где их производят, с ветром и со светом. Однажды я заплыл так далеко на восток, что ни ветер, ни вода не подчинялись моему приказу. Им были неизвестны их истинные имена, хотя, скорее, это я их неправильно называл. Мир велик. Мы не знаем полностью даже Открытого моря, не говоря уже о том, что есть и другие миры. Я сомневаюсь, существует ли такое слово, которое будет иметь значение и силу везде и всегда, при таких огромных расстояниях и на протяжении длительного времени. Если, конечно, это не Первое Слово, произнесенное Сегоем, которое создало наш мир, или не Последнее Слово, которое еще не сказано и не будет сказано до конца света... Поэтому даже на нашем Архипелаге, на маленьких островах, которые нам известны, находится место для различий, тайн и изменений. А о Южной Провинции известно совсем мало. Вот где больше всего тайн. Мало кто из волшебников Внутренних островов побывал в тех краях. Там не особенно жалуют волшебников. Жители считают, что умеют колдовать по-своему. Но это всего лишь слухи. Возможно, искусство волшебства никогда не было там распространено. Может быть, его

плохо понимали. Если это так, то тому, кто задался целью уничтожить волшебство, будет нетрудно это сделать там, гораздо легче, чем на Внутренних островах. До нас доходят слухи, что на Юге пропало волшебство. Но ведь только где есть порядок, наши действия имеют силу и глубокие последствия. А где нет цели, поступки бессмысленны и напрасны. Та толстая женщина с зеркалами... Она потеряла способность колдовать. Но теперь она думает, что никогда не умела этого. А Заяц жует хазию и считает, что ушел дальше, чем все волшебники, вместе взятые. Хотя в действительности не успел он войти в область снов, как тут же заблудился... Но все-таки куда же он шел? Что искал? Куда девалась его волшебная сила? Я думаю, с Хортом мы уже достаточно знакомы. Поэтому мы плывем дальше на юг, в Лорбанери. Посмотрим, чем занимаются местные колдуны. Узнаем то, что мы должны узнать... Я ответил на твой вопрос?

— Да, но...

— Тогда пусть камень немного помолчит! — сказал маг.

И он сел у мачты под навесом, отбрасывающим желтоватую тень, и стал смотреть на запад. А лодка, мягко рассекая волны, шла на юг сквозь жаркий полдень. Ястреб сидел прямо и неподвижно. Прошло несколько часов. Аррен пару раз купался. Он просто тихо соскальзывал в воду с кормы, потому что ему не хотелось попадать в поле зрения Ястреба, который по-прежнему смотрел на запад и, казалось, заглядывал за горизонт, за границы света.

Наконец, Ястреб нарушил молчание и заговорил, хотя каждый раз, обращаясь к Аррену, он произносил не больше одного слова. Воспитание Аррена помогало ему быстро определять настроение, скрытое за вежливостью или сдержанностью. Он понял, что на сердце у его спутника тяжело. Мальчик больше не задавал вопросов и только вечером спросил:

— Если я спою, это не помешает вашим мыслям?

Ястреб попытался пошутить:

— Это зависит от пения.

Аррен сел, оперевшись спиной о мачту. Его голос уже не был таким звонким, как много лет назад, когда он занимался с учителем музыки в Бериле под аккомпанемент огромной арфы. Теперь высокие ноты его голоса стали более хриплыми, и низкие звучали глубоко и чисто, как виолончель. Он спел Жалобу Белого Чародея. Эту песню сложила Эльфарран, когда узнала о смерти Морреда и о приближении своей собственной гибели. Поют ее редко и лишь в особых случаях. Ястреб слушал сильный и уверенный молодой голос, печально плывущий между красным небом и морем, и на его глаза навернулись слезы.

Аррен спел песню до конца, немного помолчал и начал петь более простые и короткие песни, скрашивающие однообразие безветреного вечера, плавно бегущих волн и угасающего дня.

Когда он кончил петь, все вокруг замерло: и воздух, и море. Только чуть слышно поскрипывала мачта. Над притихшим морем одна за другой появлялись звезды. Вдруг на южном небосклоне вспыхнул ослепительно яркий желтый свет и послал вниз дождь золотых искр.

— Смотрите! Она указывает нам путь! Это звезда? — спросил Аррен.

Ястреб немного подумал и ответил:

— Должно быть, это звезда Гобардон. Ее можно увидеть только в Южной провинции. Гобардон означает Корона. Курремкармеррук учил нас, что если проехать еще дальше на Юг, то над самым горизонтом под Гобардоном появятся одна за другой восемь звезд. Они образуют большое созвездие. Некоторые говорят, что это бегущий человек, другие — что это руна Агнен. Руна Конца.

Звезда поднялась высоко над горизонтом. Она светила ровным золотым светом.

— Ты пел песню Эльфарран, — сказал Ястреб, — как будто знаком с ее горем и рассказал об этом мне... Эта легенда всегда волновала меня сильнее всех легенд Архипелага. Морред своим мужеством победил зло. Шерриад, добрый король, родился, когда зло уже было побеждено. А она, Эльфарран... Когда я совершил самое большое зло в своей жизни, я думал о ней, и я увидел ее... На одно мгновение, но я увидел Эльфарран.

По спине Аррена пробежала холодная дрожь. Он ничего не ответил и молча наблюдал за прекрасной печальной звездой, сверкающей, как желтый топаз.

— Кто твой любимый герой? — спросил маг, и мальчик ответил:

— Эррет-Акбе.

— Да, это самый великий герой.

— Я все время думаю о его смерти: как он один сражался с драконом Ормом на берегу Селидора. А ведь он мог бы стать королем Архипелага. Но вместо этого он выбрал смерть.

Маг ничего не ответил. Некоторое время каждый был погружен в свои мысли. Потом Аррен спросил, все еще глядя на золотой Гобардон:

— Значит, это правда, что мертвых можно оживить посредством колдовства?

— Да, можно.

— Так бывает? Как это делают?

— При помощи заклинания для вызова духов, — ответил его собеседник очень неохотно и почему-то вздрогнул.

Аррен подумал, что он больше ничего не скажет, но через некоторое время Ястреб продолжал:

— Эти заклинания входят в учение Пална. Магистр по Вызыванию Духов не обучает этому заклинанию и не использует его сам. Им вообще редко пользовались и, как правило, не по назначению. Великие заклинания были созданы Серым Магом Палном тысячу лет тому назад. Он вызывал духов героев и магов, чтобы они давали советы правителям в ведении войн и управлении городами. Он вызывал даже Эррета-Акбе.

— И что дальше?

— Советы мертвых не приносят пользы живым. Для Пална настали плохие времена. Серого Мага изгнали. Он умер в безвестности.

Ястреб говорил неохотно, но все же он ответил на вопрос Аррена, как будто считал, что Аррен имеет право получить ответ. А Аррен продолжил расспрашивать:

— Значит, сейчас никто не пользуется этими заклинаниями?

— Я знал только одного человека, который часто ими пользовался.

— Кто это был?

— Он жил в Хавноре. Его считали простым колдуном, но по-своему это был великий мастер. Он хорошо зарабатывал своим искусством. Каждому, кто платил, он показывал по его желанию любой дух: покойную жену, мужа или ребенка. Он заполнял дома людей беспокойными тенями прошлых веков, прекрасных дам времен королей. Однажды я видел, как он вызвал из Сухой Земли моего старого учителя Неммерля, который в дни моей молодости был Верховным Магом. Этот фокус он проделал лишь затем, чтобы развлечь зевак. И душа этого великого человека явилась на его зов, как послушная собака. Я рассердился и решил поставить его на место. В то время я еще не был Верховным Магом. Я бросил ему вызов.

— Ты приглашаешь души мертвых в свой дом. А не хочешь ли сам навестить их?

И я заставил его пойти со мной, хотя он сопротивлялся изо всех сил, изменял свою внешность и громко плакал в темноте.

— Значит, вы убили его? — взволнованно прошептал Аррен.

— Нет! Я заставил его пойти со мной и вернуться. Всю дорогу он трялся от страха. Тот, кто с легкостью вызывал души умерших, боялся смерти, своей собственной смерти, больше, чем кто-либо другой. У каменной стены... Но я говорю тебе больше, чем следует знать новичку. А ты еще даже не новичок.

Проницательные глаза Верховного Мага смотрели на Аррена из полутины. Аррен смутился.

— Ну ладно, — продолжал Верховный Маг. — Между жизнью и смертью существует каменная стена. За эту стену уходит душа умершего. Живой тоже может туда пойти и вернуться, если он знает дорогу... Около каменной стены, со стороны живых, этот человек упал. Он хватался руками за камни, плакал и стонал. Я заставил его идти дальше. Его страх вызывал у меня ярость и отвращение. Конечно, я был не прав. Но меня охватили гнев и тщеславие. Он был силен, и мне необходимо было доказать, что я сильнее.

— А что он сделал потом... когда вы вернулись?

— Он ползal передо мной на коленях, клялся, что никогда не будет произносить заклинания Пална и целовал мне руку. Если бы это было в его силах, он убил бы меня.

— Что с ним стало?

— Он уехал куда-то на запад. Больше я о нем не слышал. В то время, когда я его знал, это был крепкий старик с длинными руками, как у борца, и совершенно белыми волосами. Сейчас он уже умер. Я даже не могу вспомнить его имени.

— Его настоящего имени?

— Нет! Настоящее его имя я помню...

Ястреб немного помолчал.

— В Хавноре его звали Кобом, — задумчиво произнес он.

Уже совсем стемнело, поэтому выражение его лица невозможно было различить. Он повернул голову и посмотрел на золотую звезду. Звезда поднялась выше и отбрасывала ломаный золотой след, тонкий, как паутина. Немного погодя он сказал:

— Не только во сне, Аррен, мы сталкиваемся с будущим, которое заключено в давно забытом. Часто оно кажется нам чепухой, потому что мы не понимаем его смысла.

6. ЛОРБАНЕРИ

Когда плыть оставалось еще миль десять, они увидели зеленый берег Лорбанери, яркий, как мох вокруг фонтана. Приблизившись, они смогли рассмотреть стволы и листья деревьев, тени, дороги, дома, лица и одежду людей, пыль —короче, все, что можно увидеть на острове, где живут люди. Зеленый цвет здесь явно преобладал. Каждый уголок, не занятый домом или дорогой, был засажен низкими раскидистыми деревьями хурба, листьями которых питаются маленькие червячки —шелкопряды. Из их шелка мужчины, женщины и дети Лорбанери ткут ткань. В сумерках воздух наполняется серыми летучими мышами, которые питаются этими червячками, уничтожая их в больших количествах, но им никто не мешает. Ткачи считают, что убить серую летучую мышь — дурное предзнаменование. И раз уж люди живут за счет червячков, то крохотные мыши тем более имеют на это право.

Дома выглядели необычно из-за маленьких окон, беспорядочно разбросанных по стенам. Крыши из веток хурба покрывал мох и лишайник. Когда-то это был один из самых богатых островов Южной провинции. Об этом свидетельствовали некогда красиво выкрашенные и хорошо обставленные дома, огромные веретена и ткацкие станки. К удобным каменным причалам небольшой гавани Сосара одновременно могли причалить несколько галер. Но сейчас здесь не было ни одного корабля. Краска на домах облупилась. Новой мебели не покупали. Большинство веретен и станков стояли без работы, покрытые пылью и паутиной.

— Колдуны? — переспросил деревенский голова, низенький человек с лицом таким же грубым и коричневым, как подошвы его босых ног. — В Лорбанери нет колдунов. И никогда не было.

— Кто бы мог подумать, — уважительно произнес Ястреб.

Он и еще восемь или девять жителей сидели в трактире, попивая терпкое вино из ягод хурба. Ястребу пришлось сказать им, что он ищет в Южной провинции камень эммел. Он не стал менять внешность ни себе, ни Аррену. Только Аррен, как обычно, оставил меч в лодке, а Ястреб так закодировал свой посох, что его совсем не было видно. Сначала жители были настроены недоброжелательно и даже враждебно. Только общительность Ястреба и уважение, которое он внушал, заставили их вступить с ним в беседу.

— У вас здесь, наверное, замечательные садовники, — сказал Ястреб. — А что они делают в случае заморозков?

— Ничего, — ответил худой человек в конце скамьи.

Все они сидели в ряд, прислонившись спинами к стене. По соломенной крыше гостиницы барабанил крупный теплый апрельский дождь.

— Опасен дождь, а не снег, — сказал голова. — Загнивают коконы. Никто не может остановить дождь. И никогда не мог. — Он был настроен против колдунов и колдовства. Остальные задумались.

— В это время года никогда не было дождя, пока был жив старик, — произнес один из них.

— Кто? Старый Мильдь? Ну так он умер, — ответил голова.

— Его называли Садовник, — сказал худой человек.

— Да, его называли Садовник, — подтвердил его сосед.

Наступила тишина. Слышно было только, как стучит дождь.

Аррен сидел в единственной комнате гостиницы у окна. Он обнаружил на стене старую трехструнную лютню. На таких лютнях с длинным грифом играют на Шелковом Острове. Аррен стал на ней играть, пытаясь извлечь мелодичные звуки. Он играл тихо, не громче, чем дождь стучал по крыше.

— На рынке в Хорте, — сказал Ястреб, — я видел ткани, которые продавали, как шелк Лорбанери. Может быть, это и был шелк, но никак не из Лорбанери.

— Урожай был плохой последние четыре-пять лет, — сказал худой человек.

— Да, уже пять лет, — подтвердил стариk, важно причмокивая. — Тогда как раз умер Мильди. А он был гораздо моложе меня. Умер в канун праздника Эллоуз.

— От нехватки товара повышаются цены, — сказал голова. — За один рулон такого голубого шелка мы теперь получаем столько же, сколько раньше получали за три рулона.

— Если только получаем. Где корабли? И голубой цвет уже не тот, — сказал худой человек, и начался долгий спор по поводу качества красок, которые использовались в огромных красильнях.

— А кто делает краски? — спросил Ястреб.

Это послужило причиной нового спора. Дело в том, что крашением тканей занималась одна семья, которая называла себя волшебниками. Но если они и были волшебниками, искусство свое они давно утратили, а больше никто этим не занимался, как объяснил худой человек. Все, кроме головы, согласились, что знаменитые голубые краски Лорбанери и непревзойденный пурпурный, «огонь дракона», которые когда-то носили королевы в Хавноре, уже не те, что раньше. Чего-то в них не хватало. Виноваты были дожди, а, может быть, красители.

— Или глаза, — сказал худой человек, — которые не могут отличить настоящий лазурный цвет от голубой глины.

И он выразительно посмотрел на голову. Голова не поддержал спора, и в комнате снова наступила тишина.

Легкое вино только взбудоражило их и привело в мрачное расположение духа. Теперь тишину нарушал лишь шум дождя, шуршащего в листьях бесконечных фруктовых деревьев, далекий шепот моря и тихие звуки лютни в полутьме.

— Он умеет петь, этот парень, похожий на девчонку?

— Да, он умеет петь. Аррен, спой нам что-нибудь.

— Эта лютня играет только на минорный лад, — сказал Аррен, улыбаясь. — Я никак не могу ее перестроить. Она хочет плакать. Что вы хотите услышать,уважаемые хозяева?

— Что-нибудь новенько, — проворчал деревенский голова.

Струны зазвенели.

— Вот это вы, наверное, не знаете, — он запел:

У белых проливов Солеа, у красных ветвей,

Склонившихся над ее головой,

поникшей от печали о погибшем возлюбленном,

У красной ветки и у белой ветки, Печаль бесконечна,

Я, Шерриад, сын моей матери и Морреда, клянусь,

Помнить совершившееся зло. Всегда, всегда.

Все замерло: унылые и задумчивые лица, натруженные руки, усталые тела. Крестьяне сидели неподвижно, а вокруг сгущались теплые и дождливые южные сумерки. Они слушали песню, похожую на крик серого лебедя над холодными морями Эа, тоскующую и печальную. Песня кончилась, но они еще несколько минут сидели неподвижно.

— Странная музыка, — неуверенно произнес один.

Другой, исполненный уверенности в том, что остров Лорбанери во все времена был центром вселенной, сказал:

— Чужая музыка всегда странная и тоскливая.

— Давайте послушаем вашу, — предложил Ястреб. — Я бы с удовольствием послушал веселую песенку. А парень всегда поет только о древних героях.

— Я спою, — сказал тот, кто говорил последним. Он откашлялся и запел песню о крепкой и толстой бочке вина, и хей, хо, и вот как! Но никто не стал подпевать, «и хей, хо» повисло в воздухе.

— Сейчас никто не умеет петь по-настоящему, — сердито сказал певец. — Это молодые виноваты. Вечно они все переиначивают, а старых песен не знают.

— Дело не в этом, — сказал худой человек. — Сейчас все делают неправильно. Нет удачи в делах.

— Да, да, да, — просипел самый старый. — Не везет нам. Ни в чем нет удачи.

Больше говорить было не о чем. По двое-трое жители разошлись. Остались только Ястреб с Арреном. Ястреб засмеялся, но невеселый это был смех.

Пришла застенчивая жена хозяина гостиницы, постелила гостям на полу и ушла. Они легли спать. На балках у них над головой жили летучие мыши. Всю ночь зверьки влетали и вылетали через незастекленные окна, пища тонкими голосами. Только на рассвете они вернулись на свои места, свернувшись маленькими аккуратными серыми комочками и повисли на балках вниз головой.

Может быть, это мыши мешали Аррену спать. Он уже много ночей не спал на берегу. Его тело отвыкло от неподвижности земли. Поэтому, когда он засыпал, ему казалось, что он качается, качается... а потом он куда-то проваливался и, вздрогнув, просыпался. Когда ему наконец удалось заснуть, он увидел, будто сидит в трюме невольничего судна, закованный в цепи. Рядом были еще люди, но все мертвые. Он просыпался несколько раз, пытаясь стряхнуть с себя дурной сон, но снова засыпал, и снова ему снилось то же самое. Наконец он увидел, что остался на корабле один, но по-прежнему был закован в цепи и не мог двигаться. Потом какой-то странный голос медленно сказал ему на ухо:

— Сбрось оковы. Сбрось оковы.

Аррен сделал усилие и встал. Он стоял посреди огромной мрачной долины под тяжелым свинцовым небом. На земле царил ужас. Это место дышало страхом, а он стоял здесь, и вокруг не было ни одной тропинки. Он должен был найти дорогу, но не знал, куда идти. Он был маленький, как ребенок, а равнина огромная, бесконечная. Он попытался идти, споткнулся и проснулся.

Его сердце сжало страх. Он не спал, долины вокруг не было, но ужас не покидал мальчика. Он почувствовал, что непроглядная

темнота в комнате душит его. Он стал искать звезды в бледном квадрате окна. Но звезд не было видно, хотя дождь прекратился. Аррен лежал с открытыми глазами. Страх не давал ему спать. Летучие мыши влетали и вылетали, бесшумно размахивая перепончатыми крыльями. Иногда он слышал их тонкий писк.

Наступило ясное солнечное утро. Путешественники поднялись рано. Ястреб с серьезным видом расспрашивал всех о камне эммел. И хотя ни один горожанин не знал, что такое эммел, у всех было на этот счет свое мнение. Среди них возникли разногласия. Ястреб слушал, хотя его интересовал не эммел, а совсем другое. В конце концов они последовали совету головы и направились к разработкам, где копали голубую глину. Однако в середине пути Ястреб свернул в сторону.

— Вот дом, который нам нужен, — сказал он. — Они сказали, что семья красильщиков и неудавшихся волшебников живет на этой дороге.

— Но стоит ли с ними разговаривать? — спросил Аррен, который еще очень хорошо помнил встречу с Зайцем.

— Где-то есть центр этого зла, — задумавшись, ответил маг. — Есть такое место, куда уходит удача. Нужно, чтобы кто-нибудь показал мне это место!

И он пошел к дому. Аррену ничего не оставалось, как последовать за ним.

Это было одинокое строение с садом, прекрасный каменный дом. Но ни за домом, ни за садом давно никто не ухаживал. Несобранные коконы шелковичных червей неряшливо свисали с ветвей. Земля была покрыта слоем дохлых гусениц и мотыльков. Весь воздух вокруг под густыми кронами деревьев источал запах тлена. Аррен вдруг вспомнил свой ночной кошмар.

Не успели они подойти к двери, как она резко распахнулась. Из дома выскоцила седая женщина. Она сверкнула покрасневшими от гнева или болезни глазами и крикнула:

— Вон! Вон, проклятые воры, вруны и тупые болваны! Вон, вон отсюда! Чтобы вам никогда и ни в чем не было удачи!

Ястреб удивленно остановился, быстро поднял руку и сделал какой-то необычный жест. Он произнес только одно слово:

— Аверт!

Женщина тут же перестала кричать. Теперь настала ее очередь удивляться.

— Зачем ты это сделал?

— Чтобы отвести твое проклятье.

Она молча поглядела на них и наконец спросила:

— Чужеземцы?

— Мы с севера.

Она подошла ближе. Сначала у Аррена возникло желание рассмеяться: так нелепа была эта старуха, выкрикивавшая проклятья на пороге своего дома, но сейчас он чувствовал только стыд. Она была одета в грязные лохмотья. Изо рта у нее плохо пахло. В глазах застыло выражение боли.

— Мои проклятья не действенны, — сказала она. — У меня больше нет волшебной силы.

Она повторила движение Ястреба.

— Там, откуда ты присехал, все еще делают так?

Он кивнул и пристально посмотрел на нее. Она не отвела глаз. Затем выражение ее лица переменилось и она спросила:

— Где твой посох?

— Я не могу его здесь показать, сестра.

— Нет, конечно, этого делать нельзя. Это опасно. Моя волшебная сила тоже была опасна. Я ее потеряла. Я забыла все, что знала: все волшебные слова и названия. Они вышли через тоненькие ниточки из глаз и рта. В мире есть дыра, и туда уходит свет. Вместе со светом уходят слова. Вы это знаете? Мой сын целый день сидит и смотрит в темноту. Он ищет эту дыру. Он говорит, что, если бы ослеп, то видел бы лучше. В красильне он потерял руку. Мы были красильщиками Лорбанери. Вот, смотри!

Она вытянула перед собой свои тонкие сильные руки. Они до плеча были окрашены слабыми прожилками краски, въевшейся в кожу.

— Эта краска никогда не смется, — сказала она, — зато из памяти все смывается начисто. Она не удерживает красок. Кто вы такие?

Ястреб ничего не ответил. Он снова пристально посмотрел в глаза женщине. Аррен стоял в стороне и встревоженно наблюдал за происходящим.

Вдруг она вздрогнула и тихо прошептала:

— Я знаю тебя...

— Да. Мы должны узнавать друг друга, сестра.

Странно было наблюдать, как она отскочила от мага в ужасе, пытаясь спрятаться от него. Одновременно ее тянуло к нему. Ей хотелось опуститься перед ним на колени.

Он взял ее за руку.

— Ты хочешь вернуть свою волшебную силу? Вспомнить все волшебные приемы и слова? Я тебе помогу.

— Ты Великий Человек, — прошептала она. — Ты Повелитель Теней, Царь Тьмы...

— Нет. Я не царь. Я простой смертный, твой брат.

— Но ведь ты не умрешь?

— Умру.

— Но ты вернешься и будешь жить вечно.

— Нет. Никто не может жить вечно.

— Значит ты не... Повелитель Тьмы, — сказала она, нахмутившись.

Теперь женщина смотрела на мага с подозрением. В ее глазах не было страха.

— Но ты Великий Человек. Может, вас двое? Как твоё имя?

Суровое лицо Ястреба на минуту смягчилось.

— Этого я не могу тебе сказать, — тихо произнес он. — Но я открою тебе тайну.

Теперь женщина держалась прямо и глядела ему в глаза. В ее голосе и осанке почувствовалось былое достоинство.

— Я не хочу жить, жить и жить вечно. Пусть лучше ко мне вернутся названия вещей. Они исчезли. Имена теперь не имеют значения. Это уже не тайна. Хочешь узнать мое имя?

Ее глаза засверкали. Она сжала кулаки, наклонилась вперед и прошептала:

— Меня зовут Акарен.

А потом крикнула изо всех сил:

— Акарен! Акарен! Меня зовут Акарен! Теперь все знают мое тайное имя, мое настоящее имя. Тайны больше нет, и правды больше нет! Нет больше смерти... смерти... смерти... смерти!

Ее душили рыдания. Из рта брызгала слюна.

— Успокойся, Акарен!

Она замолчала. По грязным щекам текли слезы. Спутанные пряди седых волос упали на лицо.

Ястреб сжал между ладонями морщинистое, распухшее от слез лицо старухи, легко и осторожно поцеловал закрытые глаза. Она стояла неподвижно. Потом Ястреб сказал ей что-то на ухо на Древнем Языке и еще раз поцеловал ее.

Женщина открыла глаза и посмотрела на Ястреба задумчиво и удивленно. Так смотрит новорожденный ребенок на свою мать... Так мать смотрит на дитя. Акарен медленно повернулась и молча пошла в дом, закрыв за собой дверь. На ее лице застыло выражение удивления.

Маг молча зашагал назад к дороге. Аррен поспешил за ним. Он не решался задавать Ястребу вопросы. Посреди заросшего сада маг остановился и сказал:

— Я забрал у нее старое имя и дал ей новое. Таким образом она как бы родилась снова. Помочь ей по-другому или дать надежду я не мог.

Он говорил сдавленным голосом, с трудом подбирая слова.

— Это была настоящая волшебница, — продолжал он, — не просто колдунья или знахарка. Она многое знала и многое умела. Своим искусством она создавала прекрасное. Это была гордая женщина. Она пользовалась заслуженным уважением. Волшебство составляло смысл ее жизни. Но все пошло прахом.

Ястреб резко повернулся и отошел в сторону. Он остановился у поваленного дерева спиной к Аррену.

Аррен ждал его, стоя под теплыми лучами солнца, пробивавшимися сквозь листву. Он знал, что Ястребу неволко обременять его своими переживаниями. Да и вряд ли мальчик мог чем-нибудь помочь ему или дать совет. Но он всей душой сочувствовал своему спутнику. Это было уже не первое романтическое восхищение и преклонение. Аррен чувствовал боль Ястреба. Между ними возникла глубокая привязанность, которая окрепла и превратилась в подлинное родство душ. Любовь Арrena к своему учителю была наполнена состраданием. Без этого чувство не может быть крепким. Оно неполно и непрочно.

Вскоре Ястреб вернулся и они снова пошли рядом по тенистому зеленому саду. Никто из них не произнес ни слова. Становилось жарко. Накануне ночью прошел дождь, но дорога уже высокла и теперь пылила у них под ногами. Утром день казался Аррену мрачным и скучным: так подействовал на него неприятный сон. Теперь же он радовался солнечному свету и прохладной тени, с удовольствием шагая по дороге и не задумываясь о цели их путешествия.

Да и думать пока было не о чем. Ничего нового узнать не удалось. Весь день они потратили на разговоры с рудокопами, добывавшими красильную руду, и покупку камешков, которые продавцы выдавали за эммел. Когда усталые путники возвращались в Сосару, день уже клонился к вечеру. Жаркое солнце жгло их спины и головы. Ястреб заметил:

— Это голубой малахит. Но я сомневаюсь, чтобы в Сосаре разбирались в таких вещах.

— Странный здесь народ, — сказал Аррен. — Во всем одно и то же. Они ни в чем толком не разбираются. Как вчера сказал один из них: «Ты не отличишь настоящий лазурный цвет от голубой глины». Они жалуются на тяжелые времена, но не знают, когда это началось. Они говорят, работа не ладится, но ничего не делают, чтобы исправить положение. Они даже не знают разницы между ремесленником и чародеем, между фокусом и волшебством. Как будто у нихстерлись понятия о границах, различиях и цветах. Для них все одинаково и все серое.

— Да, — задумчиво произнес маг.

Он шел, наклонив голову, как ястреб. Несмотря на невысокий рост, он шагал широко.

— Чего же им не хватает?

Аррен ответил без колебаний:

— Радости жизни.

— Да, — снова сказал Ястреб, соглашаясь с Арреном.

Он задумался.

— Я рад, — произнес он наконец, — что ты можешь думать за меня, друг мой... Я устал и отупел. С утра у меня болит сердце, с тех пор, как мы поговорили с той, что звалась Акарен. Мне жаль ее напрасно прожитой жизни. Мне не нужны враги. Если у меня есть враг, я не хочу его искать, находить, встречаться с ним... Если идешь охотиться, наградой должно быть сокровище, а не какая-нибудь мерзость.

— Наградой будет победа над врагом, — сказал Аррен.

Ястреб кивнул.

— Когда она говорила о Великом Человеке, Повелителе Теней?..

Ястреб снова кивнул.

— Думаю, да, — сказал он. — Думаю, мы должны искать не только место, но и определенного человека. Этот остров находится во власти сил зла. Отсюда утрата мастерства и гордости, уныние и разруха. Это работа злых сил. Но эта воля не направлена специально сюда. Она даже не замечает ни Акарен, ни Лорбанери. Мы должны идти вслед за разрушениями, как за тележкой, которая нечаянно скатилась с горы и вызвала обвал.

— А она... Акарен... не может рассказать вам побольше об этом враге? Кто он? Откуда появился? И чем именно он занимается?

— Не сейчас, дружок, — сказал маг тихо, но решительно. — Конечно, может. В ее безумии чувствовалось волшебство. В сущности оно и было вызвано волшебством. Но я не мог просить ее ответить на мои вопросы. Ей и так было больно.

Он шел, наклонив голову, как будто сам страдал от боли и пытался побороть ее.

Аррен обернулся, услышав позади торопливые шаги. За ними бежал человек. Он был еще далеко, но расстояние между ними быстро сокращалось. Он поднимал вокруг себя тучи пыли, казавшиеся золотым ореолом в лучах заходящего солнца. Жесткие волосы человека стояли дыбом, образуя еще один ореол вокруг его головы. Длинная тень совершила немыслимые прыжки по дороге, тянувшейся между деревьями.

— Послушайте! — кричал он. — Постойте! Я нашел ее! Я нашел ее!

Человек сделал последнее усилие и поравнялся с ними. Рука Аррена сначала схватилась за воздух в том месте, где могла быть рукоятка меча, потом попыталась схватить потерянный нож и, наконец, сжалась в кулак. Все это произошло за какие-то полсекунды. Он нахмурился и шагнул вперед. Человек был на голову выше Ястреба и гораздо шире его в плечах. И этот буйно помешанный тяжело дышал и дико вращал глазами.

— Я нашел ее! — повторял он.

А Аррен, пытаясь остановить его угрожающей позой и суровым голосом, спросил:

— Чего ты хочешь?

Человек попробовал обойти его и приблизиться к Ястребу, но Аррен снова стал между ними.

— Ты красильщик из Лорбанери, — сказал Ястреб.

Аррен почувствовал, что свалял дурака, стремясь защитить своего спутника. Он отошел в сторону, уступая человеку дорогу. Маг произнес несколько слов, и сумасшедший перестал пыхтеть и судорожно размахивать своими большими руками. Он успокоился и кивнул головой.

— Да, когда-то я был красильщиком, — сказал он, взглянув на свои руки, в которые навсегда въелась краска. — Но теперь я не могу красить.

Он искося посмотрел на Ястреба и усмехнулся, потом покачал пыльной рыжей копной волос.

— Ты забрал имя у моей матери, — сказал он. — Теперь я ее не знаю, а она не знает меня. Она меня по-прежнему любит. Но она покинула меня. Она умерла.

Сердце Аррена учащенно забилось. Но Ястреб лишь тихо покачал головой.

— Нет, нет, — сказал он. — Она не умерла.

— Ну так умрет.

— Да. Это итог жизни, — ответил маг.

Красильщик призадумался, потом решительно шагнул к Ястребу, взял его за плечи и зашептал на ухо. Он двигался так быстро, что Аррен не успел помешать ему. Но он подошел поближе и услышал, что шепчет человек.

— Я нашел дыру в темноте. Там стоял король. Он следит за темнотой, он управляет ею. В руке он держал маленький огонек, маленькую свечку. Он дунул на нее, и она погасла. Потом он дунул еще раз, и она загорелась! Загорелась!

Ястреб нисколько не удивился тому, что человек остановил его и что-то шепчет на ухо. Он только спросил:

— Где ты был, когда видел это?

— В постели.
— Тебе приснился сон?
— Нет.
— За стеной?
— Нет, — ответил красильщик неожиданно спокойным голосом. Казалось, его что-то смущает. Он отпустил мага и отступил назад.

— Нет, я... я не знаю, где это находится. Я нашел ее, но не знаю, где.

— Как раз это я и хотел бы узнать, — сказал Ястреб.

— Я могу вам помочь.

— Как?

— У вас есть лодка. Вы на ней приплыли, на ней и уплывете. Вы направляетесь на запад? Правильно. Там находится место, откуда он выходит. Он живет на земле, потому что он живой человек. Он не дух и не привидение, которые приходят из-за стены. Это совсем другое. Из-за стены может прийти только душа, но не тело. А он живой человек, только бессмертный. Я видел, как в темноте от его дыхания вспыхивала погасшее пламя. Я видел это.

Лицо красильщика исказилось. В золотисто-красном свете оно было прекрасно какой-то дикой красотой.

— Я знаю, что он победил смерть. Я знаю это. Я отдал все, что у меня было, чтобы это узнать. Я раньше был волшебником! И вы это знаете, и вы туда едете. Возьмите меня с собой.

Лицо Ястреба было освещено таким же золотисто-красным светом. Но его резкие черты нисколько не изменились.

— Я пытаюсь туда попасть, — сказал он.

— Разрешите мне поехать с вами!

Ястреб быстро кивнул.

— Хорошо, если ты придешь на пристань, когда мы будем отчаливать, — сказал он холодно.

Красильщик отошел еще на шаг и остановился, пристально глядя на мага. Восторг на его лице постепенно сменился странным угрюмым выражением, как будто сквозь бурю слов, чувств и видений, в которых он запутался, с трудом пробивалась разумная мысль. Не говоря ни слова, он повернулся и зашагал прочь по дороге сквозь облако пыли, которая еще не успела осесть. Аррен облегченно вздохнул.

Ястреб тоже вздохнул. На сердце у него было по-прежнему тяжело.

— Ну что ж, — сказал он, — странные дороги, странные люди. Пошли.

Аррен зашагал рядом.

— Вы возьмете его с собой? — спросил он.

— Это зависит от него.

Аррен рассердился и подумал: «Но и от меня это тоже зависит». Но вслух он ничего не сказал. Они шли по дороге молча.

В Сосаре им не особенно обрадовались. На таком маленьком острове, как Лорбанери, все сразу же становится известно. Конечно же, их видели, когда они сворачивали к дому красильщиков и как разговаривали с сумасшедшим на дороге. Хозяин гостиницы, обслуживая их, был довольно груб. А его жена казалась напуганной

до смерти. Вечером, когда жители деревни собирались посидеть под навесом, они нарочно не разговаривали с чужестранцами, зато были неестественно веселы и остроумны в разговорах друг с другом. Однако шуток хватило недолго, и веселье вскоре утихло. Они долго сидели молча, а потом голова спросил, обращаясь к Ястребу:

— Ну что, нашел свои синие камни?

— Да, нашел несколько штук, — вежливо ответил Ястреб.

— Наверняка это Солппи показал тебе, где их искать.

— Ха, ха, ха, — послышался дружный гогот остальных мужчин, которым явно пришлась по вкусу эта замечательная шутка.

— Солппи, это рыжий?

— Сумасшедший. Ты заходил сегодня утром к его матери.

— Я искал волшебника, — ответил маг.

Худой человек, сидевший ближе всех, сплюнул в темноту.

— Зачем?

— Хотел спросить о том, что ищу.

— На Лорбанери люди приезжают за шелком, — сказал голова. — Сюда не приезжают за камнями. Сюда не приезжают за талисманами. Здесь не размахивают руками и не показывают дурацких фокусов. Здесь живут честные люди, они зарабатывают себе на жизнь честным трудом.

— Так, так. Правильно говорит, — поддакивали остальные.

— И нам не надо, чтобы всякие чужестранцы рыскали по нашему острову и совали нос в наши дела.

— Так, так. Правильно говорит, — раздался дружный хор голосов.

— Если бы наш колдун не был сумасшедшим, мы бы дали ему честную работу в красильне. Но они не знают, что такое честно работать.

— Вполне возможно, они и работали бы честно, если бы была работа. Но ваши красильни пусты, сады неухожены, весь шелк, что хранится на складах, спряли много лет тому назад. Что вы здесь делаете у себя в Лорбанери?

— Мы занимаемся своим делом, — резко оборвал его голова.

Но неожиданно в разговор вмешался худой человек:

— Скажите мне, почему к нам не приходят корабли? Что они делают в Хорте? Потому что у нас нет удачи в делах, — взволнованно сказал он.

Его прервали яростные возражения. Мужчины кричали друг на друга, вскакивали на ноги. Голова потрясал кулаком перед лицом Ястреба. Один из присутствующих даже вытащил нож. Они совершенно озверели. При первых же признаках опасности Аррен вскочил на ноги и во все глаза смотрел на Ястреба, ожидая, что маг встанет, окруженный сиянием волшебного огня, и поразит недругов. Но почему-то маг этого не сделал. Он просто сидел, переводя взгляд с одного человека на другого, и спокойно выслушивал их угрозы. Постепенно они угомонились. Их гнев оказался таким же непродолжительным, как и веселье. Владелец ножа убрал его в ножны, на смену угрозам пришли насмешки. Люди побрезгали восвояси, как собаки после драки: кто с важным видом, а кто потихоньку.

Ястреб и Аррен остались вдвоем. Маг встал и вошел в комнату. Он вдоволь напился из кувшина, стоявшего у двери.

— Пойдем, — сказал он. — С меня хватит.

— На лодку?

— Да.

Он положил на подоконник две серебряные монеты —плату за ночлег и взял свой небольшой мешок с вещами. Аррен устал и ему хотелось спать. Но, оглядев душное и мрачное помещение, балки с беспокойными летучими мышами, он вспомнил ночь, проведенную в этой комнате, и охотно последовал за Ястребом. Шагая по единственной улице Сосары, погруженной во тьму, он подумал, что теперь им удастся избежать встречи с сумасшедшим Солпи. Но когда они спустились к пристани, красильщик уже ждал их у причала.

— А, так ты уже здесь, — сказал маг. — Садись в лодку, если хочешь ехать.

Солпи молча забрался в лодку и, съежившись, сел у мачты, похожий на большую нечесаную собаку.

«Ну, это уж слишком», — подумал Аррен.

— Мой господин, — сказал он. — На этом острове все сумасшедшие, но вас-то я всегда считал разумным человеком. Зачем вы берете его с собой?

Ястреб обернулся, и теперь они стояли на причале лицом к лицу.

— Он будет нашим проводником.

— Проводником? Куда же он нас приведет? В дебри безумия? Тогда уж мы точно погибнем: утонем или получим нож в спину.

— Мы все приедем к смерти, только пока не знаю, какой дорогой.

Аррен говорил горячо, и, хотя Ястреб отвечал спокойно, в его голосе звучали суровые нотки. Он не привык оправдываться. Но тогда, вечером, на дороге, когда Аррен пытался защитить его от сумасшедшего, он почувствовал, что маг нисколько не нуждается в его защите. И глубокое чувство преданности, которое радовало мальчика еще утром, оказалось напрасным. Его вытеснили горькая обида и разочарование. Аррену не разрешалось принимать никакие решения. Ему даже не давали возможности понять цель их путешествия. Маг попросту тащил его за собой. Толку от него не больше, чем от маленького ребенка. Но он не ребенок.

— Я не хочу ссориться с вами, мой господин, — сказал он как можно более холодно. — Но это противоречит здравому смыслу!

— Да, это полностью противоречит здравому смыслу. Но здравый смысл вряд ли приведет нас к цели. Так ты едешь или нет?

На глазах у Аррена выступили слезы.

— Я сказал, что пойду с вами и буду служить вам. И не нарушу своего слова.

— Хорошо, — ответил маг сурово и повернулся лицом к морю, но тут же снова обратился к мальчику.

— Ты нужен мне, Аррен. А я нужен тебе. Теперь я могу тебе сказать, что дорога, которой мы идем, — это твоя дорога. И не потому, что ты должен меня слушаться или быть мне верен. Она была твоей еще до того, как мы встретились, до того, как ты ступил на землю Роука, до того, как ты покинул Энлад. Ты не можешь с нее свернуть.

Его голос был по-прежнему суров. Аррен ответил ему в тон:

— Как бы я свернул, даже если бы захотел, находясь здесь, на краю света и без лодки?

— Ты полагаешь, что это край света? Нет, край света гораздо дальше. Возможно, нам придется там побывать.

Аррен кивнул и спрыгнул в лодку. Ястреб отвязал ее и наполнил парус легким волшебным ветром. Когда неясные очертания пустых причалов Лорбанери остались позади, из темноты подул свежий северный ветер. Над спокойной гладью моря взошла серебряная луна и осветила левый борт. Лодка обогнула остров и взяла курс на юг.

7. СУМАСШЕДШИЙ

Сумасшедший красильщик Лорбанери, согнувшись, сидел под мачтой. Он опустил голову и обхватил руками согнутые колени. При свете луны копна его жестких волос казалась черной. Ястреб спал на корме, завернувшись в одеяло. Никто из них не шевелился. Аррен сидел на носу. Он дал себе слово не спать всю ночь. Если маг полагает, что их безумный пассажир не нападет на них ночью, это его дело. Аррен рассуждает иначе. Он выполнит свой долг.

Ночь была очень длинная и очень спокойная. С неба струился ровный лунный свет. У мачты свернулся Солппи, ровно посыпывая во сне. Лодка тихо двигалась вперед. И Аррен незаметно для себя уснул. Через час он неожиданно проснулся. Луна поднялась совсем немного. Тогда он покинул свою добровольную вахту, устроился поудобнее и снова заснул.

Ему опять приснился сон. Во время этого путешествия ему всегда снились сны. Сначала они были отрывочными, но приятными и на удивление спокойными. На их лодке «Гляди в оба» на месте мачты выросло дерево с пышными ветвями, покрытыми густой листвой. Путь лодке указывали голуби. Они летели впереди. А вдалеке над изумрудно-зеленым морем возвышались ослепительно-белые башни прекрасного города. Сам Аррен находился в одной из этих башен. Он легко и радостно взбегал вверх по винтовой лестнице. Эти видения сменялись другими и возникали снова. Появлялись и бесследно исчезали новые картины. Но вдруг Аррен оказался на болотах. Вокруг сгущались зловещие сумерки. Ужас сдавил ему горло, перехватило дыхание. Но он шел вперед, потому что другого пути не было. Прошло довольно много времени, прежде чем он понял, что все время ходит по кругу по своим собственным следам. Но он должен найти выход, должен выбраться отсюда. Это желание становилось все сильнее и сильнее. Он побежал. Но круги сужались, а земля наклонилась. Он бежал сквозь сгущающиеся сумерки, все быстрее и быстрее по стене ямы, которая становилась глубже с каждой секундой. Этот огромный водоворот затягивал его в темноту. В тот момент, когда он это понял, у него подвернулась нога, и он упал.

— Что случилось, Аррен? — донесся с кормы голос Ястреба.

Аррен открыл глаза и увидел серый рассвет. Море вокруг было совершенно гладким и спокойным.

— Ничего.

— Плохой сон приснился?

— Нет, все в порядке.

Аррен замерз. Правая рука, на которой он лежал, затекла и болела. Он снова закрыл глаза и подумал: «Ястреб все время намекает то на одно, то на другое. Но так толком и не говорит, куда и зачем мы едем и для чего я ему нужен. А теперь он

потащил с собой этого сумасшедшего. Хотя еще неизвестно, кто из нас более сумасшедший, этот парень или я, что еду с ним. Вообще-то эти двое вполне могут найти общий язык. Он ведь сказал, что все волшебники теперь сумасшедшие. Если бы не он, я бы сейчас сидел у себя дома, в замке в Бериле, в своей комнате с резными стенами и красными коврами на полу. В камине пылал бы огонь. А утром я бы отправился с отцом на соколиную охоту. И зачем я поехал с ним? Зачем он взял меня с собой? Он сказал, это моя дорога. Но так говорят все волшебники. Они приукрашают и затуманивают действительность громкими словами. Но слова — это одно, а жизнь другое. Если у меня и есть какая-нибудь дорога, то это дорога домой, а не бесцельное блуждание по провинциям. У меня есть обязанности по отношению к близким, а я их не выполняю. Если он действительно считает, что есть враг, который мешает волшебным силам, то почему он поехал один, со мной? Он мог взять себе в помощники другого мага... или даже тысячу магов. Он мог привести с собой целую армию воинов или флотилию кораблей. Разве так можно победить великое зло? Разве это под силу старику и мальчику в маленькой лодочке? Просто безумие. Ястреб сам сошел с ума. Сказал же он, что ищет смерти. Он ищет смерти и хочет взять меня с собой. Но я еще в своем уме. Я молод. Я не хочу умирать. И не поеду с ним.

Он стал смотреть вперед, подперев голову рукой. Луна, которая взошла перед ними, когда они выходили из залива Сосары, снова оказалась впереди. Теперь она садилась. Серый небосклон на востоке предвещал начало хмурого дня. Облаков не было, но небо затянула бледно-серая пелена. Днем стало жарко, но солнца не было видно. Его лучи еле пробивались сквозь туман.

Весь день они шли вдоль побережья Лорбанери, тянувшегося справа ровной зеленой полосой. Легкий ветерок с суши натягивал парус. Вечером они миновали последний мыс. Ветер стих. Ястреб наполнил парус волшебным ветром, и «Гляди в оба» ринулась вперед, как сокол, выпущенный с руки, оставив позади Шелковый Остров.

Несчастный Солпи, красильщик, весь день согнувшись просидел под мачтой. По-видимому, он боялся лодки, боялся моря. К тому же он страдал от морской болезни. Когда Лорбанери скрылся из виду, Солпи спросил хриплым голосом:

— Мы плывем на запад?

Заходящее солнце светило ему прямо в лицо. Но Ястреб, терпеливо отвечавший Солпи на самые глупые вопросы, кивнул.

— На Оубхол?

— Оубхол расположен западнее Лорбанери.

— Да, он далеко на западе. Может быть, это место находится там.

— Как оно выглядит, это место?

— Откуда мне знать? Как мне было разглядеть? Оно не на Лорбанери! Я искал его несколько лет, четыре, пять лет, ночью, закрыв глаза. А он всегда звал: «Сюда, сюда!» Только я не мог пойти туда. Я не повелитель волшебников, который может найти дорогу в темноте. Но при свете солнца тоже можно найти это место. Этого никак не могли понять Мильди и моя мать. Они все

искали в темноте. Потом старый Мильди умер, а моя мать лишилась рассудка. Она забыла все заклинания, которые мы используем при крашении. От этого помутился ее разум. Обязательно должно быть такое место. Если мертвые могут возвращаться к живым, значит, на свете должно быть место, откуда они выходят.

— Так ты говоришь, мертвые воскресают?

— Я думал, вы знаете такие вещи, — помолчав, произнес Солпи и недоверчиво взглянул на Ястреба.

— Я хочу их узнать.

Солпи ничего не ответил. Вдруг маг посмотрел ему прямо в глаза и тихо спросил:

— Ты ищешь средство для того, чтобы жить вечно, Солпи?

Только одно мгновение смог Солпи выдержать испытующий взгляд мага и тут же опустил свою лохматую рыжую голову. Он обхватил руками согнутые колени и стал легонько раскачиваться взад-вперед. Он всегда принимал эту позу, когда ему было страшно. И тогда уже не разговаривал и даже не отвечал, когда к нему обращались. Аррен отвернулся. Его переполняли отчаяние и презрение. Как можно плыть с Солпи несколько дней или тем более недель в одной лодке, к тому же совсем маленькой? Это то же самое, что поселить к себе в тело больную душу...

Ястреб подошел к Аррену и стал одним коленом на банку, глядя на золотистый вечерний небосклон.

— У этого человека ранимая душа.

Аррен оставил его слова без внимания. Только спросил холодно:

— Что такое Оубхол? Я никогда не слышал такого названия.

— Мне известно только название, и я могу найти остров на карте, но ничего о нем не знаю... Посмотри туда: вон спутники Гобардона!

Теперь огромная желтая звезда была значительно выше, а под ней, почти касаясь туманного моря, слева светила белая звезда, а справа — голубоватая. Вместе они образовывали треугольник.

— А у них есть названия?

— Магистр Географии не знал. Может быть, у жителей Оубхола и Уэллоджи имеются названия для этих звезд. Сейчас мы входим в неизвестные моря, они находятся под Руной Конца.

Мальчик ничего не сказал. Он с отвращением смотрел на яркие безымянные звезды, сияющие над бескрайним морским простором.

Уже несколько дней они плыли на запад. В море чувствовалось теплое дыхание южной весны. В ясном небе сияло солнце. Но Аррену этот свет казался тусклым, как будто солнечные лучи падали косо сквозь стекло. Вода была такая теплая, что, когда Аррен плавал, она почти не освежала его. Солнечная пища опротивела. Все окружающее было лишено настоящей свежести и яркости красок. Только ночь приносila облегчение. Аррен никогда не видел таких ярких звезд. Перед тем как заснуть, он лежал на спине и смотрел на звезды. Ночью ему всегда снился один и тот же сон: он видел болото, яму или долину, окруженную скалами, длинную дорогу, ведущую под гору, нависшие тучи. Всегда слабый свет, ужас и тщетные попытки убежать.

Он никогда не рассказывал об этом Ястребу. Он вообще перестал говорить с ним о важных вещах, только о мелких каждодневных

делах. И Ястреб, из которого всегда приходилось тянуть слова, был, как обычно, молчалив.

Теперь Аррен понял, как глупо было с его стороны полностью довериться этому беспокойному и скрытному человеку, который полагался только на внутреннее чутье и не хотел управлять своей жизнью, даже не пытался спасти ее. Сейчас мага охватило чувство обреченности. Аррен решил, что это произошло от того, что он не решается признать свое поражение — поражение волшебных сил, как великой власти над людьми.

Теперь понятно, что в колдовских науках, знанием которых прославился Ястреб и все предыдущие поколения волшебников, не так уж много тайн. В общем, в колдовстве и не было ничего особенного, кроме управления ветром и погодой, знания целебных трав, умения показывать чудеса, вроде напускания тумана, зажигания огней и изменения формы. Такие вещи могут вызвать восторг у толпы, но в сущности все это не более, чем ловкие фокусы. И волшебники бессильны изменить что-либо в жизни. У них нет ничего такого, что бы давало подлинную власть над другими людьми. И против смерти волшебники бессильны. Живут маги ничуть не дольше, чем обычные люди. Все их заклинания не могут хотя бы на час отсрочить наступление их собственной смерти.

Даже в простых делах на колдовство нельзя было положиться. Ястреб вообще неохотно пользовался колдовством. Если была возможность, их лодку всегда гнал обычный ветер. Питались они простой рыбой, которую сами же ловили в море. И берегли воду, как обычные моряки. После четырех дней утомительных попыток поймать попутный ветер Аррен попросил Ястреба хоть немного помочь лодке волшебным ветром, но тот лишь покачал головой.

Тогда мальчик спросил:

— А почему нет?

— Я бы не стал просить больного бежать наперегонки, — ответил Ястреб, — и не стал бы добавлять к непосильному грузу еще один камень.

Непонятно было, что он имеет в виду: себя или вообще всех людей. Его ответы всегда отличались лаконичностью, понять их было трудно. Вот в чем суть волшебства, подумал Аррен: ничего толком не говорить, намекая при этом на великий тайный смысл, и ничего не делать с таким видом, будто это и есть венец мудрости.

Аррен старался не обращать внимания на Солпи. Но в то же время он чувствовал себя в какой-то степени союзником сумасшедшего. Солпи был не настолько сумасшедшим, как можно было предположить, глядя на его дикую лохматую гриву и слушая бессвязные слова. Точнее, он был не просто сумасшедшим. Пожалуй, самым ярким проявлением его сумасшествия была паническая водобоязнь. Чтобы сесть в лодку, ему пришлось собрать все свое мужество. Но страх перед водой так и не уменьшился. Он всегда сидел, нагнув голову как можно ниже, чтобы не видеть, как вздымаются и пляшут вокруг волны, как бросает из стороны в сторону их маленькую лодочку. Если он вставал, у него тут же начинала кружиться голова, и он хватался за мачту. В первый раз, когда Аррен нырнул с носа лодки, Солпи закричал от ужаса. Аррен вскарабкался назад в лодку и увидел, что несчастный позеленел от страха.

— Я думал, ты утопился, — сказал он, и Аррену пришлось рассмеяться.

Днем, когда Ястреб сидел, погрузившись в свои мысли и ничего вокруг не замечая, Солпи перебрался поближе к Аррену, осторожно перелезая через банки, и тихо сказал:

— Ты ведь не хочешь умирать, правда?

— Конечно, нет.

— А он хочет, — сказал Солпи, кивнув в сторону Ястреба.

— Почему ты так решил?

Аррен разговаривал с ним свысока, что у него неплохо получалось. Солпи принимал это как должное, хотя и был на десять или пятнадцать лет старше Аррена. Солпи отвечал почтительно, но как всегда бессвязно:

— Он хочет найти тайное место. Но я не понимаю, зачем. Он не хочет... Он не верит... в обещание.

— Какое обещание?

Солпи пристально посмотрел на Аррена. В его глазах мелькнуло упрямое выражение. Но воля Аррена была сильнее, и Солпи ей подчинился. Он сказал очень тихо:

— Ты знаешь. Жизнь. Вечная жизнь.

У Аррена по спине пробежала дрожь. Он вспомнил свои сны, болото, яму, скалы, слабый свет. Там была смерть, там был страх смерти. Это он от смерти убегал, пытался найти дорогу. А на пороге стояла фигура, окутанная тенью, держа в руке маленький огонек размером не больше жемчужины, сияние вечной жизни. Аррен впервые посмотрел в глаза Солпи, светло-карие и очень ясные. Наконец они поняли друг друга.

— Он, — сказал красильщик, кивнув головой в сторону Ястреба, — он не дает свое имя. Никто не может прощать его имя. Коридор слишком узкий.

— Ты его видел?

— В темноте, в мыслях. Этого недостаточно. Я хочу поехать туда. Хочу увидеть его. При свете, своими собственными глазами. Что, если я... что, если я умру и не найду дорогу, не найду этого места? Мало кто может найти его. Люди даже не знают о нем. Только у некоторых есть такие силы. Но это нелегко. Ведь чтобы туда попасть, надо отдать волшебную силу... Слов больше нет. Имен нет. Это слишком трудно себе представить. А когда ты... умираешь, твой разум... тоже умирает.

Он запинался на каждом слове.

— Я хочу знать, что могу вернуться. Я хочу быть там. Со стороны жизни. Я хочу жить, хочу покоя. Я ненавижу... я ненавижу эту воду...

Красильщик скрючился, как паук, и спрятал голову, чтобы не видеть моря.

После этого Аррен не избегал разговоров с Солпи, зная, что тот разделяет не только его мнение, но и его страх. А еще, в самом крайнем случае, Солпи поможет ему справиться с Ястребом.

Они все время медленно шли на запад, встречая на своем пути и штиль, и порывистый ветер. Ястреб притворялся, что следует указаниям Солпи. Но на самом деле Солпи не мог их вести. Он ничего не знал о море, никогда не видел карт, никогда не плавал

в лодке и безумно боялся воды. Конечно, это маг их вел, и вел заведомо неверным путем. Теперь Аррен понял это. Он также понял, зачем маг это делает. Гордость, чрезмерная гордость заставляла Верховного Мага бояться, что они завоюют бессмертие. Он боится их, он завидует им, он не потерпит рядом с собой человека более сильного, чем он сам. Он задумал увести их через открытое Море, за все острова, чтобы они заблудились, чтобы они никогда не смогли вернуться к людям, чтобы они умерли от жажды. Он и сам готов умереть, только бы лишить их вечной жизни.

Время от времени наступали такие минуты, когда Ястреб говорил что-нибудь Аррену насчет управления лодкой, плавал с ним в теплом море или подходил пожелать спокойной ночи, когда с неба светили огромные звезды. И тогда все подозрения казались мальчику глупыми. Он смотрел на суровое, терпеливое лицо мага и думал: «Вот мой господин и мой друг». Аррену казалось невероятным, что он мог сомневаться в Ястребе. Но проходило совсем немного времени, и его снова начинали одолевать сомнения. И тогда они с Солпи обменивались понимающими взглядами, предостерегая друг друга об общей опасности.

Каждый день однообразно светило жаркое солнце. Его лучи зеркальным блеском отражались на гладкой поверхности медленно вздымавшегося моря. Голубое море, голубое небо, без тени, без изменений. Ветер поднимался и вновь затихал. Им снова и снова приходилось поворачивать парус, чтобы поймать этот ветер. И лодка медленно ползла вперед. Конца путешествию не было видно.

Наконец однажды вечером подул легкий попутный ветерок. Ястреб указал рукой куда-то вверх в сторону заката и сказал:

— Смотрите!

Высоко в небе, наподобие черной руны, летел косяк морских гусей. Гуси направлялись на запад. На следующий день путешественники увидели впереди огромный остров.

— Вот он, — сказал Солпи, — этот остров. Надо плыть туда.

— Там находится место, которое ты ищешь?

— Да. Надо причалить. Дальше плыть нельзя.

— Это Оубхол. За ним в Южной Провинции есть еще один остров, Уэллоджи. А в Западной Провинции есть острова, лежащие еще западнее Уэллоджи. Ты уверен, Солпи?

Лорбанерийский красильщик рассердился. В его глазах снова появилось затравленное выражение. Но Аррен заметил, что его речь уже не казалась такой безумной, как в первый раз, много дней тому назад, когда они встретились в Лорбанери.

— Да. Мы должны здесь причалить. Хотите, чтобы я поклялся? Чтобы я поклялся своим именем?

— Ты не можешь этого сделать, — сказал Ястреб, глядя на Солпи снизу вверх.

Солпи встал, цепляясь за мачту, и посмотрел вперед, на остров.

— Не делай этого, Солпи.

Лицо красильщика исказила гримаса то ли гнева, то ли боли. Он с тоской посмотрел на далекие голубые горы, от которых их отделяла колышущаяся и дрожащая водная равнина и произнес:

— Вы взяли меня проводником. Это то самое место. Мы должны здесь причалить.

— Мы причалим в любом случае. Нам нужна вода, — сказал Ястреб и направился к рулю.

Солпи снова сел на свое место у мачты, что-то бормоча себе под нос. Аррен слышал, как он говорил:

— Клянусь своим именем. Своим именем.

Он повторял эти слова много раз и каждый раз, произнося их, вздрагивал, как от боли.

Северный ветер подогнал лодку к острову. Они поплыли вдоль берега в поисках залива для пристани. Но, насколько хватало глаз, огромные волны с грохотом разбивались о берег, не давая лодке пристать. На острове под палящими лучами солнца высились зеленые горы, поросшие деревьями.

Обогнув мыс, путешественники наконец заметили глубокий залив в форме полумесяца, с белыми песчаными пляжами. Здесь волнение было меньше: мыс сдерживал натиск могучих волн, и лодка могла причалить. Ни на берегу, ни среди деревьев, росших поодаль, не было заметно никаких признаков жизни: ни лодки, ни крыши дома, ни даже дымка. Как только «Гляди в оба» вошла в залив, ветер прекратился. Стало тихо и очень жарко. Аррен сел на весла, Ястреб — у руля. Единственным звуком, нарушавшим тишину, был скрип весел в уключинах. Зеленые вершины гор возвышались над заливом, загораживая остальную часть острова. Солнечные лучи ослепительным блеском растекались по поверхности воды. Аррен слышал, как кровь стучит у него в висках. Солпи покинул свое убежище под мачтой и, согнувшись, сидел на носу. Он вцепился руками в борт и всем телом устремился к сушке, не сводя с нее глаз. Темное, покрытое шрамами лицо Ястреба блестело от пота, как будто смазанное маслом. Он беспокойно переводил взгляд с прибоя на зеленые склоны гор.

— Давай, — скомандовал он Аррену.

Три сильных взмаха веслами, и лодка легко легла на песок. Ястреб выскоил, чтобы с помощью набегающих волн вытолкнуть ее подальше. Он уже протянул руки к лодке, чтобы толкнуть ее, но тут же споткнулся и чуть не упал, вовремя удержавшись за корму. Потом, собрав все свои силы, он стукнул лодку назад в воду с откатывающейся волной. На мгновение лодка застыла между морем и берегом. Ястреб с трудом перевалился через борт.

— Греби! — хрюкло крикнул он.

Ястреб стоял на коленях на дне лодки, тяжело дыша. С его одежды ручьями стекала вода. Почему-то он держал в руках копье: настоящее боевое копье в два фута длиной с бронзовым наконечником. Где он взял его? Аррен, ничего не понимая, продолжал гребсти. Вдруг появилось еще одно копье. Оно ударилось о край банки, расщепило его и отлетело на другой конец лодки. На низких утесах под деревьями показались фигуры людей. Они, пригнувшись, бежали вперед. Вокруг лодки со свистом и жужжанием проносились стрелы. Аррен резко пригнулся и стал гребти изо всех сил. Два удара весел — и отмели позади, три — и лодка развернулась и понеслась прочь.

Солпи на носу, за спиной у Аррена, резко закричал. Вдруг Арrena кто-то схватил сзади за руки, так что лопасти весел взлетели в воздух, а одна рукоятка ударила его в живот. На минуту у него перехватило дыхание и потемнело в глазах.

— Вернитесь! Вернитесь! — кричал Солпи.

Лодка резко подпрыгнула и закачалась. Аррен снова схватился за весла и в бешенстве обернулся. Солпи в лодке не было.

Вокруг лодки под яркими лучами солнца сверкало подернутое рябью море.

Аррен в недоумении обернулся снова, потом посмотрел на Ястреба, который согнулся на корме.

— Вон там, — сказал Ястреб, указывая куда-то в сторону.

Но там ничего не было, только море и слепящий свет солнца. В нескольких ярдах от лодки в воду бесшумно вошло копье и исчезло. Аррен сделал еще десять-двенадцать мощных гребков, потом остановил лодку и снова взглянул на Ястреба.

Левое плечо и руки Ястреба были в крови. Он прижал к плечу кусок парусины. Копье с бронзовым наконечником валялось на дне лодки. Когда Аррен увидел это копье первый раз, Ястреб не держал его. Оно торчало из плеча.

Некоторое время маг внимательно смотрел на водное пространство, отделявшее их от берега, где под палящими лучами солнца прыгали крошечные фигурушки. Наконец он произнес:

— Греби.

— Солпи...

— Он не вынырнул.

— Он утонул? — переспросил Аррен, все еще не веря этому. Ястреб кивнул.

Аррен греб до тех пор, пока берег не превратился в тонкую белую линию под зелеными склонами гор.

Ястреб сидел у руля, прижимая к плечу скомканную парусину.

— В него попало копье?

— Он выпрыгнул.

— Но он... он не умел плавать. Он же боялся воды!

— Да. Смертельно боялся. Он хотел... Он хотел попасть на сузу.

— Почему они напали на нас? Кто были эти люди?

— Наверное, они думали, что мы враги. Ты бы... не мог мне помочь?

Только теперь Аррен заметил, что парусина, которую Ястреб прижал к плечу, покраснела от крови.

Копье попало между ключицей и плечевым суставом, задев крупную артерию. Поэтому кровотечение было таким сильным. Следуя указаниям Ястреба, Аррен разорвал на ленты полотняную рубашку, чтобы перевязать рану. Маг попросил его подать ему копье. Аррен положил копье ему на колени. Тогда Ястреб прикрыл правой рукой острие из грубо выкованной бронзы, длинное и узкое, как лист ивы. Он хотел что-то сказать, но только покачал головой.

— У меня нет сил для заклинаний, — сказал он. — Позже. Все будет в порядке. Ты можешь вывести лодку из залива, Аррен?

Мальчик молча сел за весла и начал гребти. Он был сильным, этот стройный и гибкий мальчик. «Гляди в оба» быстро вышла из серповидного залива в открытое море. Долгий южный день был в самом разгаре. На море стоял штиль. Парус бессильно повис. Солнце пекло сквозь легкую дымку. Было так жарко, что казалось, будто зеленые вершины дрожат и плавятся на солнце. Ястреб вытянулся

на дне лодки, положив голову на банку у руля. Он лежал неподвижно с полузакрытыми глазами и приоткрытым ртом. Аррен боялся смотреть ему в лицо; смотрел за корму. Над водой дрожало марево. Воздух был густой, как будто опутанный нитями паутины. Его руки дрожали от усталости, но он продолжал грести.

— Куда ты нас везешь? — хрипло спросил Ястреб, немного приподнявшись.

Аррен обернулся и увидел, что зеленые рукава серповидного залива снова охватили лодку. Впереди виднелась белая линия берега, над которым возвышались горы. Аррен не заметил, как повернул лодку назад.

— Я больше не могу грести, — сказал он, поднял весла, отошел на нос лодки и, согнувшись, сел там. Ему казалось, что Солпи по-прежнему сидит сзади под мачтой. Они провели вместе много дней, и смерть Солпи была такой неожиданной и бессмысленной, что просто не укладывалась у него в голове. Аррен перестал понимать смысл происходящего.

Лодка тихо покачивалась, парус повис на рангоуте. Начинался прилив. Лодка развернулась поперек течения и потихоньку плыла вдоль залива, приближаясь к далекой белой линии берега.

— «Гляди в оба», — ласково обратился к лодке маг и добавил еще пару слов на Древнем Языке.

Лодка качнулась, развернулась носом к морю и заскользила по сверкающим волнам прочь от опасности, от воинственных жителей.

Но меньше чем через час, так же медленно и незаметно лодка остановилась, и парус снова повис. Аррен обернулся и посмотрел на своего спутника. Тот лежал, как раньше, только голова была откинута назад, а глаза закрыты.

Душу Аррена сдавил страх. Страх рос, сковал его тело, опутал тонкими нитями. Страх затуманил его мысли. У Аррена не было мужества, чтобы бороться с этим страхом, только какая-то тупая обида на судьбу.

Нельзя давать лодке дрейфовать здесь, возле скалистых берегов острова, жители которого нападали на чужих. Он ясно понимал это, но все потеряло смысл. Что он может сделать? Грести назад на Роук? Он заблудился, он безнадежно заблудился в необъятных просторах Провинции. Он ни за что не сможет привести лодку к своим берегам. Их разделяют многие недели пути. Он мог бы сделать это только под руководством мага. Но Ястреб лежал раненый и беспомощный. Копье, ранившее Ястреба, было таким же неожиданным и беспричинным, как смерть Солпи. Лицо Ястреба изменилось, пожелтело, черты расплылись. Может быть, он умирает. Аррен подумал, что надо бы встать и перенести его под навес, защитить от обжигающих лучей солнца. Надо дать ему воды. Если человек потерял много крови, ему надо пить воду. На дне бочонка осталось совсем немного. Хотя какая разница? Нет смысла что-либо делать. Бесполезно. Не повезло.

Шли часы. Безжалостно жгло солнце. Серое марево обволакивало Аррена. Он сидел неподвижно.

Вдруг повеяло прохладой. Он поднял глаза. Наступил вечер. Солнце уже село. Небо на западе было окрашено в ровный красный

цвет. С востока дул легкий ветерок. Он нес «Гляди в оба» вдоль крутых, поросших лесом берегов Оубхола.

Аррен пошел на корму проводить своего спутника. Он положил Ястреба на тюфяк под навесом и дал ему воды. Он постарался сделать это поскорее и не смотреть на повязку, которую пора было менять, потому что кровь еще сочилась из раны. Ястреб ослабел и не мог говорить. Он жадно выпил воду. Но глаза его тут же сомкнулись, и он снова заснул. Сон оказался сильнее, чем жажда. Он все время молчал. И когда ночной ветер стих, волшебный ветер не пришел ему на смену. Лодка снова лениво закачалась на ровной, медленно вздымающейся воде. Сейчас горы справа возвышались черными силуэтами на фоне звездного неба. Аррен долго смотрел туда. Очертания гор показались ему знакомыми, как будто он уже видел их раньше, а, может быть, даже знал их всю жизнь.

Аррен лег спать, повернувшись лицом на юг. Прямо перед ним высоко над пустынным морем горела звезда Гобардон и под ней еще две звезды. Вместе с Гобардоном они образовывали треугольник. Потом под этими тремя звездами появились еще три, образуя другой треугольник, больше, чем первый. Позднее, из черно-серебристой воды вынырнули еще две звезды. Они были желтые, как Гобардон, хотя не такие яркие. Они находились справа от основания треугольника. Таким образом, собралось всего девять звезд. Вместе они должны были образовать фигуру человека или хардийскую руну Агнен. Однако Аррен не мог разглядеть человека, или же его фигура была какой-то странной, искаженной. Но руна была видна хорошо, с крючком и перекладиной. Для полной картины не хватало только основания —звезды, которая еще не взошла.

Наблюдая за звездами, Аррен заснул.

Он проснулся на рассвете. Течение отнесло «Гляди в оба» довольно далеко от Оубхола. Берега острова окутывал густой туман. Виднелись только вершины гор. Над фиолетовыми водами южного моря поднимался туман, гася последние звезды.

Аррен взглянул на своего спутника. Ястреб дышал неровно. Так дышит человек, когда во сне его мучает боль. В сером утреннем свете без теней на его лице резко проступили морщины. За эту ночь маг заметно постарел. Аррен смотрел на него и видел человека, у которого не осталось ни волшебных, ни физических сил, ни энергии, ни молодости, одним словом —ничего. Он не смог спасти Солпи, не смог помочь сам себе —отвести копье. Он привел их к опасности и не помог. А теперь Солпи умер, маг умирает, Аррен скоро умрет. Он умрет напрасно. И все из-за этого человека.

Аррена охватило отчаяние. Он смотрел на мага и ничего не видел.

В нем не шевельнулось воспоминание о фонтане под рябиной, о белом волшебном сиянии на невольничем судне в тумане, о запущенных садах вокруг дома красильщиков. Ничто не пробудило в нем гордость или силу воли. Он смотрел, как над спокойным морем занимается рассвет. Там плавно перекатывались низкие огромные волны цвета бледного аметиста. Вся эта мертвенно-бледная картина была похожа на сон. Для действительности ей не хватило силы и красок. В глубине этого пейзажа, как и в глубине моря, не было ничего —пустота, бездонная пропасть.

Лодка то медленно двигалась вперед, то застыла на месте, повинуясь кипизу ветра. А ветер дул сзади, с Оубхола, черные вершины которого резко выделялись на светлеющем небосводе. Ветер нес лодку прочь от острова, от людей, прямо в открытое море.

8. ДЕТИ ОТКРЫТОГО МОРЯ

В середине дня Ястреб очнулся и попросил воды. Он попил немного и спросил:

— Куда мы плывем?

Парус у него над головой был натянут, и лодка, как ласточка, неслась по волнам.

— На запад или на северо-запад.

— Мне холодно, — сказал Ястреб.

На небе ярко светило солнце, и в лодке было нестерпимо жарко.

Аррен промолчал.

— Постарайся держаться западнее. Уэллоджи находится к западу от Оубхола. Надо туда зайти. Нам нужна вода.

Аррен молча смотрел на пустынные просторы моря.

— Что случилось, Аррен?

Он ничего не ответил.

Ястреб попытался сесть, но это ему не удалось. Он протянул руку за посохом, который лежал возле сундука, но не дотянулся. Попытался сказать что-то еще, но слова не сходили с его пересохших губ. Из-под пропитанной засохшей кровью повязки снова хлынула кровь, расплзаясь по темной коже его груди, как багряная паутина. Он глубоко вздохнул и закрыл глаза.

Аррен мельком взглянул на раненого, не задерживая на нем взгляда. Он снова сел, согнувшись, на носу и стал смотреть вперед. Во рту у него пересохло. Восточный ветер, беспрепятственно гуляющий над открытым морем, был сухим, как ветер пустыни. В бочонке оставалось всего две-три пинты воды. Аррен считал, что они принадлежат Ястребу. Ему самому и в голову не приходило пить эту воду. Он пытался закидывать леску. За время их путешествия из Лорбандёри он узнал, что свежая рыба утоляет не только голод, но и жажду. Однако рыба не клевала. Аррену было все равно. Лодка скользила вперед по водной пустыне. Солнце, которое тоже плыло с востока на запад в своем путешествии по небу, медленно обгоняло лодку.

Как-то раз Аррену показалось, что он видит на юге гору. Может быть, это суша, а, может быть, просто облако. Лодка уже много часов шла на северо-запад. Он не пытался повернуть на другой галс, а предоставил лодке самой выбирать курс. Может быть, это правда была земля, может быть, и нет. Какая разница? Необъятное величие ветра, света и океана казалось ему тусклым и фальшивым.

Стемнело, а потом опять рассвело, снова стемнело и снова рассвело. День и ночь ритмично сменяли друг друга, как будто по туго натянутому полотну неба бил барабан.

Аррен перевесил руку через борт лодки и опустил ее в воду. На мгновение он отчетливо увидел свою бледно-зеленую руку под бегущей водой. Он наклонился и слизнул воду с пальцев. Вода была горьковатой на вкус и больно жгла губы, но он снова это повторил. Тогда к горлу подступила обжигающая тошнота. Он согнулся, но вырвало его несильно.

Воды для Ястреба больше не было, и Аррен боялся к нему подходить. Мальчик лег на дно лодки. Несмотря на жару, его била дрожь. Вокруг было совершенно тихо и сухо. Яркое солнце нестерпимо жгло глаза. Он прикрыл их от света.

Они стояли в лодке, три худые угловатые фигуры с огромными глазами. Эти люди напоминали цапель или журавлей. Они разговаривали высокими голосами, похожими на птичьи. Аррен не понимал, что они говорят. Один из них склонился над мальчиком, прижимая локтем темный пузырь. Он что-то лил в рот Аррену. Вода. Аррен пил жадно, поперхнулся, снова пил, пока не осушил весь сосуд. Потом он огляделся и с трудом поднялся на ноги, говоря:

— Где, где он?

В лодке «Гляди в оба» находились только эти три незнакомых стройных человека.

Они смотрели на него, не понимая.

— Второй человек, — сказал он хриплым голосом.

Ему было трудно говорить: горло болело, губы потрескались.

— Мой друг...

Один из них понял если не слова, то волнение Аррена. Он коснулся легкими пальцами руки мальчика и указал вперед.

— Там, — произнес он, успокаивая Аррена.

Аррен посмотрел в ту сторону и увидел, что все пространство перед лодкой заполнено плотами. Некоторые из них были тесно прижаты друг к другу, другие длинной вереницей тянулись далеко в море. Плотов на поверхности моря было так много, как осенних листьев на пруду. На каждом плоту стояло по одной-две низкие хижины, на некоторых были установлены мачты. Плоты покачивались, как листья, мягко поднимаясь и опускаясь на широких волнах западного океана. В промежутках между плотами вода отливалась серебром. Над ними, затемняя западную часть неба, собирались лиловые и желтые тучи.

— Там, — сказал человек, указывая на огромный плот недалеко от лодки «Гляди в оба».

— Он жив?

Все посмотрели на Аррена и, наконец, один понял.

— Жив. Он жив.

Услышав это, Аррен расплакался. Сухие беззвучные рыдания сотрясали его. Один из мужчин узкой и сильной рукой взял Аррена за запястье и повел на плот, к которому была крепко привязана «Гляди в оба». Этот плот был такой огромный и устойчивый, что он даже не наклонился, принимая на себя их вес. Человек провел Аррена через плот, двое других зацепили соседний плот тяжелой острогой с загнутым акульим зубом на конце и притянули его поближе, так что с одного плота на другой можно было перешагнуть. Там Аррена провели под навес, с трех сторон завешенный плетеными циновками.

— Ложись, — сказали ему, и больше Аррен ничего не помнил.

Он, вытянувшись, лежал на спине и смотрел на грубое зеленое полотно навеса в крошечных точках света. Он представил себе, что находится в яблоневых садах Семермина, где принцы Энлада обычно проводят лето. Это на холмах за Берилой. И он лежит в густой траве в Семирмине, глядя сквозь ветви на солнечный свет.

Через некоторое время Аррен услышал плеск и почувствовал толчки воды под плотом. Где-то поблизости раздавались высокие голоса. Жители плотов говорили на хардийском языке Архипелага. Но некоторые звуки и интонации отличались, поэтому их речь понимать было трудно. Теперь Аррен понял, где находится: за пределами Архипелага, за пределами Провинции, за всеми островами. Он потерялся среди просторов открытого моря. Но это его не тревожило. Лежать было приятно и удобно, как будто он был у себя дома, в саду.

Вскоре Аррен решил, что пора вставать. Он заметил, что сильно похудел. Кожа обгорела на солнце. Ноги немного дрожали, но ходить он мог. Он оттолкнул плетеную циновку, служившую стеной, и вышел наружу. Пока он спал, прошел дождь. Огромные бревна, из которых был сколочен плот, гладкие, обтесанные с четырех сторон, плотно прилегали друг к другу. Щели были тщательно законопачены. Сейчас бревна блестели от влаги. Мокрые волосы худых полуголых людей свисали темными прядями. Но небо уже наполовину очистилось. На западе ярко светило солнце. А серебряные громады облаков теперь бежали на северо-восток.

Один из мужчин осторожно подошел к Аррену и остановился на некотором расстоянии. Это был стройный невысокий человек, ростом не больше двенадцатилетнего мальчика. У него были большие темные миндалевидные глаза. В руке он держал копье из слоновой кости с серебряным наконечником.

Аррен сказал ему:

— Я обязан своей жизнью вам и вашим людям.

Человек кивнул.

— Вы можете отвести меня к моему другу?

Житель плотов отвернулся и издал громкий пронзительный крик, похожий на крик морской птицы. Потом он сел на корточки в ожидании. Аррен последовал его примеру.

На всех плотах были установлены мачты с парусами. По сравнению с огромными размерами плотов паруса казались маленькими. Они были сделаны не из полотна и не из рогожи, а из волокнистого коричневого материала, не тканого, а сваленного наподобие фетра. Один плот на расстоянии четверти мили спустил коричневый парус и стал медленно проталкиваться, цепляясь к одним плотам и отталкиваясь от других, пока не подошел к нему. Когда между плотами оставалось только три фута воды, человек, сидевший около Арrena, встал и небрежно перепрыгнул на другой плот. Аррен сделал то же самое, но неловко приземлился на четвереньки. Он разучился прыгать за время вынужденного бездействия. Мальчик быстро поднялся и увидел, что человек не смеется над ним, а смотрит одобрительно. Очевидно самообладание Аррена вызвало у него уважение.

Этот плот был больше и поднимался над водой выше остальных. Он был сделан из почерневших от времени и непогоды бревен сорока футов длиной и четырех или пяти футов шириной. На этом плоту стояло несколько строений, украшенных странными деревянными фигурами. А во всех четырех углах возвышались высокие шесты с пучками перьев морских птиц. Проводник отвел Аррена в самую маленькую хижину. И там Аррен увидел спящего Ястреба.

Он сел рядом. Проводник вернулся на другой плот, и больше Аррена никто не тревожил. Примерно через час женщина с другого

плота принесла ему еду: что-то наподобие холодной тушеной рыбы с кусочками прозрачной зелени и маленькую чашку воды. Кушанье было холодное, но вкусное, а вода пахла затхлостью и смолой от бочонка. По тому, как женщина подавала воду, он понял, что для жителей плотов это сокровище, пользующееся большим почетом. Он с благоговением выпил воду и больше не просил, хотя мог бы выпить десять таких чашек.

Плечо Ястреба было искусно забинтовано. Он спал глубоким здоровым сном. Проснувшись, Ястреб открыл глаза. Взгляд его был ясен. Он посмотрел на Аррена и улыбнулся своей доброй и веселой улыбкой, которая всегда выглядела неожиданной на его суровом лице. Аррену снова захотелось заплакать. Он молча положил ладонь на руку Ястреба.

Подошел один из жителей и сел на корточки под соседним навесом. Это сооружение представляло собой что-то наподобие храма. Над дверью красовался необыкновенно сложный узор. А дверные косяки были сделаны из бревен, вырезанных в виде серых китов. Как и другие, этот человек был строен и невелик ростом. Фигурой он напоминал мальчика, но мужественные черты его лица говорили о зрелом возрасте. На нем ничего не было, кроме набедренной повязки, но во всем его облике чувствовалось достоинство.

— Ему надо спать, — сказал человек.

Аррен отошел от Ястреба и приблизился к незнакомцу.

— Ты вождь этого народа, — сказал Аррен, по виду почувствовав, что перед ним знатный человек.

— Да, — кратко подтвердил человек.

Аррен стоял перед ним прямо и неподвижно. На минуту они встретились глазами.

— Ты тоже вождь, — заметил человек.

— Да, — ответил Аррен.

Ему очень хотелось узнать, как житель плота догадался об этом, но он сдержался.

— Но я служу моему господину.

Аррен указал в ту сторону, где лежал Ястреб. Вождь Людей плотов что-то сказал, но Аррен ничего не понял. Некоторые слова так изменялись, что их невозможно было узнать, а, может быть, он просто не знал каких-то названий.

Тогда вождь спросил:

— Зачем вы приехали в Балтран?

— Мы искали...

Но Аррен не знал, можно ли говорить об их планах постороннему. Все, что произошло, цель их путешествия, — все это казалось таким далеким. У него в голове все перемешалось. Наконец, он сказал:

— Мы приехали на Оубхол. Но когда прикачивали, они напали на нас. Мой господин был ранен.

— А ты?

— В меня не попали, — ответил Аррен.

Умение владеть собой, привитое ему с детства, сейчас пригодилось мальчику.

— Меня охватило что-то... вроде безумия. С нами в лодке плыл еще один человек. Но он утопился. Было страшно...

Аррен остановился и замолчал.

Вождь наблюдал за ним черными матовыми глазами. Наконец, он сказал:

— Значит, вы попали сюда случайно.

— Да. Мы еще в Южной провинции?

— В провинции? Нет. Острова...

И вождь махнул тонкой черной рукой на северо-восток.

— Острова там, — сказал он. — Все острова.

Затем он обвел рукой весь простор вечернего моря с севера на юг и сказал:

— Море.

— Вы с какого острова, господин вождь?

— Мы не с острова. Мы дети открытого моря.

Аррен посмотрел на энергичное лицо своего собеседника, потом перевел взгляд на большой плот с храмом и высокими идолами. Фигуры богов одновременно походили на дельфинов, рыб, человека и птиц. Посмотрев вокруг, Аррен увидел людей, занятых работой. Они ткали, вырезали что-то из дерева, ловили рыбу, готовили пищу, возились с детьми. Аррен увидел множество других плотов, по меньшей мере семьдесят. Они были разбросаны по воде огромным кругом, примерно с милю в поперечнике. Это был настоящий город. Вдалеке над домами поднимался дым. Раздавались звонкие голоса детей. Да, это настоящий город. Но под полами его домов была бездна.

— И вы никогда не прикаиваете к земле? — тихо спросил мальчик.

— Один раз в год. Мы высаживаемся на Длинной Дюне. Там мы рубим деревья, перебираем плоты. Это бывает осенью. А потом мы плывем на север, следом за серыми китами. Зимой мы расставляемся. Каждый плот идет своим путем. Весной мы приплываем в Балтран и встречаемся. Тогда люди ходят в гости с плота на плот. Многие празднуют свадьбы. Танцуют Длинный Хоровод. Это Великая дорога Балтрана. Отсюда мощное течение направляется на юг. Летом наши плоты идут на юг по течению до тех пор, пока мы не увидим, что Большие, то есть, серые киты поворачивают на север. Тогда мы тоже поворачиваем и в конце концов возвращаемся на побережье Эма на Длинной Дюне. Но ненадолго.

— Это удивительно, господин вождь, — сказал Аррен. — Мне никогда не приходилось слышать о таком народе. Мой дом далеко отсюда. Но там, на острове Энлад, в начале лета тоже танцуют Длинный Хоровод.

— Вы ходите по твердой почве, — сухо сказал вождь. — Мы танцуем над глубоким морем.

Немного погодя он спросил:

— Как зовут твоего господина?

— Ястреб, — ответил Аррен.

Вождь повторил по слогам, но было ясно, что он не понимает значения слова. Именно это заставило Аррена поверить рассказу вождя. Эти люди действительно жили на море круглый год, далеко-далеко от земли. К ним не прилетали птицы с островов. О них ничего не знали люди.

— В нем была смерть, — сказал вождь. — Он должен спать. А ты возвращайся на плот Звезды. Я за тобой пришлю.

Вождь встал. Хотя он держался очень уверенно, по-видимому, он не вполне понимал, кто такой Аррен и как с ним обращаться: как с равным или как с мальчиком. В данном случае Аррен предпочитал последнее и покорно направился к краю плота. Но тут возникла проблема. Плоты снова разошлись, и между двумя плотами плескалось сто ярдов чистой воды.

Вождь Детей Открытого Моря коротко сказал:

— Плыви, — сказал он.

Аррен осторожно опустился в воду. Море приятно холодило его обожженную солнцем кожу. Доплыv, он вскарабкался на другой плот. Там стояла группа из пяти или шести детей и подростков, которые наблюдали за его действиями с нескрываемым интересом. Одна очень маленькая девочка сказала:

— Ты плаваешь, как рыба на крючке.

— А как же надо плавать? — спросил Аррен немного обиженно, но вежливо.

Да и как можно разговаривать иначе с таким маленьким существом? Она напоминала хрупкую изящную статуэтку из дерева.

— Вот так! — крикнула она и нырнула, как нерпа, в сверкающую волну. Она долго не появлялась, а потом вынырнула очень далеко. Аррен увидел ее гладкую черную головку и услышал звонкий голосок.

— Давай, — сказал мальчик примерно одного возраста с Арреном, хотя по росту ему нельзя было дать больше двенадцати лет.

У него было серьезное лицо, а на спине татуировка в виде синего краба. Он нырнул, а за ним все остальные, даже трехлетний малыш. Пришлось нырнуть и Аррену. Он постарался войти в воду без брызг.

— Как угорь, — сказал мальчик, вынырнувший рядом с ним.

— Как дельфин, — сказала симпатичная девочка, засмеявшись и исчезла в глубине.

— Как я, — пропищал трехлетний малыш, подпрыгивая на волнах, как пустая бутылка.

Весь этот вечер до наступления темноты и весь следующий день, долгий и золотой, и еще много дней Аррен плавал, разговаривал и работал с молодыми людьми с плота Звезды. Из всех событий его путешествия, которое началось утром в день Равноденствия, когда они с Ястребом покинули Роук, это казалось ему, пожалуй, самым невероятным. Ведь оно не имело ничего общего ни с его предыдущей жизнью, ни с целью их путешествия и никак не было связано с будущим. Ночью, засыпая под звездами рядом с остальными, он думал: «Как будто я умер, а это загробная жизнь, здесь, под жарким солнцем, на краю света, среди сыновей и дочерей моря»...

Перед тем как заснуть, он всегда искал на юге желтую звезду и очертания Руны Конца. Он всегда находил Гобардон и один из треугольников, большой или маленький. Но теперь звезды выходили позднее. И когда вся фигура появлялась над горизонтом, Аррен уже спал. Днем и ночью плоты плыли на юг. Море совершенно не менялось, потому что вечно меняющееся не изменяется. Прошли майские ливни. Всю ночь свистели звезды, а днем солнце.

Он понимал, что этот сон не может длиться вечно. Он спросил о зиме, и люди плотов рассказали ему о бесконечных дождях, об

огромных волнах, когда плоты, отделившись друг от друга, плывут, прорываясь сквозь тьму и туман... и так долгие, долгие недели. Прошлой зимой шторм длился целый месяц. Они видели волны огромные, как «грозовые тучи». Они так говорили, потому что никогда не видели гор. С вершины одной волны вдали было видно следующую волну гигантских размеров, которая рвалась вперед и грозила смять плот.

— Могут ли плоты выдержать такой шторм? — спросил он.

— Да, — ответили они, — но не всегда. Весной, когда мы собираемся на Дорогах Балатрана, у нас порой не хватает двух, трех или шести плотов...

Они женились очень рано. Синий Краб, мальчик с татуировкой, и хорошенькая девочка, Альбатрос, были мужем и женой, хотя ему было семнадцать лет, а ей на два года меньше. Между плотами заключалось много таких браков. По плотам ползали и топало множество малышей. Они были привязаны за длинные постремки к четырем столбам центрального дома. Днем они прятались от зноя под навесом и спали там кучей. Старшие дети ухаживали за младшими. Мужчины и женщины делали всю работу сообща. Все по очереди собирали огромные водоросли нилгу с коричневыми листьями. Эти водоросли с бахромой как у папоротника достигали восьмидесяти или ста футов в длину. Все вместе сбивали нилгу в ткань, плели из грубых волокон канаты и сети, ловили и сушили рыбу, вырезали инструменты из китового зуба и делали другую работу на плотах. Но у них всегда находилось время поплавать или поговорить. Ведь работу не надо было делать к определенному часу. Да и часов-то никаких не было: только дни и ночи. После нескольких таких дней и ночей Аррену показалось, что он живет на плоту уже целую вечность, Оубхол ему приснился. И все, что было раньше, — это тоже полузабытые сны. В какой-то другой жизни он жил на суще и был принцем Энлада.

Наконец Аррена позвали на плот вождя. Ястреб внимательно посмотрел на него и сказал:

— Вот теперь ты похож на того Аррена, которого я увидел во дворе у фонтана, загорелого и гладкого, как золотистая нерпа. Похоже, ты здесь прижился.

— Да, господин.

— Но где же мы все-таки находимся? Все острова остались позади. Мы уплыли за край карты... Я когда-то давно слышал историю о людях на плотах, но думал, что это просто легенды Южной провинции, вымысел. Однако этот вымысел спас нас. Нашу жизнь сохранил миф.

Он говорил, улыбаясь, и как будто радовался беззаботной и бесконечной жизни под летним солнышком. Но лицо его осунулось, а в глазах застыла легкая грусть. Аррен заметил это.

— Я предал... — сказал он. — Я предал вашу веру в меня.

— Почему, Аррен?

— Там, у Оубхола. В тот момент я был вам нужен, как никогда. Вы были ранены и нуждались в моей помощи. А я ничего не сделал. Лодка плыла сама по себе. Я даже не пытался ею управлять. Вам было больно. А я ничего не делал, чтобы помочь вам. Я видел остров... я видел остров, но даже не попытался повернуть лодку...

— Успокойся, друг мой, — твердо сказал маг, и Аррен послушался. — Расскажи мне, о чем ты думал в то время, — добавил он, помолчав.

— Ни о чем, господин Верховный Маг, ни о чем! Я думал, что бесполезно что-либо делать. Я думал, что ваша волшебная сила пропала. Нет, я думал, что ее и не было никогда. Что вы меня обманули.

На лице Аррена выступил пот, голос срывался, но он продолжал:

— Я боялся вас. Я боялся смерти. Я боялся даже смотреть на вас. Я думал, что вы умираете. Я ни о чем не мог думать, кроме того, что для меня тоже есть способ умереть, что я должен найти его. Все это время жизнь уходила из меня, как кровь из вашей раны. Все шло к этому. И я ничего не делал, ничего, только пытался спрятаться от страха смерти.

Он остановился. Произносить вслух правду о том, что произошло, было невыносимо. Но остановил его не стыд, а страх, тот же самый страх. Теперь он понял, почему эта спокойная жизнь на море под солнцем на платах казалась ему сном или загробной жизнью. Потому что в душе он понимал, что настоящая жизнь пуста. В ней нет ни тепла, ни красок, ни звуков — в ней нет смысла. В жизни нет ни высоты, ни глубины. Вся эта прекрасная игра формы, света и красок на море и в глазах людей не более, чем обман зрения.

Они исчезнут. И останется лишь бесформенная и холодная действительность. И больше ничего.

Ястреб смотрел на него. А Аррен опустил глаза, не в силах выдержать его взгляд. Но неожиданно в нем заговорил слабый голос мужества или, может быть, насмешки над самим собой. Он был дерзкий и безжалостный. Голос говорил: «Трус! Трус! Неужели и сейчас струсишь?»

Невероятным усилием воли Аррен заставил себя поднять глаза и встретить взгляд Ястреба.

Ястреб крепко пожал руку Аррену. Их взгляды и руки встретились.

— Лебаннен, — сказал он.

Ястреб никогда не называл Аррена его настоящим именем. И Аррен никогда не говорил Ястребу своего настоящего имени.

— Лебаннен, это закон жизни. Она полна опасностей. И у нее нет конца. Чтобы услышать слово, нужна тишина. Чтобы увидеть звезды, нужна темнота. А танец всегда танцуют над бездной.

Аррен хотел уйти, но маг не отпускал его.

— Я подвел вас, — сказал мальчик, — и снова подведу. У меня не хватит сил!

— У тебя достаточно сил!

Голос Ястреба звучал ласково, но в нем была и твердость, и ирония:

— То, что ты любишь, ты будешь любить. То, что ты начнешь, ты закончишь. На тебя можно положиться. Неудивительно, если ты этого еще не знаешь. Тебе только семнадцать лет. Но подумай, Лебаннен, отказаться от смерти значит отказаться от жизни.

— Но я искал смерти!

Аррен поднял голову и посмотрел на Ястреба.

— Как Солпи.

— Солпи не искал смерти, — возразил маг. — Он просто больше не мог вынести страх смерти.

— Но должен же быть путь. Дорога, которую он искал. Солпи, Заяц и другие. Путь назад, к жизни, к бессмертной жизни, в жизнь без смерти. Вы должны это знать... лучше других. Вы должны знать об этой дороге...

— Я не знаю о ней.

— Но другие волшебники...

— Я знаю, что они ищут. Но я также знаю, что они умрут, как и Солпи. Что я умру. Что ты умрешь.

Железные тиски страха по-прежнему крепко держали Аррена. А Ястреб продолжал:

— Я высоко ценю эти знания. Это великий дар. Это дар личности. Ибо нам принадлежит только то, что мы готовы потерять. Эта личность, наша мука и счастье Человеческая жизнь не вечна. Она меняется и уходит, как морская волна. Тебе бы хотелось, чтобы море замерло, чтобы не было ни приливов, ни отливов, и все ради спасения одной волны, ради спасения своей жизни? Ты бы согласился отдать искусство своих рук, страсть своего сердца и устремления твоего ума за покой?

— Покой, — повторил Аррен.

— Да, — сказал маг. — Покой.

Он отпустил руку Аррена и посмотрел в другую сторону. Аррен почувствовал, что маг отдаляется от него, хотя они сидели лицом к лицу.

— Не знаю, — сказал Аррен наконец. — Не знаю, что я ищу, куда иду и кто я.

— Я знаю, кто ты, — сказал Ястреб все так же тихо и сурово. — Ты мой проводник. В своей чистоте и смелости, неискушенности и преданности ты — мой проводник — ребенок, которого я посылаю во тьму перед собой. Я иду по следам твоего страха. Ты думал, что я плохо поступаю по отношению к тебе. Но ты еще не знаешь, насколько плохо. Я пользуюсь твоей дружбой, как свечой. Она сгорает, освещая ступени. Но мы должны идти дальше. Мы должны идти дальше. Мы должны идти до конца. Мы должны добраться до места, где пересыхают источники, до места, куда тебя гонят страхи.

— А где оно, господин Верховный Маг?

— Я не знаю.

— Я не могу вас туда отвести. Но я пойду с вами.

Взгляд мага был мрачен и загадочен.

— Но если я снова подведу вас и предам вас...

— Я верю тебе, потомок Морреда.

Оба замолчали.

Над их головами на фоне голубого южного неба легко раскачивались высокие резные идолы. У них были тела дельфинов, сложенные крылья чайки и человеческие лица с широко раскрытыми глазами, сделанными из раковин.

Ястреб тяжело поднялся на ноги. Он еще не оправился от раны.

— Устал я сидеть на одном месте, — сказал он. — Скоро растолстею от безделья.

Он зашагал взад-вперед вдоль плата. Аррен присоединился к нему. Так они ходили и беседовали. Аррен рассказал Ястребу, как

проводит время на плотах, с кем подружился. Ястребу не терпелось начать действовать, но он был еще очень слаб и быстро уставал. Он наклонился над девочкой, ткавшей нилгу на станке за домом Великих, и попросил ее позвать вождя, а затем вернулся под навес. Вскоре пришел вождь и почтительно приветствовал Ястреба. Маг ответил так же почтительно. И все трое уселись под навесом на ковры из шкур пятнистых тюленей.

— Я думал, — медленно и учтиво начал вождь, — о том, что ты мне рассказал. О том, как люди думают, что после смерти смогут вернуться назад в свои тела и, стремясь к этому, забывают о поклонении богам, перестают следить за собой и сходят с ума. Это большое зло и большая глупость. Но я также подумал, при чем здесь мы? У нас нет ничего общего с другими людьми, с их островами и обычаями, с их удачами и неудачами. Мы живем на море, и наша жизнь принадлежит морю. Мы не надеемся сохранить свою жизнь навечно, но и не спешим с ней расстаться. У нас неизвестное безумие. Мы не бываем на островах, и жители островов тоже не приезжают к нам. Когда я был молодым, мы иногда разговаривали с людьми, которые приплывали на лодках на Длинную Дюну, где мы рубили бревна для плотов и для зимних убежищ. Осенью мы часто видели паруса кораблей и с Охола, и с Уэлуйай (так он произносил Оубхол и Уэллоджи). Они охотились на серых китов. Часто они следовали на некотором расстоянии за нашими плотами, потому что мы знаем дороги и места встречи Великих в море. Но больше я ничего не знаю о людях с островов, и больше они не призывают. Может быть, они все сошли с ума или переселились друг с другом. Два года назад, когда мы были на Длинной Дюне, мы видели на севере в стороне Уэлуйай дым от большого пожара. Мы видели дым три дня. Но при чем здесь мы? Мы Дети Открытого Моря. Мы ходим морскими дорогами.

— Однако вы увидели лодку жителей острова, которую несло по течению, и поспешили на помощь, — заметил маг.

— Некоторые из нас говорили, что это неразумно, что лучше оставить лодку плыть по течению до конца моря, — ответил вождь высоким бесстрастным голосом.

— Но ведь ты так не думал.

— Нет, я сказал, пусть это люди с островов, мы все равно им поможем. Так и сделали. Но мы не вмешиваемся в ваши дела. Если острова охватило безумие, жители островов должны сами с ним справиться. Мы же идем дорогой Великих. Мы не можем помочь вам в вашей беде. Хотите у нас остаться, мы будем рады. Уже скоро наступит день Длинного Хоровода. После этого мы возвращаемся на север. Мы поплыем по восточному течению, которое к концу лета снова принесет нас в моря вокруг Длинной Дюны. Если ты останешься с нами, твоя рана зарастет. Это хорошо. Если ты хочешь забрать свою лодку и плыть своим путем, это тоже хорошо.

Маг поблагодарил его. Вождь поднялся, легкий и прямой, как цапля, и снова оставил их вдвоем.

— У простоты нет сил, чтобы бороться со злом, — сказал маг, усмехнувшись. — Но у нее есть сила, чтобы творить добро... я думаю, мы еще немного поживем у них, пока я окрепну.

— Это разумно, — сказал Аррен.

Физическая слабость Ястреба потрясла его и растрогала. Он решил защитить мага от его собственной воли и поспешности, он сможет настоять на том, чтобы они остались на плотах по крайней мере до тех пор, пока рана не перестанет болеть.

Маг посмотрел на него, немного удивленный говорчивостью мальчика.

— Это добрые люди, — продолжал Аррен. — Похоже, их не коснулась душевная болезнь Города Хорта и других островов. Возможно, на Архипелаге и нет такого острова, где бы нас так встретили и так нам помогли, как этот затерянный народ на плотах.

— Может быть, ты и прав.

— И у них здесь так хорошо летом...

— Да. Хотя прожить всю жизнь и питаться одной холодной рыбой в конце концов надоест! И никогда не увидеть цветущего персика, и не попробовать воды из бегущего ручья!

Аррен вернулся на плот Звезды. Он работал, плавал, наслаждался теплым солнцем вместе с остальными молодыми людьми. По вечерам он разговаривал с Ястребом и спал под звездами. Приближался день Длинного Хоровода в канун середины лета. Огромные плоты медленно поплыли на юг по течениям открытого моря.

9. ОРМ ЭМБАР

Всю ночь, самую короткую ночь года, на плотах горели факелы. Все плотов собрались в один огромный круг под небом, густо усыпанном звездами. Это огненное кольцо, переливаясь, отражалось в море. Люди плотов не танцевали под барабан или флейту. Музыки вообще не было. Над их огромной морской равниной раздавался только топот босых ног и высокие жалобные голоса певцов. Луны в эту ночь не было. И фигуры танцоров освещал лишь неясный свет звезд и факелов. Время от времени, мелькнув, как рыба в воздухе, какой-нибудь молодой человек перепрыгивал с плота на плот. Юноши состязались друг с другом в прыжках в длину и в высоту. Они хотели обойти все кольцо плотов, потанцевать на каждом и до наступления рассвета совершить полный круг.

Аррен танцевал вместе с ними. Ведь Длинный Хоровод танцуют на всех островах Архипелага, хотя песни могут отличаться и отдельные движения тоже. Время шло. Многие танцоры вышли из хоровода и сели отдохнуть. Певцы охрипли. Аррен вместе с группой юношей, соревнующихся в прыжках в высоту, пришел на плот вождя и остался там. А его товарищи пошли дальше.

Ястреб с вождем и его тремя женами сидел возле храма. Между двумя резными деревянными китами, образующими вход, сидел певец, его сильный голос уверенно звучал всю ночь. Он пел без устали, отбивая себе ритм руками по деревянному настилу.

— О чём он поёт? — спросил Аррен мага.

Он не мог разобрать слов песни, потому что все звуки были растянуты и сопровождались трелями и придыханиями.

— О серых китах, об альбатроссе, о шторме... Они не знают песен о героях и королях. Им не известно имя Эррета-Акбе. Перед этим он пел о Сегос, о том, как Сегой создал острова посреди моря. Эту часть истории человечества они помнят. Но все остальное посвящено только морю.

Аррен слушал пение. Певец подражал свисту дельфина, вплетая этот свист в свою песню. Аррен смотрел на профиль Ястреба на фоне пламени факела, черный и твердый, как скала. Он видел влажный блеск глаз жен вождя, слушал их тихую беседу. Море плавно покачивало плот. Незаметно Аррен уснул.

Его разбудила тишина: певец замолчал. И не только тот, что сидел рядом с ним, но и все остальные, и на соседних плотах, и на далеких. Их высокие голоса затихли, растаяли, будто далекие крики морских птиц. Стало совсем тихо.

Аррен обернулся и посмотрел на восток, ожидая увидеть восход солнца. Но на небе среди летних звезд светил только ущербный золотой месяц. Он только что взошел.

Аррен посмотрел на юг и высоко в небе увидел желтую звезду Гобардон, а под ней — ее восемь спутников, даже самый последний. Над морем ясно вырисовывалась огненная Руна Конца. Аррен повернулся к Ястребу и увидел, что тот тоже смотрит на эти звезды.

— Почему ты перестал петь? — спросил вождь певца. — Солнце еще не взошло. Еще даже не рассвело.

— Не знаю, — запинаясь, сказал человек.

— Так пой же! Длинный Хоровод еще не закончился.

— Я не знаю слов, — сказал певец.

От ужаса он говорил совсем тонким голосом.

— Я не могу петь. Я забыл песню.

— Тогда пой другую!

— Нет больше песен. Все кончено, — закричал певец и, согнувшись, упал на палубу.

Вождь смотрел на него в изумлении.

Плоты бессумно покачивались. Тишину нарушал только треск факелов. Молчание моря обступило крошечный островок жизни и света и поглотило его. Никто больше не танцевал.

Аррену показалось, что свет звезд померк, хотя рассвет еще не начался. Его охватил ужас, и он подумал: «Солнце не взойдет. Следующего дня не будет».

Маг встал. По его посоху пробежал маленький огонек, белый и быстрый. Он ярко осветил руну, серебром выложенную на посохе.

— Танец не окончен, — сказал он. — И ночь тоже. Пой, Аррен.

Аррен хотел было сказать:

— Я не могу, господин...

Но вместо этого он взглянул на девять звезд на юге, глубоко вздохнул и запел. В начале его голос был тихим и хриплым, но постепенно он набрал силу. Аррен пел самую древнюю балладу о создании Эа, о равновесии света и тьмы и о том, как Старейший Правитель Сегои сотворил зеленые острова.

Пока он пел, небо из черного превратилось в серо-голубое. Слабо светили месяц и Гобардон. Факелы шипели, встречая утренний ветер. Аррен допел песню до конца и замолчал. Танцоры, собравшиеся его послушать, все разбрелись по своим плотам. Небо на востоке постепенно светлело.

— Хорошая песня, — сказал вождь.

Голос его звучал неуверенно, хотя он пытался говорить спокойно.

— Нехорошо было бы обрывать Длинный Хоровод, не закончив его. Этих ленивых певцов высекут плетьями из нилгу.

— Лучше бы ты их успокоил, — сурохо возразил Ястреб. — Никакой певец не перестанет петь по своей воле. Пошли, Аррен.

Он повернулся, чтобы идти в укрытие. Аррен последовал за ним. Но чудеса этой ночи еще не закончились. Восточный край моря побелел. Вдруг в небе показалась огромная птица. Она летела с севера и так высоко, что на ее крылья ложились солнечные лучи, которые еще не достигли земли. Могучие золотые крылья несли ее по воздуху. Аррен вскрикнул и показал на птицу. Маг вздрогнул и поднял глаза. На его лице отразилась радость и гнев одновременно, и он громко крикнул:

— Нам хиета ару Гед арквайсса! — что на Языке Созидания означает: «Если ты ищешь Геда, то он здесь».

Огромным золотым камнем птица упала вниз, сложив крылья за спиной. На раскачивающемся плоту, выгнув по-соколиному шею, сидел дракон с когтями такой величины, что он мог бы с легкостью схватить ими быка. Из его длинных ноздрей вырывался клубящийся дым и пламя.

Люди в ужасе закричали. Некоторые, согнувшись, прижались к плотам. Другие попрыгали в море. Третья стояла неподвижно, наблюдая за происходящим. Их любопытство пересиливало страх.

Страшный дракон навис над ними. Размах его перепончатых крыльев, переливающихся в первых лучах солнца, достигал девятнадцати футов. А длина корпуса была не меньше. Сухопарое тело дракона с выгнутой, как у гончего пса спиной, покрывала змеиная чешуя. Вдоль узкого хребта тянулся ряд острых зубцов, по форме похожих на шипы роз. На спине эти зубцы были трех футов в высоту и постепенно уменьшались, так что последний зубец на конце хвоста был не больше маленького ножичка. Зубцы были серого цвета, а когти — стальные, с золотым отливом. Сквозь узкие щелки смотрели зеленые глаза.

Вождь племени, ведомый страхом за свой народ, позабыв свой собственный страх, выбежал из дома, вооруженный гарпуном. Такие гарпуны использовались для охоты на китов. Гарпун был больше его самого с огромным костяным наконечником и шипами. Положив его на свою маленькую жилистую руку, вождь стал разбегаться, чтобы метнуть копье. Он целился в бледный, покрытый мелкой чешуей живот, нависавший над плотом. Увидев это, Аррен очнулся от оцепенения, бросился ему наперерез, успел остановить руку с занесенным гарпуном. Гарпун выпал из руки, а Аррен и вождь рухнули на палубу.

— Не дразните его своими глупыми булавочками, — проговорил Аррен, задыхаясь. — Пусть с ним сначала поговорит Повелитель Драконов.

Вождь, тяжело дыша, в недоумении переводил взгляд с Аррена на мага и на дракона. Но он не протестовал. Тогда заговорил дракон.

Никто из присутствующих, кроме Геда, не понимал его слов, потому что драконы говорят только на Древнем Языке, который является для них родным. Голос у него был мягкий и шипящий, почти как у кошки, когда она угрожает, но только гораздо громче. Было в этом звуке какое-то жуткое очарование. Все слушали, как завороженные.

Маг ответил коротко. И дракон снова заговорил, паря в воздухе, как стрекоза, чуть шевеля крыльями.

Тогда маг сказал одно слово: «мемеас», что означает «Я приду» и поднял свой тисовый посох. Пасть дракона открылась и оттуда причудливыми кольцами повалил дым. В воздухе запахло паленым. Дракон сделал огромный круг над плотами и, размахивая мощными крыльями, улетел на север.

Наступила тишина. Только кое-где плакали дети. Женщины успокаивали их. Те, кто со страху попрыгал в море, теперь карабкались назад на плоты, немного смущаясь своей трусости. Забытые факелы догорали в первых лучах восходящего солнца.

Маг повернулся к Аррену. На его лице появилось непонятное выражение то ли радости, то ли гнева. Но голос звучал спокойно:

— Нам пора, парень. Попрощаемся с нашими хозяевами.

Он поблагодарил вождя и попрощался с ним, а потом пересек большой плот вождя и еще три соседних плота, которые по-прежнему стояли вплотную друг к другу, как их поставили для хоровода. Наконец, Ястреб и Аррен пришли на плот, к которому была привязана «Гляди в оба». Лодка вместе с городом плотов, покачиваясь, медленно плыла по течению к югу. Дети Открытого Моря снабдили путешественников запасом продуктов и наполнили их бочонок драгоценной водой. Так они выразили свое уважение к гостям. Многие из них считали, что Ястреб — это один из Великих. Просто он по какой-то причине имеет внешность человека, а не кита. Когда Аррен догнал его, Ястреб уже поднимал парус. Аррен отвязал веревку и прыгнул в лодку. Она тут же оторвалась от плота. Парус туго натянулся, как при урагане, хотя дул только слабый утренний ветерок. Лодка слегка наклонилась на повороте и понеслась на север вслед за драконом, легкая, как лист, гонимый ветром.

Аррен оглянулся назад: город плотов едва можно было различить. Издали он стал похож на палочки или щепки, плывущие по течению. Скоро и они растаяли в отблесках раннего солнца на морской глади. «Гляди в оба» неслась вперед. Когда в нос ударяли волны, во все стороны разлетались мельчайшие брызги. Ястребу и Аррену приходилось прищуривать глаза.

Никакой ветер, кроме штормового, не мог бы гнать лодку так быстро, хотя тогда она утонула бы в волнах. Но сейчас лодку вел не обычный ветер, а волшебные слова и волшебная сила мага. Гед долго стоял у мачты, внимательно глядя по сторонам. Наконец, он сел на свое обычное место на корме и, положив одну руку на руль, посмотрел на Аррена.

— Это был Орм Эмбар, — сказал Ястреб, — дракон с Селидора. Он родственник великого Орма, который убил Эррета-Акбе и сам погиб в схватке с ним.

— Он охотился, господин Верховный Маг? — спросил Аррен.

Мальчик так и не понял, обрадовался ли маг встрече с драконом или, наоборот, прогонял его.

— Он искал меня. Драконы всегда находят то, что ищут. Он прилетал просить меня о помощи.

Гед отрывисто засмеялся.

— Я бы не повсрил, если бы мне сказали, что дракон может обратиться за помощью к человеку. Да к тому же такой дракон!

Он не самый старый из драконов, хотя очень стар. Он самый сильный. Он не скрывает своего имени, как это делают все драконы и все люди. Он не боится, что кто-нибудь получит власть над ним. Орм Эмбар не обманывает, как многие другие драконы. Когда-то давно на Селидоре он оставил мне жизнь. Тогда же он открыл мне великую истину: рассказал, как вернуть Руну Королей. Ему я обязан тем, что нашел кольцо Эрреста-Акбе. Но я никогда не думал, что смогу оплатить этот долг!

— А чего он просит?

— Он хочет указать мне дорогу к тому, что я ищу, — мрачно ответил маг и, немного помолчав, добавил:

— Он сказал: «На западе есть еще один Повелитель Драконов. Он хочет нас уничтожить. Он сильнее нас». Я спросил его: «Даже сильнее тебя, Орм Эмбар?», и он ответил: «Даже сильнее меня! Мне нужна твоя помощь. Отправляйся следом за мной как можно скорее». И я сделал, как он просил.

— И больше вы ничего не знаете?

— Скоро узнаю.

Аррен свернул причальный канат и положил его на место. Он занялся другими хозяйственными делами, но его не покидало волнение. Мальчик был напряжен, как натянутая тетива. И, когда он, наконец, заговорил, голос его звенел от волнения:

— Этот проводник лучше остальных! — радостно сказал он.

Ястреб посмотрел на него и засмеялся.

— Да, — сказал он. — На этот раз, я думаю, мы не съебемся с пути.

Так началась бешеная гонка по океану. Сотни миль разделяли моря людей с плотов, не нанесенных на карты, и остров Селидор, самый западный из всех островов Архипелага. День за днем над чистым горизонтом вставало солнце, а вечером садилось в красных лучах заката. А одинокая лодка все неслась на север по пустынному морю.

Иногда где-то вдалеке собирались грозовые тучи. Они отбрасывали багровые тени на горизонте. Тогда маг вставал и голосом и рукой звал к себе эти облака, чтобы они пролили дождь на лодку. В облаках сверкала молния, гремел гром, а маг все стоял с поднятой рукой, пока на них не обрушивались потоки дождя. Дождь лил на Аррена, заполнял сосуды, которые они выставляли, чтобы собрать воду, заливал лодку, с силой хлестал по волнам. Они с Арреном смеялись от удовольствия, потому что пищи у них было больше, чем достаточно, а воды всегда не хватало. И яростное великолепие грозы, которая повиновалась слову мага, приводило их в восторг.

Аррен удивился, что его спутник теперь так охотно прибегает к помощи волшебства. И однажды он сказал:

— В начале путешествия вы не говорили заклинаний.

— Первый и последний урок Роука: делай только то, что необходимо. И не больше!

— Значит, между этими двумя уроками учащиеся постигают, что значит «необходимо».

— Да, это так. Надо хранить Равновесие. Но когда нарушено само Равновесие, приходится учитывать и другие причины. И прежде всего, неотложность дела.

— Но как же так получилось, что все волшебники на юге... а теперь даже в других местах... даже певцы на плотах... все потеряли свои способности, а вы сохранили?

— Потому что мне ничего не нужно, кроме моего искусства, — ответил Ястреб.

Немного помолчав, он добавил уже веселее:

— Но если и мне суждено вскоре потерять волшебную силу, то уж под конец я постараюсь ее использовать сполна.

На душе у Ястреба сейчас было легко. Он получал явное удовольствие от своего искусства. Аррен не сразу это понял, потому что привык к тому, что маг неохотно прибегает к помощи колдовства. Ум волшебника всегда радуется фокусам, ведь маги — это фокусники. Преображение Ястреба в городе Хорте, которое так встревожило Аррена, было для него игрой, причем очень несложной. Для человека, который по своему желанию может изменить свое тело и саму сущность и превратиться в рыбу, дельфина или ястреба, для такого человека не составляет никакого труда изменить лишь лицо и голос. А однажды он сказал:

— Смотри, Аррен, я покажу тебе Гонт.

Он велел Аррену смотреть на поверхность воды в бочонке, который был заполнен до краев. Многие колдуны могут вызывать видения на поверхности воды. И маг показал мальчику огромную горную вершину над серым морем, окутанную облаками. Потом картина изменилась, и Аррен ясно увидел утес на этом острове-горе. Впечатление было такое, как будто он птица, чайка или сокол, которая летит вдоль берега и смотрит на эту скалу, возвышающуюся над бурными волнами. На горе виднелся маленький дом.

— Это Рэльби, — сказал Ястреб. — Там живет мой учитель Оджион. Когда-то давно он остановил землетрясение. Он ухаживает за своими козами, собирает травы и молчит. Не знаю, ходит ли он еще по горе. Он уже очень стар. Но если бы Оджион умер, я бы, конечно, узнал об этом, даже сейчас...

Но в голосе мага не было уверенности. На минуту видение затуманилось, Аррену даже показалось, что утес падает. Но потом все прояснилось. Голос мага обрел твердость:

— В конце лета или в начале осени он уходил один в лес. Так мы с ним встретились. Ребенком я жил в горной деревушке. Он дал мне имя, и вместе с именем я получил новую жизнь.

Теперь картина на водном зеркале выглядела так, как будто наблюдатель был птицей, сидевшей на ветке в лесу. Внизу под скалой виднелись зеленые, залитые солнцем луга на крутых склонах гор, наверху — покрытая снегом вершина. С другой стороны дорога круто устремлялась вниз, в зеленую, пронизанную золотыми лучами солнца тень леса.

— Тишина этих лесов ни с чем не сравнима, — сказал Ястреб.

Изображение потускнело и исчезло. В воде, наполнявшей бочонок, отражался только ослепительный диск полуденного солнца.

— Ну вот, — сказал Ястреб, глядя на Аррена странным насмешливым взглядом. — Если мне доведется когда-нибудь вернуться в родные места, даже ты не сможешь туда со мной поехать.

Впереди показалась земля. Низкий берег в туманных сумерках казался голубым.

— Это Селидор? — спросил Аррен, и сердце его забилось быстрее.

Но маг ответил:

— Я думаю, это Обб или Джессадж. Мы еще и половины пути не прошли, парень.

Ночью они вошли в пролив между двумя островами. Ни на одном из них огней не было видно. Но в воздухе стоял тяжелый запах дыма, такой тяжелый, что обжигал легкие. Наступил день. Путешественники оглянулись назад на восточный остров, Джессадж. Насколько хватало глаз, на острове ничего не было видно, кроме черной обгорелой земли, над которой висело грязно-синее облако дыма.

— Они сожгли поля, — сказал Аррен.

— Да. И деревни тоже. Мне знаком этот запах.

— Они что, здесь, на западе, дикари?

Ястреб покачал головой.

— Нет, фермеры, горожане.

Аррен в оцепенении смотрел на обгоревшие деревья фруктовых садов на фоне неба. Лицо его было сурово.

— Что им сделали эти деревья? — спросил он. — Короля нет. А все правители и волшебники забыли о своих делах, ушли в себя в поисках двери из царства смерти. Так было на юге. И здесь, по-видимому, то же самое. И все это сделал один человек, тот, о котором говорил дракон? Но это невозможно.

— Почему бы и нет? Если бы на Архипелаге был король, он бы тоже был один. Он бы правил. Один человек может разрушать так же легко, как править. Он может быть королем или лжекоролем.

Опять в его голосе послышалась насмешливая нотка. Это вывело Аррена из себя.

— У короля есть слуги, солдаты, гонцы, помощники. Он правит через своих слуг. А кто же слуги этого лжекороля?

— Мы сами, Аррен. Все — в нас самих. Предатель — сам человек, человек, который кричит: «Я хочу жить. Пусть все летят к чертям, лишь бы я жил!» Маленький предатель — наша душа во тьме, как паук в коробке. Он обращается ко всем нам. Но лишь немногие понимают его. Волшебники, поэты, певцы. И герои, те, кто хочет быть самим собой. Быть самим собой мало кому удается. Только великим людям. А быть самим собой вечно, разве это не более прекрасно?

Аррен вопросительно посмотрел на Ястреба.

— Вы хотите сказать, что ничего хорошего в этом нет. Но почему? Объясните мне. Я был ребенком, отправляясь в это путешествие. Я не верил в смерть. Я кое-чему научился, может быть, немногому, но все же. Я понял, что смерть неизбежна. Но я еще не умею радоваться этому, приветствовать свою смерть или вашу. Если я люблю жизнь, как я могу радоваться ее концу?

В Бериле у Аррена был учитель фехтования: человек лет шестидесяти, низенький, лысый и спокойный. Аррен невзлюбил его, хотя понимал, что учитель — замечательный мастер своего дела. Но однажды во время урока Аррен застал его врасплох и выбил шпагу из рук. И потом еще долго мальчик не мог забыть выражение неожиданной и недоверчивой радости, внезапно озарившей невозмутимое

лицо учителя. Это была настоящая радость, наконец, наконец-то появился человек, равный ему по мастерству! Начиная с этого дня учитель фехтования безжалостно гонял Аррен. И каждый раз во время боя на лице старика появлялась та же торжествующая улыбка. Причем, чем яростнее сопротивлялся Аррен, тем радостнее улыбался учитель. Сейчас Ястреб улыбался так же.

— Жизнь без конца, — произнес маг, — жизнь без смерти. Бессмертие. Каждая душа стремится к этому. И чем здоровее душа, тем сильнее это желание. Но будь осторожен, Аррен. Ты тот человек, который может добиться исполнения своего желания.

— И что тогда?

— А тогда — вот что. Острова приходят в упадок. Все искусства забыты. Певец теряет голос. Глаза не видят. А потом? Правит лжекороль. Правит вечно. Все вечно. Никто не рождается. Новые люди не появляются. Детей не будет. Только то, что смертно, несет в себе жизнь, Аррен. Только в смерти есть возрождение. Равновесие есть движение. В этом движении — вечное изменение.

— Но как могут действия одного человека, даже вся жизнь одного человека повлиять на Равновесие в целом? Это просто невозможно. Так нельзя... — он остановился.

— А кто разрешает? И кто запрещает?

— Я не знаю.

— И я тоже.

Тогда Аррен спросил упрямо и недоверчиво:

— А почему вы так в этом уверены?

— Я знаю, сколько зла может причинить один человек, — сказал Ястреб.

Его покрытое шрамами лицо нахмурилось, но скорее от боли, чем от гнева.

— Я знаю, потому что сам совершил зло. Я совершил такое же зло, ведомый той же гордостью. Я открыл дверь между мирами. Только щелочку, узкую щелочку. Я просто хотел доказать, что я сильнее самой смерти. Я был молод, как ты, и никогда раньше не встречался со смертью... Чтобы закрыть эту дверь, Верховному Магу Неммерлю пришлось употребить все свое искусство и даже отдать свою жизнь. На моем лице навсегда осталась отметина той ночи. А он погиб. Да, Аррен, дверь между светом и тьмой можно открыть. Это требует больших сил, но это можно сделать. Но закрыть ее — это совсем другое дело.

— Но то, что сделали вы, это ведь совсем другое...

— Почему? Потому что я хороший человек?

В глазах Ястреба снова появился холодный стальной блеск.

— А что такое хороший человек, Аррен? Хороший человек — это тот, кто не делает зла, кто не откроет дверь во тьму, в ком самом нет тьмы? Подумай, друг мой. Посмотри чуть дальше. Тебе это понадобится в будущем, чтобы прийти туда, куда ты должен прийти. Загляни в себя. Разве ты не слышал голос, который звал: «Сюда!» Разве ты не пошел на этот зов?

— Пошел. Но я... я думал, что это его голос.

— Это и был его голос. И твой голос тоже. Как же еще он мог обратиться к тебе и ко всем тем, кто умеет слушать, как не их собственным голосом?

— Почему же вы тогда его не слышите?

— Потому что я не хочу! — яростно сказал Ястреб. — От рождения мне была дана власть, так же, как и тебе. Но ты молод. Ты только начинаешь жить, ты стоишь в тени, в области снов. И ты слышишь голос, который зовет: «Сюда». Как я когда-то. Но я стар. Я уже сделал свой выбор. Я стою в ярком свете лицом к своей собственной смерти. И я знаю, что на свете есть только одна власть, которую стоит иметь. И это власть не брать, не иметь, а давать.

Теперь Джессадж остался далеко позади, превратившись в синее пятнышко на море.

— Тогда я его слуга, — сказал Аррен.

— Да. А я твой слуга.

— Но в таком случае, кто же он? Как его зовут?

— Я думаю, это человек.

— Тот человек, о котором вы как-то рассказывали, колдун из Хавнора, который вызывал мертвых? Это он?

— Вполне может быть.

— Но вы сказали, он был стар, когда вы знали его. А это было много лет назад... Разве он еще не умер?

— Может быть и нет, — снова сказал Ястреб.

Они замолчали.

В эту ночь все море светилось. Волны, которые разрезал нос «Гляди в оба», рыбешки под водой — все светилось серебром. Аррен сидел, опервшись о борт, положив голову на руку, и наблюдал за серебряными волнами и вихрями. Он опустил руку в воду и снова вынул ее. Его пальцы излучали слабое сияние.

— Смотрите, — сказал он. — Я тоже волшебник.

— Вот этого дара у тебя нет, — ответил его спутник.

— Тогда немного от меня будет пользы, когда мы встретимся со своим врагом, — сказал Аррен, не отрывая глаз от беспокойного сияния моря.

Он-то надеялся, с самого начала надеялся, что маг выбрал именно его в это путешествие, потому что он от рождения наделен способностями, унаследованными от его предка Морреда. И эти способности при необходимости в самый страшный час проявятся. И он спасет себя, и своего господина, и весь мир от врага. Недавно его мысли снова вернулись к этой надежде. Он как бы посмотрел на себя со стороны. Когда Аррен был очень маленьким мальчиком, ему страшно хотелось примерить корону отца. Он горько плакал из-за того, что ему не разрешали. И эта надежда была так же беспочвенна, как та детская мечта. Не было у него способностей к волшебству. Ни-когда не стать ему волшебником.

Конечно, наступит время, когда он сможет и даже должен будет надеть корону своего отца, когда он станет Правителем Энлада. Но сейчас это не имело почти никакого значения. И сам его дом тоже казался маленьким забытым mestечком. И это не было предательством. Наоборот, его верность стала сильнее, просто теперь у него появились новые важные обязанности. Он познал свою слабость и ею научился измерять свою силу. Он был уверен в себе. Только зачем ему сила, если нет у него волшебного дара, если ему нечего предложить своему господину, кроме верной службы и любви? Но будет ли этого достаточно там, куда они идут?

Ястреб только сказал:

— Чтобы увидеть свет свечи, надо отнести ее в темное место.

Аррен пытался утешить себя этим, но это ему не особенно удавалось.

На следующее утро, когда они проснулись, воздух вокруг был серым, и вода тоже серая. Над мачтой светилось голубое, как огн, небо: туман лежал низко. Для северян, как Аррен из Энлада и Ястреб с Гонта, туман был приятен, как старый друг. Он мягко окутывал лодку. Поэтому видимость была плохая. Но они чувствовали себя так, как будто после долгих недель пребывания на открытом пространстве, освещенном солнцем и обдуваемом ветрами, они, наконец, вернулись в знакомую комнату. Здешний климат был похож на климат их островов, так как они находились примерно на широте Роука.

В семистах милях к востоку от окутанных туманом вод, по которым двигалась «Гляди в оба», в листьях деревьев Вечной Роши играл ясный солнечный свет. Солнце ярко освещало гладкую зеленую вершину холма Роук и высокую черепичную крышу Большого Дома.

Одна из комнат южной башни называлась мастерской волшебников. Она была завалена ретортами и перегонными кубами, пузатыми бутылями и бутылочками с кривым горлышком. Были там печи с толстыми стенами и крошечные нагревательные лампы, щипцы, раздувальные мехи, подставки, клещи, пилки, трубы, тысячи коробочек и флаконов, закупоренные кувшины с надписями на хардийском языке или с какими-то таинственными рунами и другие принадлежности для алхимии, дутья стекла, очистки металла и знахарства. И в этой комнате, среди многочисленных столов и скамеек стояли Магистр Превращений и Магистр по Вызованию Духов.

Седовласый Магистр Превращений держал в руке большой камень, похожий на необработанный алмаз. Это был горный хрусталь, слабо окрашенный в розовато-сиреневый цвет, и при этом чистый, как вода. Но если внимательно смотреть в эту прозрачную глубину, там можно было кое-что заметить. Причем это не было отражением или преломлением реально существующих вещей, а только бездонная глубина пространства, в которую можно было взглядываться до бесконечности. Там всегда виделось что-то новое. Это был Камень Шелиета. Он с незапамятных времен хранился у правителей Уэя, иногда просто как драгоценная безделушка, иногда как средство от бесонницы, порой и для более зловещих целей. Те, кто слишком долго смотрел в бездонную глубину кристалла, не понимая ее, мог сойти с ума. Когда Верховный Маг Геншер приехал с Уэя на Роук, он привез с собой Камень Шелиета, потому что в руках мага он превращается в источник истины.

Каждый видел в камне что-то свое.

Магистр Превращений взял в руки камень и, глядя сквозь его выпуклую неровную поверхность в бесконечную бледную мерцающую глубину, произнес:

— Я вижу землю, как будто стою на горе Онн в центре Архипелага и вижу все, что находится внизу, даже самый дальний островок в самой далекой провинции и еще дальше. Картина очень ясная и четкая. Я вижу корабли на морских путях Илиена и огонь в очагах Торхевена и крыши той башни, где мы сейчас стоим. Но за Роуком

не видно ничего. На юге нет островов. Я не вижу Уотхорта в привычном месте, не вижу островов Западной провинции, даже Пендора не видно. А где же Осскил и Эбосскил? Энлад окутала серая мгла, похожая на паутину. Каждый раз, когда я заглядываю туда, я вижу, что исчезли новые острова. А море в том месте, где они были раньше, пусто. Там ничего нет. Так было до Сотворения...

На последнем слове Магистр запнулся, как будто не решался его произнести.

Он поставил камень на подставку из слоновой кости и отошел. Его доброе лицо осунулось. Он сказал:

— Теперь ты мне скажи, что видишь.

Магистр по Вызованию Духов взял в руки кристалл и медленно повернул его, как будто искал на шершавой прозрачной поверхности место, откуда откроется картина. Он долго крутил камень, пристально глядываясь, всматриваясь в его глубину. Через некоторое время он положил камень на место и сказал:

— Магистр Превращений, я почти ничего не вижу. Какие-то отдельные части, штрихи. Цельной картины нет.

Седовласый магистр сжал кулаки.

— А разве это само по себе не странно?

— Что вы имеете в виду?

— Разве ваши глаза ослепли? — вскричал Магистр Превращений, как будто рассердившись. — Разве вы не понимаете, что мы просто не решаемся назвать вслух то, что видим.

Магистр по Вызованию Духов произнес:

— Вы переутомились, господин магистр.

— Вызовите Дух Камня, — потребовал Магистр Превращений, взяв себя в руки.

Голос его звучал приглушенно.

— Зачем?

— Я прошу вас об этом.

— Послушайте, магистр, вы подзадориваете меня, как мальчишки подзадоривают друг друга перед медвежьей берлогой. Но мы ведь не дети.

— Нет, дети! Глядя на то, что я вижу в Камне Шелиста, я чувствую себя ребенком, испуганным ребенком. Вызовите Дух Камня. Ну что же мне, на колени встать, господин магистр?

— Нет, — сказал Магистр по Вызованию Духов.

Нахмурившись, он отвернулся от своего коллеги, который был старше его по возрасту.

Магистр широко раскинул руки. Этот жест предваряет все заклинания по вызову духов. После этого он стал произносить само заклинание. Внутри Камня Шелиста загорелся огонь. В комнате потемнело. Тени сгустились. Когда тени стали совсем черными, а огонь разгорелся ослепительно ярко, магистр соединил руки, поднес кристалл к лицу и стал вглядываться в его свечение.

Некоторое время он молчал, потом заговорил:

— Я вижу фонтаны Шелиста, — тихо произнес он, — пруды, бассейны и водопады, пещеры с серебряными занавесами, в которых сверху капает вода, а дно покрыто мхом и папоротником, волнистые пески, глубокие подземные источники, бьющие на поверхности земли. Я чувствую сладкую таинственность ручья...

Тут он снова замолчал... Лицо его при свете камня казалось бледно-серебристым. Вдруг он громко вскрикнул, уронил кристалл и закрыл лицо руками.

Тени исчезли. Яркий свет летнего солнца проникал в комнату, освещая беспорядочно составленные вещи. Огромный камень, совершенно не пострадавший от удара об пол, лежал под столом в пыли и мусоре.

Магистр по Вызованию Духов протянул вперед руку, как слепой, и схватил за руку своего собеседника. Он тяжело вздохнул. Потом выпрямился, слегка опираясь на руку магистра Превращений, и неуверенно сказал, пытаясь изобразить на своем лице улыбку:

— Я больше не буду подзадоривать вас, господин Магистр.

— Что вы увидели, Торион?

— Я видел фонтаны. Я видел, как вода ушла в землю. Я видел, как ручьи высохли, а их берега осыпались. И дно было все черное и сухое. Вы видели море до Сотворения мира, а я видел то... что осталось... после гибели Архипелага.

Он нервно провел языком по пересохшим губам и сказал:

— Жаль, что здесь нет Верховного Мага.

— Жаль, что нас нет с ним.

— Где он? Где его искать?

Магистр по Вызованию Духов посмотрел в окно, за которым виднелось ясное голубое небо.

— Никакое послание не найдет его. Он не услышит, если мы позовем его. Он там, где вы видели пустынное место. Он направляется туда, где высыхают ручьи. Он там, где не действует наше искусство... Хотя, впрочем, существуют заклинания, которые дойдут до него, что-нибудь из Учения Пална.

— Но ведь это заклинания, с помощью которых вызывают мертвых.

— А некоторые из них, наоборот, отправляют живущих на тот свет.

— Но вы же не думаете, что он мертв?

— Я думаю, он движется по направлению к смерти. Его влечет туда. Как, впрочем, и всех нас. Наши силы и способности покидают нас. Уходят надежда и удача. Ручьи пересыхают.

Некоторое время Магистр Превращений встревоженно смотрел на своего собеседника.

— Не пытайтесь связаться с ним, Торион, — наконец произнес он. — Он знал, на что идет, задолго до того, как мы это узнали. Для него мир все равно, что этот Камень Шелиота: он смотрит вокруг и видит, как обстоят дела и как они должны обстоять... Мы не можем помочь ему. Великие заклинания стали очень опасны. И наиболее опасное из них — Заклинание Пална, о котором вы говорили. Мы должны выполнять его советы. Мы должны оберегать стены Роука и не забывать Названия.

— Да, — сказал Магистр по Вызованию Духов, — но мне надо подумать.

И он покинул комнату в башне. Магистр держался очень прямо, высоко подняв свою благородную темную голову.

Утром Магистр Превращений отправился его искать. Он постучал в дверь, но ответа не последовало. Тогда он вошел и увидел, что

Магистр по Вызыванию Духов лежит распростертый на каменном полу, как будто его отбросило сильным ударом. Он широко раскинул руки, как при жесте, сопровождающем заклинания. Но руки были холодны, а открытые глаза смотрели в никуда. Магистр Превращений опустился возле него на колени, трижды с настойчивостью мага позвал его по имени «Торион». Но тот лежал неподвижно. Он был жив, но жизнь в нем едва теплилась. Сердце билось чуть слышно, дыхание было слабым. Магистр Превращений взял его за руку и прошептал:

— О Торион, я заставил тебя смотреть в камень. Это моя вина!

Затем он быстро вышел из комнаты, громко сообщая тем, кого встречал по пути, магистрам и ученикам:

— Враг настиг нас за укрепленными стенами Роука и ударили в самое сердце!

По природе он был спокойным человеком, но сейчас выглядел таким удрученным и озабоченным, что те, кто его видел, испуганно шарахались в сторону.

— Позаботьтесь о Магистре, — сказал он. — Хотя кто же теперь позовет назад его душу, если он сам, мастер этого дела, находится без сознания?

Магистр Превращений ушел к себе в комнату. И все расступились, пропуская его.

Послали за Магистром Травником. Он велел уложить Ториона, Магистра по Вызыванию Духов, на кровать и тепло его укрыть. Но Магистр Травник не стал готовить отвар из целебных трав и заговаривать больное тело или растревоженную душу. С ним был один из учеников, мальчик, которого еще не произвели в колдуны. Мальчик спросил:

— Господин Магистр, неужели мы не можем ничем ему помочь?

— Если и можем, то не с этой стороны стены, — сказал Магистр Травник.

Потом, вспомнив, с кем он разговаривает, добавил:

— Он не болен, юноша. Но даже если бы у него был жар, я не уверен, что наши знания смогли бы ему помочь. Похоже, последнее время травы мои никого не лечат. Я произношу слова заклинаний, а толку никакого.

— То же самое вчера говорил Магистр Заклинаний. Он остановился в середине песни, которой учил нас, и сказал: «Я не понимаю смысла этой песни». И он вышел из комнаты. Некоторые мальчики засмеялись, но я чувствовал себя так, словно пол уходит у меня из-под ног.

Магистр Травник посмотрел на умное грубоватое лицо мальчика, а потом на безжизненно застывший профиль Магистра по Вызованию Духов.

— Он вернется к нам, — сказал Магистр Травник. — Песни не будут забыты.

Но в эту ночь Роук покинул Магистр Превращений. Никто не заметил, как он это сделал. Он спал в комнате, окна которой выходили в сад. Утром окно оказалось открытым, а его самого в комнате не было. Все решили, что он до неузнаваемости изменил свою внешность, используя свои способности. Может быть, он превратился в птицу или зверя, или даже в туман или ветер. Не было такой формы

или вещества, которые были бы ему недоступны. И так он покинул Роук, может быть, в поисках Верховного Мага. Волшебник, изменяющий свою внешность, может попасть в сеть своих собственных заклинаний, если его подведет мастерство или сила воли. Те, кто это знал, волновались о магистре, но ничего не говорили о своих страхах.

Теперь в Совете Мудрецов не хватало трех Магистров. Шли дни, но от Верховного Мага не было никаких известий. Магистр по Вызыванию Духов лежал, как мертвый. Магистр Превращений не возвращался. В Большом доме повеяло холодом и мраком. Мальчики перешептывались. Некоторые из них подумывали о том, чтобы оставить Роук. Здесь они не получали знаний, за которыми приехали.

— Может быть, — сказал один из них, — нас обманывали с самого начала насчет тайных способностей и волшебной силы. Из всех Магистров только Магистр Фокусник по-прежнему показывает свои чудеса. Но мы-то хорошо знаем, что это всего лишь оптический обман. А остальные прячутся, отказываются что-либо делать, потому что все их тайства разоблачили.

Другой мальчик сказал:

— А что такое волшебство? Не что иное, как способность фокусничать. Разве оно спасло от смерти хотя бы одного человека или продлило кому-нибудь жизнь? Если бы маги на самом деле обладали теми способностями, которыми хвастаются, они бы жили вечно! — И мальчики стали рассказывать друг другу истории о том, как умер тот или иной великий маг, как Морред погиб в бою, а Нереджер пал от руки Серого Мага, а Эррета-Акбе убил дракон. А Геншер, предыдущий Верховный Маг, умер от болезни, у себя в постели, как простой смертный. Некоторые мальчики, у которых в сердце жил червь зависти, радовались про себя. Остальные слушали эти рассказы с грустью.

Все это время Магистр Правил оставался в роще один и никому не позволял туда входить.

Не изменился лишь Магистр Привратник, хотя его редко было видно. В его глазах не было и тени грусти. Он улыбался и по-прежнему охранял двери Большого Дома.

10. ОСТРОВ ДРАКОНОВ

А Правитель Острова Мудрецов тем временем находился в дальних морях Западной провинции. Он проснулся холодным ранним утром ясного погожего дня. Все тело его онемело и затекло: спать в маленькой лодочке было неудобно. Ястреб сел и зевнул. Потом взглянул на своего сонного еще спутника и показал на север:

— Вон! Два острова. Видишь? Это самые южные из драконьих островов.

— У вас глаз, как у ястреба, господин маг, — сказал Аррен, щурясь, но так ничего и не увидев.

— Поэтому меня и зовут Ястребом, — ответил маг.

У него по-прежнему было веселое настроение. Казалось, он стряхнул с себя грусть и дурные предчувствия.

— Разве ты их не видишь?

— Я вижу только часк, — сказал Аррен, протерев глаза.

Он пристально вглядывался в серо-голубой горизонт впереди. Маг засмеялся.

— Даже ястреб не может увидеть чаек за двадцать миль.

Яркое солнце разгоняло утренний туман. И тогда крошечные точки, кружасиеся в воздухе, сверкали, как золотые брызги воды или пылинки в солнечном луче. Аррен понял, что это драконы.

«Гляди в оба» приближалась к островам. Драконы увеличивались в размере. Они летали кругами в потоках утреннего ветра. Сердце мальчика радостно забилось. Его переполнял восторг, похожий на боль. В этом полете отражалось торжество смертных созданий. В их красоте чувствовалась страшная сила, необузданная дикость и расчетливая грация. Ведь драконы — это разумные существа, наделенные даром речи и древней мудростью. Своевольные и яростные движения были ритмичны и согласованы. Аррен молча наблюдал. «Неважно, что будет дальше. Я видел драконов, летающих в утреннем ветре», — подумал он.

Иногда ритмичность движений нарушалась, круги разрывались. Часто во время полета тот или иной дракон выпускал из ноздрей пламя, которое на минуту-другую повисало в воздухе, повторяя изгиб яркого длинного тела дракона. Поглядев на это, маг сказал:

— Они сердятся. Их танец дает выход гневу.

Немного погодя он добавил:

— Ну вот, мы потревожили осиное гнездо.

Драконы заметили маленький парус среди волн. Один за другим они вырывались из вихря танца, и, вытянувшись в воздухе во всю длину, направлялись к лодке, загребая огромными крыльями.

Маг посмотрел на Арrena. Тот сидел у руля. Мальчик твердо держал его, но взгляд его был прикован к машущим крыльям. Ястреб казался совершенно спокойным. В нос лодки с силой били волны. Маг встал у мачты и остановил волшебный ветер. Подняв посох, он громко заговорил.

Услышав Древний язык, некоторые драконы повернули на полпути, рассыпаясь в разные стороны, и полетели восвояси. Остальные остановились и парили в воздухе, вытянув вперед лапы с длинными когтями, похожими на мечи. Один, почти касаясь крыльями воды, подлетел совсем близко. Два взмаха его могучих крыльев — и он уже завис над лодкой. Чешуйчатый живот почти касался мачты. Аррен заметил, что тело дракона между плечом и грудью не защищенное, морщинистое. По-видимому, это было единственное уязвимое место дракона. А вообще его можно поразить только надежно заговоренным копьем.

Аррен задыхался от дыма, вырывающегося из длинной зубастой пасти. К дыму примешивался тошнотворный запах падали.

Тень скользнула мимо. Потом она вернулась и снова зависла над лодкой. На этот раз Аррен почувствовал жар, как от горячей печи. Потом из пасти опять повалил дым. Аррен услышал голос Ястреба, громкий и яростный. Дракон пролетел мимо. Остальные потянулись назад к своим островам, как раскаленные угли, подхваченные порывом ветра.

Аррен облегченно вздохнул и отер холодный пот со лба. Он посмотрел на своего спутника: волосы Ястреба побелели. Горячее дыхание дракона обожгло и обломало концы его волос. Парус тоже обгорел с одной стороны.

— У тебя голова опалена, мой мальчик.

— У вас тоже, господин маг.

Ястреб удивленно провел рукой по волосам.

— Да, действительно! Это уже наглость. Но я не хочу ссориться с ними. Похоже, они не в себе, растерянные какие-то. Они не разговаривают. Никогда не встречал я дракона, который не поговорил бы прежде, чем нападать, даже если он просто хочет помучить свою жертву... А теперь нам надо спешить. Не смотри им в глаза, Аррен. Лучше даже отвернись. Пусть нас несет обычный ветер. Сейчас дует сильный ветер с юга. Он-то нам и нужен. Побережем волшебную силу для более важных дел. Оставайся на руле.

«Гляди в оба» помчалась вперед. Скоро слева вдалеке показался остров и справа — два похожих друг на друга острова, которые они увидели раньше. На островах высались небольшие утесы, покрытые белым пометом драконов и черноголовых крачек, которые бесстрашно селились рядом с ними.

Сейчас драконы летали кругами высоко в небе, как обычные грифы. Ни один из них на этот раз не обратил внимания на лодку. Иногда они что-то кричали друг другу. Их резкие возгласы громко раздавались в воздухе. Отдельных слов Аррен разобрать не мог.

Лодка обогнула мыс. Аррен увидел на берегу темные очертания, которые сначала принял за разрушенную крепость. Но это был дракон. Одно черное крыло было неловко подогнуто, а другое далеко вытянуто вперед и касалось воды. Набегавшие волны покачивали его, и крыло шевелилось, как бы повторяя движения полета. Змееподобное тело во всю длину вытянулось на песке и скалах. Одна передняя лапа была оторвана, а из бока был вырван огромный кусок брони и мяса. В животе зияла дыра, и на песке чернела большая лужа ядовитой крови. Но он был еще жив. Так велика жизненная сила дракона, что быстро убить его можно только с помощью колдовства. Золотисто-зеленые глаза были открыты. Когда лодка проплыла мимо, огромная узкая голова немного повернулась, и из ноздрей с шумом и свистом вырвалась струя пара, смешанная с капельками крови.

Полоса песка между умирающим драконом и морем была испещрена следами огромных лап. На песке остались борозды от тяжелых тел. Кишки дракона были вткнуты в песок.

Ни Аррен, ни Ястреб не сказали ни слова, пока остров не исчез из виду. Они пересекали бурный и опасный пролив за Островом Драконов, где их подстерегали многочисленные рифы и подводные скалы. Они плыли к северным островам цепочки. Через некоторое время Ястреб произнес:

— Жуткое зрелище.

Голос его звучал мрачно и сурово.

— Они, что... едят своих?

— Нет. Не более, чем мы. Их довели до сумасшествия. Их лишили дара речи. Драконов, которые умели говорить раньше человека, которые старше всего живого на земле. Детей Сегоя — их довели до тупого животного состояния. Эх, Калессин! Куда унесли тебя твои крылья? Ты дожил до той поры, когда твоему племени пришлось испытать позор.

В голосе его послышались металлические нотки. Он поднял глаза к небу, посмотрел вокруг. Но все драконы остались позади.

Сейчас они кружили над скалистыми островами, над обагренным кровью берегом. В ясном небе сияло полуденное солнце.

В те времена на всем Архипелаге не было ни одного человека, который побывал на Драконих Островах, кроме Верховного Мага. Больше двадцати лет назад он прошел на лодке огромное расстояние, с востока на запад, до Драконих Островов и назад. Для моряка такое путешествие и опасно, и увлекательно. Море казалось лабиринтом голубых каналов и зеленых мелей. Они с Арреном пробирались между скалами и рифами посредством ловких рук и волшебных слов. Некоторые скалы были совсем низкими, почти вровень с поверхностью воды. Они обросли анемонами, ракушками, лентами морских папоротников и напоминали морских чудовищ. Другие возвышались над морем и привлекали взгляд причудливыми арками и полуарками, резными башенками, фантастическими животными наподобие вепрей, со змеиными головами, огромными и уродливыми.

Впечатление было такоc, будто полуживые существа борются со скалой. Волны ударялись о скалы со звуком, похожим на дыхание. Фигуры были мокрыми от соленых брызг. На одной из таких скал с южной стороны виднелись согнутые плечи и тяжелая благородная голова мужчины, задумчиво склоненная над морем. Но когда лодка прошла мимо скалы и они посмотрели назад, мужчины уже не было, зато между массивными скалами виднелась пещера, в которую вкатывались волны, издавая глухой, хлопающий звук. В этом звуке слышалось слово. Когда они отплыли подальше, искажающие отзвуки утихли и звук стал более ясным. Аррен спросил:

- У этой пещеры есть голос?
- Это голос моря.
- Но он произносит какое-то слово.

Ястреб прислушался, посмотрел на Аррена, а потом опять на пещеру.

- Что ты слышишь в этом звуке?
- Как будто кто-то говорит «ам».
- На древнем Языке это означает «начало» или «давно». Но я слышу в нем «об», что значит «конец». Смотри! Там, впереди! — неожиданно воскликнул он.

Аррен тоже заметил мель.

«Гляди в оба» осторожно, как кошка, обходила опасные места. Некоторое время они не отрывались от руля. А пещера все время медленно и глох выдыхала загадочное слово.

Теперь море стало глубже, хитросплетение скал осталось позади. Впереди маячил остров, похожий на башню. Его черные утесы были составлены из многочисленных цилиндров или колонн, прижатых друг к другу, с ровными краями и плоскими поверхностями. Это сооружение возвышалось над морем на триста футов.

— Это Башня Калессина, — объяснил маг. — Так мне сказали драконы, когда я приезжал сюда много лет назад.

- А кто такой Калессин?
- Самый старый...
- Он построил эту башню?
- Не знаю. Я не знаю, строили ли ее вообще. И сколько ему лет, я тоже не знаю. Я говорю «он», но на самом деле я и этого

не знаю... По сравнению с Калессином Орм Эмбар все равно что малое дитя. А мы с тобой, как майские мухи.

Он обвел взглядом зловещие отвесные скалы. Аррен со страхом посмотрел в ту же сторону. Он подумал, как из-за этого далекого черного уступа может появиться дракон и как молния броситься на них сверху. Но дракон не появлялся. Они медленно прошли по спокойным водам с подветренного берега, но ничего не услышали, кроме шелеста и хлюпанья волн, бившихся в подножья базальтовых колонн. Здесь было глубоко: ни рифов, ни скал. Лодкой управлял Аррен, а Ястреб стоял на носу, внимательно вглядываясь в утесы и ясное небо над головой.

Наконец лодка вышла из тени Башни Калессина на яркое полуденное солнце. Сейчас путешественники находились по другую сторону Драконьих Островов. Маг поднял голову. Наконец он увидел то, что искал. Издалека к ним летел, взмахивая блестящими крыльями, дракон Орм Эмбар.

Ястреб крикнул:

— Аро Калессин?

Аррен угадал смысл его вопроса, но не понял, что ответил дракон. Когда он слышал Древнюю Речь, ему всегда казалось, что он ее почти понимает, что он вот-вот все поймет, как будто это был язык, который он когда-то знал, но забыл. Когда маг говорил на Древнем Языке, его голос звучал гораздо отчетливее, чем когда он говорил по-хардийски. Звуки Древней Речи всегда окружала тишина, как бывает, если слегка коснуться большого колокола. А голос дракона, глубокий и громкий, гудел, как гонг, к которому примешивалось шипящее бренчанье цимбала.

Аррен смотрел, как его спутник, стоя на узком носу лодки, разговаривает с чудовищем, которое нависло над ними и закрыло собою полнеба. Сердце мальчика переполняли радость и гордость. Он видел, как мал и хрупок человек и какое уважение к себе он внушил. Дракон мог бы одним ударом когтистой лапы оторвать человеку голову. Он мог бы смять и потопить лодку, как камень топит плывущий по воде лист. Но дело не только в размерах. Ястреб был не менее могуществен, чем Орм Эмбар, и дракон понимал это.

Маг повернул голову.

— Лебаннен, — позвал он. Мальчик встал и подошел, хотя ему ни на один шаг не хотелось приближаться к этим могучим челюстям, длинным светящимся желто-зеленым глазам с узкими зрачками.

Ястреб ничего не сказал Аррену, только положил ему руку на плечо и снова заговорил с драконом.

— Лебаннен, — произнес громкий бесстрастный голос. — Агни Лебаннен!

Аррен поднял глаза. Маг легонько надавил рукой на его плечо. Мальчик избегал взгляда желто-зеленых драконьих глаз.

Аррен не умел разговаривать на Древнем Языке, но молчать не стал.

— Приветствуя тебя, господин Дракон, Орм Эмбар, — звонко сказал он.

Так один принц приветствует другого.

Наступило молчание. Сердце Аррена взорвалось. Но Ястреб, стоявший рядом, улыбался.

Дракон снова заговорил, Ястреб ответил. Аррену казалось, что время тянется бесконечно долго. Неожиданно разговор закончился. Могучим взмахом крыльев дракон взмыл вверх, чуть не опрокинув лодку, и улетел. Аррен посмотрел на солнце. Похоже, оно совсем не передвинулось. Значит, времени прошло немного, но лицо мага имело цвет мокрого пепла, а глаза сверкали. Он повернулся к Аррену и сел на банку.

— Все хорошо, мой мальчик, — хрипло сказал он. — Не так-то легко разговаривать с драконами.

Аррен достал припасы. Они целый день ничего не ели. Во время еды Аррен не проронил ни слова. Солнце уже клонилось к закату, хотя в этих северных широтах ночь наступала медленно и незаметно. К тому же стояла только середина лета.

— В общем, — сказал он наконец, — Орм Эмбар рассказал мне довольно много. Он говорил, что тот, кого мы ищем, находится на Селидоре и не на Селидоре... Дракону трудно разговаривать понятным языком. Их ум устроен сложно. И даже если кто-то из них хочет сказать человеску правду, что само по себе бывает редко, он не знает, как это сказать. Я спросил его: «Он на Селидоре так же, как твой отец?» Как ты знаешь, Орм и Эррет-Акбе оба погибли там во время схватки. И он ответил: «Да и нет. Ты найдешь его на Селидоре и не на Селидоре».

Ястреб задумался, молча жуя жесткую корку.

— Может быть, он хотел сказать, что, хотя этот человек не на Селидоре, чтобы найти его, я должен направиться именно туда. Может быть... Тогда я спросил его насчет других драконов. Он сказал, что этот человек приходил к ним. Он их не боится. Если его убить, то он воскреснет из мертвых. И не душой, а телом. Он оживает. Поэтому они боятся его, как чего-то противоестественного. И их страх дает возможность его колдовству держать верх над ними. Он отнял у драконов способность говорить на языке Созидания и оставил их на милость их собственной дикой природы. Поэтому они пожирают друг друга или лишают себя жизни, бросаясь в море. Эта смерть отвратительна для змея, его стихия — ветер и огонь. Тогда я спросил: «Там, где их повелитель Калессин?» Но он только отвечал: «На западе». Возможно, это означало, что Калессин улетел на другие острова. Драконы рассказывают, что есть такие острова, куда не заплывал ни один корабль. А, может быть, он имел в виду что-то другое. Когда я спросил все, что хотел, наступила его очередь задавать вопросы: «Когда я возвращался с севера, я пролетал над Калтулем и над Торенгейтом. В Калтусле я видел, как жители убивали на жертвенном камне ребенка. А в Ингате я видел, как горожане забивали колдуна камнями. Как ты думаешь, Гед, они съедят ребенка? А колдун возродится из мертвых? И будет ли он бросать камни в своих сограждан?» Сначала я думал, он смеется надо мной. Но он сказал: «Все потеряло смысл. На земле есть дыра, и туда вытекает море. Мы останемся на сухой земле. Мы не будем разговаривать и не будем умирать». Тогда я понял, что он хотел мне сказать.

А вот Аррен этого не понял. Более того, он сильно встревожился. Ведь Ястреб, повторяя слова дракона, назвал себя своим настоящим именем. В этом не было никакого сомнения. Это вызвало в памяти Аррена неприятные воспоминания о несчастной женщине с Лорба-

нери, которая выкрикнула: «Меня зовут Акарн!» Если ослабевают волшебные силы, смолкает музыка, речь, исчезает доверие между людьми, если ими овладевает страх и безумие, если даже драконы лишились разума и теперь пожирают друг друга, если все это так, то как же его господину удастся избежать этого?

А Ястреб сидел согнувшись, ужинал хлебом с копченой рыбой и совсем не выглядел сильным. У него были седые, обожженные огнем волосы, маленькие руки и усталое лицо.

И все же дракон боялся его.

— Что тебя тревожит, друг мой?

Ястребу можно сказать только правду.

— Господин Верховный Маг, вы назвали свое имя.

— Да, верно. Я забыл, что не сделал этого раньше. Тебе понадобится мое настоящее имя, если мы пойдем туда, куда мы должны пойти.

Не переставая жевать, он посмотрел на Аррена.

— А ты подумал, что я стал уже совсем плох и выболтал свое имя, как глупый старик, у которого не осталось ни ума, ни чести? Нет, мой мальчик, такое время еще не пришло!

— Конечно, нет, — сказал Аррен.

Он окончательно смутился и замолчал. Аррен очень устал: день оказался длинным и полным впечатлений от встреч с драконами. Впереди сгущалась тьма.

— Аррен, — сказал маг, — нет, Лебаннен, там, куда мы едем, не спрячешься. Там всех называют их настоящими именами.

— Но мертвым нельзя причинять вреда, — мрачно сказал Аррен.

— Но ведь не только там, в царстве мертвых, люди зовутся своими собственными именами. Преданные души, те, кто дарит жизнь... Ты устал, мальчик. Ложись и спи. Сейчас нам делать нечего. Ночью надо только держать правильный курс. А утром мы увидим последний остров на свете.

Его добрый голос согревал душу мальчика. Аррен свернулся на носу и стал засыпать. Маг тихо, почти шепотом запел. Он пел не по-хардйски, а на языке Созидания. Тут Аррен, наконец, начал понимать и вспоминать, что значат эти слова. И как раз перед тем, как он это окончательно понял, его одолел сон.

Маг тихо убрал хлеб и мясо, проверил трости, навел порядок в лодке, а потом взял в руки направляющий канат, сел на банку и наполнил парус сильным волшебным ветром. Стремительно, как стрела, «Гляди в оба» помчалась на север.

Гед посмотрел на спящего Аррена. Лицо мальчика освещали золотисто-красные лучи заката. Ветер шевелил его жесткие волосы. Вежливый и непринужденный мальчик-принц, сидевший у фонтана Большого Дома, исчез. Лицо, на которое смотрел маг, осунулось, его черты стали резкими и энергичными. Но лицо это было прекрасно по-прежнему.

— Никого я не нашел, кто бы следовал моим путем, — сказал Верховный Маг Гед, обращаясь то ли к спящему мальчику, то ли к ветру. — Никого, кроме тебя. А ты должен идти своим путем, не моим. Однако, когда ты станешь королем, часть твоей власти будет принадлежать и мне. Ведь я первый тебя узнал. Я первый тебя узнал! Когда-нибудь меня будут за это благодарить больше, чем за все, чего

я добился при помощи колдовства... Если, конечно, оно наступит, это когда-нибудь. Сначала мы оба должны выдержать испытание и удержать равновесие. И если я упаду, ты упадешь, и все остальные... Надо подождать. Никакая тьма не может длиться вечно. И даже в темноте есть звезды... Но как бы мне хотелось увидеть твою коронацию в Хавноре, Меч на Башне, освещенный солнцем, солнечные лучи на Кольце, которое мы привезли для тебя с Атуана, из темных могил, Тенар и я, еще до того, как ты появился на свет!

Он засмеялся и сказал на обычном языке:

— Козопас возводит на трон наследника Морреда! Неужели жизнь меня ничему не научила?

Так Гед сидел, держа в руках канат, и смотрел, как последние закатные лучи освещают туго натянутый парус. Потом он снова заговорил:

— Не бывать мне ни в Хавноре, ни в Роуке. Пора отказаться от власти. Надо выбросить старые игрушки и жить дальше. Пора возвращаться домой. Я должен увидеть Тенар. Я должен увидеть Оджиона, поговорить с ним прежде, чем он умрет. Я хочу увидеть дом на утесах Рс Альби. Как бы мне хотелось побродить по горе Гонт, по лесам. Осеню, когда деревья покрыты яркими листвами. Леса — это лучшее из царств. Пора мне отправляться туда, одному. И, может быть, там я, наконец, научусь тому, чему меня не может научить никакая власть и чему я так и не научился!

Весь западный небосклон был охвачен торжествующим красным пожаром заката. Даже море отливало багрянцем. А парус казался красным, как кровь. Незаметно наступила ночь. Всю ночь мальчик спал, а маг не сомкнул глаз. Он напряженно вглядывался в темноту. Звезды исчезли.

11. СЕЛИДОР

Проснувшись утром, Аррен увидел впереди на западе низкий туманный берег Селидора.

Во дворце в Бериле хранились старые карты, составленные еще во времена Королей, когда торговцы и путешественники отправлялись в плавание с Внутренних островов, а провинции были хорошо изучены. На двух стенах в тронной комнате принца была выложена мозаикой огромная карта севера и запада, а над троном — остров Энлад в золотых и серых тонах. Сейчас Аррен вспоминал эту карту, которую в детстве видел тысячу раз. К северу от Энлада находился Осскил, а к западу — Эбоскил, и югу — Семел и Палин. На этом внутренние острова заканчивались, и дальше ничего не было, кроме бледно-голубой мозаики, обозначающей пустое море, которую кое-где украшали крошечные дельфины и киты. Затем, наконец, за углом, там, где северная стена встречалась с западной, располагался Нарведуэн, а за ним три маленьких острова. А потом опять тянулось пустое море, все дальше и дальше, до самого края стены и до края карты. На самом краю был Селидор, а за ним — ничего.

Он отчетливо представил себе остров изогнутой формы, с большим заливом в середине, куда можно было войти с востока через узкий пролив. До этого места путешественники еще не добрались. Сейчас они направлялись в глубокую бухту за южным мысом. Когда они причалили, солнце еще было низко.

Так закончилось их долгое путешествие от дорог Балатрана до крайнего запада. Они вытащили «Гляди в оба» на песок и направились вдоль берега. Спокойствие и тишина казались им странными.

Гед взошел на низкую дюну, поросшую травой. Гребень, скрепленный жесткими корнями травы, нависал над крутым склоном. На вершине маг остановился, посмотрел на запад, а потом на север. Аррен задержался около лодки и надел башмаки, которых не носил уже много дней, достал из ящика меч и пристегнул его к поясу. На этот раз он уже не сомневался, братья с собой меч или нет. Он поднялся на дюну и стал рядом с Гедом, чтобы осмотреть остров.

Низкие дюны, покрытые травой, тянулись на полмили в глубь острова. За ними виднелись лагуны, густо поросшие осокой и камышом. А дальше выселились желто-коричневые голые холмы. Прекрасное и пустынное место, остров Селидор. Человек не оставил здесь своих следов. Не видно было и зверей. Вокруг озер, заросших тростником, не было ни часк, ни диких гусей, никаких других птиц. Гед и Аррен спустились по внутреннему склону дюны. Песчаный склон заслонил шум прибоя и рев ветра. Стало совсем тихо.

Межу крайней дюной и следующей простиравшаяся закрытая ложбинка с чистым песчаным дном. Западный склон освещало теплое солнце.

— Лебаннен, — сказал маг, теперь он называл Аррена только его настоящим именем. — Прошлой ночью мне не удалось спать. А сейчас я должен немного вздремнуть. Будь рядом, понаблюдай.

Он лег на солнце, потому что в тени было холодно, прикрыл рукой глаза, вздохнул и погрузился в сон. Аррен сел рядом. Ему ничего не было видно, кроме гнувшейся от ветра травы на гребне дюн, на фоне голубого неба и желтого солнца. Было совершенно тихо, если не считать далекого гула прибоя. А иногда ветер со слабым свистом проносил мимо песчинки.

Очень высоко в небе Аррен увидел птицу, похожую на орла. Но это был не орел. Птица сделала круг и ринулась вниз на распростертых золотых крыльях с громом и резким свистом. Приземлившись, она вцепилась огромными когтями в гребень дюны. Против солнца ее голова казалась черной с огненными проблесками.

Дракон немного сполз вниз и сказал:

— Агни, Лебаннен.

Аррен встал между ним и Ястребом и ответил, держа в руке обнаженный меч:

— Орм Эмбар.

Теперь меч не казался ему тяжелым. Гладкая стертая рукоятка удобно лежала в руке. Меч легко и охотно вышел из ножен. Его сила и древний возраст были на стороне Аррена. Теперь он знал, как им пользоваться. Это было его оружие.

Дракон снова заговорил, но Аррен его не понимал. Он обернулся на своего спящего спутника, который не проснулся даже от шума и грома, и сказал дракону:

— Мой господин устал. Он спит.

Услышав это, Орм Эмбар сполз вниз и свернулся на дне лощины.

На земле он выглядел тяжелым и не таким ловким, как в воздухе. Когда он летал, то был гибким и свободным. Но в медленных движениях его когтистых лап и изгибе колючего хвоста

чувствовалась зловещая грация. Он подогнулся под себя лапы, поднял огромную голову и замер. Точная копия дракона, вырезанного на щите воина. Аррен чувствовал на себе взгляд его желтых глаз и слабый запах гари. Между ними не было и десяти футов. Это не было зловонье падали, а сухой металлический запах, сочетавшийся со слабым ароматом моря и соленого песка, чистый дикий запах.

Солнце поднялось и зажгло бока дракона ярким пламенем. Он казался сделанным из железа и золота.

Гед продолжал безмятежно спать и обращал на дракона не больше внимания, чем отыскающий фермер на свою собаку.

Прошел час. Вдруг Аррен вздрогнул. Рядом с ним сидел маг. Аррен не заметил, как тот проснулся.

— Ты уже так привык к драконам, что спокойно спиши у них между лапами, — сказал Гед, засмеявшись и зевнув.

Затем он встал и обратился к Орму Эмбару на языке драконов.

Орм Эмбар тоже зевнул, прежде чем отвечать. Возможно, и его клонило ко сну. Мало кому доводилось видеть такое зрелище: ряды желто-белых зубов, длинных и острых, как мечи, красный раздвоенный огненный язык длиной в два человеческих роста, глотка, похожая на дымящуюся пещеру.

Орм Эмбар начал что-то говорить, а Гед приготовился его слушать, но вдруг оба покернулись и посмотрели на Аррена. Они услышали скрежет железа. Аррен смотрел на гребень дюны, держа меч наготове. Там стоял человек. Солнце ярко освещало его. Легкий ветерок шевелил одежду. Он стоял неподвижно, как деревянное изваяние. Только край его легкого плаща и капюшон шевелились. У него были длинные черные волосы, спадавшие на плечи блестящими кудрями. Это был высокий, широкоплечий, сильный и красивый человек. Он смотрел куда-то на море поверх их голов. Вдруг человек улыбнулся.

— Орма Эмбара я знаю, — сказал он. — И тебя я тоже знаю, хотя ты постарел, Ястреб, с тех пор, как я видел тебя последний раз. Говорят, ты теперь Верховный Маг. Ты стал знаменитым и старым. И с тобой молодой слуга, явно ученик мага, один из тех, кто постигает мудрость на Острове Мудрецов. Что вы здесь делаете, так далеко от Роука и стен, защищающих Магистров от сил зла?

— В стенах, более мощных, чем стены Роука, образовалась брешь, — сказал Гед, сжимая обеими руками посох, и глядя на незнакомца. — Но почему бы тебе не предстать перед нами в своем собственном облике, чтобы мы могли приветствовать того, кого мы так долго искали?

— В своей плоти? — переспросил человек и снова улыбнулся. — Неужели плоть, тело, мясо так много значат для двух магов? Нет, давай встретимся мыслями, Верховный Маг.

— Этого, я думаю, мы сделать не можем. Аррен, убери свой меч. Это всего лишь послание, призрак. Это не настоящий человек. С таким же успехом ты можешь обнажить меч против ветра. В Хавноре, когда твои волосы были белыми, тебя звали Коб. Но это было всего лишь прозвище. Как же нам теперь называть тебя, когда мы встретимся?

— Называйте меня «предсказатель», — произнесла высокая фигура сверху.

— Хорошо. А еще как?

— Король и Хозяин.

Услышав это, Орм Эмбар громко и страшно зашипел. Его огромные глаза сверкнули. Но он отвернулся от человека и прижался к земле, как будто не мог двигаться.

— Где же нам найти тебя и когда?

— В моем королевстве, когда я сам того пожелаю.

— Очень хорошо, — ответил Гед, поднял посох и на несколько шагов приблизился к высокой фигуре. И человек исчез, как исчезает пламя задутой свечи.

Аррен следил за происходящим широко раскрытыми глазами. Дракон приподнялся на могучих кривых лапах, зазвенев чешуей, и оскалился. Но маг снова оперся на посох.

— Это был всего лишь призрак. Изображение человека. Оно может говорить и слышать. Но призрак совершенно бессилен, если только наш собственный страх не наделит его силами. Он даже не обязательно соответствует внешности хозяина, если только тот сам этого не захочет. Я думаю, он сейчас выглядит иначе.

— Как вы считаете, он сейчас поблизости?

— Призраки не могут перелетать через воду. Он на Селидоре. Но Селидор — огромный остров. Он больше Роука и Гонта. А в длину почти такой же, как Энлад. Возможно, нам придется его долго искать.

Тогда заговорил Дракон. Гед выслушал, потом повернулся к Аррену.

— Вот, что говорит Хозяин Селидора: «Здесь мой родной остров, здесь мой дом. И покидать его я не собираюсь. Я найду Врага и приведу тебя к нему. Может быть, вдвоем мы уничтожим его». Я не говорил тебе, что дракон всегда находит то, что ищет?

Гед опустился на одно колено перед огромным зверем, как подданный склоняется перед королем, и поблагодарил его на его языке. Дракон сидел так близко, что его горячее дыхание обжигало волосы Геда.

Орм Эмбар поднял свое огромное чешуйчатое тело на гребень дюны, взмахнул крыльями и взлетел.

Гед отряхнул песок с одежды и сказал Аррену:

— Ты видел, как я стоял на коленях. Может быть, ты снова увидишь, как я встану на колени, прежде чем все закончится.

Аррен не стал спрашивать, что имеется в виду. Их долгое совместное путешествие научило его, что для сдержанности мага всегда есть причины. И все же ему показалось дурное предчувствие в этих словах.

Путешественники перебрались через дюну и снова вышли к морю. Они убедились, что лодка лежит на берегу достаточно далеко от воды. Ее не унесет ни прилив, ни шторм. Они взяли с собой плащи и остатки продуктов. Гед минуту молча постоял у стройного носа лодки, так долго носившей его по далеким чужим морям. Он положил руку на нос, но не стал произносить заклинания. Потом они снова направились вглубь острова на север в сторону гор.

Они шли целый день, а вечером остановились у извилистого ручья, который бежал к поросшим тростником озерам и болотам. Лето было в разгаре, но дул холодный ветер с запада, с бесконечных

просторов открытого моря. Небо заволокла мгла. Звезд не было видно. И на склонах гор не светился огонек очага или окно.

Аррен проснулся среди ночи. Вокруг было темно. Их маленький костер погас. Луна садилась, освещая землю серым неясным светом. В долине ручья и на склоне холма неподвижно стояла огромная толпа людей. Люди молчали, повернувшись к Геду и Аррену. Свет луны не отражался в их глазах.

Говорить Аррен не осмелился, он просто положил руку на плечо Геду. Маг пошевелился, сел и спросил:

— Что случилось?

Проследив за взглядом Аррена, он увидел безмолвную толпу.

И мужчины, и женщины были одеты в одинаковые темные одежды. При слабом свете луны их лица трудно было различить. Но Аррену показалось, что среди тех, кто стоял ближе всех, было несколько человек, которых он знал, хотя и не помнил их имен.

Гед встал. Плащ упал с его плеч. Лицо, волосы и рубашка свелись бледным серебряным светом, как будто они собрали весь свет луны. Он сделал широкий жест рукой и громко сказал:

— О, вы, кто жил, вы свободны! Я разрываю цепи, которыми вы скованы: Анвасса майн хару пеннодате!

Еще минуту молчавшие люди стояли неподвижно. Затем они медленно повернулись и исчезли в серой тьме.

Гед сел и глубоко вздохнул. Он взглянул на Аррена и положил ему руку на плечо. Прикосновение его руки было твердым и теплым.

— Бояться нечего, Лебаннен, — сказал он мягко и чуть насмешливо. — Это всего лишь мертвые.

Аррен кивнул. У него стучали зубы: он промерз до костей.

— Как они... — начал он, но окоченевшие губы не слушались его.

Гед понял, что он хотел спросить.

— Он вызвал их. Он обещал всем вечную жизнь. Если он захочет, они могут вернуться. По его приказу они должны ходить по дорогам жизни, хотя сами не могут пошевелить травинки.

— Значит, он... он тоже мертв?

Гед задумчиво покачал головой.

— Мертвые не могут вызывать мертвых на этот свет. Нет, это живой человек. Его способности даже превосходят способности живых... Но если кто-нибудь следует за ним, он обманывает его. Он использует свою силу только в своих интересах. Он изображает Короля Мертвых, и не только мертвых... Но это были всего лишь тени.

— Не знаю, почему я их боюсь, — смущенно произнес Аррен.

— Ты боишься их, потому что ты боишься смерти. И правильно делаешь. Смерть ужасна, ее надо бояться, — сказал маг.

Он подбросил свежих дров в костер и подул на угольки, засыпанные пеплом. Ветки ярко вспыхнули. Их свет подействовал на Аррена ободряюще.

— Жизнь тоже ужасна, — сказал Гед, — ее надо бояться и восхвалять.

Путешественники сидели, плотно закутавшись в плащи, и некоторое время молчали. Потом Гед сказал очень серьезно:

— Лебаннен, я не знаю, сколько еще он будет дразнить нас своими привидениями и тенями. Но ты знаешь, куда он в конце концов пойдет.

— В царство тьмы.

— Да. Вслед за нами.

— Я их уже видел. Я пойду с вами.

— Ты настолько уверен во мне? Ты можешь доверять моей дружбе, но не доверяй моей силе. Теперь я встретил равного соперника.

— Я пойду с вами.

— Но если он победит меня, если кончатся мои силы или прекратится моя жизнь, я не смогу отвести тебя назад, а сам ты вернуться не сумеешь.

— Мы вернемся вместе.

Гед ответил:

— Ты становишься взрослым мужчиной у врат смерти.

А потом он очень тихо произнес то же слово или имя, которое дважды говорил Дракон, обращаясь к Аррену.

— Агни... Агни, Лебаннен.

Больше они не разговаривали и вскоре снова заснули у маленького быстро догорающего костра.

На следующее утро они пошли дальше на северо-восток. На этот раз направление выбирал Аррен, а не Гед, который только сказал:

— Выбирай дорогу, друг мой. Для меня все дороги одинаковы.

Ястреб с Арреном не спешили. Определенной цели у них не было. Они ждали, чтобы Орм Эмбар подал им какой-нибудь знак. Они пошли вдоль низкой гряды холмов, не теряя из виду море. Ветер прибивал к земле сухую короткую траву. Справа поднимались золотистые пустынные холмы, слева тянулись соляные болота и море. Один раз далеко на юге они увидели стаю лебедей и больше ни одного живого существа за весь этот день. Аррен устал от страха. Его мучили плохие предчувствия. В нем росло нетерпение и гнев. После нескольких часов молчания Аррен произнес:

— Эта земля мертвая, как само царство смерти!

— Не говори так, — резко возразил маг.

Некоторое время он шел молча, потом маг сказал изменившимся голосом:

— Посмотри на эту землю, посмотри вокруг. Это твое царство, царство жизни. Это твое бессмертие. Посмотри на эти холмы. Они вечны. Холмы покрыты живой травой, по ним бегут ручьи... Во всем мире, во всех других мирах, во всех временах нет такого другого ручья, который был бы похож на любой из этих ручьев. Эти холодные источники вырываются из недр земли, где ни один глаз не может их увидеть. Они бегут солнечным днем и темной ночью к морю. Глубоки ручьи бытия, глубже жизни, глубже смерти...

Он замолчал, но его глаза, глядящие на Аррена и залитые солнцем холмы, без слов говорили о его любви и грусти. Аррен увидел это и увидел Геда впервые таким, каким он был на самом деле.

— Я не могу выразиться яснее, — невесело сказал Гед.

А Аррен подумал о том, как они увиделись в первый раз во дворе Большого Дома. Он вспомнил человека, стоявшего на коленях

на краю бьющего фонтана. И его охватила радость, чистая, как та вода. Он посмотрел на своего спутника и сказал:

— Я отдал свою любовь тому, что достойно любви. Разве это не царство вечной весны?

— Да, мой милый, — сказал Гед мягко, и в голосе его звучала боль.

Некоторое время они шли молча. Но теперь Аррен видел мир глазами своего спутника. Он видел непревзойденное великолепие жизни, открывшееся ему на этом тихом и пустынном острове как будто силой заклинания, в каждой травинке, пригнувшейся к земле, в каждой тени, в каждом камне. Так бывает, когда человек находится в дорогом его сердцу месте в последний раз, отправляясь в путешествие и зная, что больше сюда не вернется. Он видит родные места такими, какие они есть, какими никогда не видел их раньше и никогда уже не увидит.

Наступил вечер. С запада плотными рядами плыли облака. Их принес с моря сильный ветер. Облака горели огнем в красных лучах садящегося солнца. В этом красном свете Аррен собирал хворост для костра в долине у ручья. Он поднял глаза и вдруг увидел в нескольких шагах от себя человека. Лицо человека было каким-то странным и размытым, но Аррен знал его: это был красильщик из Лорбанери, Солпи, который погиб.

За ним стояли другие люди. Все они смотрели на Аррена в печальном ожидании. Они пытались говорить, но Аррен не слышал слов, только неясный шепот, сливавшийся со свистом ветра. Несколько человек медленно направились к нему.

Он посмотрел на них, потом на Солпи, а затем повернулся к ним спиной, нагнулся и подобрал еще одну сухую ветку, хотя руки его дрожали. Он добавил эту ветку к своей охапке, поднял еще одну ветку и еще одну. Потом Аррен выпрямился и обернулся. В долине никого не было. Только трава шевелилась, освещенная красным светом. Он вернулся к Геду, положил на землю охапку хвороста, но не рассказал о том, что видел.

Аррен спал урывками. Всю ночь в туманной мгле этого острова, где не жила ни одна живая душа, просыпаясь, он слышал поблизости шепот душ умерших людей. Но он усилием воли заставлял себя не слушать и снова засыпал.

Они проснулись поздно, когда солнце было уже довольно высоко над холмами. Оно вырвалось из тумана и освещало холодную землю. Когда они завтракали, в небе появился дракон и стал кружиться над ними. Из его пасти вырывалось пламя, а из красных ноздрей — дым и искры. В этом страшном пламени, как мечи из слоновой кости, блестели зубы. Но он ничего не сказал, хотя Гед приветствовал его и крикнул на его языке:

— Ты нашел его, Орм Эмбар?

Дракон откинулся назад голову, странно выгнувшись, загребая воздух острыми когтями. Потом он быстро полетел на запад, по пути оглядываясь.

Гед схватил посох и ударил им о землю.

— Он не может говорить, — сказал он. — Он не может говорить! У него отняли речь. Теперь он просто гадюка, бессловесный червяк.

Его мудрость угаснет. Но он может показать нам дорогу. Скорее за ним!

Забросив на плечо свои легкие мешки, путешественники пошли через холмы на запад, вслед за Ормом Эмбаром.

Они прошли около восьми миль, не сбивая шага. Теперь море виднелось с обеих сторон. Они двигались вдоль длинной гряды холмов, иногда пересекая извилистые ручьи, поросшие тростником, которые бежали к морю. Это был самый западный мыс на Архипелаге, конец земли.

Орм Эмбар, согнувшись, сидел на белом песке, низко пригнув голову, как сердитая кошка. При каждом вздохе из его ноздрей вырывался огонь. Неподалеку, между ним и морем, стояло белое сооружение, наподобие хижины, сложенное из выбеленных морем бревен. Но на этом берегу не могло быть бревен. Здесь не росли деревья. Поблизости не было ни одного острова. Они подошли ближе, и Аррен увидел, что ветхие стены сложены из огромных костей. Сначала он подумал, что это кости кита, но потом заметил белые треугольники с краями, острыми, как ножи, и понял, что это кости дракона.

Они подошли к хижине. Сквозь щели между костями виднелось переливающееся на солнце море. Перемычкой двери служила берцовая кость длиной больше человеческого роста. На ней стоял человеческий череп, уставившийся пустыми глазницами на холмы Селидора.

Увидев череп, они остановились. В эту минуту из двери вышел человек. На нем были древние доспехи из позолоченной бронзы. В доспехах зияли дыры, как от ударов топором. На поясе болтались украшенные драгоценными камнями пустые ножны. Лицо его с изогнутыми черными бровями и тонким носом было суровым. Темные проницательные глаза смотрели грустно. На его руках, шее, на боку зияли страшные раны. Они уже не кровоточили, но это были смертельные раны. Он стоял неподвижно, глядя прямо на них.

Гед сделал один шаг в его сторону. Стоя так лицом друг к другу, они были чем-то похожи.

— Ты Эррет-Акбе, — сказал Гед.

Человек не отрываясь смотрел на него. Он кивнул, но не сказал ни слова.

— Даже тебе, даже тебе приходится выполнять его приказания! В голосе Геда слышался гнев.

— О, мой господин, самый лучший и смелый из нас, отдохни, ты заслужил покой!

Гед поднял руки, потом широко развел, опустил их. Он произнес те же самые слова, что говорил, обращаясь к толпе мертвцев. На мгновение в воздухе застыл широкий светящийся след от его рук. Когда свечение исчезло, исчез и человек. На том месте, где он стоял, лишь белел песок, освещенный ослепительным солнцем.

Гед ударили по костям посохом, дом рассыпался и пропал. Ничего не осталось, кроме одного огромного ребра, торчавшего из песка.

Он повернулся к Орму Эмбару.

— Здесь, Орм Эмбар? Здесь это место?

Дракон открыл рот и громко зашипел.

— Значит, здесь, на самом дальнем берегу на свете. Хорошо!

Затем, держа свой черный тисовый посох в левой руке, Гед широко развел руки и начал говорить слова заклинания. Он говорил на языке Созидания, но Аррен, наконец, понял его смысл, как все, кто его слышал, ибо он имеет власть над всеми.

— Язываю тебя сюда, мой враг, явись передо мной во плоти. Заклинаю тебя словом, которое не будет сказано до скончания времен, явись!

Там, где следовало произнести имя того, кого вызывают, Гед просто сказал: «мой враг».

Наступила тишина. Даже шум прибоя затих. Аррену показалось, что свет солнца померк, хотя оно высоко стояло в ясном небе. На берегу стало темно, как бывает, когда человек смотрит на свет сквозь закопченное стекло. Прямо перед Гедом возникла тень. Трудно было различить, что там внутри. Казалось, там ничего не было, ничто не отражало солнечный свет в этом бесформенном сгустке тьмы. Вдруг оттуда вышел человек. Это был тот же самый человек, которого они видели на дюне: черноволосый, высокий, стройный, с длинными руками. Сейчас он держал длинный стальной жезл или клинок, на котором по всей длине были вырезаны руны. Он шагнул к Геду, наклонив жезл в его сторону. Во взгляде человека было что-то странное, как будто солнце слепило ему глаза, и ему было больно смотреть.

— Я пришел, — сказал он. — По своей собственной воле и своей дорогой. Ты не можешь вызвать меня, Верховный Маг. Я не тень. Я живой человек. Единственный живой человек! Ты думаешь, ты живой? Ты же умираешь, умираешь! Ты знаешь, что это такое? Это посох Серого Мага, того самого, который утихомирил Нереджера. Он был настоящим мастером своего дела. А теперь я мастер. И мне надоело играть с тобой в игры.

С этими словами он внезапно протянул стальной клинок в сторону Геда, который стоял неподвижно, как будто окаменел. Аррен был на шаг позади. Он изо всех сил пытался шагнуть вперед, но не мог пошевелить ни рукой, ни ногой. Он даже не мог положить руку на рукоятку меча. Слова застяли у него в горле.

И тут над головами у Геда и Аррена возникло громадное тело дракона. Одним мощным рывком Орм Эмбар приблизился и стрелой бросился вниз на противника. Заговоренный жезл по самую рукоятку вошел в чешуйчатую грудь дракона. Но могучее тело навалилось на человека всем своим весом. Послышался хруст костей, и тело человека загорелось.

Орм Эмбар поднялся, выгнув спину и замахал перепончатыми крыльями. Из его пасти со свистом вырывалось пламя. Дракон закричал. Он попытался взлететь, но не смог. Смертоносный холодный металл пронзил его сердце. Он согнулся. Изо рта дракона, дымясь, полилась черная ядовитая кровь. Огонь в ноздрях потух, и они стали пепельно-серыми. Он уронил огромную голову на песок.

Так погиб Орм Эмбар, на том же самом месте, что и его предок Орм, на костях Орма, зарытых в песок.

В том месте, где он раздавил своего противника, лежало что-то омерзительное и сморщенное, похожее на тело большого паука,

засохшего в паутине. Оно было сожжено дыханием дракона и раздавлено его когтистыми лапами. Но вдруг эта куча пришла в движение. Она медленно отползла от дракона.

Ястреб и Аррен увидели лицо, обращенное к ним. Теперь оно утратило всю свою привлекательность. Перед ними были лишь уродство и старость человека, пережившего свой срок. Рот ввалился. Чернели пустые глазницы. Наконец, Гед и Аррен увидели истинное лицо своего врага.

Лицо отвернулось. Обгоревшие черные руки вытянулись. Вокруг сгустилась тьма, та же самая бесформенная тьма, от которой померк свет солнца. Между руками Разрушителя возникли неясные очертания арки или ворот, за которыми виднелся не белый песок и не океан, а длинный темный склон, уходящий в черноту.

Туда и поползла раздавленная фигура. А когда ее обволокли тени, она резко встала, распрямилась и быстро растворилась в темноте.

— Пойдем, Лебаннен, — сказал Гед, положив правую руку на плечо мальчика. И они пошли вперед, в царство смерти.

12. ЦАРСТВО СМЕРТИ

Тисовый посох в руке мага светился серебром в сгущающейся серой мгле. Аррен заметил в темноте еще один источник света. Светился обнаженный меч в его руке. Дракон своим подвигом и смертью разрушил чары оцепенения. Тогда на берегу Селидора Аррен вынул меч из ножен. И здесь, хотя он был всего лишь тенью, он был живой тенью и нес тень меча.

Вокруг было темно, как поздним вечером в конце ноября. Холодные мрачные густые сумерки, когда видно плохо и только совсем близко. Аррен узнал это место: болота и пустоши из его кошмарных сновидений. Но ему показалось, что он зашел дальше, гораздо дальше, чем во сне. Он ничего не мог толком разглядеть. Видел только, что они с Ястребом стоят на склоне горы перед низкой каменной стеной, которая едва доходила им до колена.

Гед держал Аррена за руку. Потом они пошли вперед и перешагнули через стену.

Перед ними уходил вниз в темноту длинный пологий склон.

Но наверху, где Аррен ожидал увидеть затянутое черными тучами небо, светили звезды. От взгляда на них сердце сжалось и похолодело в его груди. Таких звезд ему еще не приходилось видеть. Они светят, не мигая. Они не восходят и не садятся, не прячутся за облако и не тают на рассвете. Маленькие неподвижные звезды царства смерти.

Гед зашагал вниз по дальней стороне горы бытия. Аррен не отставал. Его охватил ужас, но сердце было полно решимости. Аррен собрал волю в кулак и решил не поддаваться страху. Он старался отогнать от себя мрачные мысли. Но душа его разрывалась от горя. Так чувствует себя живое, посаженное на цепь и запертое в клетке.

Они долго спускались вниз по склону холма, но, возможно, прошли немного. Течения времени здесь не ощущалось. Ветра не было, звезды не двигались. Наконец они пришли в один из городов

этой темной страны. Аррен увидел дома с окнами, где никогда не зажигали свет. У некоторых дверей с неподвижными лицами, безвольно опустив руки, стояли мертвые.

Рыночные площади были пусты. Никто ничего не продавал и не покупал, не получал прибыли, не тратил денег. Никто не работал, не пользовался вещами. Гед и Аррен прошли по узким пустынным улицам. Несколько раз они видели вдалеке какую-нибудь фигуру, но рассмотреть ее во мраке было невозможно. В первый раз при виде такой фигуры Аррен вздрогнул и поднял меч. Но Гед покачал головой, и они пошли дальше. Тогда Аррен разглядел, что это была женщина. Она просто медленно шла прочь, а вовсе не убегала от них.

Все, кого они встречали, стояли неподвижно или брели медленно и бессильно. Ни на одном из них не было ран, как на призраке Эррета-Акбе, который был вызван среди бела дня на место своей гибели. На них не было никаких следов болезни. Все они излечились. Они излечились от боли и от жизни. Мертвцы не были такими отвратительными, как опасался Аррен. Они не внушали ему страха. Их лица были спокойны. В невидящих глазах не отражалось ни гнева, ни желания, ни надежды.

Вместо страха Аррен чувствовал жалость. И если был в нем страх, то не за самого себя, а за всех людей. Он видел мать и ребенка, умерших вместе. Они остались вместе и в царстве тьмы. Но ребенок не бегал, не кричал, а мать не подходила к нему и даже не смотрела в его сторону. Те, кто умер от любви, равнодушно проходили мимо друг друга на улице.

Гончарный круг не крутился, ткацкий станок стоял пустой, а печь —не грела. Ни один голос не пел песню.

Темные улицы между темных домов вели Геда и Аррена все дальше и дальше. Единственным звуком, нарушавшим тишину, был звук их шагов. Стало холодно. Сначала Аррен не замечал этого. Но холод заползал в душу, пронизывал тело. Аррен смертельно устал. Видимо, они уже прошли большое расстояние. «Зачем идти дальше?» —подумал он, немного отставая.

Тут Гед резко остановился и повернулся к человеку, стоявшему на перекрестке. Человек был высокий и стройный. Лицо его показалось Аррену знакомым, но он не помнил, где видел его. Гед заговорил с ним. Это был первый голос, нарушивший тишину с тех пор, как они перешагнули через каменную стену?

— О, Торион, друг мой, как ты здесь оказался?

Он протянул руки к Магистру по Вызованию Духов.

Торион не ответил на его приветствие, даже не пошевелился. И лицо его оставалось неподвижным. Но серебряный свет от посоха Геда глубоко проникал в его затуманенные глаза и слабо отражался в них. Гед взял его за руку и снова спросил:

— Что ты здесь делаешь, Торион? Ты еще не принадлежишь этому королевству. Возвращайся!

— Я пошел за бессмертным и заблудился.

Голос Магистра звучал тихо и монотонно, как будто он разговаривал во сне.

— Иди вверх, к стене.

Гед указал в ту сторону, откуда они с Арреном пришли. Там была длинная темная улица. Лицо Ториона вздрогнуло, как будто у него появилась утраченная надежда.

— Я не могу найти дорогу, — сказал он. — Мой господин, я не могу найти дорогу.

— Может быть, тебе удастся выбраться отсюда, — сказал Гед, обнял его и пошел вперед.

Торион остался неподвижно стоять на перекрестке.

Аррен подумал, что в этой непроглядной тьме нет ни времени, ни направления, ни востока, ни запада. Идти было некуда. А есть ли отсюда выход? Он вспомнил, как они опускались по склону горы, все время вниз, вниз. Даже если они сворачивали, все дороги в темном городе все равно вели вниз. Значит, чтобы вернуться к каменной стене, надо все время подниматься. А на вершине горы они найдут стену. Но они не повернули назад. Плечом к плечу они продолжали свой трудный путь. Кто из них шел первым? Аррен за Гедом? Или Гед за Арреном?

Они вышли из города. Страна бесчисленных мертвцевов была пуста. На каменистой почве под незахожими звездами не росло ни дерева, ни колючки, ни былинки.

Горизонта они не видели. Видно было только то, что находилось совсем рядом. Все остальное скрывала тьма. Но впереди них было пространство, где не светили звезды. И земля под этим беззвездным пространством была неровной, зубчатой, с подъемами и спусками, как горный хребет. Когда они подошли ближе, картина стала яснее. Они смогли разглядеть высокие вершины, не тронутые ни ветром, ни дождем. На этих черных вершинах не лежал снег. Их вид поверг Арrena в отчаяние.

Он отвернулся. Он узнал эти горы. Они притягивали его взгляд. И всякий раз, когда Аррен смотрел на них, он чувствовал в груди ледяной холод. Мужество покидало его. Но он продолжал идти вниз, к подножью гор. Наконец, он сказал:

— Господин Верховный Маг, что...

Он указал на горы. Говорить он не мог: в горле пересохло.

— Это граница жизни, — ответил Гед, — так же, как и каменная стена. Они называются Горы Боли. Через эти горы ведет дорога. Мертвым туда запрещается ходить. Она не длинная. Но это дорога горечи.

— Как хочется пить, — сказал Аррен.

И Гед ответил:

— Здесь пьют пыль.

Они пошли дальше.

Аррену показалось, что его спутник замедлил шаг и иногда колеблется. Сам он не чувствовал больше сомнений, хотя очень устал. Надо спускаться вниз, надо идти. И они шли.

Иногда на их пути встречались другие города мертвых. Темные углы крыш чернели на фоне звезд, вечно стоящих в небе на одном и том же месте. За городами снова тянулись пустынные равнины. Там ничего не росло. Как только они выходили из города, его поглощала тьма. Ни впереди, ни позади ничего не было видно, кроме гор, которые все приближались, возвышаясь над ними. Справа по-прежнему уходил вниз, в темноту, черный склон горы. Сколько

времени они уже спускаются? С тех пор, как перешагнули через каменную стену.

— А что там? — прошептал Аррен.

Ему очень хотелось услышать звук человеческого голоса. Маг покачал головой:

— Я не знаю. Может быть, это дорога в никуда.

В том направлении, куда они шли, спуск становился менее крутым. Земля под ногами скрипела, как будто они шли по пеплу. Но они продолжали идти вперед. Аррен уже не думал о возвращении, о том, как отсюда выбраться. Ему не приходило в голову хотя бы остановиться, несмотря на то, что он очень устал. Он пытался разогнать тьму, усталость и ужас, думая о своем доме, но не мог вспомнить, как выглядит солнечный свет и лицо матери. Ему ничего не оставалось, как идти вперед. И он шел вперед.

Земля под его ногами стала ровной. Гед замедлил шаг и остановился. Долгий спуск закончился. Это был конец. Дальше дороги не было. Теперь можно остановиться.

Они находились в долине, прямо у Гор Боли. Под ногами лежали камни, вокруг — валуны. Наощупь они были шершавые, как шлак. Эта узкая долина могла быть высоким руслом реки или даже остывшей огненной лавы, которая когда-то извергалась из вулканов, зловеще чернеющих над ними.

Аррен с Гедом неподвижно стояли в темной узкой долине, молча и бесцельно, как мертвые, глядя в никуда. В душе Аррена шевельнулся страх: «Мы зашли слишком далеко».

Но и эта мысль скоро ушла. Какая разница?

Гед повторил вслух его мысли:

— Мы зашли слишком далеко, чтобы вернуться.

Голос мага звучал совсем тихо, но необъятная черная пустота вокруг них не могла полностью заглушить его слов. Звук его голоса немного приободрил Аррена. Разве они не пришли сюда для того, чтобы встретиться с тем, кого искали?

Голос в темноте произнес:

— Вы зашли слишком далеко.

— Только так мы можем достичь нашей цели.

— Вы пришли к Сухой Реке, — произнес голос. — Вы не сможете вернуться к каменной стене. Вы не сможете вернуться к жизни.

— Этим путем не сможем, — ответил Гед в темноту.

Аррен еле видел его, хотя стоял рядом. Темная громада горы, нависшая над ними, заслоняла половину небосклона. Казалось, будто по Сухой Реке течет сама тьма.

— Но мы узнаем у тебя другой путь.

Ответа не последовало.

— Мы в равном положении. Ты слеп, Коб. А мы в темноте.

Молчание.

— Тебе незачем нас бояться. Здесь мы не можем убить тебя. Чего тебе бояться?

— Я не боюсь, — ответил голос.

Потом, постепенно, в слабом мерцающем свете, вроде того, что иногда излучал посох Геда, чуть поодаль, среди гигантских валунов появился человек. Высокий, широкоплечий, с длинными руками, он был похож на того, которого они видели на дюне и на берегу

Селидора. Но этот был старше, с густыми белыми волосами, беспорядочно падавшими на лоб. Он появился в царстве смерти. На его теле не осталось ожогов. Но выйти невредимым из борьбы ему не удалось. Глазницы были пусты.

— Я не боюсь, — сказал он. — Чего бояться мертвому?

Он засмеялся. В этой узкой каменистой долине у подножья черных гор смех звучал жутко и неестественно. У Аррена на минуту перехватило дыхание. Но он крепче сжал рукоятку меча и стал слушать.

— Я не боюсь, чего бояться мертвому, — ответил Гед. — Уж во всяком случае не смерти. Но похоже, ты ее боишься. Ведь ты нашел способ убежать от смерти.

— Да, нашел. Я живу. Мое тело живет.

— Но не очень хорошо, — сухо возразил маг. — Иллюзия может скрыть старость. Но Орм Эмбар не пощадил твоё тело.

— Я могу исправить и это. Мне известны тайны лечения и секрет молодости, а не только фокусы. За кого ты меня принимаешь? Тебя называют Верховным Магом. Не потому ли ты считаешь меня деревенским колдуном? Меня, единственного из всех магов, который открыл бессмертие. Этого еще никому не удавалось сделать!

— Может быть, мы и не стремились к этому, — сказал Гед.

— Стремились. Вы все к этому стремились. Вы искали бессмертие, но не могли найти его. Поэтому вы придумали всякие умные слова насчет смирения и равновесия жизни и смерти. Но это всего лишь слова... ложь, чтобы скрыть вашу неудачу... скрыть ваш страх перед смертью! Кто бы отказался жить вечно? Но это никому не дано, кроме меня. Я бессмертен. Я достиг того, что у вас не получилось. Поэтому я ваш хозяин. И вы это понимаете. Хочешь узнать, как я это сделал, Верховный Маг?

— Хочу.

Коб приблизился на шаг. У него не было глаз, но он казался незрячим. Похоже, он точно знал, где стоят Гед с Арреном. Он знал, что их двое, хотя ни разу не повернулся к Аррену. Возможно, у него было волшебное второе зрение, как слух и зрение у призраков, помогающее призракам ориентироваться.

— Я был в Палне, — сказал он Геду, — после того, как ты в своей гордыне полагал, что проучил меня и поставил на место. Да, ты преподал мне урок, но совсем не тот, который хотел! Там я сказал себе: я видел смерть, и я ее не принимаю. Пусть глупая природа идет своим глупым путем. Но я человек. Я сильнее природы. Я выше природы. Этот путь мне не подходит. Я не перестану быть самим собой! Я был полон решимости. И я снова взял Учение Пална. Но там я нашел только намеки и поверхностные упоминания о том, что мне было нужно. Тогда я переписал его, переделал. Я создал заклинание — величайшее из всех заклинаний. Самое великое и последнее заклинание.

— И произнеся это заклинание, ты умер.

— Да! Я умер. Я имел мужество умереть и найти то, что вы, трусы, никогда не могли найти — путь назад из мертвых. Я открыл дверь, которая была закрыта с начала времен. А теперь я свободно прихожу сюда и свободно возвращаюсь в мир живых. Я единственный из всех людей всех времен. Я Повелитель Обоих Миров.

И дверь, которую я открыл, открыта не только здесь, но и в умах живых, в неведомых глубинах их бытия, где мы все едины в темноте. Они знают это. И идут ко мне. И мертвые тоже должны идти ко мне, все без исключения. Я не утратил волшебной силы. Они должны перелезать через каменную стену по моему приказу. Все души: короли, маги, гордые женщины. Туда и сюда, из жизни в смерть, по моему приказу. Все должны предстать передо мной, и живые, и мертвые, перед тем, кто умер, но живет!

— И куда же они приходят, Коб? Где ты сам находишься?

— Между мирами.

— Но это не жизнь и не смерть. Что такое жизнь, Коб?

— Это власть.

— Что такое любовь?

— Власть, — тяжело ответил слепой, согнув плечи.

— Что такое свет?

— Тьма.

— Как твое имя?

— У меня нет имени.

— У всех на этой земле есть настоящее имя.

— Тогда назови мне свое!

— Меня зовут Гед. А тебя?

После некоторого колебания слепой произнес:

— Коб.

— Это прозвище, а не настоящее имя. Как твое имя? Настоящее имя? Ты оставил его в Палне, где умер? Ты много позабыл, о Повелитель Двух Миров. Ты забыл, что такое свет и любовь. Ты забыл свое собственное имя.

— Зато теперь у меня есть твое имя, есть власть над тобой, Гед Верховный Маг, Гед, который был Верховным Магом при жизни!

— Мое имя тебе не пригодится, — сказал Гед. — И у тебя нет власти надо мной. Я жив. Тело мое лежит под солнцем, в мире живых на берегу Селидора. Я, когда умрет это тело, я буду здесь, но только в виде имени, в виде теней. Ты не понимаешь? Ты не понял этого, ты, кто вызвал столько теней из царства мертвых, кто вызывал души погибших, даже душу нашего господина Эррета-Акбе, самого мудрого из всех нас? Ты не понял, что он, даже он, всего лишь тень, имя? Его смерть не умаляет его жизни. И не умаляет его заслуг. Он там. Там, а не здесь! Он ничто, прах и тень. Там он земля и солнечный свет, листья деревьев, полет орла. Он жив. И все, кто умер, тоже живы. Они возрождаются. Они бесконечно возрождаются. И этому нет и не будет конца. Все возрождаются, кроме тебя. Потому что ты не принял смерть. Ты отказался от смерти, ты потерял жизнь, чтобы спастись. Спасти свое бессмертие! Что это такое? Кто ты?

— Я остался самим собой. Мое тело не состарится и не умрет...

— Живой человек страдает от боли, Коб. Живой человек стареет и умирает. Смерть — это цена, которую мы платим за нашу жизнь и за жизнь всех людей на земле.

— А я ничего не плачу! Я могу умереть и в ту же минуту ожить снова! Меня нельзя убить. Я бессмертен. Только я навечно останусь самим собой!

- Кто же ты такой?
- Я Бессмертный.
- Назови свое имя.
- Король.
- Назови мое имя. Я только что назвал тебе мое имя. Назови и ты свое.

— Ты не настоящий. У тебя нет имени. Один лишь я живу.

— Ты живешь без имени, без цели. Тебе не дано увидеть ни свет дня, ни темноту. Ты продал зеленую землю, солнце и звезды, чтобы спасти себя. Но тебя нет. Ты продал самого себя. Ты отдал все, ничего не получив взамен. А теперь ты пытаешься притянуть к себе весь мир, свет и жизнь, которые ты потерял, чтобы он заполнил пустоту. Но ее нельзя заполнить. Все песни на земле, все звезды на небе не могут заполнить твою пустоту.

В голосе Геда послышались металлические нотки. Слепой отшатнулся от него. Он поднял лицо, и его осветил слабый свет звезд. Казалось, он плачет. Но слез не было и глаз тоже. Он открывал и закрывал свой черный искривленный рот. Но слова не шли, только стон. Наконец, он произнес одно слово, с трудом выдавив его из себя. Это было слово «жизнь».

— Я бы дал тебе жизнь, если бы мог, Коб. Но я не могу. Ты умер. Но я могу дать тебе смерть.

— Нет! — пронзительно закричал слепой, а потом ужетише. — Нет, нет!

Он упал на землю и зарыдал, хотя его щеки оставались сухими, как русло реки, по которой текла лишь тьма.

— Ты не можешь. Никто не может освободить меня. Я открыл дверь между мирами и не могу ее закрыть. Ее уже никогда не закроют. Она притягивает, притягивает меня. Я должен идти туда. Я должен выходить в эту дверь и вновь возвращаться сюда, в пыль, холод и тишину. Она тянет и тянет меня. Я не могу уйти от нее. Я не могу закрыть ее. В конце концов она втянет в себя весь свет на земле. Все реки станут похожими на Сухую Реку. Нет на свете силы, которая могла бы закрыть дверь, открытую мной!

Странно звучала эта смесь отчаяния и злобы, ужаса и тщеславия.

Гед коротко спросил:

— Где она?

— Вон там. Недалеко. Вы можете подойти. Но вы ничего не сможете сделать. Вам не удастся закрыть ее. Даже если ты потратишь на это все свои силы, этого будет недостаточно. Нет такого колдовства, которое могло бы закрыть дверь.

— Возможно, — сказал Гед. — Но ты потерял надежду, а мы пока нет. Отведи нас туда.

Слепой поднял лицо, на котором боролись страх и ненависть. Ненависть победила.

— Не отведу.

Тогда Аррен шагнул вперед и сказал:

— Отведешь.

Слепой стоял неподвижно. Холодное молчание и темнота царства мертвых поглощали их слова.

— Кто ты?

— Мое имя Лебаннен.

Гед спросил:

— Ты, кто называет себя королем, разве ты не знаешь, кто перед тобой?

Коб снова не ответил. Немного погодя он произнес, тяжело дыша:

— Но он умер... Вы оба умерли. Вам ужс не вернуться. Выхода нет. Вы в ловушке!

И он снова скрылся в темноте. Они услышали, как он повернулся и быстро пошел прочь.

— Дайте мне света, мой господин! — крикнул Аррен.

Гед поднял посох высоко над головой, и блеск сияние разорвало вековую тьму, осветив камни и разогнав тени. Они увидели высокую сутулую фигуру слепого, поспешно пытавшегося скрыться. Он удалялся вверх по руслу реки. Несмотря на слепоту, двигался Коб очень уверенно. Держа меч в руке, Аррен бросился следом. Гед пошел за ними.

Скоро Аррен оторвался от своего спутника. Свет стал совсем слабым. Коба заслоняли камни, он скрывался за поворотами русла. Аррен шел на звук его шагов, чувствуя его присутствие впереди. Руслу сузилось, стало круче. Аррену удалось сократить расстояние между собой и Кобом. Они пробирались вдоль крутого ущелья, заваленного камнями. Сухая Река, извиваясь между крутыми берегами, приближалась к истоку. Руслу все больше сужалось. Камни гремели у них под ногами, выскальзывали из-под рук, потому что приходилось карабкаться. Аррен почувствовал, что берега сходятся. Он сделал усилие, резко бросился вперед и схватил Коба за руку. Коб остановился. Впереди виднелось небольшое углубление. Возможно, когда-то это был пруд. Вокруг него валялись камни и шлак. В большой каменной глыбе чернела дыра —исток Сухой Реки.

Коб не пытался вырваться. Он стоял неподвижно. На его безглазое лицо снова падал свет от посоха Геда, который успел за это время догнать их. Он повернулся к Аррену.

— Вот это место, — произнес он, и на его губах появилось подобие улыбки.

— Вот место, которое вы ищете. Видите? Там вы можете возродиться. Вам надо только идти за мной. Вы станете бессмертными, и мы вместе будем королями.

Аррен смотрел на этот сухой темный источник, источник пыли, место, куда впопзал душа умершего и возрождалась снова. Зрелице было отвратительным. С трудом сдерживая подступившую тошноту, он хрипло произнес:

— Ее надо закрыть!

— Она будет закрыта, — сказал Гед, подходя.

Его руки и лицо ярко светились. В этой бесконечной ночи он был похож на звезду, упавшую на землю. Перед ним уходил в черноту сухой источник, дверь между мирами. Отверстие было широким, но нельзя было сказать, насколько оно глубоко. В ней не было ничего, что мог бы освещать свет или увидеть глаз. Пустота. Ничто. Путь в никуда. Это была граница между светом и тьмой, жизнью и смертью.

Гед поднял руки и заговорил.

Аррен по-прежнему держал Коба, не давая ему уйти. Слепой опирался свободной рукой на каменную глыбу. Оба стояли неподвижно, связанные заклинанием.

Всей силой своего мастерства, всей яростью своего сердца Гед старался закрыть эту дверь, снова сделать мир целым. Повинуясь его голосу и движением его рук, скалы свинулись тяжело. Они сошлись, пытаясь соединиться. Но волшебный свет слабел и слабел. Свет гас на его руках и лице, на посохе. Наконец осталось только слабое мерцающее свечение. При этом свете Аррен увидел, что дверь почти закрылась.

Слепой почувствовал, как камни под его рукой задвигались, соединяясь. Но он тоже понял, что силы мага на исходе, что его мастерство больше не может служить ему. Вдруг он резко закричал:

— Нет!

Коб вырвался из рук Аррена, бросился вперед и схватил Геда цепкими пальцами. Он сбил Геда с ног, навалился на него всем своим весом и стал душить.

Аррен поднял меч Шерриада и с силой опустил его прямо на согнутую шею под спутанными волосами.

Душа живого человека имеет вес в царстве мертвых, а тень его меча — остра. Меч Аррена нанес страшную рану. Он рассек позвоночный столб. При слабом свечении меча из раны хлынула черная кровь.

Но что толку убивать мертвого? А Коб был мертв уже много лет. Рана закрылась, поглотив всю кровь. Слепой встал. Он казался Аррену очень высоким. Он шарил длинными руками, ища Аррена. Его лицо исказила гримаса злобы и ненависти. Казалось, Коб только сейчас понял, кто его настоящий противник.

Ужасно было видеть, как он оправился от смертельного удара. Он не был способен умереть, и это было еще страшнее, чем сама смерть. Ярость и ненависть душили и Аррена. Он снова взмахнул мечом и со страшной силой опустил его вниз. Коб упал с расколотым черепом, его лицо заливалась кровь. Но Аррен снова нанес удар, прежде чем рана успела закрыться. Он приготовился наносить удары, пока не убьет своего врага.

Гед с трудом поднялся на колени и произнес только одно слово.

При звуке его голоса Аррен замер, как будто меч остановила невидимая рука. Слепой, начавший было подниматься, тоже замер, как будто окаменел. Гед встал, чуть шатаясь. Он быстро восстановил равновесие и повернулся лицом к скале.

— Закройся! — сказал он громко и посохом начертал на камнях огненные линии. Это была руна Агнен, руна Конца, которая препятствует дороги. Ее же пишут на крыше гроба. Пустое пространство, дыра между скалами исчезла. Дверь закрылась.

Сухая земля царства мертвых дрожала у них под ногами. В пустом, вечно однообразном небе прогремел долгий раскат грома. Все замерло.

— Я вызвал тебя словом, которое не будет сказано до окончания времен. А теперь словом, что было сказано при сотворении мира, я освобождаю тебя. Будь свободен!

Нагнувшись над слепым, который стоял на коленях, Гед что-то прошептал ему на ухо.

Коб встал. Он медленно огляделся. Глаза его стали зрячими. Он посмотрел на Аррена, потом на Геда. Он молчал, только, не отрываясь, смотрел на них своими черными глазами. На его лице не было ни гнева, ни ненависти, ни горя. Коб медленно повернулся и пошел вдоль русла Сухой Реки. Скоро он исчез из виду.

Посох Геда больше не светился, лицо тоже. Он стоял в темноте. Аррен подошел к нему, и Гед оперся о руку молодого человека, чтобы не упасть. Минуту его сотрясали сухие рыдания.

— Все, — сказал он, — все кончено.

— Все кончено, дорогой мой господин. Нам надо идти.

— Да. Надо идти домой.

Гед, совершенно измощденный, стоял с отсутствующим видом. Он пошел за Арреном назад по руслу реки. Спотыкаясь, он с трудом пробирался между скалами и камнями. Аррен подождал его. Когда берега Сухой Реки стали низкими, а подъем —менее крутым, он обернулся туда, откуда они пришли, в сторону длинного склона, ведущего в темноту.

Гед молчал. Смертельно уставший, он остановился и сел на кусок лавы, низко опустив голову.

Аррен знал, что тот путь, который они прошли сюда, для них закрыт. Они могли только идти дальше. Они должны пройти всю дорогу до конца. «Даже слишком далеко недостаточно далеко», — подумал он. Он посмотрел наверх, на холодные вершины, молчаливо чернеющие на фоне неподвижных звезд. Ужас охватил его. И снова этот иронический и насмешливый голос внутри него не сдавался:

— Что же ты, остановившись на полпути, Лебаннен?

Он подошел к Геду и очень тихо сказал:

— Надо идти, господин Верховный Маг.

Гед молчал.

— Я думаю, надо идти через горы.

— Подойди, сын мой, — хрипло произнес Гед. — Помоги мне.

Они пошли вверх по склону, покрытому пылью и шлаком. Аррен все время старался помочь своему спутнику. В ущелье было совсем темно, поэтому приходилось идти на ощупь. Они шли с трудом. Склон стал еще круче. Уже надо было карабкаться, цепляясь за выступы. Острые шершавые камни крошились под руками, выскальзывали из-под ног. Они обжигали ладони, как расплавленное железо: внутри горы пыпал огонь. Но вокруг было темно и холодно. И чем выше они поднимались, тем холоднее становилось. Во тьму уходили черные уступы и пропасти. Позади внизу терялось во мгле царство мертвых. Впереди, наверху, на фоне звезд чернели вершины и скалы. Несколько хватало глаз, вокруг не было ни одной движущейся точки, кроме двух живых душ. Ни звука, ни ветерка.

Гед тяжело дышал, часто спотыкался и оступался: так сильно он устал. Когда его изодранные в кровь руки касались острых камней, он вздрогивал от боли. Аррен смотрел на его страдания, и сердце его разрывалось. Он поддерживал Геда, не давая ему упасть. Но часто проход был слишком узок для двоих. Тогда Аррену приходилось идти вперед и искать опору. Наконец на высоком склоне, устремленном к звездам, Гед поскользнулся, упал и не смог подняться.

— Мой господин, — сказал Аррен, вставая возле него на колени, а потом позвал его по имени: — Гед!

Маг не пошевелился и не ответил.

Тогда Аррен поднял его на руки и понес вверх в гору. В конце склона виднелась плоская площадка. Аррен положил свою ношу и сам опустился рядом без сил. Все его тело болело. Надежда покинула его. Они находились на перевале между двумя черными вершинами. Дальше пути не было. Конец площадки был краем скалы. За ним — бесконечная тьма. В черном небе неподвижно застыли маленькие звезды. Но упорство может пережить надежду. И Аррен упрямо полз вперед, пока хватало сил, к краю пропасти. Уронив голову на кромку, он заглянул в темноту. Внизу, совсем близко, простирался берег с янтарным песком. На него набегали, разбиваясь в пену, белые волны. За морем в золотистой дымке садилось солнце.

Собрав последние силы, Аррен опять повернулся в сторону тьмы и пошел назад. Он поднял Геда на руки и понес. Но тут силы оставили юношу, и дальше идти он не мог. Все пропало: жажда, боль, тьма, свет солнца и шум морских волн.

13. КАМЕНЬ БОЛИ

Аррен проснулся. Море, дюны и холмы Селидора скрывал серый туман. Волны с глухим рокотом выкатывались из тумана и, шурша, убегали назад. Был прилив, поэтому берег стал гораздо уже, чем когда они пришли сюда. Пенистые волны лизали левую руку Геда, лежавшего на песке, раскинув руки, лицом вниз. Его одежда и волосы намокли. Аррен тоже промок. Одежда ледяным холодом обжигала тело. Видимо, и его окатывали волны. Аррен оглянулся и увидел в тумане неясные очертания огромного серого тела Орма Эмбара, похожего на разрушенную башню.

Аррен встал, дрожа от холода. Он настолько ослабел, что еле стоял на ногах. Руки и ноги затекли. Голова кружилась. Так бывает, когда человек долгое время лежит без движения. Он шатался, как пьяный. Как только руки и ноги вновь стали слушаться его, он подошел к Геду и оттащил его подальше от воды, туда, где его не могли достать волны. Но больше он ничем не мог помочь своему другу. Гед показался ему очень холодным и тяжелым. Аррену удалось перенести его через границу между смертью и жизнью, но, может быть, напрасно. Он приложил ухо к груди Геда, но услышать бисне сердца ему мешала своя собственная дрожь и стук зубов. Он встал и потопал ногами, чтобы хоть немного согреться. А потом, дрожа и волоча ноги, как старик, отправился на поиски мешков. Они бросили их около маленького ручья, бегущего с вершины холма. Как давно это было! Они тогда нашли дом из костей. Аррен упорно искал ручей. Он не мог ни о чём думать, кроме воды, свежей воды.

Он нашел его быстрее, чем ожидал. Ручей спускался на берег, и там, петляя и разветвляясь, как серебряное дерево, неторопливо струился к морю. Аррен опустился на колени и стал пить, касаясь лицом воды и погрузив в воду руки. Вода утоляла жажду и бодрила его.

Наконец, Аррен напился и поднялся. На противоположной стороне ручья сидел огромный дракон.

Его голова цвета металла, ржаво-красная вокруг ноздрей, глаз и пасти, нависла над Арреном. Когти глубоко вонзились в мягкий мокрый песок на краю ручья. Аррен видел часть сложенных крыльев, похожих на паруса. Но огромное темное тело дракона скрывал туман.

Дракон не двигался. Вполне возможно, он сидел так уже несколько часов, лет или веков. Казалось, он был отлит из железа, вырублен из скалы. Только глаза, в которые не смел взглянуть человек, похожие на масляное пятно на воде, на желтый дым за стеклом, глубокие и матовые, наблюдали за Арреном.

Делать было нечего. Если дракон захочет убить его, пусть убивает, а, если не убьет, Аррен постараится помочь Геду, если ему еще можно помочь. И он пошел вдоль ручья в поисках мешков.

Дракон не шелохнулся. Он сидел без движения и наблюдал. Аррен разыскал мешки, наполнил водой из ручья обе кожаные бутыли и пошел по берегу к Геду. Не успел он отойти от ручья и на несколько шагов, как дракон исчез в тумане.

Аррен дал Геду воды, но не смог привести его в чувство. Гед лежал обессиленный и холодный, положив тяжелую голову на руку Аррена. Его темное лицо стало серым, осунулось. На щеке заметно проступил старый шрам. Даже тело Геда казалось обгоревшим и худым, как будто растаяло наполовину.

Аррен сидел на сыром песке, положив на колени голову своего друга. Мягкий туман окутывал их со всех сторон. Сверху слегка пробивался солнечный свет. Неподалеку в тумане лежал мертвый дракон Орм Эмбар, а живой дракон ждал у ручья. И где-то далеко на другом берегу Селидора лежала пустая лодка «Гляди в оба». Там на востоке шумело море. До любого острова Западной провинции не меньше трехсот миль, а до Внутреннего моря —тысяча. Далекий путь. В Энладе любили говорить: «Далеко, как Селидор». Старые истории, сказки, которые рассказывали детям, начинались словами: «в незапамятные времена на острове, далеком, как Селидор, жил-был принц...»

Аррен тоже был принцем. Но старые истории начинались с принца, а эта, похоже, на нем заканчивалась.

Однако Аррен не горевал. Он только очень устал и жалел своего спутника. Но больше ничего не мог сделать.

Он подумал, что отдохнет, а потом попробует половить рыбу у берега. Утолив жажду, он почувствовал страшный голод. Их запасы пищи давно уже кончились. Остался только один кусок сухого хлеба. Его надо оставить. Если размочить хлеб в воде, может быть, удастся покормить Геда.

Аррен порылся в карманах, посмотрел, не найдется ли там чего-нибудь полезного. В куртке лежал твердый острый предмет. Он удивленно вытащил его из кармана. Это был маленький камешек, черный, пористый и твердый. Аррен чуть было не выбросил его. Но потом потрогал острые края камешка, шершавые и оплавленные, почувствовал его тяжесть и понял, что это осколок камня с Гор Боли. Он застрял у Аррена в кармане, когда тот карабкался по скалам или когда полз с Гедом к краю перевала. Он поддержал камешек на ладони, сжал его в руке и вновь разомкнул пальцы. На его ладони лежал камень боли, напоминание о царстве мертвых.

Впервые в жизни, один, на краю света, без похвал друзей, он знал, что победил.

Туман поредел и пришел в движение. Аррен увидел вдалеке освещенный солнцем морской простор. Дюны и холмы появлялись и исчезали, бесцветные и увеличенные покрывалами тумана. Солнце ярко освещало тело Орма Эмбара. Даже мертвый он выглядел величественным.

На противоположном берегу ручья, согнувшись, неподвижно сидел черный железный дракон.

В полдень теплые лучи солнца разогнали остатки тумана. Аррен сбросил мокрую одежду и положил ее сушиться. Не снял он только пояс и меч. Таким же образом он просушил и одежду Геда. Солнце осыпало Геда целительными потоками тепла и света, но он все не двигался.

Послышался стук металла о металл, подобный скрежету скрещенных мечей. Дракон поднялся на кривых ногах. С мягким шипящим звуком он пересек ручей и потащил свое длинное тело цвета вороненой стали по песку. Кожа на плечевых суставах была покрыта морщинами, броня на боках покоробилась и проходила, как доспехи Эррета-Акбе, длинные зубы пожелтели и затупились. Весь облик дракона, уверенные движения его громоздкого тела, глубокое, внушающее ужас спокойствие — все говорило о древнем возрасте: дракон этот жил на земле с незапамятных времен. Он остановился в нескольких шагах от места, где лежал Гед. Аррен встал между ними и спросил по-хардийски, потому что другого языка не знал:

— Ты Калессин?

Дракон ничего не ответил, но Аррену показалось, что он улыбнулся. Потом он наклонил огромную голову, вытянул шею, посмотрел на Геда и позвал его по имени.

Голос дракона был низким и тихим. В воздухе запахло кузнецкими мехами.

Он снова позвал Геда, а потом еще раз. На третий раз Гед открыл глаза. Он попытался сесть, но не смог. Аррен встал рядом на колени и помог ему сесть. Тогда Гед заговорил:

— Калессин, — сказал он, — сенванисай'н ар Роук!

Это совершенно обессилило его. Он положил голову на плечо Арrena и закрыл глаза.

Дракон ничего не ответил. Он сидел неподвижно, поджав под себя лапы. Туман снова сгущался, заслоняя солнце.

Аррен оделся и завернул Геда в плащ. Снова начался прилив. И он решил отнести своего спутника на дюны. Там было посуше. Аррен почувствовал, что силы возвращаются к нему.

Он нагнулся, чтобы поднять друга. И тут дракон протянул огромную чешуйчатую лапу и почти дотронулся до Геда. На лапе было четыре когтя, а сзади шпора, как у петуха. Только эти шпоры были железные и длиной с косу.

— Собриост, — сказал дракон.

Слова его прошелестели, как январский ветер в замерзшем тростнике.

— Оставь жизнь моему господину. Он спас всех нас. Но на это ушла вся его сила, а, может быть, и жизнь. Не трогай его!

Аррен говорил повелительно и яростно. Слишком долго он терпел страх. Но это надоело ему, больше он не будет бояться. Он был зол на дракона за его невероятную силу и размеры, за это несправедливое преимущество. Аррен видел смерть, знал ее вкус, и теперь никакая опасность не имела над ним власти.

Старый дракон Калессин посмотрел на него одним длинным, жутким золотым глазом. В глубине этого глаза таилась вековая мудрость, он видел утро мира. Аррен не смотрел в глаза дракону, но чувствовал, что тот смотрит на него с затаенным весельем.

— Ару Собриост, — сказал дракон и раздул ноздри, так что внутри вспыхнуло пламя.

Аррен подложил руку под плечо Геда, собираясь поднять его, но его остановило движение Калессина. Он почувствовал, что голова Геда слегка повернулась, услышал его голос:

— Это означает: «Залезайте сюда».

Минуту Аррен не двигался. Это было немыслимо. Но перед ним стояла огромная когтистая лапа, согнутая как ступенька, а над ней согнутый плечевой сустав. Над ним выступало плечо и мышцы крыла в том месте, где оно отходило от лопатки. Четыре ступеньки, лестница. А там, между крыльями, перед первым огромным железным зубцом хребтовой брони и шеей, было углубление, где вполне мог сидеть верхом человек или даже двое. Конечно, если они сошли с ума, потеряли надежду и решились на безрассудство.

— Забирайся! — сказал Калессин на языке Созидания.

Тогда Аррен встал и помог подняться своему спутнику. Гед держал голову прямо, и с помощью Аррена ему удалось забраться по этим странным ступенькам. Оба они сели верхом на шею дракона, покрытую грубой чешуей. Аррен сидел сзади. Он готов был в случае необходимости поддержать Геда. Оба они почувствовали тепло в тех местах, где прикасались к шкуре дракона, благодатное тепло, желанное, как солнце. Под его железной броней огнем горела жизнь.

Аррен вспомнил, что тисовый посох мага остался на берегу, наполовину засыпанный песком. К нему уже подбирались волны. Он хотел было спуститься и достать его, но Гед остановил его:

— Не надо. Я потратил всю свою волшебную силу в этом сухом ручье, Лебаннен. Я больше не маг.

Калессин повернул голову и искоса взглянул на них. Его глаза искрились мудрым весельем. Невозможно было сказать, какого он пола. Неизвестно, о чем он думал. Крылья медленно поднялись и раскрылись. Они были не золотые, как у Орма Эмбара, а красные, темно-красные, как кровь или шелка Лорбанери. Дракон расправил крылья осторожно, чтобы нечаянно не сбросить своих маленьких седоков. Он упруго присел на мощных задних лапах и пружинисто, как кошка, прыгнул в воздух. Дракон взмахнул крыльями и взмыл над туманом, окутавшим Селидор.

Плавно работая красными крыльями, Калессин сделал в вечернем небе круг над морем и полетел на восток.

Теплым днем в середине лета над островом Алли видели огромного дракона, летевшего очень низко. Позднее его видели над Усидоро и на севере Онтуэго. В западной провинции боятся драконов. Слишком хорошо там знают их повадки. Когда дракон

улетел, крестьяне вышли из своих укрытий. Те, кто видел его, сказали:

— Драконы не вымерли, как мы думали. Может быть, на свете еще остались и волшебники. А как важно он летел! Может быть, это Старший.

Никто не видел, где приземлился Калессин. На этих дальних островах есть леса и дикие горы, куда редко заходят люди. Поэтому даже появление дракона может там остаться незамеченным.

Но на Девяноста Островах появление дракона вызвало смятение. Люди попрыгали в лодки и по узким проливам между островами поплыли на запад, крича:

— Прячьтесь! Прячьтесь! Пендорский дракон нарушил свое слово! Верховный Маг погиб! Дракон прилетел и пожрет нас!

Не приземляясь, даже не глядя вниз, огромный змей цвета вороненой стали летел над маленькими островами, городами и фермами, не удоставив мелких людышек даже выдохом пла-меня.

Так он пролетел над Гитом, над Сердом, пересек проливы Внутреннего моря. И вот его уже увидели с Роука.

Ни в человеческой памяти, ни в легендах не сохранилось такого случая, чтобы какой-нибудь дракон посмел перелететь видимые и невидимые стены этого хорошо защищенного острова. Но этот дракон без колебаний приблизился к западному берегу Роука и, пролетев над древними полями, направился к зеленому холму, который поднимался над городом Туилом. Там он плавно наклонил свое тяжелое тело вниз, поднял могучие красные крылья и, сложив их, сел на вершину Холма Роук.

Из Большого Дома выбежали мальчики. Их ничто не могло остановить. Однако, несмотря на свой возраст, их учителя оказались проворнее и первыми прибыли на место происшествия. А Магистр Правил, покинувший свою Рощу, уже был там. Его светлые волосы золотом горели на солнце. С ним был и Магистр Превращений, который две ночи назад вернулся на Роук в виде огромной морской скопы, усталой и с поломанным крылом. Он попал в сети своих собственных заклинаний и не мог самостоятельно принять прежний вид. Это ему удалось, только когда он оказался в роще в ту ночь, когда равновесие было восстановлено, а сломанное соединилось. Пришел и Магистр по Вызованию Духов, исхудалый и больной. Он встал с постели только накануне. Рядом с ним стоял Магистр При-вратник. И остальные Магистры Острова Мудрецов тоже были там.

Всадники спешились, помогая друг другу. Они огляделись с удовлетворением и некоторым удивлением. Дракон сидел неподвижно, как камень, а они остановились рядом. Верховный Маг обратился к нему. Дракон выслушал его, слегка повернув голову. Все видели косой взгляд желтых глаз, холодный и насмешливый. Те, кто понимал Древний Язык, услышали, как дракон сказал:

— Я принес молодого короля в его королевство, а старого ма-га — домой.

— Помогите мне еще немного, Калессин, — ответил Гед. — Я пока не попал туда, куда мне надо.

Он посмотрел на крыши и башни Большого Дома, освещенные лучами солнца, и чуть заметно улыбнулся. Потом Гед повернулся

к Аррену. Юноша стоял рядом, высокий и стройный. От усталости, после долгого пути и множества впечатлений, он не очень твердо держался на ногах. На виду у всех Гед опустился перед ним на колени и склонил свою седую голову.

Потом он встал, поцеловал молодого человека в щеку и сказал:

— Когда ты займешь свой трон в Хавноре, мой господин и дорогой друг, правь долго и справедливо.

Он еще раз обвел взглядом Магистров и молодых волшебников, мальчиков и горожан, толпившихся на склонах и у подножья Холма. Его лицо было спокойно, а глаза смеялись почти так же, как у Калессина. Потом он повернулся к дракону и снова, поднявшись по его лапе и плечу, занял свое место на могучей шее. Красные крылья с шумом раскрылись; и Калессин Старший взлетел. Из его пасти вылетало пламя и дым. В шуме его крыльев слышался гром и штормовой ветер. Он сделал круг над холмом и полетел на северо-восток, в ту часть Архипелага, где стоит остров-гора Гонт.

Привратник, улыбаясь, произнес:

— Он покончил с волшебством. Он летит домой.

Люди провожали взглядом дракона, летевшего между солнцем и морем, пока он не исчез из виду.

«Подвиг Геда» повествует, что тот, кто был Верховным Магом, приехал на коронацию Короля Всех Островов в Башне Меча в Хавноре, что стоит в самом центре Архипелага. Песня рассказывает, что после церемонии коронации начался праздник. А Гед покинул гостей и один спустился в порт Хавнора. Там на воде покачивалась старая лодка без паруса, побитая штормами и годами. Она была пуста. Гед позвал лодку по имени: «Гляди в оба», и лодка оказалась рядом. Он шагнул на корму, повернувшись спиной к острову. И лодка поплыла без ветра, паруса и весел. Она увезла его из Хавнора. Она плыла на запад через море, минуя все острова, которые встречались на пути. И больше ничего о Геде не известно.

Но на Гонте эту историю рассказывают по-другому. Там говорят, что молодой король Лебанисен приехал за Гедом, чтобы позвать его на коронацию, но не нашел его ни в порту Гонта, ни в Рэ Альби. Никто не мог сказать, где Гед. Знали только, что он ушел бродить по лесам. Говорят, он часто уходил в лес и не возвращался по много месяцев. И никто не знал дорог его одиночества. Некоторые предложили поискать его, но король запретил. Он сказал:

— Он правит более великим королевством, чем я.

И он покинул гору, сел на корабль и отправился в Хавнор на коронацию.

САРБАН

ЗВІР СЕО ФОЗЯ



Перевод с англ. Галины Моисеевой

Редактор Эмма Абрамова

ГЛАВА I

«Этот ужас невозможно выразить словами». — Все мы посмотрели на Алана Куердилиона. Он впервые включился в спор — пожалуй, и заговорил-то впервые за то время, что прошло после обеда. А до этого он попросту молча курил трубку и переводил взгляд с одного говорившего на другого, и в этом взгляде можно было прочесть мягкое удивление, столь свойственное ему в последнее время. Выражение его лица напоминало мне не столько невинного ребенка, сколько наивного дикаря, которого странное звучание вашего голоса отвлекает от постижения смысла ваших слов. После того как в течение трех дней я ловил этот взгляд, мне стало понятно, что же все-таки имела в виду его мать, когда, беседуя со мной наедине, грустно проговорила, что в 1945 году Аллан вышел из заключения, но вернулся домой «не весь целиком и полностью».

Я не видел Алана почти десять лет, с того самого дня в 1939 году, когда он, лейтенант добровольческого резерва ВМС Великобритании, отправился на свой корабль. Наверное, мы слишком легко соглашаемся с тем, что прошедшая суровая война и само по себе течение времени не могут не сказаться на характере человека. Позднее меня самого удивляло, почему перемены, произошедшие с Аланом, так мало встревожили меня поначалу. И даже превращение жизнерадостного, уверенного в себе, веселого и энергичного молодого человека, так отважно сражавшегося на спортивных площадках, в молчаливое, пассивное, всегда удивленное чем-то существо, было для меня ничем иным, как выражением общего уныния и увядания, охватившего весь мир, а также частью того процесса утраты могущества и духовной силы, который Англия, казалось бы, переживала начиная с 1939 года. Забыть, что когда-то раньше Аллан был другим, оказалось так легко.

Но легко лишь в первые три дня моего пребывания в Торсвес — пока мать Алана не заговорила со мной об этом. Тихим и грустным голосом она спросила, что же произошло с Аланом, и тем самым заставила меня признаться самому себе в том, что он изменился. Она, верно, надеялась, что я, лучший друг ее сына на протяжении всех лет учебы в школе и университете, подберу ключ к загадке и выкуплю из плена ту часть его сознания, которая томилась где-то запертая. Вот как она сформулировала это:

— «Они» вернули его тело, можно сказать, что вернули и голос, и ровно столько мозгов, чтобы вести хозяйство на маленькой ферме, которую он унаследовал от отца, но все остальное они оставили себе. Что они сделали с ним? А может быть, надо спросить, что он сам сделал с собой за эти четыре года, проведенные в лагере для военнопленных?

Я довольно неуклюже попытался уклониться от той роли психиатра-любителя, к которой подталкивала меня ее доверительность. Пробормотав что-то банальное по поводу влияния войны и монотонности тюремного существования, — набор общих мест, почерпнутых мной из многочисленных бесед с военнопленными — я добавил (наверное, это было немилосердно по отношению к ней), что Алан стал на десять лет старше: нельзя же было рассчитывать, что он навсегда останется ребенком. Она покачала головой:

— Нет, причину надо искать в чем-то личном. Меня же беспокоит, главным образом, участь Элизабет.

Мне ничего не оставалось, как попытаться убедить ее в том, что я не заметил в Алане больших перемен, хотя в голосе моем не было абсолютной уверенности.

Безусловно, все, кто находились в этот зимний вечер в гостиной, считали пассивность Аланы, его рассеянность чем-то само собой разумеющимся, а ведь все они хорошо знали его и до войны. Мне кажется, они не больше меня ожидали, что он вступит в разговор.

В первую очередь здесь надо назвать супругов Хедли и их дочь Элизабет. Майор Хедли издавна жил по соседству с Куердилионами, а сейчас, уйдя в отставку, фермерствовал в Торсвее, как и Алан. Кроме того, здесь был Фрэнк Роэн, двоюродный брат Аланы, преподаватель экономики в каком-то северном университете. Как и я, он приехал сюда на каникулы. Эти двое хорошо знали Алану с самого раннего детства. Если они и думали, что с ним что-то неладно, то мне об этом ни слова не проронили: мне казалось, что для них он — простой, добродушный парень, из тех, кто едвинет с места заглохший трактор, починит неисправный мотор, с поразительной ловкостью вскарабкается на крышу амбара или перемахнет через высокие ворота. Но им никогда не придет в голову, что такой парень сможет сказать свое слово в том споре, который мы вели вечером после ужина.

И все же его мать была права. И этот наш спор продемонстрировал мне перемену, произошедшую в нем. Сам он не был охотником на лис, но ему это нравилось, как нравились любые упражнения в физической силе и мастерстве. В довоенные дни он всегда жертвовал деньги на охоту в Сексби, неподалеку от которого находился и Торсвей, и если он и не охотился там, то лишь потому, что всегда был скорее бегуном, чем наездником. В Кембридж он прославился как бегун по пересеченной местности, да и вообще был многосторонним спортсменом, но только не наездником. Я считал его потомком йоменов, а не сквайров, принадлежащим к тому старинному племени линкольнширских фермеров, сердце которых радует борзая, а не гончая собака, к тем, кто охотятся с ними на ветреных пустошах не верхом, а пешими. Деревенские виды спорта и развлечения были у него в крови. Если бы в прошлом Фрэнк начал критиковать охоту на лис, чем он и

занимался в тот вечер, Алан был бы первым, кто бросился на ее защиту.

Но сегодня он промолчал целых полтора часа, пока другие с воодушевлением обсуждали эту тему. Фрэнк Роэн весьма свирепо и с явным запозданием взялся отстаивать Билль против охоты на лис, совсем недавно разгромленный в палате общин, и был при этом остроумен, желчен, резок и, на мой взгляд, не очень-то вежлив по отношению к хозяйке и ее соседям, когда утверждал, что те, кто увлекаются кровавыми видами спорта или даже просто одобряют их, с моральной или интеллектуальной точки зрения явно недоразвиты. В майоре Хедли соединились скромность профессионального военного и хорошее знание предмета, то есть охоты, присущее ему как сельскому жителю; он оборонялся на своей собственной, хорошо знакомой ему территории и упорно сопротивлялся намерениям Фрэнка выманить его на открытое пространство, где Фрэнк потеснил бы его, пользуясь своим любимым оружием: философией и психологией.

Но с Элизабет Хедли дело обстояло по-другому. И было очень странно, что Алан не сделал и попытки сказать хоть несколько слов в ее поддержку или помочь ей выпутаться из клубка противоречий и непоследовательностей, в который затянул ее своей злой диалектикой Фрэнк. Ее пыл сумел бы воспламенить и человека, куда менее склонного поддаваться чарам энергичной молодой девушки, чем тот Алан, которого мы знали раньше. Сейчас же казалось, что он просто сбит с толку или же, как один-два раза почудилось мне, встревожен.

Милой и непосредственной Элизабет было двадцать два года. Она родилась и выросла в Торсвее, и когда ей было одиннадцать-двенадцать лет, перед войной, принадлежала к числу преданных поклонников и постоянных спутников Алана. Лошади были ее страстью всю жизнь, и когда в эти три дня мне несколько раз довелось побеседовать с ней, она говорила только об охоте, о выставках лошадей, о заседаниях клуба любителей пони, о том, как воспитать щенков английской паратой гончей. Если уж кого и могла огорчить перемена, произошедшая с Аланом, так это ее. И тем не менее она согласилась выйти за него замуж вскоре после того, как он вернулся из плена, и никто, кроме миссис Куердилион, не высказал ни малейшего намека на то, что между ними не все было гладко. В отношении Элизабет к Алану, на мой взгляд, не было и тени жалости или покровительства: ничего похожего на заботливость, которую добросердечная девушка могла бы проявить к нему, если бы он вернулся домой с войны калекой или слепым.

Они были помолвлены, но я не знаю, было ли объявлено об их помолвке. Я считал ее чем-то само собой разумеющимся из-за тех разговоров, которые мистер и миссис Хедли и мать Аланы вели об этой паре. Правда, меня немного удивляло, почему они тянули

со свадьбой так долго, хотя когда Алан вернулся домой, Элизабет было всего восемнадцать лет, и, конечно же, ее родители решили подождать; но мне казалось, что не было никаких причин откладывать далее, и я не понимал, почему они не поженились еще в прошлом году.

И вот, наблюдая за Элизабет во время жаркого спора об охоте на лис и заметив скрытую тревогу в том взгляде, который бросил на нее бедняга Алан, когда она с великолепным негодованием дала отпор насокам Фрэнка, я отдал должное матери Алана, потому что она попала в самую точку. Алан растерял свою храбрость; его мужественность исчезла или спала крепким сном; что-то заставило его так сильно измениться, что живость этой девушки, ее молодость, пылкость и красота устрашали его. Он попросту боялся ее, и я понял, что хотя другие и считали их помолвку чем-то само собой разумеющимся, ни он, ни она об этом не подозревали, потому что у него не хватило духу просить ее руки. Его мать понимала, что он потеряет ее, если не возьмет себя в руки, и я почувствовал, что разделяю ее тревогу. Они так подходили друг другу; в Элизабет Алан нашел бы то, в чем так нуждался сам: оживляющее и вдохновляющее начало. Я отказывался верить в то, что Алан изменился настолько, чтобы остаться равнодушным к ее физической красоте. Было необходимо, чтобы старый друг открыл ему глаза на тот риск, которому он подвергался из-за своей новоприобретенной застенчивости и неуверенности в себе, которые могли бы взять верх над его истинными желаниями. И прежде чем наш спор подошел к концу, я принял на себя ту роль, которую предназначала мне миссис Куердилион.

Спор закончился совершенно неожиданно. Я уверен, что Фрэнк упорствовал скорее ради забавы, ради того, чтобы спровоцировать Элизабет, а не потому, что имел серьезные доводы против охоты на лис. Их пикировка, как я уже говорил, стала чересчур оживленной и, с моей точки зрения, почти оскорбительной для обеих сторон, хотя я считаю, что они знали друг друга достаточно хорошо для того, чтобы перебрасываться словесными ударами, не обижая друг друга. И все же спустя некоторое время Фрэнк начал отступать, и спор постепенно превратился в добродушное, невинное подшучивание, пока наконец он не произнес:

— В конце концов никто не сказал об охоте на лис лучше Оскара Уайльда: «То, что нельзя выразить словами, делает то, что нельзя объяснить — гонится за тем, что нельзя съесть».

И тогда Алан вынул трубку изо рта и проговорил тихим прозаическим тоном:

— Словами невозможно выразить этот ужас.

Совершенная неуместность этого замечания и резкость перехода к серьезной тональности поразили нас так же, как и то, что Алан вообще принял участие в разговоре. Фрэнк и майор казались оз-

дакченными, а Элизабет, бросив на Алана непонимающий взгляд, произнесла отрывисто, с едва заметной нотой враждебности в голосе:

— Ужас? Какой ужас?

Алан наклонился вперед и, сжав трубку в руках, неодобрительно поглядывал на кошку, мирно спавшую, свернувшись калачиком, на коврике перед камином. Он не находил нужных слов, чтобы объяснить, что же имел в виду, и мы ждали, трое взрослых мужчин, слишком явно демонстрируя снисходительность и терпимость по отношению к его немоте. Майор, преодолев свое первоначальное смущение и удивление, улыбался приободряюще, как улыбаются ребенку, который никак не может начать декламировать стихи.

— Я имею в виду, — проговорил наконец Алан, все еще не отводя глаз от кошки, — я имею в виду страх, который испытывает тот, на кого охотятся: его невозможно описать, его попросту нельзя выразить словами. С людьми-то проще...

Элизабет подняла брови, глаза ее округлились, все выражение лица говорило о вызове и протесте. Я даже ждал, что сейчас она выкрикнет: «Чушь!» и выпалит те же самые страстные аргументы, с которыми уже с десяток раз за этот вечер нападала на Фрэнка Роузена: что-де насильственная смерть — это естественный конец для всех диких животных, что это самый милосердный конец, что у животных нет воображения, способного нарисовать ужасную картину смерти до ее прихода, — словом, все те знакомые доводы, изрекаемые охотниками на лис, которые достаточно опрометчиво защищают эту забаву, пытаясь сделать из лисы своего свидетеля защиты. Я был уверен, что все эти возражения сейчас изольются на Алана, ибо ее лицо по-детски прямолинейно выражало то, что было у нее на душе, но прежде чем эти слова сорвались с ее уст, мысли ее внезапно и совершенно явно свернули в другое русло. И что поразило меня, в абсолютно незнакомое русло. На ее лице уже нельзя было прочесть готовности к отпору, она пристально гляделась в Алана, чья поза, казалось, говорила о тревоге и беспокойстве, когда он, отвернувшись от Элизабет, склонился вперед, и мне почудилось, что в ее широко раскрытых глазах появился искривленный интерес, который мог быть от природы присущ кошке, сидевшей между ними. В тот момент невозможно было сказать, какое открытие она сделала, какую новую картину действительности приоткрыли ей его слова. Я мог только догадываться о том, что охота на лис перестала быть предметом спора, им стал для нее сам Алан; она почувствовала, что страх, о котором он говорил, каким-то странным образом имел отношение к ней самой, и это новое инстинктивное ощущение заставило ее быть более бдительной и следить за тем, чтобы никто не сумел прочитать, что происходит у нее в душе. Она ждала, что Алану ответит кто-нибудь из нас.

Но миссис Хедли начала прощаться с нами, собираясь уходить. Алан поднялся и молча вышел, чтобы прибавить света в прихожей,

а после того как мы проводили гостей, взял фонарь и вышел за чём-то во двор.

Миссис Куердлион вскоре простилась с нами, пожелав спокойной ночи, а Фрэнк, продолжая смеяться и шутить, получив удовольствие от своей победы в споре и от забавного, хотя и странного вмешательства Алана в разговор, отправился спать. У меня не было привычки так рано ложиться, и поэтому я налил себе пива, выключил свет в гостиной и расшевелил огонь в камине.

Кошка вспрыгнула на подлокотник моего кресла и, подобрав под себя лапки, устроилась рядом со мной смотреть на догорающее пламя.

Звук шагов и холодный сквозняк пробудили меня, но не от дремы, а от долгой череды воспоминаний, которые следовали друг за другом так же непроизвольно, как картины сновидений. Алан вернулся. Я слышал, как он, стараясь не шуметь, закрывает на засов входную дверь. Я встал, чтобы зажечь свет, но налетел на него в дверях гостиной. Он начал хватать воздух ртом и вцепился в меня, потом, когда я заговорил, засмеялся с облегчением и отпустил меня.

— Я совсем забыл о кошке, — сказал он. — Она здесь? Я думал, все уже легли спать.

Его голос звучал неуверенно. Включив свет, я с ужасом увидел, что его лицо было совершенно белым от страха. Исполненный раскаяния, я извинился за то, что сидел в темноте и невольно напугал его. Он был явно смущен и пробормотал, что мне не следует обращать на это внимания, и подошел к камину, делая вид, что ищет кошку, но движения его были нервными и резкими; ему понадобилось слишком много времени, чтобы прийти в себя после пережитого испуга.

Почувствовав, что должен сказать что-нибудь, чтобы разрядить атмосферу, я не нашел ничего лучшего, как вернуться к теме нашего вечернего разговора.

— Я не удивлюсь, если сегодня вечером Элизабет впервые в жизни пришло в голову, что есть какая-то правота в словах тех, кто с гуманных позиций выступает против охоты. Конечно, на нес подействовало то, что ты сказал. Или то, как ты сказал это. Мне показалось, ты заставил её задуматься.

Он резко повернулся ко мне.

— Она всю свою жизнь охотилась. Разве для нее может иметь какое-то значение то, что я сказал?

Мне стало яснее ясного, что они не впервые спорили об этом — и достаточно ожесточено спорили. Я догадывался о том, что они повздорили, и какой бы пустячной ни казалась мне разница во мнениях по этому вопросу у двух влюбленных, я понимал, что для них это важно — если относиться к охоте всерьез. Но с чего вдруг Алану стало не нравиться то, что она охотится?

— Ну, не знаю, — ответил я. — Я, было, подумал, что твое мнение что-нибудь да значит. Во всяком случае побольше, чем мнение Фрэнка. А ведь были времена, когда каждое твое слово было для нее истиной в последней инстанции.

Он нагнулся и положил еще одно бревнышко в огонь, как будто бы совершенно забыв, что собирается ложиться спать. Потом еще несколько минут стоял, ссугутившись, молча наблюдая за тем, как бревно начинает тлеть и дымиться. Наконец, не глядя на меня, он произнес сдержаным тоном:

— Моя мать разговаривала с тобой обо мне и Элизабет, да?

— Мм-м... О тебе? — проговорил я. — Она немного обеспокоена. Мне кажется, она считает, у тебя что-то на уме. Лично я не вижу в тебе никакой перемены, если не считать того, что иногда тебя подводит твой язык, и если ты не против того, что я тебе это говорю, — твои нервы не в самом хорошем состоянии. Мне думается, ты не в лучшей форме, а живя в деревне, ты должен был бы ее обрести. Скажи, ведь не бутылка же тому виной, а?

Он засмеялся.

— Все эти три дня, что ты живешь здесь, я думал о том, что мы с тобой все те же ребята, что и раньше. Хорошо, что ты приехал — мне это пошло на пользу. Теперь я знаю, что в общем-то не изменился.

— Ну конечно, — сказал я, — характер человека, его привязанности должны оставаться неизменными, но безнадежен тот, чье поведение и чьи оценки не меняются под влиянием пережитого. Ты прошел через шесть лет войны и плена. Я очень хорошо понимаю, что взгляды человека после всего этого могут измениться.

— Да, — сказал он, — ты бы понял. Или во всяком случае, тебе было бы интересно. Слушай! — Он резко выпрямился и повернулся ко мне. — Ты ведь не устал, а? Не против, если я тебе кое-что расскажу? Дай-ка я наполню твой стакан, садись, и я поведаю тебе одну историю.

Он налил нам обоим пива и выключил свет, а потом пошевелил угли в камине, пока в нем не разгорелся яркий огонь.

— Пожалуй, мне легче будет разговаривать с тобой вот так, при свете огня, горящего в камине, — сказал он, усаживаясь в кресле напротив меня, — и если тебе станет скучно, ты можешь спокойно заснуть, а я и не замечу этого.

Мы набили трубки, и я стал ждать.

— Я никому об этом не рассказывал, — начал он. — Ни матери, ни Элизабет. И прежде чем я начну рассказывать тебе об этом, я хочу подчеркнуть, что это всего лишь сказка, понимаешь? И я рассказываю ее тебе, надеясь, что она тебя развлечет и позабавит. Я не прошу тебя слушать внимательно, чтобы ответить потом на

вопрос, что же со мной случилось. Я и сам прекрасно знаю, что со мной случилось, и с этим уже ничего не поделаешь. Вопрос заключается лишь в том, чтобы подождать и узнать, случится ли это еще раз. За последние три года это состояние ни разу не вернулось; если пройдет еще год и это не повторится, я решу, что этого больше никогда не случится и смогу смело просить Элизабет выйти за меня замуж, и все будет хорошо. Она сможет скакать по лесу со своими гончими, и я не буду ссориться с ней по этому поводу — по крайней мере до тех пор, пока она сама не захочет этого. А она не захочет.

ГЛАВА II

«Я не сумасшедший, благороднейший Фесте». Нет. Но я был сумасшедшим. Не просто неуравновешенным или чудаковатым, а совершенно спятившим, вчистую. Нет ни малейшего сомнения в том, что любой врач подтвердил бы это документально. Но сейчас у меня все в порядке. Правда, в порядке, я думаю. Но только, понимаешь, после того как я однажды так внезапно переключился на другую скорость, я теперь знаю, как легко и быстро это может произойти, и иногда что-то неожиданное пугает меня на мгновение — до тех пор, пока ко мне не возвращается уверенность в том, что я все еще, если так можно выразиться, нахожусь по эту сторону стены.

Для военнопленного в концлагере сойти с ума — дело, конечно, нередкое. Такое может произойти с кем угодно, и вовсе не обязательно с теми, у кого нервы напряжены до предела или на чьей душе скопилось больше всего мучений и тревог. Видел я таких бедолаг и раньше, до того, как это случилось со мной. Мне кажется, я знаю, почему у них на челе такая печать безразличия ко всему на свете. Они просто-напросто не ведают, что творится в этом мире, пока так заняты миром другим. И понимаешь, чувствуешь ты себя при этом потрясающе нормальным. Я уверен (во всяком случае, что касается меня самого), что был в два раза активнее в интеллектуальном плане и в два раза чувствительнее к происходящему, когда у меня крыша поехала, чем после того, когда вернулся в нормальное состояние и снова оказался в клетке.

Я был рад тому, что меня посадили в другую клетку. Никто в ней не знал, что было время, когда я слетел с катушек, а когда нас выпустили оттуда, психиатры поставили мне диагноз — «абсолютно нормален». Само собой разумеется, они не слышали того, что я рассказываю тебе сейчас.

Нас бомбили глубинными бомбами, и корабль наш затонул у берегов Крита в 1941 году, после чего я два года просидел в лагере в Восточной Германии — он назывался ОФЛАГ XXIXZ. Этот маленький лагерный мир постепенно становился все более и более привычным для меня. Ну что тебе рассказывать: колючая проволока, на скорую руку построенные бараки, зимой слишком холодно, летом слишком жарко, грязные умывалки, вонючие уборные, легкая песчаная почва, черный сосновый лес вдали и головорезы на сторожевых вышках. И все те маленькие хитрости, уловки и изобретения, которые казались нам такими важными — нет, они и были важными в том мире, который уменьшился для нас до размеров концлагеря.

Я льстил себя надеждой, что переношу превратности лагерной жизни намного легче, чем остальные узники. По правде говоря, я нигде не чувствую себя по-настоящему несчастным, если только мне удается придумать, чем занять себе руки, и даже удивительно, каким трудягой-мастеровым можно стать в подобных обстоятельствах, если имеешь к этому склонность. Честное слово, я горжусь кое-какими безделицами, которые соорудил из старых жестянок. Но я и свой ум заставлял трудиться — собирался заново выучить греческий. Наверное, разумнее было бы учить немецкий, но, думаю, греческий нравился мне тем, что казался таким свежим и ясным и, главное, не имел ничего общего с лагерем.

Я говорю об этом только потому, что хочу, чтоб ты понял, — я был довольно-таки бодрым военнопленным. Конечно, скучал по физической нагрузке, которой мне не хватало, но если учесть, что мы сидели на голодной диете, то, надо признать, гимнастика, занятия которой мы наладили в лагере, позволяла чувствовать себя довольно сносно. И еще. У меня не было семейных проблем. Я получал письма от матери и от Элизабет так же регулярно, как все остальные, и пока с ними было все в порядке, мне больше не о чем было беспокоиться. Да, конечно, скажешь ты, но само по себе вынужденное общение лишь с представителями одного мужского пола — это большое лишение, способное вызвать душевые расстройства... Ну, не знаю... я ничем в этом смысле не отличался от других; конечно, на ум приходили разные мысли об удовольствиях, но думаю, что философски относиться к их отсутствию можно в том случае, если ты сполна испробовал их, прежде чем попал в этот мешок. Мальчишки мучились от этого больше всего, но не ребята моего возраста.

Нет, глядя назад и рассуждая честно и объективно (а лагерь хорошее место для того, чтобы измерить отклонения от нормы), я бы сказал, что уж кто-то, но только не я должен был чокнуться. Но факт остается фактом. Это произошло. Конечно, не исключено, что причиной был шок — от удара током или от чего другого...

Сейчас я расскажу об этом. Но опять же, были же в моей жизни потрясения и посильнее. Меня два раза за три месяца торпедировали в Северном море, не говоря уже о случайных бомбах. От этих ударов мое тело пострадало намного больше, чем от шока, полученного у ограды Хакелнберга, но и они не выбили меня из колеи.

Да что там! Ты не поверишь, сколько раз я подвергался освидетельствованиям за эти два года и с какой тщательностью просеивал их результаты, чтобы найти хоть малейшую трещину, симптом скрытой от глаз болезни — и не мог и не могу ничего найти. Я должен был. Обязан был понять, почему я на какое-то время лишился разума, потому что, понимаешь, это было бы лучшим доказательством здравости — и не только моей, но всего порядка вещей, в который мы верим, последовательности времени, законов пространства и вещества, истинности всей нашей физики. Потому что, видишь ли, если я все-таки не был сумасшедшим, тогда все устройство мира должно быть признано безумным — и не найдется человека, который смело взглянул бы в лицо этому безумию.

Да, ирония в том, что в лагере меня считали самым устойчивым, самым здравомыслящим — самой надежной старой клячей из всех военнопленных. У нас существовал Комитет по организации побегов — в его составе были лучшие умы из числа старших офицеров, а уж они-то могли оценить человека вернее, чем ваши психиатры. Уж они-то, с их опытом рассмотрения самых разнообразных, в том числе и совершенно безумных планов и идей, они-то наверняка заметили бы эту трещину в моем сознании, если только это было вообще кому-либо по силам. Я же, напротив, выступал в роли советчика и помощника практически во всех совершенных побегах. Я стал своего рода консультантом для тех, кто замышлял побег, тем экспертом, совета которого искали, прежде чем представить план на утверждение Комитета по организации побегов.

Разумеется, побег был как бы той питательной средой, в которой существовали наши мысли; наши мелкие занятия и развлечения были рябью на поверхности моря жизни, а подготовка к побегу — самим морем. Она поддерживала в нас надежду и отражалась во всем, что мы делали.

Все планы побегов, при всем их отличии друг от друга, были разновидностями одного и того же метода. Существовал только один способ решения главной проблемы — преодолеть колючую проволоку можно было только через вырытый тайком туннель. Я участвовал в придумывании самых разных туннелей и был членом многочисленных групп, которые копали и прятали потом землю, но в лагере ОФЛАГ XXIXZ не было ни одного успешного побега до того самого дня, когда я вместе со своим напарником попытал счастья.

Я не буду подробно рассказывать, как мы задумали свой подкоп и как его осуществляли. Подробности увяли бы в сторону от того, что я хочу доказать тебе своим рассказом, ибо туннель был чрезвычайно умно замыслен и отлично исполнен. Весь лагерь помогал нам в этом деле.

Мы совершили побег в конце мая, в предрассветный час. Выход из нашего туннеля был примерно в ста ярдах от забора из колючей проволоки, от него надо было еще ярдов пятьдесят бежать до соснового леса. Мы убедились, что простейшее применение принципов строительства туннелей могло принести наилучшие результаты. Большинство побегов проваливалось потому, что туннели не отводили на достаточное расстояние от лагеря. Труд этот был таким тяжким, а времени на рытье уходило так много, что появлялся огромный соблазн закончить подкоп, как только он выходил за пределы лагеря, и пойти на риск — рвануться по открытой местности к лесу. Соблазн этот был так велик, что ему было трудно противиться. Но нам это удалось, и мы добрались незамеченными до черного покрова соснового леса — тревогу в лагере не объявили. Чтобы отвлечь внимание охраны, наши сообщники затеяли драку в лагере: это старая, как мир, уловка, но она сработала.

И еще одного соблазна нам удалось избежать — спланировать дальнейшую фазу побега во всех подробностях. У каждого из нас, то есть у меня и у Джима Лонга, были свои представления о путешествии по территории Германии в военное время, и мы сошлись на том, что каждый из нас пойдет своей дорогой. Мы оба направлялись в Штеттин, где должны были вступить в контакт с подпольной организацией и с ее помощью попасть на шведское судно. Таковы были самые общие очертания нашего плана — по обоюдному согласию мы его не конкретизировали. Ты, наверное, скажешь, что такой план слишком расплывчат и многообещающ, но результат доказал его осуществимость. Джим Лонг добрался до Штеттина на поезде, пробыл неделю в матросском общежитии, тайком был проведен на борт шведского рудовоза и спасся. Я оказался не таким везучим.

Хотя и Джиму, и мне было ясно, каким путем нужно добираться до Штеттина, мы расходились в определении места, где надо было сесть на поезд. Джим, хорошо говоривший по-немецки и по-французски, решил дойти пешком до ближайшей железнодорожной станции, предъявить там фальшивые документы на имя французского рабочего, купить билет и положиться на то, что сама обыкновенность этой поездки поможет ему прорваться к цели. Мой же план состоял в том, чтобы как можно дальше оторваться от лагеря, прежде чем сесть на поезд. Я выбрал для этой цели Даммерштадт, добраться до которого, по моим расчетам, можно было за две ночи, отлеживаясь в лесу в дневное время. Я собирался путешество-

вать под видом офицера болгарского торгового флота, направляющегося на свой корабль, стоящий на якоре в одном из балтийских портов: моя военно-морская форма, слегка перешитая, в глазах практически любого немца могла бы, как мне казалось, сойти за форму болгарского торгового флота, а наши ребята в лагере, занимающиеся изготовлением поддельных документов, снабдили меня целой кипой бумаг, включая и одну диковинно-заморскую и очень «балканскую» на вид бумагу на кириллице. Мой главный риск заключался в том, что со мной случайно мог заговорить кто-нибудь знающий болгарский, но я прикинул, что свою игру, как говорят картежники, сыграю. Что же до остального, то наши товарищи снабдили меня продуктами на четыре дня, еще у меня был крохотный компас-пуговица, который немцы не нашли, когда подобрали меня на берегу после кораблекрушения, было немного немецких денег и хорошая, сделанная от руки карта, которой снабдил меня Комитет по организации побегов.

Джим и я быстро распрощались в темноте леса, пока из лагеря все еще доносился шум драки, организованной для нашего прикрытия. Собаки лаяли, как сумасшедшие, слышались отдельные выстрелы, но прожектор в нашу сторону так и не повернули. Похоже было, что вторая фаза операции закончилась успешно.

Я заранее выучил карту наизусть и держал весь свой маршрут в голове. Первая часть моего ночного похода должна была быть самой трудной. Надо было пробраться на восток через сосновый лес, вдали от дорог, и пройти расстояние, равное трехчасовому переходу, после чего выйти на безлюдную дорогу, по которой пройти еще четыре-пять миль на северо-восток, потом опять свернуть на восток, чтобы обойти деревню, узкими извилистыми тропками пересечь широкую равнину, где и жителей-то почти не было, и оказаться у другой лесной полосы, по моим расчетам, к рассвету. Там я собирался спрятаться и передохнуть. На следующую ночь мне пришлось бы продолжать переход по местности, где лес чередуется с открытым пространством, и на рассвете выйти к железной дороге к югу от Даммерштадта.

Вполне отдавая себе отчет в том, как трудно прорваться через лес ночью, я старался большую часть пути пройти по дорогам, если это было возможно. Не страшно, если на узкой сельской дороге я встречу крестьянина или гражданскую полицию, думал я, потому что сообщение о нашем побеге могло и не дойти до них так рано, а я чувствовал, что сумею изобразить первого помощника капитана, пьяного иностранца, опоздавшего на поезд или сошедшего с него не на той станции и отправившегося искать нужную. Я не раз встречался с подобной ситуацией в жизни.

Надо сказать несколько слов о сосновом лесе. В нем невероятно темно, дьявольски темно, но зато, если сравнивать его с широколиственным, в нем практически отсутствует подлесок. Пройти этот первый круг моего «забега» оказалось совсем непросто, и я скоро почувствовал, что недооценил воздействия на мое здоровье двухгодичного пребывания в тюрьме, но хотя мне и понадобилось почти пять часов вместо трех, чтобы добраться до дороги, я все же вышел на нее и, что уже совсем удивительно, примерно в том самом месте, где и предполагал. Конечно, мне помогал мой компас, но, думаю, на самом деле моим главным помощником оказался самый полезный из всех навигационных приборов — обыкновенное дьявольское везение. Выйдя на дорогу и сориентировавшись на местности, я немного отдохнул и поел. Можешь себе представить, чего мне стоил этот ночной поход, как болело и ныло мое тело — это нельзя сравнить ни с одним из наших с тобой путешествий в юные годы. Каждый раз, когда вдали показывались огни приближающейся машины, я прятался в каком-нибудь придорожном саду или заползал в канаву и ждал, пока она проедет, и, по мере того как ночь близилась к концу, эти сбои с ритмичного, хотя и тяжелого хода, все более напоминали собой агонию. Пару раз, когда я в очередной раз с мукою поднимался на ноги, выбирайсь из кювета, я подумал, что уже никогда не смогу заставить себя двигаться, не смогу унять жгучую боль в стертых до крови ногах. И скажу тебе правду: к тому моменту, когда небо начало сереть, меня уже не сильно волновало, как скоро меня поймают. У меня было одно желание — остановиться и попить чего-нибудь.

В этом и состоял мой второй просчет. Чтобы облегчить свою ношу, я не взял с собой фляжку с водой, рассчитывая, что в Европе везде есть вода, годная для питья. Но это совсем не так, во всяком случае в Восточной Европе. Деревни я обходил стороной, а почва там песчаная и, думаю, что ни ручьев, ни прудов не было и быть не могло; воду можно было набрать только в колодцах, а колодцы всегда бывают лишь в деревнях и на хуторах.

Не имея серьезных оснований для тревоги, хотя солнце уже поднялось довольно высоко, я добрался до дальней лесной полосы. Отсюда были хорошо видны небольшая ферма и поилка для скота в загоне, но я не рискнул пробраться туда, чтобы напиться: день был в разгаре, и хотя кругом не было ни души, я почему-то был уверен, что где-то здесь должна быть собака. Мне оставалось лишь одно: хромая, дотянуть до укромного уголка в тени сосен и, переползая с места на место, собирать бледные травинки и разжевывать их, чтобы хоть немного утолить жажду.

Я отдыхал весь день в самом прохладном месте, какое сумел отыскать. От жажды и усталости меня подташнивало, поэтому есть

я не мог, но зато поспал тем неглубоким и тревожным сном, который бывает при переутомлении и сверхнапряжении. Ссадины на ногах, ноющие мышцы и пересохшая глотка, бывает, заставляют голову хорошо работать, в то время как воля или что бы там ни было, что производит отбор и дисциплинирует мысль, слишком утомлена, чтобы отстаивать свои права. Тебе знакомо это чувство? Как будто твое сознание — это своего рода оживший кинопроектор, возомнивший себя начальником, сбросивший с лестницы киномеханика и усевшийся прокручивать со все возрастающей скоростью километры пленки лишь для того, чтобы доставить самому себе какое-то дьявольское наслаждение. Я не помню подробностей тех кошмарных снов, которые видел в тот день на опушке соснового леса, но на всю жизнь запомню, как давили они на мой воспаленный мозг, сколько их было и с какой безумной скоростью проносились они в нем.

Огромное физическое напряжение и острейшее подспудное беспокойство, возможно, и послужили причиной всего, что произошло со мной потом. Раньше я не думал, что мне может просто не хватить сил. Наверное, мне не надо было расставаться с Джимом Лонгом.

Когда стемнело, я снова пустился в путь. Но эта ночь была совсем другой. Я утратил веру в себя, в свою способность довести дело до конца, и это было для меня потрясением. Впервые в жизни мое тело отказывалось сделать то, что я требовал, и этот бунт деморализовал меня. Вместо того чтобы беречь силы, я, упорствуя в своей неправоте, загнал себя, как лошадь. И думаю, что если я сбился с курса, то в этом не было ничего удивительного. Мне надо было идти на север, но мой маршрут то и дело пересекали глубокие овраги и лощины, и это заставляло меня отклоняться в сторону в поисках удобного спуска; время от времени я видел свет на лесных прогалинах, но у меня хватало мужества и решимости обходить их стороной, как бы тяжело это ни было, а не идти прямо на огонь, чтобы сдаться в плен и покончить тем самым с муками.

Память начинала подводить меня; сверить свой курс с картой можно было только по прогалинам, но я уже не запоминал, сколько их было, не мог найти их на карте. Я сжег все спички, пытаясь разглядеть что-то в потемках, и был настолько измучен и угнетен, что едва мог читать, не говоря уж о том, чтобы мыслить.

Наконец я наткнулся на освещенную яркой луной проселочную дорогу. Она вела куда-то на северо-восток, а не на север, но дорога была ровная, прямая, ее было хорошо видно, и после темного леса, его ухабов, сучьев и оврагов я не смог побороть соблазн и пошел по ней. Различая следы копыт и колею от проехавших повозок, я подумал, что дорога, возможно, ведет к хутору, но меня это уже не волновало. Я устало тащился вперед.

Помню, что мало-помалу мой мозг успокаивался, идти стало легче, появился правильный ритм, и из-за этого я впал в какой-то автоматизм. Как в детстве, я начал твердить про себя разные слова, что помогало выдержать ритм ходьбы: сначала это были бессмысленные фразы, потом стихи. Знаешь балладу о девушке Ната Брауна? Четыре строки этой баллады вертелись в моей голове подобно монотонному стуку двигателя и вели меня за собой бог знает сколько миль:

Знает разбойник, что крепок закон:

Повяжут, потащат его,

Повесят без жалости, знает он,

Болтаться на ветру.

До сих пор удивляюсь тому, что несмотря на чисто механическое отбивание ритма, в которое я превратил строки баллады, я все же задумывался и об их смысле и чувствовал в них какой-то странный, новый для меня пафос. Это объединение в одно целое таких разных вещей, как жалость, с одной стороны, и жестокое изгнание из общества, с другой. Я никогда об этом раньше не думал. Человек, который написал эту балладу, хорошо знал, что разбойники не были романтическими героями и хотели они только одного — жалости. Да-да, жестокость объявления человека вне закона состоит в том, что у простых людей отнимают возможность испытывать жалость и сочувствие к разбойнику.

Если бы узкая лесная дорога привела меня на сельский хутор, думаю, я склонил бы голову перед крестьянами и молил их о жалости. Но дорога привела туда, где людей не было.

Я шел очень долго и почувствовал, что темные стены леса расступаются. Остановившись, я понял, что дорога вывела меня на невысокий обширный водораздел, безлесный и поросший густой травой, доходящей мне до колен. Я часто спрашивал себя потом, видел ли я все это той ночью на самом деле. Могу сказать тебе, что я потом, позднее видел там — или мне только казалось, что видел. Я точно знаю, как это выглядело потом, когда смотрел на все это с другой стороны (если, конечно, ты можешь понять, что я имею в виду), но я бы все отдал за то, чтобы быть в состоянии вспомнить все в точности таким, каким это представлялось моему здоровому сознанию, такому, как сейчас. Беда в том, я думаю, что в ту ночь я медленно, но верно сходил с ума. Усталость и беспокойство нашли мое слабое место, эту щель, которую они постоянно расширяли до тех пор, пока мой мозг не раскололся надвое в тот момент, когда я вышел из леса. Когда земля разверзается у тебя под ногами, что именно внутри тебя принимает решение, на какую сторону пропасти надо прыгать?

Лунный свет освещал все вокруг. Я видел длинный поросший травой горный кряж, уходивший на северо-запад или юго-восток. Трава была нетронутой и казалась серой в свете луны, ее покрывали какие-то белые цветы, придававшие ей молочно-белое мерцание.

Дорога, которая привела меня сюда, исчезла. Помню, мне пришло в голову, что какое-то время назад, перед тем как выйти из леса, я потерял из виду колесную колею, но мне не удалось вспомнить, где, в каком месте она свернула в сторону.

Наверное, я дошел уже до середины этого широкого открытого пространства, прежде чем остановился, потому что мне хорошо был виден лес на другой стороне, отлого спускающийся вдали с горного кряжа. Но никогда никакой лунный свет, по крайней мере в Европе, не может быть таким сильным, чтобы я смог разглядеть этот лес в таких подробностях, как будто видел его ясным летним утром. И потом... потом это был совсем другой лес — не черный однообразный сосновый лес, по которому я шел, а прекрасный лиственный лес из дубов, буков, ясеней и усыпанных белыми цветами с дурманящим запахом кустов боярышника. Контраст был поразителен — как между днем и ночью, тюрьмой и волей, жизнью и смертью. И глядя вниз со своего невысокого горного кряжа, я мог увидеть сквозь верхушки деревьев, стоящих на краю того леса, прекрасную открытую поляну и на ней — маленькое озеро с мерцающей водой. Мучительно больно было вновь заставить себя двигаться; мышцы стали, как каменные, но все же я шел, шел прямо на блеск воды.

И еще одно поразило меня, и опять же я все отдал бы, чтобы узнать, какими глазами видел это, ибо в глубине души до сих пор не убежден в том, что удар, который почувствовал, был на самом деле. Но вот что я знаю — я действительно заметил что-то там, впереди, между мною и этим влекущим к себе лесом, нечто, не вяжущееся с каждодневным опытом, феномен, который во сне показался бы ничем не примечательным, но был бы совершенно невозможен в действительности. Пока я ковылял по этому отлогому склону, собирая остатки сил, я вдруг почувствовал, что передо мной было место, освещенное слабее, чем все вокруг, залитое лунным светом; какая-то зона более тусклого света, протянувшаяся по обе стороны от меня, но не по прямой, как луч прожектора, а по какой-то извилистой линии, как будто обрисовывая контуры кряжа. Я знаю, что это не соответствует законам физики, что такое слабое свечение не может быть видимо в более сильном свете луны, и тем не менее клянусь, что я это видел. Может быть, и на самом деле к тому моменту я уже был исключен из сферы действия не только человеческих законов, но и самих законов природы?

Ничто не могло удержать меня от попытки добраться до воды. И когда прошел первый приступ мучительной боли, вызванной движением, я пустился бежать, то и дело спотыкаясь. Наверное, я шел как слепой, с вытянутыми перед собой руками, потому что именно руками я сначала ощутил удар. Руки и кисти охватила жгучая боль, как от ожога, а потом сильный удар сотряс каждую кость, каждую клетку моего тела, пробился наверх, раздробляя

все на своем пути, и вырвался из черепа; глаза пронзила острая боль, как от вспышки желтого света, и мое тело, лишившееся веса и утратившее сочлененность всех своих частей, полетело, вращаясь, подобно струе газа, вверх, в темноту.

ГЛАВА III

Собственное тело, несмотря на все его недостатки, — это вещь надежная, возвращающая уверенность в себе. Нет сомнений, я перепрыгнул через пропасть, но память моя до сих пор хранила воспоминание о *той* стороне. В моем сознании не возникали какие-то более или менее оформленные картины прошлого или слова, ну скажем, как бывает, когда человек вспоминает события прошедшей недели или прошлого года, но я хорошо понимал, что на этом свете существовал и раньше, что у меня была когда-то своя жизнь, своя непростая и довольно богатая событиями история — до того, как я проснулся в этой чистой и удобной постели. Это мои собственные руки сомкнулись над пропастью, преодолев разрыв. Они бесспорно принадлежали мне, и я чувствовал в них слабую боль. Время от времени я поглядывал на эти аккуратно забинтованные и абсолютно бесполезные сейчас, но такие нужные и дорогие мне руки, лежащие передо мной поверх одеяла.

Если не считать легкой боли в руках, должен сказать, что я редко чувствовал себя так хорошо физически, так покойно и так свободно, как в то утро, когда начал размышлять над тем, где нахожусь. Это совершенно точно был отнюдь не первый день, когда сознание вернулось ко мне. Я понимал, что уже довольно давно находился в этой светлой просторной комнате, где пахло цветами и едва заметно лекарствами, мастикой для пола и чем-то дезинфицирующим. Выкрашенные в белый цвет двери и оконные рамы, красивые занавески на окнах и белая деревянная мебель были знакомы мне; я узнавал лица двух моих медсестер-сиделок: они ухаживали за мной уже много дней. Но в этот день закончился мой постепенный переход от пассивного восприятия к активному наблюдению.

Если бы не форменная одежда медсестер, я бы решил, что нахожусь в частном доме, а не в больнице: моя комната имела какой-то неповторимый облик и своей чистотой и привлекательностью не напоминала ни одну из больничных палат, встречавшихся в моей жизни. Не похоже было, что фаянсовая посуда, стаканы, тарелки, приборы и инструменты, которые приносили сестры, часто используются, и еда была слишком хороша для больницы. Легкий ветер, залетавший в открытое

окно, шевелил занавеску, и когда утром дневная сестра удобно сажала меня в постели, подложив за спину подушки, из окна мне были видны зеленые верхушки деревьев и голубое небо, и целый день, с первых проблесков света до темноты, где-то совсем рядом, за окном, громко пели птицы.

Я не мог есть самостоятельно, без помощи дневной сестры. Она мелко нарезала мне пищу в тарелке и кормила меня ложкой, брила и умывала, купала и вообще делала все, что должна была делать, со свойственными ее профессии уверенностью и ловкостью, энергично и со знанием дела.

Не раз сталкиваясь в жизни с медсестрами, я не рассчитывал, что они легко и сполна удовлетворят мое любопытство, но в то утро все же спросил дневную сестру, где я, и понятное дело, услышал в ответ шутливое и лаконичное: «В постели!». Думаю, что между всеми медсестрами мира существует своего рода договор о том, что самое элементарное проявление интеллекта у пациента мешает им выполнять их задачу или же наносит ущерб их врачебному авторитету. Однако я сделал еще одну попытку и спросил, как ее зовут.

— Это не имеет значения, — сказала она. — Зовите меня просто Дневная Сестра.

Тем не менее такой ответ дал мне пищу для размышлений. Она говорила на очень хорошем английском языке, но с легким немецким акцентом. Это помогло мне перебросить мост на далекую скрывающуюся в тумане противоположную сторону расщелины.

Я начал рассуждать, пытаясь методично и совершенно спокойно делать выводы из своих наблюдений. Конечно, я догадывался о том, что могло произойти со мной, но это никоим образом не тревожило меня. Вывод напрашивался сам собой, но я отложил его как вариант, который на досуге либо подтвердится, либо нет. Я был убежден, что теперь у меня будет очень много свободного времени. Впечатление, что я провел в полуబессознательном состоянии много дней и ночей, было таким сильным, что граничило с уверенностью. И потом, у меня было конкретное доказательство того, что с момента случившегося со мной несчастья должно было пройти еще больше времени, чем я думал, потому что боль в руках уменьшилась до зуда и легкой пульсации, а единственное ощущение, с необыкновенной яркостью, живостью и силой врезавшееся мне в память, ощущение, вынесенное с той стороны пропасти, — это пронзительность боли, которую я почувствовал, когда впервые коснулся того проклятого забора или как там его. Ожоги, наверное, были очень страшными, а теперь все почти зажило. Чтобы это произошло, должно было пройти очень много времени. На следующий день после того как ко мне вернулась способность к активному наблюдению (назовем это так), я внимательно рассматривал свои руки, когда Дневная Сестра делала мне перевязку.

Было ясно, что когда-то они были сильно обожжены, но сейчас быстро заживали. По сути дела, шрамы и рубцы вскорости исчезли и вовсе. Сейчас уже ничего и не увидишь.

Все это давало мне по крайней мере какую-то отправную точку во времени. Не имея специальных медицинских знаний, я не мог произвести очень точных расчетов, но здравый смысл и опыт подсказывали, что должно было пройти не меньше трех-четырех недель. Когда же внимательно оглядел ноги, я укрепился в своем мнении. Зажили все волдыри, а я примерно представляю себе, сколько нужно для этого времени.

Определить свое положение в пространстве было труднее. Если мои опасения были верны, то я находился в таком учреждении, где нельзя надеяться получить прямые ответы на прямые вопросы. Сестры будут морочить мне голову самой нелепой и несообразной ложью. Значит мне придется тихо лежать и присматриваться, неторопливо, день за днем сводить воедино все увиденное, чтобы в итоге прийти к правильным выводам.

Вполне естественно, что я начал со своих сиделок или точнее, с Дневной Сестры. Ночную Сестру я видел по несколько минут в день после захода солнца и, может быть, мимоходом рано утром. Я крепко спал по ночам, и ни разу мне не понадобилась ее помощь. Кроме того, Дневная Сестра, совершенно очевидно, была немкой и также очевидно — профессиональной сиделкой, и все же я никак не мог поверить, что она служила в армии или же в государственном госпитале. Что-то в ней было странное. И дело даже не в том, что ее превосходное владение английским свидетельствовало о более высоком уровне образования, нежели тот, что присущ обычным медсестрам — в конце концов, во всем мире полно людей, которые с рождения владеют двумя языками. Думаю, что дело было в ее одежде. Она была слишком изящной, слишком индивидуальной, как и сама комната, в которой я находился. Да, это действительно была форменная одежда, аккуратная и изящная, гигиеничная и стерильно чистая, но в то же время красивая, и носила ее она со вкусом и была в ней привлекательной, что ни одна больница, которую я мог себе представить, или даже частная лечебница не могла бы себе позволить. Кроме того было совершенно ясно, что никакая сиделка в обычной больнице не смогла бы постоянно уделять мне столько внимания и обращаться со мной с такой предупредительностью — разумеется, в пределах, обусловленных профессиональными требованиями. Эти двое вовсе не казались переутомившимися от работы. По сути дела я вскоре убедился, что был их единственным пациентом. Дневная Сестра могла проводить со мной сколько угодно времени, и я никогда не слышал, чтобы в доме звонил колокольчик, вызывающий ее к другому больному. В самом деле, кроме голосов моих сиделок, их мягких шагов по вычищенным, отполированным до блеска полам, кроме пения птиц

за моим окном я не слышал никаких других звуков окружающего мира.

Думаю, именно неестественная тишина тех первых дней и убедила меня в том, что я нахожусь в частной лечебнице для душевнобольных. Определив таким образом свое местонахождение, я решил попытаться при помощи наблюдений и дедукции узнать, как я попал сюда и почему со мной обращались как с весьма состоятельным пациентом, а не как с военнопленным, потому что никакого выпадения памяти, как ты понимаешь, у меня не было: я все время отдавал себе отчет в том, что я — офицер военно-морских сил Великобритании, помнил свое имя, как называется мой корабль и лагерь, в котором я находился до побега.

Задавать вопросы Дневной Сестре было абсолютно бессмысленно, хотя я и пытался делать это очень тонко. Она не была молчаливой, но обладала весьма своеобразной способностью в непринужденной и занимательной беседе не выходить за пределы профессиональных тем и не сказать ничего, кроме того, что имело отношение к моим телесным нуждам.

Всплыл лишь один-единственный факт, давший мне пищу для целого ряда размышлений: по ее словам, это место именовалось Хакелнбергом. Это был конкретный, радовавший меня факт, но сделать выводы из него я не смог, вернее, из этого вытекало еще одно обстоятельство, которому не было объяснений. К великой своей радости я обнаружил, что, сосредоточившись, могу мало-малу восстановить в своей памяти во всех подробностях ту карту, которой снабдил меня лагерный Комитет по организации побегов, и теперь, лежа в своей комнате с закрытыми глазами и мысленно в нее взглядываясь, я убедился в том, что такого названия на ней не было. А это означало, что я находился по меньшей мере в сорока милях от лагеря ОФЛАГ XXIXZ, ибо таким был радиус моей карты. Не было никакого смысла пытаться выяснить у Дневной Сестры, знала ли она о том, что я был британским военнопленным. Я говорил по-английски с того самого момента, как пришел в себя, и, без всякого сомнения, бредил тоже по-английски. Доктор наверняка сообщил обо всем полиции, и офицеры разведки приходили взглянуть на меня: я представлял, как пара эсэсовских парней роется в моих нехитрых пожитках, изучает мои бумаги, карту и крошечный компас — предметы, рассказавшие им без околичностей историю моего побега, — а потом они совещаются с доктором и в конце концов, согласившись с его диагнозом, оставляют меня здесь.

Да, но на чьем попечении? Кому принадлежит этот дом? Почему его владельцы или те, кто управляет домом от их имени, должны лечить меня и ухаживать за мной? Филантропы редко занимаются такими заведениями. Я часами обдумывал этот вопрос, и в результате в мою душу закрались сомнения в том, что я нахожусь

в частной клинике для душевнобольных. Если же все-таки это была именно такая больница, тогда единственным объяснением моего присутствия здесь было то, что мой случай, должно быть, представлял интерес для лечащего врача, который держал меня здесь и лечил из чисто научного любопытства. Но я вынужден был признаться себе в шаткости этой версии. Если же я находился не в клинике для душевнобольных, тогда оставалось единственное правдоподобное объяснение: этот дом принадлежал некоему экс-центричному богачу, наделенному чувством сострадания и имеющему большие связи; возможно, он (или она?) и сам страдает какой-то тяжелой болезнью, что объясняет присутствие в доме высококвалифицированных сиделок, и их необычный внешний вид, не свойственный больничным сиделкам.

Я назвал хозяина этого дома богачом — да, в самой атмосфере дома чувствовалось царящее здесь материальное благополучие. В комнате не было ничего старого или ношеного, потертого; для того чтобы так изящно одеваться и быть такими подтянутыми, вышколенными, медсестрам надо получать очень хорошую зарплату; безупречная чистота пола и отполированная деревянная мебель свидетельствовали о том, что прислуги было много: я заметил, что медсестры уборкой не занимались. Собственно говоря, хотя я на все это не обращал особого внимания, мне все же было известно, кто занимался уборкой.

Я и раньше не раз видел его ранним утром. Это был молодой человек крепкого телосложения, стоя на четвереньках, молчаливо и упорно натирающий и без того до блеска отполированные полы. Окончательно проснувшись, я стал следить за ним пристальнее. Он был толстый и откормленный и хотя почти все время держался ко мне спиной, я ненароком рассмотрел его лицо. Оно было гладким и невыразительным, с бледно-голубыми глазами, волосы на голове коротко подстрижены. Полное тело, немота и взгляд теленка, поза на четвереньках — все это придавало ему вид какого-то сильного и спокойного домашнего животного — вола или буйвола. Впечатление усиливалось тем, как он был одет в то раннее утро, когда я впервые обратил на него внимание: он был без рубашки, на нем были только довольно тесные брюки, сшитые из какого-то хорошего, крепкого на вид коричневого материала, на ногах — пара добротных ботинок, сделанных, как казалось, из резины или, возможно, из чего-то вроде искусственной кожи, нового для меня материала — мягкого, прочного и удобного.

Я заговорил с ним в то утро, когда не было сестры, но он на мои слова обратил не больше внимания, чем буйвол, окажись он на его месте. И все-таки нетрудно было догадаться, кто он такой. Немца его возраста нельзя было бы использовать как слугу в доме: он был бы призван в армию или работал на военном заводе. Если бы это было заведение военного типа в какой угодно стране, можно было бы сразу сказать, что он

военнопленный. Но я находился в Германии и знал немецкую систему вербовки так называемой рабской силы из оккупированных немцами стран и доступности ее для частных предпринимателей. Этот парень был славянином, военнопленным, работающим по найму, и вид у него был определенно мужественный. После того как я внимательно рассмотрел его ботинки и материал, из которого были сшиты его брюки, я стал пристальнее изучать и все прочие ткани и предметы, окружавшие меня, и нашел и здесь пищу для размышлений. Я не могу утверждать, что много знаю о тканях или что вообще когда-либо обращал на них внимание, но то, что я увидел здесь, поразило меня своим высоким качеством и дороговизной. К примеру, моя пижама была сшита из шелка или из ткани, которую я ни за что не смог бы отличить от шелка; простыни были из тончайшего полотна, а одеяло — опять же из шелка; фарфоровая посуда, из которой я ел, была изящна и изысканна, а стеклянная... я долго вглядывался в бокал, мензурку и другие стеклянные предметы, стоявшие на столе рядом с моей постелью, и пришел к выводу, что они были сделаны вовсе и не из стекла, а из какой-то прекрасной пластмассы, которую, как стекло, можно было резать, гранить и шлифовать, но при этом нельзя разбить. Я убедился в этом, когда столкнул со стола забинтованной рукой один из самых хрупких сосудов. Упав на пол, он не раскололся на крохотные кусочки.

Такие мелкие подробности производят глубокое впечатление. Они свидетельствуют о высокоразвитой промышленности, изобилии материальных благ, дающем возможность пользоваться в быту только новым и совершенным оборудованием. Конечно, у немецкой химической промышленности, производства пластмассы и синтетических материалов всегда была высокая репутация, но после почти четырех лет войны горько было видеть подобное изобилие в жизни штатских.

Во всяком случае мебель и полы в моей комнате были сделаны не из каменноугольной смолы или пульпы, а из натурального дерева, сохранившего всю красоту и разнообразие леса. Древесина была подобрана и отделана теми, кто любил свое дело. Я начинал чувствовать, что уже что-то знаю о характере владельца Хакельберга. Он был богат, в том не было сомнения. Может быть, старый аристократ или один из магнатов старой Империи, которых нацисты сочли за благо оставить в покое; один из тех, кто был в состоянии не только покупать самые лучшие товары, производившиеся на фабриках, но у кого к тому же было достаточно вкуса, чтобы соединить их с плодами труда лучших сельских ремесленников, работающих по дереву. Думаю, что он был большой любитель леса и лесной живности.

Да, скажешь ты, но во всем этом столько же фантазии, сколько и дедукции. Конечно, Шерлок Холмс добился бы куда большего,

имей он в качестве пищи для размышлений одну комнату и трех действующих лиц, но я горжусь тем, что нарисовал верную в общих чертах картину.

Первое подтверждение собственной правоты я получил из самого неожиданного для меня источника — от Ночной Сестры, которой я и двух слов-то не сказал, разве что «доброе утро» или «добрый вечер». И все же странно, что я узнал об этом именно от нее.

Я уже говорил о том, что необыкновенная тишина, царившая в этом доме, положила начало всем моим размышлениям. Конечно, для тишины в доме было и другое объяснение: я был гостем, гостем-пленником, если тебе так больше нравится, в некоем загородном доме. Поместье, безусловно, было очень большим. Насколько большим, я не знал, потому что даже когда сестер не было, и мне, выбравшись из постели, удавалось доплестись до окна, я не мог разглядеть окрестности: деревья, окружавшие дом, были слишком высокими, а их кроны слишком густой, чтобы увидеть хоть что-нибудь, кроме буйной зелени. Однако из-за окна не долетали ни шум уличного движения, ни даже самый отдаленный гудок автомобильного рожка или свисток паровоза. Я ни разу не слышал даже гул самолета, а ведь дело было в Германии, в 1943 году, и это поражало меня своей странностью. Да, конечно, Третий Рейх, расширивший к тому моменту свои границы, был намного крупнее Англии, сеть аэродромов на территории Восточной Германии не обязательно должна была быть такой же густой, как, к примеру, в Восточной Англии. Я предполагал, что Хакелиберг был расположен намного восточнее пределов досягаемости наших собственных бомбардировщиков; в моей комнате не было занавеса затенения, никаких предосторожностей подобного рода не соблюдалось, а из разговора медсестер невозможно было сделать вывод о том, что они знали о войне Германии. Ну, конечно, они это делали сознательно, такова была их работа — ухаживать за мной и избегать в разговоре тем, которые могли бы встревожить меня. Каждый раз, когда я заводил разговор о войне, Дневная Сестра делала вид, что совершенно не понимает, о чем идет речь, и просила меня не волноваться из-за того, что давно ушло в прошлое, пытаясь при этом развлечь меня беседой о цветах.

Но потом, спустя примерно неделю после моего полного пробуждения, я начал различать какие-то звуки. Мои руки к тому моменту уже совершенно зажили, и я чувствовал себя превосходно. Мне хотелось встать с постели, круглосуточное лежание начинало меня тяготить. Это привело к тому, что я перестал крепко спать по ночам.

Сначала я думал, что эти звуки мне снятся, потому что слышал их в полудреме, потом снова засыпал и лишь утром вспоминал об услышанном. Они долетали издалека и так не вязались с той упорядоченной, ограниченной узкими рамками жизнью, которая

шла вокруг меня. Это были звуки рога, повторявшиеся через большие промежутки времени, и каждый раз в кромешной тьме и полном безмолвия он звучал так одиноко, как одинок парус в бескрайнем море. Мне доводилось слышать звуки горна в темноте и в пустыне моря, слыхал я и английский охотничий рожок, и я знаю, как иногда эта музыка заставляет сердце сжаться. Но это были другие звуки. Я не мог представить себе то место, на фоне которого они раздавались, сумев лишь почувствовать скрытую в них глубокую тоску, их дикость, исступленность и необычность. Сквозь скуку и монотонную притупленность моей полуудремы они доносили неутешную скорбь и боль. Я вспомнил, как печальны эти звуки, когда день был уже в полном разгаре, а на следующую ночь понял, что прислушиваюсь к ним, лежа в темноте, вполне очнувшись от сна, и жду их, хотя и надеюсь, что не услышу.

Однажды ночью я услышал их еще до того, как заснул. Сомнений не было — это был не сон. Ночь была светлая, приближалось полнолуние, по небу маленьками островками были разбросаны белые облака. Я выскоцил из постели и замер, прислушиваясь, у открытого окна. Дул ветер, он играл звуками рога, то поднимая их, то, изменив направление, унося вдаль; эти подъемы и спады придавали мелодии той ночью какое-то новое качество. Печаль и боль были неизменны, как и раньше, но дикость и исступленность преобладали. Казалось, что охотник, трубящий в рог, бродил по лесам, рыскал, искал дичь, и рог его звучал иной раз с волнующим душу неистовством, а иногда в нем слышалась долгая гаснущая нота горечи и поражения.

Ночная тишина была полна звуков. Лес был беспокойным и тревожным, как океан. Ветер шумел в ветвях буков за моим окном, деревья беседовали друг с другом на тысяче разных языков; играл весь лесной оркестр, и солировал в нем охотничий рог. Мое воображение рисовало самые разные голоса и инструменты в этом безумном разговоре; оно превращало жалобный скрип раскачивавшихся ветвей в скрип гончих псов, а неожиданно громкий шелест листвьев под напором ветра мог оказаться шумом бегущей своры. Я долго стоял у окна, вслушиваясь и стремясь выделить рог из всех прочих звуков, и почувствовал странное беспокойство духа, все усиливающееся во мне; это была не та печаль, какую вызывал во мне этот рог раньше, а скорее нервозность, мрачное предчувствие — то вызывающее слабость чувство опасности, которое иногда находит еще до того, как начинаешь понимать, с какой стороны исходит угроза и каким оружием тебе угрожают.

Я вслушивался до тех пор, пока звук рога не растаял вдали, и мое ухо больше не могло различить его среди шелеста и вздохов беспокойных деревьев, а потом забрался в постель и долго лежал, глядя на залитый луной квадрат окна, все еще ожидая, что мелодия прозвучит опять, и наконец уснул.

Но перед тем как окончательно рассвело, я снова проснулся, внезапно вырванный из сна звуком рога, раздавшимся где-то очень близко и громко. Ветер стих, луна зашла; было тихое, серое утро; и тут я услышал трубный, высокомерный звук, огласивший мрачные предрассветные сумерки. В нем слышалась настойчивая нота триумфа. Я высунулся из окна, стараясь как бы пронзить взглядом плотную преграду из деревьев; трубач мчался по лесу где-то недалеко от моего окна и удалялся куда-то вправо от моей комнаты.

Боковым зрением я увидел неясные очертания какой-то фигуры в белом, в полумраке скользившей по комнате, и сначала страшно испугался, но потом узнал Ночную Сиделку.

— Немедленно назад в постель! — прошептала она, и ее тихий требовательный голос показался мне более властным и безапелляционным, чем когда-либо. Она встала между мной и окном, загораживая его спиной, как будто хотела помешать мне выброситься из него, и я увидел, что она все время внимательно прислушивается к этим ликующим заносчивым звукам, слабеющим по мере удаления от нас.

— Что это? — спросил я, когда послушно лег и укрылся простыней. Совершенно неожиданно для меня она дала прямой и серьезный ответ:

— Это Граф возвращается домой.

Я был уверен, что она сказала правду; на секунду она забыла, что я был ее пациентом, и в ее голосе помимо воли прозвучала смутная тревога, которую сам я ощущал, прислушиваясь к звукам рога прошлой ночью.

— Граф? — спросил я. — А кто он, этот Граф?

Она подошла ко мне и посмотрела на меня сверху вниз так, что я смог разглядеть ее черты в сером свете, падающем из окна. Она пробормотала что-то по-немецки, а потом объяснила по-английски:

— Граф Иоганн фон Хакелиберг.

— А кто он? — настаивал я, твердо решив сполна использовать открывшуюся возможность, раз она, наверное с испугу, начала обращаться со мной, как с вполне нормальным человеком. Но она смолкла и задумалась, прежде чем ответить, как будто мое невежество напомнило ей о том, что я все-таки был не вполне нормален, и тем не менее объяснила:

— В общем, он Главный Лесничий Рейха.

— Разве? — спросил я. — А я думал, что эту должность занимает маршал Геринг.

Я мог бы с равным успехом назвать имя нашего корабельного кота, ибо на ее лице не отразилось ничего. Я видел, что она уже справилась с приступом искренности и вернулась в свое прежнее состояние, притворяясь для меня, что современного мира не существует, — я предполагал, что этот обман был частью моего лечения.

Она казалась довольно озадаченной и рассеянно повторила эту фамилию несколько раз, явно думая о чем-то совсем другом. Потом она постаралась вернуть себе свой повелительный, резкий тон, что сей удалось, и взбила мои подушки.

— Ну-ка, давайте! — приказала она. — Вы должны уснуть. Нельзя просыпаться так рано. Вам это вредно. — И она быстро вышла из комнаты.

При свете дня я перебирал в памяти события прошедшей ночи и чувствовал, что доволен. Наконец-то я узнал что-то определенное. Для меня было новостью, что Герман Геринг лишился какой-то одной из своих должностей, но скорее всего в лагере ОФЛАГ XXIXZ мы никогда бы об этом и не узнали. Одно стало ясно — я был гостем самого Рейх-Мастера Лесничего, и мне казалось, что это многое объясняет, во всяком случае больше, чем остается необъясненным. Но какой же странный характер должен быть у Графа фон Хакелинберга, охотящегося в лесу при свете луны! Так легко и шею сломать, подумалось мне. Потом я стал вспоминать разные рассказы о наших чудаках-англичанах, живших в восемнадцатом веке. Я вполне допускал, что услышанное мною не имело никакого отношения к охоте; может быть, это была просто пьяная прогулка верхом по лесу, дикий кутеж молодых нацистов, а старый Граф скакал по их следам, трубя в свой охотничий рог. Картина была довольно правдоподобной, но не вполне убедительной для меня. Рог звучал слишком часто, и продолжалось все это слишком долго, да и Ночная Сестра реагировала на все это совсем не так, будь это пьяное буйство молодой компании. Звук рога, возвещавший о возвращении Графа домой, был ей хорошо знаком. И испугало ее то, что было ей слишком хорошо известно.

ГЛАВА IV

Утром Дневная Сестра влетела в комнату, неся мой завтрак, и я заметил явную перемену в ее поведении. Она была преисполнена чувством собственной значимости и невыносимо авторитарна. Я был не очень удивлен, когда стремительно убрав остатки моего завтрака и расставив в безупречном порядке кристально чистые сосуды на столике рядом с моей кроватью, она объявила, что меня придет осмотреть доктор. Дневная Сестра заставила меня нервничать из-за того явно преувеличенного значения, которое придавала его визиту, но зато, как будто желая утешить меня и загладить свою резкость и бесцеремонность, незадолго до назначенного времени прихода врача поведала мне, что, возможно, он разрешит мне вставать, если найдет мое состояние удовлетворительным. Меня побрили

и умыли, переменили пижаму, постель перестелили; в комнате, где и без того не было ни пылинки, еще раз вытерли пыль, поставили в вазу свежие цветы, а начищенный до блеска пол заставил еще ярче блестеть крупного телосложения раб, который работал, как заведенный. И наконец Дневная Сестра сняла повязки с моих рук, достала стерилизатор и разнообразные блестящие инструменты, а потом, когда снаружи послышались приближающиеся легкие шаги, с выражением строгого внимания на лице встала у моей постели.

Доктор вошел, мурлыча под нос какую-то веселую мелодию, окинул взглядом комнату и обратился к Дневной Сестре, застывшей по стойке смирино; взгляд ее словно остекленел. В Англии я бывал свидетелем чрезмерного усердия медсестер, их вышколенных ответов офицеру военно-морской службы; кроме того, я знаю, что такое немецкая дисциплина, но то, что я видел сейчас, превосходило в «пруссости» и самих пруссаков. Рулей, отвечающий самому адмиралу в день смотра, и в подметки не годился бы Дневной Сестре. Она напоминала собой фигурку из стекла, во всяком случае была такой же несгибаемой; ее короткие ответы были резки и отрывисты, как удары хлыстом. Сам же Доктор был менее всего похож на офицера. Он лениво прохаживался по комнате и, задавая вопросы Сестре, оглядывал ее с головы до ног, интересуясь скорее ее фигурой и платьем, чем тем, что она говорила. Это был молодой человек с бледным, одутловатым лицом и довольно интеллигентной внешности, но властный, высокомерный и потакающий собственным слабостям. На нем были белые брюки, кремовая шелковая рубашка и яркий шелковый платок, небрежно повязанный вокруг шеи. Мне казалось, что такой Доктор, прежде чем войти сюда, вполне мог оставить за порогом моей комнаты теннисную ракетку.

Выслушав рапорт Дневной Сестры и взглянув на мою температурную карту, он подошел ко мне, взглянул на меня, нахмурил брови и покачал головой, но при этом остался вполне доволен собой. Осмотр был совершенно поверхностным и формальным: он послушал мне сердце, померил пульс, раздвинул веки и заглянул в глаза, наконец после того как долго разглядывал мои руки, расправился и сказал на очень хорошем английском языке:

-- Теперь вы можете вставать с постели. Пойдемте поболтаем у меня в офисе.

Дневная Сестра оттаяла в тот самый момент, когда он вышел из комнаты, и ее облегчение от того, что пытка закончилась, было столь велико, что просто переливало через край. Она принесла мне роскошный парчовый халат и пару шлепанцев, сделанных из точно такой же мягкой искусственной кожи, что и одежда слуги-славянина.

Несмотря на то что я чувствовал себя очень хорошо, из-за долгого лежания в постели ноги мои были ватными, и я обрадовался, когда Дневная Сестра предложила мне опереться на ее руку. Я впервые выходил за пределы своей комнаты, и мне пришлось приложить усилия, чтобы скрыть свое неусмное желание увидеть, что же представляет собой этот дом. Но я успел бросить только беглый взгляд вокруг, потому что офис Доктора находился рядом, надо было лишь пройти по широкой веранде. Однако мне удалось понять, что дом одноэтажный, деревянный и очень просторный и покоялся на высоком кирпичном фундаменте. Моя же комната была угловой. Лес подходил очень близко к дому; сада не было, а были лишь природные газоны — лужайки в лесу.

В комнате Доктора было темнее от деревьев, чем в моей. Сквозь листву пробивался зеленоватый свет, и все же выбеленные стены и отполированные до блеска полы и мебель делали ее светлее. Комната была одновременно кабинетом и приемной врача; вдоль стен располагались книжные шкафы вперемежку со шкафами с инструментами, а в центре стоял огромный деревянный письменный стол. Доктор предложил мне сесть в мягкое кресло рядом со столом и повернулся на своем вращающемся стуле ко мне лицом, кивком головы отпустив Дневную Сестру.

Думаю, что в то утро я говорил намного больше, чем следует военнопленному. После сбивавшего меня с толку «юмора» моих сиделок было так приятно поговорить с кем-то, кто относился ко мне (по крайней мере, мне так казалось), как к нормальному человеку, а не как к сумасшедшему. Да, конечно, это было наивно с моей стороны, но мне и в голову не пришло, что он просто хотел разговорить меня, чтобы изучить получше. Я-то думал, что ему доставляла удовольствие наша болтовня. У меня сложилось впечатление, что ему просто нечего делать, он скучает и рад встрече с новым человеком, но я упустил из виду, что он уже должен знать обо мне довольно много. Не знаю, сколько правил безопасности мною было нарушено, но под влиянием его заинтересованности и наводящих вопросов я рассказал ему всю историю своего побега, скрыв один-единственный факт: что вместе со мной бежал Джим Лонг. Он что-то рисовал в своем блокноте, пока я говорил, но записей не делал. Когда я закончил, он долго молча смотрел на меня. И думаю, что только в тот момент, когда я заглянул в его глаза, я почувствовал в его поведении что-то похожее на расчет, что-то вовсе не такое уж естественное и вызывающее доверие, как мне показалось вначале.

— Скажите же мне, — сорвалось у меня с языка, — почему вы не сдали меня в полицию? Ведь я же не скрывал, что я англичанин и что я военнопленный.

— В полицию? — повторил он задумчиво. — В этом нет никакой необходимости. Все леса Рейха находятся под юрисдикцией Главного Лесничего.

— Но я военнопленный, — продолжал я упорствовать. — И заниматься мной должны военные.

— Ja, ja, — согласился он. — Я понимаю. Не надо спешить. Сначала мы должны вас вылечить.

И тут я разозлился, потому что понял: он обращался со мной точно так же, как и сестры — мягко подтрунивая над несчастным умалишенным.

И я с вызовом спросил его:

— Вы, наверное, думаете, что я сумасшедший, да?

— Мой дорогой друг, — произнес он и своей бойкостью и речистостью вызвал во мне раздражение, — мой дорогой друг, я вовсе не считаю вас душевнобольным. Да даже если бы это было так, я бы не очень переживал. Ваш случай интересен мне с точки зрения физиологии. Вы попали в поле действия лучей Болена. Как правило, это заканчивается смертельным исходом, но мое лечение вам помогло. Я доволен вами. Я считаю, что вы здоровы, единственно, что вам нужно — это еще немного времени и тренировки, чтобы вернуть силу мышцам.

— Но я же вижу, что вы считаете меня человеком с неустойчивой психикой, — настаивал я. — И даже если это не представляет для вас интереса, вы же все-таки врачи. И вы можете отличить сумасшедшего от нормального. Так я — сумасшедший?

Он посмотрел в окно, и я заметил, что углы его рта опустились, как будто мой вопрос показался ему неуместным или таким, на который невозможно дать ответ. Но потом скучающим и довольно-таки бесцеремонным тоном он пояснил:

— У вас должны были произойти некоторые церебральные нарушения. Временная потеря памяти — нормальное в данном случае явление. Можно ожидать и галлюцинаций или какого-нибудь рода мании. Похоже, ваша мания состоит в том, что вы верите, что живете в давно прошедшие времена. Наверное, вы начитались книг по истории Войны за Германские Права, да?

— По истории? — переспросил я, начиная тревожиться. — Ну да, конечно...

Он перебил меня, не дослушав:

— Но меня это не беспокоит. Это пройдет. — Он посмотрел в мою сторону с тем же вялым любопытством, с каким рассматривал Дневную Сестру: его явно интересовало лишь мое физическое состояние. — Ну и что с того, если и не пройдет? — спросил он. — Ваше тело снова в порядке. Сомневаюсь, что здесь кто-нибудь особенно заинтересуется вашим сознанием.

И хотя сейчас меня уже не вводили в заблуждение его показное добродушие и общительность, жестокость его последних

слов поразила меня. И пусть я был встревожен и озадачен тем, что он сказал насчет моей мании, в глубине души я был убежден в том, что психически абсолютно нормален, и поэтому твердо решил принимать его грубость спокойно и хладнокровно.

— Я не настолько самонадеян, Доктор, чтобы возомнить, будто моя психика интересует кого-нибудь, кроме меня самого, — сказал я. — Но я хотел бы поблагодарить вас за то, что о моем теле здесь так хорошо заботились; оно действительно в порядке, и единственное, что беспокоит меня сегодня, это мысль о том, что вы собираетесь с ним сделать теперь, когда вы его «отремонтирували». Будут ли со мной обращаться как с военнопленным или нет?

Он оперся локтями о стол, положил подбородок на сцепленные пальцы рук и приподнял брови, глядя на меня с каким-то вызывающим тревожное чувство удовольствием.

— Вы знаете, а вы мне нравитесь, — сказал он. — Беседа с вами действует на меня освежающе. Кроме того, мне кажется, что вы хороший слушатель, и у меня появится прекрасная возможность попрактиковаться в английском. Я не имею ни малейшего представления о том, что с вами собирается делать Граф, но в моем госпитале Фюрер — это я, и если вы не знаете, кто такой Фюрер, то поясню вам, что Фюрер — это то же самое, что Господь Бог, и поскольку мне нравится ваше общество, я продержу вас здесь столько, сколько смогу. Вы не представляете себе, как тоскливо жить одинокому интеллектуалу, если его окружают одни охотники и рабы. Уверен, что вы пробудите во мне вкус к разного рода наблюдениям и замечаниям по поводу этого заведения, и, к счастью, ваше... э-э... нездоровье позволит мне высказывать их относительно свободно и без оглядки. Вы можете сохранить за собой свою комнату до тех пор, пока она не понадобится мне еще для какого-нибудь пострадавшего от несчастного случая, но я прошу вас оказать мне честь отобедать со мной. Я постараюсь показать вам поместье, если представится такая возможность. Но я должен предупредить вас: не ходите гулять в одиночестве, особенно по ночам. Я буду очень горевать, если моего первого пациента, столь успешно вылеченного мной от воздействия лучей Болена, так непрофессионально рассекут на части и проанатомируют гончие лисы Графа или какие-нибудь другие существа, которых он держит у себя.

Доктор поднялся из-за письменного стола и, мягко ступая, подошел ко мне и похлопал по плечу, ухмыляясь.

— Итак, герр лейтенант, примите свою военную фортуна, как подобает солдату ваших давно ушедших героических времен, и ровно в половине первого приходите разделить со своим врагом трапезу из куска оленины и бутылки «абордо». Ах да! — воскликнул

он. — Я же должен дать вам, во что переодеться. Думаю, вашу одежду сожгли.

Он наклонился к какому-то маленькому прибору на письменном столе и начал что-то говорить тихим голосом. Тем временем я встал и подошел к чудесным электрическим часам, стоявшим на книжном шкафу (он кивнул в их сторону, когда приглашал меня на ленч). Изящной работы часы кроме циферблата имели еще термометр и барометр, а в маленьких освещенных отверстиях можно было увидеть еще какие-то числа, значение которых мне было непонятно. Потом я сообразил, что одна цифровая комбинация, очевидно, соответствовала числу и месяцу. Сегодня было 27 июля. Но под этим числом стояло число 102.

Пока я пялился на часы, ко мне подошел Доктор.

— А, — сказал он, — восхищаетесь моим хронометром? Да, вас как офицера военно-морских сил это должно заинтересовать. Но что вас так озадачило в нем?

Я указал на число 102.

— Ja-ja, — произнес он. — Это же год. Хотя, наверное, это лишнее.

— Год? — переспросил я, уставившись на него. Он откинул назад голову и громко захохотал, а потом извинился с явно преувеличенной учтивостью.

— Увы, так трудно совместить двух людей, живущих в разных столетиях. Извините меня, мне следовало объяснить вам раньше, что я — конечно же, только из соображений удобства — присоединяюсь к конвенции, согласно которой мы живем в сто втором году Первого Германского Тысячелетия, как заповедано нам нашим Первым Фюрером, Бессмертным Духом Германизма, Адольфом Гитлером.

ГЛАВА V

До сих пор не могу понять, почему все время моего нахождения в Хакелинберге я сохранял ничем не замутненную уверенность в собственной нормальности. Возможно, это произошло потому, что мое мнение о происходившем не успело сформироваться: я оказался в весьма необычных обстоятельствах, которым не смог сразу же дать убедительного объяснения, но такое объяснение должно было существовать, и я чувствовал, что в конце концов найду его — благодаря терпеливому наблюдению и работе мысли. Внутри себя я ощущал невероятный запас терпения. Может быть, оно досталось мне в наследство от лагеря. Ведь замыслить побег, для осуществления

которого надо вырыть огромный туннель, и справиться с этой задачей просто невозможно, если не научишься терпению. И все же удивительно, почему я так легко пошел на то, чтобы оставить вопрос о хронологии в подвешенном состоянии. Доктор был уверен в том, что живет сто лет спустя после войны, я же, в свою очередь, не сомневался, что живу во время войны: только время могло показать, кто из нас прав. Да, время, но еще и пространство. Я чувствовал, что если бы смог побродить по Хакелнбергу и встретиться с другими людьми, то быстро сумел бы разобраться в ситуации.

И тем не менее во мне глубоко засело убеждение, что даже если предположить правоту Доктора, само по себе это вовсе не должно было означать, что я сумасшедший. Доктор считал, что я страдаю какой-то безобидной манией, но возможно и другое объяснение: может быть, пока я был без сознания, прошел целый век? Разве не мог я проспать в лесу, который именуется теперь Хакелнбергом, целых сто лет, как Рип Ван Винкль в Кэтскилзе?

Да, пожалуй, скажешь ты, если я мог принимать всерьез такое объяснение, то мое умственное состояние вызывает большие сомнения. Но что, собственно говоря, должен думать человек, если он чувствует себя таким здоровым, таким уравновешенным, таким психически нормальным и с таким живым интересом относится ко всему, что его окружает? Никогда раньше я не замечал в себе такой склонности к наблюдениям, не запоминал так хорошо все, что видел. Говорю тебе — мои воспоминания о Хакелнберге, о том, что я видел, чувствовал и делал там, кажутся мне значительно более реальными и яркими, чем любой другой эпизод из моей жизни.

Все это было таким настоящим и даже — хоть это и странно звучит, если иметь в виду все, что со мной потом случилось — захватывающе интересным.

Но я вовсе не хочу сказать, что все сделанные мной открытия были из числа приятных. Нет, ни в коем случае. По сути дела, они страшно напугали бы меня, если бы я продолжал совершать своего рода прыжки во времени — то туда, то обратно, чтобы взглянуть на все происходящее глазами человека из 1943 года. Но я этого не делал. Я принял как данность историю последнего столетия в том виде, в каком она была известна в Хакелнберге, а потом, позднее, побег из Хакелнберга означал побег не во времени, а в пространстве. Главная проблема состояла в том, чтобы снова преодолеть барьер из лучей Болена.

И наконец, если говорить честно, разве можно обвинять скромного лейтенанта ВМС Великобритании в том, что в середине 1943 года он допускал вероятность того, что Германия могла победить в войне. Нам, узникам лагеря, показалось бы

странным, если бы она уже победила. Но если бы это произошло, и сто последующих лет лишь укрепили ее могущество, это означало бы, что вожди нацистов в буквальном смысле слова стали повелителями мира. А у нацистских боссов, как мы хорошо знали, были задатки чудовищных тиранов, и при-чуды их деспотизма в случае завоевания мира были бы таковы, что анналы римских императоров и татаро-монгольских ханов в сравнении с ними читались бы как безобидные протоколы приходских собраний.

К сожалению, если согласиться с такой версией, то окажется, что я попал в уединенный район Германской Империи, частный охотничий заповедник, находясь в котором, не имел никакой возможности наблюдать за тем, что происходило во всем мире. Я смог лишь сделать вывод об абсолютной власти Расы Господ над всем земным шаром.

Итак, я был пациентом-пленником (ему больше нравилось называть меня гостем) герра Профессора Доктора Вольфа фон Айхбрюнна, но я больше не сомневался в том, что в конце концов поступлю в распоряжение Главного Лесничего Графа Ханса фон Хакельберга. Мне не очень-то нравилось, что в госпитале весь персонал понижал голос и слегка съеживался от страха, когда произносилось имя Графа. Я вспоминал испуганный шепот Ночной Сестры в тот момент, когда она застала меня у окна, прислушивающегося к звукам рога.

Один только Доктор свободно упоминал имя Главного Лесничего, но я сумел заметить тревогу и беспокойство, проглядывавшие из-под маски показного превосходства, а кроме того, когда он высмеивал суровую дисциплину, которой добился в своем заведении, и возводил вину за это на систему, его неискренность была совершенно очевидной.

Впервые отобедав с ним, я заметил, что все меньше внимания обращаю на его реплики и все больше изучаю персонал. Я сделал небольшое открытие — только половина девушки в доме были профессиональными медсестрами, а остальные шесть — горничными, хотя в общем-то нелегко было понять, какую работу они должны исполнять, если не считать того, что они стояли за нашими спинами во время обеда, — ведь в доме было по меньшей мере с десяток мужчин — молодых мужчин, очень похожих как телосложением, так и внешностью на того парня, который убирался в моей комнате. Двое из них приносили блюда из кухни в столовую, а потом стояли у буфета, в то время как две горничные брали эстафету из их рук и обслуживали нас за столом. Мужчины всегда были раздеты до пояса, и это позволяло хорошо рассмотреть их откормленные, лоснящиеся тела; сшитые из зеленой и коричневой ткани ливрейные брюки, которые они носили, были такими тесными, что обтягивали их бедра и ноги; все они

были на полпути к ожирению, удержаться от которого им помогала лишь тяжелая работа, и все это несмотря на то, что никому из них не было больше двадцати двух лет. Заметил я и то, что все они носили на шее тонкий ошейник из какого-то блестящего металла.

— Они дешевле машин, — вот что сказал Доктор в ответ на какую-то мою фразу о них. — А кроме того, у Графа предубеждение против всего механического. Он может уступить в вопросах, связанных со средствами массового уничтожения, но он скорее даст мне трех рабов, чем один пылесос.

— Кто они? Кто по национальности? — спросил я.

Он пожал плечами.

— Думаю, что славяне. Меня, собственно говоря, никогда не интересовало их происхождение. Мне они кажутся просто комками какой-то однородной, недифференцированной низшей Расы. Сейчас их разводят в больших количествах в Южных районах России. Боюсь, что выше, так сказать, выпадение из современности не позволит вам познакомиться с открытиями Весслера в области искусственного зачатия и с применением процессов Рёдера-Шваба для ускорения роста. Не правда ли, приятно осознавать, что отцом этих двух буйволов был, возможно, один и тот же кусочек медной проволоки... А сколько лет вы им дадите?

Я предположил, что где-то около двадцати двух.

— Не более пятнадцати, а вероятнее всего двенадцать. Не по годам зрелые ребятишки, а? Но это раннее развитие касается лишь тела, и слава богу, что так, скажу я вам.

— Не знаю, не знаю, был бы я счастлив, если бы у меня под командой находилось двенадцать здоровых парней с умом малого дитяти, — заметил я.

Он ухмыльнулся.

— О, конечно, определенные меры предосторожности предпринимаются. Я не сомневаюсь, что со временем выведут и таких, у которых вообще не будет разных ненужных органов, а сейчас скотоводы, занимающиеся их разведением, вскоре после рождения кастрируют тех, что могут причинить беспокойство. Вы заметили, наверное, что они не разговаривают? Граф считает, что до того как они попадают сюда, им целесообразно проводить небольшую операцию на голосовых связках.

Я перевел взгляд с рабов на двух молодых девушек в изящных зеленых с белым форменных платьях, которые ожидали наших приказаний, и спросил:

— Это тоже рабыни?

— Ну что вы, нет! — ответил он, глядя на них с гордостью. — Это чистокровные немецкие девушки. У Графа довольно много рабынь, но мне бы не хотелось с ними возиться. У правильно воспитанных немецких детей дисциплина входит в плоть и кровь. Если какая-нибудь из девушек нарушает правила, другие тотчас

доносят об этом. *Selbstzeugtigung!** Но обычно преступница предвосхищает события и сама сообщает о своем проступке и даже предлагает соответствующую меру наказания. — Его взгляд заскользил по стройным формам двух молоденьких горничных, и в сго благодушном тоне прозвучало что-то, напоминающее причмокивание:

— И они знают, хорошо знают, что лучше самой предложить очень мягкое наказание, слишком мягкое!

Чем дольше я жил в этом до блеска отполированном стерильном мире, в этой атмосфере вышколенного рабства, тем сильнее притягивал меня к себе образ ночного охотника с его экстравагантными причудами. Время от времени я слышал его рог, трубящий в ночном лесу, и, как и раньше, этот звук волновал и смутно тревожил меня; но до сих пор я не сумел увидеть его или кого-нибудь из его спутников. Гуляя каждый день вокруг здания больницы в сопровождении одной из двух сиделок, я понял, что Шлосс, как они называли его, то есть Замок, находился неподалеку, к северу, и его отделяла от нас лесная полоса. Но так как меня никогда не отпускали гулять одного, без сопровождения немого раба, который всегда находился где-то поблизости, я ни разу не попытался пробраться через этот лесной массив. Доктор предупредил меня, что случится с девушкой, если она потеряет меня из виду.

Единственное, что я мог сделать в подобных обстоятельствах, это заявить фон Айхбрюнну, что такой малой физической активности мне явно не хватало. Он опроверг мои доводы, сказав, что даже ему самому этого было вполне достаточно. Но жить у леса и не иметь возможности зайти в него было так мучительно, что я настаивал на своем до тех пор, пока однажды, выслушав меня с нетерпением и досадой, он наконец не уступил.

— Вижу я, — сказал он, — что если не удовлетворю ваше любопытство, вы сделаете какую-нибудь глупость, например, попытаетесь бежать. Полагаю, что в голове у вас вертится некая англо-саксонская романтически-авантюрная чушь, не правда ли? А если это так, то я не могу рассчитывать на то, что ваши старомодные рыцарские чувства по отношению к моим *maedels*** или же забота о вашей собственной шкуре смогут вас удержать. Ну что ж, если ничто не удовлетворит вас, кроме лицезрения Ханса фон Хакельберга, лучше будет, если я сам отведу вас в Замок. Для вас, мой друг, будет лучше, — произнес он со значением, выделяя каждое слово, — будет лучше, если вы увидите его, чем если он увидит вас.

* Самодоносительство (нем.). — Прим. перев.

** От лат. *medela* — целебное средство, лечение.

Я помню, произнося последние слова, он разлил вино (это было красное «абордо»), и мне показалось, он сделал это нарочно. Может быть, это было возлияние, молитва богам, которая должна была встать между ним и злой силой; это мог быть и риторический прием, силу воздействия которого я не мог переоценить, пока вглядывался в красную лужицу, сверкавшую на гладкой поверхности дерева. Одна из горничных быстро промокнула ее салфеткой, а он отодвинул стул от стола и неловко засмеялся.

— Хорошо, — сказал он после паузы уже более легким и дружелюбным тоном. — Я это вам устрою. Да, вот что я вам скажу. Послезавтра Граф принимает у себя гауляйтера Гаскони и его друзей. Они прогуляются по лесу и немного постреляют. Все утро Замок будет пуст. Да, я смогу показать вам Замок, а может быть, и какие-нибудь графские забавы. Вы больше нигде не увидите таких развлечений, как те, что Граф приберегает для своих гостей. А потом, может быть, позднее — но имейте в виду, я вам этого не обещаю — я разрешу вам взглянуть и на самого Ханса фон Хакельнберга.

ГЛАВА VI

Фон Айхбрюнн сдержал слово. Прошел день, и рано утром меня разбудили, но не успел я надеть присланный им костюм для леса, как услышал, что он зовет меня с веранды. Было чудесное свежее утро, лесные запахи пьянили своей сладостью. Ночью я не слышал звуков рога, ничто не нарушало мой покой, даже сновидения, и сейчас громкое пение какой-то птицы, шелест пробуждающегося леса, свет, играющий на листвах и стволах деревьев, и поросшие высокой травой поляны радовали мне сердце.

Для прогулки по лесу Доктор надел пару облегающих темно-зеленых брюк, украшенных широкой золотой тесьмой, замшевые полуботинки и короткую куртку из оленьей кожи с богатой отделкой из золота. На голове у него была зеленая кепка из бархата с пером цапли, а к поясу пристегнут длинный кортик или, возможно, охотничий меч с рукояткой из слоновой кости. Костюм, который он одолжил мне, был в том же стиле, только проще и скромнее.

Он повел меня по узкой тропинке, круто заворачивающей в лес от здания больницы, и я заметил, что он приказал двум рабам-славянам следовать за нами.

Мы прошли не больше четверти мили, когда вдали показались постройки Замка. Мне трудно описать это место, потому что я

никогда не имел возможности взглянуть на него издалека и составить общее впечатление. По сути дела увидеть его целиком было бы и невозможно, потому что лес не просто подходил вплотную к его стенам, но и рос в его внутренних дворах и проходах между домами, а кое-где даже нависал над Замком, прикрывая его, как шатер. Увиденное мной мало походило на Замок, который рисовался мне в моем воображении. Постройки были низкими, деревянными или наполовину деревянными и такой неправильной формы, как будто перед архитекторами стояла задача сохранить все деревья до единого и подогнать свои проекты под очертания полян и всех открытых безлесных участков земли. В некоторых местах огромные буки и дубы составляли своего рода остов здания, а башенки и маленькие комнаты по замыслу строителей располагались как гнезда среди их раскинувшихся ветвей.

Во всем этом было что-то странное, вызывающее интерес, таинственное. И объяснялось вовсе не тем, что кругом не было ни души — к этому я был готов. Думаю, именно строгое изящество госпиталя заставило меня ожидать чего-то аналогичного от Замка, но вопреки этому я столкнулся со средневековой изменчивостью, причудливостью, непонятностью и искривленными линиями и пропорциями. Казалось, что эти низкие, выстроенные без всякого плана и логики здания с их фронтонами и мансардами, выступами и углами, окнами странной формы и расположенными в нишах дверями сами собой выросли в корчах на ветвях лесных деревьев, потому что, подобно диким зверям, прятались в тени рощ. Это были лесные жилища в полном смысле слова; их балки и доски, побелка и штукатурка, серые камни фундамента и ступени были сродни этой земле. Они были столь же лесными по духу, как и типи* ирокезов или хижина живущего в лесной глухи отшельника; и тем не менее их нельзя было назвать грубыми. В их конструкции чувствовалась искусность; в самой их неправильности, их, если так можно выражаться, бегстве от привычных пропорций и плоскостей присутствовало мастерство готической эпохи. Мы вступили в лабиринт, состоящий из дворов и узких проходов, мощенных булыжником и поросших мхом, прошли на цыпочках по выложенным дубовыми панелями галереям, и вдруг мне пришла в голову странная мысль, что мы крадемся по брошенному людьми и забытому Богом маленькому средневековому немецкому городку, заросшему лесом, над которым, видно, по воле чуда, оказалось бессильно время, не сумевшее разрушить его.

* Типи — жилище североамериканских индейцев, шалаш конической формы, покрытый бизоньими или оленьими шкурами (прим. перев.).

Фон Айхбрюнн говорил мало, оставляя без ответа некоторые мои вопросы, давая тихим голосом лишь самые необходимые и лаконичные объяснения, когда показывал мне жилые помещения и спальни, кухни, поварни и конюшни. Мне бы хотелось задержаться ненадолго и рассмотреть получше гончих и лошадей, экипажи в каретном сарае и пирамиды старинных охотничьих ружей, и снаряжения на галереях, но он торопил меня, нервничая и явно стремясь, как мне почудилось, вновь оказаться под открытым небом (или сравнительно открытым, если говорить о лесе). Поэтому я успел понять лишь то, что Главный Лесничий Рейха держал у себя самых разных псов: свору черно-белых гончих французской породы Святого Хьюберта, несколько ищеек и огромных гончих, с которыми ходят на кабана — короткошерстных, пятнистых, невероятно сильных и свирепых, как тигры, с диким ворчанием бросавшихся на прутья решетки, когда мы проходили мимо них. Я никогда раньше не встречал такой злобы и агрессивности даже у полицейских овчарок, с которыми ходили охранники в лагере. Доктор торопился поскорее пройти мимо клеток, стараясь держаться как можно дальше от клыков и тусклых свирепых глаз.

Ярость, которую мы навлекли на себя, казалось, так сильно подействовала на Доктора, что он заблудился. Мы вышли из-за будок с гончими в маленький дворик, затененный огромными нависавшими над ним деревьями, из которого можно было пройти в несколько полутемных галерей. Фон Айхбрюнн огляделся по сторонам, не зная, в какую из них войти, потом сделал знак приблизиться одному из рабов, следовавших за нами. Но прежде чем тот мог ответить, какой-то голос позвал его с одной из галерей. Фон Айхбрюнн вздрогнул, потом с неуверенной улыбкой на лице нырнул в одну из галерей, потащив меня за собой. И почти сразу же оказался в длинной, светлой комнате, одно из окон которой выходило во двор, где мы только что были, а в другие окна, расположенные высоко под потолком, было видно голубое небо в просветах между верхушками деревьев.

Позвавший нас оказался молодым человеком, одетым почти так же, как Доктор. Но, в отличие от Доктора, он снял свою короткую кожаную куртку и остался в одной рубашке. Наблюдая за ним из-за спины Доктора, я подумал, что это великолепный образчик того, каким мы всегда представляли себе типичного молодого нациста: он был не очень тяжелого телосложения, но при этом в его фигуре и позе было что-то от боксера или борца; ресницы и волосы у него были такие светлые, что он вполне мог бы сойти за альбиноса, если бы не серые глаза; лицо его до того, как он узнал фон Айхбрюнна, представляло собой преувеличенно-надменную маску холодной власти, но когда он коротко ответил на приветствие Док-

тора, оказалось просто эгоистичным и насмешливым, и лишь в глазах его и складках вокруг рта таилась беззаботно-легко-мысленная жестокость.

Они говорили по-немецки, и Доктор явно пытался объяснить что-то по моему поводу. Я чувствовал на себе взгляд молодого человека и, изо всех сил стараясь не встретиться с ним глазами, осматривал комнату.

Оказалось, что это комната егеря, в которой хранилось самое разное охотничье снаряжение, и похоже было, что оно в хорошем состоянии, за ним следят и постоянно им пользуются. Даже копья для охоты на кабанов, стоящие в пирамидах у стены, были начищены до блеска и вполне годились для охоты: странная особенность этого места состояла в том, что большая часть этого снаряжения никак не вписывалась в хронологию фон Айхбрюнна. Почему здесь были арбалеты, сиявшие своими металлическими деталями, с новой крепкой тетивой, пики, копья и короткие мечи, а в дальнем углу комнаты на деревянных подставках стояли, как я понял, настоящие доспехи, хотя и сделанные скорее из плотной кожи или другого материала, очень похожего на нее, чем из стали? Граф фон Хакелнберг был в моих глазах большим любителем старины, и в особенности средних веков. Была сделана лишь одна уступка современности — я имею в виду пирамиду коротких одностольальных ружей очень большого калибра, значительно превышавшего все известные мне калибры ружей, используемых для охоты на дичь, и еще я увидел штабеля металлических коробок, в которых, как я догадался, находились патроны. Кроме перечисленного, было здесь и снаряжение, которое очень мало меняется со временем — собачьи поводки, смычки, ошейники и кнуты.

В комнате было так много всего, но я успел рассмотреть лишь то, что бросалось в глаза; однако я заметил, что хотя в ней не было охотничьих трофеев, вроде оленевых рогов или голов, лисьих морд и т. д., что было бы вполне уместно, здесь имелось довольно много шкур или кусков шкур, причем все они были одного типа и висели на стене в дальнем конце комнаты рядом со странными доспехами. Они не были выставлены как трофеи, а просто висели на крючках. Я видел свисающие хвосты, и мне пришло в голову, что это могли быть шкуры леопардов, а может быть и пятнистых кошек. Казалось довольно правдоподобным, что дикие кошки вполне могут быть распространены в огромных лесах вокруг Хакелнберга.

И еще одна важная подробность не укрылась от моего взгляда: светловолосый юноша-егерь, стоявший у длинного и широкого стола посредине комнаты, что-то делал с какими-то диковинными приспособлениями, лежавшими среди всякой всячины, разбросанной на столе. Он отложил в сторону предмет, над которым работал,

чтобы подойти ближе к Доктору: это была маленькая деталь какого-то металлического инструмента, которую он затачивал напильником. Незаметно подойдя поближе, я увидел, что это очень странное сочленение стальных крючков, напоминавших по форме пальцы человеческой руки, размером примерно с мою руку или чуть меньше. Собственно, это была своего рода стальная рукавица без манжеты. На столе лежало несколько таких штуковин, одна-две из них были снабжены ремешками и завязками. Думаю, еще минута-другая и я подошел бы достаточно близко, чтобы взять ее в руки и разглядеть как следует, но Доктор за руку вывел меня из комнаты.

Кажется, он усыпал подозрения молодого егеря, потому что тот вышел из комнаты вместе с нами, добродушно болтая с фон Айхбрюнном, хотя и ни разу не заговорил со мной. Ну, конечно, он не знал никаких других языков, кроме немецкого, и хотя я, как ты знаешь, могу, запинаясь, объясняться по-немецки и понимаю, когда говорят достаточно медленно, я никогда не позволил фон Айхбрюнну догадаться об этом.

Егерь вывел нас из маленького дворика на открытое пространство, напоминавшее парковую зону, где деревья стояли на большом расстоянии друг от друга. И там я увидел огромное здание, превышавшее размерами все увиденное здесь раньше. Несмотря на то что оно пряталось за деревьями, я смог разглядеть это величественное каменное здание в готическом стиле, с остроконечной, уходящей ввысь крышей, украшенное башенками и сложным орнаментом, являющее собой причудливую копию рейнской ратуши шестнадцатого века.

Мне бы, конечно, хотелось подойти поближе и рассмотреть его, но фон Айхбрюнн снова увел меня — то, что собирался показать нам егерь, находилось совсем в другой стороне. Он вел нас узкими тропинками между живыми изгородями из подстриженных лесных деревьев, отделявшими друг от друга загоны для животных — я думаю, что это была ферма по разведению дичи, потому что за оградами я видел много ручных косуль, ланей и оленей, и все это были самки с потомством, насколько я понимаю. По его зову они выбегали из-за деревьев и кустов и ели у него из рук, а он похлопывал их по бокам и по спине, как фермер, решающий, достаточно ли жирна свинья. На столе у Графа никогда не переводится оленина, подумал я. Я не смог выяснить, как велика была эта ферма, но весьма вероятно, что там находились и другие, скрытые от глаз высокими изгородями загончики, в которых содержались менее кроткие существа, чем олени: был момент, когда мы гладили носы молодых ланей, и вдруг невдалеке от нас раздалось какое-то странное подвывивание. Лани испуганно отпрянули и бросились в укрытие, егерь засмеялся, а фон Айхбрюнн, казалось, нервничал почти так же, как тогда на

псарне, когда проходил мимо собак, с которыми охотятся на кабанов, и на секунду мне показалось, что ему тоже хочется убежать в укрытие, как ланям. Это был странный, не из приятных звук: я назвал его подыванием, но он скорее напоминал подавленный вопль, в котором слышались бормотание и резкие ноты восторга и нетерпения, звучавшие почти по-человечески; но все вместе взятое рождало ощущение исступленности и безумия. Я никогда не слышал, чтобы так выла собака, и тем не менее был глубоко уверен, что раньше или слышал этот звук, или же когда-то он наводил меня на мысль о собаках. И только спустя несколько минут после того как вой прекратился, я вспомнил, где я его слышал (или думал, что слышу) раньше. Это были именно те звуки, которые улавливал мой слух сквозь шум леса в ту ночь, когда я, стоя у окна, прислушивался к трубящему рогу Ханса фон Хакелинберга. Я и тогда представил себе, что это воют и подскуливают собаки, но, поразмыслив, решил, что это ветер. Разумеется, это были не собаки и не ветер.

Я не рискнул задать вопрос до тех пор, пока егерь не вывел нас с фермы и не показал нам узкую лесную дорогу, по которой Доктор, чувствуя явное облегчение от того, что вновь остался со мной наедине, пустился быстрым шагом в гору. Потом в ответ на мой вопрос, не собираемся ли мы взглянуть на Холл, он проронил короткое: «*Nein*» — и больше не вдавался в объяснения до тех пор, пока мы не поднялись на вершину.

Он прислонился спиной к сосне и вытер лоб: день был очень теплый, а он не привык к такого рода гонкам.

— Нет, — сказал он желчно. — На сегодня достаточно. Хватит с меня Замка — на пустой-то желудок. Этот егерь, Фрэнк, говорит, что гости гауляйтера собираются отобедать в павильоне Кранихфельс — идти туда примерно час. Обед будет потрясающий. По общим отзывам, эта публика обжористая, пузатая и я буду не я, если не получу свою долю, прежде чем они вернутся с охоты. А потом я собираюсь убраться из этой *verfluchte** жары и соснуть.

— А я думал, вы хотите показать мне Замок, — напомнил я.

— Ja, конечно, вы так думали, — ответил он, а потом, уже меннее раздражительным тоном, слегка поостыv, добавил: — Если вы обещаете не убежать сегодня вечером, возможно, я проведу вас тайком в Холл ближе к ночи. Но имейте в виду — за последствия я не отвечаю! — оборвал он.

* Проклятой (нем.).

Думаю, что к тому моменту я уже хорошо изучил характер Доктора и относился к нему, как к ребенку, а потому спокойно ответил, что предполагал, что он позаботится о том, чтобы уберечь самого себя от нежелательных последствий; что же касается меня, то я готов рискнуть. Сойдясь на этом, мы продолжили наш путь.

Спустя какое-то время он снова заговорил со мной в обычной для него легкомысленно-самодовольной манере, но теперь я не смог удержаться от соблазна опровергнуть его, заметив, что-не-смотря на его презрение к простым охотникам и их помощникам, он должен был согласиться с тем, что у них были кое-какие навыки и умения, не говоря уже о выдержке, которых ему, Доктору, не хватало, раз им удавалось справляться с такими псами, каких мы только что видели.

Я не ожидал, что мои слова произведут на него такое впечатление. Он отпрянул от меня, тяжело вздохнул и сказал что-то по-немецки, прозвучавшее как проклятье тому дню, когда он взялся за эту работу; а потом, очень трезво и рассудительно, произнес:

— Собаки, конечно, довольно-таки страшны, но упаси меня Господь от кошек!

Я с удивлением услышал в его голосе настоящий страх.

— Вы имеете в виду тех, чей визг мы слышали, когда нам показывали оленей? — спросил я. Но он был оскорблен и сердился на меня за то, что я уличил его в малодушии и волнении, и продолжал путь в мрачном молчании.

Эти несколько миль, пройденных с Доктором, оказались безумно интересными. Живности вокруг было немного: разве что одна-две рыжих белки и очень мало птиц, но я очень хотел запомнить рельеф местности, дорогу, по которой мы шли, запечатлеть в своем мозгу каждую маленькую тропинку, сворачивающую в сторону, каждое бросающееся в глаза дерево или камень. Мы пересекли пару маленьких ручейков, и из каждого Доктор напился, а потом вновь начали подниматься по длинному и очень пологому склону, пока не достигли хребта, густо поросшего кустами. И там я неожиданно услышал собачий лай — совсем близко от нас. Фон Айхбрюнн, казалось, не замечал его, но спустя минуту вздрогнул и выругался, когда из засады в кустах бесшумно вышел человек и загородил собой проход. Это был лесник, одетый во все зеленое, с легким луком в руках, совсем еще юноша и довольно симпатичный. Он что-то коротко сказал фон Айхбрюнну, а потом, когда Доктор проворчал что-то брюзгило в ответ, воззрился на него, не скрывая веселья. Я почти догадался, в чем было дело, и моя догадка подтвердилась, когда Доктор, вовсе не желающий оставаться без обеда, снова обратился к молодому леснику с вопросом. Я понял, что мы пришли слишком поздно. Ясно,

что они уже начали гнать дичь, и если бы мы продолжили свой путь, то могли оказаться между охотниками и оленем. Понятно, что лесника поставили здесь для того, чтобы повернуть назад любую дичь в случае, если она оторвется от преследователей и будет двигаться по нашей тропинке.

Собака залаяла снова, лесник наклонил голову и прислушался, потом где-то неподалеку от нас, слева, раздался ружейный выстрел. Лесник продолжал прислушиваться, а потом ухмыльнулся. Он поднял свой лук, как бы целясь в воображаемого оленя, и сожалением покачал головой. «Если бы этот парень промахнулся, — казалось, говорил его взгляд, — я бы достал этого оленя».

Потом он резко повернулся к фон Айхбрюнну и, как мне показалось, спросил его, почему бы ему не пойти к стрельбищному валу и не подождать там, коль скоро охота и так близится к концу. Фон Айхбрюнн отрицательно покачал головой, но юнец засмеялся и, вставив палец в рот, столь правдиво изобразил, как вылетает пробка из бутылки шампанского, что Доктор тут же передумал и позволил увести себя куда-то сквозь кустарник без шума и возражений.

Лесник повел нас по своего рода туннелю, проложенному сквозь густой подлесок, вниз по дальнему склону кряжа. Ничего невозможного было разглядеть далее одного-двух ярдов, а кусты по обе стороны от туннеля были так густы и их ветви переплелись так плотно, что, пожалуй, лишь хорек смог бы прорваться сквозь них. Мне пришло в голову, что потому и выбрали это место, чтобы загнанной дичи волей-неволей пришлось бы следовать знакомыми тропами туда, где ее уже ждали нацеленные ружья. Когда мы пришли на то место, где сидели в засаде охотники, я убедился в собственной правоте. Это был такой стрельбищный вал, который вряд ли когда-нибудь придумали бы в охотничих заповедниках Англии. Маленькая рощица, из центра которой старательно вычистили подлесок и оставили лишь молодые деревца, была окружена земляным валом высотой по грудь стреляющего, покрытым травой и засаженным поверху низкими кустами. Его передняя сторона представляла собой своего рода равелин, а щели в заслоне из кустов были расположены таким образом, что выстрел из ружья с любой позиции убивал бы дичь в любой части поляны. Собственно говоря, это была не поляна, а скорее дорога, аллея для верховой езды, так как ее противоположная сторона представляла собой густую живую изгородь из кустов, которая на первый взгляд выглядела вполне естественно, но на самом деле, вне всякого сомнения, состояла из густо переплетенных ветвей, искусно выложенных слоями, которые должны были помешать дичи уйти в сторону и заставить ее промчаться прямо мимо стрельбищного вала на расстоянии ружейного выстрела. Мы находились в долине, а аллея заканчивалась там, где долина

круто уходила вверх, и высокие серые скалы, обрамлявшие долину, замыкались в кольцо, так что оставался лишь узкий проход между утесами. Было ясно, что дичь, гонимую по этой или другой аллее, сумевшую уйти от пуль охотников, остановят сомкнувшиеся скалы и либо толкнут ее назад, под выстрелы, либо же егеря, поставленные в верхней части долины, все равно пристрелят ее. Большая часть треугольника, образованного скалами, была перед нами, как на ладони, — деревьев там было немного и они не заслоняли обзора. С той же стороны, откуда появлялась дичь, аллея достигала еще ярдов ста, так что оленя можно было увидеть заранее и выстрелить без спешки, спокойно, когда он подойдет достаточно близко.

Не хватало только ручного оленя — и самому плохому стрелку была обеспечена удачная охота. А взглянув на восседавшего в засаде главного «охотника», я понял, что вот именно таким гостям и придется угождать Рейх-Мастеру Лесничему.

Это был маленького роста чудовищно жирный человек в новых кожаных шортах, фасонных подтяжках, белых носках и вышитой рубашке. У него была квадратная, почти лысая голова, толстые щеки и двойной подбородок; толстый наплыv жира на загривке нависал над воротником рубашки, и корма у него была, как у баржи. Трудно было представить себе более нелепого соседа рядом с тремя-четырьмя молодыми лесниками, сидевшими с ним в засаде, — такими подтянутыми и аккуратными они были, в зеленой с золотом одежде, не только богатой, но и вполне пригодной для охоты. Его пухлые бледные конечности так разительно отличались от загорелых крепких рук лесников, что делали его представителем другого биологического вида.

Он повернул голову в нашу сторону, когда мы приблизились к засаде с тыла, и посмотрел на нас, моргая, сквозь очки без оправы ничего не выражавшим взглядом, а потом возобновил наблюдение за просекой. Он сидел у просвета между кустами на складном стульчике, которого почти не было видно под складками его кожаных шорт, а рядом, у покрытого дерном вала, стояли два-три ружья, и одно из них было очень большого калибра, вроде того, что я видел в Замке. У следующей естественной бойницы стоял лесник с арбалетом и внимательно следил то за просекой, то за гостем.

Фон Айхбрюнн и я отступили в глубь засады, где его шепотом приветствовали другие лесники. И там, на широкой лежанке из дерна, окруженный бутылями и флягами, несущими успокоение и усаду, среди вместительных контейнеров для льда, под покровом зеленых листьев и расположился Доктор, а я мог на досуге наблюдать за происходящим.

Гость уже успел поохотиться: на березовом суку висела туша самца лани, только что освежеванная. Тренировки и упражнений было, совершенно очевидно, больше, чем убитой дичи: я видел

три или четыре пустых гильзы, валявшихся рядом на земле. Его товарищи где-то неподалеку получали свою толику удовольствий — мы слышали короткий собачий лай и выстрелы на разном расстоянии от нас за большой рощей, скрывавшей из виду долину.

Наш толстяк, кажется, начинал скучать. Он достал портсигар и собирался закурить, когда главный лесничий подал ему знак. Заряжающий протянул ему ружье и очень вежливо указал нужное направление. Стоявший рядом со мной юноша подтолкнул меня локтем и показал, откуда можно было хорошо разглядеть всю просеку. Пара гончих подавала голос, гоня жертву в нашем направлении; потом появился олень-самец и легко и свободно помчался по долине. Он остановился ярдах в пятидесяти от засады, что-то подозревая, но, понюхав воздух и встряхнув головой, опять перешел на рысь и промчался в двадцати ярдах от нашего земляного укрепления. Нельзя было сказать, что его давно гонят, и мне он казался совершенно ручным — таким доверчивым, что если бы я стрелял, то инстинктивно опустил бы ружье. Однако наш гость палил без передышки. Олень исчез из моего поля зрения, и я не знал, были ли удачными те три-четыре выстрела, которые сделал наш стрелок, но в тот момент, когда молодые лесники выскочили из засады, я увидел, как старший лесничий зашел за дерево и тайком перезарядил свой арбалет. Потом он торжественно поздравил гостя, и пока молодые парни заносили убитого оленя, он шагнул навстречу фон Айхбрюнну, чтобы перекинуться с ним словцом.

— Это последний, — услышал я. — Теперь у нас остались только птицы, а потом посмотрим, что нам приготовили поесть.

Пока тушу оленя потрошили и подвешивали, двое парней занялись приготовлением напитков со льдом и сэндвичей для гостя, который, утомившись от сидения на крохотном складном стульчике, с удовольствием возлег на прохладной мягкой скамье из дерна в задней части нашего полигона. Лесники листили ему без зазрения совести, и хотя он отвечал им с преувеличенною сердечностью и радушием, было ясно, что не так уж много удовольствия он получил сегодня утром. Однако гость немножко приободрился и проявил большую заинтересованность, когда старший лесник показал ему странное ружье огромного калибра и стал объяснять, в чем состояла следующая часть программы. Я не мог разобрать, что именно он говорил, потому что отошел в сторону, чтобы не привлекать к себе внимания гостя, и к тому же меня куда больше заинтриговали новые лица, появившиеся на нашем стрельбище.

Они вышли незаметно из-за кустов у нас за спинами и устроились на верху нашего земляного укрепления, скрытые от глаз зеленою густой ширмой, но так, что можно было наблюдать за просекой сквозь просветы между ветвями. Их было трое: молодой лесничий

с небольшим кнутом в руках, держащий на привязи двух существ, которых я принял сперва за обезьян-бабуинов, потому что мог разглядеть только их головы и грудь. Но когда он позволил им встать и распрямиться, я понял, что это мальчики, а не обезьяны. На их головах были маски, как две капли воды напоминающие собакоголовых бабуинов, обитающих где-то там в Абиссинии и других странах; из приоткрытого рта раздавалось вполне взаимодействующее рычание, видны были огромные зубы. Плечи, спина и грудь были покрыты серой, а местами золотисто-коричневой шелковистой шерстью, доходившей почти до талии; ниже талии они были абсолютно голыми, если не считать узкого ремня вокруг тела, при помощи которого их и держал на привязи лесник. Их обнаженные тела были темно-коричневыми, но был ли то загар или природный цвет, я сказать не мог.

Их заметил наш толстый охотник и удивленно захрюкал. Лесник спрыгнул вместе с ними с вала и, спустив с привязи, несколькими ударами кнута заставил носиться по стрельбищу, прыгая и дурачась. Они скакали и веселились то на всех четырех, то стоя прямо, и к большой радости гостя подражали настоящим бабуинам в весьма неделикатных жестах, усовершенствовав их проделки с изобретательностью и мастерством, которые не оставляли сомнения в их принадлежности к человеческому роду. Гость гоготал и трясясь от смеха и удовольствия, пока главный лесник не объявил готовность, а их дрессировщик приказал им приблизиться, что они и выполнили немедленно, встав на четвереньки и задрав морды. После этого он передал им густую крепкую сеть, которую они быстро набросили себе на плечи.

Не успели они это сделать, как из долины донесся звук охотничьего рога. Лесник-дрессировщик со своими бабуинами вернулся на позицию на земляном валу, гостя отвели на его место в передней части стрельбища, а я снова пробрался к бойнице, через которую была хорошо видна вся просека.

Какое-то время было тихо, а потом я услышал собачий лай, на этот раз более громкий и сильный и звучавший немного по-другому. Потом снова недолгая тишина, а затем последовал выстрел, но какой-то негромкий.

Рядом со мной стоял молодой лесник.

— Da schiesst der Gauleiter los*, — пробормотал он.

Я посмотрел наверх, не зная, на каких птиц они собирались охотиться, но ожидая увидеть какую-нибудь крупную дичь, вроде глухарей. Раздались еще один или два слабых выстрела, и внезапно собаки залаяли где-то совсем рядом. Они гнали зверя по нашей

* Там стреляет гауляйтер (*нем.*).

аллею, и теперь я узнавал голоса тех псов, тех свирепых тварей, которые в ярости кидались на ограду питомника, когда мы на них смотрели. Я все еще разглядывал верхушки деревьев и прислушивался к шелесту крыльев, когда лесник подтолкнул меня локтем и указал на какой-то силуэт, движущийся по просеке.

Это был силуэт человека, одетого во что-то фантастическое. Человек бежал из последних сил по густой траве, приближаясь к нам, а невидимые собаки гнались за ним по пятам с твердым намерением разорвать его тело на части. Я не мог отвести взгляд от бегуна или, точнее, от бегуньи: это была высокая длинноногая девушка; ее лицо скрывала великолепная маска с острым клювом, которая, однако, не прятала ее темных струящихся волос. Наблюдать за тем, как она бежит по просеке, было столь же поразительно, как и увидеть птицеголовую богиню Древнего Египта, сбрасывающую с себя свою каменную неподвижность и бросающуюся в паническое бегство. Горжетка из блестящих золотистых и алых перьев покрывала ее грудь; к рукам были прикреплены крылья каштанового и переливчато-зеленого цвета, а с талии спускались длинные, загибающиеся кверху коричневые и золотые хвостовые перья. Вся ее одежда состояла из этих украшений и желтых туфель на ногах.

В ней не было ни грамма той прирученности, что сквозила в движениях оленя; она была перепугана до смерти и бежала со скоростью, которая сделала бы честь и мне самому в те дни, когда я упражнялся ежедневно. Я увидел отчаяние в том усилии, которое она совершила, промчавшись мимо нашего стрельбища, и понял, что на такой скорости она не продержится и ста ярдов. Я потерял ее из виду, и в этот самый момент услышал, как выстрелил наш охотник.

Охваченный ужасом, я был готов вспрыгнуть на вершину земляного вала, но лесник, уже забравшийся достаточно высоко, чтобы разглядеть скрытую от моих глаз часть аллеи, воскликнул негромко:

— Промахнулся! А вот и вторая «птичка»!

Я оглянулся и увидел другую «птичку», в белых перьях, с высоким золотистым хохолком и коротким, задранным кверху веерообразным хвостом. Она была полнее, чем первая, и бежала не так быстро, в ее движениях начинала сквозить усталость, но она сделала еще один рывок, когда услышала за спиной новый шквал собачьего лая, и пробежала очень близко от нашей засады.

В тот момент, когда охотник выстрелил, я приподнялся и увидел, как нечто, напоминавшее собой паутину из тончайших блестевших на солнце желтоватых волокон, — это было похоже на хвост кометы, — пронеслось в воздухе по направлению к беглянке. Девушка подпрыгнула и закричала; паутина как бы раскрылась, разворачиваясь, как будто ее несли за собой десятки маленьких снарядов,

расположенных по кромке: так разворачивается большая рыболовная сеть во время забрасывания под действием свинцовых грузил, пришитых по ее краю. «Птица» завертелась на месте, похлопывая себя по обнаженным частям тела, как будто ужаленная, и при этом ее руки опутали тонкие волоконца; она зашаталась, делая последнее усилие спастись, и было видно, какую жгучую боль причиняют ей «укусы» маленьких снарядов. Она пробежала вперед еще несколько ярдов с огромным трудом, потому что волокна, тонкие, но очень крепкие, облепили ее тело, связав по рукам и ногам.

Наш главный лесничий победно затрубил в свой маленький серебряный рожок, и дрессировщик спустил с привязи мальчиков-бабуинов. С громким визгом они выпрыгнули из засады и помчались к тщетно пытавшейся освободиться от липкой сети девушке. Увидев их, она сделала последнее отчаянное усилие и сумела разорвать путы на ногах, но через несколько ярдов обезьяны настигли ее. Они швырнули ее наземь, набросили свою сеть, подавили сопротивление и крепко спеленали.

Гостю помогли выбраться из стрельбища, и лесники готовились преследовать первую «птицу», которую можно было разглядеть вдали среди редких деревьев: ее алые и золотые перья ярко выделялись на фоне зелени. Лесник-дрессировщик подозвал своих бабуинов, собираясь начать преследование, а другой вручил гостю его ружье, но наш охотник не проявил никакого энтузиазма: его телосложение не позволяло ему гоняться за беглянкой, какой бы усталой и изможденной она ни была. Он осмотрел свою добычу, корчившуюся под сетью, сладострастно захихикал и запыхтел, вскидывая с необыкновенным смаком: «Fabelhaft! Marchenhaft!»*, и все же было совершенно очевидно, что сейчас его интересует только завтрак и ничто другое. Без сомнения, фон Айхбрюнн был с ним солидарен.

Таким образом, только лесник-дрессировщик в паре с другим лесником отправились в погоню за беглянкой, весело подгоняя мальчиков-бабуинов. Из зарослей вызвали группу рабов, чтобы нести убитого оленя и спеленутую сетью девушку-«птицу», привязав их к шестам, и все мы толпой поспешили к павильону Кранихфельс.

Моя надежда увидеть за завтраком Графа фон Хакелнберга не оправдалась. Я не сумел поглядеть и на гауляйтера Гаскони и его свиту, потому что фон Айхбрюнн увел меня в тихий уголок сада рядом с павильоном, где завтракали низшие чины, в то время как сильные мира сего шумно вкушали свою трапезу в самом павильоне.

* Замечательно! Сказочно! (нем.).

Молодые парни поглядывали на меня с любопытством, но не пытались заговорить со мной; по их редким негромким репликам я понял, что Граф доверил проведение утренней охоты своему заместителю. С утра он показал гостям, никогда ранее не бывавшим в Хакелнберге, своих бизонов и лосей, а потом оставил их развлекаться той игрой, свидетелем которой был и я. Граф, как мне казалось, слишком ревниво относился к своей дичи — и к зверям, и к людям, — чтобы хладнокровно наблюдать за тем, как ее будут бить посторонние. Что же касается таких аттракционов, как охота на «птиц», то у Графа был огромный запас рабынь из славянских земель и Средиземноморья, позволявший бесконечно разнообразить те аттракционы, которыми развлекали Сатрапов Рейха, но самую отборную дичь и самые хитроумные изобретения он приберегал для собственного удовольствия.

Я спросил у фон Айхбрюнна, что же сделают с живой добычей. Он ухмыльнулся:

— Их подадут сегодня вечером на ужин. Ну конечно, живехоньких, брыкающихся и лягающихся, не волнуйтесь! А какова эта жирненькая голубка, которую подстрелил сегодня наш коротышка! О, это будет зрелище, когда он будет с ней управляться...

Завтрак был весьма обильным и продолжительным. Молодые егеря получали истинное наслаждение от угощения, которое, как я догадывался, было лишь слабым подобием того пира, что шел внутри павильона. Фон Айхбрюнн пил шампанское и напился до такой степени, что его английский язык стал совершенно невнятным, и я не мог больше беседовать с ним; пришлось смириться с тем, что вторая половина дня уйдет впустую. Хотя мне хотелось бы употребить ее на дело — рассмотреть патрон, выбрасывавший тонкую паутину волокон, и то ружье, что стреляло этими патронами. Хотелось и поговорить с распорядителями охоты, и походить по площадке, где она проводилась. Но и то, и другое было совершенно невозможно.

Егеря и лесники ушли еще до того, как закончилась трапеза гауляйтера, но Доктор улегся в тени и пролежал там еще с полчаса, до тех пор пока к нему не подошел какой-то юноша и сказал, что в Замок отправляется коляска, и если мы захотим, то можем поехать в ней. Упрямый сплюну и сонный, фон Айхбрюнн настаивал на том, чтобы вернуться в госпиталь и отдохнуть во время сиесты, у меня же не было выбора, кроме как только подчиниться ему. По дороге он вынудил меня дать ему честное слово, что я никуда без него не пойду; поэтому когда он улегся, чтобы храпом изгнать из себя последствия неумеренности за завтраком, жары и непривычно большой физической нагрузки, я тоже лег в своей комнате и стал терпеливо дожидаться вечера.

Доктор зашел за мной, когда уже стемнело, и был раздражителен и сварлив, так что я из кожи вон лез, чтобы смягчить его, и

потакал ему во всем, боясь, что он передумает, прежде чем мы дойдем до Зала. Однако хотя он и жаловался на головную боль и нездоровье, тем не менее казалось, сама идея его весьма и весьма привлекает и, по сути дела, он переживал, что пропустит самое интересное из-за того, что спал слишком долго.

Когда мы вышли из лабиринта Замка и пересекли маленький парк, разбитый перед огромным зданием, то увидели высокие окна Зала, освещенные оранжевым светом. В темноте перед главным входом бродили какие-то люди, и фон Айхбрюнн, соблюдая осторожность, завел меня за угол здания, где за контрфорсом была узенькая дверца, за которой находилась винтовая лестница. Мы поднялись по ней не очень высоко, а потом протиснулись по страшно узкому проходу, едва освещенному слабым светом, проникавшим из Зала сквозь узкие щели. Этот проход привел нас в маленькую шестиугольную комнату, в одной из стен которой примерно на уровне груди находилось незастекленное круглое оконце, зарешеченное изящной каменной решеткой. Слегка подталкиваемый Доктором, я заглянул в оконце и обнаружил, что из него открывается прекрасный вид на огромный Зал, причем наше окно расположено в одном из его углов на высоте около тридцати футов от пола.

Электрического освещения не было, и тем не менее Зал был залит светом. На высоте примерно десяти футов от пола стены опоясывал каменный карниз, и на нем на равном расстоянии друг от друга стояло более сорока фигур, которые я сперва принял за совершенно одинаковые статуи из серебра, у каждой из них в руках был сверкающий жезл, на конце которого находился горевший ровным желтым пламенем факел. Однако, присмотревшись повнимательнее, я увидел, что статуи дышали и едва заметно шевелились: это были девушки, тела которых либо покрывала серебряная краска, либо они были одеты в костюм из такой гладкой, тонкой и облегающей ткани, что каждая из них была неотличима от сверкавшей обнаженной скульптурной фигуры. Свет факелов заливал зал; мягкие отблески света касались выступов резной балочной крыши, оставляя в темноте все сложности ее конструкции.

На двух длинных сторонах Зала карниз, на котором стояли факельщицы, образовывал поверхность антаблемента, поддерживающего рядом пилasters, а между каждыми двумя пиластрами находился неглубокий альков. По всей длине зала перед альковами пролегала широкая скамья или, точнее, каменный помост, укрытый толстым слоем бизоньих, медвежьих и оленевых шкур, в то время как в самих альковах поверх таких же шкур были разложены покрывала из мягких мехов — лисы, выдры и куницы. Между двумя этими возвышениями, довольно удаленными друг от друга, стоял огромный стол, за которым могло бы свободно разместиться около сотни человек. Компания гауляйтера с друзьями не превышала дюжины персон, с ними обедало еще человек двенадцать — четырнадцать офицеров Графа. Все они восседали на изрядном

расстоянии друг от друга за той частью стола, что была ближе к его главе; во главе же стола на огромном деревянном стуле, покрытом богатой резьбой, сидел сам Ханс фон Хакельберг.

Я ожидал увидеть человека необыкновенного, в лице и манерах которого соединились бы высокие достоинства старой восточноевропейской аристократии. Образ, рожденный моим воображением, совпадал с тем, что я увидел в действительности, лишь в одном — в буйстве, исступленности и необузданности. Но у человека, сидевшего во главе стола и возвышавшегося над ним, да по сути дела и над всем этим огромным Залом, был такой исступленный и безумный взгляд, оставлявший далеко позади все, что я когда-либо видел или мог вообразить. Он не принадлежал ни к моему веку, ни к столетию, в котором жил Доктор. Расстояние, отделявшее его от грубых и вульгарных, дерущих глотки нацистских политиков, сидевших с ним за столом, было больше, чем расстояние между ними и мной. Их звероподобный облик и поведение были порождением жестокости урбанизированной, механизированной цивилизации, в основе которой лежат стадные инстинкты, грязная низость и безжалостность тирании, покоящейся на мощи громкоговорителя и пулемета. Ханс фон Хакельберг принадлежал к тому веку, когда насилие и жестокость носили более личностный характер, когда право управлять другими людьми было неотъемлемым свойством собственной физической силы человека. Такая свирепость и дикость, как у него, принадлежала другим временам — временам зубров, диких быков того темного древнего германского леса, с которым город так и не сумел справиться, подчинить своей воле.

Он был намного выше и крупнее всех, кого ты когда-либо видел в своей жизни: это был великан, в сравнении с которым огромный трон, на котором он восседал, и громадный дубовый стол казались предметами нормального размера, а вся остальная компания выглядела просто детьми.

Его темно-рыжие волосы были коротко подстрижены, что делало его невероятных размеров череп и бычье чено еще более мощными и чудовищными. У него были длинные усы и раздвоенная рыжевато-коричневая борода, которая блестела в свете факелов, когда он мрачно качал головой и сердито поглядывал на своих гостей. На нем был зеленый камзол без рукавов с вышитой золотом портупеей, на шее — тяжелая золотая цепь, а выше локтя — золотое ожерелье древних кельтов, плотно охватывавшее бицепсы.

Он ничего не ел, лишь время от времени резким движением поднимал рог для вина, осушал его и возвращал на место с каким-то исполненным свирепости усилием, как будто рука его, поднявшись, с трудом удерживалась от того, чтобы по собственному усмотрению заняться разрушением — бить и уничтожать все, что попадется. Время от времени он отсекал от задней ноги, лежавшей перед ним на столе, изрядный кусок и швырял его пасм, жадными глазами провожавшим все его движения, и делал он это с такой силой и

с таким первобытно-свирепым блеском в глазах, что становилось ясно — ему хотелось швырнуть пыам саму голову гауляйтера. Иногда он откидывался назад и долго смотрел на потолочные балки, потом взгляд его медленно и мрачно скользил по телам факельщиц, стоявших у стен, как будто злобная гrimаса на его челе должна была обеспечить ему полное повиновение — и ни одна из них не дернула бы поникнуть или пошевельнуться. И я увидел, что глаза его были желтовато-коричневыми, а когда в них один-два раза попадал отблеск факельного пламени, они загорались красным, как пылающие угли, огнем.

Оказалось, что мы пришли поздно, и пир подходил к концу — во всяком случае жареным мясом гости успели наесться почти досыта. С немыслимой щедростью к столу было подано огромное количество мясных туш — говяжьих, бараньих и свиных, а также лесная дичь, и на столе в истинно средневековом духе царил страшный беспорядок: стол загромождали сальные подносы, оловянная посуда, серебряные блюда и тарелки. Молодые лесничие, одетые в богатое платье из шелка и парчи, обходили гостей, наполняя их деревянные кружки пивом, а большие пустотелые коровьи рога — вином.

Компания была буйная и уже на три четверти пьяная. Гости развалились за столом, горлани песни, причем одна группа старалась перекричать другую, и производили при этом больше шума и, пожалуй, хуже выводили мелодию (а слова было понять вообще невозможно), чем в два раза большее количество английских студентов на торжественном ужине в честь победителей соревнований по гребле. Они не успокоились и тогда, когда шесть высоких юношей-лесничих, одетых в восхитительные костюмы из зеленой ткани, украшенной золотом, взошли на невысокий помост за графским троном и, приложив к губам серебряные горны, начали выводить один за другим разнообразные охотничьи сигналы. Граф откинулся на спинку трона и слушал их игру, мрачно сдвинув брови, а в это время в Зале появилась группа рабов, которая быстро убрала со стола все, за исключением бокалов, кубков и кружек.

Когда все было сделано, горнисты остановились на несколько минут, а потом возобновили игру, но на этот раз это была быстрая, веселая мелодия — какая-то охотничья песня, которая казалась мне знакомой, скачущая галопом, возбуждающая музыка, перекрывшая пьяные крики гостей и заставившая их приплясывать в такт песне.

Неожиданно две широкие входные двери в конце Зала распахнулись и снова быстрым шагом вошли рабы, каждая четверка несла по огромному сверкающему металлическому блюду с куполообразной крышкой. Они разделились и подошли к столу с двух сторон, водрузив свою ношу на черную полированную поверхность стола таким образом, что вскоре перед каждым гостем оказалась чудо-

вищных размеров посудина, способная вместить овцу или даже оленя. После этого рабы вспрыгнули на стол и устроились по одному перед каждым блюдом, взявшихся за ручку крышки. А тем временем юноши обошли гостей, положив на стол рядом с каждым из них охотничий нож.

Граф Ханс фон Хакелнберг медленно встал; его офицеры вскочили и отступили на шаг от стола, а гости, с большей или меньшей степенью уверенности, последовали примеру хозяина и встали, покачиваясь из стороны в сторону и поглядывая с любопытством то на Графа, то на стоявшие перед ними блюда. Горнисты прокрутили одну звенящую ноту и смолкли.

— Господа! — закричал Граф голосом, подобным бычьему реву. — Приглашаю вас отведать той дичи, которую вы подстрелили!

Все рабы разом сняли крышки с блюд и подняли их высоко над головами, а затем гуськом стянулись к центру стола.

И тогда на блюде перед каждым гостем оказалась та «птица», которую он «убил» под конец утренней «тяги», но уже без перьев, ощипанная, но по-прежнему в маске с клювом, связанныя, как для жаренья, с прижатыми к подбородку коленями и кистями, притянутыми к лодыжкам. Офицеры проворно отодвинули от стола стулья и одним-двумя жестами показали, в каких местах можно было разрезать ножом путы на руках и ногах «птицы», а потом незаметно кивнули в сторону удобных альковов, расположенных за спинами гостей.

Казалось, что гости были слишком удивлены полученными предложениями, чтобы понять их смысл. Но гауляйтер, стоявший справа от Графа и лицезревший лежавшее перед ним на блюде прекрасное загорелое существо в ярко раскрашенной маске дикого индюка, сверкавшей красками на бледном фоне пышных золотистых волос, разразился громким хохотом и, склонившись над «птицей», ушипнул ее за округлое бедро. Кое-кто из гостей приветствовал предложение радостными похотливыми криками и размахивал ножом, но прежде чем хоть один из них успел разрезать веревки на своей курочке, Ханс фон Хакелнберг постучал по столу своим кортиком.

— Господа! — снова заревел он, зачем последовала полная тишина и неподвижность.

— Господа! — повторил он уже более человеческим голосом, хотя и достаточно громко, что позволило нам расслышать каждое слово в нашей маленькой комнатушке, и продолжил так медленно, с таким значением и силой, что я смог понять почти все, что он сказал:

— Я надеюсь, что разделывание вашей дичи доставит вам не меньшее наслаждение, чем охота на нее. Дичь ваша, пусть каждый из вас насытит свой аппетит так, как ему это больше нравится, и если кому-то из вас мясо покажется недостаточно нежным, мои молодцы сдерут с нее грубую кожу по вашей просьбе. — Он указал на старшего егеря, который с ухмылкой подобрал с земли собачий

хлыст и медленно протянул его сквозь пальцы. — Но прежде чем вы приметесь за дело, — зарычал Граф, неожиданно вновь перейдя на высокомерно-властный тон, — я приглашаю вас пройти со мной и увидеть ту же аппетитную плоть в другой шкуре. Приберегите свой аппетит, господа, на десять минут, и я покажу вам зрелище, в котором перед вами предстанут женщины, и я ручаюсь, что оно добавит остроты вашему удовольствию. Bitte! Негг Gauleiter!*

Он взял гауляйтера под руку и отвел к входным дверям Зала, туда, где нам его уже не было видно. А офицеры взялись за остальных гостей, которых неожиданное препятствие на пути к наслаждению смущило и сбило с толку еще больше, чем само неожиданное предложение «угоститься» добытой дичью, и погнали это озадаченное и недоумевающее стадо к выходу, а на столе тем временем оставали на блюде нетронутые «лакомства» под присмотром юных пажей-егерей, которые тут же изъявили готовность повалиться в отсутствие гостей с винными кубками в руках на покрытых звериными шкурами помостах.

После того как гости толпой покинули Зал, факельщицы, стоявшие вдоль двух длинных карнизов, развернулись и вышли через двери, расположенные по углам, а в Зале осталось их меньше трети, неподвижно застывших на своих местах.

Доктор раздраженно выругался, когда понял, что развлечение, не успев начаться, было прервано. Он дернул меня за рукав и прошелтал:

— Давайте спустимся и хотя бы выпьем, прежде чем они вернутся. — И не дав опомниться, он потащил меня вниз из нашей крохотной комнаты.

Мне ничего не оставалось, как последовать за ним, но я успел спросить по пути, почему бы нам не пойти и не посмотреть на представление, обещанное Графом.

— Нет-нет, нет, — закричал Доктор, удивив меня своей горячностью. — Я не пойду! И ради Бога, давайте наконец выпьем.

Он скатился вниз по винтовой лестнице, и я за ним следом, едва не наступая ему на пятки, но прежде чем мы вышли на улицу, я решил улизнуть от него. Я увидел, как желтые факелы, образуя две прямые линии, двигались во тьме на некотором расстоянии от здания; у его фасада стояла довольно большая толпа рабов и каких-то других людей, в темноте их было плохо видно, и когда Доктор заспешил к главному входу, я без труда стряхнул с себя его руку и сбежался с молчаливой толпой. Я даже не слышал, стал ли он окликать меня, когда я плечами и локтями прокладывал себе дорогу среди рабов и потом, когда побежал за

* Прошу вас! Герр гауляйтэр! (нем.).

удалявшимися из вида факелами. Думаю, он слишком боялся темноты, царившей на улочках Замка, чтобы оставаться одному под открытым небом.

Через несколько минут я догнал процессию и примкнул к группе лесников, замыкавших шествие. Никто не обратил на меня внимания, хотя свет факелов, падавший с двух сторон, наверняка осветил и мое лицо, и мое скромное незамысловатое одеяние. Серебряные девы, оказавшиеся вблизи ростом с гренадера, вышагивали церемониальным шагом, высоко задирая ноги и глядя прямо перед собой; каждая из них крепко держала факел в негнущейся руке. Лесники негромко переговаривались друг с другом, но гости, слегка остыv под открытым небом, были странно тихи и молчаливы, а Граф фон Хакелиберг, все еще держа гауляйтера под руку, шествовал впереди, возвышаясь над процессией и ни словом не объясняя, куда и зачем он ведет за собой гостей.

Так мы прошли еще около сотни ярдов и, судя по высокой живой изгороди, которую миновали, оказались где-то неподалеку от заповедника, который я видел утром. Две шеренги факельщиц начали расходиться налево и направо, тогда как Граф и вся его свита остановились и наблюдали за ними, пока они не соединились вновь, образовав перед нами большой овал. И тогда Граф торжественно пригласил своих гостей садиться, а я впервые за все это время услышал в его голосе веселые нотки.

Незаметно пробравшись вперед, при свете факелов я увидел широкий вал из дерна, обрамляющий края довольно странной ямы овальной формы. Граф притянул к себе гауляйтера и усадил его рядом на внутреннюю сторону вала, а все остальные, не без участия лесников, расположились по правую и левую руку от него. Я потихоньку отошел в самый конец ряда и заглянул вниз. Теперь девушки наклонили свои длинные факелы, так что они находились над самой ямой и ярко освещали ее. Стенки ямы высотой пятнадцать-двадцать футов были обшиты гладкими белыми досками, а дно устлано выстриженным дерном. По обе стороны ямы находились железные решетки, закрывавшие вход в подземные помещения. Это был римский цирк в миниатюре, правда, простой и достаточно грубо сработанный.

Внезапно раздался высокий резкий звук рога, заставивший меня похолодеть. Я невольно вздрогнул, как, впрочем, и все — наверное, даже факельщицы, потому что по кругу факелов пробежала волна. Граф фон Хакелиберг встал и приложил к губам огромный серебряный рог, сверкающее кольцо которого проходило над его плечом и опоясывало тело. Он дунул в него изо всех сил, и громкость, требовательность и настойчивость этого звука, раздавшегося так близко и таким диким эхом отздавшегося в ближних лесах, были почти невыносимы.

Когда звук угас, я услышал грохот открываемой решетки. Из подземного коридора на освещенный красным светом овал арены

вышли три молодых человека, одетых с головы до ног в странные доспехи, которые я видел утром в комнате егеря. Теперь я понял, что это была не сталь, не какой-то другой металл, а материал, хотя твердый и плотный, но все же достаточно гибкий для того, чтобы двигаться в этом панцире легко и свободно. Первые два несли хлысты с длинными тяжелыми кожаными плетьми, заплетенными в косички, а третий вел двух ланей — двух мягких откормленных пятнистых созданий с шелковыми ленточками на шеях. Они вышли на середину арены и встали. Ланей била легкая дрожь, они жались к егерю, который держал их за ленты, их большие уши настороженно вздрагивали и поворачивались, а когда они поднимали головы с большими влажными темными глазами, в них время от времени, когда их наполнял свет факелов, на секунду загорался зеленый огонь.

Фон Хакелинберг снова затрубил в свой рог — раздался короткий, высокий и властный звук, и прежде чем он отзвучал, я услышал ответ на этот сигнал. Это был тот же самый ужасный кошачий концерт, который я слышал утром, но теперь в нем звучала пронзительная похотливая нота, а может быть, так кричат от голода; визг и крики, раздававшиеся из-за второй решетки, становились все ближе и ближе, и я различал в них жутковатый подголосок получеловеческого лепета. Он был громче и настойчивей, чем утром, этот высокий злобный визг, столь расстроивший нервы Доктора.

Решетка поднялась с лязгом, и в яму выпрыгнуло штук двадцать крупных животных. Это были гепарды (во всяком случае я поначалу принял их за гепардов), они скакали так резво, что казалось, бегали на задних лапах. Но еще до того, как я разобрался в том, что это вовсе не животные, раздался дикий хохот Графа и мне стало понятно, что он замышлял, откладывая на потом распутные утехи своих дряблотелых и совсем не мужественных гостей. Прекрасные пятнистые шкуры, лоснящиеся в свете факелов, обтягивали бока, спины и круглые груди молодых женщин, так точно подобранных по размеру, возрасту и пропорциям, что, должно быть, их отбирали тонкие ценители и знатоки на всех существующих в Великом Рейхе фермах по разведению рабов. Это были сильные, хорошо сложенные женщины, без капли лишнего жира, но пышущие здоровьем и в такой хорошей форме, что мягкие изгибы их костячностей и тел вызывали восторг, который рождается лишь при виде редкостной женской красоты, и в то же время игра мускулов, бегающих под их блестящей загорелой кожей, пробуждала во мне нечто, отличное от восхищения и благоговения — нет, в конечном счете это был страх перед силой, звериной силой, способной вырваться внезапно и скрытой в этих очаровательных женственных формах. В состоянии покоя они могли бы стать натуращицами для скульптора, создающего образ идеальной женственности, но когда они запрыгнули на арену и стали носиться по ней с такой скоростью, что взгляду трудно было уследить за ними, в них не было ничего

человеческого: благодаря какому-то дьявольскому искусству селекции и дрессировки женщины превращались в огромных, гибких, быстрых и опасных «кошек».

Их головы и шеи плотно облегали шлемы из пятнистой шкуры и аккуратными закругленными ушами леопарда, но овал лица оставался ничем не прикрыт, и на каждом лице, когда его освещал свет, я видел уродливую усмешку; в полуоткрытом красном рту блестели большие белые зубы, а в глазах сверкал тусклый огонь настоящего безумия. Их визг и скрежет напоминал теперь вой сумасшедшего, а неразборчивый лепет казался мне безумной скороговоркой душевнобольного. Я вспомнил, что говорил мне Доктор о немых рабах, и догадался, что этих женщин тоже подвергли хирургической операции.

Облегающие меховые куртки укрывали их плечи, руки и грудь, доходя до нижних ребер; они заканчивались прямо над ягодицами мысиком, с которого свисал покрытый короткой шерстью хвост. На ногах у них были своего рода высокие мокасины из той же самой пятнистой шкуры. Но от одной детали в их костюме трудно было отвести взгляд — это странные перчатки, которыми заканчивались облегающие рукава. В них поблескивал металлический металл, и как бы трудно ни было следить за руками этих тварей, бегавших и прыгавших по арене, я сумел разглядеть, что у каждой из них к рукам прикреплена пара странных приспособлений с крючками, которые я видел в комнате егеря. Представь себе четыре изогнутых стальных полоски, прикрепленных к какой-то гибкой основе, и еще одну полоску сбоку, а все вместе они сделаны по образу и подобию человеческой руки, но каждая полоска к тому же снабжена пустотелым стальным когтем леопарда, в который входит последний сустав каждого пальца, и все это крепко-накрепко привязывается ремешками к кисти, к тыльной стороне ладони и к каждому пальцу. Я понял, что сталь должна быть упругой, потому что они вполне могли сжать кулак, а при беге часто ненадолго становились на четвереньки, касаясь земли костяшками пальцев, и когда одна из них пробегала неподалеку от меня, я ясно слышал легкое постукивание стальных когтей.

Как только «кошки» выбежали на арену, три лесника сошлись в центре; стоя там, двое из них, как цирковые артисты, заставляли всю группу бегать по кругу на расстоянии удара плетью, а третий сдерживал двух ланей, бившихся и рвавшихся из рук от ужаса. «Кошки» были не вполне выдрессированы, и оба егера могли лишь ударами хлыстов удерживать их от того, чтобы они не сорвались со своих извилистых орбит по краю арены и не бросились в центр. И каждый раз, когда одна из них делала такую попытку, раздавался мастерский тяжелый удар плети, попадавший прямо на ничем не прикрытую поясницу или ягодицы, и при каждом щелканье кнута остальные «кошки» поднимали дикий визг, а та, которая на себе ощутила силу удара, высоко подпрыгивала, пританцовывала от

боли и гнева, пронзительно крича, фыркая и в ярости показывая свои ослепительные стальные когти. Но перекрывая этот визг, оглушительно хохотал Ханс фон Хакелнберг.

Егеря заставляли «кошек» бегать по кругу до тех пор, пока их бедра не заблестели от пота, а грудь не начала вздыматься. И тогда Граф снова затрубил в свой рог, выводя длинную замирающую ноту, жалобную, затухающую музыку Смерти.

Как только он начал трубить, невыносимый визг, раздававшийся в яме, стих и превратился в нетерпеливое поскуливание; лишь только Граф кончил, как три егеря отпрыгнули в стороны и кинулись к открытым решеткам. И сразу же после этого в абсолютной тишине, которая была страшнее, чем яростный визг, «кошки» набросились на ланей. Бедные животные высоко подпрыгнули, но ярко блестевшие стальные когти резали и полосовали, царапали и глубоко вонзались в шею и ноги и раздирали брюхо и бока. Это была настоящая свалка, с дикими корчами, отчаянным отпихиванием друг друга ногами и бедрами; голов и рук не было видно: они были заняты добычей. Внезапно мои ноздри учуяли сильный запах, исходящий от теплых внутренностей, и я попятился назад от края ямы. Спустя несколько мгновений «кошки» рассеялись по всей площади арены, позабыв о егерях и их кнутах, разрывая на части и с жадностью заглатывая сырое мясо, которое сжимали в своих окровавленных когтях. Единственными звуками, нарушающими тишину, были громкое чавканье и глухое рычание, раздававшееся в тот миг, когда одна «кошка» прошмыгивала поблизости от другой. Их лица были забрызганы кровью. Кровь запятнала их груди и руки, обтянутые лоснящимися шкурами, и темную кожу обнаженных животов и гладких бедер.

Ханс фон Хакелнберг закричал весело:

— Es ist zu Ende! Komm, meine Herrgen!* — Лесники вскочили на ноги, факельщицы развернулись и, выстроившись в две шеренги, отправились церемониальным маршем в сторону Зала; гости, еле волоча ноги, в полной тишине прошли мимо возвышавшегося над ними Графа, стараясь не глядеть на него, а Граф, ожидая последнего, дабы замыкать собой шествие, ухмылялся и трясясь от смеха, поглядывая сверху вниз со свирепым удовольствием на свое потерявшее кураж маленькое стадо некогда самодовольных хвастунов-охотников. В них мало что осталось от людей, собиравшихся весело провести остаток ночи. Нашего утреннего знакомого, толстого охотника, поддерживали под руки два лесника: его безудержно рвало под деревом.

* Кончено! Пойдемте, господа! (нем.).

Я медлил до тех пор, пока последняя пара факельщиц не сошла с земляной насыпи вокруг ямы, надеясь, что фон Хакелнберг присоединится к своим гостям, но по краям ямы зажглись ослепительно яркие фонари, и, боясь, что меня, стоящего поодаль от всех и потому бросающегося в глаза, заметят, я присоединился к последней группке из четырех-пяти лесников и прошел мимо Графа, низким опустив голову.

Мне казалось, что я уже проскочил мимо, когда огромная рука, опустившаяся на мое плечо, остановила меня столь внезапно, как если бы я наткнулся на опущенную ветвь дуба. Он описывал круги вокруг меня, требуя ответить, кто я такой, и вдруг я осознал, что разглядываю эту темно-рыжую раздвоенную бороду, этот огромный ухмыляющийся рот и эти горящие глаза с расстояния всего в два фута. Резким жестом он остановил последнюю факельщицу и, вырвав факел из ее рук, направил его мне прямо в лицо. Голосом, исполненным угрозы, Граф повторил свой вопрос. Лесники сомкнулись вокруг нас, и, беспомощно оглядываясь по сторонам, я неожиданно узнал в одном из них молодого парня, который был с нами в засаде в это утро. Прежде чем я наскреб несколько немецких слов, чтобы пуститься в объяснения, этот парень успел все рассказать обо мне. И я видел, как, рассказывая, он красноречиво постучал себя по лбу. Граф же прервал его громким криком:

— Знаю! Я знаю! — И потом, обращаясь ко мне и ухватив меня за плечо с такой силой, что, казалось, кости вот-вот затрещат, он загремел: — Ну?! Так ты беглец! В тюрьме сидеть не хочешь, а? Свободы возжелал? Так ты ее получишь! В лесу! Гоните его в лес, ребята! Пускай, свободный, ищет корм себе с оленями на пару!

И он оттолкнул меня рукой, я зашатался, но лесники подхватили меня, не дав упасть. Я инстинктивно сопротивлялся им, но они были сильнее. У меня было ощущение бессмыслицы борьбы, лишавшей меня последних сил, и поэтому я заставил себя смириться и позволил им увести меня.

ГЛАВА VII

Указания Графа были тотчас же выполнены. И хотя раньше, еще утром, видя меня вместе с Доктором, они относились ко мне если не дружелюбно, то по крайней мере без открытой враждебности, теперь же не обращали ни малейшего внимания на мои вопросы, как будто я был для них не человеком, а просто зверем. Они действовали грубо и бесцеремонно, и если я мешкал, выполняя их приказы, им не надо было даже бить меня: они прямо и ясно

дали мне понять, какими асами были по части тех, кто оказывал малейшее сопротивление.

Меня привели в какую-то комнату в той длинной веренице зданий рядом с загонами для дичи, там заставили снять одежду, которую дал мне Доктор, и надеть странный костюм, взятый из гардероба, где было много подобного снаряжения. Костюм состоял из пары коротких брюк до колен, сшитых из какого-то своеобразного материала, который с первого взгляда можно было принять за оленью кожу или замшу, но на самом деле оказавшегося тканью, столь же эластичной, как натуральная кожа, с коротким, густым и плотным ворсом по лицевой стороне, напоминающим шерсть животного. Еще мне дали облегающую тело фуфайку с длинными рукавами из того же материала, а потом, изрядно потрудившись, подогнали по мне пару настоящих мокасин из оленей кожи, плотно зашнурованных и удобно облегающих ногу.

Экипировав с головы до ног, меня вышвырнули во двор, где стояла маленькая запряженная лошадьми повозка, даже скорее не повозка, а квадратная деревянная клетка на колесах. Меня впихнули в нее, привязали к двери, и после того как пара лесничих уселась на крыше, повезли по темной лесной дороге.

Примерно четыре-пять миль мы ехали густым буковым и дубовым лесом по довольно приличной грунтовой дороге. Потом остановились, меня выпустили и заставили дальше идти пешком, причем возница шел впереди с фонарем в руках, висевшим сначала на повозке, а другие следовали за мной, уперев дула в мою поясницу. Мы шли по узкой песчаной тропинке, пересекавшей открытую поляну. Луну закрывали облака, и я мог бы, рванувшись в сторону, оторваться от преследования и спастись; да, я мог бы, если бы не был уверен, что они не собирались причинять мне физических страданий: какими бы странными ни были приказы фон Хакельберга, они были прямыми и выполнить их надлежало буквально. Теперь я знал, что леса Хакельберга окружает надежная ограда; быть свободным в Хакельберге означало оказаться в более крупной тюрьме. Но быть хозяином самому себе даже в этих четко очерченных пределах — это казалось шагом по направлению к полному освобождению. И мне не хотелось испортить все дело, получив пулю от своих стражников.

Мы остановились в маленькой рощице — фонарь осветил крохотную хижину из плотно переплетенных ветвей деревьев, крытую толстым слоем камыша. Меня подтолкнули к темному низкому дверному проему, и один из охранников грубо приказал:

— Жить будешь здесь. Еду найдешь рядом. Но если мы тебя увидим, пристрелим, как дикого зверя, или натравим на тебя собак.

Он толкнул меня прикладом, и я полетел в темноту хижины, ловя ртом воздух от боли и сознания собственной беспомощности. Когда я сумел разогнуться, то увидел, что свет фонаря уже исчезает где-то вдали, за поляной.

Ощупывая в темноте стены хижины, я отпрянул от испуга, когда моя рука коснулась копны чьих-то волос. Я услышал чей-то подавленный крик, похожий скорее на визг, и понял, что это существо боится меня еще больше, чем я его. Послышалось громкое шуршание не то соломы, не то сухих листьев, и что-то большое споткнулось о мои ноги, пытаясь прорваться к двери. Я схватил это нечто и понял, что вцепился в человека.

Он рухнул на пол, всхлипывая и бормоча что-то таким тихим, слабым и прерывающимся голосом, что я даже не мог понять, слова ли это человеческой речи или искаженные звуки, которые только и могли издавать графские рабы-славяне. Потом, когда я приподнял его, он успокоился, и я понял, что он говорит по-французски.

Позволив мне ощупать себя, свою голову и все тело, он дрожал и постанывал от страха. У него были длинные волосы и длинная борода, точно такой же, как у меня, костюм из материала, напоминающего шкуру животного. Он был невысокого роста и, как мне казалось, намного старше меня. Изо всех сил стараясь утешить его на ломаном французском, я подтащил его к куче сухой соломы, которую нашупал в углу хижины, и усадил рядом с собой.

Наконец он стал испытывать ко мне некоторое доверие и, в свою очередь, начал робко ощупывать мое лицо и одежду, потом спросил, кто я. Услышав, что я англичанин, бежал из лагеря для военнопленных, во время побега наткнулся на лучевое заграждение вокруг Хакелнберга и после лечения отпущен в лес по приказу Графа фон Хакелнберга, он содрогнулся при упоминании имени Графа и глухо застонал.

— Они убьют вас, — сказал он, полуплача. — Убьют. Они всех нас убьют. Меня гоняют с места на место. Гоняют без отдыха. Я спать не могу, я сойду с ума! — И он раз двадцать повторил это «сойду с ума», при этом голос его поднялся до визга, в котором звучали ужас и отчаяние, устрашающие действовавшие на меня.

Очень скоро я убедился в том, что он и в самом деле был на грани безумия, доведенный до этого состояния чувством какого-то отвратительного ужаса, и я никак не мог добиться от него, чтобы он описал это чувство подробно. Я думал, что сумею успокоить его, если упрошу рассказать мне его историю; он не мог больше минуты удержаться на каком-либо ином предмете, кроме того ужаса, который преследовал его в этих лесах. Он вздрагивал, как дикий зверь, при каждом звуке, доносившемся снаружи, шипел на меня, призывая замолчать, как-то странно втягивая в себя воздух, и, словно окаменев, прислушивался к слабым, почти неразличимым звукам, доносившимся издалека.

Я смог понять лишь то, что человек он образованный, наверное, писатель: бормоча что-то несвязное, плача, как ребенок, пытающийся объяснить, за какой проступок его наказали, он говорил о

каких-то письмах или статьях, написанных им, путаясь в исковерканных немецких именах и фамилиях и причитая:

— Я делал только то, что они мне говорили. Я же не знал, что это неправильно. За что меня наказали? Почему мне не дали возможности публично покаяться, выступить с отречением? Они же понимают, что я никогда не написал бы этого, если бы знал, что это неправильно. Они специально запутали меня, чтобы мучить, чтобы убить и этим доставить себе удовольствие. О Господи! Они хотят убить меня для развлечения!

Мне кажется, я просидел на соломе с этим бедным маньяком полночи, то пытаясь утешить его, то извлечь из сказанного им хоть какую-нибудь конкретную информацию о том, что же это было такое, чего он так боялся, хотя я не погрешу против истины, если скажу: в Хакелинберге я получил свою долю ужасов и вполне был способен понять, что этого достаточно, чтобы свести человека с ума. Я чувствовал, что этот человек, помимо страшного душевного напряжения, был еще и смертельно усталым, но когда я спрашивал его, чем он обычно занимался в лесу в дневное время и где он брал еду и была ли эта хижина его пристанищем, он либо не отвечал ничего, либо бормотал слабым голосом, в котором звучала какая-то эгоистичная, сумасшедшая хитрость, что он ничего мне не скажет, потому что я его предам.

Мне хотелось есть, но в хижине не нашлось ничего съестного, кроме того, я устал и, чувствуя, что мне больше нечем помочь этому бедняге, как и ему мне, понимая, что мне ничего бояться его, вытянулся на соломе и уснул.

Меня разбудил солнечный свет. Открыв глаза, я увидел, что в хижине, кроме меня, никого нет. Лес поражал великолепием свежей зелени и золотистого солнечного света, радовал прохладой. Я окунул взглядом прекрасную поляну, прислушался к пению птиц, потянулся и вздохнул полной грудью. Может быть, моя свобода была обманчивой, но мне она казалась настоящей; и в этом ярком утреннем солнечном свете, окруженный такими настоящими деревьями, спокойно и с истинным совершенством осуществляющими извечный круговорот всесильной природы, я не мог поверить в то, что порочные извращения естественной красоты, виденные мною при свете факелов, это унижение и оскорбление человеческой природы, которые я наблюдал накануне, — все это было на самом деле. Оглядываясь по сторонам в поисках моего ночного соседа, я со смехом вспоминал егоочные страхи, но нигде не видел его; смеялся и над самим собой: в этих меховых бриджах я был похож на коротко остриженного Робинзона Крузо.

Меня поражало, что в заведении Графа тратят такую высококачественную дорогую ткань на преступника, каковым я должен был себя считать. Это было очень непохоже на нацистов: они не тратили хорошую одежду на тот человеческий «хлам», который подлежал ликвидации. Но потом я вспомнил о богатстве и изы-

сканности костюмов девушек-«птиц». И хотя мне не верилось в то, что страхи французского писателя перед насильственной смертью были оправданы, я не сомневался в том, что и ему, и мне предназначалась какая-то роль в фантастической игре, разыгрываемой на потребу Графу.

Где-то неподалеку слышалось журчание бегущей воды. Я пробрался сквозь густой кустарник и спустился по заросшему лесом берегу, идя на звук. В тенистом буковом лесу с редким подлеском плескался на камнях небольшой чистый ручей, наполнявший со-блазнительной влагой водоем с песчаным дном, усыпанным редкой галькой. Но прежде чем я добрался до него, неистовый собачий лай заставил меня снова взлететь на склон, и, выглядывая из-за кустов, я увидел двух или трех лесников с парой собак, что-то делавших за грубым деревенским столом неподалеку от пруда. Один из них смотрел в мою сторону и вдруг без предупреждения поднял ружье и выстрелил. Я инстинктивно пригнулся и, увидев это, услышал негромкий звук выстрела — пуля сбила сучья над моей головой. Я метнулся к хижине и не выходил из нее до тех пор, пока не услышал, как злобно ворчавших собак утащили в глубь леса. Тогда я выбрался с превеликой осторожностью, вслушиваясь и оглядываясь по сторонам, прежде чем выйти из-за кустов на открытое пространство.

На столе я нашел оставленную ими снедь — хлеб, сыр, картошку, свежие овощи и яблоки. Голодный, я готов был схватить ломоть, когда внезапное подозрение заставило меня похолодеть, и я кинулся в свое укрытие: мне пришло в голову, что лесники выманивали меня из леса, чтобы превратить в более удобную мишень.

Наверное, битый час я прятался в кустах, умирая от голода, но боясь приблизиться к столу. Одной лишь угрозой им удалось превратить меня в животное. Нет, я бы не стал говорить, что испугался их ружей или их собак, но я понимал, что не могу рисковать и быть раненым, ибо это отнимет последний шанс бежать отсюда, и это чувство взяло верх над остальными. Результат был один и тот же. Назови это трусостью или излишней предосторожностью, но я лежал и с терпеливостью, свойственной животному, ждал до тех пор, пока абсолютно не убедился в том, что путь был свободен. Тогда я сбежал вниз, быстро напился и схватил то, что мог унести. Я не вернулся в свою хижину, а устроился на открытом заросшем травой пространстве, где мог оглядываться по сторонам, пока ел.

В этом и заключалась горечь моей «свободы»: зная, что меня выпустили для какой-то жестокой графской забавы, я не имел представления, какую форму она примет, какой злобной выходки мне опасаться. Лес был прекраснее рая, но меня не радовал; все мои чувства были в постоянном ожидании опасности, которая подкрадывалась ко мне.

И тем не менее у меня была цель. Я льстил себе тем, что был сделан из другого теста, нежели французский писатель с больными нервами. Не берусь утверждать, что мне нравится, когда в меня стреляют, но я побывал в нескольких переделках, и мимо моих ушей свистела не только дробь, но и кое-что покрупнее. Итак, поев и чувствуя себя намного лучше, я в первый раз отправился на разведку.

Лес оказался совсем не таким густым и диким, как я ожидал. Кругом были видны следы человеческих усилий; если не считать небольших рощиц, весь подлесок был убран, поваленные деревья спилены и сложены по бокам аллей, а трава на этих аллеях коротко подстрижена. И если бы не огромные размеры Хакелнберга, этот лес не отличался бы от английского поместья. Здесь, как и там, царил дух единенности.

За все утро я не встретил ни одной живой твари, если не считать нескольких маленьких птичек и одной-двух белок. Это тоже удивляло меня до тех пор, пока я не задумался об особенностях охоты в Хакелнберге. Если что и нужно было гостям фон Хакелнберга, так это легкая добыча без усилий, а не превратности охоты на дикого оленя. Но я сам слышал, как Граф скакал по лесу по ночам и трубил в свой рог. Какую же дичь он гнал в темноте, под луной? Теперь, как мне казалось, я знал ответ на этот вопрос и измерял на глаз то расстояние, что отделяло солнце от горизонта, и те часы, что остались до заката.

Было где-то около полудня, когда я подошел к ограде. Перед этим я обогнул широкую, слегка холмистую пустошь, окруженную соснами, все время держась в тени деревьев и направляясь к лесной полосе, которая лежала за пустошью. Я подошел к краю сосновой полосы, между мной и следующей лесной зоной лежало широкое открытое пространство, поросшее травой, постепенно, по медленной пологой кривой разворачивающееся по левую и правую стороны от меня, покуда хватало глаз. По крайней мере на двести ярдов вокруг не было ни одного укрытия, способного спрятать хотя бы лисицу, но, что важнее и немедленно привлекло мое внимание, — это высокая деревянная сторожевая вышка в центре открытого пространства на расстоянии четырехсот-пятисот ярдов от меня. Верхняя часть башни была загорожена, и мне не было видно, есть ли там кто-нибудь или нет, но я по сути дела был уверен, что в бинокли и прицелы ружей вся эта открытая площадка видна, как на ладони.

Сама же ограда выглядела до смешного несолидной: всего один ряд тонких стальных столбов, поддерживающих три ряда проволоки, ярко сиявшей на солнце. Я прополз на животе, насколько мне хватило смелости, пользуясь тем, что неподалеку от сосен росли кусты вереска. Проволока была не похожа на колючую, и при дневном свете я не замечал никакого странного свечения, которое

видел (или мне казалось, что видел) в ту лунную ночь, когда пришел в Хакелнберг.

Я прополз еще несколько дюймов вперед и вспугнул птиц, с шумом поднявшихся из куста вереска в нескольких ярдах от меня и улетавших по направлению к островку леса, находящемуся за оградой. Самец летел высоко, а курочка, чуть отставшая от него, намного ниже. Я видел, что если она не поднимется, то с трудом перелетит через верхнюю нитку проволоки на высоте десяти футов над землей. Но она все же взлетела повыше, заметив проволоку и собираясь перемахнуть через нее. И тут курочка упала замертво, как будто в нее выстрелили из ружья двенадцатого калибра. Я слышал глухой звук: это ее тело ударилось о твердую голую землю у подножья ограды. И тем не менее, я могу поклясться, что она не задела за проволоку. Уверен, что она не долетела до нее фута два, когда упала на землю. И потом, если бы она коснулась проволоки, — такая большая птица, да еще летящая на высокой скорости — я бы обязательно увидел, как завибрировала проволока, потому что она была яркой и хорошо заметной. Я сразу бросил взгляд на сторожевую башню — хотел узнать, обратили ли они внимание на птицу, но там никто не шелохнулся.

Я стал продвигаться налево, не переступая границы кустистой опушки леса. Нашел несколько мест, где можно было подойти к ограде намного ближе, находясь по-прежнему в укрытии, и оттуда увидел, что на расстоянии двух футов в каждую сторону от нижней нитки проволоки земля абсолютно голая на всем протяжении ограды. То там, то здесь на этой голой полосе я замечал маленькие пучки меха и перьев — остатки птиц и мелких животных, пытавшихся перебраться через ограду.

Примерно на расстоянии полмили отсюда была видна еще одна высокая деревянная сторожевая вышка. Сама собой напрашивалась мысль о том, что башни расположены по всему периметру на равном расстоянии друг от друга так, чтобы вся ограда была под наблюдением. Если бы это было не так, рассудил я, мне бы точно не лежать сейчас здесь живым и не наблюдать за ними с внутренней стороны ограды. Еще некоторое время я пролежал в своем тайном убежище, размышляя над увиденным. Я думал, что теперь у меня есть свидетельство эффективности радиуса действия лучей Болена, которые испускались при помощи проволоки. Если радиус действия каждого ряда проволоки был два фута, тогда совершенно ясно, что ограда представляла собой смертельную преграду шириной в четыре фута и высотой в двенадцать. Туннель был выходом из положения. Мне казалось, подтверждением того, что земля не служит проводником для лучей, во всяком случае на ощутимое расстояние, служит то, что прямо за пределами двухфутовой зоны росла густая здоровая трава. Но минимальное расстояние, на которое я приближался к ограде, составляло около сорока футов. Будет ли у меня время на то, чтобы в одиночку, пользуясь лишь теми инструментами, которые

смог бы смастерить, вырыть туннель как минимум в пятьдесят футов длиной?

Я довольно рано начал прокладывать дорогу домой: отмечал направление своего движения, пока добирался до ограды, — зала-мывал ветки на деревьях, оставлял камни на участках голой земли, — и поэтому, несмотря на отдельные ошибки, был у своей хижины до наступления темноты. По дороге я обдумывал, как избежать тех неприятностей, которые готовил мне Граф, и стоит ли руководствоваться случайно оброненными словами француза о необходимости каждую ночь менять место ночлега. Но потом что-то — инстинкт ли, упрямство или гордость — восстали во мне против того, чтобы меня гнали, как дикого зверя. Мне отвратительно было бежать от них, как кошка бежит от собаки, и доставлять им то самое удовольствие, которого они искали. Если они собирались мучить меня, пусть лучше найдут меня в моем логове и доведут свое дело до конца там. Я безумно жаждал свободы, но думаю, что на самом деле еще больше боялся превратиться в робкую полуумную развалину, как тот француз, чем погибнуть в неравном бою.

Поэтому я вернулся назад, смело подошел к столу, не видя и не слыша никого поблизости, от души наелся той снедью, что там лежала, а то, что осталось, отнес в свою хижину. Потом я нашел несколько длинных палок и соорудил из них что-то вроде грубой решетки, преграждавшей вход; если бы она и разлетелась вдребезги при нападении, я бы по крайней мере проснулся от шума, когда кто-то попытался бы ворваться. И наконец я положил самую толстую палку и еще что-то тяжеленькое рядом со своим соломенным ложем и улегся спать.

Это была беспокойная ночка. Несмотря на то что я провел целый день на ногах, мне не удалось уснуть. Все страхи, загнанные внутрь дневными делами, всплыли на поверхность, а шепот, вздохи, шелест и стуки, не прекращавшиеся в лесу всю ночь, стали прекрасной питательной почвой для них. Мое воображение перетолковывало даже вполне опознаваемые звуки, такие, как уханье сов, и превращало их в голоса тех отвратительных существ из собачьего питомника фон Хакельберга. Я слышал звук быстрых шагов по сухой траве какого-то маленького зверя, а представлял себе мальчиков-бабуинов, кружащих вокруг моей хижины. И все-таки разбудило меня и прогнало сон в предрассветный час вовсе не воображение: я уставилсь на серый квадрат дверного проема и напряг слух, стараясь уловить умолкнувший звук, услышанный сквозь сон. Это был долетевший издалека звук, который ни с чем не перепутать; он выводил такую длинную, завершающую ноту, как охотник, отзывающий своих собак в конце охоты. Луна в эту ночь приближалась ко второй четверти; аллеи леса должны были быть хорошо освещены. Холодный предрассветный воздух

проник в хижину через ее решетчатые стены, и я зябко поежился.

Как только взошло солнце, я сделал все от меня зависящее, чтобы сбросить с себя чувство оцепенения и беспомощности. Мои планы пока не сформировались; у меня были только самые общие идеи, которые я никак не мог отважиться соотнести с фактами, которые успел узнать, потому что боялся утратить веру в возможность спасения. Поэтому я поставил перед собой конкретную и выполнимую задачу — добыть какой-нибудь инструмент или орудие, и самое лучшее, что я смог придумать, — это выяснить, нельзя ли выпросить его или украсть в хозяйстве Доктора. Я не мог поверить в то, что сестры, которые были так заботливы ко мне, настолько лишены чувства жалости и готовы бездушно и педантично подчиняться приказам сверху, как с гордостью заявлял Доктор.

Я подождал в кустах, пока егеря уйдут, оставив на столе новый запас продуктов, а затем, засунув под фуфайку небольшую булку и несколько яблок — как сухой паек на день, — отправился искать дорогу в госпиталь. Дело это было долгим и утомительным, и на каждом шагу меня подстерегала опасность. И хотя я старательно обходил стороной каждую тропинку, просеку или аллею, которая могла бы привести меня прямо к Замку, все же несколько раз я едва не столкнулся с небольшими группами людей: слышал голоса егерей и конский топот, а один раз мне пришлось даже спрятаться и замереть в высокой траве на приподнятом берегу ручья, в то время как небольшой отряд медленно проходил низом, по руслу ручья: две ищечки на поводке, четверо мальчиков-бабуинов с сетями в руках, вертящихся под ногами егерей, и еще пара лесников, замыкающих шествие, зорко поглядывающих по сторонам, в руках у которых были ружья, стреляющие нитями с крючками на конце.

Некоторое время спустя после полудня сквозь ветви деревьев я увидел строения Замка и, прикинув, в какую сторону мне надо двигаться, стал медленно прокладывать дорогу в обход Замка по лесу. Наверное, я нашел то, что искал, только по воле случая и благодаря везению; совершенно неожиданно для себя, когда солнце уже начинало клониться к закату, я обнаружил, что стою у прохода между белыми стенами госпиталя и узкой полосой из мха и дерна, где я обычно гулял под наблюдением Дневной Сестры.

Повторю: у меня не было никакого законченного плана. Зная, где расположена кухня, я решил, спрятавшись за деревьями и улучив момент, пробраться туда и унести с собой нож, лопату или любое другое пригодное для задуманного дела скобяное изделие. Если бы мне не удалось прокрасться на кухню незамеченным при дневном свете, в мои планы входило скрываться в засаде до тех пор, пока рабы не лягут спать, и только тогда попытаться вломиться на кухню.

Когда я выполз из-за деревьев и бросил взгляд на ту сторону здания, где располагались спальни медсестер, я увидел мою Дневную Сестру, сидевшую в одиночестве на деревянной скамье у стены и читавшую газету. Я смело шагнул вперед и сказал: «Привет, Дневная Сестра!».

Она вскочила, вскрикнув дрожащим голосом, и зажала рот тыльной стороной ладони, когда узнала меня. В страхе она устремилась на меня, и глаза ее были полны такого смертельного ужаса, что явись я ей при свете луны, одетый в могильный саван, и то, наверное, не напугал бы сильнее. В ответ ею не было произнесено ни слова — подозреваю, что скорее всего она и не слышала того, что я говорил, а просто стояла, застыв от ужаса и плотно прижав пальцы к губам. Не знаю, следовало ли мне убеждать ее в том, что я живой или что я не хотел причинить ей зла — шансов у меня все равно не было. Звук шагов за спиной заставил меня обернуться как раз в тот момент, когда одна из сестер, увидев меня, с громким криком побежала за угол здания. Я сделал глупость — побежал за ней, надеясь поймать ее и не дать ей возможности подняться на ноги весь дом; но я не успел: трое дородных рабов сбежали вниз по ступенькам веранды, угрожая мне швабрами, и начали колотить меня, издавая какие-то булькающие, рычащие звуки. Я отбивался, но к ним присоединилось еще несколько рабов, вооруженных дубинами, и мне досталось несколько страшных ударов по голове, по рукам и плечам. Тут распахнулось окно, и краем глаза я увидел, что Доктор, бледный, как мел, высунулся из окна и подзадоривал рабов. Я крикнул ему что-то по-английски, но в ответ услышал в его голосе лишь панику и грубое неистовство. И я бежал, заслоняя голову от ударов и стремясь найти укрытие в лесу.

Рабы не стали преследовать меня, но я продолжал еще некоторое время бежать, прежде чем сел и стал растирать ушибы и кровоподтеки, обдумывая свое положение.

Было ясно, что у меня нет ни малейшего шанса прорваться в госпиталь сегодня ночью. Конечно, они тщательно проверят все окна перед тем как лечь спать, да и рабы теперь будут настороже всю ночь, и я бы не удивился, если Доктор предупредил кого-нибудь из лесников о том, что я находюсь неподалеку. Мой наряд означал для всех, что я превратился в графскую добычу, вот почему их всех ужасала даже сама мысль о том, чтобы оказать мне помощь или дать приют вопреки его приказаниям.

Остаток светового дня я потратил на дорогу к своей хижине, но когда наступила ночь, нашел пятачок высокой сухой травы неподалеку от густого кустарника и решил заночевать там. Ночь была смертельно холодной, а к утру начал моросить дождь; утешением служило лишь то, что графского рога в эту ночь я не слышал.

На следующее утро голод заставил меня искать дорогу к своей хижине. Я все обдумывал, как мне попасть теперь уже в сам Замок, ухватить там что-нибудь из одежды, чтобы попытаться сменить этот проклятый наряд, имитирующий шкуру оленя, и, кроме того, заполучить какое-нибудь оружие или инструмент. Казалось, что если бы мне только удалось украсть костюм лесника, то в таком лабиринте, как Замок, где находилось столько народа, я мог бы в сумерках зайти и спокойно выйти, не будучи обнаруженным. Но мне нужна была еда, поскольку осуществление этого проекта откладывалось до завтрашней ночи.

Утро уже кончалось, когда я добрался до своей хибарки, предполагая, что егеря уже побывали за столом у ручья, оставили там свежий запас продуктов и давно ушли оттуда. И все же, пока я полз по кустам, растущим на берегу, внизу в приглушенном лесном свете я уловил какое-то движение. Раздвинув ветви, чтобы было лучше видно, я понял, что это вовсе не егеря, а девушка, в напряженной позе застывшая у стола и жадно заглатывающая провизию; быстро оглядываясь по сторонам, она готова была отпрыгнуть в сторону при любом звуке.

Лохмотья, оставшиеся от ее костюма, все еще можно было узнать, и я был уверен, что уже видел эти густые черные волосы и длинные ноги. Я вспомнил, как вчера повстречался с небольшим отрядом с ищейками и мальчиками-бабуинами, и мысль о том, что им не удалось выполнить свою задачу, наполнила мое сердце радостью: они не поймали ту «птицу», по которой стрелял да промахнулся наш жирный спортсмен. Ей удалось сорвать с лица уродливую маску с клювом и сдвинуть ее на макушку. Она отодрала приклеенные к рукам крылья из перьев и коричневые с золотом перья хвоста, хотя узенький, усыпанный перьями пояс, к которому они крепились, оставался на талии. Перышки на «птичьей» шейке были безнадежно испачканы, и вся она с ног до талии была вымазана засохшей грязью, как будто пробиралась по болотам и запрудам.

Я ломал голову, как бы не испугать ее до смерти своим появлением и решил, что лучше всего смело показаться ей с некоторого расстояния, от ручья, чтобы она могла разглядеть меня и убедиться в том, что я не лесник, прежде чем мне удастся подойти ближе. Поэтому сначала я шел за кустами, а потом с показной беззаботностью ступил на берег ручья.

Но прежде чем я спустился к ручью, ее уже и след простыл: она неслась между деревьями подобно оленихе или косуле. Не спеша я подошел к столу, взял ломоть хлеба и начал есть, оглядываясь по сторонам. Ее нигде не было видно. Прошла минута-другая, и я позвал ее по-английски. Уловив едва заметное движение листвы на нижних ветвях дерева, я понял, что она следит за мной. Я снова заговорил по-английски, надеясь, что даже если она не поймет меня, само звучание иностранной речи убедит ее в том, что я пленник, как и она, или раб. Но ответа не последовало. Я

не отрываясь смотрел на то место, где минуту назад шевелились листья: мне казалось, что она вскарабкалась по свисающим ветвям огромного бука и спряталась в его густой листве.

И тут, не думая о той страшной исторической пропасти, которую мне таким странным образом пришлось перепрыгнуть, и не помня точно, где и когда в моей прошедшей жизни я видел этот жест, я показал ей знак «V» — ну, ты знаешь, это жест Черчилля, которым так часто пользовались, по словам сотрудников службы пропаганды, в оккупированной Европе. Листья снова зашевелились: показались плечо и рука, и я увидел тот же самый жест. Поняв это, я подошел ближе, к самим ветвям, и начал объяснять по-немецки, насколько позволяло мое знание этого языка, что я видел, как она убежала после неудачного выстрела, и что я тоже был пленником Графа. Она прервала меня на чистом английском, без малейшего акцента, сказав очень твердо:

— Если вы знаете сравнительно безопасное место, где можно поговорить, пойдемте туда. Вы идите первым, а я за вами.

Удивляясь ее хладнокровию и умению владеть собой и своим голосом, странно взволнованный тем, что встретил здесь, в этом лесу, свою соотечественнице, я медленно пошел по направлению к своей лачужке. Не заходя в нее, я вышел на открытое место, где завтракал в то первое утро, которое провел в этом лесу. С трех сторон оно было открыто для наблюдения, а с четвертой находилась густая роща с зарослями буйно растущей сорной травы, где в случае необходимости можно было бы быстро спрятаться. Я шел через эти заросли, не оглядываясь назад, но когда остановился и присел на корточки, увидел, что девушка идет за мной по пятам, пригибаясь так низко, что ее почти и не было видно в траве. Она съежилась и стала маленькой, как куропатка, и мне была видна лишь ее голова в причудливом шлеме с клювом. У нее было милое, слегка веснушчатое лицо и умные серые глаза. Пока мы говорили, она ела захваченную с собой со стола какую-то еду и не спускала с меня изучающего и оценивающего взгляда; лицо ее было не испуганным и не измученным, как я ожидал, а скорее настороженным и временами, когда она рассказывала мне о своих злоключениях, дерзким и вызывающим.

Моя же собственная история прозвучала неубедительно и казалась неполной, поскольку я почувствовал, что не должен даже пытаться объяснить ей (или, что точнее, описать) мой невероятный прыжок сквозь время. Мне хотелось, чтобы она не сомневалась в моей нормальности. Поэтому я просто сказал ей, что бежал из лагеря для военнопленных, полагая, что наверняка что-нибудь вроде концлагерей сохранилось в Рейхе. Я успел заметить, что она восприняла как совершенно тривиальное заявление тот факт, что англичанин находился в плену в Германии. Ей хотелось спросить меня о лагере, о преступлении, за которое я попал туда, о моих товарищах, но она сдержалась, как будто внезапно поняла,

что для моей скрытности могут быть серьезные основания. Я долго размышлял, правильно ли сделал, показав ей тот знак, и с удивлением узнал, что после ста лет нацистского порабощения этим знаком все еще пользуются. Осторожно поинтересовавшись, как это ей удалось понять значение этого жеста, я услышал:

— Ну как же, — и вид у нее был удивленный, — ведь это же жест, который был в ходу во времена Старого Сопротивления, так? Я не очень хорошо разбираюсь во всем, что касается подполья (у меня было так мало времени, чтобы узнать об этом, прежде чем меня взяли), но я помню, что в нашей учебной группе в Эксетере кто-то читал доклад, и он рассказал, как этими жестами обменивались во времена Великих Волнений, то есть после оккупации Сорок Пятого года. Этот жест означал нарезку на прицеле тех ружей, которыми они тогда пользовались. Я не знала, что у Друзей до сих пор в ходу этот знак, но когда увидела его, рискнула показаться вам, решив, что вы тоже Друг.

Она казалась такой юной, когда так серьезно рассказывала о своей «учебной группе». В ее рассказе чередовались внезапные приступы откровенности и доверительности со столь же неожиданной скрытностью при упоминании каких-то буквенных сокращений — очевидно, это были начальные буквы названий подпольных патриотических организаций, но из ее рассказа я понял, что после столетнего авторитарного немецкого господства в Англии все еще существовало сопротивление, во всяком случае среди молодежи и студентов университетов, таких как она сама. Но похоже было, что сопротивление перестало быть вооруженным: скорее речь шла о сознательном отклонении от официальной доктрины и партийной теории по отдельным пунктам — о расхождениях, неувядимых для непосвященного, но жизненно важных для нее, казавшихся мне столь же педантичными, как и диспуты средневековых теологов. Но в средние века, думал я, отклонения от ортодоксальной религиозной доктрины заканчивались костром. Моя работа состояла в том, чтобы бороться с нацизмом, находясь на борту военного корабля, но и она боролась с тем же самым злом, но другими способами — извращением и перетолковыванием партийных лозунгов на студенческом митинге. Должно быть, для этого ей потребовалось даже больше мужества, потому что я и мои товарищи были свободны, мы были хорошо подготовленными солдатами, и за спиной у нас стояла могучая держава. А рисковали мы одинаково: на карту была поставлена не только жизнь, но в случае провала или плена нас ждали все пытки и унижения, которые имеются в арсенале злобного и порочного абсолютизма.

Я спросил у нее, как она оказалась в Хакелнберге.

Она пожала плечами.

— Думаю, как и все. Причины две — легкомыслие и донос. Хотя мне лично повезло: у них не оказалось против меня ничего определенного. Поэтому наказание было легким — меня послали

на переподготовку в Школу лидеров в Восточной Пруссии. Ну, это такое заведение, где обучают офицеров для молодежных лиг. Туда направляют некоторых иностранцев — конечно, я имею в виду лишь представителей нордической расы. Предполагается, что нравственная и интеллектуальная атмосфера этой школы призвана очистить их сознание от ошибочных мыслей. Кроме того, кадетам нужно практиковаться на ком-то в искусстве лидерства — а они любят непокорных арийцев, особенно девушек.

— Но как ты попала в руки фон Хакелинberга? — спросил я.

— Я убежала из этой Школы, — сказала она спокойно. — Это было ошибкой, я знаю. Тактика Друзей состоит в том, что уж если ты попадаешь в школу переподготовки, то должен вытерпеть все, превзойти всех в хитрости и закончить курс обучения сто-процентным нацистом, чтобы вернувшись домой можно было выполнять тайные задания. Но эта проклятая Школа была адом. Я не сумела вытерпеть все это. И убежала. Конечно, меня поймали. Если ты убегаешь, тебя считают злостным нарушителем и направляют на службу в какое-либо учреждение Рейха, где на тебя распространяются те же правила дисциплины, что и на низшую Расу. Вот так я и оказалась здесь. И хватит обо мне. Вопрос в том, что нам делать с тобой — твое положение много хуже моего.

Я ответил, что, на мой взгляд, мы в равных условиях.

— О нет! — возразила она с какой-то юношеской прямотой и практицизмом. — Я — это ценное имущество, ты же всего-навсего Преступник — то есть тот, кто подлежит ликвидации. Я не знаю точно, что Главный Лесничий делает с Преступниками, которых ему передают, но мне доподлинно известно, что процедура эта грязная и медленная. А что ты там успел увидеть?

Я рассказал ей.

Она кивнула.

— Я никогда не видела этих женщин-«кошек», а лишь слышала о них. И их самих тоже слышала. Думаю, что их стерилизуют. — Будничность ее тона поразила меня даже больше, чем суть ее предположения. Хирургическое вмешательство и удаление из прекрасного человеческого тела того, что освещает его внутренним светом души, было для нее не страшным ночным кошмаром, а всего лишь привычной банальностью, тем, что делается ежедневно.

— Я здесь уже шесть месяцев, — рассказала она мне. — Ты знаешь, кто я для них? Jagdstück*. Я — это дичь, которую вскармливают специально для охоты. Они выбирают для этого самых лучших бегунов; нас здесь целая коллекция, если можно так выразиться, — как арийцы, так и представи-

* Охотничий трофей, добыча (*нем.*).

тели низшей Расы. В промежутках между их охотничими забавами все не так уж и плохо. Эти лесники — они по-своему неплохие ребята, пока дело не доходит до стрельбы. Смертельный ужас наводят не они, а собаки. Ты знаешь, что бежать нельзя, но не можешь совладать со страхом, когда слышишь позади их лай. И еще ты понимаешь, что тебя оттадут им на растерзание, если ты не побежишь, потому что тем самым ты лишишь их развлечения, и они накажут тебя, чтобы другим неповадно было следовать твоему примеру. И даже лучшие из лесников сathanеют, когда гонятся за тобой. На меня охотились по-разному. Иногда у них бывают гости, которые жаждут поупражняться побольше, чем компания гауляйтера. Сначала они охотятся на дикого оленя во внешнем лесу, а потом, чтобы повеселиться, охотятся здесь на оленя не настоящего, а на человека в маске. Они выпускают тебя на свободу за день до охоты, а потом выслеживают с собаками. Ты хочешь спрятаться в самых густых и труднопроходимых местах леса, но когда собаки находят тебя, охотники посылают вперед свирепых, злобных псов, и тогда ты срываешься и спасаешься бегством. И тут в тебя стреляют чем-то вроде крохотного дротика, который вонзается в твою плоть, к нему приделана длинная яркая нить, чтобы легко было узнать, кто же именно в тебя попал. При этом ты одет в костюм оленя из плотной ткани, напоминающей шкуру зверя; а отдельные части тела остаются обнаженными, чтобы дротики вонзились, не повредив ткани. Эти штуки вызывают жгучую боль, и вынуть их из тела не останавливаешься, на ходу, невозможно. И потом, как только они увидят, что тебя ранили, они спускают мальчиков-обезьян — а те уже ловят и вяжут тебя. Но в этой игре у тебя есть еще один шанс: дротик должен попасть в определенное место, потому что он не может пробить плотную ткань костюма, и если выстрел не достиг цели, обезьян не спускают. На меня охотились три раза, и два раза мне удалось спастись.

— Но ведь потом тебя все равно выслеживают? — спросил я и рассказал ей о том отряде с ищеками и мальчиками-бабуинами, который видел накануне.

— А, ну да, — ответила она спокойно. — Вчера они чуть не целый день выслеживали меня, но я улизнула от них на болото. Конечно, рано или поздно они до меня доберутся, если будут следить за местами кормежки, но до тех пор я от них хорошо побегаю.

— А ты не боишься того, что они с тобой сделают, когда поймают?

— Ничего они не сделают. Ну да, они дают обезьянам побаловаться с тобой немного... Это отвратительно. Но они не наказывают тебя за твое бегство — в конце концов именно этого от тебя и хотят. А если ты сдаешься, им это неинтересно.

— Но если ты все же отказываешься бежать?

— Тогда тебя сожрут собаки, — сказала она спокойно, словно подводя черту. — Но если в тебя хоть раз угодили дротиком, в следующий раз ты будешь изо всех сил стараться увернуться от них. Они их чем-то смазывают, чтобы боль была острее.

Согнувшись в три погибели, мы просидели в высокой траве почти все утро, теплое и солнечное, и мне все казалось чудом то, что я слышу ее приятный юный голос, говорящий на моем родном языке, голос, в котором было странное смешение наивности и опыта с откровенным приятием фантастических обстоятельств нашего существования в Хакелнберге. Спустя какое-то время я осознал, что она окончательно уверилась в том, что я был членом английской подпольной организации Сопротивления. Об этом свидетельствовало то почтительное уважение, сквозившее в ее голосе, когда она упоминала о моей «работе», как будто я был опытным подпольщиком, в то время как она всего лишь новичком. Она так часто называла меня «Другом», вкладывая в это слово какой-то особый смысл, что я наконец понял — это было формой обращения членов организации друг к другу, — и я почти бессознательно тоже начал называть ее Другом и увидел, как она обрадовалась.

— Но что же нам все-таки с тобой делать? — повторила она.

— Я убегу, — сказал я уверенно.

— Но как?

— Через проволоку.

Она как-то торжественно покачала головой.

— Это невозможно. По проволоке передаются лучи Болена, ты же знаешь. Одно прикосновение — и с тобой покончено. Мы об этом говорили — я и другие злостные уклонисты-арийцы. У нас была девушка, за которой охотились, и она так боялась быть снова пойманной, что сказала: в следующий раз, когда за мной погонятся, я побегу прямо к ограде, брошусь на нее и умру. Ну и вот однажды ее, как и меня, тоже превратили в «оленя». Она спряталась недалеку от ограды. Ее нашли и, когда она выскочила, в нее попали. Я видела своими глазами. Она побежала прямо к ограде. Но она не погибла — во всяком случае не сразу же. Я видела, как она упала, и слышала ее крик — она кричала от ожогов. Но когда что-нибудь большое попадает на проволоку, ее отключают, понимаешь. Они могут делать это со своих сторожевых вышек. Девушку подобрали и унесли. Думаю, что она умерла от ожогов. Мы ее больше никогда не видели.

Я рассказал ей о виденном мною у ограды.

— Но я не собираюсь бросаться на проволоку, — объяснил я. — Моя идея состоит в том, чтобы вырыть туннель.

Почувствовав, что озадачил ее, я прочел что-то вроде лекции об искусстве рыть подкопы — искусстве, которым владеют военнопленные. Она слушала меня внимательно и сразу подметила бросающиеся в глаза недостатки моего плана.

— На это уйдет слишком много времени, — заметила она. — Они ведь не оставят тебя надолго в покое.

— Но должны же быть в лесу и другие преступники, кроме меня, — возразил я. И рассказал ей о французе. — Мне кажется, его выпустили в лес довольно давно. И мне показалось, что он знает, где прятаться.

Она склонила голову так, что лица ее почти не было видно в траве.

— Не знаю, — сказала она тихим неуверенным голосом. — Не знаю, что с ним случилось. Я слышала рог...

— Ну хорошо, — ответил я. — Я все-таки попытаю счастья. Главное — достать где-нибудь инструменты. Ты здесь знаешь все ходы и выходы, не то что я. Где у них здесь хранятся лопаты?

После того как я продемонстрировал столь дерзкое стремление к цели, она с энтузиазмом ухватилась за идею и начала строить планы, как и где достать все необходимое. Она заявила, что знает, где — в павильоне Кранихфельс. Тот человек, который присматривал за аллей, где находилось стрельбище, хранил в нем инструменты. Она знала, как туда попасть, потому что девушек, на которых охотились, держали в этом павильоне накануне развлечения, пока к нему шла подготовка. Я предложил отправиться туда сегодня ночью и посмотреть, что там можно стянуть.

— Нет, что ты! — воскликнула она. — Это сделаю я. Тебя же сразу узнают. А я могу проскользнуть незамеченной в сумерках. Там есть девушки-рабыни, и я вполне могу сойти за одну из них. Только помоги мне избавиться от этого дурацкого головного убора.

Части ее костюма были подогнаны таким образом, чтобы их невозможно было снять без чужой помощи — нужны были, как минимум, ножницы или нож. Отыскав два кремня, я отбил острый край у одного из них и как пилой разрезал шов, скреплявший маску с горжеткой. Теперь, когда я мог внимательно рассмотреть ее одеяние, меня поразило, как искусно оно было сшито.

— Ох уж эта немецкая добросовестность! — воскликнула она с презрением и забросила свою птичью маску в кусты. — Ты не поверишь, сколько они трудятся над тем, чтобы каждая деталь сидела, как влитая. Эти лесники — это же маньяки, и самое нечеловеческое в них — это то, что они совершенно не в состоянии понять, что ты человек, что ты живая. Они часами будут корпеть над тобой, вертеть тебя и так и сяк, лишь бы одеть именно так, как нужно для твоей роли в их спектакле, и тем не менее чувствуется, что они ничего не понимают в девушках, да и вообще в людях — в любых людях.

На шее у нее была цепочка, на которой болтался номерок. Я перевернул его, но на обратной стороне не было имени владельца — лишь несколько букв и номер. Мои пальцы коснулись ее теплой, нежной шеи, и пока она говорила, я отметил про себя какую-то новую нерешительность и глубокую обиду в ее голосе; она все

еще была ребенком, и ее грубо остановили в самом начале той дороги, которая должна была привести ее в страну любви, понимания и свободных человеческих взаимоотношений. Течение ее жизни было силой изменено и направлено в другое, странное, сжатое со всех сторон, кривое русло. И несмотря ни на что она сохранила потрясающее здравомыслие, душевное здоровье и неизуродованную душу. Каждую минуту я восхищался ее мужеством и спокойной дерзостью. Но что сильнее всего тронуло меня, что одновременно смирило и дало новую надежду и цель — это, мне кажется, ее невинность и свежесть в этом изуродованном мире. В лесу Хакелинберга она была тем прекрасным деревом, которое даже сумасшедшая изобретательность Главного Лесничего не смогла заставить расти вопреки своей собственной природе.

Понимаешь, до этого момента я чувствовал, что заставляю себя сосредоточиться в своих размышлениях исключительно на проблеме побега; но все это время я не мог позволить себе задуматься над тем, что тяжким грузом давило на мою душу — я говорю об устрашающем мире рабов, который, как я предполагал, находился за пределами Хакелинберга. Теперь я знал, что правда, мужество и гордость, остатки старой славы и великолепия, которыми гордилось человечество, — все это по-прежнему существовало в мире. Мы должны выбраться из Хакелинберга. Мы спасемся, поклялся я, и найдем ее Друзей.

Я вертел в руках этот маленький номерок, а она стояла, откинув назад голову и подняв подбородок, с тихим, доверчивым удивлением принимая мою ласку, нежное прикосновение моих пальцев к ее шее.

— На нем нет имени, — сказал я и понял, что она догадалась о моих чувствах к ней по моему голосу.

— Меня зовут Кристин Норт, — сказала она. — Но дома меня всегда звали просто Кит.

Да, мы знали друг друга так недолго — всего день, с утра до восхода луны, один долгий летний день. Самый долгий в моей жизни. Теперь мне кажется, что я никого не знал так хорошо, как Кит. Чувствую, что если бы я начал рассказывать обо всем увиденном и принесшем мне радость в этот день, я бы никогда не кончил, хотя и потратил бы остаток своей жизни на то, чтобы освободить свою память от груза воспоминаний. И все же в памяти моей до сих пор живет тот залитый солнцем густой лес. Мне кажется, что я могу вспомнить каждый изгиб травинки, форму каждого листика, каждую сосновую иголку, игру света и тени, каждого жучка и мотылька, которые попались мне на глаза в тот день. Я и сейчас чувствую сосновый дух, запах трав и земли. Слышу, как гудят насекомые в знойном воздухе. И во всем этом присутствовало какое-то редкое качество, которое нельзя отнести ни к моей эпохе, ни к ее, — что-то похожее на волшебный свет, который освещает наши воспоминания о чудном летнем дне из

нашего детства. Это яркость красок и блеск тех давно ушедших дней, тех лет, когда ты жил и играл, недосягаемый для печалей и забот, отдавая свое сердце и свою душу редкостным чудесам живой земли.

Мы бродили по Хакелнбергу, как двое влюбленных, вновь обретших друг друга в заколдованным лесу. Каждому из нас его прошлое казалось далеким и нереальным, как злые чары, разрушенные лучами утреннего солнца. Ханс фон Хакелнберг казался великанином-людоедом из сказки: мы верили в него, но не всей душой, а лишь настолько, чтобы наше приключение стало еще восхитительнее.

Поддерживая в себе веру в завтрашний день, мы были так счастливы, когда нашли радость друг в друге, когда дивились безграничности этой открытой нами страны, и восторг от познания сердца друга был так сладок и так необуздан, что нам казалось, наши души вмещают в себя весь реальный и значимый мир. Мы, мы сами по себе, бродившие в радовавшем сердце летнем лесу, мы и были весь мир.

За целый день мы не увидели ни души, не услышали ни звука человеческой речи, ни собачьего лая. Наше никем не нарушаемое единение породило в нас столь сильное чувство уверенности в незыблемости настоящего, что мы медленно, беззаботно, рука об руку шли по зеленым аллеям, громко смеялись и играли. Так мы провели весь день, разговаривая друг с другом, играя, лениво прогуливаясь без определенной цели и все же по мере приближения вечера продвигаясь по направлению к Кранихфельсу. Не спеша собирая чернику в вересковых лошинах, которые хорошо знала Кит, стоя там по пояс в траве и лакомясь ягодами из ладоней, мы смеялись над перспачканными лицами друг друга.

Незадолго до заката солнца мы подошли к известняковым скалам, нависавшим над ручьем, который наполнял маленький водоем у их подножья, забрались наверх и уселись на мягкий дерн, откуда сквозь густую листву можно было разглядеть часть узкой тропинки, ведущей к павильону Кранихфельс. Кит сказала, что до него оставалось не больше полутора. Вечерний воздух был неподвижен. Солнце уходило с абсолютно безоблачного неба, в его последних лучах скалы пылали жаром, согревая нас теплом, которым наполнило их за день солнце.

— Ах, — после долгого молчания проронила Кит, — несмотря на всю ту власть, которой они обладают, если бы только они смогли сохранить такой чудный и спокойный лес для любви, для тебя и для меня, и для всех других влюбленных, которые бродили бы здесь, пока молоды...

Мы тихо просидели там, пока не сгостились сумерки. Потом Кит начала выдергивать нитки из швов своей горжетки. Я нашел острый осколок камня и стал помогать ей распарывать

швы и наконец освободил от того, что осталось от ее наряда. Девушки-рабыни, которые могли бы слоняться в окрестностях Кранихфельса в теплые летние сумерки, должны быть обнаженными, сказала мне Кит: это был своего рода знак, по которому отличали раба — представителя низшей Расы. Если только им не была предназначена роль в каком-то представлении, летом кожа становилась их единственным украшением. В неверном сумеречном свете любой лесник, случись ему увидеть Кит, заметит блестящую стальную цепочку на ее шее и примет за ошейник раба. Что же касается ее возвращения ко мне в час, когда рабов уже обычно держат взаперти, тут Кит уповала на густую темноту под сенью деревьев.

Соскользнув вниз со скалы, она искупалась в маленьком бассейне, смывая с кожи засохшую грязь. Я проводил ее немного по тропинке до тех пор, пока она не сказала, что дальше нельзя, и мы расстались. Мне же пришлось снова вернуться к скалам, которые стали местом нашей будущей встречи.

Все еще пребывая в странной уверенности, что ничего страшного с нами случиться не может, по-прежнему веря, что моя встреча с Кит разрушила чары свирепого злого волшебника, я не скрываясь шел по травянистому лугу за ручьем. Мне казалось, мы просто играли в какую-то игру, и это чувство было таким сильным, что я не мог тревожиться за Кит; меня просто переполняли нетерпение и жажда вновь увидеть ее, обнять и снова ощутить ее губы. Дело, которое мы хотели исполнить сообща, казалось менее серьезным, чем то, что я испытывал.

Сумерки сгостились, а я все бродил, прислушиваясь к тишине, горя желанием услышать тихий оклик, которым, как мы договорились, она должна была предупредить меня о своем приближении. Начиналась ночная жизнь леса, полная своих звуков: приглушенный шепот, отдальные вскрики и какое-то совсем близкое шуршание, и все это становилось мне все более знакомым и понятным. Я тихо вошел в редкую березовую рощицу, граничившую с открытым пространством, и стоял там, обратившись в слух; мне не было холодно, но между смутно белевшими стволами наподобие невидимой ткани повисла какая-то льнущая к телу прохлада. Я прошел еще немного и в нависшей тьме начал чувствовать себя диким оленем, осторожным, готовым в любую минуту сорваться с места — это чувство, не раз испытанное мной до встречи с Кит, вернулось в мое тело.

На небольшом пятаке земли, заросшем высокой травой (в темноте мне все же удалось увидеть, что трава была примята, как будто здесь лежали олени или другой крупнорогатый скот), я наступил на что-то странное — это была не палка и не камень. Подняв этот предмет с земли, я скорее догадался, чем

увидел, что это был мокасин из оленьей кожи — в точности такой же, как у меня. Он был холодный и влажный, и ощупав его, я понял, что подошва сносила до дыр, казалось бы — старый ботинок, выброшенный в лесу, — и тем не менее сердце мое забилось от страха. Мне хотелось броситься бежать со всех ног от этого пятака затоптанной травы, но я заставил себя порыскать вокруг, почти вслепую пытаясь найти хоть что-нибудь, что подтвердило бы мою догадку. И я нашел это: ключья ткани, на ощупь и по запаху совпадавшие с тем материалом, из которого был сшит мой собственный костюм — ворсистый наряд одного из приговоренных к растерзанию преступников фон Хакелнберга. Но волоски ворса на этих рваных ключьях слиплись, эта ткань сначала промокла, а потом затвердела и засохла. Когда я ощупывал их, моя память подсказала мне долгую ноту охотничьего рога, принадлежащего Графу, звучавшую так одиноко, таким окончательным приговором в темноте предрассветного часа. Я не рискнул искать новые доказательства — в этом не было необходимости. Слишком хорошо зная, что это было за вещество, засохшее на этих ключьях, я отбросил их в сторону, вытер пальцы, и без того сухие, о траву и вышел, спотыкаясь, из березовой рощи на открытое место.

Луна, которой оставалась всего ночь до полной фазы, поднялась над верхушками деревьев и выбелила наши скалы. Теперь я боялся света почти так же, как темноты в роще, и потому съежился в тени, отбрасываемой скалой, и снова и снова мыл руки в ручье, как будто, отмыв их, я мог очистить свое сознание от страшной картины гибели француза. Я больше не мог дожидаться возвращения Кит и пошел в потьмах по тропинке, укрытой плотным пологом из листвы, сквозь которую не мог пробиться лунный свет; в моей голове смутно зреда идея предупредить Кит об опасности или умолить ее вернуться в Кранихфельс, снова стать рабыней и все стерпеть, лишь бы свирепые клыки не коснулись ее тела.

Продвигаясь вперед очень медленно, ибо в кромешной темноте леса я боялся потерять тропинку и, кроме того, постоянно наталкивался на деревья, спустя какое-то время я снова увидел луну и мерцающий сквозь листву проблеск желтого света, должно быть, падающий из окна павильона. Я спрятался неподалеку, там, где мог следить за небольшим отрезком освещенной луной тропинки, и замер в ожидании.

Прошло много времени и, не дождавшись шагов Кит, я все-таки начал успокаиваться от того, что и никаких других звуков тоже не услышал. Луна поднималась все выше и выше, и тем не менее ничей другой голос, кроме голоса леса, не разговаривал с ней.

И тут я услышал неподалеку слабое металлическое позвякивание. Хрустнула сухая ветка, и снова повторилось постукивание

чем-то металлическим по металлу. Я тихо позвал Кит и увидел на ярко освещенном луной пятаке силуэт, замерший на секунду, как вкопанный, а потом растворившийся в темноте. Я подошел к ней поближе, успокаивая тихим голосом, нащупал в темноте ее руку и почувствовал, что Кит во что-то одета: эта мягкая ткань на ощупь напоминала шерсть хорошего качества или бархатистый мех, или нечто, похожее на молескин. В ее тихом смехе звучали радостное волнение и энтузиазм, но она не стала ничего рассказывать, пока мы не добрались до наших скал. Прислоняясь к скале, часто и тяжело дыша, она вложила мне в руку маленькую остро наточенную лопатку и маленький топорик.

— На это ушло много времени, — сказала она. — Я забыла, где находится сарай с инструментами и не рискнула расхаживать по двору, пока не стемнело, но когда стемнело, все здания закрыли на замок. Но даже в темноте я знала, как пройти в *Ankleidezimmer* — это что-то вроде костюмерной, — где нас наряжают в наши маскарадные костюмы перед охотой. Там много чего можно найти. Дверь была заперта, но окно оставалось открытым. Я влезла в окно, нашла вот эту одежду, что на мне, а потом увидела открытую дверь в кладовку и там вот эти инструменты. Смотри, совсем новые! Но, увы, я ничего не нашла для тебя из одежды.

Она снова засмеялась и вообще была так довольна собой и тем, чего ей удалось добиться, что хоть я и собирался рассказать ей о своей находке в ее отсутствие и умолять вернуться, сердце мое подвело меня, и у меня не хватило на это духу. И только когда она склонилась над ручьем, чтобы напиться, и я увидел ее всю целиком в лунном свете, мне стало понятно, что во всех действиях Ханса фон Хакелиберга, во всем, что касалось его рабов, в мельчайших подробностях их жизни прослеживалась некая маниакальная логика, и что нельзя было уйти из сетей его единственной безумной идеи: одежда Кит представляла собой комбинезон, плотно облегающий тело и подчеркивающий его пропорции, вроде того, что танцоры носят на репетициях, и тем не менее он был сшит из ткани, не отличимой по дьявольской задумке от шкуры животного. И когда Кит стояла на четвереньках, низко опустив голову к воде, так что лица ее не было видно, а лунный свет мерцал на странной, лоснящейся темной шкуре, покрывающей ее тело с головы до ног, она была похожа на гладкошерстного гибкого зверя, выскользнувшего из темноты леса на водопой. На какую-то секунду она показалась мне совершенно чужой и незнакомой, и, потрясенный, я почувствовал, что колдовские сети снова опутали нас, и увидел как наяву злобную усмешку, игравшую на губах Ханса фон Хакелиберга, когда он положил конец нашему короткому празднику существования в человеческом, а не зверином обличье.

Я схватил ее и рывком поставил на ноги, вернув в нормальное положение, но когда увидел, что моя грубость испугала ее, смог лишь пробормотать, нервничая, что ее костюм показался мне очень странным.

— Ну конечно, тебе он таким и должен был показаться, — ответила она спокойно и рассудительно. — Я довольно часто его видела, а ты нет. В таком костюме рабы ходят зимой: он охраняет от самого свирепого ветра и непроницаем для дождя и снега.

— Давай уйдем отсюда, — сказал я и, подобрав с земли инструменты, отправился первым в путь, за скалы, подальше от открытого пространства и темной березовой рощи. Пока еще не поздно, я должен был сказать ей, что мой план никуда не годится: что в это и поверить-то нельзя, чтобы фон Хакелнберг оставил нас в покое на те несколько недель, которые понадобятся на рытье подкопа. Но я уже заразил ее своим энтузиазмом; не только словами, как таковыми, а самим своим присутствием, своей нежностью я убедил ее, что побег возможен, осуществим, реален, потому что мы так сильно жаждем его. И кроме того, она была так довольна собой, так гордилась тем, как она исполнила пред назначенную ей роль, что у меня духу не хватило разрушить ее иллюзии.

Мы быстро шли по освещенным луной просекам, Кит все время что-то быстро говорила мне тихим голосом, отстаивая преимущества какого-либо места для начала подкопа неподалеку от заграждения, но я слушал ее вполуха. Мне надо было придумать другой план, а я не мог. Тайком от Кит я провел пальцем по острию лопаты; топорик был намного лучше, но зато лопата была тяжелей. Я попросил Кит взять топорик.

Мы направлялись в ту часть леса, про которую Кит говорила, что она максимально удалена от Замка; это была сильно заросшая подлеском местность, где редко кто бывал: упавшие деревья здесь никто не убирал. Кит спряталась в этом месте, когда на нее охотились, и отсиделась тут неделю вдали от собак. Она научилась находить сюда дорогу в темноте после того, как по ночам искала еду в менее укромных уголках леса. Несколько она помнила, кустарник и вересковые заросли подходили здесь близко к заграждению. Это было хорошее место для нашего подкопа. Здесь нам надлежало работать по ночам, днем прятаться, а чтобы добывать еду, Кит предстояло действовать по тому же плану, что и в Краинхфельсе, но на этот раз она собиралась отправиться в бараки для рабов в самом Замке. Единственный способ посрамить немецкую дотошность, заявила Кит, это сделать что-то дерзко-абсурдное: немцы никогда не заподозрят, что ариец способен добровольно влезть в шкуру раба-недочеловека.

Вот так мы и шли: Кит — с верой и радостью, я — ломая голову над тем, как изобрести какую-нибудь новую уловку, и пришли наконец на какую-то возвышенность, поросшую папоротником, густой высокой травой и редкими дубами. Ночь была очень тихая и совсем не холодная. Запыхавшись от бега, Кит расслабила ворот своего комбинезона.

— О, Господи! — воскликнула она. — Да я в этой шкурке сварюсь заживо. Как бы мне хотелось, чтоб...

Ее речь оборвалась на полуслове. Она схватила меня за руку, и при свете луны я увидел, что глаза ее расширены.

— Ты слышал? — прошептала она.

Да, я слышал. Наконец я услышал тот звук, которого ожидал с того самого момента, когда нашел остатки лохмарьев бедного француза. В тишине ночи очень далеко, но очень отчетливо пропустил рог. Он долетел до нас через залитые лунным светом леса, веселый боевой призыв, и прозвучи он ранним осенним утром, он заставил бы мою кровь радостно струиться по жилам. Мы стояли, замерев, и все прислушивались к тишине даже после того как звук угас, не смея снова поднять глаза и взглянуть друг на друга. И он прозвучал опять, торжествующий, полный ликующей радости, вызывающий восторг, и на этот раз к нему примешивался отрывистый, нетерпеливый лай собак, напавших на след.

Я схватил Кит за плечи.

— Ты должна вернуться! Ты должна вернуться! Вернуться в Краинхфельс. Иди и сдайся им. Сейчас Граф охотится на меня. Ты будешь в безопасности, если только не будешь со мной вместе.

Я был неистов в своей настойчивости, но она не поддавалась на уговоры.

— Нет! Я тебя не оставлю. Я покажу тебе, где можно спрятаться. Они мне ничего не сделают, даже если я буду с тобой. Мне знаком этот лай. Эти псы не из свирепых. Этих они используют только для выслеживания. Они их не натравят на нас. Мы от них избавимся. Ну пошли! Ну пошли же!

То, что она говорила, было похоже на правду, во всяком случае, это было не исключено. Так или иначе, наша единственная надежда на спасение состояла в том, чтобы добраться до тех чащоб, которые были ей хорошо знакомы. И мы побежали по тропинке, ведущей сквозь редкую дубраву.

И вскоре я получил еще одно доказательство того, что мое прошлое не было галлюцинацией, потому что оно еще раз предало меня в моем сегодняшнем, столь невероятном настоящем. Я должен был бежать по пересеченной местности без особых мук и усилий и снова обнаружил, как и во время побега из ОФЛАГ-XXIXZ, что два года плена, два года недодедания и недостатка физической активности отняли у меня

силу и выносливость. Уже после первой мили я начал обливаться потом, я задыхался, и ноги мои были, как две колоды. Я больше не старался уговорить Кит расстаться со мной, и не только потому, что задыхался от бега и не мог выговорить ни слова. Увы, без нее я ни за что не продержался бы на этой скорости. Горько было думать, что даже спасаясь бегством от фон Хакелнберга, мы исполняли его волю. Ведь именно для этой цели и тренировали Кит: я представил себе, как он восхищается ее красивым, свободным бегом, ее легким дыханием и злобно скалится, гордясь результатами своего труда.

Прошло некоторое время, прежде чем мы снова услышали звук рога, и теперь он был слабее. Мы оторвались от собак. Но сейчас мы оказались на очень неровной местности и карабкались по тропинкам, которые больше напоминали русла маленьких, но стремительных потоков, и здесь легко было упасть, растянуть связки и переломать ноги. Но мои олены мокасины и туфли Кит из мягкой кожи помогали нам чувствовать себя уверенно на скользких камнях, и, подстегиваемые страхом, мы смело перепрыгивали с камня на камень. Мне казалось, что запах не сохранится на голых холодных камнях, и потому, где можно было, мы скатывались вниз по широким скальным плитам, разбросанным по склону. Нашим главным и самым верным союзником была вода, и я понял, что Кит именно так и считала. Мы нырнули в высокую траву и молодую поросьль берез и тополей у подножья холма, и тут я почувствовал, что земля пружинит и хлюпает под ногами. Вскоре мы оказались в травянистой трясине, погружаясь глубже и глубже, до тех пор, пока вода не стала мне по грудь. И тут мы почувствовали под ногами относительно твердое дно и, работая руками, как веслами, прошли сквозь небольшой пруд, находившийся в центре трясины. Мы дошли до впадающего в нее ручья, а потом поднялись вверх по его течению, спотыкаясь на камнях и проваливаясь в промоины, постепенно взбираясь по его руслу. Оно вывело нас к нагорному болоту, и там мы наконец отдохнули, присев на сырой, вибрирующий под ногами дерн.

— Они потеряют кучу времени на болоте, — задыхаясь, произнесла Кит. — Им придется обойти все болото, чтобы собаки снова напали на след. Пойшли!

Но теперь она не могла сообразить, в какую сторону нам идти, и мы сами потеряли кучу времени, медленно продвигаясь вперед по болотистой равнине, то и дело останавливаясь, пытаясь при лунном свете разглядеть низкие поросшие лесом горы, окружавшие нас. Когда же мы выбралисъ на твердую землю и Кит заявила, что узнает это место, мы снова услышали, как собаки подали голос.

Мы изо всех сил рвались вперед, иногда бежали, где это было возможно, но большую часть времени тащились, еле волоча ноги и спотыкаясь. Кит была совершенно вымотана. У нас не было сил

говорить, и мы молча шли рядом; нас отделяла друг от друга телесная усталость и насущная необходимость заниматься собственным вырывающимся из груди сердцем, рвущимися легкими и усталыми конечностями. Я все еще держал в руках лопату, хотя это ужасно мешало мне, а Кит давно бросила свой топорик. Я слишком устал, чтобы отреагировать на это.

Тропинки больше не было. Мы вслепую продирались сквозь подлесок, такой густой, что местами вынуждены были ползти на четвереньках. Не знаю, сколько времени прошло, пока мы пробирались через этот кустарник; не знаю и того, как далеко нам удалось убежать — все спуталось и перемешалось в моей голове: то, что мы делали сейчас, казалось, продолжается уже тысячу лет, а наше барахтанье в пруду было чем-то очень давним, когда мы еще были свежими и полными сил.

Я чуть не споткнулся о Кит. Она лежала неподвижно и застонала при моем прикосновении.

— Я больше не могу, — прошептала она. Я лег рядом с ней, сам слишком вымотанный, чтобы понуждать ее двигаться, и прислушался. Из-за нашего тяжелого дыхания мне ничего не было слышно. Мы лежали до тех пор, пока дыхание не начало восстанавливаться, но и тогда казалось, что тишину ничто не нарушает.

Надо было признать, что этот сумасшедший охотник получил то, что ему было нужно: его собаки и его рог превратили нас в испуганных животных, съежившихся от страха, жалких, с безумной надеждой на избавление скрывающихся в чащобе. Нам ничего не оставалось, кроме надежды на то, что собаки не найдут нас — бежать мы все равно больше не могли. Я снова попробовал острие своей лопаты и крепко сжал в руках черенок. По крайней мере, разделяюсь с парой псов, прежде чем они перегрызут мне горло. Но это было мало подходящее место для боя не на жизнь, а на смерть — здесь нельзя было даже замахнуться. Густые ветви кустарника держали меня крепко; собака же могла проползти на брюхе и схватить меня, как хватает хорек крысу, засевшую в норе. Я попробовал уговорить Кит выползти на более открытое пространство.

— Это самое лучшее место, здесь самый густой подлесок, — ответила она устало. — Заграждение должно быть где-то неподалеку. Лучшее, что мы можем сделать, — лежать здесь тихо. Они лишь получат больше удовольствия, если выгонят нас на открытое место.

Я лежал до тех пор, пока ко мне не вернулись силы, но бездействие и молчаливое ожидание не для меня. Таша за собой лопату, я начал пробираться вперед — хотелось посмотреть, где заканчивались эти заросли.

Раза два я потихоньку окликнул Кит и, удаляясь от нее, слышал ее голос. Я не хотел уходить за пределы слышимости — боялся

потерять ее. Спустя какое-то время кустарник поредел, и я обнаружил, что могу идти прямо, не сгибаясь, раздвигая ветви плечами, хотя пока еще ничего не видел вокруг, кроме луны. Считая, что нахожусь не очень далеко от Кит, я буквально вывалился из кустов на пустошь, поросшую вереском. Мне пришлось сразу же спрятаться, упав на землю за невысокими кустами, потому что в трехстах-четырехстах ярдах сбоку от меня находилась сторожевая вышка. А впереди, всего в пятидесяти-шестидесяти ярдах, я увидел заграждение — ту самую слабо светящуюся стену, которая была видна в ту лунную ночь, хотя сейчас мне казалось, что я различаю более бледные линии проводов. Я пополз по краю кустарника налево — подальше от сторожевой вышки, держась, как я предполагал, примерно на одном и том же расстоянии от того места, где оставил Кит.

Вскоре я заметил, что кустарник постепенно удаляется от ограды, и передо мной предстало большое открытое пространство — своего рода широкая, хотя и неухоженная аллея, прорезавшая эту часть леса. Возможно, здесь когда-то был лесной пожар. Аллея вела прямо к ограде. Понимая, что окажись мы всего на сто ярдов левее, можно было бы добраться до нашего нынешнего убежища без мучительной битвы с кустарником, а также с тоской в сердце отмечая то, что с двух сторон мы находимся очень близко от края нашего укрытия, я сел подумать, что же нам делать. Не успел я устроиться в высокой траве, как услышал где-то за своей спиной лай собак.

Теперь они были ужасающе близко, и мне слишком хорошо была знакома эта уверенная, сильнаяnota в их лае. Я напряг слух и услышал еще один звук — хруст сухих ветвей под ногами людей. Звонкое, радостное «Ату!» послышалось прямо из кустарника и было подхвачено еще кем-то вдалеке на аллее. Не рискуя окликнуть Кит, я начал ползком пробираться в кусты, чтобы быть вместе с ней. Потом я остановился, подумал и вернулся на аллею, спрятавшись там в засохшей траве. Собаки шли по моему следу — в этом я был уверен, ибо здесь не охотились на «девушек-пернатых» по ночам. Кит это тоже знала. Я предположил, что она, конечно же, попытается уползти в сторону от нашего следа; ищёйки не погонятся за новой жертвой, когда мой запах так силен: они пробегут мимо нее в кустах, мой запах выведет их на открытое место, где они завернутся в поисках меня. Крепко ухватив свою лопату, я стал ждать.

Снова раздался их лай, и теперь мне казалось, что они миновали то место, где я оставил Кит. Мои планы изменились: я приподнялся, думая, что теперь, отдохнувшись, смог бы пробежать по аллее и увести собак от Кит. Но прежде чем я расправился, со стороны аллеи раздался громкий шум: звенящий звук графского рога, властный, возбуждающий и

повелительный, топот конских копыт и ужасающее близко и устрашающее неожиданно — поток пронзительного безумного визга и искаженный человеческий лепет, который я уже дважды слышал в Хакелинберге.

Ханс фон Хакелинберг ехал верхом по длинной просеке в сопровождении всех своих «кошек», визжащих и жаждущих крови. Они приближались на огромной скорости, и к своему ужасу я понял, что не могу ни стоять, ни бежать. Я видел темные силуэты всадников, мчащихся галопом по высокой траве и по вересковой пустоши, и перед ними дюжину — нет, десятка два или больше — человеческих силуэтов, скорее прыгающих, чем бегущих, двигающихся длинными летящими скачками. Я видел, как чернеют на фоне залитого луной неба взлетающие вверх головы пантер; на фоне травы их согбенные силуэты казались не черными, а коричневато-серыми, а в молочном свете, исходившем от ограды, их конечности были бледными. Ищечки лаяли у меня за спиной, где-то неподалеку от ограды, но я больше не обращал на них внимания. Я не мог оторвать глаз от этих существ, скачущих по направлению ко мне, и думать о чем-либо ином, кроме стального блеска когтей на их темных руках. А потом я увидел, что среди них был человек, казавшийся гигантом в лунном свете — тот, у кого на груди слабо мерцало серебро. Он еще раз протрубил в рог, громко и дерзко заявляя о своем праве на вожделенное кровопролитие. Я вытер ладони о свои ворсистые брюки, медленно поднялся на ноги у густого куста и занес свое оружие над головой.

И тут неожиданно за спиной у Ханса фон Хакелинberга раздался громкий крик; сам же Граф сдержал свою лошадь и резко протрубил в свой рог. Визг и бормотание «кошек» в один миг превратились в единый сдержанный хриплый крик. Но они увидели не меня.

Отделившись от кустарника темный силуэт пересекал залитое луной открытое пространство в нескольких ярдах от своры. Человек обернулся и побежал по аллее прямо к ограде.

«Кошки» бросились вперед, словно полетели над пустошью. Их визг прекратился, но когда они с шумом пронеслись мимо меня, я услышал громкое всхлипывание, похожее на один общий вдох, как будто каждый злой рот втянул в себя глоток воздуха, уже напитанного запахом крови жертвы. Черная фигура все еще вела их за собой. Она бежала так, как бегут, спасая свою жизнь, но прямо в сторону бледно светящейся стены, испускающей более яркий, нежели лунный, свет. Слишком поздно, подумал я, она уже не свернет в сторону. Еще не зная, что мне делать, не думая ни о Хансе фон Хакелинберге, ни о его «кошках», ни о его псах, я закричал и побежал за ней следом.

Фон Хакелинберг тоже понял, чего добивалась Кит. Он поскакал за своей сворой, громовым голосом посыпая проклятия, затем начал

трубить в свой рог, отзывая «кошек» назад короткими неистовыми звуками; я слышал длинные, громкие визгливые звуки, вылетающие из графского рога.

Но «кошки» наметили себе жертву и не выпускали ее из поля зрения; они быстро догоняли ее, и я знал, что ничто их не остановит. Я видел, как Кит бросилась на светящийся барьер, как будто это была сплошная стена, на которую она хотела взобраться, и я выкрикнул ее имя, холодея от ужаса при виде той, кто своей психической нормальностью словно доказала и мое собственное здравомыслие, а сейчас обезумела от страха. Но уже в следующую минуту я понял, что это не так. Даже когда она прыгнула на ограду, она выкрикивала мое имя. Я слышал ее, слышал несмотря на крики, свист и завывание рога, я слышал, как она звала, и в голосе ее звучало не безумие, а потрясающая преданность: «Алан! Алан! Беги! Беги через ограду!»

А под нею, на фоне слабо светящегося белого экрана, вся свора свалилась в кучу — кучу переплетенных тел, вздернутых в порыве рук, выделявшуюся черным силуэтом. И сейчас я снова услышал их крики — короткие, безумные вопли и стоны предсмертной агонии. Силуэты всадников скакали и приплясывали между кустарником и оградой, свистки раздавались непрерывно, и столь же непрерывно трубил рог фон Хакелнберга, сигнал за сигналом.

Я продолжал двигаться в их сторону, пробираясь сквозь редкий кустарник, растущий по краю чащи, и все время не сводил глаз с черной фигуры, венчавшей корчившуюся в судорогах массу; она лежала совершенно неподвижно, раскинув руки, как будто их поддерживал верхний ряд проволоки; голова ее упала и ноги повисли. Она висела там, мертвая, как символ жертвенности и спасения. И когда я остановился по колено в траве и вереске, растущем у самой ограды, я увидел, что тело Кит объято слабым свечением, как будто каждый крошечный волосок бархатной шкуры, облегавшей ее тело, тронула измозорь.

Мой мозг и мое сердце были так потрясены этим страшным ударом, что я забыл об опасности, которую она старалась увести от меня. Мне кажется, я, спотыкаясь, пошел к ней, уже не прячась, выкрикивая ее имя, когда вдруг ее голос, столь же реальный, как эхо, снова прозвучал у меня в ушах: «Алан! Беги!», и тут я понял, почему она выбрала смерть, и вспомнил, какими глазами сама она смотрела на то же раньше. Свечение ограды быстро угасло, прекратились и призывные звуки рога, и свистки. И прежде чем луч прожектора ударили со сторожевой вышки, я увидел холодный блеск проволоки под луной, а за ней — вереск и березы, и черный массив соснового леса. Луч на секунду задержался на ограде, потом отыскал группу людей у проволоки и остановился на ней.

И тут мне стало совершенно ясно, что я должен делать. Лесники подъехали очень близко к ограде. Я слышал хлопанье их тяжелых кнутов, вой обезумевших от боли «кошек», их визг и стоны. Клубок из тел, рук и ног откатился от ограды и распался на дюжину «кошек», крутившихся под копытами лошадей, ворчавших, фыркавших, визжавших, пускавших в ход когти в драке со своими ранеными соплеменницами, в то время как хозяева ругались и разнимали их кнутами, отгоняя к опушке леса. Я бежал под прикрытием луча прожектора, уверенный, что те, кто попадали под этот луч, слепли, и я становился невидимым для них, псари же придерживали своих ищеек, думая, что их работа на сегодня закончена, а часовые на башне будильно следили за тем, что осталось от своры. Я пересек два ярда голой земли у забора, приподнял проволоку рукой, проскользнул под ней и побежал, пригибаясь к земле, сквозь вересковые кустики туда, где лежало тело Кит.

Но прежде чем я добрался до него, Ханс фон Хакельберг и двое лесничих спешились. Они шли между черневшими тут и там на земле телами (одни лежали неподвижно, другие корчились в муках), короткими сильными ударами своих кривых сабель двое парней успокаивали тех «кошек», что все еще были живы. Ханс фон Хакельберг шагал прямо к повисшему на ограде телу. Он сдернул его с проволоки и, размахивал им над головой, держал в огромных руках-лапах. Я был невидим для него, потому что стоял за пределами освещенного прожектором места, но теперь я шагнул вперед, и он увидел меня в полусвете-полутьме — между нами было не больше двадцати футов и легкая ненадежная ограда.

Парни тоже увидели меня и обнажили клинки, как будто собираясь напасть, но фон Хакельберг остановил их коротким криком. Он стоял, держа в руках обмякшее тело Кит в саване из пепельного бархата, мерцающего в луче прожектора, потом медленно повернулся и взглянул на остатки скулившей своры, которую с трудом сдерживали сидевшие на лошадях лесники. Он снова полуобернулся ко мне. Яркий свет превратил черты его лица в карикатурное изображение гнева и жестокости, еще в большей степени лишенное всего человеческого, нежели создания его собственной злой фантазии, но я его больше не боялся. Мое внимание переключилось с его свирепой силы на жалкое мертвое тело у него в руках, и тут я впервые понял, что такая потеря вырывает с корнем из души все муки и страдания и превращает сердце в пустыню, куда никогда уже не вернется страх и боль. Его гневный крик оставил меня равнодушным, и я понял смысл его слов уже после того как он отвернулся от меня.

— Ступай! — заревел он. — Сегодня ночью ты свободен. Ханс фон Хакельберг милует тебя сегодня, чтобы вновь охотиться на тебя, когда взойдет другая луна!

Я не знал и не хотел знать, по каким законам его безумной садистской логики мне была дарована жизнь. Лесники отступили и вложили сабли в ножны. Я должен был перелезть через ограду и встретить смерть от стальных ножей этих монстров, но прожектор погас, белые лучи в один миг охватили пламенем всю проволоку, и я увидел фон Хакелнберга с его страшной ношей сквозь этот странный экран, бессветный, не отбрасывающий тени, лишенный материальности, столь же удаленный от меня, насколько я был удален от белой, холодной и спокойной луны. Я увидел его черный, похожий на привидение силуэт, зашагавший к своей призрачной своре, увидел, как он снова высоко поднял слабо светившееся тело и швырнул его в центр своры.

Не знаю, сколько времени я пролежал в вереске, уставившись на тонкую светящуюся стену. Должно быть, я смотрел на нее долгое время спустя после того, как последнее движение замерло за этой стеной, не в силах ни думать, ни двигаться. Я ничего не слышал и ничего не видел. Моя память не запечатлела того, что произошло позднее в эту ночь или много-много ночей спустя. Только в моем теле до сих пор сохранилась своего рода физическая память о том, как я встал и сорвал с себя наряд из гардеробной фон Хакелнберга и как потом, в состоянии, напоминавшем транс, вызванный усталостью, шел по лесу, шел и шел до тех пор, пока лунный свет и тени не закачались у меня перед глазами, я ослеп, и земля улетела у меня из-под ног.

ГЛАВА VIII

Кошка, тихо спавшая на коврике перед камином весь последний час рассказа Алана, проснулась, когда он замолчал, зевнула и вспрыгнула на подлокотник его кресла. Он поднялся, подпихнул в почти угасший огонь последнее недогоревшее бревно и передернулся от холода.

— У немецкой полиции почти не было сомнения в том, что у меня не все дома, — сказал он, — когда они нашли меня, совершенно голого, бредущего вдоль железнодорожного полотна. Это было в маленьком mestechke Крамерсдорф, кажется, не очень далеко от Даммерштадта — той самой станции, к которой я первоначально направлялся. Меня продержали месяц в госпитале, а потом или решили, что я здоров, или им было все равно, но меня опять посадили в клетку — хотя и в другой лагерь. Это было в сентябре 1943 года. И там я оставался до прихода русских в мае сорок пятого.

— Но где ты все-таки был, как тебе кажется, а?.. — начал я. — Я хочу сказать, разве немецкая полиция не задалась вопросом, что ты делал после побега из лагеря и до того, как тебя подобрали у железной дороги?

— Если они и узнали что-нибудь, мне они об этом ничего не сообщили.

Он долго молчал, а потом вздохнул.

— Ну да ладно, вот и все, что со мной произошло, пока у меня не все были дома. Я тебе уже сказал, что если пройдет спокойно еще один год и это состояние не вернется назад, я сделаю Элизабет предложение и надеюсь, сумею забыть, что когда-то был безумен. Ты продержался и не уснул, пока я рассказывал тебе свою историю, теперь ложись спать и забудь все, что услышал. Никому другому я этого не поведаю.

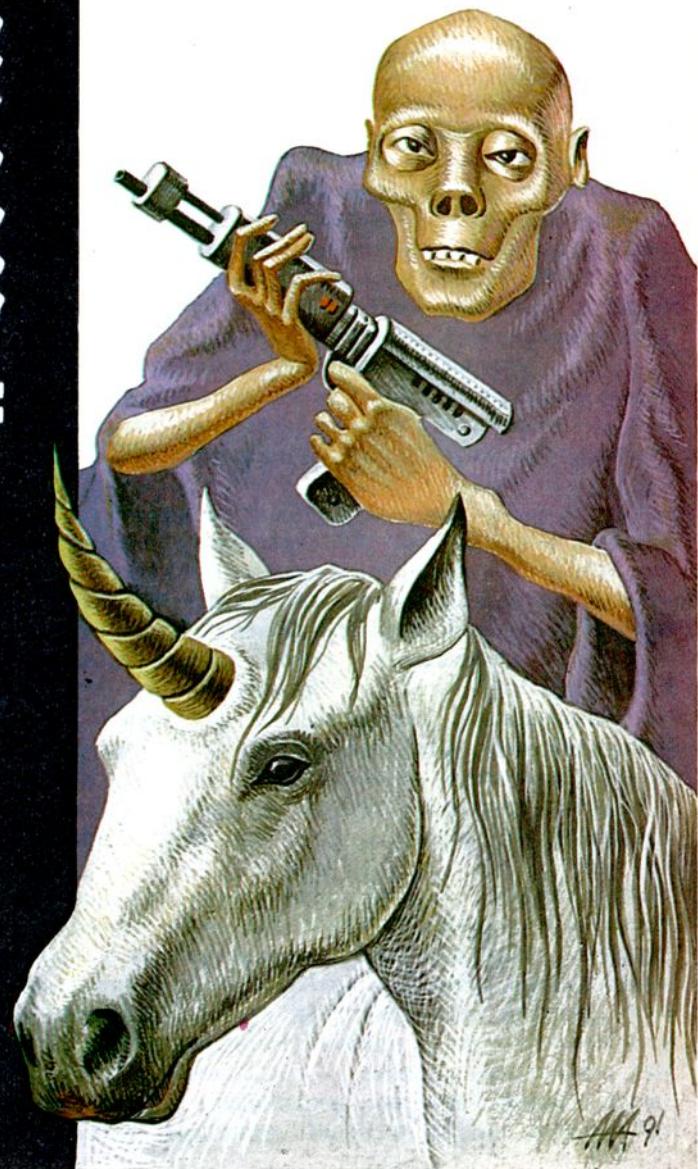
— Нет, — сказал я. — Ты должен рассказать об этом Элизабет. Она должна это узнать.

Он вышел, ничего не возразив, и я услышал, как он отодвигает щеколду у входной двери.

— Не знаю, — пробормотал он себе под нос. — Не знаю. — Он неожиданно выругался вполголоса. — Куда опять делся этот кот? Чертовски много хлопот с этими кошками.

ЛАРРИ НИВЕН

larryiven



11191

Перевод с англ. *Сергея Назарука*

Лит. обработка *Дины Коган*

ПОЛЕТ ЛОШАДИ

...1100-й год Послеатомной Эры. 1100 лет назад был произведен первый взрыв атомной бомбы и около 1000 лет назад с лица Земли исчезла последняя Лошадь.

Институт Темпоральных Исследований. В огромном зале предстартовая суeta: И вот наконец старт! В приемной камере машины времени появилась дымка, очертания хронокapsулы затуманились, размылись. Легкий хлопок, и капсула исчезла...

750 год Доатомной Эры (1200-й год от Рождества Христова). Хэнвил Светс вышел из хронокапсулы и огляделся. Это было его первое путешествие в Прошлое. Долгие изнуряющие тренировки, предшествовавшие старту, были не реальным перемещением во времени, а только моделью, создаваемой компьютером тренажера. Самый короткий временной скачок обходился Институту Темпоральных Исследований в несколько миллионов кредитов, и даже такая мощная организация не могла позволить себе тратить астрономические суммы на тренаж в условиях реальности.

Легкое головокружение, которое испытывал Светс, скорее всего результат резкой, скачкообразно меняющейся гравитации — приятной, но неизбежной особенности всякого перемещения во времени.

Он стоял, держась рукой за выпуклую стену хронокапсулы. Овеянный легким ветерком, упивался чистым воздухом доиндустриальной эпохи, напоенным незнакомыми ароматами. Светс все еще никак не мог поверить, что прибыл в давно ис��нувший мир. Он совершил это путешествие, чтобы поймать Лошадь, и отнюдь не надеялся встретить ее прямо у люка хронокапсулы.

Большая это Лошадь или маленькая? Где ее искать? Дискуссии по этому вопросу в Институте Темпоральных Исследований не дали однозначного ответа. И неудивительно: ведь единственными источниками сведений о Лошади были несколько картинок в детской книжке, доставленной из Прошлого, да еще старинные легенды о том, что Лошадь каким-то образом использовалась для перевозки людей и грузов.

Светс стоял под свинцово-серым небом рядом с хронокапсулой, глядя на простирающуюся перед ним зеленую равнину, и не сразу осознал, что уже несколько секунд прямо перед ним стоит... Лошадь. Она стояла ярдах в пятнадцати, обратив к Светсу взгляд своих больших, умных, темнокарих глаз. Она оказалась крупнее, чем ожидал Светс. В книге на картинке Лошадь была коричневой, с короткой густой гривой, а перед Светсом стояло белоснежное животное, грива и хвост которого развевались по ветру подобно длинным блестящим волосам женщины. Были и другие отличия от

картинки, но они уже значения не имели. Ничем иным, кроме Лошади, это животное быть не могло.

Светсу казалось, будто Лошадь разглядывает его, пытаясь понять, что это вдруг появилось перед ней и откуда. Покуда он проклинал свою непредусмотрительность — ружье-наркотизатор осталось в капсule — Лошадь издала ранее никогда не слышанные Светсом звуки, похожие на смех, развернулась и понеслась прочь. Она исчезла из виду на удивление быстро.

Светс стоял у хронокапсулы, и его внезапно залихорадило: только сейчас он полностью осознал, что действительно оказался в далеком и диком Прошлом. И не столько появление Лошади убедило его в этом, сколько расстилающаяся перед ним пустынная равнина, ставшая еще более пустынной после того, как животное исчезло. Во всем обозримом пространстве не было ни строений, ни башен, ни труб, а в свинцово-сером небе — ни малейшего инверсионного следа от летательных аппаратов. Мир деревьев, цветов, мир колышащихся зеленых трав, мир без людей. И тишина... Оглушающая тишина, которую ничто не нарушало, кроме шепота ветра.

В его родном 1100 году Послеатомной Эры на всей Земле не найдется такого места, такой тишины. Именно тишина убедила Светса в том, что он действительно перенесся сквозь века и прибыл на Британские острова до возникновения на них промышленной цивилизации. Он все-таки преодолел Время.

Хронокапсула была частью машины времени, она непосредственно перемещалась по линиям времени. На ней установили автономную воздушную систему, необходимую во время перемещения. Но здесь, на заре цивилизации, когда воздух еще не отравили продукты сгорания угля, газа, нефти, в такой системе не было необходимости.

Светс в смятении отпрянул от девственно чистого мира тишины, укрылся в капсule, под защитой ее стен. Все здесь знакомо и привычно, словно в тренировочном комплексе, родное и близкое. Однако люк он не закрыл. Через несколько минут, успокоившись, Светс начал готовиться к охоте.

Лошадь исчезла, но теперь он твердо знал, что в этой местности Лошади водятся и имел представление об их размерах. Пора браться за дело. Светс зарядил наркотизатор — тяжелое ружье, стреляющее усыпляющими кристаллами. Он подобрал кристалл нужной величины, исходя из размеров Лошади. В коробке лежали разные заряды, самый маленький из них предназначался для мелких животных, а самый большой мог уложить слона.

С заряженным наркотизатором Светс шагнул к открытому луку — и тут все снова поплыло у него перед глазами, колени подогнулись, и он вынужден был опереться рукой о стену, чтобы не упасть. Очень неприятные и странные ощущения. Капсula при-

была в заданное время около двадцати минут назад, и Светс считал, что уже успел оправиться от перегрузок. Хотя кто знает? Ведь никогда еще Институт не посыпал исследователей так далеко в доиндустриальную эпоху. Да к тому же перемещение оказалось не только долгим, но и тяжелым: от резких скачков гравитации его чуть не размазало по стенкам хронокapsулы...

В голове немного прояснилось, и Светс занялся подготовкой необходимого для поимки Лошади снаряжения.

Чтобы догнать животное, поймать и отвезти его в хронокapsулу, предполагалось использовать глейдер — компактный, но очень мощный летательный аппарат. Глейдер походил на пятифутовую толстую палку; на одном конце — рукоять системы управления, на другом — метелка-щетка силового стабилизатора, а посередине — небольшое сиденье для водителя. Эта машина была высшим достижением технической мысли.

Но несмотря на небольшие размеры, даже со снятым двигателем глейдер весил около тридцати фунтов, и Светсу пришлось изрядно попотеть, прежде чем он освободил аппарат из креплений и смытировал его. Светс вообще не отличался физической силой и после таких упражнений снова почувствовал головокружение и тошноту. Он с трудом подтащил глейдер к открытому люку, и тут сознание померкло.

— Мы не можем точно сказать, где, в каком именно месте, в какой момент времени в Прошлом ты окажешься, — говорил ему Ра-Шен — директор Института Тимпоральных Исследований, грузный, толстый мужчина с крупными чертами красного лица. Его появление всюду сопровождалось шумным, как у старинного паровоза, сопением.

— Дело в том, что нам не удастся зафиксировать день, даже год, в который мы отправляем твою капсулу. Но я могу гарантировать, что по закону соответствия энергий ты не вынырнешь вдруг под землей или внутри какого-нибудь предмета. А если вдруг хронокапсула окажется высоко в воздухе, то автономные силовые генераторы плавно опустят ее на землю. Этот спуск дорого нам обойдется, но тут уж выбирать не приходится.

Естественно, что после такого инструктажа Светса всю ночь мучили кошмары. Во сне его хронокапсула снова и снова оказывалась внутри скалы, которая тут же взрывалась с адским грохотом.

— Официально Лошадь заказана Отделом Истории, — объяснял Ра-Шен. — Но на самом деле она предназначается в подарок Генеральному Секретарю на его двадцативосьмилетие. Ты знаешь, что соображает он не лучше шестилетнего ребенка. На его день рождения собирается вся правящая семья, а нас, к сожалению, угораздило подарить этому кретину книжку с картинками, которую привезли из сто тридцатого года Доатомной Эры. И вот теперь этот «ребеночек» хочет получить живую Лошадь. Представляешь?

Слушая крамольные рассуждения Ра-Шена, Светс в деталях представлял себе сцену расстрела за государственную измену, в которой сам он играл главную роль. — Беда в том, что мы не можем указать его блажь в качестве причины отправки экспедиции. Поэтому-то и родился этот липовый заказ Отдела Истории. Привези самца. Мы возьмем у него клетки для клонирования и наделаем столько лошадей, сколько душа пожелает, точнее, сколько найдется желающих купить себе живую лошадь. А оригинал передадим Объединенным Нациям.

— Неужели найдется еще хоть один идиот, которому понадобится Лошадь?

Светсу это казалось полным абсурдом. Он видел компьютерную копию изображения Лошади в детской книжке, и этот зверь явно не вдохновил его.

— Мы еще никого и никогда не отправляли так далеко в Прошлое. Ты — первый, — «успокаивал» Ра-Шен Светса в ночь перед стартом. — Помни это, мой мальчик. Если что-нибудь случится, не рассчитывай на инструкции и оборудование. Надейся на свою голову, и только на нее. Видит бог, это небольшая надежда, но...

Ночью Светс не мог заснуть ни на минуту.

— Ты перепуган до чертиков, — прокомментировал утром Ра-Шен состояние Светса, когда они подходили к хронокapsule. — Но хорошо уже, что ты можешь это скрывать. Кажется, только я и заметил. Именно потому я и выбрал тебя: ты можешь трястись от страха и все же упорно идти вперед. Так что не смей возвращаться без Лошади! — грохотал Ра-Шен. — Слышишь, Светс, ты ответишь за все головой, своей головой! Понял?!

Светс пришел в себя и с трудом поднялся. Воздух! Если не закрыть люк, его ждет медленная смерть! Но вот люк закрыт. Светс сидел на полу, раскачиваясь и сжимая руками голову. Ну надо же быть таким идиотом! Все дело в воздухе, в чистом, богатом кислородом воздухе этого мира.

Система кондиционирования в капсуле работала нормально. Контрольные приборы, прошедшие испытания в пустынях Марса, показывали отсутствие угрозы жизни. Разумеется, ведь люк-то закрыт.

Набрав в грудь воздуха, Светс задержал дыхание, распахнул люк и стал внимательно следить за показаниями приборов. Все правильно! Он захлопнул люк и, обливаясь потом от напряжения, стал ждать, когда кондиционер заменит ядовитый воздух на безопасный.

В следующий раз Светс покинул хронокапсулу, оснащенный еще одним достижением высокоразвитой технологии своего време-

ни — шлемом-маской, защищающим от отравления кислородом. Шлем, собственно, был селективной мембраной, которая избирательно пропускала внутрь газы из окружающей среды и поддерживала пригодный для дыхания состав воздуха. Прозрачный, практически невидимый, за исключением обода, которым он закреплялся на шею, шлем при определенном освещении создавал вокруг головы золотистое сияние — точно нимб на старинных иконах. Правда, Светсу такое сравнение не пришло бы в голову, ведь он не имел ни малейшего понятия о средневековой живописи.

Светс был одет в белое, длинное, почти до пят, одеяние, перехваченное поясом, с широкими, свободными рукавами, ткань которого ниспадала мягкими складками. Специалисты Института посчитали такую одежду наиболее подходящей с точки зрения возможных сексуальных и кастовых традиций всех времен и народов. На плече Светса висела сумка с необходимыми для торговли и обмена предметами: небольшой, но очень мощный плазменный пресс, маленький мешочек с кристаллами корунда и несколько пузырьков с красителями — принадлежности для производства драгоценных камней. За спину он повесил наркотизатор. Светс выглядел достаточно экзотично для любого времени.

Все время, пока занимался подготовкой снаряжения, Светс не переставал думать о странном случае: почему воздух родной планеты стал для него смертельным?

Воздух в хронокapsule был тот же, что и в родное для Светса время, и содержал около четырех процентов двуокиси углерода, а атмосфера 750-х Доатомной Эры содержит едва десятую долю этих процентов. Численность людей на планете была тогда невелика, воздуха они потребляли немного, леса еще не уничтожили в созидательном азарте, не отравили землю продуктами горения. Загрязнение воздуха стало прямым следствием развития промышленности, связанной со сжиганием энергоносителей и, следовательно, выбросом двуокиси углерода в атмосферу в таких количествах, что оставшиеся зеленые растения не успевали перерабатывать ее в кислород. И вот организм человека приспособился к богатой углекислым газом атмосфере 1100 года Послеатомной Эры. Именно росту концентрации углекислого газа человечество обязано утолщением первых окончаний лимфатических узлов в подмышечных впадинах. По-видимому, это анатомическое изменение организма и привело к отравлению чистым, богатым кислородом воздухом.

Впредь нужно быть осторожнее. А сейчас, защищенный шлемом, Светс чувствовал себя вполне нормально.

Он оседлал глейдер и включил управление. Послышалось тихое гудение силовой установки, и глейдер легко, как воздушный шарик, поднялся над землей и заскользил на высоте нескольких футов над зеленою безлюдной равниной.

Минут двадцать спустя Светс увидел впереди полуразрушенную, кое-где совсем осыпавшуюся стену. Он двинулся вдоль стены, справедливо решив, что она приведет его к поселениям людей.

Старинные легенды утверждали, а Светс теперь воочию в этом убедился, что Лошадь достаточно большое и сильное животное для тяжелой работы. Рядом с людьми Светс наверняка найдет ее и попытается купить, обменять или даже — он не считал это для себя зазорным — украсть.

Он следовал вдоль стены и очень скоро заметил, что под ней проходит широкая полоса голой, хорошо утрамбованной земли, достаточно широкая, чтобы на ней могли разойтись два человека. А вокруг лежали рыхлые, поросшие травой земли. Он на верном пути: где дорога, там и люди.

Глейдер скользил метрах в десяти над землей, и вскоре Светс действительно увидел босого человека в поношеном темно-коричневом плаще с капюшоном. Смиренно склонив голову, тот брел по дороге, опираясь на палку.

Светс хотел было догнать путника и предложить ему поменять какую-нибудь Лошадь на драгоценные камни. Но потом раздумал: не зная, куда попадет капсула, он не мог заранее выучить язык той местности.

Его размышления прервал дикий вопль. Светс посмотрел на дорогу и увидел, что человек, к которому он собирался обратиться, со всех ног удирает прочь, бросив палку и забыв об усталости.

«Что-то его напугало», — подумал Светс, оглядываясь по сторонам. Вокруг было тихо, и Светс не заметил ничего угрожающего. Наверное, что-то маленькое, но смертельно опасное.

Специалисты Института подсчитали, что человеческая цивилизация уничтожила около тысячи видов млекопитающих, птиц и насекомых. Одни погибли случайно, других изводили целенаправленно. Сведений об исчезнувших видах почти не сохранилось, и вполне возможно, некоторые из них могли оказаться достаточно опасными. Светс почувствовал, как по спине побежали мурашки. Ведь не зря же обратился в бегство бородач в коричневом плаще. То, что тот увидел, могло угрожать и ему, Светсу.

На всякий случай он увеличил скорость глейдера и поднял его повыше. И вообще, что-то он подзадержался в этом мире, но кто же знал, что хронокапсула окажется так далеко от населенных пунктов?

Часа через полтора, закрывшись от ветра силовым экраном, Светс все еще двигался вдоль дороги со скоростью шестьдесят миль в час.

Катастрофическое невезение. Если ему и встречались на дороге люди, то они, в ужасе все бросив, убегали. А поселение все никак не удавалось найти.

Раз он заметил на вершине невысокого холма огромный камень. Насколько Светс знал геологию, естественным образом этот камень здесь оказаться не мог, да и внешний его вид — гладкий, угловатый, с плоскими гранями — говорил об искусственном происхождении. Озадаченный, Светс несколько раз облетел вокруг камня. Он оказался пустотелым, со множеством узких прямоугольных отверстий, назначение которых Светсу было совершенно непонятно.

Жилище? Вряд ли: жить здесь все равно, что жить под землей. Но люди испокон веку стремились строить свои жилища прямоугольными, и с этой точки зрения большой камень вполне мог быть жилищем человека.

Вокруг холма, в низине, разбросаны земляные бугры, покрытые сухой травой, и в каждом было что-то вроде двери, в которую мог бы пройти человек. Все это скорее напоминало огромное гнездо чудовищных насекомых, и поэтому Светс постарался как можно быстрее покинуть эту местность.

Дорога огибала холм и уходила в сторону. Светс решил продолжать свой путь, но вдруг резко остановил глейдер, чуть не вывалившись из седла. За холмом, пересекая ему дорогу, открывался пузырящийся, волнующийся поток. Казалось, какое-то огромное существо мечется в глубине, вызывая волнение поверхности.

Вода! Открытая вода! Смертельная отрава! Светс впоследствии не мог бы сказать, что больше поразило его тогда — то ли Лошадь, которая стояла у края потока, то ли тот факт, что она пила воду, совершая самоубийство.

Лошадь подняла голову от воды и посмотрела на Светса. Это была та самая Лошадь, которую он видел у хронокapsулы — белая, как молоко, со струящейся массой гривы и хвоста. Даже издалека Светс заметил злобу в глазах животного, обращенных к нему. Но как она сумела добраться сюда так быстро?

Светс потянулся за наркотизатором, висевшим до сих пор у него за спиной, но выстрелить не успел.

Девушке на вид было лет шестнадцать, не больше. Длинное одеяние из голубой жесткой материи закрывало ее тело от шеи до колен, оставляя обнаженными руки. Волосы заплетены в тяжелую, толстую косу до пят. Она сидела на подстилке в тени дерева и смотрела на воду. Светс мог бы вообще не заметить ее. Но Лошадь подошла к девушке и улеглась рядом, положив свою жуткую голову ей на колени. Девушка гладила ее за ушами, все еще не замечая Светса.

Лошадь, очевидно, принадлежала девушке, и он не сможет забрать ее просто так. Оставалось надеяться, что удастся ее купить

или выменять. По-хорошему, следовало бы все тщательно обдумать, но времени не было: в любой момент девушка могла посмотреть вверх. Злобный взгляд коричневых глаз Лошади следил за ним.

Светс не мог терять времени, разыскивая бесхозную конягу, поскольку до сих пор наука двадцатого столетия Послеатомной Эры не могла точно прогнозировать фактор Финейгла. Расчеты показали, что энергетический потенциал возвращающегося из Прошлого материального тела, а значит и хронокапсулы, увеличивается в геометрической прогрессии в зависимости от времени пребывания в Прошлом и удаленности выбранного момента Прошлого от конечного пункта переноса. И если Светс задержится в этом мире слишком долго, он может заживо сгореть в своей хронокапсуле, а сама капсула наберет такой энергетический потенциал, что ее появление в приемной камере машины времени высвободит энергию, равную взрыву водородной бомбы.

Надо спешить! Тем более что с этой Лошадью ему повезло: она только что напилась у открытого водоема и вскоре должна погибнуть. Поэтому ее исчезновение никак не повлияет на ход Истории и развитие цивилизации. Только бы удалось преодолеть страх перед этим чудовищем.

Хотя, если разобраться, чего он боится? Лошадь ручная. Юная, хрупкая девушка без труда справляется с ней. Но страх был у него в крови. Кроме того, Ра-Шен не предупреждал о существовании у Лошади оружия, которое дала ей сама природа, а на картинке в кн жк Светс не видел ничего подобного. Может, позднее люди научились обезоруживать Лошадь до того, как животное становилось взрослым и опасным? Тогда Светсу следовало бы появиться здесь на несколько веков позже.

Пристальный взгляд Лошади пыпал злобой. Она словно знала, что Светс боится. А может, подстрелить ее из засады? Нет, невозможно. Девушка вряд ли обрадуется, когда ее любимица ни с того ни с сего вдруг упадет бездыханной. И уж совсем невозможно будет ей объяснить, что побудило Светса сделать это. Делать нечего: придется выполнять задание. Светс был совершенно уверен, что если не сможет завоевать доверие девушки или ей самой не удастся удержать зверя, то Лошадь непременно убьет его.

Лошадь пристально следила за каждым движением Светса, но не двигалась. Девушка, раскрыв рот от удивления, округлившимися глазами смотрела на приближающееся к ней чудо. Она что-то произнесла, явно вопросительно. «Должно быть, со стороны это выглядит забавно, — подумал Светс, изо всех сил стараясь, чтобы его улыбка выглядела дружеской и искренней. — Только бы она не убежала...»

Он знал, что выглядит весьма впечатляюще — летящий в фуре над землей, в развевающейся одежде, верхом на длинной палке,

с перекошенной от натужной улыбки физиономией. Девушка настороженно смотрела на Светса. Он был в ярде от нее, когда она вскочила на ноги и схватилась за гриву стоящей рядом Лошади.

Светс остановил глейдер и плавно опустил его на землю. Умиrottворяюще улыбаясь, как ему казалось, достал из сумки плазменный пресс и очень медленно двинулся к девушке, которая, он это ясно видел, с трудом сдерживалась, чтобы не убежать.

Теперь оставалось надеяться только на кристаллы корунда, пузырьки с красителями и пресс. Светс сунул кристалл в гнездо пресса, добавил туда каплю оксида хрома, и в тот же миг маленький прибор стал нагреваться. Через мгновение Светс вынул из прибора кроваво-красный рубин. Взяв камень двумя пальцами, высоко поднял его над головой. Кристалл был темно-багровым, внутри его светилась белая шестиконечная звезда.

Светс стоял, высоко подняв камень, и старался удержать улыбку на лице. «Кретин, — мысленно ругал он себя, — Ра-Шен должен был предупредить, что камень нужно охладить. Что бы она подумала, если б подарок обжег ей руки до пузырей? Ожоги не способствуют возникновению симпатии и доверия».

Рубин понемногу остывал, и Светс, тихо шипя от боли в обожженных пальцах, но сохраняя лучезарную улыбку и моля бога, чтобы она не испугалась, аккуратно бросил камень к ее ногам.

Девушка нагнулась за рубином, хотя одной рукой все еще продолжала держаться за гриву, успокаивая лошадь. Светс увидел золотые браслеты и грязь на тонких девичьих запястьях.

Она рассматривала рубин, вглядываясь в его пурпурный огонь, потом отвела взгляд от камня и посмотрела на Светса. Угрюмая настороженность на ее лице сменилась восторженной улыбкой. Развивая достигнутый успех, Светс медленно приблизился на несколько шагов и снова бросил к ее ногам только что изготовленный голубой сапфир.

Светс так никогда и не понял, как его угораздило дважды выйти на одну и ту же Лошадь. Но очень скоро ему стало ясно, почему она оказалась так далеко от места их первой встречи.

Он отдал девушке три камня и, держа на ладони еще три, поманил ее к глейдеру. Она отрицательно покачала головой, внимательно посмотрела на него и вдруг одним прыжком взобралась на спину Лошади и с высоты глядела на Светса, ожидая, что последует дальше.

Сначала Светс думал, что девушка полетит вместе с ним, а Лошадь поскакет сзади. Впрочем, все равно, как они последуют за глейдером.

Лошадь стояла неподалеку от глейдера и, казалось, даже не ощущала тяжести сидящего на ней человека. Наверное, так и

должно быть: ведь ее вырастили, чтобы возить людей. Светсу захотелось узнать, с какой скоростью может двигаться Лошадь.

Глайдер летел все быстрее и быстрее. Но ведь должен же быть предел ее возможностям! Он сдался, когда стрелка спидометра дошла до отметки восемьдесят. Маленькая всадница распласталась на спине животного и пригнулась к его шее, защищаясь от ветра. А Лошадь продолжала нестись вперед, кося на Светса свирепым взглядом.

Как передать восторг этого бега? Светс никогда не видел балета. Он знал, как движутся машины и механизмы, но здесь было нечто иное. Почему-то единственное, что пришло ему в голову, — обнимающаяся пара, влюбленные мужчина и женщина. Мягкие, скользящие движения, слаженные и одухотворенные, движения ради наслаждения. Ужас, восторг и щемящая красота — ПОЛЕТ ЛОШАДИ.

Может быть, в древности и существовало слово для описания бега животного, но слово это исчезло вместе с Лошадью.

Лошадь, казалось, ничуть не устала, чего нельзя было сказать о ее всаднице. Девушка дернула животное за гриву, и Лошадь послушно остановилась. Светс тоже остановил глайдер и, приблизившись к ним, отдал камни, которые держал в руке. Потом сделал еще четыре и один протянул девушке.

Она улыбнулась, а из глаз ее от резкого встречного ветра текли слезы. Непонятно только, почему она улыбается: радуется камням или наслаждается бегом. Усталая и запыхавшаяся, стояла она, прислонившись к теплому боку Лошади, и ласково перебирала серебристо-белую гриву, а Лошадь по-прежнему недобро косила на Светса карим глазом.

Светс воспользовался коротким отдыхом, чтобы получше рассмотреть свою спутницу. Она была небольшого роста, не выше пяти футов, худой и бледной. Бледность лица, испещренного крохотными отметинами от неизвестной Светсу детской болезни, хрупкое телосложение и ощущение какой-то болезненности говорили о недостатке витаминов в питании. Держалась она удивительно естественно, а счастье и радость, светившиеся на бледном личике, делали ее почти красавицей.

Когда Светс решил, что все уже достаточно отдохнули, он снова уселся на сидение глайдера и жестом предложил девушке следовать за ним дальше.

Когда они добрались наконец до хронокапсулы, мешочек с кристаллами корунда почти опустел. Но тут Светсу не повезло.

До сих пор его спутница относилась к нему с некоторой симпатией. Может, ее привлекали драгоценности, беспрерывно сыпавшиеся ей в руки, а может, и сам Светс стал ей интересен — его необычный внешний вид, рост и способность летать. Но вид хронокапсулы привел девушку в ужас, и Светсу стоило немалого труда удержать ее от бегства. Он не мог винить дикарку, потому

что зрелище было действительно впечатляющим: с одной стороны хронокapsула выглядела просто как выпуклое зеркало, но с другой... Она рассеивалась мерцающим туманом во все стороны, охватывая расходящимся конусом света всю равнину до горизонта. Было от него прийти в ужас безыскусному существу далекого прошлого. Светс и сам перепугался, когда впервые увидел хронокапсулу в действии.

Пора приступить к завершению операции. Светс мог бы купить Лошадь за оставшиеся у него камни, усыпить и с помощью глейдера переместить в хронокапсулу. Но гораздо проще выйдет, если...

В конце концов стоит попытаться. Светс вошел в хронокапсулу, оставляя за собой дорожку из драгоценных камней. К его огромному сожалению, количество кристаллов сокращалось гораздо быстрее, чем ему хотелось, а миниатюрное оборудование, которым он располагал, не позволяло производить граненые кристаллы. Все они формой походили на небольшое куриное яйцо. Светс свободно мог менять только цвет камней, используя набор добавок: окись хрома для получения камней красного цвета, окись железа — желтого, титановые соединения — голубого. Кроме цвета, он мог получать внутри кристалла геммы — «кошачий глаз» или «звезду», изменяя режим давления в плазменном прессе. Он рассыпал за собой самые мелкие из оставшихся у него камней.

Девушка была напугана видом работающей хронокапсулы, но не смогла преодолеть соблазн этого сверкающего великолепия и последовала за Светсом, собирая рассыпанные драгоценности в платок. Лошадь, как привязанная, шла за ней.

Внутри капсулы девушка застыла, глядя на три огромных камня на раскрытой ладони Светса, по одному каждого цвета: красного, желтого и голубого.

Надеясь, что его поймут правильно, Светс указал сначала на Лошадь, а потом на камни. Девушка заволновалась, и Светс взмок от волнения. Она явно не хотела расставаться с Лошадью, а корундов больше не оставалось...

Вдруг, решившись, девушка согласно кивнула головой, и Светс, боясь, что она передумает, быстро вложил камни ей в руку. Она скжала кулечок и, всхлипывая, кинулась вон из капсулы.

Лошадь намеревалась было последовать за ней, но Светс был к этому готов. Выстрел из наркотизатора, и на белоснежной шее животного появилась маленькая капелька крови. Лошадь вздрогнула, попятилась назад, вглубь капсулы, косясь на обидчика из-за своего витого рога-штыка.

«Бедная девушка», — подумал Светс: она ведь все равно потеряла бы Лошадь, ведь та отправилась, напившись из открытого водоема. Впрочем, теперь это уже не важно. Нужно только затащить в капсулу глейдер и закрыть люк...

Краем глаза он уловил какое-то движение. Излишняя самона-действенность может оказаться гибельной. Ведь он не стал ждать, пока

Лошадь упадет, заснув под действием снотворного. И когда Светс понял, что произошло, он был потрясен. Животное и не собиралось падать. Наоборот, Лошадь явно собиралась проткнуть его своим рогом.

Светс ударили по кнопке люка и увернулся от удара. Чрезвычайно изящный и столь же острый витой рог вонзился в закрывающуюся крышку люка. Точно белая молния Лошадь стремительно развернулась в тесной капсуле, и Светс снова вынужден был отпрыгнуть, спасая жизнь.

Кончик рога скользнул в полудюйме от него, воткнулся в панель управления, расколол пластик, и застрял в переплетении проводов. Что-то сверкнуло, зашипело.

Лошадь опять собралась ударить, на сей раз тщательно примевшаясь и следя за жертвой из-за витого штыка, торчавшего на ее лбу. Светс сделал то единственное, что пришло ему в голову. Дернул рычаг возвращения.

Когда в капсуле исчезла сила тяжести, Лошадь завизжала. Рог ее, направленный Светсу в живот, пронесся мимо уха, попутно распоров шлем-маску. Но в следующую секунду сила тяжести стала стремительно нарастать. Резкая смена невесомости и повышенной гравитации была неотъемлемой частью перемещения во времени. Светса и Лошадь притиснуло к стенкам капсулы.

И тут же Светс, не веря себе, потянул носом воздух и почувствовал резкий, незнакомый запах. Наверное, злобная скотина повредила воздушную систему своим рогом. Очень вероятно, что это запах смертельной отравы, и если капсула не вернется вовремя в приемную камеру...

А вернется ли она вообще? Капсула с поврежденным управлением может оказаться где угодно и когда угодно. Ее может занести к концу света, когда черное, инфракрасное солнце уже не сможет давать достаточно тепла для поддержания жизни на Земле.

А может быть, ему вообще уже некуда возвращаться? Кто знает, как используют забытый им в Прошлом глейдер. Интересно, что они могут сделать с этой летающей палкой: рукоять управления, щетка силового стабилизатора и седло посередине? Вполне вероятно, что девочка попробует завести аппарат. Он ясно представил себе, как на фоне темного ночного неба в свете полной луны появляется силуэт женщины верхом на летающей палке... Как это скажется на Истории?

Лошадь дышала так, будто ее сейчас хватит удар: бока тяжело вздымались, глаза вылезли из орбит. Возможно, все дело в насыщенной углекислым газом атмосфере хронокапсулы, а может быть, сказалось действие яда из открытого водоема?

Очередное увеличение гравитации не застало Светса врасплох. Он опустился на ноги, а кто-то уже открывал люк снаружи. Одним

прыжком Светс оказался снаружи. Но животное, визжа от ненависти, ринулось следом, намереваясь убить своего похитителя. Двое техников полетели кувырком.

— Снотворное ее не берет! — удирая, бросил через плечо Светс. Смертельный натиск Лошади несколько сдерживали многочисленные столы с приборами и осветительные экраны, загромождавшие Центр управления, кроме того, ее опьянил непривычный воздух. Лошадь стала спотыкаться, наталкиваться на людей и механизмы. Светсу легко удавалось избегать смертоносного рога.

Но в зале нарастала паника...

— Мы не совладали бы с ней, если б не Зеера, — говорил Ра-Шен позже. — Твоя Лошадь перевернула весь Центр, но вдруг появилась эта фригидная сучка и мгновенно укротила разбушевавшуюся скотину. А потом Лошадь покорно пошла за ней в клетку.

— Вы уже отправили ее к биологам?

Ра-Шен мрачно кивнул. Угрюмость была обычным его выражением — под ней он скрывал свои истинные чувства.

— В крови Лошади мы обнаружили около пятидесяти ранее неизвестных видов бактерий и микроорганизмов. Однако нельзя сказать, что доставленный тобой экземпляр болен. Она совершенно здорова... здорова, как... в общем, необычайно вынослива. Биологи умудрились сохранить ей жизнь, да еще почти все бактерии при этом выжили. Существенное пополнение Зоопарка.

Светс осторожно сел на больничной койке. Его рука была до локтя опутана диагностическими датчиками. Вполне возможно, в Прошлом он успел нахвататься всякой заразы и теперь представлял опасность для стерильного мира 1100 года Послеатомной Эры. Он неловко поерздал, стараясь не двигать рукой и спросил:

— Выяснили, почему не сработало снотворное?

— Ни черта у нас не получилось, мы так ничего и не поняли. У твоей буйной скотинки просто иммунитет к наркотикам. А кондиционер в капсуле в порядке. Запах, о котором ты говорил, — это всего лишь запах Лошади.

— Знать бы это раньше, а то я уж было подумал, что умираю.

— Могу себе представить: такая вонь кого хочешь сведет с ума. Весь Институт пропонял этой дрянью, никак вывести не можем.

Ра-Шен тяжело опустился на край кровати.

— Но что меня действительно волнует — так это рог. У Лошади на картинке не было рогов.

— Не было, сэр, — согласился Светс.

— Наверное, это какое-то другое животное. Не настоящая Лошадь. Я подозреваю, тебе придется повторить путешествие. Что, конечно, существенно подорвет бюджет Института, но...

— Я не согласен, сэр!

— Не будь занудой, — недовольно буркнул Ра-Шен.

— А вы не будьте дураком, сэр! — Светс был твердо убежден, что никакая в мире сила не заставит его отправиться за другой Лошадью. — Вероятно, люди, которые держали домашних лошадей, просто отпиливали им рога в раннем возрасте. Почему бы нет? Мы же на собственном опыте убедились, что это слишком опасное украшение для домашнего животного.

— А эта лошадь? Почему у нее рог на месте? — возразил Ра-Шен.

— Увидев ее впервые, я подумал, что она просто дикая. А потом решил, что обычай резать рог появился несколько позже.

Ра-Шен кивнул с мрачным удовлетворением:

— Похоже на правду. Но дело в том, что у Генерального Секретаря хватит ума, чтобы заметить эту игрушку на лбу Лошади, а на картинке-то ее нет! Придется мне отдуваться...

— Мм... — промычал Светс, тщетно пытаясь найти выход.

— Я решил отпилить рог, — твердо сказал Ра-Шен.

— Да, но шрам на лбу! Ведь он будет виден, — возразил Светс.

— Черт возьми, ты прав! У меня слишком много «доброжелателей» при дворе, и наверняка кто-то не откажет себе в удовольствии объявить о моем недобросовестном отношении к распоряжениям Генерального Секретаря. — Ра-Шен уставился на Светса. — Ладно, а у тебя что на уме?

Светс уже сам не рад был, что открыл рот, но тут его осенило.

— Если мы не можем изменить Лошадь, то нужно изменить ее изображение в книжке. Институтский компьютер может воспроизвести детальную копию книги и на каждой картинке приделать Лошади рог. Напечатаем новую книжку, а старую сразу уберем с глаз долой.

Ра-Шен надолго задумался, после чего изрек:

— Знаешь, а это мысль! Я даже знаю одного типа, который умеет подделывать книги.

Потом из-под насупленных темных бровей грозно посмотрел на Светса.

— Само собой, мой мальчик, тебе следует держать рот на замке.

— Конечно, сэр.

— Уж будь любезен, заруби это себе на носу, — Ра-Шен поднялся. — Скоро медики выпустят тебя на волю. Можешь отдохнуть. Администрация предоставляет тебе отпуск на четыре недели для поправки здоровья...

— А теперь я намерен тебя послать за одним из этих, — заявил Ра-Шен четыре недели спустя. Он открыл толстую книгу средневековых легенд и объяснил: — Мы подобрали ее в Парке Отдыха в 10-м году нашей Эры. Пришло взамен дать мальчишке, ее владельцу, большое корундовое яйцо.

Светс внимательно изучал картинку.

— На вид — просто отвратительно. Нет, я серьезно: сдается мне, вы хотите уравновесить мою Лошадку, верно? Она так прелестна, что требуется такое вот чудище, чтобы компенсировать ее красоту.

Ра-Шен тоскливо прикрыл глаза.

— Нет, просто привези нам Гилу Монстра. Генеральный Секретарь хочет Гилу.

— А она большая? — осторожно спросил Светс. Оба уставились на картинку, хотя яснее ясного было, что ответа там они не найдут.

— На всякий случай возьмешь большую хронокapsулу...

С огромными трудностями, но Светс выполнил и это задание. Он вернулся в крайнем нервном истощении и с ожогами второй степени. Гад, которого он приволок на этот раз, оказался длиной «всего» в тридцать футов, сrudиментарными крыльишками, похожими на крылья летучей мыши. Он плевался огнем и с очень большой натяжкой походил на изображение в книге. Но это было самое похожее из всего, что Светсу довелось увидеть на этот раз.

От Гилы Монстра Генеральный Секретарь был без ума.

ЛЕВИАФАН

Светс и Ра-Шен стояли у стеклянной клетки.

— Пока ты отлеживался в госпитале, — говорил Светсу его грузный, краснолицый шеф, — мы не бездельничали и малость потрудились над хронокапсулой. У тебя теперь будет не работа, а сплошной отдых. Хочешь — летай со скоростью 50 миль в час, хочешь, просто остановись в воздухе на любой высоте, а то вруби автопилот и знай поглядывай по сторонам да любуйся древними красотами — стенки капсулы теперь совершенно прозрачны.

За толстой стеклянной стенкой клетки яростно билось странное существо, отчаянно, но тщетно пытаясь вырваться на волю и убить людей. Животное это было около тридцати футов длиной и походило на огромную ящерицу, которой смеха ради приделали маленькие крылышки летучей мыши. Ящерица верещала, бросаясь на стекло и царапая его длинными, острыми когтями.

Табличка, укрепленная на стекле, гласила:

ГИЛА МОНСТР

Доставлена из 1230 года Доатомной Эры.

Вымершая. Предполагаемое место обитания: Китай, Земля.

— От этого гада лучше держаться подальше, — вдруг сказал Ра-Шен, бросив взгляд на беснующуюся за стеклом тварь.

— Да, сэр, давайте отойдем. Не стоит волновать зверюшку.

Светс обхватил себя руками за плечи, словно хотел согреться. Ра-Шен отправлял его в Прошлое на поиски самого крупного из когда-либо живших на Земле животных, а Светс боялся зверей.

— Это — ради Науки! — с пафосом произнес Ра-Шен. — И волноваться нечего: речь идет всего лишь о большой рыбе.

— Возможно, сэр. Но в прошлый раз вы то же самое говорили о Гиле. С той лишь разницей, что тогда это была всего лишь большая вымершая ящерица.

— Но, мальчик мой, кто же мог знать, что она окажется такой огромной? Ведь мы ее видели только на картинке в детской книжке.

В это время Гила отползла в дальний угол вольера и прицелилась. Желто-оранжевое пламя рванулось из ее ноздрей и заплясало на стекле как раз напротив Светса и Ра-Шена. Светс с воплем отскочил от клетки.

— Она же ничего не может сделать через стекло, — снисходительно успокоил его Ра-Шен.

Светс постарался взять себя в руки. Это был изящный тонкокостный мужчина с бледной кожей, светлыми голубыми глазами и очень красивыми пепельными волосами.

— Конечно, кому могло прийти в голову, что эта гадина плюется огнем? — Он явно передразнивал Ра-Шена. — А она едва не ис-

пепелила меня. И вот результат — четыре месяца в больнице. Знаете, с каждым днем она кажется мне все меньше и меньше похожей на ту картинку в книжке. Меня даже сомнения стали одолевать: вообще, а то ли я привез?

— Какая тебе разница? Генеральный Секретарь в восторге. А это единственное, на что стоит обращать внимание.

— Да, сэр. Кстати, о Генеральном: зачем ему кашалот? У него ведь есть Лошадь и Гила Монстр...

— Спроси что-нибудь полегче, — Ра-Шен скривился. — Высокая политика — вещь труднообъясняемая. Возможно, сейчас там, в недрах Дворца Объединенных Наций, плетутся сотни интриг, зреют заговоры. А Генеральный по уши увяз в этом дерыме; это даже доставляет ему удовольствие. Правда, он не способен на длительные увлечения.

Светс кивнул: эти подробности из жизни Генерального Секретаря были общеизвестны. Династия, которая правила Объединенными Нациями около семисот лет, всячески противилась проникновению чужой крови в их семью. А близкородственные браки никогда не дают полноценного потомства.

Двадцативосьмилетний Генеральный Секретарь с разумом шестилетнего ребенка являлся вполне закономерным следствием противоестественной политики Династии. Впрочем, он жил счастливо: любил животных и цветы, общение с людьми и живопись. Виды иных планет, загадочные миры двойных звезд приводили его в неописуемый восторг — он хлопал в ладоши и пускал слюни от восхищения. Руководство Института Проблем Космоса подыгрывало слабостям облеченного властью дегенерата, обретая тем самым мощную поддержку в Правительстве Объединенных Наций. Особенно пылкую страсть Генеральный Секретарь питал к исчезнувшим представителям фауны Земли.

— Какой-то умник однажды намекнул ему, что неплохо было бы заполучить в Зоопарк самое крупное из когда-либо живших на Земле животных. Вполне возможно, эту идею специально подкинули Генеральному, чтобы дискредитировать наш Институт, доказать его полную несостоятельность, — говорил Ра-Шен, распаляясь все больше. — Видимо, кто-то решил, что нам достается слишком большой кусок пирога, именуемого бюджетом. Ты знаешь, он сначала хотел бронтозавра, но просто физически невозможно послать огромную хронокапсулу так далеко в Прошлое. Естественно, мы не смогли бы удовлетворить это желание Генерального, не уничтожив Институт...

— Так это была ваша идея — поймать кашалота?! — возмутился Светс.

— Ха! С меня семь потов сошло, пока я уговорил его согласиться на кашалота. А они вымерли так давно, что сведений о них почти не осталось. Мне пришлось уламывать этого идиота с помощью маленькой скульптуруки, найденной

археологами, библейской притчи и толкового словаря. И я доказал, что кашалот и Левиафан — одно и то же существо.

— Но ведь это не совсем так, — возразил Светс. Он читал компьютерный вариант Библии и полагал, что он существенно отличается от первоначального. — Левиафаном может быть названо любое животное или даже явление природы. Только оно должно быть очень большим и разрушительным. К примеру, даже неумолимо надвигающуюся тучу всепожирающей саранчи вполне допустимо окрестить Левиафаном.

— Слава Богу, что тебя там не было! Не хватало еще демонстрировать твою эрудицию в присутствии Генерального. Впрочем, теперь это уже не имеет значения: я уже пообещал ему самое крупное животное Земли. Разговор окончен. А во всех дошедших до нас источниках самым крупным животным называется кашалот. За сотню лет до начала Послеатомной Эры океан бороздили целые стада кашалотов. Так что тебе остается только найти подходящего, погрузить его в хронокапсулу и доставить сюда.

— И все это за двадцать минут?!

Ра-Шен удивленно посмотрел на Светса.

— Почему же...

— Вы же сами твердили мне: если я задержу большую хронокapsулу в Прошлом больше, чем на двадцать минут, живым мне уже не вернуться. Да и от вас здесь мало что останется...

— Подожди, я... — попытался остановить его Ра-Шен, но Светс не дал себя перебить.

— ...Весь Институт разнесет вдребезги, сравняет с землей, а потом вдобавок еще и перепашет эту землю.

— Мы все учли, Светс! Ты отправишься в Прошлое в маленькой хронокапсуле. Потом, когда найдешь кашалота, вызовешь большую.

— И каким же образом я ее вызову?

— Ну, это как раз проще всего. Пойдем-ка обратно в Институт и я тебе все объясню.

Желтые, налитые злобой глаза Гилы Монстра провожали их, когда Светс и Ра-Шен покидали Зоопарк.

Хронокапсула была лишь передвигающейся частью большой специальной машины времени. Светс сидел в удобном кресле, висящем внутри прозрачной полусфера. Все управление было выведено на маленький пульт, приделанный к креслу пилота и напоминавший столик для еды в пассажирских самолетах. На пульте светились ряды индикаторов, тумблеров и кнопок. Основное место занимал прибор с небольшим экраном, на котором пульсировали зеленые линии.

Светс находился где-то у восточного побережья Северной Америки примерно в сотом году Доатомной Эры, что соответствовало 1845 году от Рождества Христова. Календарь немного пошаливал.

Хронокapsула легко и бесшумно скользила над поверхностью свинцово-серого океана под такого же цвета небом. Автопилот вел машину на высоте двадцати футов над уровнем моря — Светс вышел на охоту за Левиафаном. Сейчас он искал не какую-то там ящерицу, а самое большое из когда-либо живших млекопитающих — загадочного кашалота. Чтобы облегчить поиск, капсулу снабдили индикатором нервной активности — ИНА, за показаниями которого следил Светс.

Стрелка прибора качнулась, размытые зеленоватые линии на экране сплелись в неопределенный силуэт. Неужели кашалот? Но стрелка дрожала как бы в нерешительности. Источник биоэнергии был где-то рядом. Светс посмотрел в направлении, которое указывала стрелка ИНА, и увидел корабль: длинный и изящный клипер в пене белоснежных парусов скользил по волнам. Кашалот — мощный источник биоэнергии — должен вызывать устойчивое отклонение стрелки прибора, но судно с большой командой помешает принять устойчивый сигнал животного. Поэтому Светс взял круже к востоку с явным сожалением: ему очень хотелось полюбоваться на скользящий по волнам парусник. И тут стрелка ИНА неожиданно и резко отклонилась.

— Есть! — понял Светс и посмотрел в ту сторону, куда указывала стрелка.

Под ним простирались пустынные океанские просторы. А подводные лодки, насколько он знал, еще не были изобретены.

Стрелка прибора, раз отклонившись, замерла. На экране линии образовали четкий зеленоватый контур. Глубоко внизу, в пучине океана, передвигалось что-то живое и огромное.

Светс направил капсулу к источнику излучения нервной энергии, одновременно нажав кнопку вызова. Через несколько минут этот сигнал достигнет приемника в Институте Темпоральных Исследований и ему вышлют большую грузовую хронокапсулу, оснащенную для поимки Левиафана.

Несколько лет назад Ра-Шен мечтал спасти от огня Александрийскую библиотеку. Для этого и построили грузовую хронокапсулу. Ее двери напоминали огромные ворота с автоматически закрывающимися створками. Сама капсула была достаточно большой, чтобы вместить всю библиотеку сразу, а может, даже не только библиотеку. Поэтому капсулу делали с большим запасом грузоподъемности.

Этот аппарат стоил сумасшедших денег. Но тут выяснилось, что капсулу не удастся забросить дальше 400 года Доатомной Эры,

или 1550 года от Рождества Христова. Вот почему библиотека, сгоревшая в древней Александрии, так и осталась недостижимой для Истории, точнее для историков.

Столь бесславное крушение грандиозных замыслов сломило бы любого человека, но не Ра-Шена. Он благополучно, хотя и не без некоторых неприятностей, выдержал этот удар по своей репутации и теперь был полон решимости взять реванш.

Когда они вернулись из Зоопарка, Ра-Шен с гордостью показал Светсу свое детище.

— Мы смонтировали на ней станиеры и целую батарею антигравитационных излучателей. Управление хронокapsулой может осуществляться на расстоянии с помощью портативного переносного пульта. Только будь осторожен: мощное парализующее излучение станиеров способно убить кашалота за несколько секунд. А человеку достаточно и мгновения. С остальным, думаю, у тебя проблем не будет.

— Но главное достижение, — не без гордости продолжал Ра-Шен, — это блок вызова. Как только ты в Прошлом нажмешь кнопку, мы здесь получим сигнал и вышлем большую хронокапсулу, сориентировав ее по источнику сигнала. Это дает возможность вывести большую капсулу неподалеку от твоей маленькой, максимум в нескольких минутах лета. Можешь себе представить, какие серьезные научные исследования нам пришлось провести. Но результаты налицо, поэтому в этом году Казначейство увеличило нам ассигнования из бюджета под эту программу.

Светс понимающе кивнул.

— Единственное, что от тебя требуется, это убедиться, что перед тобой именно кашалот, и нажать кнопку вызова.

И вот сейчас детектор ИНА обнаружил источник излучения глубоко под водой. Такой сильный сигнал мог исходить только от одного животного — кашалота.

Справа от своей капсулы Светс заметил легкую дымку; с каждой секундой она становилась все плотнее, ее очертания приобретали определенность, и вот наконец огромная серо-голубая сфера зависла над океаном. Поблескивали стволы расположенных вокруг дверного проема станиеров и антигравитационных излучателей, а противоположная к Светсу сторона капсулы будто растворялась, уходя в никуда. Это было внушительное зрелище — как будто огромная машина висела в углу, которого не было.

Но в данный момент зрелища Светса не интересовали, потому что время пребывания грузовой хронокапсулы в Прошлом быстро истекало.

Светс включил дистанционное управление и направил антигравитационные излучатели вниз, стараясь охватить как можно большее пространство вокруг источника энергии. Включение излучателей сразу отразилось на пульте управления фейервер-

ком огней — контрольных сигналов. Операция началась, теперь только бы успеть.

Левиафан оказался неожиданно тяжелым даже для такой могучей машины, как большая хронокapsула. Светс почти до предела увеличил мощность излучателей, и вот наконец под действием антигравитаторов на поверхности воды появилась тень — Левиафан был пойман.

Вскоре из глубин океана поднялась гигантская капля воды с заключенным в ней животным. Точнее, внутри оказалась лишь его часть. Существо оказалось просто колосальным: раза в четыре больше и раз в десять длиннее, чем предполагаемый кашалот. И совсем не похоже на найденную археологами скульптуру. Пойманный Левиафан скорее напоминал змею, покрытую крупной красновато-бронзовой чешуйей, причем каждая чешуйка была величиной со щит средневекового рыцаря, и вооруженную длинными зубами цвета слоновой кости. Когда голова чудовища проплыvalа мимо капсулы Светса, он увидел огромную пасть, треугольные челюсти и выпуклый желтый глаз, взгляд которого искал врага, позволившего себе столь неподобающее обращение с владыкой глубин.

Светс похолодел от ужаса: он не сомневался, что видит наяву библейского Левиафана — огромного и свирепого, который наверняка и был изначальным прообразом ужасной разрушительной силы. Однако если фигурка, найденная археологами, имела хотя бы отдаленное сходство с кашалотом, то пойманное животное им быть никак не могло.

Как бы то ни было, оно оказалось слишком большим для хронокапсулы. Светс замер в нерешительности, а встретившись взглядом с огромными сверкающими глазами, и вовсе утратил чувство реальности.

Животное проплыvalо рядом с хронокапсулой в гигантской капле, которая уменьшалась по мере того, как вода тонкими ручейками стекала обратно в море. Ноздри пленника раздувались; он явно дышал атмосферным воздухом, хотя и не относился к китообразным.

Животное пыталось дотянуться до Светса жадно раскрытой пастью. Зубы были, как слоновые бивни: гладкие, будто полированные, и острые, как иглы. Светс видел их частокол вокруг капсулы. И замер, зажмутившись, парализованный страхом.

Смерть почему-то медлила, и он снова открыл глаза. Зубы чудовища не коснулись сидящего в кресле Светса. Он только слышал, как они скрежетали по невидимой оболочке хронокапсулы, о которой совсем забыл.

Светс перевел дух. Пусть он вернется домой с пустыми руками, предстанет перед Ра-Шеном, но все же это лучше, чем неминуемая смерть. И Светс отключил антигравитаторы большой хронокапсулы. Раздался скрежет металла о металл, пахнуло разогретым машинным

маслом, а на столике с панелью управления вспыхнули красные огоньки. Светс поспешил включил антигравитаторы.

Сквозь прозрачные стенки Светс видел, что Левиафан все еще не оставил попыток раскусить хронокapsулу и добраться до него.

Огромная масса высвобождающегося тела животного буквально разрывала связь хронокапсулы Светса с основной машиной времени. Прервись эта связь окончательно — и он останется в Прошлом в сотнях миль от берега в неисправной хронокапсуле, которая, по-видимому, плавала не лучше топора, да еще нос к носу с разъяренным гигантом.

«Попробуем стяннеры», — решил Светс. Сквозь прозрачные стенки капсулы он видел пылающее алое небо чудовищной пасти, раздвоенный красный язык и два ряда длинных, острых, как иглы, загнутых зубов. Сквозь частокол зубов виднелась большая сфера со стволами стяннеров. Светс на глазок сориентировал парализующие орудия на голову Левиафана и с ужасом обнаружил, что теперь жерла орудий смотрят ему прямо в лоб.

— С ума я сошел, — пробормотал Светс и быстро отвел орудия в сторону. Он не мог выстрелить в Левиафана, не задев себя.

А зверь не собирался отказываться от мести.

«Ловушка захлопнулась. Но еще не все потеряно», — успокаивал себя Светс и вдруг с облегчением сообразил, что может спасти жизнь, просто передвинув рычаг возвращения. Задание не будет выполнено, но вины за это Светс не чувствовал. Ведь никто не мог предположить, что в Прошлом он столкнется с гигантским змеем, величиной превосходящим все мыслимое.

— Полагаю, это снимет с меня всякую вину и ответственность за последствия. — И Светс потянулся было к рычагам, но снова остановился. Теперь он вдруг испугался Ра-Шена.

Зубы чудовища жутко скрежетали, терзая оболочку капсулы.

— Думай, Светс, думай!!! — подгонял он себя, лихорадочно пытаясь найти выход. Его взгляд остановился на кольце антигравитационных излучателей. А что если всю их мощь сосредоточить на хронокапсуле?..

И тут же все переменилось. Он чувствовал себя всемогущим и легким, точно подвыпивший фокусник. Только бы удалось сфокусировать излучатели!

Зубы монстра сжались сильнее. Светс увидел, как тело Левиафана освободилось из антигравитационного капкана, и он повис, ухватившись зубами за хронокапсулу.

— Уходи, проваливай, — вне себя кричал Светс, потрясая кулаками, — отпусти меня, подлый дракон!

Его расчет оказался верным. Не в силах удержать огромный вес, зубы животного с противным скрежетом соскользнули с хронокапсулы.

И в тот же миг Светс отключил излучатели. Полыхающие красным огнем индикаторы перегрузки антигравитационных излучателей начали тускнеть, и Светс почувствовал запах горелой смазки.

Левиафан обрушился в океан подобно горному обвалу. Его длинное извивающееся тело исчезло под водой. Потом, видимо оглушенный падением, неподвижный зверь всплыл на поверхность; и только слабое шевеление хвоста говорило, что Левиафан еще жив.

— Я убью тебя! — кричал Светс, пылая жаждой мести. — Направлю станнеры, и все!

Уничтожить зверя — много времени не потребуется, но на поиски кашалота оставалось всего десять минут. Может быть, и не стоило возиться, но когда пришедший в себя морской змей посмотрел на висящую в воздухе хронокапсулу и хищно щелкнул зубами, Светс окончательно потерял от ярости голову. Он подумал, что несколько секунд ничего не изменят, и направил стволы станнеров на чудовище...

Светс лежал у стенки хронокапсулы, прижатый к ней разбушевавшимися центробежными силами. Кapsула стремительно несла его в будущее, домой, и он с нетерпением ждал момента, когда наконец окончится это затянувшееся путешествие. Последние секунды невесомости, и в капсule установилась привычная сила тяжести.

На подгибающихся ногах Светс побрел к выходу. Ра-Шен поджидал его прямо у люка.

— Поймал? — только и спросил он.

— Левиафана? Нет, сэр. — Светс смотрел мимо шефа. — А где большая хронокапсула?

— Она возвращается в замедленном режиме. Ты же продержал ее в Прошлом почти до критического момента. Ее-то мы вернем, но если там не окажется кашалота...

— Сэр, — перебил его Светс, — я сказал только, что поймал не Левиафана.

— А кого же ты поймал? — настаивал Ра-Шен. Чуть погодя опять спросил: — Там что, не оказалось ни одного Левиафана? — Еще через минуту: — Ты убил его?! Но зачем? Просто назло?

— Нет, сэр, — спокойно ответил Светс. — Это оказалось бы самым верным решением.

— Но тогда я ничего не понимаю! Ладно, Светс, разберемся позже, а сейчас прибывает большая хронокапсula.

В приемной камере машины времени появилась серо-голубая тень.

— Похоже, там что-то есть. Эй вы, идиоты, сейчас же включить антигравитаторы, или вы хотите, чтобы эта машина внутри сама себя раздавила?

Грузовая хронокapsула полностью материализовалась, и Ра-Шен поднял руку, давая сигнал обслуживающему персоналу. Огромные створки капсулы распахнулись, и глазам присутствующих предстало грандиозное зрелище.

Внутри, заключенное в кокон антигравитационного излучения, подобно огромной белой горе висело невиданное существо, которое свирепо уставилось на пленивших его людей единственным глазом, щелкая при этом огромными зубами. На месте второго глаза был глубокий, давно заживший рубец, а один из плавников разорван до основания. Спину животного-альбиноса покрывали рубцы и шрамы, а вся она была утыкана какими-то толстыми деревянными палками.

— Нельзя сказать, чтобы он был в отличном состоянии, — сказал Ра-Шен, разглядывая кашалота.

— Осторожнее, сэр! Это убийца! Я видел, как он преследовал корабль, а потом потопил его, прежде чем я смог навести станнеры.

— Теперь мне вроде бы все понятно, только объясни, как ты умудрился найти и поймать его за столь короткое время? По-моему, это сумасшедшее везение, или я чего-то не понимаю?

— Не только везение, сэр. Это был единственный разумный поступок, совершенный мною в этот раз.

— То же самое ты говорил об убийстве Левиафана.

Светс поспешил объяснить:

— Когда кашалот напал на корабль, неподалеку оказался морской змей, который перед этим напал на меня. Я хотел сразу убить его, но сдержался: времени было мало, вот и не стал с ним возиться. Я уже готов был отправиться восвояси, но эта тварь вдруг ощерилась. Мне стало ясно, что змей плотоядный — такими зубами природа снабжает только хищников. И тут меня осенило: насытиться такой гигант сможет, лишь сожрав кашалота.

— Светс, ты просто кладезь премудрости!

— Я тоже так думаю, сэр. Дальнейшие события показали, что я рассуждал верно. Вспомните, во время геологических и археологических исследований в первом веке Послеатомной Эры не обнаружено даже намека на существование гигантских морских змеев. Почему?

— Да потому, что они вымерли по меньшей мере за два столетия до того. Китобои уничтожили китов, и змеи вымерли от голода.

Светс кивнул:

— Точно. Я направил станнеры на Левиафана. Это заняло всего несколько секунд. Цель моих умозаключений проста: если здесь есть Левиафан, то где-то рядом должны быть и кашалоты.

— А кроме того, наверное, энергетический импульс такого гиганта глушил излучения других обитателей океана.

— Так оно и оказалось. В тот момент, когда Левиафан сдох, я отметил новый сигнал и последовал за ним. — Светс с отвращением кивнул головой на выплывающую из грузовой хронокапсулы тушу. — Вот и отыскал красавчика.

Несколько дней спустя Светс и Ра-Шен стояли у огромного океанариума в Зоопарке.

— В Институте мы взяли у него несколько клеток для клонирования, а затем отправили сюда, в Зоопарк Генерального Секретаря, — говорил Ра-Шен. — Только жаль, что ты поймал альбиноса. — И, предупреждая возражения Светса, махнул рукой. — Знаю, у тебя было мало времени.

Одноглазый кашалот таращил на них свой единственный глаз сквозь толщу воды и стекла. Хирурги в Институте удалили большую часть гарпунов из его спины, но шрамы и рубцы так и остались. Светс испытывал благоговейный ужас при мысли о том, сколько лет этот зверь вел безжалостную войну с людьми. Может быть, целые века. Кто знает, сколько живут кашалоты?

Ра-Шен вдруг понизил голос и приблизился к Светсу:

— А вдруг Генеральный Секретарь узнает, что ты видел еще более крупное животное? Ты меня понимаешь?

— Да, сэр, вполне.

— Люблю иметь дело с понятливыми людьми, — одобрительно кивнул головой Ра-Шен и посмотрел на другие вольеры. В ближней бушевала Гила Монстр, а дальше за стеклянной стеной стояла Лошадь с длинным витым рогом на лбу.

— Вечно мы вляпываемся в какис-нибудь истории, — задумчиво сказал Ра-Шен. — Я думаю...

«А ты бы поменьше думал и побольше внимания уделял предварительным исследованиям», — зло подумал Светс.

— Кстати, — Ра-Шен снова обратился к Светсу, — ты знаешь, что первые концепции путешествий во времени появились лишь в первом веке Доатомной? И высказал их писатель. С тех пор и до конца IV века Послеатомной Эры путешествия во времени считались лишь пустой фантазией. Этому способствовали и сами ученые. Они считали, что путешествия во времени нарушают естественные законы мироздания. И знаешь, что меня поражает больше всего? Если мы посыпаем хронокapsулу в Прошлое больше, чем на четыре века, она попадает в какой-то фантастический мир. Некоторые ученые полагают, что это мир, созданный воображением

гениальных писателей. Я не знаю, как еще можно объяснить, что ты, например, всякий раз натыкаешься на гигантского морского змея или огнедышащую...

— Но это же полный абсурд, — перебил его Светс. Он уважал и побаивался шефа, но истина была ему дороже.

— Может быть, ты и прав, — неожиданно мягко согласился Ра-Шен. — С сегодняшнего дня ты в месячном отпуске. Отдыхай. А потом тебя ждет еще одна работенка. Генеральный очень хочет птичку...

— Птичку? — Светс недоверчиво улыбнулся. — Птичка звучит вполне безобидно. Он что, нашел ее тоже в детской книжке?

— Ага, — улыбнулся Ра-Шен, — ты когда-нибудь слышал о птичке, которую зовут Рух?

ПТИЧКА В КЛЕТКЕ

— Это какой-то цыпленок-переросток, а не птица Рух! — заявил Ра-Шен, глядя сквозь толстое стекло. Словно услышав его, нелепое существо, заключенное в прозрачную клетку, обернулось и посмотрело на них. Вот уж действительно странное создание природы: цыпленок весом в три сотни фунтов, восьми футов высотой, с маленькими недоразвитыми крыльями и длинными мощными ногами.

— Когда я загонял его в хронокapsулу, этот цыпленочек клюнул меня. Четыре сломанных ребра — для птенца это, пожалуй, многоуважительно! — возмутился Светс.

Он только что вышел из больницы, где врачи Института Темпоральных Исследований изрядно потрудились, залечивая его раны. Бок еще побаливал, и Светс все время держался за него рукой.

— Я очень сожалею, но это совсем не птица Рух, — настаивал на своем Ра-Шен. — Пока ты был в больнице, мы тут кое-что проверили в Отделе Истории. Оказалось, что Рух всего лишь сказочное создание, миф.

— Но посмотрите же на нее! — Светс чуть не плакал от обиды. — Вылитая птица Рух, ну, может, только чуть поменьше...

— Я тебе еще раз повторяю — это не Рух, а всего лишь страус! Путешественники из Европы встречали этих птиц в Австралии. Согласись, она очень похожа на огромного цыпленка. У древних было богатое воображение и, приняв страуса за птенца, они наверняка подумали: если он такой большой, то каковы же его родители — взрослые птицы? Вот и родилась сказка. Возвращаясь домой, они всюду рассказывали об этих огромных, но, увы, несуществующих в природе птицах. Всю расписывая трудности и опасности путешествий, горе-орнитологи в конечном счете пели хвалу собственной храбрости.

Светс страшно расстроился.

— Это ж надо! Четыре сломанных ребра, масса сложностей и неприятностей — и все впустую.

— Утешься, малыш, все не так уж плохо: страус — вымершая птица, а значит прекрасный экспонат для Зоопарка нашего Генерального Секретаря.

— Это понятно, но ведь он требовал птицу Рух, а не страуса. Как вы ему объясните подмену?

— Как раз это волнует меня меньше всего, как-нибудь выкрутись. — Ра-Шен нахмурился. — Есть новости и похуже. Знаешь, что ему на этот раз взбрело в голову?

Люди, не знавшие Ра-Шена близко, считали, что он постоянно не в духе, но только до тех пор, пока не видели, как он хмурится по-настоящему. После этого его обычно мрачное выражение лица

казалось почти ласковым. Светс, глянув на начальника, понял, что тот действительно сильно обеспокоен.

Генеральный Секретарь был всеобщей головной болью и постоянным источником проблем. Обладая интеллектом ребенка, он по праву рождения стал всемогущим повелителем Земли и ее внешних колоний. Любая из его причуд и прихотей являлась законом для всей обитаемой части Вселенной.

— Какие-то идиоты устроили ему путешествие в Лос-Анджелес прошлого: Генеральному приспичило посмотреть, каким был этот город до затопления, — объяснил Ра-Шен причину своего беспокойства.

— Ну и что? — не понял Светс. — Не вижу ничего страшного в таком путешествии.

— Ровным счетом ничего, если бы на этом все и закончилось. Но какой-то умник из его окружения в дополнение к экскурсии подсунул ему описание истории города. И теперь Генеральному Секретарю приспичило поучаствовать в беспорядках и бунтах двадцатого года Последней Эры.

— Но ведь это безумие! Кто сможет гарантировать безопасность и личную неприкосновенность Генерального? — Светс даже задохнулся от удивления.

— Вот видишь, и до тебя дошло. Учи, что ко всему прочему Генеральный вспыльчив и несдержан, как кавказец.

Страус в стеклянной клетке склонил голову на бок, словно прислушиваясь к разговору людей. Светс все еще не мог избавиться от мысли, что перед ним пусть огромный, но все-таки птенец. И глядя на птицу, он почему-то совершенно некстати представил, как этот птенчик пробивается наружу из яйца размером с небольшое бунгало.

— К чему мне вникать в эти интриги? — в конце концов не выдержал Светс. — Вы же знаете, я далек от политики: у меня от нее болит голова.

— Голова у тебя болит?! — вдруг заорал Ра-Шен, и голос его загрохотал меж клеток, в проходах и коридорах Зоопарка. — А ты подумал, что будет с твоей головой, если Генеральный совершил самоубийство с помощью Института Темпоральных Исследований? А?! Мы многим стоим поперек горла. Хотя бы этим сволочам из Института Проблем Космоса! Они же спят и видят, как бы свернуть нам шею!

— А что мы можем сделать? Легче между двух стульев усидеть, чем устроить безопасную экскурсию в гущу бунта. Это невозможно!

Лицо Ра-Шена вдруг просветлело.

— Мы должны отвлечь его! — заговорщики прошептал он, приблизившись к Светсу вплотную. — Ну-ка, отойдем!

— И как же мы будем его отвлекать? — спросил Светс тоже шепотом, когда они спускались к зданию институтского Центра мимо клеток с животными.

— Я еще не придумал. Если бы удалось добраться до его няньки, уж я бы тогда постарался. Хотя это тоже не гарантия, потому что космические могли подкупить и ее. Впрочем, в няньках она уже больше тридцати лет и, по-моему, очень привязана к своему при-дурку.

Ра-Шен опасливо покосился на Светса и, словно и не произносил вслух крамольных мыслей, обратился к нему:

— Ну так что будем делать?

— Откуда я знаю! — взорвался Светс. — Я и Генерального-то видел всего четыре раза, да и то в официальной обстановке. Вы правы, если его заинтересовать чем-то другим, то он и думать забудет о Лос-Анджелесе. Но чем?

На клетке, мимо которой они проходили, висела табличка:
СЛОН

Доставлен из 700 г. ДЭ, примерно из района Индии.

Земля, вымерший.

Огромное животное провожало людей сонным, безразличным взглядом.

Светса всегда удивлял этот серый гигант. Сообразительность и отличная память снискали слону своего рода уважение персонала Зоопарка, и Светс никак не мог понять, почему животное так спокойно относится к человеку, поймавшему его, ведь слон прекрасно различал людей и наверняка узнал проходящего мимо Светса.

Больше половины пленников Зоопарка доставил из Прошлого именно Светс, и, по понятным причинам, он не пользовался у них любовью. Вот и тридцатифутовая ящерица Гила Монстр тоже, наверно, узнала проходящих мимо людей, и в тот же миг на стеклянной стене клетки заплясало оранжево-белое пламя. Когда Гила увидела, что огонь не причинил Светсу никакого вреда, она яростно забила маленькими крыльшками и бросилась на стенку клетки. Всем телом она пыталась проломить стекло и добраться до ненавистного ей человека. Но преграда была очень прочной, ведь она не только защищала людей от животных, но и предохраняла самих животных от влияния окружающей среды.

Светсу вспомнилось кобальтово-синее небо, свежая зелень и прозрачный воздух доиндустриальных времен. Как это не похоже на сегодняшнее небо: бирюзовое в зените, переходящее через бледно-зеленый и грязно-желтый цвет к желто-коричневому над горизонтом. Глупая тварь! Разбей она стекло, и через несколько секунд мучительных конвульсий — неизбежная смерть.

От Гилы Светса отвлек голос Ра-Шена.

— Что же ему предложить? Вся эта живность, — он неопределенно махнул рукой в сторону клеток с животными, — Генеральному уже надоела. Светс, а может, притащим ему жирафа?

— Кого?

— Или подарить ему собаку? Нет, не то. Изловить сатира. Он-то должен выглядеть совершенно необыкновенно, — размышлял вслух Ра-Шен. — Или лучше медведя?

Светсу совсем не улыбалось новое опасное путешествие за очередной экзотической тварью, и он решил рискнуть.

— Шеф, я не понимаю, почему вы рассматриваете все так однобоко?

— Что?

— У Генерального Секретаря больше чем достаточно всякого зверья. И, что гораздо хуже, наши конкуренты — Институт Проблем Космоса — тоже привозят в Зоопарк животных с других планет.

— Хм... Я как-то об этом не подумал. Наверное, ты прав, но сейчас нам срочно нужно что-нибудь экзотическое.

— Вот я и говорю: существует масса экзотических вещей, которые можно добыть только с помощью машины времени. И это не обязательно животные...

Можно было вызвать летающую тарелку до Центра, но Ра-Шен предпочел идти пешком, потому что это, как он сам объяснял, давало возможность хорошенько все обдумать. Светс в задумчивости шагал рядом с шефом, глядя себе под ноги. Иногда в такие минуты его посещали озарения, но сегодня что-то заело. Они дошли до огромного кубического здания Центра, а решение так и не было найдено. Светс очнулся от размышлений, почувствовав тяжелую ладонь Ра-Шена на своем плече.

— Постой-ка, — сказал Ра-Шен, пристально глядя на что-то у подъезда Центра. — А вот и он — Генеральный, собственной персоной, к нам с визитом.

Сердце Светса ушло в пятки.

— Как Генеральный?! С чего вы взяли?

— Посмотри, узнаешь машину перед подъездом? Месяц назад мы приволокли из Лос-Анджелеса времен Великого Калифорнийского землетрясения автомобиль с двигателем внутреннего сгорания и подарили его Генеральному.

— И что теперь?

— Нужно организовать экскурсию по Центру, задурить ему голову, чтобы он и не вспомнил о двенадцатом августе двадцатого года Послеатомной Эры.

— Разве это возможно?

Светс вдруг подумал, что если когда-нибудь Ра-Шена сварят живьем за государственную измену, то и его самого не минует также участия.

— Если он все же будет настаивать, придется его отправить, — задумчиво сказал Ра-Шен.

У Светса вытянулась физиономия. Ра-Шен взглянул на него и рассмеялся:

— Не волнуйся, сопровождать его будет Зеера: она черная и отлично говорит на староамериканском. Думаю, это пригодится.

— Да, но гарантировать его безопасность все равно нельзя, — сказал Светс. На душе у него стало спокойней — пусть Зеера расхлебывает эту кашу, а не он.

Они проходили мимо машины Генерального Секретаря, и Светс заинтересовался этим механическим ископаемым. Машина была большая, черная, со сверкающим кузовом, удобным салоном и множеством приборов на панели управления. Кто-то открыл капот, и взгляду любопытных открылся сложный, сверкающий хромом и никелем двигатель.

— Шеф, — неожиданно остановил Ра-Шена Светс, — а что, Генеральный Секретарь любит машины?

— Не отвлекайся, Светс, пошли быстрее.

— Это очень важно, шеф!

— Ну да, конечно же! Он просто обожает эту игрушку.

— Тогда давайте притащим еще одну. Наверняка в Калифорнии накануне землетрясения можно выбрать достаточно интересный экземпляр.

Ра-Шен застыл, раскрыв рот, потом посмотрел на Светса.

— А что, может сработать. Это даст нам возможность... — Он хлопнул себя ладонью по губам.

— Возможность чего, шеф?

Ра-Шен, казалось, не слышал вопроса.

— Может быть, гоночную машину? Нет, члены Совета сразу оборудуют ее кибершофером, а нам это не надо. Тогда легкий пескоход?

— Шеф, а не лучше ли спросить его самого?

— Пожалуй, так и сделаем.

В Центре Института Темпоральных Исследований было три машины времени, включая и ту, которая работала с грузовой хронокapsулой. Множество светящихся шкал и мигающих индикаторов на пультах привели Генерального Секретаря в восторг. Когда Ра-Шен водил его по Центру, он все время смеялся и от избытка чувств размахивал руками.

Генерального Секретаря неотступно сопровождали трое телохранителей с каменными лицами, без проблеска мысли в глазах; они в любую секунду готовы были открыть огонь по любому человеку, осмелившемуся посягнуть на священную особу.

Ра-Шен представил Светса как своего личного и лучшего агента. И Светс так возгордился, что его потянуло на восторженные речи. Он готов был разразиться восторженными дифрамбами Генеральному Секретарю, но слова застряли в горле, и кроме междометий и нечленораздельных звуков он не смог

ничего из себя выдавить. Все, к счастью, обошлось: Генеральный не обратил на Светса ни малейшего внимания.

Когда речь зашла о путешествии в Лос-Анджелес, Генеральный Секретарь выказал удивительное равнодушие и оживился только тогда, когда Ра-Шен спросил его об автомобиле. В ответ Генеральный широко улыбнулся и так закивал головой, что у Светса появилось опасение, как бы он не свернул себе шею. Ра-Шен предложил на выбор любую из известных моделей, и высокий гость задумался, засунув палец в рот. Все в полной тишине ждали окончательного решения. И наконец выбор был сделан.

— «Спросите его, пусть сам выбираст», — передразнивал Светса Ра-Шен, кипя от ярости. — Теперь мы узнали его желание — первый автомобиль! Он хочет самый первый на свете. Получил?!

— Мне кажется, вы не совсем правильно его поняли, — сказал Светс, отводя глаза. — Такой конкретный заказ мы не в силах выполнить. Ведь для этого понадобится буквально обшарить несколько десятилетий прошлого, день за днем. И не только в Америке, но и в Европе.

— Это ты загнул. — Ра-Шен немного успокоился. — Нужную информацию можно получить и здесь, в библиотеке Беверли-Хилл. Но чует мое сердце, дело — дрянь.

Библиотека Беверли-Хилл — одна из самых великих удач Института Темпоральных Исследований. Третьего июля 26-го года Послеатомной Эры у здания библиотеки в калифорнийском городе Беверли-Хилл появилась большая грузовая хронокапсула и десяток вооруженных охранников. В любое другое время появление фантастической машины и десятка необычно одетых вооруженных людей произвело бы сенсацию во всей стране и даже за ее пределами. Но день был выбран не случайно. Сообщения о странных пришельцах, рассказы случайных свидетелей никоим образом не могли повлиять на ход истории и вызвать изменения будущего. На закате третьего июля по всему матерiku прокатилась серия разрушительных подземных толчков, океан вздыбился до небес одной огромной волной, которая смыла город до основания. Земная кора лопнула, и местность, некогда называемая Калифорнией, опустилась в пучину и стала дном океана. А в это самое время содержимое библиотеки Беверли-Хилл уже переносилось из грузовой хронокапсулы в хранилище Института Темпоральных Исследований.

Светс, Ра-Шен и Зеера Саусвос полночи просидели в библиотеке, просматривая материалы из интересовавшего их раздела истории

Земли. Светс прошел курс обучения староамериканскому, а Ра-Шен знал язык достаточно хорошо, чтобы понимать заголовки, но очень скоро стало ясно: вдвоем они просто физически не смогут за столь короткое время освоить весь объем имеющейся информации. Поэтому вызвали Зеера и подключили к работе.

Высокая, стройная, с шапкой черных жестких волос, блестящей темно-коричневой кожей Зеера Саусвос грациозно сидела на полу, скрестив ноги, и со всевозрастающим раздражением читала вслух названия подразделов истории, а Светс просматривал короткие реферативные материалы под соответствующими заголовками. Раздражение Зееры объяснялось тем, что она не понимала, к чему такая спешка и секретность. Было уже два часа ночи, а сведений, интересующих Ра-Шена, все еще не нашли.

— Такое впечатление, что автомобиль вообще никто не изобретал, — не выдержав, взорвался Ра-Шен.

— Жаль, конечно, но искать больше негде: помимо этой библиотеки, других источников информации нет, — сказала в ответ Зеера Саусвос. — Учитывая то, что мы уже нашли, нужно отправиться в Прошлое и проследить работу Гэгнота и Тревесика; можно еще заняться и развитием паровых экипажей в Англии.

Голос Зееры звучал, как всегда, ровно и холодно: ее манера говорить вообще очень напоминала старого профессора-педанта, читающего лекции идиотам-студентам. Но ради дела Ра-Шен способен был стерпеть еще и не такое.

— Зачем нам пар? — вежливо ответил он. — Нас ведь интересуют только двигатели внутреннего сгорания.

Светс попытался разрядить обстановку и вмешался:

— Шеф, лучше посмотрите работы Рено из Франции и Маркуса из Вены, кроме них неплохо продвинулись Даймлер и Бенц, а разработки Шелдона вполне заслуживают...

— К черту их всех! Нам нужен только один!

— Минуточку, сэр, — Зеера задумчиво смотрела на гору сваленных на полу книг. — Если так, то вам нужен Форд. Лично я предпочла бы его всем остальным.

— Форд? Чем он лучше других? И он изобрел не машину, а только способ массового производства продукции, насколько я знаю.

Не обращая внимания на тираду Ра-Шена, Зеера копалась в книгах. Наконец выбрала одну.

— Здесь написано, что Форд создал автомобильную промышленность буквально из ничего, — сказала она, подняв книгу.

— Но это неправда, — запротестовал Светс, однако Ра-Шен резко оборвал готовый начаться спор.

— Спорить можно до бесконечности. Хватит! План действий таков: мы скопируем первый автомобиль Форда, а найденная тобой,

Зеера, книга будет доказательством его приоритета в автомобилестроении. И пусть кто-нибудь осмелится отрицать, что это не первый автомобиль.

— Это хорошо, конечно, — не унимался Светс, — ну а если кто-нибудь проведет такие же исследования и придет к другому выводу?

— Он получит точно такой же результат, как и мы, то есть никакого, — ответил Ра-Шен. — Не вижу причин для сомнений. Форд не хуже остальных, так почему бы ему не стать первым?

— Значит, дальше копаться в этом барахле не имеет смысла, — с облегчением вздохнула Зеера. Потом, немного подумав, сказала: — Жалко, что не получится скопировать «Модель Т». Она, можно сказать, больше всего похожа на автомобиль, а первая машина Форда похожа скорее на детский самокат. В книге написано, что Форд сделал ее из металломана и старых труб.

— Тяжкая работа, — подытожил Ра-Шен. Непонятно только, к чему это относились: к первой машине Форда или к их ночному бдению.

Утром следующего дня Ра-Шен давал Зеере последние указания:

— Если тебе что-то помешает, тут же возвращайся.

— Конечно, сэр. — Она посмотрела в сторону маленькой хронокапсулы, куда техники грузили дубликатор. — Сэр, а может, лучше не рисковать и снять копию попозже, когда машину поместили в Смитсоновский институт, в музей?

— Думай, что говоришь. Подержанный автомобиль Генеральному Секретарю?! Да мне голову снимут за это! Нет, машина должна быть совершенно новой.

— Хорошо, сэр.

— Ты будешь на месте часа в три ночи, — продолжал Ра-Шен, — свет не включать — напугаешь предков до смерти. Пользуйся инфракрасным прожектором и прибором ночного видения.

— Конечно, сэр.

— Найди машину, включи прожектор...

— Я знаю, как пользоваться дубликатором, сэр, — как всегда, надменно перебила его Зеера, — и думаю, что дубликат вполне заменит оригинал.

— Менять их у тебя не будет времени. Ты должна доставить только копию-негатив, а превращать ее будем здесь.

— Хорошо, сэр. — Казалось, ее раздражали подробные разъяснения элементарных вещей. — А если я кого-нибудь встречу?

— Ты свободно владеешь языком белых американцев, но он отличается от обычной речи того времени, он более позднего про-

исхождения. Жаргоном пользоваться тоже не рекомендую. В общем, так: говори, как посчитаешь нужным, но медленно, пользуясь простыми словами и выражениями. Пусть тебя принимают за иностранку. Ну, удачи!

Зеера кивнула и направилась к хронокapsule, держа в руке маленький чемоданчик — блок управления дубликатором. Сам дубликатор был невелик по размерам, но весил около тонны, да и то без силовой установки.

Светс и Ра-Шен видели, как очертания хронокапсулы затуманились, а затем она исчезла. Теперь только сложная аппаратура поддерживала связь между машиной времени и хронокапсулой.

— Ни пуха, ни пера, — напутствовал Ра-Шен Зееру и трижды сплюнул через плечо. Потом обратился к Светсу: — Доставить сюда этот старый драндулет не так уж и сложно. Главные сложности могут начаться, когда Генеральный увидит этот ридван.

Светс кивнул. Он видел черно-белое двумерное изображение машины в книге. Автомобиль Форда даже на фотографии казался неуклюжим, и безопасность его явно оставляла желать многое лучшего. Конечно, можно слегка модернизировать его и сделать понадежнее, ведь ему предстоит возить Генерального Секретаря, а это честь немалая, но, к сожалению, ничто не в силах сделать этого пррапрап...дедушку красивым и элегантным.

— Поэтому лучше заранее подумать, чем еще можно заинтересовать Генерального, — озабоченно сказал Ра-Шен. — Машина даст нам острочку, не более.

По огромному залу Центра разнесся звук, напоминающий треск рвущейся ткани — сигнал из Прошлого от Зееры. Десяток техников кинулись к большой хронокапсule, которая должна была доставить копию-матрицу автомобиля.

— Здесь, кажется, все идет, как надо. Пора и мне заняться делом, — сказал Светс. — Я пойду?

— Куда? — удивился Ра-Шен.

— Птица Рух... У меня есть кое-какие соображения...

Ра-Шен скривился.

— Опять страус! Ты все еще носишься со своей бредовой идеей

На лице Светса появилось упрямое выражение.

— Шеф, вы знаете, что такое неотнения?

— Само слово слышу впервые. Но это не значит, что наш бюджет выдержит вторую экспедицию за чудо-птицей. Конечно, тут скорее наша беда, чем вина. Ты же знаешь, миллион кредитов на дороге не валяются.

— А кто сказал, что нужна машина времени?

— Как?!

— Мне вовсе не нужна машина времени, равно как и путешествие в Прошлое. Нужно только содействие Главного Зоотехника при Зоопарке. Вы можете мне помочь?

Зоотехником оказалась крепко сложенная женщина с пышными формами и громким голосом. Небольшая летающая платформа с инструментами и снаряжением следовала за ней по пятам по проходам между клетками.

— Почти все эти животные прошли через мои руки, — объясняла она Светсу. — Очень хотелось дать им всем имена, ведь у каждого живого существа должно быть имя.

— Но ведь когда-то им уже давали имена.

— Это меня и остановило. У них красивые имена: Гила Монстр, Слон, Лошадь, Страус... — читала она надписи на табличках. — Горация называют Горацием лишь для того, чтобы не спутать его с Гилбертом. Но ведь никто не спутает Лошадь со Слоном. У нас только по одной особи каждого вида. Бедняжки! — Она остановилась около клетки с табличкой «Страус». — Вот объект нашего опыта. Знаете, я почему-то сразу подумала об этой птице, когда меня вызвали сюда.

Страус за стеклом переступил с ноги на ногу и, склонив голову на бок, рассматривал стоящих у клетки людей. Казалось, он был удивлен появлением Светса.

— Она очень похожа на только что вылупившегося цыпленка, — продолжала Зоотехник, с умилением глядя на страуса. — Все, как у птенцов, разве что ноги великоваты. Можно подумать, они созданы для огромного тела.

Светса уже начал раздражать этот пространный монолог. Много бы он отдал за возможность раздвоиться. Его очень тянуло в Центр, ведь в проекте, который сейчас осуществляла Зеера, было много его разработок. Но совершенно необходимо находиться здесь, в Зоопарке, и выслушивать эту болтливую тетку, ведь страус его первая неудача, и нужно сделать все возможное, чтобы реабилитировать себя.

Светс решил немного ускорить события.

— Вам не кажется, что он неотеник?

— Неотеник? Несомненно. Неотения, как вам, должно быть, известно, одно из обычных явлений в эволюции живых организмов. Нам тоже присущи черты неотении. К примеру, голая кожа, в то время как все приматы покрыты волосами. Когда наши далекие предки начали охотиться, им понадобилась более совершенная система охлаждения организма. Вот так и сохранилась одна из черт, если так можно сказать, детскости, незрелости. Ведь у приматов дети голые. Я считаю, что большая голова у человека тоже проявление неотении. Классический пример этого явления — аксалотль.

— Акса... Кто?

— Ну, саламандру вы, наверное, видели? Сначала у них есть и жабры и плавники, но по мере развития жабры отмирают, появляются легкие, а плавники превращаются в лапы. Так вот, аксалотль представляет собой жизнеспособный вид, у которого есть легкие, но жабры полностью не исчезают и могут функционировать вместо легких. Происходит генетический сдвиг, типичный для неотении.

— Никогда не слышал ни об аксалотлях, ни о саламандрах. — Светс несколько успокоился. Лекция оказалась интересной и полезной.

— Немудрено. Им для жизни нужны открытые водоемы — реки или пруды, а это значит, что исчезли эти виды не мение тысячи лет назад.

Читая эту импровизированную лекцию, Зоотехник тем временем готовила аппаратуру и инструменты.

Вся проблема в том, что мы не знаем, как давно эта птица потеряла способность летать. Возможно, в данном случае мы наблюдаем редкий случай неотении. Она могла проявиться очень давно, и крылья этого страуса изначально не развивались. А взамен неразвитых крыльев росло его тело и ноги.

— Мадам, но если ваше рассуждение истинно, то размеры ее предка...

— Да, не больше индюшки. Впрочем, что гадать — рискнем.

Стеклянная стена сдвинулась в сторону, чтобы пропустить людей. Страус отбежал в дальний угол клетки. Зоотехник взяла с платформы сумку, достала наркотизатор и выстрелила. Страус на мгновение застыл, удивленно глядя на людей, и упал. Ни шума, ни суеты.

Зоотехник вдруг замерла посреди клетки, растерянно огляделась вокруг, потянула носом воздух и воскликнула:

— Что это с моим обонянием? Я не чувствую запахов!

Светс сразу сообразил, в чем дело. Он бросился к платформе, вытащил два прозрачных шлема и один из них протянул женщине.

— Надевайте скорее!

— Зачем это?

— Надевайте быстро, потом объясню.

Сам он мгновенно (сказались долгие тренировки) расправил шлем и, надев его на голову, плотно закрепил прижимным кольцом к шее. Теперь он изолирован от атмосферы клетки, можно и объясниться.

— Для нас этот воздух, его состав, смертельно вреден. В клетке восстановлена атмосфера далекого прошлого Земли, ведь страусы

жили около полутора тысяч лет назад. Следовательно, воздух, которым мы дышим, смертелен для страуса, а нам в атмосфере клетки не хватает сернистых соединений, азота, углекислоты и всего прочего, что выбрасывает в воздух наша развитая индустрия. Точнее, нам нужна только углекислота. Вы же знаете — лимфатические узлы и нервные ткани в левой подмышечной впадине. Здесь нам недостает углекислого газа для возбуждения дыхательного рефлекса.

Женщина, не без помощи Светса, надела наконец шлем.

— Насколько я поняла, здесь пониженное содержание CO₂?

— Ну конечно! Здесь десятая часть от привычного нам уровня.

Птице вполне хватает, но снаружи она задохнется через несколько секунд.

— Это я и сама знаю, — сказала Зоотехник таким тоном, будто Светс говорил о вещах хорошо известных, и ей непонятно, зачем столько распространяться об очевидном.

Зоотехник опустилась на колени рядом со спящим страусом и приступила к осмотру. Светс с интересом наблюдал за ее манипуляциями: пробы крови, измерение давления и пульса, реакции на гормоны и тест-препараты. Светс в основном знал технологию возврата к начальному этапу генетических мутаций животных, а частности... Сейчас его больше интересовали результаты исследований и то, что получится из страуса в результате эксперимента. Этого пока никто сказать не мог.

Такого рода попытки уже предпринимались. Через несколько клеток от страуса жил представитель вымершего вида *homo habilis*, «человек умелый». Он был получен путем ускоренной эволюции человекаобразной обезьяны. Существо это быстро адаптировалось в мире людей и даже одно время содержалось во дворце Генерального Секретаря в качестве живой игрушки. Все шло прекрасно, пока человек-обезьяна не обозвал Генерального хреноголовым тираном. За такую дерзость его сослали из высочайших покоя в Зоопарк.

Светс наблюдал за работой Зоотехника и размышлял. Подумать было о чем. Если его надежды оправдаются, возникнет масса проблем: как кормить созданное быстрорастущее существо, ведь его метаболизм, наверное, изменится, а главное, где содержать огромную взрослую птицу?

Внимание Светса привлекло золотистое сияние вокруг головы женщины, занятой исследованием страуса: солнечные лучи, проникавшие сквозь стеклянные стенки клетки, играли на поверхности прозрачного шлема. Мысли его потекли по иному руслу. Неужели Ра-Шен прав, и Институт Проблем Космоса хочет поглотить их? Если это правда, то золотистый nimbus — дополнительное оправдание их притязаний. Защитный шлем, технология производства мембран, да чего греха таить, многие другие новинки буквально украшены из лабораторий космической

индустрии. Именно таким образом у темпоральщиков появились гайдеры, наркотизаторы, миниатюрные, но очень мощные антигравитационные излучатели и станнеры, которыми оснащены все новые хронокapsулы. Но основной аргумент, выдвигаемый Институтом Проблем Космоса, похитрее.

Когда-то океаны Земли кишили жизнью. Но теперь континентальный шельф мертв, как поверхность Луны. Ничего живого. В далеком прошлом сушу покрывали леса, степи, пустыни, реки и озера, и повсюду бурлила жизнь. Люди вырубили леса, отравили воду, уничтожили животных. От богатейшей биосферы планеты остались лишь дрожжевые бактерии, собаки и сами люди. Эти люди настолько оторвались от прошлого, что теперь уже не в состоянии отличить древние сказки от реально происходивших событий. Современный человек не может дышать чистым воздухом родной планеты: обладая гигантскими техническими возможностями, человечество тем не менее боится вернуть Земле прежнюю атмосферу, так же как боится неведомого ему животного и растительного мира прошлого.

Прошлое Земли для современного человека более чуждо, чем любая из миллионов планет во Вселенной. Так пусть Космос и занимается Землей!

Они уже заканчивали последние испытания с помощью массивного, закрепленного на летающей платформе прибора, когда в нагрудном кармане Светса затрещал портативный видеophone.

— У нас неприятности, — сказал Ра-Шен, — Зеера возвращается. Похоже, команда на возвращение ее хронокапсулы была дана сразу после вызова грузовой.

— Вы хотите сказать, она стартовала, не дожидаясь появления большой хронокапсулы?

Ра-Шен мрачно кивнул.

— Она вызвала грузовую, значит, автомобиль найден, но в самый последний момент там что-то произошло, и все сорвалось. Я ужасно волнуюсь.

— Сэр, мне бы не хотелось уходить отсюда именно сейчас.

Светс повернулся и направил глазок видеофона на страуса. К этому моменту птица уже лишилась всего оперения, и напоминала туго надутый воздушный шарик.

— Я просто не могу уйти: в ближайшие десять минут у нас будет птица Рух.

— Что? Как ты умудрился..?

— Нам удалось задействовать механизм регресса.

— Отлично, мой мальчик! Я всегда верил в тебя. Попробуем здесь обойтись без тебя.

Ра-Шен отключился.

— Я бы не решилась на столь категоричное заявление, — сказала Зоотехник, не отрываясь от работы.

— Что-нибудь не так? — Сердце Светса тревожно сжалось.

— Нет, пока все идет как надо.

— А перья? Так тоже надо?

— Конечно. Посмотрите, вместо перьев все тело покрываются пухом. Ваш страус превращается в птенца, но в птенца своего прародителя. И если прародитель размером не больше индюшки, то эта птица скоро станет даже меньше, чем птенец страуса.

— И что дальше?

— Дальше? Она утонет в собственном жире.

— Кошмар! Ведь мы даже не взяли у этого страуса клетки для клонирования. Может, сейчас?

— Сейчас уже поздно, изменился генотип. Посмотрите, как интересно. Его ноги не кажутся уродливыми или слишком большими. Изменились не только ноги.

Страус, лежавший на ковре из собственных перьев, теперь походил на надувную игрушку, короткие толстые ноги торчали из желтого шара, в который превратилось тело птицы. Костяк его стремительно уменьшался, уменьшалась и мышечная масса, а все лишнее обращалось в жир.

— Сейчас он в самом деле похож на цыпленка, — усмехнулась Зоотехник.

— Похож, но какой-то уж слишком крупный цыпленок. У меня такое ощущение, что из этого птенчика вырастет нечто грандиозное.

Светс к стыду своему никак не мог вспомнить, а скорее и вовсе не знал, как ее зовут. Он чувствовал себя очень неловко, но спросить... нет, лучше закончить все побыстрее — и в Центр.

Женщина выпрямилась и, глядя на страуса, вернее на то, что недавно было страусом, спросила:

— Светс, а вы знаете, где хранится базовый запас дрожжей для Зоопарка? Нужно срочно доставить их сюда.

— Конечно, знаю. Но куда торопиться?

— Питание желательно доставить сюда до того, как птица начнет расти, а расти она, как показали последние тесты, будет очень бурно. На всякий случай покажите, где это.

Подобно людям, все животные Зоопарка питались дрожжами с витаминными добавками. Конечно, пища особым образом обрабатывалась и походила на привычную для каждого из пленников Зоопарка.

Светс помог подсоединить кормопровод к одному из массивных приборов на платформе, отрегулировал подачу добавок. Зоотехник подключила еще один агрегат.

Птица начала расти буквально на глазах. Толстый жировой слой таял как снег на весеннем солнце. Ноги опять удлинились, клюв заострился и изогнулся крючком. Уже через несколько секунд пушистый шар превратился в распластанный на полу тугой обтянутый кожей скелет. В душе Светса нарастало какое-то неясное предчувствие.

Дрожжи непрерывным потоком поступали из кормопровода в приборы на платформе, перерабатывались в глюкозу и по системе цветных трубочек поступали прямо в кровь растущей птицы.

— Ну, теперь все, осталось только ждать, — сказала Зоотехник, очень довольная собой. — Презнаюсь, до самого последнего момента у меня не было уверенности в положительном исходе нашей затеи. Сейчас этот момент настал и я могу сказать: все будет хорошо! Если, конечно, снизится темп роста, — неожиданно понизив голос и с опаской глядя на страуса, пробормотала она.

В эту секунду что-то произошло со светом, с солнечным светом.

Светс не сразу понял, что его так встревожило. Но, взглянув вверх, увидел необыкновенное, до самого горизонта чистое и голубое небо.

— Что это? — голос женщины звучал скорее удивленно, нежели испуганно. — Я никогда не видела ничего подобного.

— А я видел, и не раз.

— ...?

Для объяснений времени не было, поэтому Светс выпалил скороговоркой:

— Не волнуйтесь, сейчас все узнаю. Только послушайте моего совета: ни в коем случае не снимайте шлем, особенно если будете выходить из клетки. Слышиште? Ни в коем случае!

Светс бросился к двери, но она остановила его, поймав за рукав.

— Светс, вы ведь знаете, что произошло, — сказала она, пристально глядя ему в глаза, — это ведь ВРЕМЯ?

— Весьма вероятно, — ответил Светс и, чтобы избежать дальнейших расспросов, быстро отодвинул стеклянную дверь клетки и выскочил наружу. Задвинув за собой дверь, Светс оглянулся. Пожале, он ее здорово напугал, но дисциплина и ответственность за порученное дело оказались сильнее страха: она повернулась к «пациенту» и продолжила работу. Птица, еще недавно бывшая страусом, лежала на боку с открытыми глазами. Кожа все еще тую обтягивала толстые кости скелета, несмотря на потоками вливающуюся в кровь глюкозу. Изменился цвет перьев, и уже стало очевидно, что взрослая особь будет черного цвета с зеленоватым отливом. Птица увеличилась почти до размеров слона, который

стоял в соседней клетке и следил за происходящим умными серыми глазами.

Над головой — голубое небо, ясное, как взгляд младенца. Таким сго Светс видел только в далеком Прошлом. На голубом, сверкающем просторе пенились легкие, удивительно чистые, сверкающие близкой облака. Высокое небо от зенита до горизонта! Без единого инверсионного следа, без пелены смога.

На газонах и дорожках Института в разных позах лежали люди — мужчины и женщины. Светс с трудом удержался, чтобы не остановиться помочь им, но то, что он должен был сделать, неизмеримо важнее. Приближаясь к Центру, он вынужден был перейти на шаг. Боль в сломанных страусом ребрах пронзила раскаленным кинжалом; казалось, лезвие вошло в самое сердце. Навстречу из дверей Института нетвердой походкой, шатаясь из стороны в сторону, вышел кто-то из сотрудников и упал посреди широкой лестницы. У парадного подъезда все еще стоял лимузин Генерального Секретаря, а рядом с ним Светс увидел лежащего на спине Ра-Шена. Как он-то здесь очутился?

Подойдя ближе, Светс услышал рокот работающего на холостых оборотах двигателя и все понял. Ра-Шен, видимо, сразу сообразил, в чем дело, и надеясь, что выхлопные газы не дадут ему потерять сознание, побежал к автомобилю.

«Тоже мне, умник, — подумал Светс, — но, впрочем, это должно бы помочь. Почему же не помогло?»

Взгляд его остановился на полированной поверхности выхлопной трубы, и тут только до него дошло, что двигатель шумит как-то странно, не так, как двигатель внутреннего сгорания. Интересно, на чем же он работает? Пар? Во всяком случае в выхлопе не оказалось того, на что расчитывал Ра-Шен. Однако он был еще жив! Пульс слабый, но частый, дыхание еле заметно: примерно два вдоха в минуту. Видимо, когда концентрация углекислого газа в легких стала критической, сработал безусловный рефлекс. Да, живучее создание человек!

Светс вошел в здание Центра. Повсюду валялись тела сотрудников. Генеральный Секретарь лежал на спине, широко раскинув руки, на губах застыла идиотская улыбка. Телохранители рядом, тоже без сознания, на застывших лицах тревога, в руках оружие.

Хронокapsула Зееры еще не вернулась. Светс тоскливо посмотрел на пустой приемник машины времени. Что он может сделать без нее? Только Зеера могла объяснить случившееся.

Из пятидесятиго года Доатомной Эры было около тридцати минут пути, а Ра-Шен вызывал его всего минут двадцать пять назад. Удивительно, как быстро иногда летит время, сколько со-

бытий вмещает краткий промежуток. Да, сегодня они впервые столкнулись с парадоксом времени. Не исключено, что происшедшие в мире изменения оборвали связь машины времени с хронокапсулой Зееры, и теперь она болтается где-то в Прошлом, или в альтернативных мирах, или... Математика перемещений во времени до сих пор представляла собой своеобразную загадку без ответа. Однажды кто-то из математиков попытался сделать топологический анализ вектора перемещения хронокапсул. Результат оказался совершенно лишенным смысла, верхом абсурда, поскольку доказывал невозможность перемещения во времени, равно как и движение со скоростью, большей скорости света. Ра-Шен, узнав об этом, подсунул результаты исследования руководству Института Проблем Космоса, надеясь, что те прекратят полеты своих гиперсветовых кораблей. Естественно, надежды не оправдались.

Светс растерянно стоял посреди зала Центра управления.

Что же делать? Может, понадевать на всех шлемы? Грандиозно! Но откуда взять столько шлемов? В Центре больше нет ни одного. И до ближайшего хранилища топать через весь город, а люди ждать не могут.

«Если не знаешь, что делать, не делай ничего», — вспомнилась ему древняя мудрость, и, следуя ей, Светс сел прямо на пол и стал ждать.

Несколько минут спустя негромкий хлопок воздуха известил о прибытии хронокапсулы в приемник машины времени. Люк открылся и из него вышла Зеера.

— Назад, — крикнул Светс, — скорее назад!

— Если думаешь, что я собираюсь выполнять твои требования, то очень ошибаешься. Автомобиль прибыл? Где Ра-Шен?

В голосе ее чувствовалась усталость, а лицо, как застывшая маска, сохраняло холодное, чуть надменное выражение.

Светс схватил ее за рукав и потянул к открытому люку капсулы.

— Зеера, мы срочно должны...

— Да, мы действительно срочно должны подготовиться к прибытию грузовой хронокапсулы. Или ты не расслышал, что я сказала?

— Но сначала нужно...

— Что это? — Зеера тревожно глянула на Светса. — Почему ничем не пахнет?

Она полной грудью вдохнула воздух, лишенный обычных запахов, тревога на лице сменилась недоумением, и в следующую секунду она потеряла сознание. Светс едва успел подхватить ее.

Он сидел на полу хронокапсулы и смотрел на Зееру. Как она не похожа на себя. Лицо ее, потеряв обычное холодно-

надменное выражение, стало мягче. Сейчас она была просто очаровательна.

— Почаще бы тебе расслабляться, — сказал он вслух.

Снова вернулась боль в боку, и Светс даже застонал. Зеера открыла глаза.

— Почему мы здесь? — спросила она.

— Здесь можно дышать, не то что снаружи.

— Что случилось? — удивилась она.

— Об этом я хотел бы спросить тебя.

— Это автомобиль! — вдруг вскрикнула она. — Он исчез!

— Почему?

— Не знаю, Светс. Клянусь, я сделала все, как надо. Но когда включила дубликатор, автомобиль исчез!

— Это... неприятно. — Светс изо всех сил старался говорить спокойно. — Рассказывай все по порядку, все свои действия и как можно подробнее. Что ты...

— Я сделала все по инструкции. Присоединила маркированный конец щупа дубликатора к образцу, ввела в компьютер данные по массе и размерам, поправки на возможную ошибку, проверила по контрольным приборам и...

— По-моему, ты перепутала маркировку. Секундочку, инфракрасный прожектор был включен?

— Конечно. Все происходило ночью, в темноте.

— И прожектор освещал все инфракрасным светом...

— А каким же еще?! Конечно, я все видела в инфракрасном свете. Ты всегда так тую соображаешь?

Но вдруг лицо ее изменилось, на нем появился ужас.

— В инфракрасном... Ну конечно, я сделала все наоборот...

— Вход и выход дубликатора. А это привело к тому, что машина скопировала пустоту матрицы на место автомобиля.

— Идиотка! Самоуверенная идиотка! — простонала Зеера.

Она прислонилась к стене, обхватив голову руками.

После минутного молчания тихо сказала:

— Генри Форд продал свой автомобиль за двести долларов. Так написано в книге. И все равно у него были трудности с финансированием разработок.

— А двести долларов, это много?

— Сматря когда. Впрочем, в любые времена вполне достаточно, чтобы уничтожить человека. Особенно если лишить его этих денег в нужный момент. И тогда автомобиль изобретет кто-то другой, и он предпочтет пар или электричество.

— Пар — вряд ли. В то время паровые машины уже вовсю работали.

— Я пытаюсь уловить связь между двумя событиями: исчезновением автомобиля и изменением состава атмосферы. Современный человек может дышать воздухом, насыщенным выхлопными газами, но это не значит, что это ему необходимо. Хотя, правда, повышенное

содержание углекислого газа все-таки нам нужно. Но ведь паровые машины тоже сжигают топливо.

— Я уже задавался этим вопросом и, кажется, нашел ответ. Дело в том, что некоторые вещества, составляющие эти газы, накапливались в атмосфере веками и создали экран, нейтрализующий солнечные лучи. А ты уничтожила этот экран.

— Фотосинтез! Так вот куда делся углекислый газ!

— Видишь, как все просто.

— Просто-то просто, но если изменилась атмосфера, почему не изменились мы? Человечество тысячи лет приспособливалось к постепенно менявшемуся составу воздуха, но судя по людям там, снаружи, — никаких обратных изменений. И мы с тобой почему-то помним о своем прошлом и об эволюции человека в индустриальном мире.

— Не знаю... Что мы вообще знаем о Времени?

— Светс, миленький, ну что же нам делать? — вдруг, чуть не плача, взмолилась Зеера. Светсу стало не по себе: всегда уверенная в себе «Снежная Королева» в полной растерянности, судьба Земли теперь зависит только от него.

— Может, мне вернуться в Прошлое, — с надеждой глядя на него, сказала она, — поменяю полюсы дубликатора — и все вернется.

— Бесполезно, — возразил Светс, — из ничего и получится ничего.

— А вдруг? Давай попробуем! Ты же сам говорил, что логика перемещений во времени не укладывается в обычные рамки.

— НЕТ! Мы должны опередить тебя
Зеера уставилась на него, как на сумасшедшего. Светс кивнул:

— Да, опередить. Ты отправишь меня в прошлое где-нибудь за час до появления там Зееры. Автомобиль Форда в это время будет еще на месте. Я быстренько сделаю копию и копию с этой копии. Одну копию и оригинал спрячу в хронокapsule, грузовой. Тогда Зеера, то есть ты, которая появится через час после меня, уничтожит только копию. Сразу после твоего исчезновения я ставлю оригинал машины на место и возвращаюсь сюда с копией. Здорово? — выпалил Светс на одном дыхании.

— Грандиозно! Теперь давай-ка все еще раз, только помедленней.

— Ну смотри, — вздохнул Светс, — я отправляюсь в Прошлое...

— Ладно, ладно, я все поняла, — рассмеялась Зеера, — только делать все это буду я. Ты не сумеешь быстро сориентироваться на месте. А мне легче избежать встречи с собой. Останешься здесь и обеспечишь работу машины времени.

Светс собирался выйти из люка хронокapsулы, когда тишину пронзил дикий вопль. Так мог кричать лишь грешник на Страшном Суде. Светс внутренне сжался, замер, но тут же бросился к окнам, Зеера вслед за ним в шлеме, который входил в стандартный комплект оборудования хронокапсулы.

Институт Тимпоральных Исследований раскинулся на вершине небольшого холма: Административно-лабораторный корпус в Центром управления перемещениями во времени и, перпендикулярно ему, длинные ряды клеток Зоопарка Генерального Секретаря.

Сквозь стеклянную стену машинного зала Центра открывалась панорама Зоопарка, и Светс увидел.... Одна из клеток разбита словно яйцо, из которого вылупился птенец, и, подобно птенцу, на обломках скорлупы над разбитой клеткой возвышалась птица Рух.

— Что это?! — в ужасе прошептала Зеера.

— Страус... был... Теперь что-то ужасное под названием Рух.

Птица двигалась неторопливо, словно в замедленном кино. Колossalная, черная с зеленоватым отливом, прекрасная и одновременно отвратительная, огромная, как вечность, с гребешком из золотистых перьев на голове. Остатки стен клетки, словно картонные, ломались под ударами клюва и когтистых лап птицы. Зеера потянула Светса за рукав.

— Пойдем. Если она и выберется из Зоопарка, это ерунда: как только мы все сделаем, атмосфера восстановится, и это чудище сдохнет.

Не обращая больше внимания на грохот и птичьи крики, они почти бегом вернулись к пульту управления машиной времени: предстояла сложная работа по переброске грузовой хронокапсулы в Прошлое на несколько часов раньше, чем в мастерской Форда появится Зеера №1, как для простоты они решили обозначать двойников.

Светс обернулся. Пока они готовили оборудование к работе, птица Рух выбралась из развалин клетки и теперь пыталась взлететь. Огромные крылья хлопали, как паруса на ветру, а темная, точно грозовая туча тень птицы легла на здание Института. Взмах крыльев — и птица в воздухе!

Снизу Светс рассмотрел, что в когтях ее билось что-то живое.

— Она схватила слона! — в ужасе закричал он.

Вообще-то Светс не любил животных, но этого серого гиганта ему почему-то стало жаль, к тому же только сейчас он осознал, какую силу они выпустили на свободу.

— Что там еще случилось? — Голос Зееры отвлек его от кошмарного зрелица. — Торопись, Светс, капсула готова, дело только за тобой!

Последние штрихи, последние данные в компьютер машины времени и... Старт! Воздух с негромким хлопком заполнил пустое пространство, где мгновение назад стояла хронокapsула. На чью-либо помочь рассчитывать не приходилось: весь обслуживающий персонал был в бессознательном состоянии, и случись малейшее отклонение в режиме работы машины, Светсу ни за что не спрятаться с наладкой. Он мысленно благодарил создателей этой сложной машинерии: автоматика работала надежно, без сбоев, и он вполнеправлялся один, перебегая от одного прибора к другому, следя за их работой и по мере надобности внося необходимые поправки.

Время от времени Светс поглядывал на улицу. Птица Рух уже поднялась высоко в небо. Она была хорошо видна — словно большая грозовая туча нависла над горизонтом. И из этой тучи дождем падали обглоданные кости и кровавые куски мяса — там в вышине птица рвала на части туши слона, утоляя голод.

Стрелка секундомера на пульте управления ползла катастрофически медленно, отсчитывая двадцатую минуту пребывания Зееры в прошлом. По их плану, это время отпущено Зеере на то, чтобы скопировать автомобиль, загрузить копию и оригинал в грузовую хронокапсулу и дать сигнал готовности.

По залу пронесся звук рвущейся материи. Сигнал! Значит все идет как задумано. Сняв копии, Зеера должна продвинуться на шесть часов вперед, захватив с собой одну копию и оригинал автомобиля Форда. Это исключало малейшую вероятность встречи Зееры №1 и Зееры №2. К чему создавать новые парадоксы? Конечно, существовала опасность, что какой-нибудь ненормальный, проснувшийся ни свет ни заря, заметит Зееру №2. Приходилось рисковать, ведь другого выхода они не видели. Впрочем, риск не так уж и велик. Подумаешь, какой-нибудь псих будет рассказывать о сверхъестественных событиях в лаборатории. Кто ему поверит? Главное — вернуть Форду его автомобиль.

Рух, видимо, уже закончила свою трапезу; от слона остались только воспоминания. Светс, стоя у пульта управления машиной времени, наблюдал, как она снижалась и росла на глазах, пока не закрыла собой, казалось, всю вселенную.

Словно ураган пронесся над Институтом, когда птица опустилась неподалеку от здания Центра, подняв тучи пыли. Рух наклонилась над стеклянной крышей машинного зала, и лоб Светса покрылся холодным потом, когда на него уставился огромный желтый глаз.

«Эта тварь узнала меня, — обреченно подумал он. — Память страуса досталась этому чудовищу! Был же у нас такой милый спокойный страусенок, чего мне еще не хватало! Лучше уж синица в руках, чем журавль в небе!»

Древняя пословица как нельзя более подходила к сложившейся ситуации, правда, приобрела она несколько иной смысл...

Страшной силы удар потряс здание Центра, и с потолка посыпались осколки стекла. Светс от неожиданности присел и глянул наверх. В крыше здания образовалась большая дыра, которая по-немногу увеличивалась под могучими ударами клюва. Одна радость: здание построено из прочных материалов, а огромная, по меркам Светса, дыра была пока маловата для птицы Рух.

На пульте вспыхнули три красных индикатора, и Светс бросился к приборам. Несколько манипуляций тумблерами и кнопками — цвет сменился на зеленый. Все. Зеера возвращалась домой, и всю заботу о ней теперь взяли на себя автоматы. Дело сделано, и всё прекрасно, если только не считать жаждущей мести птицы на крыше.

Светс еле успел отскочить — осколок перекрытия, пролетев совсем рядом с головой, ударился о пульт, отскочил и больно саданул по ноге. Светс снова посмотрел вверх. Половины крыши уже не было, а птица неустанно долбила клювом перекрытия, пытаясь добраться до ненавистного человечка. Светс забился за какую-то металлическую конструкцию, стараясь вжаться в стену, подальше от желтых глаз и щелкающего клюва. Он стоял, закрыв глаза и только вздрагивал, когда особенно крупные куски со скрежетом откалывались от перекрытий и с грохотом обрушивались вниз.

Вдруг ему показалось, что свет, проникающий снаружи через дыру в крыше и стеклянную стену зала, изменился. Наконец-то! Теперь есть надежда на спасение от порожденного им же самим чудовища.

Сквозь разломанную крышу он видел, как прямо на глазах желтеет небо в пятнах желто-коричневых облаков. Грохот и скрежет на крыше здания внезапно прекратились, и наступила тишина, оглушающая тишина, нарушенная только тяжелым дыханием птицы. Светс, не отдавая себе отчета в том, что делает, вышел из укрытия и увидел, как птица, оставив в покое здание, взмахнула крыльями. Ему пришлось обеими руками ухватиться за украшенную резьбой колонну зала, чтобы устоять на ногах под ветром, поднятым мощными крыльями Рух.

Светс запомнил это на всю жизнь: огромная, черная, сверкающая на солнце зеленоватыми отблесками птица поднималась по крутой спирали все выше и выше, забыв о ненавистном человеческом существе.

Из люка прибывшей хронокapsулы выскочила Зеера и бросилась к застывшему с разинутым ртом Светсу. Она посмотрела вверх и тоже замерла, пораженная фантастическим зрелищем. Скоро к ним присоединился Ра-Шен, за ним кто-то из техников, потом уже больше половины всего обслуживающего персонала Центра замерли под огромным проломом в крыше, с ужасом и удивлением следя за поднимающейся ввысь угольно-черной тенью. И среди застывших, одуревших от всего прошедшего и увиденного людей скакал на

одной ножке Генеральный Секретарь, улыбаясь и радостно взвизгивая: наконец-то он получил нечто совершенно необыкновенное.

А птица между тем из последних сил боролась за жизнь. Хоть бы глоток чистого воздуха! Именно жажда жизни толкала ее все выше и выше в надежде, что там, в вышине, она избавится от удушающего смрада.

Наверное, мозг птицы, став огромным, приобрел несвойственное ему изначально качество — разум. Иначе как она поняла, что и там, наверху, спасения для нее нет? Черная тень замерла на мгновение в желто-зеленом небе, а потом стремительно ринулась к подарившей ей жизнь, но такой жестокой и негостеприимной земле.

Точно землетресение тряхнуло институтские здания, когда тело огромной птицы подобно черному метеору пронеслось по небу и рухнуло на площадь перед зданием Дворца Объединенных Наций.

С ВОЛКАМИ ЖИТЬ...

Система управления хронокapsулой капризничала. Не то чтобы очень, но особой радости за пультом Светс не испытывал. Техники обещали устраниТЬ все неполадки, но на всякий случай под руководством Ра-Шена Светс до мелочей изучил систему ручного управления.

В этот раз хронокапсула доставила Светса примерно за тысячу лет до начала Послеатомной Эры куда-то в центральные районы Североамериканского континента.

Капсула остановилась. Светс подошел к иллюминатору и выглянул — вокруг простиравшаяся голая заснеженная равнина. Это было неприятной неожиданностью: он не собирался разыскивать бизонов в зимний холод. Единственный выход — с помощью контура прерывателя попытаться попасть в другое время года, потеплее, лето или что-то вроде того.

Однако это создавало сложности. Прерыватель был самым новым изобретением, еще ни разу не испытанным на практике, а Светс не горел желанием оказаться в роли испытателя. Он догадывался, какими словами встретит его Ра-Шен по возвращении. Каждый скачок во времени обходился Институту Темпоральных Исследований примерно в миллион кредитов, а использование прерывателя сразу удвоит и без того огромную сумму.

Выходя из хронокапсулы, Светс ощущал пронизывающий холод. Вокруг вплоть до самого горизонта простиравшаяся равнина, покрытая толстым снежным ковром. Внимание Светса привлек какой-то шевелящийся вдали белый холмик. Быть может, зверь, которого еще нет в Зоопарке? Он выстрелил из наркотизатора, и шевеление прекратилось. Светс вывел из хронокапсулы глейдер и отправился на поиски. Найти неподвижное животное — нелегкое дело, да к тому же защитная окраска делала его практически неразличимым на фоне белого снега. Светсу удалось обнаружить его только благодаря красному языку, вывалившемуся из открытой пасти, и черным подушечкам на лапах.

Светс сразу же узнал полярного волка. Это была удача: в Зоопарке обрадуются редкому экземпляру. Теперь он мог возвращаться с чистой совестью. Светс испытал даже некоторое самодовольство — быстрая и на редкость легкая экспедиция.

Он уложил спящего зверя в пластиковый транспортный контейнер, плотно закрыл его и закрепил. Потом, расслабившись, стоял у стены, в то время как капсула автоматически совершила скачок и начала двигаться, казалось, во всех направлениях сразу. Светс сорвал с головы успевший порядком надоесть шлем-маску. Воздушная система работала нормально, и в фильтрах теперь нуждался не он, а пленник. Без них волк получит такую порцию ядовитых

газов, что шок и смерть наступят через несколько секунд. В эпоху Светса волков на планете уже не осталось, они вымерли.

Снаружи бушевало возмущенное вторжением Время. А в капсуле, надежно укрытый сферической оболочкой, Светс внимательно рассматривал зверя, пытаясь понять, почему он кажется таким знакомым. Он никогда раньше не видел живых волков, только на картинках в детских книжках, доставленных из далекого Прошлого, но что-то на удивление родное в это звере.

Крупный экземпляр: от носа до хвоста величиной почти с самого Хэнвилла Светса. На шкуре по бокам проступали темные подпалины, зубы белые, острые, а из пасти свесился длинный красный язык. Светс вдруг вспомнил, кого напоминает ему волк — собак, именно собак в Зоопарке, где их держали в стеклянных вольерах с табличками «Собака современная». Единственные из всех животных Зоопарка, собаки не нуждались в герметичных, защищающих от окружающей среды клетках. Ни одно животное не сумело выжить в атмосфере индустриальной Послеатомной Эры, только собаки. И все благодаря Лоуренсу Уошпортеру. Этот человек жил где-то между пятидесятыми и сотыми годами Послеатомной Эры. Миллиарды людей гибли от легочных и раковых заболеваний. Лишь несколько миллионов адаптировались к резко изменившимся условиям окружающей среды. А Уошпортер решил во что бы то ни стало спасти собак.

Почему именно собак? Его побуждения совершенно непонятны, но в методах, которые он применил, чувствовалась та простота, которая сродни гениальности. Он отобрал по несколько экземпляров из всех известных пород и большую часть жизни занимался их скрещиванием. В результате появился совершенно немыслимый, но жизнеспособный гибрид. Уошпортер вовремя закончил работу: вскоре выведенная им порода осталась единственной на Земле, поскольку только эти собаки смогли дышать воздухом Индустриальной Эры, насыщенном углекислым газом, азотистыми соединениями, парами бензина и серной кислоты.

В Зоопарке собаки содержались за стеклом только потому, что хозяева — выжившие люди 1100 года Послеатомной Эры — не любили и боялись животных.

Волки и собаки... Интересно, могли быть волки прародителями собак? Светс еще раз взглянул на спящего пленника. Честно говоря, он не смог бы сказать определенно, нравятся ему собаки или нет. В Зоопарке они скалили зубы и рычали на людей, а когда к вольерам подходили дети, виляли хвостами и дружелюбно повизгивали. Но ведь здесь, в капсуле, не собака, а волк, пусть даже спящий...

Светс содрогнулся. Больше всего он не любил путешествовать вот так, один на один со странным, зачастую даже опасным животным. Он хорошо помнил возвращение из своей первой экспедиции, когда пойманная лошадь изуродовала панель управления

хронокапсулой. А последняя экспедиция закончилась тем, что его лягнул страус и сломал четыре ребра.

Волк беспокойно зашевелился во сне. Светс пригляделся: похоже, с пленником что-то происходит. Неуловимо изменился его облик; вроде бы морда раньше была короче, передние лапы удлинились, а задние стали толще. Или все это только казалось?

И вдруг Светса охватило удушье, раздирающее легкие и гасящее сознание. Рефлекторно он схватил шлем-маску и бросился к контрольной панели...

Светс вывалился из люка. У него хватило сил отойти на три шага в сторону и он упал, потеряв сознание. Из открытого люка вырывался отравленный воздух, и зеленая трава вокруг сразу пожелтела.

Светс лежал там же, где упал. Его рвало. В промежутках между спазмами он со всхлипами вдыхал чистый воздух, всем существом тянулся к этому воздуху; ни живой зеленый ковер под ним, ни странная местность вокруг — ничто не волновало его. Одна мысль лишь билась в мозгу: по неизвестной пока причине система жизнеобеспечения пыталась его отравить, и судя по самочувствию, это почти удалось.

Придя немного в себя, Светс попробовал разобраться в происшедшем. Он находился в тридцатых годах Послеатомной Эры. Вспомнил, что включил прерыватель именно в тот момент, когда отравленный, смердящий воздух наполнил хронокапсулу. Светс тут же выключил прерыватель. Двадцать лет внешнего времени до полной остановки хронокапсулы стали для него сущим адом. Календарь замер на отметке «50», капсула остановилась, и Светс выскочил наружу.

Пятидесятые годы Послеатомной. По крайней мере он достиг индустриальных времен и мог дышать без ущерба для себя.

«Чертова лошадь, — тупо подумал он. — Во всем виновата эта скотина, проткнувшая рогом панель управления».

Техник, осматривая изуродованную панель, посчитал, что достаточно всего-навсего закрепить ее. Однако на деле все оказалось несколько иначе.

«Каждый раз, когда я проходил мимо ее клетки, она так на меня смотрела... Эта скотина все-таки достала меня», — подумал Светс.

Только теперь он вдруг сообразил, что окружающий его мир — зеленый, живой, и зелень эта источает ни с чем не сравнимый аромат свежести. Неподалеку от Светса из земли поднимался, разделяясь к вершине на множество отростков, какой-то огромный узловатый столб, утопающий в фейерверке всех оттенков красного и желтого цветов. Маленькие крылатые существа со щебетанием летали среди этого буйства красок. Да и все вокруг — живое, доиндустриальное, первозданное.

Светс быстро надел шлем-маску и плотно застегнул воротник, защищаясь от воздуха доиндустриального мира. Ему крупно повезло, что сознание еще не покинуло его. Теперь селективная мембрана с заданной избирательностью пропустит только необходимые для дыхания газы, и воздух в шлеме скоро станет...

Снова удушье перехватило Светсу горло, потекли слезы. Теряя сознание, он сдернул шлем и отбросил его в сторону. Теперь стало страшно по-настоящему. Сначала кондиционер в капсуле, потом мембрана шлема... Неужели кто-то намеренно вывел их из строя? А временной календарь? Судя по окружающему миру, он находится по крайней мере лет за сто до пятидесятых годов Послеатомной. Ему вдруг почудилось, что за спиной кто-то стоит, и он резко обернулся. Никого. Лишь зеленая равнина, и вдалеке на холме — полуоткрытое какими-то зарослями угловатое здание цвета увядшей зелени. Его явно построили люди, а если там есть люди, он мог бы... Нет, просить о помощи нельзя — кто ему поверит? Да и чем могут ему здесь помочь? Придется самому искать неисправность. А времени оставалось все меньше и меньше...

Хронокапсула стояла невдалеке от Светса на живом ковре из травы и цветов. На ближней стёне темнел проем люка, а другая, противоположная стена, казалось, расплывалась в пространстве. Это говорило о том, что хронокапсула все еще связана с основной машиной времени в 1103 году Послеатомной Эры, хотя эта связь и незрима.

Светс не решался войти в отправленную атмосферу капсулы. Необходимо каким-то образом вывести из строя всю систему кондиционирования, нагнетавшую отправленный воздух, потом задержать дыхание и...

Воздух в капсуле оказался нормальным, вполне пригодным для дыхания. Светс остановился на пороге люка и потянул носом. Да, все в порядке. Похоже, кондиционер не выдержал, работая при открытом люке. Светс приободрился: теперь не придется ломать всю воздушную систему. Он смело вошел в капсулу и только тут вспомнил о пленнике.

Транспортный контейнер был пуст. За спиной послышался шорох, Светс обернулся и увидел чудовище: густая шерсть дыбом, свирепо сверкающие желтые глаза, вытянутые вперед, к его горлу, когтистые руки...

На землю опустилась ночь. На востоке уже показались звезды, хотя на западе небо оставалось еще темно-багровым. Поднималась полная луна. Густой воздух насыщен необычными, чужими ароматами. Спотыкаясь и падая, всхлипывая и проклиная все на свете, Светс поднимался к дому на холме, чувствуя, как капля за каплей вместе с кровью силы покидают его.

Вблизи дом оказался большим и старым, размером со стандартный двухэтажный городской блок; он широко раскинулся на вершине холма. Казалось, строил этот дом какой-то сумасшедший архитектор, руководствуясь исключительно собственными прихотями, меняющимися каждую минуту. Окна обоих этажей забраны ставнями с металлическими накладками, а входная дверь поражала размерами: не менее двадцати футов высотой с большой металлической ручкой.

Светс обеими руками ухватился за эту ручку и налег всем телом, но дверь даже не шелохнулась: Он даже застонал от бессилия: ни звонка, ни глазка, ни одного приспособления, с помощью которого извещают хозяев о приходе. Да и обитаем ли вообще этот дом? Уж слишком он громоздкий, неуклюзий и походит скорее на склад или фабрику.

Светс обернулся к хронокapsule. С трудом различил вдалеке светящееся пятно открытого люка, но гораздо ближе, к своему ужасу, заметил несколько неясных, но хорошо различимых на фоне живой зелени призраков направляющихся в его сторону.

Светс забарабанил в дверь кулаками. Никакого ответа. Тут он заметил высоко над дверью какой-то поблескивающий золотом, украшенный резьбой предмет — длинная планка с витым шнуром на одном конце. Другой конец планки упирался в металлический выступ. В отчаянии Светс дернул за шнур. Планка, мягко повернувшись, ударила по металлическому выступу, и внутри дома раздался мелодичный звон. Светс снова и снова дергал шнур, наполняя дом звоном.

Что-то просвистело около уха и тяжело ударилось в дверь. Светс затравленно обернулся, руки его непроизвольно сжались в кулаки. Белые призраки были уже совсем близко: двуногие сгорбленные фигуры очень походили на людей. Неожиданно дверь за спиной Светса распахнулась...

На вид ей было не больше шестнадцати. Лицо бледное, волосы и брови цвета платины. Свободная накидка скрывала тело от шеи до колен, оставляя обнаженные руки. На лице сонное и сердитое выражение — как у человека, которого оторвали от сна в самый неурочный час. Она стояла в дверном проеме и с удивлением смотрела на Светса.

— Помоги мне, — выдохнул Светс. Глаза ее широко распахнулись. Она что-то сказала, и Светс с трудом узнал староамериканский.

— Кто ты? — повторила она. Светс и не ожидал другого приема. Его одежда не соответствовала времени, в которое он попал, кроме того, блуза разорвана до пояса и на обнаженной груди ясно видны четыре параллельные кровавые полосы.

Он вспомнил уроки староамериканской разговорной речи в Институте и, тщательно подбирая слова, медленно проговорил:

— Я путешественник. На мою машину напал зверь, чудовище. Очевидно, она поняла общий смысл фразы.

— Бедняжка! Что за зверь?

— Похож на человека, но весь покрыт шерстью, с жуткой мордой и когтями, как...

— Я вижу на твоей груди отметины от них.

— Не знаю, откуда он взялся. Я... — Светс запнулся. Не мог же он сказать, что пойманный им волк неизвестно почему вдруг обратился в человекообразного кровожадного монстра. — Он ударил меня по лицу. Я не могу с ним справиться голыми руками. У тебя в доме нет тяжелого ружья?

— Какое смешное слово! Нет, думаю, у нас в доме нет того, что ты называешь ружьем. Входи, входи же. А что, тролли тебя не обидели?

Она взяла его за руку, втащила в дом и захлопнула дверь.

— Тролли? — не понял Светс.

— Какой ты странный! — засмеялась она. — Ты так странно выглядишь! И так странно пахнешь. И двигаешься ты тоже странно. Я и не подозревала, что в мире есть такие люди. Ты, наверное, издалека?

Светс почувствовал приближение обморока, но справился с этим состоянием.

— Как тебя зовут? — спросил он.

— Рона. — Она улыбнулась спокойно и открыто. Странность всего происшедшего и необычный вид гостя, казалось, ничуть ее не беспокоили. Впрочем, на его взгляд, она тоже выглядела непривычно: очень белая кожа, густые белые волосы, как у столетней старухи; слишком широкий и плоский нос сделал бы безобразной любую девушку Индустральной Эпохи; слишком крупные черты лица и большие подвижные уши. И глаза. Большие, широко расставленные, они делали ее лицо привлекательным... Честно говоря, она даже нравилась Светсу.

Улыбалась она доброжелательно, хотя, может статься, и слишком широко, а мягкое пожатие руки было дружеским и ободряющим. Правда, ногти на руках слишком длинные и острые, но ведь это такая мелочь по сравнению с чувством теплоты и дружеского участия, которое исходило от нее.

— Ты должен отдохнуть, — сказала она. — Мои родители встанут по крайней мере через час. Потом мы решим, как тебе помочь. Пойдем, я отведу тебя в комнату для гостей.

Светс последовал за ней через большой зал, середину которого занимал огромный прямоугольный стол и два ряда стульев с высокими спинками. На противоположном конце зала — большая печь, а на столе стояло блюдо с... Нет, Светс не мог бы сказать, что это такое. Конические предметы величиной с руку крупного мужчины. На широком конце

каждого предмета выделялось белое пятно. Особенно ему не нравился их цвет — красные, как бы истекающие кровью.

— Ой, — воскликнула Рона, — ты, наверное, есть хочешь?

Слово «наверное» было явно лишним.

— У тебя есть питательные дрожжи?

— Питательные... что? Я не знаю такого слова. Может быть, ты это называешь дрожжами? — Она указала на поразившее Светса содержимое большого блюда. — Это все, что у нас есть.

— Давай поговорим об этом позже. Я слишком устал. — Светс почувствовал, как неприятно сжался желудок и ком подкатил к горлу, едва он представил, что будет есть «это». Даже если оно растительного происхождения.

Рона поддерживала его под руку. Комната для гостей оказалась прямоугольной и потрясающе огромной, кровать широкой, но очень низкой — всего около шести дюймов, и если бы Светс не был так измучен сегодняшними приключениями, то удивился бы отсутствию постельного белья и подушки с одеялом. Рона помогла ему опуститься на кровать.

— Там, — она показала на дверь, — ты можешь умыться и привести себя в порядок. Если, конечно, хватит сил. — И снова мягкая доброжелательная улыбка осветила ее лицо. — Отдыхай, я позвоню тебе часа через два.

Светс с облегчением лег и закрыл глаза. Ему казалось, что комната медленно кружится, и не было даже сил поблагодарить девушки. Скрипнула дверь, и он остался один. Совсем не к месту Светс почувствовал стыд: ему вдруг пришло в голову, что все это время он до неприличия пристально рассматривал девушку. Внешность ее и манера поведения вызывали по меньшей мере удивление.

«Это хорошо, что она никого не позвала, — подумал он, — ее родители наверняка вызвали бы врача, объясняй тогда, кто я такой».

Светс раньше и представить себе не мог, что древние люди настолько отличаются от современных ему. Впрочем, люди тысячелетиями приспособливались к изменениям воды и воздуха, к ДДТ и другим ядам, к исчезновению привычной пищи, на смену которой пришли питательные дрожжи. Да еще высокий уровень шума, сокращение жизненного пространства и огромная зависимость от медицины. Он не может не отличаться от этих людей. Человечество умудрилось выжить, а это дается непросто.

«И вообще она молодец, — подумал он о Роне, — не испугалась, не заорала, просто взяла и помогла, не задавая лишних вопросов».

Незаметно для себя Светс задремал. Спал он плохо, потому что рваные раны на груди и присохшая к ним одежда причиняли боль. И сон, снова и снова один и тот же кошмарный сон: что-то

большое, темное приближалось к нему, чтобы ударить по лицу когтистой лапой...

Светс проснулся. Точнее, почти проснулся. Он лежал на широком ложе и рассматривал комнату. Она была не менее странной, чем все увиденное им с момента остановки капсулы. С середины высокого потолка свисал единственный светильник, но светил он не ярче полной луны за окном, и вся комната была погружена в полумрак. Кроме широкого ложа и светильника на потолке в комнате больше ничего не было. И еще какой-то странный мускусный запах тревожил Светса — запах чудовища из ночного кошмара.

Светс резко сел на кровати, застонав от острой боли в груди. Что за чертов день! За короткое время с ним произошли невероятные события. Во-первых, он до сих пор еще жив, хотя воздух доиндустриального мира должен был бы убить его в течение нескольких часов. Во-вторых, чудовище. Перед глазами снова возникла злобная морда, два ряда острых белых зубов, когтистые руки и сильный удар по лицу и груди. В его ночном кошмаре волк превращался в чудовище. Но наяву же этого быть не могло! Животные ведь не могут менять данный им природой облик. Напрашивалось единственное объяснение: чудовище проникло в открытый люк капсулы извне, выгнало или убило волка и напало на Светса. Ему припомнились древние легенды, в которых люди превращались в животных, и наоборот. Но ведь он нормальный трезвомыслящий человек Индустримальной Эпохи, его разум не допускал существование оборотней. Так можно совсем свихнуться, надо поэтому во всем разобраться спокойно.

Светс осторожно встал и направился туда, где, как сказала Рона, можно привести себя в порядок и умыться. За дверью он обнаружил еще одну большую комнату с ванной-бассейном и умывальником. Разобравшись в кранах, Светс умылся и замыл кровавые пятна на одежде. Между делом рассматривал себя в большом зеркале: там отражался бледный, худощавый молодой человек, с короткими, светлыми волосами, неестественно искривленными шеей и спиной. Светс решил, что все дело в зеркале — примитивная ручная работа. Насколько он помнил, первые зеркала были двухмерными и не отличались качеством.

Кто-то позвал Светса по имени. Он выглянул и увидел посреди комнаты Рону.

— Это хорошо, что ты уже проснулся, — сказала она, улыбаясь. — Отец и дядя Роки хотят с тобой побеседовать.

Они вышли из комнаты, и Светс снова почувствовал странный мускусный запах.

Он шел по длинному коридору вслед за Роной. Так же, как и его комната, коридор освещался единственным неярким светильником. В голове Светса теснились вопросы, на которые

не находилось ответов. Почему в доме Роны такая темень, хотя у них есть электричество? Почему все спят на закате, а приготовленный странный ужин стоит на столе? И что все это в конце концов значит?

Рона открыла дверь и жестом пригласила его войти. Светс замешкался на пороге: так же, как и коридор, меньшая комната была погружена в полумрак, а непонятный запах здесь ощущался еще сильнее.

Светс невольно вздрогнул, когда чья-то рука опустилась ему на плечо. Краем глаза он увидел эту руку, и ему стало дурно — ладонь была покрыта короткой шелковистой шерстью.

Мужской бас пророкотал:

— Входите, мистер Светс. Моя дочь сказала, что вы путешественник и нуждаешься в помощи.

С порога Светс увидел мужчину и женщину, сидящих на высоких стульях без спинок. Оба беловолосые, как и Рона, но волосы женщины от затылка ко лбу пересекала широкая черная полоса. Стоявший за спиной Светса мужчина мягко подтолкнул гостя к столу. Светс долго соображал, как можно назвать цвет его волос, потом решил — пегий. Одна бровь черная, другая — белая, а вокруг левого уха серпом темнела широкая полоса. Рона тоже присела, и Светс, оглядев всех четверых, понял, насколько они похожи друг на друга и как сильно отличается от них он — Хэнвилл Светс. В душе в него поднимался страх.

Да, они очень похожи: густые белые волосы и брови, черные отметины, узкие черные ногти, широкие плоские носы, очень большие рты с белоснежными острыми зубами, среди которых явно выделялись клыки, подвижные заостренные уши, желтые глаза и поросшие волосами ладони.

Колени у него подогнулись, и Светс буквально рухнул на предложенный стул. Один из мужчин, тот, что был покрупнее, заметил:

— Сила тяжести здесь великовата для вас. Я ведь прав, Светс, вы из другого мира? Очевидно, вы не совсем человек. Вы назвались путешественником, но не сказали, откуда прибыли.

— Очень издалека, — почти шепотом, глядя перед собой, ответил Светс, — из будущего.

— Из будущего?! Так вы путешественник во времени? Значит, это возможно и для нас?

— Вынужден вас разочаровать, — покачал головой Светс. — Я вряд ли смогу быть вам полезен в технических вопросах, связанных с подобного рода путешествиями.

— Наверное, это естественно, ведь путешественник не обязательно ученый.

— А как вы попали к нам? — спросил мужчина, сидевший у стола.

— По всей видимости, хронокapsула отклонилась от моего родного потока времени. Вы — потомки волков, ведь так? Не обезьяны, а волков?

— Да, конечно. — Сидящий у стола мужчина пристально посмотрел на Светса. — Теперь мне понятно, почему вы так отличаетесь от нас. Мне сразу показалось, что вы больше похожи на тролля. Но ведь это не преступление, Светс.

Светс обвел взглядом волков — мужчин и женщин. Пришло время ответов на все вопросы.

— А кто такие тролли?

Рона присела рядом с ним на краешек стула.

— Ты же их видел на лужайке перед домом. У нас их около тридцати.

— Древесные обезьяны, — добавил один из мужчин. — Их завезли из Африки где-то в прошлом веке. Они прекрасные сторожа, кроме того, дают мясо. Вполне безопасны, нужно только соблюдать некоторую предосторожность. Иногда они воруют.

— Нам пора представиться, — неожиданно прервал разговор другой мужчина. — Прошу простить, что не сделали этого раньше. Я — Роки Флейк, это — мой брат Уорел Флейк, Бренда, его жена. Ну а с моей племянницей вы уже познакомились.

— Очень приятно, — пробормотал Светс.

— Вернемся к вашим проблемам. Вы сказали, что хронокапсула отклонилась от временного потока?

— Думаю, да. Дистанция временного переноса слишком велика, по пути домой возникли некоторые трудности, и я был вынужден прервать путешествие. Хронокапсулу отбросило в сторону, но Провидение хранит меня, и вот я здесь. Это все проклятая Лошадь!

— Лошадь? — удивился Роки.

— Да, Лошадь. Три года назад Лошадь повредила систему управления хронокапсулы. Поломку устранили, но, как видно, не совсем, и капсула соскользнула в сторону от нужного потока времени, вместо того чтобы двигаться вдоль него. Я попал в альтернативный мир, где эволюционировали волки, а не приматы. Хотелось бы надеяться, что я смогу покинуть этот мир и вернуться домой.

Он оглядел присутствующих.

— Вы могли бы мне помочь. Какое-то чудовище захватило мою хронокапсулу...

— Вот вы все время говорите «хронокапсула». А что это такое?

— Это часть машины времени, которая непосредственно и перемещается по времененным потокам. Помогите мне освободить ее от чудовища.

— Ну конечно, — ответил Уорел.

Но Роки прервал его:

— А я думаю иначе. И пожалуйста, Уорел, не лезь вперед старших. Мне кажется, — он обратился к Светсу, — мы окажем вам плохую услугу, если выгоним чудовище из хронокапсулы. Ведь вы попытаетесь вернуться домой, не так ли?

— Несомненно!

— Но тогда существует слишком большая вероятность, что вы заблудитесь еще больше. И неизвестно, повезет ли вам еще раз. А в нашем мире вы можете дышать и, надеюсь, питаться. Ведь мы выращиваем растения для питания троллей, и вы сможете приспособиться к их пище.

— Вы меня не поняли! Я не могу остаться у вас! Я — ксенофоб.

Роки нахмурился:

— Что?

— Я испытываю страх перед разумными существами, которые не являются людьми. И тут уж ничего не поделаешь — это у меня в крови!

— О! Это не страшно. Мы поможем вам избавиться от глупых страхов.

Светс переводил взгляд с одного мужчины на другого. Он уже разобрался в их старшинстве. Голос Роки звучал громче и уверенней, он выглядел крупнее, а белые волосы на голове образовывали что-то вроде львиной гривы. Уорел даже не пытался отстаивать свое мнение. Что же касается женщины, то она вообще не проронила ни слова с тех пор, как Светс перешагнул порог этой комнаты. Бессспорно, Роки — глава семьи, и он не хочет отпускать Светса. Однако Светс не намерен был сразу сдаваться.

— А воздух? — спросил он.

— Что воздух?

— Я должен был бы умереть от здешнего воздуха в течение двух часов. Но я жив, хотя это совершенно невозможно.

Он и в самом деле не мог понять, почему до сих пор еще жив.

— Должно быть, я адаптировался, — предположил Светс. — Да, наверное, так оно и есть. Моя капсула проходила близко от вашей линии времени и, возможно, при переходе в нее произошло изменение моего организма. А прерыватель я не выключил, значит, у меня есть возможность реадаптации...

— Но зачем вам это? — спросил Роки. — Ведь теперь вы можете дышать нашим воздухом.

— Да, могу, хотя до сих пор самому не верится. У вас есть какая-нибудь промышленность?

— Конечно, — удивленно ответил Уорел.

— Машины с двигателями внутреннего сгорания? — уточнил Светс. — Самолеты, дизельная техника, корабли, химические удобрения и инсектициды?

— Нет, ничего подобного. Удобрения вымываются и отравляют воду. Единственный инсектицид, о котором я знаю, имел такой жуткий запах, что так и остался в стадии экспериментальной разработки. А наши транспортные средства работают на аккумуляторах.

— Впрочем, однажды возникла дурацкая идея, — продолжал Роки, — использовать двигатели внутреннего сгорания для личного транспорта, но в конце концов ничем хорошим это не кончилось. Смрад от них ужасный. Конечно, люди, сидящие внутри машины, его не чувствуют, но ведь отработанные газы выбрасываются и отравляют воздух. В пору этого увлечения в Детройте насчитывалось около двухсот машин; они носились по городу и отравляли воздух. И вот однажды ночью горожане собирались и разнесли их на мелкие кусочки. Как ни странно, владельцы машин тоже принимали участие в погроме.

Уорел заметил:

— Я всегда говорил, что мы, люди, обладаем большей, чем тролли, чувствительностью к запахам.

— Но ведь речь сейчас не об этом, — перебил его Светс. — Я должен вернуться домой. Допустим, к воздуху я приспособился, но это же еще не все. Например, еда. За всю жизнь я никогда не ел ничего, кроме питательных дрожжей, и сомневаюсь, что мой организм способен усвоить что-нибудь иное.

Роки в ответ покачал головой:

— Вы же сами говорили, что управление хронокapsулой повреждено. И пытаясь вернуться домой, вы рискуете попасть в еще более экзотический мир. Раз вы оказались здесь, значит, существуют тысячи и тысячи альтернативных миров, каждый со своей историей. Представьте, что вы попадаете в период умирания цивилизации или во времена кризиса. А у нас вы почетный гость. Да и мы узнаем от вас много полезного. Одна машина времени чего стоит...

Светс понял, что решение Роки окончательно, и менять его он не собирается. Но навсегда остаться в этом мире...

— Я уже говорил, что пользы от меня мало. Я не техник, не механик, не знаю, как и что делается. Кроме того, технологии моего мира вряд ли вам подойдут. Подавляющее большинство цивилизаций прошлого развивали свою энергетику на использовании нефтепродуктов и пластиков. А это связано...

— Но даже значительные запасы нефти и газа рано или поздно кончаются, и у вас наверняка есть разработки каких-то принципиально новых источников энергии, — настаивал Уорел.

Желтые глаза Роки буквально буравили Светса.

— Вы говорите о контролируемой термоядерной реакции? Реакции синтеза водорода? Но я не знаю, как это делается! — закричал Светс. — Я абсолютный профан в физике плазмы!

— Физике плазмы? Что это такое?

— Кажется, это использование электромагнитных полей для управления высокотемпературным ионизированным газом. У вас есть что-нибудь подобное?

— Пока нет, но уверен, что вы сможете нам хоть немного помочь, хотя бы намекнуть. У нас уже есть устройства, синтезирующие тяжелые элементы, у европейцев они тоже есть, но это мы обсудим позднее.

Роки встал. Его пальцы крепко сжали руку Светса, а острые черные ногти больно впились в кожу.

— Подумайте как следует, Светс, — сказал он. — Конечно, вы совершенно свободны, можете ходить, где вздумается, и выходить из дома. Но лучше не делать этого без сопровождающего. Понимаете, тролли... Не стоит рисковать.

Светс вышел. В голове — звенящая пустота, на душе — раздражение и злость: ясно, что волки не хотят отпускать его ни под каким видом.

— Светс, я так рада, что ты остаешься с нами, — оживленно щебетала Рона. — Ты мне нравишься, и я уверена, что ты привыкнешь у нас. Давай я покажу тебе дом.

Они спустились на первый этаж. В конце мрачного темного коридора чувствовалось оживление, дверь на улицу была открыта. Ну, конечно, волки, ночной образ жизни...

— Я же ксенофоб, — чуть не плача, Светс попытался убедить Рону. — И ничего тут не попишешь. Я таким родился!

— Ну что ты! Я уверена, ты полюбишь нас. Ведь я тебе немножко нравлюсь, Светс?

Она подошла, положила руки ему на плечи и, к удивлению Светса, нежно почесала его чуть ниже уха. Волна неизъяснимого блаженства прокатилась по всему телу, и он даже прикрыл глаза от удовольствия...

— Сюда, — указала Рона.

— А куда мы идем?

— Я хотела показать тебе троллей. Вспоминаю, как ты от них удирал, и не могу поверить, что это действительно было.

— Не знаю, как сейчас, но тогда они мне показались ужасными.

Светс никогда не отличался смелостью. Раньше он был консультантом в Институте Темпоральных Исследований, пока приказ Генерального Секретаря не обрек его на эту работу, которую он боялся и ненавидел всей душой.

Когда они проходили через столовую, Светсу снова стало нехорошо: на давешнем блюде лежали обглоданные кости. Предки Светса ели мясо, а в этом мире тролли всего лишь грубые животные. И тем не менее одна лишь мысль о том, кем могли бы стать тролли в его мире, снова бросила Светса в дрожь.

— Дядюшка Роки немножко грубоват. Тебе стоит встретиться с европейским посланником. — Рона хотела чуть-чуть смягчить впечатление от беседы со своим дядей. — Думаю, это можно устроить.

— Он бывает здесь?

— Иногда. — Рона брезгливо сморщила нос. — Мне он не нравится. Он совсем другой породы. В Америке люди произошли от волков; во всяком случае так утверждают наши учителя. В Европе же эволюционировал какой-то другой вид.

— Мне кажется, твой дядюшка не только не позволит мне встретиться с посланником, но даже не заикнется при нем о моем появлении, — усомнился Светс.

— В таком случае ты ничего не потеряешь. Посланник, герр Дракула, много улыбается и при этом говорит мерзкие вещи ласковым таким голоском. Тебе понадобится не больше минуты, чтобы... О, Светс! Что с тобой?

Светс стоял, шатаясь, ощупывая руками голову, и стонал:

— Мои глаза! Мой лоб! У меня больше нет лба!

— Ничего не понимаю! — Удивление Роны было искренним.

Светс ощупывал лицо и голову кончиками пальцев. Его брови слились в одну широкую полосу густых волос, надбровные дуги образовали сплошной костный рубец, от которого назад под острым углом уходил лоб. Подбородок исчез вообще. Вместо него Светс нашупал выступающую вперед тяжелую челюсть, сразу переходящую в короткую шею.

— Это регресс, я превращаюсь в тролля! — простонал Светс. — Рона, если я стану троллем, вы съедите меня?

— Что ты говоришь! Я не позволю этого сделать!

— Нет! Нет! Рона, умоляю, отведи меня к капсуле! Без нее я исчезну как человек. А если я пойду один, тролли убьют меня.

— Хорошо. Успокойся, Светс! Я отведу тебя, но ты же сам говорил, что там чудовище?

— Надеюсь, я справлюсь с ним, а, может, оно уже ушло. Все будет хорошо, только проводи меня. — Голос Светса сорвался на крик.

→ Хорошо-хорошо. — Она взяла Светса за руку и потянула за собой. Теперь все встало на свои места, наконец-то он все понял. Изменения в его организме начались еще тогда, когда он приближался к линии времени этого мира. Сначала его легкие приспособились к нормальному чистому воздуху, а потом и весь организм.

Они подошли к входной двери. Светс остановился на пороге и понюхал ночь. Обоняние стало необыкновенно острым, и он почувствовал троллей еще до того, как увидел их: тролли крались к дому. Руки Светса напряглись, как если бы он сжал

несуществующее оружие. Их было трое. Они выстроились полукругом невдалеке от Роны и Светса. Один из них сжимал в лапе длинную белую кость. Тролли стояли на кривых полусогнутых ногах, тела их были безволосыми, но головы — обезьяны на почти человеческих телах. Они напоминали Светсу предка человека разумного, истребителя обезьян.

— Не обращай внимания, — успокаивала его Рона, — они не причинят тебе вреда.

Она стала спускаться с холма, и Светс последовал за ней.

— Вообще-то у него не должно быть этой кости, — сказала Рона про тролля. — Мы следим, чтобы крупные кости не попадали к нам. Они достаточно сообразительны и могут использовать их как оружие, иногда даже причиняют вред друг другу. Однажды один из них раздобыл где-то металлическую ручку от газонокосилки и убил ею садовника.

— Надеюсь, эта встреча с ними будет для меня последней.

— Смотри, там впереди огни. Это твоя капсула?

— Да, это она.

Рона остановилась так неожиданно, что Светс налетел на нее.

— Светс, я не знаю, — голос ее дрожал от волнения. — Может, дядя Роки все-таки прав? Ты можешь заблудиться еще больше, а здесь о тебе хотя бы позаботятся.

— Твой дядя не бог, он ошибается. Посмотри, видишь, задняя стенка капсулы как бы размыта? Это значит, что связь с основной машиной времени еще существует. Существует нить, по которой я вернусь домой. Если мой расчет верен, отклонение от моей линии времени не будет помехой при возвращении. Треклятая Лошадь! Если бы она не проткнула панель управления своим рогом... Все было нормально, пока я не включил прерыватель. Вот тогда-то неисправность в системе и дала о себе знать!

— Светс, но ведь у лошадей не бывает рогов!

— А у моей был! — Сзади послышался какой-то шум. Рона взгляделась в ночную темноту, глаза Светса ничего не различали.

— Кто-то нас преследует! Давай быстрее! — Она подтолкнула Светса к освещенному люку капсулы. Они остановились на пороге.

— У меня кружится голова, — промямлил Светс, — язык не меет.

— А что с чудовищем? Там, кажется, тихо.

— Там нет никакого чудовища. Только человек, потерявший память. Он уже не опасен...

Человеческая речь давалась Светсу уже с трудом. Рона заглянула внутрь.

— Ты прав. Сэр, не будете ли вы так любезны... — обратилась она к кому-то в капсуле. — О, Светс, он меня не понимает!

— Конечно, нет. Он и не должен понимать, ведь он думает, что он арктический волк.

Светс вошел в капсулу. Беловолосый человек-волк сидел на полу, вжалвшись в стенку. Он очень походил на Рону и ее родных. Светсу захотелось схватить оружие, и тут он с удивлением обнаружил в своей руке тяжелую палку: должно быть, подобрал ее где-то, повинуясь инстинкту. Ярость поднималась из глубин сознания. Захватчик! Как смеет он находиться на чужой территории?!

Светс поднял палку. Человек-волк еще больше вжался в стену. Глаза его смотрели испуганно и затравленно. Вдруг он рванулся к распахнутому люку, выскочил из капсулы и побежал в сторону дома на холме. Тролли бросились за ним.

— Может быть, твой отец сумеет сделать из него человека, — произнес Светс, глядя вслед волку.

Рона не ответила. Она стояла у панели управления и внимательно изучала ее.

— Как ты управляешь этим?

— Дай посмотрю. Я не уверен, что сейчас помню все. — Светс потер свой низкий, еще больше отклонившийся к затылку лоб. — Вот рычаг, — отрывисто сказал он, — закрывай дверь!

Рона потянула рычаг, и люк захлопнулся.

— Тебе сначала надо было выйти, — спохватился Светс.

— Я отправлюсь с тобой! — Голос Роны был тверд — она сделала выбор. Светсу становилось все труднее думать и понимать. Он поспешил к панели управления.

— М-м-м... Э-э-э... Этот... эта... рычаг... пуск, — и Светс, собрав последние силы, передвинул рычаг.

Ощущение свободного падения, вскрик Роны, скачками нарастающая сила тяжести. Их отбросило друг от друга и вжало в стены.

— Я скоро могу потерять сознание, — предупредил Светс.

— Не беспокойся, все будет хорошо!

Он усиленно пытался вспомнить, что еще должен сказать ей.

— Да! Но ты же никогда не вернешься домой! Мы никогда не сможем найти эту линию истории!

— Я останусь с тобой, — просто ответила Рона.

— Хорошо, — только и успел сказать Светс и провалился в небытие.

В приемной камере машины времени в Институте Темпоральных Исследований начала сгущаться туманность. Она быстро принимала четкие очертания — это с большим опозданием возвращалась хронокапсула Светса. Дверь открылась автоматически, но никто не вышел. Техникам пришлось вытаскивать Светса из капсулы, воздух

которой был насыщен непривычными запахами животных и растений.

— Он придет в себя через несколько минут, — проговорил Ра-Шен, всмотревшись в лицо Светса. — А это существо закройте фильтрационным тентом, — приказал он техникам.

Светс начал дышать, потом открыл глаза.

— Прекрасно, — сказал Ра-Шен. — Что случилось?

Светс сел.

— Подождите, дайте вспомнить. Я отправился в прошлое, в доиндустриальную Америку. Попал в зимнее время, все кругом было заснежено и... подстрелил волка.

— Мы закрыли его фильтрационным тентом.

Глаза Светса расширились.

— Рона!!!

Рона лежала на боку под тентом. Ее шерсть была густой, белой и пушистой. Телосложением она походила на волка, но была более изящной, с крупной головой и тонким поджарым телом. Глаза были закрыты, и казалось, она не дышит.

Светс опустился на колени.

— Помогите вытащить ее, — обратился он к Ра-Шену, — и скажите, в чем разница между волком и собакой?

— А ты что, вернулся с собакой, Светс? У нас уже есть около дюжины собак.

Светс не слушал его. Он стащил фильтрационный тент и наклонился над Роной.

— Я думаю, она — собака, — задумчиво говорил тем временем Ра-Шен. — Скорее собака, чем волк. Она адаптировалась к нашей линии истории и к нашему составу воздуха.

Светс посмотрел на шефа.

— Сэр, эту развалину надо отправить в утиль: она все время отклоняется от основного временного потока.

— Ты что, обалдел?

— Ладно, поговорил потом.

В это время Рона открыла глаза. Она осматривалась со всевозрастающим беспокойством, пока не увидела Светса, и в ее золотистых глазах застыл вопрос.

— Не бойся, я позабочусь о тебе. — Светс почесал ее за ухом, и пальцы глубоко погрузились в густой, мягкий мех. Обращаясь к Ра-Шену, он сказал: — Зоопарк не нуждается в собаках, и она может остаться со мной.

— У тебя с головой все в порядке? Хочешь жить со зверем? Ты же ненавидишь животных.

— Она спасла мне жизнь, и я никому не позволю посадить ее в клетку.

— Ну конечно, защищай ее, живи с ней! Я, правда, не думаю, что ты можешь заплатить за нее два миллиона кредитов, в которые обошлась доставка.

Ра-Шен фыркнул.

— Ну ладно! Пиши рапорт и держи это животное под контролем.

Рона подняла нос, понюхала воздух... и завыла.

Этот тосклиwyй, протяжный вой отозвался эхом по всему Институту, и головы сотрудников повернулись в ее сторону вопрошающе и, испуганно. Озадаченный Светс пытался понять, что означает этот вой. Догадка молнией сверкнула у него в голове. Воздух, воздух, насыщенный нефтепродуктами, углеродными, азотистыми соединениями и серой! Воздух промышленного мира, которым Светс дышал всю жизнь.

И Светс возненавидел его.

СМЕРТЬ В ХРОНОКАПСУЛЕ

Светс возвращался домой.

Сложив на груди тонкие руки, он лёжал неподвижно, изогнувшись в дугу, притиснутый центробежной силой к вогнутой стенке хронокapsулы, и терпеливо ждал окончания временного скачка. Иногда он бросал взгляд на пульт управления и рычаг возвращения капсулы, замерший в положении «от себя». Счетчик относительного времени чуть слышно щелкал: - 41... - 40...

Гравитация черт знает что творила в капсуле с путешественником. Сейчас Светсу стоило бы немалого труда дотянуться до пульта управления. Но это было и ни к чему. Приемная камера машины времени в Институте Темпоральных Исследований настроена на постоянную пространственно-временную связь с хронокапсулой и, случись что, легко вытянет ее без вмешательства исследователя, в автоматическом режиме.

Маленький броненосец, ради которого Светса отправили в Прошлое, находился в транспортном контейнере, прикрепленном к противоположной стене. Зверюшка ни разу не пошевелилась с тех пор, как ее поразил кристалл наркотизатора.

Счетчик относительного времени пощелкивал, отсчитывая годы: +16... +17... +18.

Очередной скачок гравитации неприятной дрожью отзывался в каждой клеточке. Впечатление было такое, будто он ехал в ста-ринном колесном экипаже по разбитой дороге. Лежа на спине, Светс старался по возможности не обращать внимания на неудобства, ведь всего через несколько часов независимого времени он будет дома.

Над пультом управления появилась легкая дымка.

Светс принюхался. Воздух, как ему и надлежало, был насыщен оксидами углерода, азота, сернистыми соединениями и вообще всем тем, чем должен быть насыщен воздух индустриальной эпохи, привычный Светсу с детства.

Он протер глаза, но дымка не только не исчезла, а наоборот, становилась все гуще и гуще. Странная это была дымка: она не поднималась над пультом, не растекалась в стороны, а собиралась перед панелью управления, сгущалась. И скоро Светс различил немного размытую фигуру, похожую на человека в плаще с капюшоном. Прозрачная, костлявая рука призрака потянулась к рычагу на пульт управления и дернула его.

Рычаг контура прерывателя!

Светс с трудом сел. Голова кружилась, попытка встать на ноги успехом не увенчалась, и он плюхнулся на пол.

Тем временем призрак, пытаясь сдвинуть рычаг, выплясывал около панели управления какой-то чудовищный танец. Он упирался в панель похожей на тонкую палочку ногой, совер-

шенно не обращая внимания на множество тумблеров и кнопок вокруг. Но рычаг экстренной остановки не поддавался. Призрак бросил рычаг и повернулся к Светсу. Его... лицо?! Нет, ужасная маска с провалом широко раскрыто рта. Казалось, призрак кричал, но не было слышно ни звука, кроме пощелкивания и слабого гудения приборов.

Светс в ужасе закрыл лицо руками, а когда отважился снова взглянуть на жуткое создание, перед панелью управления было пусто — призрак исчез так же внезапно, как и появился. Светса тряслось, будто в лихорадке.

Календарь относительного времени еле слышно щелкал.
+36... +37...

— Призрак? Ха! — Ра-Шен, казалось, был обескуражен рассказом Светса. Но, к счастью, отнесся к нему вполне серьезно, а ведь одного его слова достаточно, чтобы отправить Светса на освидетельствование к психиатру.

— Только этого нам еще не хватало! Не машина времени, а притон какой-то! Ладно, сам-то ты что думаешь об этом призраке?

— Наверное, что-то случилось с самой машиной времени. Конечно, не мне советовать, но ее бы заблокировать и спокойно разобраться в случившемся.

— Ты это серьезно?

— Вполне серьезно, сэр.

— Ну-ка, пойдем. — Ра-Шен схватил Светса за руку и потащил за собой. Сопротивляться было бесполезно, и Светс, мрачно понурясь в предвидении новых неприятностей, поплелся за ним.

Они остановились у большого окна, из которого открывалась панорама города: Институт Темпоральных Исследований, магазины, дома, кривые улицы города Капитоль. На холмах, грядой пересекающих долину, раскинулся комплекс уродливых, похожих на бункеры зданий Дворца Объединенных Наций.

Ра-Шен, понизив голос, сказал Светсу:

— Посмотри туда. — Палец указывал на площадь перед Дворцом.

Среди городских построек зияла брешь: меж развалин высился остов гигантской птицы высотой с пятиэтажное здание. Труп лежал там уже две недели, и даже на таком расстоянии чувствовалось умопомрачительное зловоние.

— Наша самая большая неудача за последнее время. Напомню тебе, мой мальчик, что регressiveное обращение страуса — твоя идея. И обрати внимание — эта дрянь лежит на самом виду у Дворца. Нужно сотворить нечто поистине грандиозное, чтобы в Совете забыли об этом. И чем быстрее, тем лучше!

— Согласен, сэр, — кротко согласился Светс, усиленно размышляя над тем, какой новой идеей загорелся Ра-Шен, и чем ему, Светсу, это грозит.

— Наша репутация во Дворце дурно пахнет, — Ра-Шен говорил уже в полный голос.

— Сэр, но я считаю, это была все-таки птица Рух, а не страус. Глаза Ра-Шена яростно сверкнули.

— Мы уже лишились одной машины времени, — загремел он. — Я приказал остановить ее, когда выяснилось, что она скакет поперек линий времени в альтернативные, непредсказуемые миры. Сейчас целая армия техников и ученых безуспешно пытается определить, почему это происходит. А ты предлагаешь остановить вторую машину. Представляешь, какая будет реакция?!

— Я уже думал над этим, сэр.

— Ну и что же ты надумал?

— Но, сэр, призрак действительно был, хоть и прозрачный до ужаса.

— Более неудачное время для остановки машины трудно себе представить: через три месяца решается вопрос об ассигнованиях на науку.

Светс прекрасно понимал, что спорить дальше не только бессмысленно, но и опасно. Поэтому он молча стоял и смотрел, как техники из Отдела Биологии извлекли из хронокapsулы привезенного броненосца и растянули над ним тонкий фильтрационный тент, который должен защитить животное от атмосферы 1102 года Послеатомной Эры. Тем временем Ра-Шен продолжал свой монолог:

— Мы просто обязаны доставлять все новые и новые экземпляры вымерших животных, хотя Генеральный набрал в свой Зоопарк столько всякого зверья, что уже не знает, что с ним делать. Нужно придумать нечто новенькое.

— Да, сэр. Вопрос — что именно?

Ра-Шен не ответил. Они вдвоем стояли и смотрели, как группа биологов брала у броненосца клетки ткани для последующего клонирования, затем животное унесли в лабораторию. Броненосец уже очнулся, но не шевелился, а только смотрел на людей грустными глазами. Завтра уже он будет в Зоопарке Генерального Секретаря.

— А этот призрак, — внезапно спросил Ра-Шен, — он был человеком или только гуманоидом?

— Он... его лицо... это что-то ужасное... — Лицо призрака снова встало перед глазами Светса, и лоб его покрылся испариной.

— Но он был человеком или нет? — настаивал Ра-Шен.

— Не знаю. Он был весь какой-то расплывчатый, туманный, ничего не разглядел толком, кроме лица и рук. Одно могу

сказать: и руки, и лицо были ужасно худыми, просто скелет ходячий.

— Скелет? Хм... А как у тебя с глазами?.. Ну, знаешь, может, они у тебя вроде рентгена? И ты его видел насквозь?

— Именно: будто на рентгеновском снимке! Но с глазами у меня все в порядке...

— Тогда почему он был прозрачным? Или он стал таким?

— Забавно, но мне тоже хотелось бы узнать это, — отвечал Светс с улыбкой, но при взгляде на шефа улыбка тотчас испарилась.

— Извините, сэр.

— Ладно. Мы оба предполагаем, что все произошло из-за поломки машины времени. А если ошибаемся? Если он действительно был?

Светс отрицательно помотал головой.

— Призраков не бывает! — воскликнул он.

— Если ты помнишь, то же самое мы думали и о птице Рух. Почему ты так уверен, что не бывает? Сколько в мире легенд о призраках, тысячи сказок и преданий, где действуют призраки. А обряд похорон? А религии всего мира? Даже в наше время есть люди, которые верят в призраков. Честно говоря, я и сам их немножко...

— Но, сэр, ведь это полная чушь! Даже если допустить, что призраки существуют, то где они обитают? Как проникают в хронокapsулу? И вообще, к чему нам ломать над этим голову?

— Разумеется, для того, чтобы поймать твоего гостя. Представляешь, как обрадуется Генеральный? Он мог бы играть с ним! Похоже, призрак довольно безобидное существо...

— Но...

— Конечно, безобидное, ну и что? Чем бы дитя ни тешилось... А что до его появления в капсуле — откуда я могу знать? Я ведь полный профан в теории темпоральных перемещений. Слушай, а если повторить все условия?

— Сэр, почему вы так уверены, что этот призрак абсолютно безопасен? Я видел его своими глазами и твердо уверен в обратном.

— Давай-ка сначала поймаем, а потом уже будем выяснять. Светс, нам просто необходим громкий успех, и как можно скорее! Мы сейчас же отправляемся за призраком.

— Мы?! Я?! Ну уж, дудки! Не желаю!

— Надо, мой мальчик. - Ра-Шен похлопал Светса по плечу. — Давай немножко порассуждаем...

Гравитация в капсуле вела себя совершенно непредсказуемо, подчиняясь только ей ведомым законам.

«Пора бы уж мне привыкнуть», — подумал Светс. Он ненавидел сам процесс перемещения во времени, и каждый раз, отправляясь

в Прошлое, через силу заставлял себя войти в хронокapsулу. Если бы удалось привыкнуть к изматывающим скачкам гравитации, он, возможно, и выбросил бы из головы мечты о другой работе. Впрочем, в последнее время его хоть не тошило.

«И как только он умудряется уговорить меня?!»

Движение хронокапсулы замедлилось, сила тяжести уменьшилась, потом понемногу вернулась к нормальному уровню. Счетчик относительного времени замер на отметке «минус семьсот четыре», то есть семьсот четвертый год Доатомной Эры, почти семь веков до первого ядерного взрыва. Сквозь прозрачную оболочку хронокапсулы Светс смотрел на окружающее его буйство красок и жизни. Он прибыл в южноамериканские джунгли, в то самое место, где недавно поймал броненосца.

Как и тогда, Светс надел шлем-маску, отключил систему кондиционирования и настеж распахнул люк, чтобы наполнить капсулу воздухом Прошлого.

Прошлый раз призрак появился в капсуле около двадцатых годов Послеатомной Эры, и если он действительно проник в капсулу из того времени, то мог бы задохнуться в атмосфере доиндустриальной эпохи.

На всякий случай Светс снял с крепления на стене ультразвуковой пистолет. Ультразвук менее материален, чем сотовые кристаллы и, по мнению специалистов Института, более эффективен против призраков.

Светс захлопнул люк капсулы и перевел рычаг управления в позицию возвращения.

Фактически хронокапсула не имела автономного управления движением во времени, только контрольные системы. Управление осуществлялось основной машиной в Институте. Возвращение целиком и полностью зависело от операторов. Все режимы предыдущего возвращения были подробнейшим образом записаны, и операторы машины должны провести хронокапсулу по линии времени в точном соответствии с записью.

Теперь оставалось только ждать.

Светс очень хорошо представлял, в каком идиотском положении окажется, вернувшись с пустыми руками. Утешало его лишь то, что у Ра-Шена в этом случае неприятностей будет гораздо больше.

Дымка появилась возле пульта управления, когда счетчик относительного времени показывал семнадцатый год Послеатомной. Светс ожидал этого: ни испуга, ни волнения, только ствол ультразвукового пистолета теперь был направлен в середину туманного облака.

На этот раз призрак оказался, если так можно сказать, более материальным. Бледный, полуразмытый от быстрых порывистых движений, контур скелета в черном развевающемся плаще с капюшоном подпрыгивал рядом с пультом, размахивал

руками и беззвучно кричал что-то Светсу. В кошмарном сне такос не приснится! Жесты призрака явно показывали, что он просит, а скорее даже требует остановить капсулу. Каков наглец!

Светс нажал кнопку пистолета и не отпускал ее, пока у самого не зазвенело в ушах от эха выстрелов.

Призрак снова беззвучно прокричал ему что-то, как показалось Светсу, весьма нелестное, а потом повернулся спиной и перестал обращать на Светса внимание. Обхватив костлявыми руками рычаг экстренной остановки и упираясь ногами в панель управления, он безуспешно пытался сдвинуть рычаг. Все это выглядело так, будто клочок тумана прилип к приборам.

+46... +47... +48...

Светс расслабился. Как оказалось, он не мог причинить вреда бестелесному призрачному созданию, но и оно, в свою очередь, никоим образом не могло влиять на материальные объекты в капсule.

Светсу хотелось верить, что перед ним человекоподобное существо, хотя вокруг дымчатых костей не было и следа призрачной плоти. Светс подумал, что перед ним какой-то вероятностный феномен. И вполне возможно, эта полупрозрачная фигура только указывала место, где мог бы появиться еще один человек, окажись он в хронокапсule вместе со Светсом, и прозрачность его — не более чем выражение невероятности такого события... Бред какой-то! От размышлений разболелась голова. Конечно, не могло быть и речи о поимке вероятностного нематериального феномена!

Призрак тем временем слегка поблек, а потом внезапно стал ярче, и теперь его белые кости слегка просвечивали сквозь темную ткань плаща. И рычаг он держал увереннее.

+132... +133... +134...

Призрачная фигура мгновенно уплотнилась, стала вполне материальной, и рычаг с легким щелчком переместился в положение «стоп».

Призрак, теперь это был настоящий скелет, спрыгнул с пульта управления и направился к Светсу, удовлетворенно потирая руки.

От ужаса Светс зашелся в крике, пытаясь вжаться в стену капсулы, закрыв лицо руками, а когда почувствовал на своем плече прикосновение сухой костлявой руки, завыл от ужаса. Костлявые пальцы дотронулись до его руки. Со сдавленным воплем Светс рванулся к лежащему рядом пистолету, но существо решительно и быстро пресекло эту попытку, с невероятной быстротой схватив пистолет.

Светс скорчился на полу и ждал неминуемой смерти. Послышалось какое-то шуршание и безжизненный рокочущий голос произнес:

— Ну ладно, полежал, и хватит. — Жесткий кулак ткнул Светса под ребро. Он перекатился на спину и открыл глаза.

Обстоятельства складывались из рук вон плохо. И даже хуже. Призрачная фигура, материализовавшись, превратилась в двигающийся скелет. И теперь этот скелет стоял, откинув с головы капюшон и сжимая костяшками пальцев ультразвуковой пистолет. Вместо лица — оскал голого черепа, из провалов глазниц на Светса смотрели внимательные глаза.

— Ну, чего уставился? — спросил скелет.

Вопрос был задан на родном языке Светса. Правда, звуки, издаваемые безгубым ртом скелета, были несколько невнятны, но в общем понять можно.

Скелет пристально следил за каждым движением Светса и вдруг по-идиотски захихикал.

— Готовишься к смерти? Правильно: люди видят меня только перед смертью.

— Нет, — только и смог прошептать Светс. Горло его сжал животный ужас, а ноги судорожно дергались, словно пытаясь пробить стену хронокапсулы.

— Тогда перестань плятиться на меня! Я не виноват, что так выгляжу. Это все радиация. — Скелет неуклюже переступил с ноги на ногу, потом спросил: — Как тебя зовут?

— С... С... Светс.

— Очень приятно. Позвольте представиться: доктор физики Натаниэль Рейнольдс, первый путешественник во времени, — церемонно произнес скелет. — И мне нужна твоя машина, — уже грубо добавил он.

Светс с трудом разлепил губы.

— Мне кажется, — медленно произнес он, — что первый путешественник во времени...

— Плевать мне на то, что тебе кажется! Я опередил его. Правда, это альтернативная линия истории, мертвая. И все по моей вине! Ты слышал когда-нибудь о «カリбском кризисе»? По-нашему, это семнадцатый год Послеатомной Эры или тысяча девятьсот пятьдесят восьмой от Рождества Христова.

— Нет, никогда.

— Ты уверен? Мы еще называли его «короткой войной».

Светс только отрицательно покачал головой. Доктор Рейнольдс опустился на узкое ложе у стены, но ствол пистолета по-прежнему смотрел прямо Светсу в лоб.

Теперь Светс мог внимательно рассмотреть своего гостя. Тот не был скелетом, как это показалось вначале. Просто кости покрывала белая, тонкая, как пергамент, кожа, настолько тонкая, что на шее сквозь нее просвечивали пищевод, трахея, артерии. Сзади шею топорщили выступы позвонков. Грудная клетка состояла из голых костей, сквозь которые виднелся клочок сморщенной беловатой плоти, заменяющей легкие. Грудь

и живот крепились к позвоночнику, вместо носа и ушей темнели провалы, а тазовые кости выпирали, как острие топора. Ко всему этому доктор Рейнольдс был полностью лишен волос и половых органов.

— Прошу извинить, — с сарказмом произнес Рейнольдс, — я плохо говорю, оказывается отсутствие практики, но те редкие люди, которых я встречал последние несколько лет, оказывались близки к смерти. Некоторых тошнило, другие слишком заняты, третьи — напуганы.

— Вы хотите сказать, меня тоже ждет смерть?

Рейнольдс передернул плечами.

— Именно это я и предлагаю обсудить.

— Так кто же вы?

— Я — призрак, — ухмыльнулся Рейнольдс, — и влип в эту историю по своей воле, но не советую смеяться. Что-то подобное может случиться и с тобой.

Светс было явно не до смеха.

— Послушай, — продолжал Рейнольдс. — Родился я почти через сто лет после «короткой войны». К моменту моего рождения стало очевидно, что человеческое общество обречено на вымирание. Слишком много стран щедро посыпали друг другу на головы слишком много бомб. Применялись даже кобальтовые. Уровень радиации стал так высок, что мир людей захлестнула лавина мутаций. Большой частью мутанты умирали в первые дни жизни, а жизнеспособные рождались стерильными. Я еще счастливчик, хотя все мутанты в той или иной степени внушают отвращение.

Светс молча слушал странного гостя.

— Я тебе морду набью, — неожиданно вспылил Рейнольдс, — мне действительно повезло! Никаких мозговых нарушений. А если нет ничего промеж ног, ну так что? Со всей этой радиацией все равно нормальными люди на свет не появлялись. Нет таких пороков, от которых не нашлось бы лекарство. Вот и мне приходилось буквально питаться таблетками. Ты не поверишь, у меня даже животик появился, такой маленький, аккуратненький.

Светс покачал головой.

— И чего мне стоило избавиться от него! Мышцы почти полностью атрофировались, и каждый лишний грамм доставлял кучу хлопот. Смешно! И ведь нигде больше жирок не откладывался, только на животе, а во всех прочих местах кости торчат.

— А как вы стали призраком? — осмелился прервать монолог Светс.

Рейнольдс в ответ глухо рассмеялся.

— Специально. И ценой нелегкого труда тысяч людей. Лучшие умы страны работали над проблемами путешествий во времени и

создания человека-призрака. Только об этом мы и мечтали. Проект назывался «Перестьемка». Знаешь, что это значит?

— Догадываюсь.

— Мы не были уверены, что прошлое можно изменить, даже с помощью перемещения во времени, но обязаны были попытаться. И сделали это! Мы создали машину времени, достаточно большую, чтобы в ней мог поместиться человек с блок-системой. Выбор пал на меня неслучайно: нужен был кандидат в призраки с возможно минимальным весом, а я весил всего пятьдесят фунтов. Здорово?

— И что же вы сделали?

— Ха! Я сумел замкнуть управление всех ракет Советского Союза на блок-систему как раз за неделю до карibbeanского конфликта. Советам после этого осталось только демонтировать и вывезти ракеты с Кубы. Пока они разбирались, в чем дело, переналаживали системы пуска и наведения, конфликт был ликвидирован. Люди стали осмотрительней и уже больше не размахивали ядерным оружием. Я контролировал все их ракеты по радио. Конечно, меня никто не видел. Моя внешность несколько...

— Ясно.

— Итак, завершив дела, я попытался вернуться домой. Не в то настоящее, из которого я прибыл, а в другое, вновь созданное. Но машина времени не действовала. Ведь мы старались максимально снизить вес машины и оставили источники энергии в будущем. Старом! В новом, созданном мною, они исчезли! Оставалось только бросить машину и сдаться на милость властям. Но тут обнаружилось, что я сам перестал существовать в реальном мире... Ну вот, вроде и все. — Рейнольдс все еще сжимал в руках пистолет, и Светс обратил внимание на его руки, тонкие белые кости, переплетенные тонкими нитями мышц и сухожилий, длинные обломанные ногти.

— Теперь, — прервал его наблюдения Рейнольдс, — попытайся все вернуть на круги своя.

— ...?

— Твоя машина времени, — ответил Рейнольдс на немой вопрос. — Моя не действует, а на твоей мы отправимся в семнадцатый год Последней Эры.

— Это невозможно!

— Тогда я тебя убью!

И Светс сразу же поверил ему. Как только Натаниэль Рейнольдс представился, Светс перестал воспринимать его как чудовищный сверхъестественный кошмар, он был просто уверен, что костлявый физик безумен.

— Вы меня неправильно поняли, — сказал Светс. — Это не машина времени, всего лишь хронокapsula, часть машины времени, которая непосредственно не перемещается. Операторы должны вер-

нуть меня в мое настоящее, прежде чем мы сможем снова отправиться в прошлое.

— Ложь!

— Нет! Смотрите, Рейнольдс, хронокапсула полностью лишена управления. Только кнопки для передачи сигнала операторам. И сейчас мы с вами можем двигаться только вперед, к моему настоящему.

— Похоже на правду, — задумчиво произнес Рейнольдс. — Но я тебя все равно убью, раз уж одному из нас пришла в голову мысль об убийстве.

— Вы с ума сошли! Только безумец может стремиться вернуть изуродованный радиоактивный мир.

Живой скелет клацнул зубами, и Светс увидел красное пятно его рта, жутко неправдоподобное на белесом черепе.

— Светс, ты даже не поинтересовался, как долго я пробыл таким «призраком».

— Действительно. И как долго?

— Трудно сказать, потому что чем это можно измерить? В семнадцатом году Послеатомной Эры я пробыл месяцев восемь, пока «カリбский кризис» был ликвидирован, а потом время замедлило свой бег и остановилось. Может, несколько тысячелетий, может, больше. Ты не можешь себе представить ничего более страшного: замороженный мир, люди, точно статуи, голуби, замершие в воздухе... Вместе с миром замер и я. Я не старею, не испытываю голода, солнечный свет беспрепятственно проходит сквозь меня. Видишь, какая белая кожа? Даже смерть — непозволительная для меня роскошь: я недостаточно для нее материален. Как может умереть нечто, существующее вне времени и пространства? Только охота за машинами времени скрашивает мое одиночество.

Глаза Рейнольдса вспыхивали черным светом в глубоких впадинах глазниц.

— Да, машины времени. Я видел, как они двигались мимо меня. Некоторые из твоей истории, другие — из параллельных линий развития. Твое будущее реально, я сам его и создал. Но я мог пользоваться машинами и других миров. В основном я гнал их в прошлое. Все шло нормально, пока я не приближался к семнадцатому году Послеатомной. Меня не раз заносило в средневековье. Интересная штука, Светс. Оказывается, большинство людей не видит меня. Но вот перед смертью меня может увидеть кто угодно, вероятно, потому, что он навсегда покидает время. Кстати, совершенно неважно, к какой ветви истории принадлежит умирающий. — Рейнольдс рассмеялся. — Не исключаю, что многие умирали именно потому, что увидели меня — сердце не выдерживало шока. Согласись, зрешище впечатляющее.

Светс вспомнил первое появление призрака в хронокапсule и содрогнулся. Наверное, Рейнольдс прав.

— Не очень-то забавно, да? Меня и в далекое будущее заносило. Я видел с дюжину разных вариантов. Светс, а ты знаешь, что твоя машина прыгает по линиям времени?

— Да. У нас уже была одна такая же машина. Она неисправна.

— Скачут все машины без исключения. Такие, как твоя, привязанные к своему времени, потом возвращаются, а самоуправляемые зачастую теряются во времени безвозвратно. И это не зависит от расстояния до точки старта. Можешь мне поверить. Я видел массу альтернативных вариантов будущего: и рай земной, и вторжение пришельцев из космоса. А однажды я встретил даже разумных слонов. В твоем времени я тоже бывал, — сказал Рейнольдс с какой-то горечью. — Там я выучил ваш язык, а заодно вволю налюбовался, как вы загадили мир, мной же для вас и созданный.

— Что?

— А то! Вы испакостили, отравили, уничтожили все, кроме самих себя. Да еще эта дрянь, которую вы едите...

— Это не дрянь, а питательные дрожжи.

— Питательные дрожжи?! Я знаю одно коротенькое словечко, которое точнее определяет эту субстанцию. Скажу честно, не очень-то приятно смотреть, как люди изрыгают эту массу.

— Какую массу?

— Я часто двигался назад по времени — пытался проскочить в заклятый семнадцатый. И тогда жизнь вокруг шла, как в фильме,пущенном наоборот, в обратном порядке. Это довольно забавно. Терпеть не могу машины, которые идут в далекое будущее. Потом очень трудно вернуться к оживленным трассам. Что делать, приходится рисковать. Ведь всегда есть хоть маленькая вероятность на обратном пути попасть туда, куда мне нужно. В этом случае мне оставалось бы только остановить машину и выбраться из нее. А за проезд ведь уже давно уплачено, верно?

— Постойте, — перебил его Светс, — я что-то не понимаю. Как расплачиваться?

— А... Ты ведь не выглянул наружу. Посмотри, — и он указал себе за спину. Первый раз за все время с момента остановки Светс отвел взгляд от Рейнольдса и увидел...

Хронокапсула покоялась на обширной равнине, покрытой черным, оплавленным стеклом. Ни травинки, ни кустика. Ровная, как стол. А вдали, закрывая горизонт, высилась неровная стена. Место, где они находились, чем-то напоминало лунный кратер.

— Это ваш мир?

— Да, здесь я дома.

— Мне такой дом не по душе.

Рейнольдс снова глухо рассмеялся.

— Мне тоже. Однако он почище твоего. Знай я, что вы уничтожите все живое, отправите и изгадите всю Землю... Впрочем, я думаю это поправить.

— Что поправить? У вас есть дом, вот он, за стеной. Выходите из капсулы, и — привет!

— Ха! Этот мир реален не более, чем я сам. А я хочу стать реальным и жить в настоящем мире, среди людей. Первый раз за все время мне удалось по-настоящему овладеть машиной времени. Твоей, Светс. Ты — мой последний и единственный шанс.

— Но я ведь уже объяснил...

— Светс, у меня в руках ультразвуковой пистолет, особого вреда он тебе не причинит, но надолго лишит способности двигаться. Будь умницей. Я ведь провел довольно много времени в средневековых камерах пыток.

— Подождите! Подождите же! Из какого вы года? Ну какой был год, когда вас направили ликвидировать, как вы сами сказали, «カリбский кризис»?

— Мм... Двести девяносто второй. Мне тогда было всего двадцать два. Мне и сейчас двадцать два. В это трудно поверить, но Время не властно надо мной.

— А по календарю Послеатомной?

— Ну, если не ошибаюсь, сто сорок седьмой.

Светс посмотрел на счетчик относительного времени: +134.

— Отлично. Сейчас мы отправимся к вашей машине времени. До нее всего тринадцать лет. Назад мы двигаться не можем, а вперед — пожалуйста. Там на месте во всем и разберемся.

Светс шагнул к панели управления и потянулся к рычагу прерывателя. И в ту же секунду его рука онемела и бессильно повисла.

— А ты шутник. Придумано неплохо, но где гарантии, что нас не занесет в альтернативный мир с иной логикой событий? Я ведь могу там исчезнуть.

«Все-таки попробовать стоило», — подумал Светс, а вслух сказал:

— Что же вы предлагаете? Не могу же я сидеть здесь с вами и ждать тринадцать лет.

— О! Если б я мог! — простонал Рейнольдс и снова клацнул зубами. Светс уже понял, что только так он может выражать свои чувства. С одинаковым успехом это могло означать улыбку, задумчивость, гнев — все, что угодно.

— Ха, — неожиданно хихикнул Рейнольдс, — я, кажется, придумал. Светс, мне нужно в Австралию. Твоя колымага передвигается в обычном пространстве?

— Конечно.

— Нужно поменять оружие, — бормоча себе под нос, Рейнольдс подошел к оборудованию, стоявшему вдоль стенки, и принялся копаться в нем.

— Нужно тяжелое ружье — наркотизатор. — Он вынул из креплений оружие. — Насколько я понимаю, для слона — слабовато, а для человека в самый раз.

— Угу, — промычал Светс, чувствуя, как по спине побежали мурашки, а в животе что-то неприятно шевельнулось.

— Тогда вперед, — скомандовал Рейнольдс.

И вот Австралия. Восточное побережье, городской пейзаж: улицы, длинные здания.

— Это — единственное обитаемое место на Земле. Но даже оно, как видишь, немного пустовато, — сказал Рейнольдс и приказал Светсу двигаться вдоль берега на юг. Во время полета Рейнольдс ни на секунду не прервал своей болтовни. Он сидел неподвижно, развались и выставляя напоказ свое жуткое тело, будто лабораторный экспонат, а ружье небрежно лежало на одном колене. Воспоминания лились рекой.

— Я, к сожалению, очень плохо отношусь к человечеству, — философствовал он. — Почему? Да потому, что немало повидал людей в больницах, камерах пыток, на гильотинах и виселицах, на полях сражений. Я уже говорил, что меня можно увидеть только перед смертью. А людишки в подобных обстоятельствах ведут себя далеко не лучшим образом. Жалкое зрелище. Особенно в сражениях.

Возможно, у меня несколько односторонний взгляд. Наверное, стоило бы побывать на балах, в танцзалах, на рождественских вечерах и карнавалах, там, где люди много смеются. Но, Светс, с кем бы я мог там разговаривать? Ведь увидеть меня можно лишь перед смертью.

Да они и не станут слушать. Люди очень плохо переносят страдания, я в этом убедился. Особенно все боятся смерти. Идиоты! Несколько часов агонии, но зато потом — вечный покой! Они не понимают своего счастья, которое мне недоступно. Тысячи, миллионы людей, десятки тысяч лет, и всегда одно и то же. Только дети прислушивались к моим словам, да и то очень редко. Слушай, Светс, а ты боишься смерти?

— Да, и очень.

— Значит, ты такой же идиот, как и все остальные!

— Может, и так. Но мне хотелось бы узнать, наконец, куда мы направляемся?

— Пусть тебя это не волнует. Мы почти на месте. Осталось найти школу.

— Школу? А что мы там забыли?

— Увидишь. Здесь всего одна школа, которая давно уже слишком велика для оставшихся детей... Светс, — оборвал он себя, — у меня порой складывалось впечатление, что люди узнают меня. Как будто видели раньше или кто-то рассказывал им обо мне. Не представляю, кто бы мог это сделать. Но ведь они себя, как

последние осли: орали, умоляли не забирать их с собой. Куда и как я могу их забрать? Непонятно. Однажды мне предложили целую кучу золота. Интересно, как бы я унес его, если даже собственный живот для меня непосильная ноша? А то, что мне предлагали женщины, вообще лишено смысла, впрочем, здравым смыслом эти существа никогда не отличались.

— Вон туда, — он ткнул пальцем, — видишь большой парк?

Большим парком оказалась огромная территория, сплошь покрытая зеленым ковром травы и купами деревьев. Светс сразу вспомнил джунгли, где он ловил броненосца. Только джунгли не были такими ухоженными. И среди этого облагороженного буйства зелени кое-где виднелись белые строения.

— Вон то длинное здание — зоопарк. Животные, конечно, давно вымерли. Остались только созданные людьми механические копии. Видишь, белые полосы на траве? Это спортплощадка. Держись правее. Нам нужен двор школы младшей ступени.

С высоты Светс увидел гуляющих на школьном дворе маленьких детей, их было немного и играли они мало. Большинство детей крайне истощены, их уродство заметно даже с такого расстояния. Среди маленьких уродцев Светс заметил ребенка лет девяти, который походил на маленький живой скелетик.

— Ну-ка, остановись, — приказал Рейнольдс, — и открой люк.

— Нет! — Светс вдруг все понял.

— Открой люк, — снова повторил Рейнольдс и направил на Светса ружье. Пришлось подчиниться. Когда Рейнольдс подошел к открытому проему, Светс прыгнул ему на спину, но парализованная рука сыграла с ним дурную шутку. Удар прикладом в челюсть отбросил Светса вглубь капсулы, в глазах вспыхнул фейерверк.

Когда Светс пришел в себя, Рейнольдс стоял в проеме открытого люка. Светс с трудом встал на колени.

Рейнольдс выстрелил. Светс, вытянув здоровую руку, пополз к нему.

Еще один выстрел вниз. Потом Рейнольдс заметил угрозу и, резко обернувшись, вскинул ружье. Светс бросился вперед и успел схватить ружье за ствол.

Рейнольдс боролся отчаянно, но тщетно. Еще слабый от удара, с парализованной рукой, Светс оказался все же сильнее живого скелета. Когда Рейнольдсу удалось-таки заехать Светсу в челюсть, ощущение было такое, будто его с размаха ударили куском пено-пластика.

И удивляться нечему: при росте шесть футов Рейнольдс весил всего пятьдесят фунтов. Светс внезапно изо всех сил рванул ружье на себя, овладел им и отбросил в сторону. Безоружный Рейнольдс уже не представлял опасности. Пальцы правой руки Светса сокинулись на тонкой шее живого скелета.

Сожми он пальцы чуть сильней — и Рейнольдс обретет долгожданный вечный покой. Светс выглянул в люк.

Ребенок-скелет лежал распростершись на лужайке, окруженный маленькими уродцами. Похоже, Рейнольдс все же добился своего.

Светс задумался на минуту, потом ногой сдвинул два рычага. Сила тяжести неожиданно возросла, Рейнольдс резко дернулся, и рука Светса опустела. Он стоял и тупо смотрел, как у рычага экстренной остановки хронокapsулы тает легкая дымка.

— Значит, с призраком покончено, — резюмировал Ра-Шен.

— Я пытался остановить его, но, к сожалению, безуспешно, — оправдывался Светс.

— А, ерунда. Он же убил себя. И убил задолго до отправки в Прошлое.

Светс кивнул, соглашаясь.

— Но тогда... выходит, все мы нереальны: ты, я, Институт — все. Он исчез, и все события «короткой войны» вновь стали реальностью, как реальностью стала и историческая линия Рейнольдса. А наша наоборот. Как же ты оказался здесь?

— Машина времени вернула меня. Кapsула ведь не может затеряться, если она связана со своим настоящим.

Ра-Шен вытаращил глаза:

— Постой! Но если Рейнольдс уничтожил наше прошлое, если нашей истории никогда и не было...

— Все это софистика и метафизика, а точнее, чушь собачья. Хорошо, мы не существуем и никогда не существовали, что из того? Ведь вы чувствуете, что существуете, и я тоже. А потом, мы всегда можем сказать, что проект «Пересъемка» осуществлен без участия Рейнольдса.

— Но...

— А может, мальчик остался жив. У него же был совершенно голый череп, ни волос, ни кожи. Попади кристалл наркотизатора в голову, он бы отскочил от голой черепушки, а мальчишка отдался бы легким сотрясением мозга, верно?

— Гм... Ты прав, такая возможность не исключена, — согласился Ра-Шен. — Но если ребенок погиб в девять лет, Рейнольдс должен был бы исчезнуть, что он и сделал, верно? Что за черт! — Ра-Шен зарычал от бешенства. — А если он сам стал нереальным, тем самым он сделал нереальным тебя вместе со всем нашим миром. Почему же ты перестал его видеть?

— Можно вас попросить подойти к окну, — Светс потянул Ра-Шена за рукав, но безуспешно. Впрочем, секунду спустя шеф все-таки сдвинулся с места. Там, за стеклом, в нескольких кварталах от Института, среди развалин виднелись останки

колossalной птицы. Они лежали там уже несколько недель и занимали несколько кварталов.

— Шеф, у вас нет других забот кроме как переживать, реальны вы или нет? Эта птичка должна бы вас беспокоить куда больше.

— Ты прав, мой мальчик, — ответил Ра-Шен. — Надо что-то делать с ней. Разлеглась на виду у всех, прямо перед Дворцом Объединенных Наций...

СТЕКЛЯННЫЙ КИНЖАЛ

I

За двенадцать тысяч лет до Рождества Христова, в те удивительные времена, когда волшебство и чудеса были вещами обыденными, некий Маг отыскал старинный рецепт бессмертия и воспользовался им. Впоследствии он весьма пожалел об этом и на протяжении нескольких поколений хранил секрет вечной жизни, заключив его в Магический Круг.

Демон смерти Глиренди с подручными явился к Магу, чтобы убить его, ибо ни одно живое существо не имеет права на бессмертие. Даже сам демон смерти не так страшен, как страшна тайна бессмертия, которую он оберегал от людей. Битва между Глиренди и Магом вполне заслуживает того, чтобы быть воспетой в легендах. Но благодаря ей тайное стало явным, распространяясь, словно круги на воде от брошенного камня. И скоро ни один чародей не мог называть себя чародеем, если не знал секрета бессмертия.

Пользоваться древним рецептом было довольно опасно, но он оказался поразительно простым. Удивительно только, как это никто раньше его не обнаружил.

Через год после битвы Мага с Глиренди на закате летнего дня в деревне Шейл появился Аран-Миротворец. Он прибыл издалека, чтобы похитить секрет Магического Круга. Это был худощавый, изящный восемнадцатилетний юноша с запоминающейся внешностью: удлиненное лицо, резко очерченный подбородок, глубоко посаженные глаза поблескивали из-под нависающих бровей, коротко стриженные прямые темные волосы спадали на лоб острым клином челки. По внешнему виду Арана трудно было понять, кто он такой, но, пожав ему руку, любой бы ответил на этот вопрос — ладонь юноши сплошь покрыта густыми шелковистыми волосками. А узнав о цели его приезда, Арана сочли бы еще и сумасшедшими.

Итак, Маг возглавлял Гильдию Чародеев. Конечно, у Мага было имя, но никто на белом свете не посмел бы произнести его. Демон Тьмы, который дал имя Магу, теперь томился заключенным в руне, вытатуированной на спине чародея. Так Маг получил могущественного демона-хранителя.

Однако Аран хорошо подготовился. На плече его висела старая, потертая кожаная сумка, в которой лежали только орехи, твердый сыр и хлеб. Но подлинную ценность сумки составляли заклинания, служившие хозяину надежнее, чем сыр и орехи. С их помощью Аран без особых хлопот мог прокормить себя во время путешествий.

Он добрался до пещеры Мага незадолго до заката. Аран знал, как с помощью колдовства справиться с охранниками. Для заклинаний требовался человеческий голос и руки, поэтому Аран сохранил облик юноши, хотя он его очень стеснял. Как только

взошла луна, он прочел заклинание, вынул из кармана живую летучую мышь и осторожно протолкнул ее между створок двери в пещеру.

Летучая мышь взорвалась кроваво-красным туманом, медленно растекшимся по каменному полу пещеры. От страха Арану показалось, что желудок тугим комком застрял в горле. Он уже хотел бежать, оставив опасную затею, но взял себя в руки и притиснулся в щель вслед за мышью.

Те, кто послал Арана, подробно описали ему пещеру, и теперь он мог пройти по ней с закрытыми глазами, в кромешной тьме. Впрочем, уж лучше полная темнота, чем мерцающий голубоватый свет, источник которого находился в центре пещеры. Аран продвигался по ней быстро, но не прямо, а замысловатыми зигзагами: его учили, что так безопаснее.

В классах Торговой Школы Атлантиды он видел колдовские орудия, но в пещере Мага ему встретились по большей части предметы совершенно незнакомые. Похоже, большую часть колдовских орудий Маг изготовил своими руками. Аран в задумчивости остановился перед рабочим столом Мага. Зачем, к примеру, понадобился вот этот тщательно отшлифованный стеклянный кинжал? Внимание Арана привлек подвешенный над столом тусклый, черненый металлический диск. Руны, начертанные по краю диска, подсказывали, что это именно то, за чем он сюда пришел. Аран снял диск, быстро сунул его в сумку за спиной, освободив руки на случай возможной схватки, и собрался было убраться восвояси, но тут в пещере раздался громкий смех:

— Положи на место, сукин сын!

Аран мгновенно превратился в волка. Мучительная боль обожгла каждую клетку его тела. Изящный юноша, обернувшись волком, стал невероятно огромным и сильным. Но превращение оказалось совершенно бесполезным... Боль ослепляла, затуманивала сознание. Из груди Арана-волка вырвался стон, и он рванулся прочь, пытаясь избавиться от этой муки...

Очнулся он человеком. Руки и ноги связаны, мучительная боль во всем теле, тупая боль в голове. Казалось, он долго бился о стены пещеры. Неподвижно лежа на боку с закрытыми глазами, Аран попытался развязаться, но скрутили его крепко, со знанием дела.

Можно, конечно, воспользоваться заклинаниями для снятия уз. Однако лучше сначала разобраться в происходящем.

Аран чуть приоткрыл глаза. Маг сидел прямо перед ним на полу, скрестив ноги в позе лотоса, улыбался и внимательно разглядывал Арана. В руке он держал ивовые прутики.

Маг оказался крупным человеком и, очевидно, обладал отменным здоровьем. Его обнаженный торс покрывал густой загар — если верить легенде, Маг всегда ходил полуобнаженным. Вряд ли кто мог определить возраст Мага — двадцать ему или пятьдесят? На

самом же деле ему исполнилось сто девяносто, что составляло предмет его особой гордости.

Магический Круг хозяин вернул на место. В ожидании следующей жертвы? Настоящий Круг был медным, и пославшие Арана знали об этом. Над столом висел фальшивый, сделанный из потускневшего серебра, разрушающего чары. Догадка молнией озарила Арана.

Маг, казалось, перестал обращать на него внимание, и это давало хоть какой-то шанс, если только действовать быстро и внезапно.

— Кллир... — внезапно крикнул Аран, но Маг тут же хлестнул его ивовым прутиком по горлу. Прут оказался по-весеннему упругим и гибким, и Аран задохнулся от боли. Он тряхнул головой, чтобы восстановить дыхание.

— Слово, которое ты хотел произнести, состоит из четырех слогов, — сказал Маг уже знакомым голосом. — Тебе не успеть его произнести. Хотелось бы мне знать, кто тебя послал?

Аран не смог ответить, потому что все еще задыхался.

— Ты не обычновенный вор, но и не чародей, — задумчиво произнес Маг. — Я слышал, как ты произносил заклинания, самые простые, а они одинаковы повсюду и всегда. Кто-то с помощью ясновидения или пророческого дара шпионил за мной и теперь слишком много знает о маленьких сюрпризах, ожидающих непрошенных гостей, — медленно продолжал старый волшебник. — Мне это не нравится, и я хочу знать: кто и зачем это сделал?

Поскольку Аран молчал, он продолжил:

— Тот, кто сделал это, все знает, но сам не пришел. Он поступил умнее — прислал лопуха.

Маг пристально смотрел в глаза Арана.

— А возможно, он посчитал, что оборотень скорее одолеет меня. Кстати, в веревках, которыми ты связан, есть серебряная нить, так что лучше тебе пребывать в человеческом облике.

— Ты знал о моем приближении? — наконец спросил Аран.

— Неужели тебе не приходило в голову, что я тоже обладаю даром предвидения и могу видеть на расстоянии? А твой хозяин знал это. Он постарался защитить тебя непроницаемой для ясновидения завесой.

— Тогда в чем же наша ошибка?

— Дурень, я увидел непроницаемое пространство. Конечно, я не знал, кто проник в пещеру, но следил за твоими перемещениями. А тут уж сомневаться не пришлось. Я сразу понял, что тебе нужно. Да и наследил ты здорово. Я видел твои следы перед входом в пещеру еще до того, как ты их оставил. Ну и наконец: ты дождался восхода луны, вместо того чтобы воспользоваться темнотой, а ведь было полнолуние. Хотя в общем замысел не плох: послать оборотня — великолепная идея. Протиснуться между створками двери может только ре-

бенок, но он не сумеет постоять за себя в схватке. А вот огромный волк — серьезный противник.

— Очень это мне помогло, как же!

— Единственное, что я хотел бы узнать, это как они уговорили жителя Атлантиды на такой подвиг и что они собирались делать дальше? Тебе не сказали, для чего понадобился Круг?

— Для поглощения Магической Силы, — ответил Аран. Он был скорее раздосадован, нежели удивлен тем, что Маг так запросто все расставил по своим местам.

— Для поглощения Маны, — поправил его Маг. — А ты знаешь, что такое Мана?

— Это сила большая, чем магия и волшебство.

— Тебе и это рассказали! В таком случае почему же тебе не объяснили, что если Мана исчезает откуда-нибудь, больше она там не появится. Никогда!

Аран перекатился на бок. Он был уверен в своей гибели и полагал, что терять ему уже нечего, можно смело высказать все.

— Я не понимаю, Маг, зачем ты пытаешься держать Круг в тайне? Ведь он может даже уничтожить войны. Подумать только, самое могущественное оружие, когда-либо изобретённое на Земле!

Маг, казалось, не понимал его, и Аран продолжал:

— Тебе бы следовало подумать об этом. Ведь не найдется врага, который мог бы угрожать Атлантиде, если она будет защищена Кругом.

— Очевидно, тебя послал не Служитель Правосудия Атлантиды: он-то знает, чем это грозит. — Маг пристально смотрел на Арана. — Так, может, тебя послали греки?

— Я не понимаю, о чём ты?

— Как?! Разве ты не знаешь, что Атлантиду последние пятьсот лет удерживают заклинания ее королей-чародеев? Иначе ее давно бы поглотили волны.

— Ты лжешь!

— Выходит, действительно не знаешь... — Маг сделал рукой отстраняющий жест. — Но Круг принесет беду любому народу, не только Атлантиде. Достаточно раскрутить его, и обширные земли навсегда очистятся от магии. Ты понимаешь — чародейство сгинет навсегда. Кто захочет такое свершить?

— Я!

— Ты?! Но зачем?

— Мы устали от войн! — выкрикнул Аран, хотя и не был до конца уверен, имел ли он право говорить «мы». — Магический Круг может прекратить войны! Ты способен представить армию, вооруженную только кинжалами и мечами? Убийственные заклинания потеряют силу, никто не использует дар предвидения для раскрытия замыслов противника! Никаких невидимых демонов смерти! — Глаза Арана сверкали. — Человек против человека, меч против меча, кровь и броня, и

никаких заклинаний. Ни один король не захочет такой битвы! И мы наконец забудем про войны!

— Что-то не верится мне в столь безоблачное будущее.

— Ты изdevаешься надо мной, ты просто не хочешь мне верить, — презрительно, сквозь зубы процедил Аран. — Когда исчезнет Мана, потеряют силу твои заклинания, дарующие молодость, и ты сразу превратишься в дряхлого умирающего старика.

— Может, и так. Ладно, давай все-таки выясним, кто ты такой...

Маг дотронулся до сумки Арана ивовым прутиком, и Аран замер в ожидании: вдруг затворные заговоры не выдержат и тогда... И конечно же, они не выдержали. Маг открыл сумку, заглянул в нее и вытащил еще одну живую летучую мышь, затем несколько листков пергамента с надписями, которые можно было принять за геометрические задачи, написанные крупным, аккуратным почерком.

— Будто ученик писал, — заметил Маг. — Линии выписаны тщательно и старательно, ошибки подчеркнуты и исправлены... Идиот! Он забыл закрученный хвост Водоворота. Интересно, почему Водоворот не поглотил его?

Маг оторвался от пергамента.

— Итак, на меня напали дети? Эти заклинания подготовлены полдюжины школяров!

Аран не ответил. Он потерял всякую надежду скрыть что-либо от Мага.

— А они, однако, талантливы. Ладно, значит, ты один из Миротворцев, верно? Восемнадцатилетние юнцы. Бьюсь об заклад, что за тобой стоит по меньшей мере половина выпускного класса Торговой Школы. Они, должно быть, месяцами следили за мной, чтобы так удачно разрушить мою защиту.

И вы хотели прекратить войну с Греческими островами? Неужели вы думаете, что поможете делу, притаив в Атлантиду Магический Круг? Но я еще не сошел с ума, чтобы позволить тебе уйти отсюда с этими записями. Ведь ты воспользуешься ими снова, чтобы все-таки обчистить мою пещеру в другой раз.

Его тяжелый взгляд остановился на Аране:

— Именно об этом ты и думал, верно? Но зачем? Я тебя спрашиваю, зачем?

— Мы могли бы воспользоваться Магическим Кругом.

— Да вы просто утопите Атлантиду! С каких это пор Миротворцы стали предателями?

— Мы не предатели, — запинаясь, произнес Аран глуховатым голосом. — Мы хотим изменить жизнь Атлантиды, а не уничтожить ее. Если мы завладеем Магическим Кругом, правители Атлантиды вынуждены будут считаться с нами.

Он попытался пошевелить связанными руками и снова подумал о слове, которое может освободить его. А потом — вновь обернуться волком и бежать, проскользнуть меж створками двери, вниз по холму — и дальше в лес, на свободу.

— Думаю, придется мне заняться тобой, — неожиданно произнес Маг. Он встал и слегка ударил Арана прутиком по губам. Аран с ужасом обнаружил, что не в силах даже открыть рот. Теперь он целиком был во власти Мага — вор, пойманный на месте преступления.

Маг отвернулся, и Аран увидел на его спине искусно выложенный причудливый пятиконечный узор, татуированный красными, зелеными и золотыми красками. Аран вспомнил, что ему говорили о демоне — хранителе Мага.

— Недавно привиделся мне сон, — сказал Маг. — Мне снилось, как можно использовать стеклянный кинжал. Сон походил на вешний, и я сделал такой кинжал.

«Глупости! Что пользы от стеклянного кинжала?» — подумал Аран. Этот кинжал он видел на столе Мага. Клинок в форме узкого вытянутого прямоугольника с хорошо заточенными краями, рукоять сделана из какого-то сплава. Два зажима, обтянутые лисьей шкурой, удерживали кинжал на столе. Острье еще не до конца отдалено.

Маг вынул кинжал из зажимов. Аран смотрел, как чародей выцарапывал на клинке какие-то знаки алмазом огромной ценности и что-то приговаривал вполголоса. Аран, как ни старался, не мог разобрать ни слова. Наконец Маг поднял кинжал словно для удара.

Аран испугался, хотя все еще не мог поверить, что Маг убьет его. Он чувствовал себя жертвенным бараном. Всякая жертва высвобождала Ману, а человеческая жертва — тем более! Нет, Маг не посмеет! Но Маг поднял кинжал и с силой вонзил его в грудь Арана.

Аран пронзительно вскрикнул. Он почувствовал клинок... Нет, это не клинок, будто тень клинка, призрачный образ вошел в его плоть. Но Аран видел клинок в своем теле, видел рукоять, торчащую из груди.

Маг снова зашептал что-то глухо и быстро. Стеклянный кинжал побледнел и исчез, точно растворился в воздухе.

— Клинок остался в твоем сердце, — сказал Маг, — но не стоит об этом беспокоиться: просто не забивай себе голову всякой ерундой. Однако запомни: ты всю жизнь должен прожить на землях, богатых Маной. А стоит тебе только попасть туда, где магия не действует, кинжал снова материализуется в твоей груди, вот и все.

Аран тщетно пытался разлепить губы.

— Ну а теперь, коль ты пришел за Магическим Кругом, запомни, в чем его секрет. Круг очень просто привести в действие, но невозможно остановить. Он будет вращаться все быстрее и быстрее, пока не поглотит всю Ману вокруг. Он может распадаться на несколько Кругов и тебе понадобится еще одно заклинание, чтобы предотвратить это. — Маг произнес заклинание медленно и внятно и только потом соизволил заметить, что Аран задыхается, как рыба, вынутая из воды.

— Клириапранти, — произнес Маг. Узы расступились, ветви упали, и Аран с трудом встал. Он уже мог говорить и попросил:

— Вытащи его, пожалуйста.

— Да, вот что следует хорошенько запомнить, возвращая эту тайну в Атлантиду. Ведь ты все еще хочешь взять Магический Круг? Тогда тебе неизбежно придется рассказать, как он действует, если ты решишь применить его в качестве угрозы. А сделать это легко. У столь великого народа, как атланты, всегда много врагов, не так ли? А теперь ты можешь поведать им, как утопить Атлантиду всего за одну ночь.

Аран ощущал грудь, но ничего не почувствовал.

— Вытащи его, — снова попросил он.

— Не думаю, что это следует делать, ведь тогда нам обоим грозит гибель, волчонок. До свидания! И передай мои наилучшие пожелания своим друзьям из Торговой Школы. Да, кстати, не советую тебе возвращаться домой через ущелье Гвирина.

— Грязный сын обезьяны! — выругался Аран. Больше просить он не станет. В образе волка вышел из пещеры Мага, проскользнул, не коснувшись створок. Он все еще видел мысленным взором торчащий из груди кинжал, слышал смех Мага...

Их следующая встреча произошла тридцать лет спустя и за тысячи миль от этого места.

II

По возможности Аран передвигался в образе волка: так было легче прокормиться и сберечь деньги на обратный путь. В век расцвета магии волк-оборотень без труда менял свой облик — была бы луна в небе.

Мысленно Аран беспрерывно слал Магу проклятья. Обогнув небольшой холм, Аран остановился. К северу находилась деревня Шейл. Шерсть на загривке волка поднялась дыбом: он вспомнил слова Мага, стеклянный кинжал в своей груди... И тут же представил горло врага, почувствовал вкус его крови, но вспыхнули перед глазами светящиеся витые знаки на спине Мага, и он ощутил вкус поражения. Аран не мог сражаться с демоном-хранителем. Он взывал и потрусили на юг.

Путь ему преградила Нилдисская грязь. Там, за горами — море, найдется там и корабль, который доставит домой его и знания, полученные им от Мага. Быть может, следующий похититель окажется удачливее...

Наконец Аран прибыл к ущелью Гвирина. Путь вглубь материка преграждала горная цепь. Несколько тысяч лет назад чародей из Ринилдиссена с помощью чар изменил облик этой земли: горную цепь будто рассекли топором. Горы расступились, и образовалось

ущелье Гвирина, полого спускающееся к побережью и открывавшее взору живописный вид на море.

Каждый год шайки разбойников изгонялись из Гвирина. Но добиться этого становилось все трудней: заклинания против разбойников действовали все хуже и хуже, и все чаще приходилось прибегать к помощи обыкновенного оружия. Правда, свирепые горные драконы тоже исчезли из Гвирина полностью.

Аран остановился на открытом месте, присел на задние лапы и задумался. Возможно, Маг просто запугивал его, хотел позабавиться, послав Арана долгим кружным путем через Нилдисскую гряду. А кости драконов? Ведь известно: там, где магия не действует, драконы вымирают; по обе стороны дороги громоздились кости огромных рептилий и выглядели они так, будто лежат здесь уже десятки миллионов лет.

Аран приблизился к ущелью в облике волка. Если в ущелье не действует магия, он примет человеческий облик. А вдруг способность к перевоплощению покинет его совсем?

«Почему бы не остаться волком? — думал Аран. — Ведь тогда меня можно убить лишь серебром или платиной. Стеклянный кинжал, конечно, может причинить боль, но... Проклять! Я неуязвим, но если магия... Если она и правда здесь не действует?»

От этой мысли он содрогнулся. Аран совсем не чувствовал клинка в груди, и призрачная боль от удара больше не возвращалась. Но, невидимый, неощутимый, кинжал оставался в сердце и ждал своего часа. Если Мана исчезнет, он снова станет материальным и убьет Арана. В образе волка Аран выжил бы, но, и это главное, никогда не смог бы снова стать человеком.

Аран повернулся и побежал прочь от ущелья. Днем раньше он миновал деревню и сейчас решил вернуться туда и обратиться за помощью к главному колдуна деревни.

— Стеклянный кинжал! — хмыкнул чародей. Пухлый, лысый, веселый — весь облик его говорил о любви к хорошей жизни. — Я все понимаю, только что же тебя беспокоит? У кинжала была рукоять? Он был весь заговорен?

— Не думаю. Маг написал руны только на клинке, а потом ударил меня.

— Чудесно! Давай деньги, и мой тебе совет — превратись в волка, так безопаснее.

Плата, запрошенная чародеем, была огромной: Арану не хватило бы денег на обратный путь. После долгой и шумной торговли чародей снизил цену до приемлемой и приступил к делу.

Шесть часов он твердил заклинания, охрип и наконец сдался. Глаза его покраснели от едких курений, руки покрылись разноцветными пятнами.

— Я не могу дотронуться до рукоятки, не могу сделать ее видимой. Я даже не могу сказать, есть ли кинжал вообще. Я не могу использовать более сильные заклинания — это убьет тебя.

Я бессилен, волчонок! Тот, кто наложил на тебя заклятие, гораздо могущественнее простого деревенского чародея.

Аран провел рукой по груди — кожа задубела от едких снадобий и красок.

— Его называют Магом...

Толстяк словно окаменел.

— Маг? Тот самый? И ты не сказал мне это сразу?! Проваливай отсюда сейчас же!

— А как же мои деньги?

— Да будь их даже вдесятеро больше, я бы не стал связываться с таким опасным делом! Ты заставил меня, простого колдуна, схватиться с сами Магом! Мы оба могли погибнуть! Если ты считаешь, что должен вернуть свои деньги — иди к судье, и пусть он решит наш спор. А сейчас убирайся!

Ругаясь, Аран вынужден был уйти.

— Обратись к другим чародеям, если хочешь. Попробуй в Риннидиссене, но предупреди сначала, с кем они имеют дело! — гремел ему вслед колдун.

III

Трудно было Магу принять это решение. Но его тайна перестала быть тайной, и слухи о ней распространялись на Земле. Оставалось надеяться лишь на здравый смысл остальных магов и чародеев. Они должны понять, чем грозят столь опасные знания.

Маг отправил послание Гильдии Чародеев, в котором сообщал об истощении Маны и свойствах Магического Круга.

«Помните об этом всегда, когда творите волшебство, — заклинал он в своем послании после подробного описания Магического Круга. — Количество Маны в мире ограничено и с каждым годом уменьшается. Тысячи чародеев безудержно растрачивают ее на свои похоти. Когда-то, очень давно, жили существа, правившие миром подобно богам. Но яростная сила их бытия уничтожила Ману, которая давала им жизнь. Настанет день, и в нашем мире Мана истощится. И тогда исчезнут демоны, тролли, птицы рух, драконы и кентавры, ведь их существование тесно связано с магией. Воздушные замки мечты растают без следа, и никто никогда даже не узнает об их существовании. Магам и чародеям придется стать ремесленниками, а жизнь превратится в тосклившую обыденность. В вашей власти приблизить этот мрачный день, помните об этом!»

Ночью Магу были видения. Единоборство чародеев порождает великолепные легенды. Легенды эти редко правдивы: победитель не станет выдавать свои секреты, а побежденный обычно погибает. Сила и мастерство чародея тем больше, чем дольше он готовится к битве и чем меньше действий совершает непосредственно в ней.

Схватка с Чародеем Холмов началась с видения, посетившего Мага после его обращения к Гильдии. Противоборство было неизбежно и длилось оно тридцать лет.

В видении враг не появился, но Маг видел сказочно прекрасный замок на холме, а сам холм возвышался посреди цветущей равнинны подобно высоко взметнувшейся пенной волне, нависая над равниной так, что под замком, вознесшимся на вершине, зияла пустота.

Маг нахмурился во сне... Такой холм сам по себе существовать не может — он рухнет. Выходит, холм создан искусственно, и кретин, сотворивший его, впustую расходовал Ману.

Во сне Маг сосредоточился, стараясь запомнить каждую подробность видения. Как это бывает во сне, все казалось расплывчатым, лишенным четких очертаний. Огиная холм, вилась узкая тропинка. Быть может, с ним шел товарищ, хотя точно сказать этого он не мог. Живым добрался Маг до самых ворот замка. Потом увидел себя умирающим; грудь его пронзили огромные, точно слоновьи, бивни.

Маг заставил себя проснуться и попытался истолковать видения. Очевидно, ему понадобится соратник, по крайней мере до ворот замка. За воротами он уже ничего не смог рассмотреть: должно быть, Магический Круг разрушал его чары.

Была ли то высшая справедливость? Целых три дня он составлял заклятия против ясновидящего взгляда Чародея Холмов. И все это время вещие сны не посещали Мага. Противники были равны по силе.

IV

Множество кораблей стояли на якоре в гавани. Торговые и пассажирские, из разных уголков мира, с заговоренными носовыми украшениями, уменьшавшими скорость корабля, но защищавшими его от пиратов. Среди прочих отличался корабль Атлантиды.

Аран, стоя на пирсе, задумчиво смотрел на корабли. Поход через горы оказался слишком долгим, и он достиг Ринилдиссена, растратив последние деньги. Платить за место на корабле было нечем. Целую неделю он слонялся по городу без толку, потом нанялся телохранителем к торговцу коврами. К тому времени он истратил последнюю монету и голодал.

Аран стоял на причале, поглядывая на привычную сутолоку порта. Его хозяин — Ллорагинези обсуждал торговые дела с капитаном судна.

Аран ждал окончания их беседы со спокойным безразличием. Вдруг он встрепенулся — мимо проходил человек в капитанской юбке, и Аран окликнул его:

— Эй, капитан! Ты плывешь в Атлантиду?

Человек хмуро посмотрел на Арана.

- А тебе-то какое дело?
- Я хотел бы передать туда послание.
- По-моему, проще передать через чародеев.
- Мне это никак не подходит, — ответил Аран. Не мог же он просить чародея передать сведения о том, как ограбить другого чародея. А то бы его вести получили в Атлантиде уже месяц назад.
- Ну ладно, — наконец согласился капитан, — хотя стоит тебе это будет дороже. Говори, куда в Атлантиде и кому.

Аран все объяснил и передал капитану сверток, который таскал уже месяца три. Он предупреждал Миротворцев о непрочном положении Атлантиды и предлагал, как можно проверить, не лгал ли Маг. Но Аран ни слова не мог написать о том, как сделать Магический Круг.

Вдали от берега дельфины и тритоны играли в свои бурные и непонятные человеку игры. На судне, направляющемся в Атлантиду, подняли паруса. Неизвестно откуда взявшийся ветер наполнил их, и судно очень скоро исчезло за горизонтом в морских просторах.

Еще немного, и Аран накопит на проезд. Торговля шла хорошо, и деньги у него водились. Он давно бы плыл домой, если бы не пытался избавиться от кинжала. Дважды он обращался к чародеям и оба раза одно и то же: деньги исчезали, а кинжал оставался.

Они спускались по сходням. Первым, удивительно легко для человека его возраста, шел Ллорагинези, за ним — помощница Ра-Харру со свертком образцов тканей на голове. Аран, немного поостав, замыкал шествие. Сойдя на пристань, девушка приблизилась к Ллорагинези и стала что-то ему говорить. Подойдя к ним, Аран услышал:

— Это начнется завтра. Как обычно, меня не будет около пяти дней, — опустив глаза, смущенно сказала Ра-Харру.

— Хорошо-хорошо, — закивал Ллорагинези.

Аран постарался скрыть, что слышал слова Ра-Харру. Он тоже знал, о чем идет речь, и улыбнулся, не глядя на девушку, чтобы не смущать ее. Даже не поднимая глаз, он хорошо представил себе, как она выглядит: коротко остриженные выющиеся волосы, плоский широкий нос с низкой переносицей, мягкие карие глаза под густыми темными бровями, небольшие изящные уши, похожие на створки раковины-жемчужницы. Она действительно была красива — эта девушка-волчица.

По дороге Аран взял ее за руку — ногти на пальцах узкие и острые, а ладони, как и у него самого, покрыты шелковистой шерстью.

Если бы они встретились в Атлантиде, он наверняка бы взял ее в жены, ведь там у него были бы деньги. Здесь же Аран даже не мог подумать об этом. Уже несколько месяцев они с Ра-Харру были друзьями и помогали друг другу в работе. Ночной Ринилдиссен

был очень подходящий для парочек, и Ллорагинези иногда отпускал их вдвоем.

Ллорагинези предоставлял им полную свободу, надеясь, по-видимому, что между молодыми людьми возникнут более близкие, чем дружба, отношения. Он думал, что Аран перестанет стремиться в Атлантиду, обретя любовь в Ринилдассене. Что ж, Ллорагинези хороший человек, но он не мог знать, что люди-волки могут соединяться только в определенное время, дней пять в месяц. А именно в эти дни Аран не видел Ра-Харру, потому что ее запирали в доме отца, а он даже не знал, где она живет.

Аран узнал об этом случайно, пятью ночами позже. Он сопровождал Ллорагинези в Дом Наслаждений Адриены. Торговец коврами собирался провести там всю ночь... на надувном матрасе, плавающем в ртути. Арану доводилось многое слышать о чудо-кровати; приятный сон на ней также составлял одно из наслаждений, даруемых Адриеной.

Ночь была теплой и благоуханной. Аран выбрал более длинный путь домой, мимо пустыря за домом Адриены. Около трех сотен лет назад на месте этого пустыря стоял дворец Провидца Шилбри. Поначалу дворец был настоящим чудом, редкостью даже для того времени. Но со временем, как говорил сам Шилбри, он истощился. И настал день, когда дворец исчез, а на месте, где он стоял, не действовали даже простые заклинания.

Аран слышал, что волки-оборотни жили в тех кварталах, через которые лежал его путь. Подходя к этому месту, Аран почувствовал знакомый запах людей-волков и, побуждаемый неясным любопытством, пошел по улице навстречу знакомым запахам.

Интересно, как живут в Ринилдиссене состоятельные оборотни? Что-то едва уловимое, до боли знакомое остановило его у обитых медью дверей большого добротного дома...

Весь остаток ночи Аран провел под дверью. Никто не пытался прогнать его. Соседи либо уже привыкли к таким осадам, либо понимали, что он готов на убийство, лишь бы не уходить отсюда. Иногда откуда-то сверху до него доносился ответный стон. Это был голос Ра-Харру. Остаток человеческого разума говорил ему, что уже завтра он не сможет без стыда вспомнить эту ночь, а Ра-Харру может подумать, что он нарочно пришел к дому ее отца, и осудит его.

Но Аран выл, пел песню тоски, боли и стыда.

V

Первой была маленькая деревушка под названием Гэс. Подмастерье Гильдии Чародеев забрел сюда в поисках черных опалов — незаменимого инструмента для проклятий. Он остался доволен — в деревне оказались целые россыпи опалов, и он набрал их, сколько

дуде угодно. Еще раньше подмастерье обратил внимание, что деревня заброшена. Осмотревшись повнимательнее, он заметил странное мертвое место — развалины замка. На первый взгляд, прошли сотни лет с тех пор, как замок рухнул, но, возможно, его воздвигли с помощью волшебства, и он исчез, когда истощилась Мана, а это могло произойти и вчера, и на прошлой неделе. Что-то странное было в этой брошенной деревне и ее окрестностях.

Удачливый подмастерье разбогател, продав найденные камни, но мысли о покинутой деревне продолжали тревожить его.

— Сначала я подумал, что это работорговцы, — рассказывал он как-то Магу. — Но в деревне не осталось никаких следов набега. Там вообще никого не было. Опалы валялись прямо на земле вперемежку с разбросанным сеном. Мне кажется, они должны были лежать в тайнике ювелира или чародея.

Но почему именно об этой деревушке и разрушенном замке вспомнил Маг три года спустя, когда услышал о Шискабиле. Весть об этом поселке принесла сорока, которая, сев ему на плечо, протрещала:

— Маг!!!

Услышав весть, Маг отправился в путь. В Шискабил Маг прибыл не один. Его сопровождал молодой член Гильдии Чародеев Клабфут. Худой и серьезный, этот талантливый начинающий чародей до сих пор побаивался тех сил, которыми сам же управлял с помощью магии.

Шискабил был небольшим поселком с каменными домами, огороженным каменной стеной. Впечатление складывалось такое, будто ее покинули в спешке: блюда, стоящие на столе, засохли или сгнили; мясо и хлеб в печах превратились в угли. В поселке не осталось ни живых, ни мертвых. Стена, окружающая его, была цела, но в самом поселке всюду виднелись следы насилия: сломанная мебель, выбитые или взломанные двери в домах. Тут и там валялись самодельные копья, мечи и дубинки. И кровь. Высохшая черная кровь везде — как-будто прошел кровавый дождь!

Увиденное потрясло Клабфута. Ссугнувшись, он медленно ходил по Шискабилу, старательно обходя места, где стояли лужи крови.

— Таинственное происшествие, не так ли? — произнес наконец Маг. — У меня были особые причины послать за тобой. Вокруг этой стены все мертвое, и мне подумалось, не мог ли кто-то использовать здесь Магический Круг?

Почти прямоугольный участок ранее плодородной земли вокруг Шискабила теперь был абсолютно гол. Лишь в середине его, на развалинах замка, среди рассыпавшихся от малейшего прикосновения камней пробивались зеленые травинки.

Маг внимательно осматривал мертвую землю, не желая ступить туда, где умерла магия. Он всего лишь раз в своей жизни использовал Магический Круг — против Глирендри. После того как демон

смерти убил его личного телохранителя, заключенного в татуировке на спине, Магу не оставалось ничего другого. Тогда Круг, уничтожив Ману вокруг себя, буквально высосал из него молодость: Маг в несколько мгновений стал старше сразу на двести лет.

— Я уверен, — сказал Клабфут, — что это сделано с помощью магии. Даже самые элементарные заклинания не действуют, как я ни пытался. Маны здесь совсем мало. Кстати, вы не можете мне помочь вспомнить имя хотя бы одного чародея из Шискабила?

— Нет, не могу.

— Тем не менее я уверен: все это сделано с помощью магии.

Клабфут говорил шепотом. Он хорошо знал, что магия может приносить не только добро, но и страшное зло.

Вскоре они нашли извилистую тропинку через мертвую землю, которая вела к чуть живому месту внутри развалин. Повинуясь Магу, раскрошенные камни чуть шевельнулись, пытаясь подняться.

— Итак, это был чей-то замок, — сказал Клабфут, — но хотел бы я знать, что его разрушило?

— Могу только предположить. Представь, накладывается на небольшой Магический Круг какое-то мощное кинетическое заклинание. Круг, вращаясь все быстрее и быстрее, очень скоро выбирает вокруг себя всю Ману. Всю без остатка.

— Да, понимаю, — согласно кивнул Клабфут.

— Возможно, таким образом кто-то пытался защитить это место от любопытных. Он пустил Круг по узкой колее, чтобы окружить клочок живой земли и защитить его от магии. Оставил только узкий проход для себя. Но тропинка, ведущая внутрь, так извивается, что никакому ясновидению не преодолеть барьера. Хочел бы я знать...

— Хотели бы знать, зачем все это понадобилось?

— Любопытно все-таки, что же здесь произошло? — Маг никак не мог отделаться от ощущения, что он уже видел все это где-то раньше. И вдруг вспомнил о мертвый земле, окружавшей замок Чародея Холмов, и безмолвной битве с безликим врагом в вещем сне двадцать лет назад.

Прошло двадцать три года, прежде чем обнаружилось еще одно, третье поселение.

Хэтзериll был больше и известнее, чем Шискабил. Маг услышал о нем от торговцев, прибывших с грузом слоновой кости и ароматического дерева.

Хэтзериll покинули всего за несколько дней до прибытия туда Мага и Клабфута. Картина, которую они увидели в брошенном городке, была им уже знакома: разбитая мебель, разбросанное оружие, сломанные двери, брошенная утварь, еда.

— Интересно, но тут нигде не видно крови, — нервно хмыкнул Клабфут. — А в общем-то то же самое. Население целого городка

как-будто растворилось, и весьма вероятно, не обошлось без насилия. Ты прибыл раньше меня. Здесь те же мертвая земля и разрушенный замок? Помнишь, более десяти лет назад, в Шиска-бии?

— Нет, здесь такого не было. — Младший чародей, сидя на камне, растирал от рождения изуродованную ногу. Он должен был прибегать к лечению каждые полчаса, и это отнимало у него много сил.

— Может быть, и так, однако если это сделал тот же человек, то он изменил своей обычной манере.

Ночью Маг снова видел сон, сон яркий, красочный, тревожный. Проснулся он с мыслью о Чародее Холмов.

— Давай заберемся на холмы, — предложил он Клабфуту утром. — Надо узнать, не связаны ли мертвые поселения с Чародеем Холмов. Посмотрим, нет ли на какой-нибудь вершине мертвого пятна.

Так они совершили ошибку, которая чуть не погубила их.

Последний холм, на который они попытались взобраться, был из странной, рассыпающейся в пыль от прикосновения, породы. Они подошли к нему перед закатом солнца, когда и терпение их и холмы были уже на исходе.

Клабфут стоял на вершине холма, когда Маг добрался до него.

— Пошли отсюда, — сказал он, посмеиваясь, — никто в здравом уме не будет строить замки на этой груде песка.

Клабфут резко обернулся и крикнул:

— Уходи отсюда, ты же стареешь на глазах!!!

Маг быстро поднял руку к лицу: прямо под пальцами, он чувствовал это, проступали морщины, которые становились все больше и больше. Поспешно, но крайне осторожно он повернулся назад. С трудом подавил в себе желание бежать и шел, бережно ставя ноги, ощущая похрустывание ставших вдруг совсем хрупких костей. При каждом шаге с головы его целыми клоками сыпались седеющие на глазах волосы.

Чуть позже, покинув предательский холм, Маг, чуть живой от усталости и бешенства, задыхаясь, прорычал:

— Это моя ошибка! Теперь я знаю, что он сделал! Клабфут, мы найдем мертвое пятно внутри холма.

— Но сначала надо вернуть вам молодость! — Клабфут уже выкладывал из сумки необходимые принадлежности: кусок древесного угля, серебряный нож, мешочек с травами и листьями.

— Там, наверху, плохое место, что-то внутри холма засасывает Ману. Я думаю, ему часто приходится переезжать с места на место, и он поднял холм подобно штормовой волне, а когда Мана истощилась, холм рухнул, накрыв замок и все окрест него. Но этот человек все снова повторит.

— Вполне возможно, что именно так он и поступил. Но что он сделал с городком Хэтзорилл?

— Может статься, мы никогда этого не узнаем. Но одно я знаю: произошло что-то плохое, очень плохое. — Маг тронул пальцем морщинки у глаз.

VI

В тот день он бродил по торговым рядам города, разглядывая ковры. Обычно это очень приятная работа. Та часть торговых рядов, где продавались ковры, была самой яркой и красочной. Аран—торговец коврами шел по рядам, и то там, то здесь его окликали по имени. Вокруг кипели торговые страсти.

Аран торговал в Ринилдиссене уже почти тридцать лет. Сначала как помощник Ллорагинези, потом сам. Большие морские корабли и караваны верблюдов доставляли сюда самые красивые и дешевые ковры с островов и со всего материка.

Товар этот пользовался большим спросом: крупные торговцы и лоточники, а также богатые покупатели, желавшие украсить свои дома и дворцы, — все стекались в Ринилдиссен. Но сегодня великолепие и сверкание ковровых рядов только раздражали Арана. Он шел и думал об отъезде.

Какой-то лысый человек неожиданно вышел навстречу ему из-за горы выделанных сфинксовых шкур. Лысый, как яйцо птицы Рух, он однако выглядел молодым и здоровым. Обнаженный по пояс, как это принято среди портовых грузчиков, он носил штаны из отличного сукна, а двигался надменно и степенно. Аран почувствовал, как человек этот бесцеремонно разглядывает его, и поймал себя на мысли, что где-то они уже виделись.

Незнакомец проводил Арана долгим взглядом. Пройдя мимо, Аран обернулся и буквально подпрыгнул от удивления: на обнаженной спине человека сияла многоцветная пятигранная татуировка.

— Mag! — невольно вскрикнул Аран и тут же запнулся, пожалев о своей несдержанности.

Маг посмотрел на него укоризненно, как смотрят на неучтивых, невоспитанных прохожих. Он совершенно не изменился, только облысел. А ведь прошло почти 30 лет. Самому Арану без малого пятьдесят, лицо избороздили морщины, повествуя о богатой приключениями жизни, поседевшие волосы поредели, лишь клин челки одиноко темнел на лбу, свидетельствуя о вдовстве. Ему вдруг в мельчайших подробностях представилась их первая встреча.

Не раз в эти годы по ночам он мечтал, как отомстить Магу, но сейчас, при встрече, у него было только одно желание — поскорее уйти.

— Извините, — пробормотал он и вдруг неожиданно для себя добавил: — Но мы с вами уже встречались.

— Неужели? — холдно поинтересовался Маг. — Я что-то не припомню.

— Я когда-то пытался обокрасть вашу пещеру, — со свойственной ему прямотой ответил Аран.

— Ты? А, тот мальчишка из Атлантиды! Ну и как, ты больше не пытался воровать у чародеев?

— Я выбрал для себя менее опасное занятие, — спокойно ответил Аран, — и выбор этот во многом определен нашим недолгим знакомством.

— Нашим недолгим..? — Маг захотел так, что все обернулись. Все еще смеясь, Маг подхватил Арана под руку и увлек за собой.

Медленно, как бы прогуливаясь, они шли по торговому кварталу. Маг вел Арана каким-то странным путем.

— Мы идем так потому, что мне это надо. Ну, а ты? Чем ты занимался эти тридцать лет?

— Пытался избавиться от своего стеклянного кинжала.

— Стеклянного кинжала? — переспросил Маг. — А, припоминаю. Но, надеюсь, у тебя осталось хоть немного времени для других дел, помимо этого?

Аран готов был разорвать Мага, но поскольку хотел кое-чего от него добиться, сдержался.

— Этим чертовым кинжалом ты изуродовал всю мою жизнь! Ведь я вынужден был обогнуть ущелье Гвирина на обратном пути, а когда наконец добрался до Ринилдессена, то остался совсем без денег. Ни одной монетки для возвращения на Атлантиду. И ни гроша, чтобы заплатить чародею, чтобы тот вытащил твой кинжал из моей груди. Я нанялся телохранителем к торговцу коврами Ллорагинези, а теперь я самый крупный торговец коврами во всей округе. У меня здесь две жены, восемь детей и даже несколько внуков. Поэтому я уже и не надеюсь когда-либо вернуться в Атлантиду.

Они купили вина у уличного торговца, который продавал вино из двух бурдюков, висевших на плечах, и по очереди пили из большого медного кубка разносчика.

— Так что, удалось тебе вынуть кинжал? — спросил наконец Маг.

— Нет! И тебе это должно быть известно. Какое заклятие наложил ты на эту штуковину? Лучшие чародеи даже дотронуться до него не смогли. Если бы это удалось, разве я торговал бы сейчас коврами?

— А почему бы нет?

— Честно говоря, деньги у меня завелись довольно скоро. Но появлялись все новые и новые чародеи, и я обращался к ним за помощью. Торговля коврами помогала мне раздобыть денег для оплаты чародеев. Наконец мне это надоело, я отказался от всяких попыток извлечь кинжал и решил лучше поберечь деньги. Зато я прославил твоё искусство повсеместно!

— Благодарю, ты очень любезен, — вежливо поклонился Маг, однако глаза его буквально искрились от смеха.

Аран почувствовал, как ему неприятна эта веселость. Ему казалось, что Маг издевается над ним, и он решил побыстрее закончить беседу, задав последний вопрос:

— Я рад, что мы встретились, потому что у меня к тебе есть дело. Не мог бы ты мне что-нибудь сказать о чареде, которого зовут Холмотвор?

Лицо Мага окаменело.

— А что бы ты хотел узнать о нем?

— Правда ли, что его заклинания обладают какой-то исключительной силой?

Брови Мага удивленно поползли вверх.

— Видишь ли, мы пытаемся ограничить применение магии в Ринилдиссене. — поспешил сказать Аран. — Население города и его окрестностей пострадает, если здесь истощится Мана и умрет магия. Ведь тогда мы не сможем остановить наводнение, ураган, отразить нападение варваров.

— Да, да, конечно. Но все же признайся, стеклянный кинжал изменил твое отношение к магии?

— Это мое личное дело, Маг. Или ты хочешь прочесть мои сокровенные мысли?

— Извини, я не хотел тебя обидеть, продолжай.

— Надо сказать, от решения этого вопроса зависит не только благополучие Ринилдиссена. Если здесь исчезнет Мана, все морские тритоны вынуждены будут покинуть гавань. А здесь за доками — огромный город. И они управляют всеми портовыми устройствами, а все рыболовство...

— Понятно. Я полностью с тобой согласен, ты же знаешь, — хмыкнул Маг. — По крайней мере должен знать...

— Извини, я продолжу. Опасения эти небезосновательны. Тому уже десять лет, как не видно ни одного живого дракона в окрестностях Ринилдиссена. Но и задолго до этого они начали как-то странно меняться. А когда я только пришел сюда, на рынке еще стояли палатки драконов... Что ты делаешь? — прервал вдруг свой рассказ Аран.

Маг поставил свой кубок на поднос разносчика и потянул Арана за рукав.

— Я тебя очень прошу, пожалуйста, пойдем, пока я не потерял свой путь.

— Путь?!

— Я следую туманному предначертанию. Меня ждет неминуемая гибель, если я потеряю свой путь, а может, если не потеряю... Да, так в чем же твоя беда?

— Вот в этом, — и Аран указал на фруктовые прилавки.

Тролль внешне походил на большую человекообразную обезьяну: большая обезьянья голова на почти человеческом теле, от макушки

до пят покрыт густой вьющейся шерстью. Судя по величине, это существо принадлежало к женскому полу, но грудей у него не было. В почти человеческой руке тролль держал плетеную корзину с большой дыней. Блестящие карие глаза — внимательные человеческие глаза — глянули на Арана, потом существо вернулось к созерцанию дыни.

Вероятно, при виде тролля следовало испытать что-то похожее на почтение, ведь они были родоначальниками человечества, предшественниками давно вымершего «человека умелого». Множество окаменевших остатков троллей было обнаружено в пустынях Африки. Несколько веков назад чародеи сумели восстановить троллей с помощью магии.

— Я думаю, ты только что разрешил мои затруднения, — тихо сказал Маг; его веселость словно испарилась.

— Хорошо бы, — серьезно и искренне отвтил Аран, — меня же интересует, сколько Маны поглощают тролли Холмотвора. Уровень ее в Ринилдиссене никогда не был очень высоким. Холмотвор, видно, использует очень сильные заклинания, чтобы сохранить жизнь троллям. Мне даже думать не хочется о том, чтобы покинуть Ринилдиссен, но если магия здесь исчезнет, у меня не останется другого выбора.

— Я и сам бы очень хотел узнать, что из себя представляют его заклинания. Давай-ка, расскажи мне о Холмотворе все, что тебе известно, все, что сможешь вспомнить.

— Некогда слуги-тролли были привычны в городе. Они обладали нечеловеческой силой, нечувствительны к боли и делали все работы по дому и в городе. Не будучи людьми, тролли могли работать в выходные и праздничные дни — им не нужен отдых. Кроме того, они никогда не воровали.

Но Ринилдиссен был старым городом, и Мана постепенно истощалась. В течение уже многих лет ни один тролль не приходил в город; уже у городских ворот они рассыпались в пыль. А потом явился Холмотвор с троллями, не рассыпающимися в городе. Жители платили ему большие деньги и оказывали почет и уважение.

На протяжении полувека в праздники на улицах города хозяйничали воры и грабители, а теперь у нас опять появились тролли-стражники. Разве можно ставить людям в вину чувство благодарности за покой и благополучие? Чародея избрали в Совет города, несмотря на мои протесты, а это значит, что он имеет почти неограниченную власть.

— Согласен, это очень неприятно. Но ты сказал: «Несмотря на мои протесты». Значит, ты тоже входишь в Совет?

— Да. И я единственный, кто пытался с помощью законов ограничить применение магии в Ринилдиссене. Но остальных членов Совета мне убедить не удалось. А больше всего меня беспокоит то, что Холмотвор создает троллей вне города, и никто не знает,

откуда он их берет. Выходит, если он и снижает уровень Маны, создавая троллей, то делает это где-то в другом месте.

— Тогда что же тебя волнует?

— Я полагаю, что для сохранения жизни троллей Мана в городе все-таки расходуется. И хотелось бы точно знать, так ли это.

— Думаю, так оно и есть.

— Я так и знал. Маг, ты подтвердишь мои слова на Совете? Ведь...

— Нет-нет, этого я делать не буду.

— Но ты должен! В одиночку мне не убедить Совет. Холмовор самый уважаемый в округе чародей, а он будет против меня. Кроме того, все члены Совета имеют слуг-троллей. И главное, никто не захочет признать, что его обвели вокруг пальца, а ведь так и есть, если окажется, что мы правы. Тролли исчезнут, как только уровень Маны упадет очень низко.

Аран вдруг замолчал. По выражению лица Мага он вдруг понял, что тот с каменным терпением ждет, когда он кончит говорить.

Маг помолчал еще немного, потом сказал:

— Бесполезно. Говорить с Советом — все равно, что проклинать лесной пожар. Я бы еще мог что-то добиться, а ты — нет.

— Неужели он так опасен?

— Думаю, да.

Аран с удивлением смотрел на Мага. Он никак не мог поверить, что Маг сказал это серьезно, но лицо Мага было так мрачно... Именно это лицо Аран видел в своих ночных кошмарах.

«Что я здесь делаю? — с беспокойством думал Аран. — Мне нужно было только узнать о троллях. Я обратился к чародею... а теперь...»

— Расскажи мне еще о Холмоворе. Я должен знать о нем как можно больше, — потребовал Маг. — И пойдем скорее. Когда он появился в городе?

— Он пришел в Ринилдиссен около семи лет назад. Никто не знает откуда. Выговор у него чистый. Дворец чародея стоит на холме за городом, и со стороны кажется, что он вот-вот упадет. Я тебе могу показать, где это.

— Знаю я этот холм. Продолжай!

— В городе он появляется редко. Обычно приходит, чтобы проголосовать на Совет на голосование по важным вопросам. Он небольшого роста, темноволосый и смуглый.

— Это может быть только видимость, — задумчиво произнес Маг. — Опиши-ка мне его поподробнее, я ведь никогда его не видел.

— Как я уже сказал, он небольшого роста, смуглый, черты лица как бы заостренные, темные, выющиеся волосы. Он всегда носит темную одежду из какой-то мягкой ткани и высокую островерхую шляпу, сандалии и при нем всегда меч.

— Неужели?! — Маг вдруг громко расхохотался.

— А что здесь смешного? Я тоже иногда ношу с собой меч. Ах да, я понял. Чародей, который носит меч подобно простому работнику...

— Нет, я смеюсь не по этому. В данном случае меч служит лишь символом мужественности.

— Да?

— Пойми, чародей ведь обладает более сильной защитой, поэтому он может носить меч лишь как средство от мужской слабости.

— И что, помогает?

— Конечно, но для этого его надо брать с собой даже в постель.

Смех Мага резко оборвался — на глаза ему снова попался тролль-слуга. Маг следил за ним, пока тролль не вошел в дверь высокого белого дома. Аран и Маг как раз выходили из торгового квартала.

— Я думаю, Холмотвор — некромант, — резко сказал Маг.

— Некромант? А что это такое? Звучит во всяком случае весьма неприятно.

— Это просто обозначение нового пути в магии. Ты прав, оно в самом деле весьма неприятно... Здесь нужно повернуть налево.

Они нырнули в переулок, узкий, грязный и весь заваленный отбросами и мусором. По обе стороны мостовой высились двух- и трехэтажные дома. Маг что-то тихо пробормотал, и в тот же миг мусор, как бы освобождая дорогу прохожим, отлетел к стенам домов. Маг торопливо пошел дальше.

— Думаю, здесь можно остановиться, — сказал он наконец. — Если хочешь, присядь. Здесь мы ненадолго задержимся, по крайней мере я.

— Слушай, что ты мне голову морочишь? Какое все это имеет отношение к борьбе с Холмотвором?

— Интересный вопрос. Ты, конечно, знаешь, где мы сейчас находимся?

Прекрасно развитое чувство направления и знание города не подвели Арана.

— Площадь Суда?

— Верно. А дальше наш путь лежит вокруг пустыря за Домом Наслаждений Адриены. Ты должен знать его. Это — мертвое пятно Ринилдиссена: здесь когда-то стоял дворец Шилбри.

— Могу я спросить...

— Кстати, около здания суда Маны тоже нет: десятки тысяч подсудимых, жаждущих оправдания, и тысячи законников, взывающих к свидетелям, не содействуют сохранению Маны в любом суде. Если я смогу постоянно держать одно из таких пятен между собой и Холмотвором, то ему не удастся обнаружить меня.

Аран задумался.

— Но ведь для этого тебе нужно постоянно знать, где он находится в данный момент.

— Ну нет, все гораздо проще. Нужно всего навсего знать, где должен находиться я. Мы оба умеем запереть ясновидение друг друга. И вскоре я надеюсь встретить неожиданного союзника. Поэтому нужно особенно тщательно заботиться, чтобы этот чародей меня не выследил. Видишь ли, я создал Магический Круг, а Холмогор использовал мою тайну и даже улучшил мой Круг. Конечно, он расходует Ману в огромных количествах и использует это во зло. Он может убить многих, и поэтому я должен его уничтожить. Ведь это моя вина.

Арану вдруг пришло в голову, что жены ждут его к обеду, и что уже час назад он решил закончить разговор. Вспомнился ему также история одного человека, который стал невольным свидетелем поединка двух чародеев и погиб. Он сказал:

— Ну ладно, все это очень интересно, но мне пора домой. Удачи и победы тебе. И если будет нужна моя помощь...

— Пойдешь со мной! — тут же ответил Маг, глядя прямо в глаза Арану. Аран даже рот открыл от удивления, а потом расхохотался. Маг с обычным для него спокойствием выждал, пока Аран успокоится, и сказал:

— Судьбой предопределено, что сегодня мне встретится союзник и что он будет сопровождать меня до самых ворот замка Холмогор. Не часто у меня бывают такие четкие и ясные предвидения. Холмогор силен, и если я пойду к нему один, я погибну.

— А если это кто-то другой, а не я...

— Нет, именно ты! И к тому же слишком поздно искать другого — время уходит.

— Посмотри на меня, — Аран хлопнул ладонью себя по животу, и объемистое тело его колыхнулось. — Это, может, и не так уж плохо для человека — вполне представительно, но в образе волка я буду выглядеть точно на десятом году беременности... Я уже много лет не обращался в волка. Но что это я тут оправдываюсь? — прервал себя Аран и, резко повернувшись, пошел прочь.

Маг догнал его в самом конце переулка.

— Клянусь, ты пожалеешь, если уйдешь! Ты не все еще знаешь!

— Оставь меня в покое, а то потеряешь свой путь! Почему я должен сражаться за тебя? Мне доставляет наслаждение одна мысль, что ты нуждаешься во мне. В бесчисленных кошмарных снах все эти годы я видел тебя и твой проклятый кинжал. Теперь — умри, и без меня. А мне пора обедать.

— Ш-ш-ш, — вдруг зашипел Маг, глядя на что-то за спиной Арана.

У Арана появилось дикое желание растерзать Мага, но помимо воли он обернулся туда, куда показывал Маг, и проклятья застрияли в горле. Это был тролль с каким-то свертком за спиной, всего лишь обыкновенный тролль. И он спокойно подходил к ним, но Маг сделал неуловимое движение рукой — возможно, какой-то магический знак.

— Хорошо, — сказал он, — теперь я могу тебе показать, насколько тщетны попытки противиться собственной судьбе. Поверь, уж я-то понимаю в этом деле. Я дам тебе возможность избавиться от кинжала...

— Иди ты к дьяволу! Я уже научился жить с кинжалом в груди.

— Остановись, человек-волк! Если ты ничему до сих пор не научился у меня, научись хотя бы не кощунствовать в присутствии Мага.

— Извини. — Злость Арана сразу улетучилась. Тролль тем временем уже приближался к выходу из переулка. Тут Маг схватил тролля за руку и потащил за собой.

— Помоги мне, Аран, я хочу снять у него со спины этот сверток.

Аран в который уже раз удивился самому себе: снова он согласился, снова он, словно околдованный, вынужден покоряться. Вдвоем они сняли сверток со спины покорно стоящего тролля. Сверток оказался очень тяжелым; несмотря на то что Маг был отнюдь не слабым, Арану пришлось напрячь все силы, помогая ему. Тролль следил за всем происходящим карими, ничего не выражавшими глазами.

— Отлично, — бормотал Маг, — если бы я попробовал про-делать это в каком-то другом месте, чародей тотчас же узнал бы об этом. Но у меня пока есть преимущество: я знаю где он сейчас — в Доме Адриены и пытается выследить меня, дурак. Он уже обыскал здание суда. Но это ерунда, не стоит обращать внимание. Ты ничего не слышал о деревне Гэ? — неожиданно спросил он Арана.

— Нет, никогда.

— А Шискабил?

— Тоже нет. Хотя подожди... — Он вспомнил, что однажды человек из этой деревни купил у него шесть зеленых ковров. — Вспомнил, это небольшой поселок к северу от Ринилдиссена. Там еще что-то случилось...

— Все население поселка исчезло в одну ночь, оставив всю утварь и целые лужи крови. И никаких намеков на то, что же там произошло.

— Что-то подобное слышал и я. — Какое-то неясное, леденящее душу предчувствие сжало сердце Арана. — Никто так и не узнал правды.

— Деревушка Гэ была первой, потом — Шискабил, за ним — Хэтзерилл. И каждый раз все более и более многолюдное поселение. В Хэтзерилл он поступил умнее: нашел способ скрыть свой дворец и не оставил пролитой крови.

— Что же он делает? Куда исчезли люди?

— Слушай, Аран, а что тебе известно о Мане? Ты знаешь, что Магическая Сила составляет основу магии и что она может истощаться. Что ты знаешь еще?

— Я же не чародей, я всего лишь торговец коврами.

— Мана способна творить и добро, и зло. Она истощается и перемещается из одного места в другое или от одного человека или предмета к другому. Некоторые люди научились носить Ману с собой. Проявление Маны можно обнаружить в камнях странных очертаний или в предметах поклонений, а также в небесных камнях. Но более всего Мана связана с убийством, уничтожением живого существа. Мой учитель предостерегал меня от работы вблизи мест насильственного убийства, трупов людей или орудий убийства, кроме боевого оружия. Между склонностью к убийству и воинственностью большая разница.

Для некроманта убийство — мощный источник колдовской силы. Вообще некромантия — это очень могучее волшебство, настолько могучее, что оно не могло развиваться, пока уровень Маны в мире не стал совсем низким. Все это и наводит меня на мысль, что Холмотвор — некромант. Вот сейчас мы и узнаем это наверняка, — сказал Маг и повернулся к троллю.

Тролль стоял спокойно, безвольно опустив длинные руки и внимательно глядя на Мага карими, почти человеческими глазами, которые так странно не соответствовали его животному облику. Он даже не сделал попытки убежать или помешать, когда Маг накинул ему на шею какое-то ожерелье.

В одно мгновение тролль исчез, и Аран в ужасе отшатнулся, коротко вскрикнув. Ожерелье Мага обвивалось вокруг шеи человека лет тридцати пяти, светловолосого, с русой бородой. Он был в одежде носильщика, а живот у него был распорот мечом или ятаганом. Аран почувствовал гнилостный запах, исходящий от мертвеца; должно быть, умер он за три-четыре дня до того, как чародей изменил его облик. Человек стоял и спокойно ждал.

— Холмотвор открыл вечное движение, — сухо сказал Маг, с отвращением отшатнувшись от мертвеца. — Убитый человек сохраняет в себе довольно жизненной силы, чтобы по велению чародея стать послушным рабом. А придать ему облик тролля проще простого. Такой тролль забирает очень много Маны из мира, но Холмотвора это, очевидно, мало волнует.

Когда в Гэсе Мана истощилась, тролли чародея по его приказу убили своих хозяев. Затем Холмотвор обратил трупы в троллей и во главе этой армии двинулся в Шискабил, где все повторилось. В Хэтзериlle люди, видимо, были задушены: так удалось обойтись без крови. Хотелось бы знать, куда он отправится после Ринилдиссена?

— Никуда! Нужно срочно все рассказать Совету! — вскричал Аран.

— Чародей — член Совета. Лично каждому из членов Совета ты все это рассказать не сможешь. Кто-нибудь из них обязательно донесет, что ты клевещешь на него.

— Они поверят тебе!

— Может быть. Но всегда найдется один неверяющий, он и расскажет все Холмотвору, а тот сразу пустит в дело троллей. Нет, так ничего не получится, — изрек Маг тоном пророка. — Ты пойдешь домой и до конца недели отправишь своих жен и детей подальше от Ринилдиссена.

— Бог свидетель, я все сделаю!

— Клянусь, ты не пожалеешь, что послушался меня. Если решишься, присоединяйся ко мне у Северных ворот на рассвете ровно через неделю, считая от сегодняшнего дня. Иди мимо Дома Адриеты и обязательно задержись там ненадолго: мертвое пятно перебьет твой след. И сегодня сделай так же. Я совсем не хочу, чтобы чародей выследил тебя. Иди сейчас же, — сказал Маг.

— Но я еще ничего не решил!

— У тебя впереди еще целая неделя.

— А если я не приду, как потом тебя найти?

— Никак. В этом уже не будет необходимости. Я пойду к Холмотвору: один или с тобой, но пойду обязательно.

Маг сдернул ожерелье с трупа и, не говоря больше ни слова, зашагал вниз по переулку, следя своему загадочному пути.

А мертвец, снова ставший троллем, смотрел вслед ему и Арану огромными карими, почти человеческими глазами.

VII

Ранним утром перед самым рассветом, когда Дом Наслаждений Адриены еще утопал в густом черном тумане, Аран в нерешительности стоял перед дверью. Потом наконец решился, расправил плечи и шагнул на улицу.

По мере удаления от Дома туман светел, но оставался таким же плотным. Аран шел по улице, держа меч наготове. Несколько раз ему померещились какие-то неясные пугающие силуэты, но нападать на него, по-видимому, никто не собирался, и с рассветом Аран был уже у Северных ворот.

У ворот города Аран увидел двух причудливых животных. Они походили либо на огромных, увеличенных с помощью магии ящериц, либо на драконов-мутантов величиной с дом. На одной из этих ящериц-переростков была навьючена какая-то поклажа, на спине другой — два сидения, одно за другим. Маг ждал Арана, взгромоздившись на одно из этих сидений.

— Лезь сюда, — мрачно приказал он, — мы должны быть на месте еще до сумерек.

Несмотря на утреннюю прохладу Маг был по-прежнему обнажен до пояса. Как только Аран взобрался и устроился в седле, он обернулся:

— Я вижу, ты похудел.

— Шесть дней поста и упражнений не прошли даром. Мои жены и дети уже четвертый день на пути к Атлантиде. А вчерашний день, как ты приказал, я провел у Адриены. Можешь себе представить, какие удовольствия я там получил.

— Глазам своим не верю — у тебя живот плоский, как доска.

— Волк может обходиться без еды очень долго. Прошлой ночью, может быть в последний раз, я ел восхитительные блюда, а сегодня не буду есть совсем.

Когда они выезжали из Ринилдиссена, черный туман уже рассеялся. Утро было чистое и жаркое. Когда Аран обратил на это внимание, Маг пояснил:

— Я сам создал этот туман, чтобы скрыть очертания яви для Холмотвора.

— По пути к воротам я видел какие-то жуткие тени. Это тоже твоя работа?

— Нет.

— Значит, мне показалось.

— Это Холмотвор пытался запугать тебя. Он не собирался нападать, поскольку знает, что тебе ничто не может повредить, пока мы не дойдем до ворот замка.

— Теперь понятно, почему ты взял этих ящериц. А то я все удивлялся: как ты намеревался проскочить с ними тайком?

— Нет. Холмотвор знает, что мы приближаемся. Он ждет нас. Еще никому не удавалось уйти от своей судьбы.

Окрестности замка чародея были пропитаны магией. Чтобы убедиться в этом, достаточно было взглянуть на растения: всевозможные гигантские грибы и лишайники, принявшие образы людей и зверей, странные деревья с искривленными стволами и ветвями угрожающе шевелились при приближении путников.

— Можно, конечно, заставить их говорить, — сказал Маг, — но я бы не советовал доверять их рассказам. Скорее всего все они здесь союзники Холмотвора.

В красноватых лучах заката замок чародея, громоздившийся на вершине немыслимо наклонной горы, казался изваянным из розового мрамора. Тонкие изящные башни, казалось, были созданы для заточения похищенных девиц. Сама гора, Аран впервые видел такое, напоминала не вздыбившуюся волну, а скорее поднятый к небу огромный кулак.

— Здесь нам не удастся использовать Магический Круг, — сказал Маг, — иначе гора рухнет прямо на нас.

— А я бы и не дал тебе пустить Круг в дело.

— Я даже не взял его с собой.

— Как пойдем? — помолчав, спросил Аран.

— Вверх по этой тропинке. Он уже знает, что мы здесь.

— Твой демон-телохранитель готов?

— Телохранитель?.. — казалось, Маг задумался. — Я сначала не понял, о чем ты. Тот демон погиб в сражении с Глирендри более тридцати лет назад.

Слова застряли в горле Арана. Потом его словно прорвало:

— Тогда почему ты не надел рубашку?

— Просто привычка. Последнее время у меня появилось много странных привычек. А почему это вызывает у тебя такую ярость?

— Я и сам не знаю. Весь сегодняшний день я разглядывал знаки на твоей спине и в глубине души рассчитывал на своего демона. — Аран тяжело вздохнул. — Значит, нас всего двое?

— Да, мы одни.

— Тогда, может, ты возьмешь меч? Или кинжал?

— У меня его нет. Ну, так мы идем?

Холм имел уклон градусов шестьдесят. Узкая, едва различимая тропинка не подходила для огромных ящеров, поэтому Аран и Маг начали взбираться по склону пешком. Маг сказал:

— Сейчас нам нет необходимости соблюдать особенную осторожность. Я знаю, что мы дойдем до ворот. И Чародей тоже знает...

— Постой, — сказал Маг и подбросил вверх пригоршню серебряной пыли. — Тропинка должна была сбросить нас: Холмотвор ничего не принимает на веру.

Но Аран не мог проверить истинность этих слов. Правда, дальше они поднимались на холм без трудностей.

Дорогу к массивным медным воротам замка им преградил прямугольный пруд. Над водой нависал арочный мост. Первое столкновение произошло, когда они подходили к этому мосту.

— Что это? — прошептал Аран. — Я даже не слышал ни о чем подобном.

— Конечно, не слышал. Это мутант, которого называют «улитка-дракон».

Святая спиралью раковина дракона была столь велика, что полностью перегородила дорогу. Его удлиненное гибкое тело приподнялось — чудовище разглядывало непрошенных гостей. Голову и шею дракона покрывала сверкающая, похожая на металлические листья чешуя. Однако все остальное тело дракона было голым, мягкого серовато-коричневого цвета, а глаза походили на два осколка черного мрамора. Зубы дракона — острые, белые, огромные — и будто полированные клыки сверкали в лучах заходящего солнца.

Стоя на дальнем конце моста, Маг обратился к дракону:

— Эй, страж! Тебя предупредили о нашем приходе?

— Нет, — ответил дракон, — меня предупреждают только о желанных гостях.

Маг захохотал.

— Мы пришли убить твоего хозяина. Он знает о нашем приходе и странно, что тебя не предупредили.

Улитка-дракон наклонил свою бронированную голову — Mag сам ответил на свой вопрос.

— Он знает, что мы пойдем через эти ворота и, возможно, через твой труп. Поэтому хозяин и не стал тебя предупреждать.

— Это похоже на него. — Низкий голос дракона походил на грохот перекатывающихся камней.

— Конечно, похоже. Но если судьбой нам предопределено пройти, почему бы тебе не пропустить нас? Честное слово, мы сохраним это в тайне.

— Невозможно.

— Ты один из мутантов, улитка-дракон. Существа, чью жизнь питает магия, порой странно видоизменяются там, где истощается Мана. Многие нежизнеспособны. Это относится и к тебе. Раковина не защитит тебя от терпеливого и упорного врага. А может, ты думаешь, что успеешь спастись?

— Все это так только на первый взгляд, — ответил дракон. — А что будет, если я покину свой пост? Хозяин скорее всего убьет вас, как только вы достигнете его святилища. Поэтому рано или поздно он придет сюда посмотреть и убрать раковину. Конечно, при попутном ветре и некотором везении я уже буду на полпути к лесу. Возможно, мне и удастся скрыться в высокой траве, — продолжало огромное чудовище. — Но я предпочитаю встретить свою судьбу здесь. Во всяком случае тут я знаю, откуда нападают.

— Ты прав, черт тебя подери, — восликнул Mag. — Знаешь, дракон, ты мне даже нравишься.

Он проверил мост на прочность. Половина моста от ворот была вполне материальной и прочной, а дальше — лишь видимость, пока Mag не произнес заклинания.

— Там, под водой, мертвая полоса, — предупредил он. — Смотри не упади туда.

Когда Аран и Mag перешли мост, тело дракона исчезло в раковине, и снаружи виднелась только его голова. Аран сразу бросился вперед. Он решил без крайней нужды не обращаться в волка. Может статься, чародей не знает, что Аран — оборотень. Ворота они пройдут наверняка, лучше оставить клыки на потом. А пока Аран обнажил меч.

Из пасти дракона вырвалось пламя, но Аран остался невредим от драконова пламени.

Однако сквозь пламя он ничего не видел. Клыки дракона внезапно сомкнулись на его плече, а тело неправдоподобно вытянулось. Аран вскрикнул, его меч отскочил от металлических чешуй, но неожиданно дракон оставил Арана. Челюсти чудовища клацнули в тщетной попытке схватить Maga, а тот отпрыгнул назад, смеясь и размахивая руками.

Но он же безоружен! Дракон был мертв: его тонкая шея разрублена чуть ниже края защищающей голову брони. Маг вытер свое оружие о штаны и убрал его.

Аран, глядя на него, вдруг почувствовал приступ тошноты. Маг рассмеялся.

— Вот видишь, какой прок от стеклянного кинжала? Забавно, но если ты Маг, то все ждут от тебя магических действий.

— Но, но...

— А это всего лишь кинжал из стекла. В нем нет ничего магического, никаких заклинаний, поэтому чародею не удалось его обнаружить. Мой приятель два дня назад спрятал кинжал в пруду. Стекло, если оно достаточно прозрачно, почти не видно для таких глупцов, как наш чародей.

— Извини, я просто растерялся. Да и не люблю я стеклянные кинжалы. Итак, что мы делаем дальше?

Тело и раковина улитки-дракона по-прежнему загораживали проход к воротам.

— Если мы попытаемся протиснуться между стенами и драконом, то почти наверняка попадем в ловушку. Давай перелезем прямо по нему.

— Тогда вперед! — воскликнул Аран.

— Да, вперед. Только помни, что он может оказаться где угодно.

Маг разбежался и быстро вскарабкался по раковине дракона. Аран старался не отставать. «В его святилище», — сказал дракон. И эти слова запали Арану в душу. Карабкаясь по гигантской раковине, он представлял себе, как Холмоторв надежно укрылся в подземелье, в башне или в одном из укромных уголков огромного замка. Аран и Маг будут с боем прокладывать себе дорогу через все препятствия, которые выдумает их враг, а он сам из тайника станет сделять за ними, испытывая их силу.

Арану вновь вспомнились ужасные легенды о битвах чародеев... Он был страшно голоден. И это наполняло его такой силой, могуществом, какие он не испытывал многие годы. Ноги стремительно несли тело, которое вдруг стало легким, как пушинка. И в тот момент, когда он достиг вершины раковины, Маг, стоявший уже там, вдруг в ужасе отпрянул.

В следующую секунду Аран увидел причину этого испуга. По деревянному настилу моста к ним приближалась толпа вооруженных, облаченных в доспехи скелетов. Аран вскрикнул и выхватил меч. Но как можно убить скелет?

Маг прокричал какие-то странные слова на языке Гильдии. Скелеты жутко взмыли. Будто смерч подхватил их, поднял и швырнул вперед. Они таяли на глазах, рассыпались подобно дыму на ветру. Обернувшись, Аран увидел, как остатки этого «дыма» исчезают в спине Мага.

Маг стоял к нему спиной и что-то бормотал скороговоркой. Аран огляделся. Тут-то он и увидел Чародея — тот появился на дальнем конце двора и, размахивая руками, выкрикивал какие-то заклинания.

Через мгновение Маг закончил свои заклятия. Аран обернулся, чтобы предупредить его, но было уже поздно. Маг мгновенно состарился, кожа обтянула кости. На лице его застыло недоумение, изо рта посыпались камешки, да нет, не камешки, а чернеющие на глазах зубы, глаза закрылись, и он начал медленно оседать.

Аран подхватил его (ощущение было такое, словно он держал мешок с костями) и осторожно уложил на широкой спине улитки-дракона. Дыхание Мага походило скорее на сдавленный хрип — жить ему осталось недолго.

— Аран-торговец! — раздался голос.

— Что ты с ним сделал? — Аран выпрямился и посмотрел вниз на Холмотвора. Тот был одет в темное платье, сандалии и остроконечную шляпу. На перевязи, свисающей с плеча, висел огромный, сдва не до самой земли меч в ножнах.

— Именно об этом и я хотел поговорить с тобой. Я открыл заклинание, которое действует подобно Магическому Кругу. Но только непосредственно, направленно. Ясно?

— Я тебя понимаю.

— Если говорить яснее, я лишил его магической силы, и это мгновенно сделало его двухсотдвадцатишестилетним старцем. Думаю, теперь я победил. Но осталось решить, оставлять в живых тебя или нет. Ты представляешь, что с тобой сделают мои заклинания?

— И все же расскажи, — попросил Аран, хотя сам все прекрасно знал. — Только сначала скажи, откуда ты узнал о моей беде?

— Это очень просто. Я спрашивал о тебе у разных чародеев, после того как понял, что ты мой враг. Ты, должно быть, обращался ко многим колдунам в надежде, что кто-нибудь из них сумеет вынуть злополучный кинжал из твоего сердца.

— Их было около дюжины. Да что толку-то! Так что же?

— Живи с миром. Иди, и никогда не возвращайся сюда.

— Позволь мне забрать с собой Мага.

— Он мой враг.

— Он мой друг. Я не могу бросить его здесь.

— Бери, так и быть.

Аран шел сгорбившись. Ему сорок восемь лет, а горечь поражения словно выжгла из души и тела все силы, всю магическую мощь, наполнявшую его перед боем. Однако Маг, даже превратившийся в высохшего старичка, хрюпавшего от изнеможения, был не так уж легок. Аран раздумывал, как бы стащить хрупкое и беспомощное тело вниз.

И тут Холмтвр запел! Аран оглянулся и увидел лишь последнее движение. В следующее мгновение заклятие пало на него. На секунду Арану показалось, будто он вновь видит стеклянный кинжал, торчащий из груди. И тут же боль пронзила его! Словно внутри лопнули миллионы туго натянутых струн, шея стала выгибаться, череп сплющиваться, ноги вытянулись, глаза потеряли цветное видение, нос стал расти, а губы растянулись, открывая оскол клыков.

Никогда еще перевоплощение не происходило с ним так быстро, никогда не было таким полным. Сознание Арана затуманилось. Настоящий волк неуклюже скатился с огромной раковины дракона во внутренний двор замка. Он подскочил и, перекувырнувшись, встал на лапы и зарычал. Потом, напружинившись, направился к чародею.

Холмтвр был поражен не меньше самого Арана. Он начал торопливо произносить слова обратного заклинания и говорил все быстрее и быстрее.

Аран был уже на расстоянии одного прыжка, когда чародей закончил заклинание. Но на этот раз оно не подействовало. А Холмтвр не успел отскочить вовремя: волк прыгнул, и челюсти его сомкнулись на горле врага.

И вновь кошмар... То, что происходило раньше, скорее походило теперь на сладкую дрему.

Холмтвр должен был умереть сразу: из разорванной сонной артерии фонтаном хлестала кровь, из горла вырывались леденящие душу булькающие звуки, но... Чародей выхватил меч и кинулся в бой.

Волк снова бросился вперед и, рванув противника клыками, отскочил с воем: меч Холмтвра пронзил его сердце. Но рана мгновенно затянулась, чему Аран даже не удивился. Он отступил и снова прыгнул. И опять меч чародея пронзил его. Аран отскочил на безопасное расстояние...

Это продолжалось снова и снова. Кровь из ран чародея уже не текла, ее просто не осталось, но сам он был жив и продолжал сражаться. Аран нападал, стараясь увернуться от ответного удара, но каждый раз меч настигал его. И после каждого прыжка в пасти волка оставался кусок плоти Холмтвра.

Он должен победить! Ничего иного ему не остается! Раны волка мгновенно затягивались, раны чародея оставались и их становилось все больше. Аран обдирал мясо с костей чародея. Он ни о чем не думал. Им двигало лишь звериное чутье. Снова и снова наскакивал Аран на Холмтвра, загоняя его на скользкие гладкие плиты, туда, где было уже пролито около пяти кварт крови. Четыре лапы волка надежнее двух человеческих ног. То же звериное чутье подсказывало Арану, что чародея надо отрезать от замка, не дать

ему уйти из дворика. А тот так хотел этого! Видно, где-то в замке у чародея запрятано лечебное снадобье или колдовствское зелье. Но Аран не даст врагу уйти!

Должно быть, чародей что-то сделал с собой, что не давало ему возможность умереть. Может быть, он и сам уже пожалел об этом. Аран-волк безжалостно терзал его. Холмтвр опустился на колени, ноги его были ободраны до костей волчьими зубами. А Аран подходил все ближе и ближе, сужая круги и выдерживая разящие удары чародея.

Кошмар! Но Аран-Миротворец ошибался.

Если Аран — торговец коврами — мог так неистово биться, обдирая живую плоть с умирающего и принимая удары меча, если он мог так сражаться за кого-то, за нечто...

Значит, ни исчезновение магии в мире, ни что-либо другое не в силах заставить людей прекратить войны. Они будут сражаться камнями и мечами, всем, что найдут и изобретут, будут сражаться, пока на земле существует род человеческий.

Темная пелена в голове Арана вдруг исчезла, должно быть, это вызвано очередным ударом меча. Мана, заключенная в острие, заменила ту, что вытянуло из Арана страшное заклятие Холмтвора.

Аран неожиданно понял, что меч сражается сам по себе.

От Холмтвора осталась лишь груда костей с лохмотьями окровавленной плоти. Возможно, он не был мертв, но двигаться не мог. Меч двигался сам по себе, будто привязанный к ободранной до самых костей руке колдуна, держа Арана на расстоянии.

Аран скользнул мимо меча, схватил рукоять зубами и вырвал оружие из обрубка руки, в котором еще сохранилась жизнь и сила. Рука дернулась, стараясь удержать меч, но сил уже не было...

Аран должен был снова принять человеческий облик, чтобы взобраться на раковину дракона. Маг был еще жив, но дыхание его походило скорее на слабое дуновение ветра. Аран положил меч Чародея поперек тела Мага и стал ждать.

Маг молодел на глазах. Он выглядел старше, чем раньше, но уже не умирал. Когда он стал походить на семидесятилетнего старика, глаза его открылись.

— Что здесь произошло?

— Ты пропустил великолепное зрелище, — устало ответил Аран.

— Я знаю, ты одолел его. Прости. Прошло тридцать лет с тех пор, как я победил Глинедри. Кто-то должен вмешаться, если какой-нибудь чародей попытается изготовить Магический Круг или его подобие.

— Он испытал это подобие на мне.

— Любопытно. — Маг оживился. — Я полагаю, ты поинтересовался у Холмтвора, как избавиться от моего кинжала?

— На мгновение это пришло мне в голову. А теперь я спрашиваю у тебя, где он и что с ним делать?

— Стеклянный кинжал в ножнах на моем поясе. Неужели ты мог поверить, будто я оставил его в твоей груди? Я же говорил тебе: я видел вещий сон, что он мне понадобится. Поэтому я и оставил его у себя и уверен...

— Но он же был в моем сердце! — воскликнул Аран.

— Только созданный мной образ. Я сотворил его, вогнал в твое сердце и потом растворил.

Руки Арана непроизвольно потянулись к шее Мага.

— И ты, сын грязной обезьяны, ты заставил меня все эти тридцать лет верить в то, что кинжал в моем сердце!

— Вспомни, ты пришел в мой дом незваным гостем, — напомнил Маг, — вором!

Аран-купец в эту минуту осознал, что его собственное отношение к ворам не лучше и с горечью произнес:

— Ну конечно, маленькая шутка волшебника... Неудивительно, что никто не мог вытащить. Ну да это — в прошлом. Только скажи, почему заклинания Холмтвора обратили меня в волка?

Маг резко, но осторожно сел.

— Что-о?!

— Он взмахнул руками, вытянул из меня всю Ману, и я тут же превратился в волка. Пропал даже мой человеческий разум. Возможно, я потерял и свою неуязвимость. И если бы он использовал не заговоренный, а самый обыкновенный меч, сейчас бы я был изрублен на куски.

— Не понимаю! Ты должен был навсегда остаться человеком. Твой облик не должен так меняться. Если только...

Единственно возможный ответ буквально ошеломил Мага. Его и без того бледные щеки побелели еще больше.

— Боюсь, тебе это не доставит радости, — медленно произнес он. Аран, впрочем, и сам догадывался об этом по лицу Мага: кроме усталости и следов семидесяти прожитых лет на нем ясно читалось сострадание.

— Продолжай, — почти шепотом попросил Аран.

— Магический Круг — достаточно новое изобретение, и все мертвые пятна — лишенные Маны — появились совсем недавно. Положение в мире постоянно меняется. Люди привыкли, что волк-оборотень — это человек, способный по собственному желанию принимать облик огромного волка, сохраняя человеческий разум. Общеизвестно также, что для превращения необходим лунный свет. Но, до сих пор никто не задумывался, кто же оборотень изначально — человек или волк? Я и сам только сейчас все понял.

— Ты хочешь сказать, что изначально я — волк?

— Без магии — безусловно.

— Впрочем, какая мне разница? Большую часть жизни я провел в облике человека. Я, право, не вижу разницы... О!

- Ты прав. Разниши нет, если бы у тебя не было детей!
- У меня их восемь! И у них тоже будут дети. И однажды, когда Мана исчезнет повсюду... Что будет тогда?!
- Ты сам можешь догадаться.
- Да, уже догадался: они станут дикими собаками на веки вечные.
- И никто, ничего и никогда не сможет изменить.
- Нет, сможет! — вскричал Аран. — Я вернусь в Ринилдиссен и клянусь: ни один чародей не переступит его границ!
- Аран во весь рост встал на вершине раковины и громко прокричал:
- Слышишь меня, Mag! Это место закрыто для тебя навсегда! Оно закрыто для чародеев и магии! Мы сделаем все, чтобы спасти и сохранить Ману для себя, морских обитателей и драконов.

Может быть, ему и удалось задуманное. Кто знает... С тех пор прошло четырнадцать тысяч лет. До сих пор там, где когда-то стоял Ринилдиссен, бытуют легенды о волках-оборотнях, вервольфах. Но ни в одной из многочисленных легенд нет даже упоминания о чародеях и магах.

СОДЕРЖАНИЕ

Эдмон Гамильтон
Возвращение на звезды

5

Урсула ле Гuin
Самый дальний берег

157

Сарбан
Звук его рога

283

Ларри Нивен
Полет Лошади

375

**В 1992 ГОДУ В ИЗДАТЕЛЬСТВЕ
«ЗМЕЙ ГОРЫНЫЧ»
ОПУБЛИКОВАНЫ СЛЕДУЮЩИЕ КНИГИ:**

Серия «жемчужины авантюрного романа»

| | |
|-------------------|--------------------|
| Хэролд Роббинс | «Парк-Авеню,79» |
| Хэролд Роббинс | «Наследники» |
| Хэролд Роббинс | «Одинокая женщина» |
| Хэролд Роббинс | «Пират» |
| Эдвард Айронс | «Женщина с Мальты» |
| Дональд Гамильтон | «Интиганы» |
| Льюис Лямур | «Дорога на Север» |

Сборники фантастики

«Феникс в обсидиане»

Англо-американская фантастика, том 1

Англо-американская фантастика, том 2

Англо-американская фантастика, том 3

Англо-американская фантастика

Том 4

Перевод с английского

Составитель – Ю. Никитин
Организация производства – О. Никитин
Исполнительный директор – Л. Шишикина
Технический редактор – Н. Богданова
Художник – А. Абрамкин
Корректоры – Л. Неверова и Ж. Борисова

Сдано в набор 14.10.92. Подписано в печать 11.11.92. Формат 60×90/16.
Печ. л. 31. Усл. печ. л. 31. Усл. кр.-отт. 39. Печать офсетная.
Гарнитура «Таймс». Бумага офсетная. Тираж 100 000 экз. Зак. 2-306.

Издательство «Змей Горыныч»,
Москва, Подсосенский пер., 8-42. Тел. 297-96-02.
Оригинал-макет подготовлен в компьютерном центре ИПФ
«Змей Горыныч»
Харьковская книжная фабрика «Гlobus»,
310012, Харьков, Энгельса, 11.



